

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

X Международные Лихачевские научные чтения 13–14 мая 2010 года

Том 2. МАТЕРИАЛЫ

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — Восемнадцатые по счету и Десятые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

Санкт-Петербург
2010

Научный редактор материалов пленарного заседания

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

Научные редакторы материалов секций:

1-я секция — **А. В. Яковенко**, заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол

2-я секция — **А. А. Гусейнов**, академик РАН, директор Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор

3-я секция — **Д. В. Лобок**, заведующий лабораторией по анализу и прогнозу профсоюзного движения СПбГУП, доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат исторических наук

4-я секция — **Л. А. Пасешникова**, первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета

5-я секция — **В. К. Мамонтов**, президент ОАО «Редакция газеты “Известия”»;

Г. М. Бирженюк, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

6-я секция — **О. Т. Богомолов**, академик РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор

7, 8-я секции — **Г. М. Бирженюк**, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

9-я секция — **Е. П. Ефимова**, директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 18 от 02.07.10

Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление гло-
Д44 бальной культуры : X Международные Лихачевские научные чте-
ния, 13–14 мая 2010 г. Т. 2 : Материалы. — СПб. : СПбГУП, 2010. —
214 с., ил.

ISBN 978-5-7621-0571-2

В сборнике опубликованы материалы дискуссий пленарного и девяти секционных заседаний X Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 13–14 мая 2010 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

Среди участников Чтений — выдающиеся отечественные и зарубежные ученые, академики и члены-корреспонденты Российской академии наук и Российской академии образования: О. Т. Богомолов, А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, В. С. Степин, Ж. Т. Тощенко, А. С. Запесоцкий, Н. Д. Никандров (президент РАО) и другие, руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, известные политики, государственные и общественные деятели, представители творческой интеллигенции: писатель Д. А. Гранин, председатель ЦИК России В. Е. Чуров, председатель ФНИПР М. В. Шамаков, заместитель министра культуры РФ А. А. Голутва, заместитель министра иностранных дел РФ А. В. Яковенко, председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО Э. В. Митрофанова и многие другие. В сборнике опубликованы выступления видных историков, правоведов, экономистов, дипломатов из разных стран мира; среди иностранных гостей Чтений — член Европейской, Шведской и Норвежской академий Рольф Торштендаль, французский славист Ренэ Герра, директор Люксембургского института европейских и международных исследований Арманд Клесс и др.

Выступления участников X Лихачевских чтений посвящены актуальным проблемам современности: путям становления глобальной культуры, тенденциям развития мировой экономики, глобализации образования и трудовых отношений, международному праву и современным средствам массовой информации.

Отдельным изданием ранее вышел сборник 234 докладов участников Чтений.

Роль Чтений высоко оценил Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, отметив, что их научные результаты и «рекомендации будут востребованы на практике и послужат реализации перспективных международных проектов в гуманитарной сфере».

ББК 72

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

**ПРИВЕТСТВИЯ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

**Организаторам, участникам и гостям
IX Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые друзья!

Приветствую вас в Санкт-Петербурге по случаю открытия IX Международных Лихачевских научных чтений. Желаю всем их участникам интересного и плодотворного общения и успехов.

Ваш авторитетный форум, собравший представителей мировой интеллигенции, — это всегда событие. Его содержательные дискуссии и доклады, посвященные роли культуры и гуманитарного знания в жизни современного человека, партнерству цивилизаций, и многие другие вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс.

Важная примета нынешних Чтений — это появление специальной программы мероприятий для юношества «Лихачевский форум старшеклассников России». И нет сомнения, что для нравственного воспитания подрастающих поколений крайне важно обращение к фундаментальным трудам и научному наследию академика Лихачева, чьи гуманистические идеи имеют непреходящее значение.

Уверен, что подготовленные в ходе встречи рекомендации будут востребованы на практике и послужат реализации перспективных международных проектов в гуманитарной сфере.

Желаю участникам и гостям Чтений всего самого доброго!

Президент Российской Федерации
Д. А. МЕДВЕДЕВ
13 мая 2009 года

**Участникам и гостям
X Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием Десятых, юбилейных, Лихачевских чтений.

Ваш форум традиционно собирает представителей научной интеллигенции и деятелей искусства, известных политиков и экспертов из России и других стран.

В этом году Лихачевские чтения посвящены одной из ключевых проблем современности — становлению глобальной культуры и сохранению национальной идентичности. Сегодня, при всем сближении и взаимопроникновении культур, важно сохранять самобытные традиции, языки, уклад и духовно-нравственные ценности народов — как основу культурного многообразия мира в эпоху глобализации. Желаю вам интересных дискуссий и плодотворного общения, а старшеклассникам, участвующим в конкурсе «Идеи Д. С. Лихачева и современность», — удачи и новых успехов.

Президент Российской Федерации
Д. А. МЕДВЕДЕВ
12 мая 2010 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

20 мая 2004 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

22 мая 2008 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге, на юбилейных, X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и международного общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей — ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции — всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

11 мая 2010 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ X МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Участникам и гостям X Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляю вас с началом работы замечательного научного форума!

В Петербурге в эти дни на Лихачевские чтения собрался весь цвет отечественной науки и культуры, в работе принимают участие известные ученые, педагоги, политики из разных стран мира. Это событие чрезвычайно радует — и тем, что связано с именем глубоко почитаемого мною Дмитрия Сергеевича Лихачева, и тем, что проходит в стенах моего любимого Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Именно здесь полтора десятилетия назад академик Лихачев с группой своих коллег — университетских ученых — создал исторический документ — Декларацию прав культуры. И сегодня разговор на Чтениях идет в защиту культуры, в защиту различных национальных культур. Нельзя делить людей, этносы, культуры на первосортные и второсортные. Все культуры и все народы в этом мире равноценны. Чтения задают тон толерантности, нравственному осмыслению так называемых глобальных проблем.

Верю, что дискуссии на Чтениях будут интересными и полезными. Искренне желаю всем участникам Чтений оптимистического настроения, прекрасного самочувствия, профессиональных свершений и долгих лет жизни!

Кинорежиссер, народный артист СССР, почетный доктор СПбГУП
Э. А. РЯЗАНОВ

Участникам и гостям X Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые дамы и господа!

На мой взгляд, Международные Лихачевские научные чтения, ежегодно проходящие в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, стали одним из самых масштабных и резонансных мероприятий в календаре мировой научной и культурной элиты.

Я не знаю другого научного форума, проводимого в нашей стране, который собирал бы столь представительный, поистине звездный состав участников и исследовал бы столь разноплановые и непростые проблемы современного мира.

Мне особенно близки гуманистический пафос Лихачевских чтений, их социальная значимость, уважительное отношение к различным научным и общественным воззрениям.

Отрадно отметить, что из года в год на Чтениях обсуждаются вопросы, касающиеся развития современного искусства, рассматриваемые с различных точек зрения — культурологической, экономической, правовой.

Желаю участникам Чтений конструктивной работы, благополучия, успехов, счастья!

Художественный руководитель Санкт-Петербургского государственного академического Театра Балета, народный артист России, почетный доктор СПбГУП
Б. Я. ЭЙФМАН

Организаторам, участникам и гостям X Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые организаторы, участники и гости X Международных Лихачевских научных чтений!

Приветствую вас — ученых, политиков, деятелей культуры и искусства, представителей органов государственного управления, прибывших из разных городов, университетов и научных центров России и зарубежья для того, чтобы осмыслить целый ряд актуальных и сложных проблем.

Ваш представительный научный форум неизменно собирается в родном городе нашего выдающегося соотечественника академика Д. С. Лихачева и с успехом проходит в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Убежден, что интеграция науки и культуры, технического и гуманитарного знания позволяет взвешенно и конструктивно подойти к решению задач, стоящих перед Россией и мировым сообществом в XXI веке.

Надеюсь, что X Международные Лихачевские научные чтения внесут весомый вклад в реализацию духовного наследия Д. С. Лихачева, поиск адекватных ответов на вызовы современной эпохи, создание необходимой научной базы для дальнейшего поступательного развития нашей страны.

Желаю вам успешной работы на благо России и во имя расширения международного сотрудничества!

Председатель Государственной Думы Федерального собрания РФ
Б. В. ГРЫЗЛОВ

Оргкомитету X Международных Лихачевских научных чтений**Уважаемые коллеги!**

Рад приветствовать организаторов и участников X Международных Лихачевских научных чтений!

Проведение в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов научных чтений, носящих имя академика Лихачева, стало доброй традицией. Чтения, у истоков которых стоял сам Дмитрий Сергеевич, не только способствуют увековечению памяти выдающегося ученого, но и являются крупным научным и общественным событием.

Гуманитарный и культурный контекст обсуждения широкого круга универсальных проблем современности, характерный для Чтений, неизменно является залогом их успеха. Расширяющийся из года в год масштаб Чтений, участие в них отечественных и зарубежных ученых, политиков, деятелей культуры и искусства свидетельствуют о постоянном росте их потенциала в решении теоретических и практических задач.

Желаю всем участникам плодотворной работы, интересного общения и творческих успехов!

Министр образования и науки Российской Федерации
А. А. ФУРСЕНКО

**Председателю Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции,
председателю Оргкомитета X Международных Лихачевских научных чтений,
академику А. С. Запесоцкому****Уважаемый Александр Сергеевич!**

От имени Министерства культуры Российской Федерации поздравляю Вас, а также организаторов, участников и гостей с началом работы X Международных Лихачевских научных чтений.

Имя академика Лихачева неразрывно связано с историей и культурой Санкт-Петербурга. Сегодня мы отчетливо понимаем, что культура России была бы иной, не будь в ее судьбе выдающегося мыслителя, исследователя и деятеля культуры, коим был Д. С. Лихачев. Дмитрий Сергеевич неустанно утверждал в общественном сознании приоритет культуры как высшей ценности, как смысла существования личности, народа, государства. Он верил в первичность и, в определенном смысле, материальность Слова и доказывал правоту этой веры всей своей жизнью и деятельностью. Мы обязаны ему спасением многих памятников культуры.

Ваш форум — замечательное продолжение его Дела, весомый вклад в отечественную культуру и науку, дань уважения выдающемуся российскому ученому, свидетельство ценности и перспективности его гуманистических идей, уже прочно устоявшаяся традиция ежегодного обращения к ставшему символическим образу Гражданина и Ученого.

Не менее важно, что ваши Чтения — это реальный вклад в развитие диалога культур и партнерства цивилизаций.

Желаю всем участникам Чтений плодотворной работы, интересных встреч и всего самого доброго.

Министр культуры Российской Федерации
А. А. АВДЕЕВ
12 мая 2010 г.

**Председателю Оргкомитета Чтений, академику А. С. Запесоцкому,
участникам и гостям X Международных Лихачевских научных чтений****Уважаемые участники и гости Чтений!**

От души поздравляю вас с началом ставшего уже традиционным уникального научного форума на берегах Невы!

Ваши Чтения проходят в десятый раз, это уже — юбилей, особо значимый в период, когда страна интенсивно ищет инновационные пути своей дальнейшей модернизации. В этом плане роль Международных Лихачевских научных чтений трудно переоценить. Тематика пленарного заседания и секций нынешних Чтений точно отражает актуальнейшие проблемы нашего развития. Обсуждение этих проблем участниками Чтений несомненно послужит их решению.

Для нашего Министерства особенно важно внедрение выводов и рекомендаций Чтений в отношении дальнейшего развития диалога культур в деятельность созданного в прошлом году в СПбГУП по поручению Председателя Правительства РФ В. В. Путина факультета конфликтологии.

Надеюсь на укрепление сотрудничества Министерства с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов, которое плодотворно развивается в последние годы. Желаю успехов всем участникам Чтений, новых научных достижений!

Министр здравоохранения и социального развития Российской Федерации
Т. А. ГОЛИКОВА

**Организаторам, участникам и гостям
X Международных Лихачевских научных чтений**

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей X Международных Лихачевских научных чтений.

В течение многих лет Лихачевские чтения являются уникальной дискуссионной «площадкой» для обмена мнениями по фундаментальным проблемам глобального общества, обсуждения основных тенденций в сфере культуры, образования, гуманитарных наук, а также внешней политики. В них принимают участие видные представители интеллектуальной элиты многих стран мира.

Сегодня мир стоит перед необходимостью солидарных усилий всех без исключения ответственных членов международного сообщества в поиске эффективных ответов на общие глобальные вызовы и угрозы. Позитивная, объединительная повестка дня, утверждающаяся в международных отношениях, обуславливает приоритетную важность их гармонизации на основе сближения и взаимопроникновения различных экономик и культур.

Российская Федерация активно содействует развитию всестороннего межкультурного и межцивилизационного диалога. В основе нашей линии — многовековой опыт мирного сосуществования различных конфессий и культурных традиций. Для нас очевидна необходимость совмещения подходов к актуальным международным проблемам с базовыми духовно-нравственными ценностями.

Уверен, что результаты ваших дискуссий внесут свой вклад в усилия по выработке согласованных подходов к решению актуальных проблем современности.

Желаю вам успешной, плодотворной работы и всего самого доброго.

Министр иностранных дел Российской Федерации

С. В. ЛАВРОВ

12 мая 2010 г.

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, А. Г. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, Р. С. Гринберг, А. А. Гусейнов, Т. И. Заславская, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. А. Мартынов, Н. Н. Моисеев, А. Д. Некипелов, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, С. Л. Катанандов, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусств: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшекласников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшекласников «Лихачевские уроки в Петербурге».

Четырежды — в 2001, 2004, 2006 и 2009 годах — организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации Д. А. Медведев и В. В. Путин, в 2008 году — Председатель Правительства РФ В. В. Путин.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	4
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	5
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ X МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	7
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	10
Пленарное заседание. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	18
УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:	
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , <i>председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, заслуженный деятель науки РФ</i>	19
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ , <i>председатель Конгресса петербургской интеллигенции, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор</i>	20
В. С. СТЕПИН , <i>академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва), руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор</i>	21
Н. Д. НИКАНДРОВ , <i>президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор</i>	23
А. В. ЯКОВЕНКО , <i>заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол</i>	24
Е. И. МАКАРОВ , <i>помощник полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе</i>	25
А. А. ГОЛУТВА , <i>заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, заслуженный деятель искусств РФ</i>	25
А. А. ГУСЕЙНОВ , <i>академик РАН, директор Института философии РАН (Москва), заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП</i>	27
Д. А. ГРАНИН , <i>писатель, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП</i>	28
А. Ю. МАНИЛОВА , <i>вице-губернатор Санкт-Петербурга</i>	28
Ю. Н. СОЛОНИН , <i>декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой культурологии, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ</i>	29
В. БЕРГМАН , <i>заместитель Генерального секретаря Германской службы академических обменов (ДААД), профессор, доктор</i>	30
Э. В. МИТРОФАНОВА , <i>председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор экономических наук</i>	31
М. М. ДЖОШИ , <i>член парламента Республики Индия, доктор</i>	31
Х. А. МАРК , <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ</i>	32
В. Е. ЧУРОВ , <i>председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП</i>	33
М. В. ШМАКОВ , <i>председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП</i>	33
В. Л. МАКАРОВ , <i>академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва), доктор физико-математических наук, профессор</i>	35
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ , <i>член-корреспондент РАН, директор Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор</i>	35
Е. И. ПИВОВАР , <i>член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор</i>	36
А. ПЕРЕС БРАВО , <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в РФ</i>	37
Р. ГЕРРА , <i>заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук, президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции</i>	38
В. ГИГЕР , <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Швейцарской Конфедерации в РФ, доктор</i>	38
Р. ТОРШТЕНДАЛЬ , <i>член Европейской, Шведской и Норвежской академий, профессор Уппсальского университета (Швеция), иностранный член Уральского отделения РАН</i>	39
М. КЛЕСТИЛЬ-ЛЁФФЛЕР , <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Австрийской Республики в РФ, доктор филологии</i>	40
О. Т. БОГОМОЛОВ , <i>академик РАН, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления (Москва), доктор экономических наук, профессор</i>	40
М. Г. ДЕЛЯГИН , <i>директор Института проблем глобализации (Москва), доктор экономических наук, действительный государственный советник 2-го класса</i>	42

М. ШОЙЕР , директор секретариата «Альянса цивилизаций» Организации Объединенных Наций	43
В. К. МАМОНТОВ , президент ОАО «Редакция газеты “Известия”»	44
Г. Б. КЛЕЙНЕР , член-корреспондент РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор	45
А. КЛЕСС , директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор	46
А. Е. КИБРИК , член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий отделом лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	47
И. ПЕЧИ , доктор права Утрехтского университета (Нидерланды)	48

Секция 1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МИРОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

Г. АНАСТАСОПУЛОС , посол, Постоянный представитель Греческой Республики при ЮНЕСКО
Ф. А. АСАДУЛЛИН , руководитель Научно-общественного комитета Совета муфтиев России, член Общественной палаты РФ, кандидат филологических наук
Ж. де ГЛИНИАСТИ , Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики в РФ
В. М. ДАВЫДОВ , директор Института Латинской Америки РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор
М. М. ДЖОШИ , член парламента Республики Индия, доктор
П. ДУТКЕВИЧ , директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), профессор
Т. А. ЖДАНOK , депутат Европейского парламента (Латвия), доктор математики
М. ЭЛЬ ЗАХАБИ , Постоянный представитель Арабской Республики Египет при ЮНЕСКО
М. КАТАГУМ , посол, Постоянный представитель Федеративной Республики Нигерия при ЮНЕСКО
В. Б. КУВАЛДИН , заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор
М. Р. МАЖИДИ , посол, Постоянный представитель Исламской Республики Иран при ЮНЕСКО, доктор
Э. В. МИТРОФАНОВА , председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор экономических наук
К. МУСЯКОДЗИ , директор Центра азиатско-тихоокеанского партнерства Университета экономики и права (Япония), вице-ректор Университета ООН по региональным и международным исследованиям, профессор
В. В. НАУМКИН , директор Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор
Ф. ПЕТИТО , профессор Университета Суссекса (Великобритания), доктор
В. В. ПОПОВ , директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол
М. РАВА , посол, Постоянный представитель Эстонской Республики при ЮНЕСКО
Ж. РАДВАНЬИ , директор Центра франко-российских исследований (Москва), профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж), доктор географических наук
П. РЕЛЛЬ , президент Института консультирования по вопросам стратегии, политики, средств безопасности и экономики (Берлин), доктор философии
М. САНАИ , директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета (Иран), член Казахской академии общественных наук, профессор, доктор
О. СУЕБСИТХ , посол, Постоянный представитель Королевства Таиланд при ЮНЕСКО
М. ТЛИЛИ , основатель и директор Центра диалогов Нью-Йоркского университета
К. В. ШУВАЛОВ , посол по особым поручениям МИД РФ, специальный представитель МИД России по взаимодействию с «Альянсом цивилизаций», Чрезвычайный и Полномочный Посол
А. В. ЯКОВЕНКО , заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Т. ЯМАМОТО , посол, Постоянный представитель Японии при ЮНЕСКО
К. ЯО ЯО , посол, Постоянный представитель Республики Кот-д’Ивуар при ЮНЕСКО

Секция 2. ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: МНОГООБРАЗИЕ ОПЫТОВ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

П. АНЧЕВ , главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы» (Болгария)
Е. М. АСТАХОВ , профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Г. В. АТАМАНЧУК , главный научный сотрудник НИИ системного анализа Счетной палаты РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
К. Н. БРУТЕНЦ , вице-президент Российской внешнеполитической ассоциации, доктор исторических наук, профессор
А. А. ГЕЗАЛОВ оглы , старший научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, кандидат философских наук
Р. ГЕРРА , заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук, президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции

- Н. В. ГОЛИК**, заведующая кафедрой эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ**, академик РАН, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- О. А. ЖУКОВА**, профессор Столичной финансово-гуманитарной академии, доктор философских наук, кандидат культурологии
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ**, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- С. Н. ИКОННИКОВА**, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КОНЕВ**, заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Э. А. КУРУЛЕНКО**, ректор Самарской государственной академии культуры и искусств, доктор культурологии, профессор
- Н. И. ЛАПИН**, член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН, профессор Государственного университета управления (Москва), доктор философских наук, профессор
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ**, академик РАН, академик РАО, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии» (Москва), доктор философских наук, профессор
- А. П. МАРКОВ**, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ
- С. Т. МАХЛИНА**, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук
- А. Н. МОСЕЙКО**, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук, доцент
- Л. М. МОСОЛОВА**, заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- А. П. НАЗАРЕТЯН**, главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук
- Г. А. ПРАЗДНИКОВ**, заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук
- В. С. СТЕПИН**, академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва), руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор
- В. И. ТОЛКАЧЕВ**, ректор Международного института трудовых и социальных отношений (Минск, Республика Беларусь), кандидат исторических наук, доцент
- Ж. Т. ТОШЕНКО**, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор
- Н. А. ХРЕНОВ**, заместитель директора Государственного института искусствознания (Москва), доктор философских наук, профессор
- Ю. М. ШОР**, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук

Секция 3. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПОИСК РЕШЕНИЙ93

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

- М. М. АРТЮХИНА**, начальник Управления социального партнерства Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области», заслуженный экономист РФ
- Ю. В. АРУТЮНЯН**, член-корреспондент РАН, советник РАН, доктор исторических наук, профессор
- М. А. БЕНДЮКОВ**, заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор психологических наук, профессор
- З. И. ВОРОНКОВА**, председатель Северной территориальной профсоюзной организации Общероссийского профсоюза авиационных работников
- Е. Я. ДЕМИДОВА**, председатель Территориальной организации Санкт-Петербурга и Ленинградской области Российского профсоюза работников текстильной и легкой промышленности
- В. Г. ДЕРБИН**, председатель Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области»
- В. Ю. ЗОРИН**, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 2-го класса
- В. П. КАЛИНИН**, председатель Ленинградской (Санкт-Петербургской) областной организации профсоюза машиностроителей РФ
- В. Н. КУЗНЕЦОВ**, председатель Территориальной организации Санкт-Петербурга и Ленинградской области профсоюза работников народного образования и науки РФ, кандидат экономических наук, доцент
- Н. А. ЛЕОНТЬЕВА**, председатель Межрегионального профсоюза Санкт-Петербурга и Ленинградской области работников жилищно-коммунальных организаций и сферы обслуживания
- Д. В. ЛОБОК**, заведующий лабораторией по анализу и прогнозу профсоюзного движения СПбГУП, доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат исторических наук
- С. М. ПАНТЕЛЕЕВ**, председатель комитета Межрегионального профсоюза работников ОАО «Кировский завод»
- В. И. ПИЛИПЕНКО**, председатель Ленинградского областного комитета Российского профсоюза «Торговое Единство»

В. Д. РОЖКОВ, ректор Института дополнительного профессионального образования «АТОМПРОФ» (Санкт-Петербург), доктор экономических наук

А. П. ФЕДОРОВ, заместитель заведующего кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, кандидат технических наук, доцент

А. Ю. ШЕВЯКОВ, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор

Секция 4. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ108

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ

С. А. БОГОЛЮБОВ, заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. ВИТРУК, профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики

В. Г. ГРАФСКИЙ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор

Е. М. ДОРОВСКИХ, заместитель главного редактора «Журнала российского права», научный сотрудник сектора политологических исследований Института государства и права РАН (Москва), кандидат юридических наук

М. Б. КАСЕНОВА, профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ (Москва), кандидат юридических наук

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, член-корреспондент РАН, директор Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

А. Ю. МАЯКОВ, заместитель прокурора Санкт-Петербурга

А. А. МОИСЕЕВ, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ, руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем ДА МИД РФ, доктор юридических наук

Г. И. МУРОМЦЕВ, профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук

М. В. НЕМЫТИНА, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор

Л. А. ПАСЕШНИКОВА, первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета

И. ПЕЧИ, доктор права Утрехтского университета (Нидерланды)

И. Л. ЧЕСТНОВ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции

В. Е. ЧУРОВ, председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП

Секция 5. ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ КАК ФАКТОР МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ127

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

С. И. АЛЬПЕРИНА, обозреватель «Российской газеты»

Г. М. БИРЖЕНЮК, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

А. Е. ВАНДЕНКО, обозреватель журнала «Итоги»

А. А. ВАССЕРМАН, журналист, политический консультант

А. В. ГУЛЬЦЕВ, генеральный директор Европейского бюро Международной ассоциации писателей и публицистов в Париже

А. И. ЕВСЕЕВ, главный редактор газеты «Экономика и время», президент Ассоциации издателей Санкт-Петербурга и Северо-Запада, генеральный директор медиахолдинга РИА «Ленинград» — ООО «Пронто-Петербург»

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

М. Б. КАСЕНОВА, профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ (Москва), кандидат юридических наук

В. К. МАМОНТОВ, президент ОАО «Редакция газеты «Известия»»

Л. В. МАТВЕЕВА, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор МГИМО (Университет) МИД РФ и Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук

Д. В. МИНАЕВ, заведующий кафедрой экономики СПбГУП, доктор экономических наук, профессор

С. Г. МОРГУНОВА, директор редакции газеты «Известия—Санкт-Петербург»

И. Г. ПЕРЕСЕДОВ, директор информационных программ телеканала Russia.ru

Я. Л. СКВОРЦОВ, декан факультета международной журналистики МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат социологических наук

В. Е. ЧУРОВ, председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП

Э. ШНАЙДЕР, профессор политологии Зигенского университета (Германия), доктор
С. С. ЯРОШЕЦКИЙ, главный редактор журнала «Адреса Петербурга» и регионального выпуска «Парламентской газеты»,
 шеф-редактор регионального выпуска «Известия–Санкт-Петербург»

Секция 6. ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ150

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

О. Т. БОГОМОЛОВ, академик РАН, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН (Москва), заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления, доктор экономических наук, профессор

А. С. БОЛЬШАКОВ, заместитель декана экономического факультета по научной работе СПбГУП, доктор экономических наук, профессор

Ф. Б. ВЛАСОВ, профессор кафедры экономической теории и управления персоналом Орловского государственного технического университета, доктор экономических наук, доцент

Б. ВОЛЬФ, профессор Высшей школы экономики г. Людвигсхафена (Германия)

С. А. ДЯТЛОВ, профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук

А. И. ЕВДОКИМОВ, заведующий кафедрой международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор

Г. Б. КЛЕЙНЕР, член-корреспондент РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор

И. С. КОРОЛЕВ, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор

В. Л. МАКАРОВ, академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва), доктор физико-математических наук, профессор

В. И. МИХАЙЛОВ, профессор кафедры управления СПбГУП, доктор технических наук

М. С. МОТЫШИНА, декан экономического факультета СПбГУП, заведующая кафедрой управления, доктор экономических наук, профессор

И. Н. ПАНАРИН, декан вечернего отделения факультета международных отношений Дипломатической академии МИД РФ (Москва), доктор политических наук, профессор

Д. Е. СОРОКИН, член-корреспондент РАН, первый заместитель директора Института экономики РАН (Москва), заведующий кафедрой «Макроэкономическое регулирование» Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор экономических наук, профессор

Д. И. ТЕРЕЛАДЗЕ, преподаватель кафедры экономики СПбГУП

Г. Ф. ФЕЙГИН, профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

Секция 7. СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ К ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ163

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

В. Ю. АФИАНИ, директор Архива РАН, заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заместитель главного редактора журнала «Исторический архив», кандидат исторических наук

А. Г. ВАСИЛЬЕВ, заместитель директора по научной работе Российского института культурологии (Москва), кандидат исторических наук, доцент

Н. Ф. ВЫСОЦКАЯ, профессор Белорусского государственного университета (Минск), доктор искусствоведения

Л. Н. ГОНЧАРЕНКО, заведующий кафедрой истории и политологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор исторических наук, профессор

С. А. ЗАГРУБСКИЙ, доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук

К. Е. ИВАНОВ, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор философских наук

Е. А. КАЙСАРОВ, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент

Т. И. КОРОТКИНА, доцент кафедры социальной психологии СПбГУП

С. В. ЛАГУТИН, старший преподаватель кафедры истории СПбГУП

И. В. ПАЛАГУТА, профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук

Е. И. ПИВОВАР, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор

Р. ТОРШТЕНДАЛЬ, член Европейской, Шведской и Норвежской академий, профессор Уппсальского университета (Швеция), иностранный член Уральского отделения РАН

Р. А. УРИЦКАЯ, заведующая кафедрой истории СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент

Секция 8. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ178

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

В. И. АДИШЕВ, декан факультета музыки, заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

- Т. Н. БАЛОБАНОВА**, доцент кафедры педагогических технологий в профессиональном образовании Ленинградского областного института развития образования (Пушкин), кандидат педагогических наук
- В. С. БЕЗРУКОВА**, профессор кафедры социального менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор педагогических наук, профессор
- Г. А. БЕРУЛАВА**, член-корреспондент РАО, председатель Южного отделения РАО, директор Института образовательных технологий РАО, ректор Черноморской гуманитарной академии (Сочи), доктор психологических наук, профессор
- Е. В. БОНДАРЕВСКАЯ**, академик РАО, заведующая кафедрой педагогики Педагогического института Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ
- В. Н. ВАСИЛЬЕВ**, член-корреспондент РАО, председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Е. О. ГАЛИЦКИХ**, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ
- Ю. С. ДАВЫДОВ**, академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ**, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- И. А. ЗИМНЯЯ**, академик РАО, заведующая сектором Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Л. С. ИЛЮШИН**, профессор кафедры непрерывного филологического образования и образовательного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук
- И. А. КАРАЧЕВЦЕВ**, директор гимназии № 166 (Санкт-Петербург), заслуженный учитель РФ, почетный работник общего образования РФ
- А. Е. КИБРИК**, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий отделом лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Н. Н. КИРИЛЛОВА**, профессор кафедры французского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кафедры немецкого и романских языков СПбГУП, доктор филологических наук
- В. Н. КОЗЛОВ**, проректор по учебно-методическим объединениям (УМО) Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор технических наук, профессор
- О. Е. ЛЕБЕДЕВ**, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор
- С. В. ЛЕВКОВЕЦ**, учитель средней общеобразовательной школы № 658 (Санкт-Петербург)
- Ф. А. ЛЕЙКИНА**, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 367, методист кабинета словесности Научно-методического центра Фрунзенского района Санкт-Петербурга, заслуженный учитель РФ
- В. А. МОСОЛОВ**, профессор межфакультетской кафедры педагогики Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, кандидат философских наук
- В. С. МУХИНА**, академик РАО, заведующая кафедрой психологии развития Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Б. М. НЕМЕНСКИЙ**, академик РАО, академик Российской академии художеств, профессор, народный художник России
- Н. Д. НИКАНДРОВ**, президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
- А. М. НОВИКОВ**, академик РАО, руководитель Центра проблем непрерывного образования Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- А. А. ОВОДЕНКО**, ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- З. Н. ПОНОМАРЕВА**, доцент кафедры литературы и русского языка СПбГУП, кандидат филологических наук
- Ю. В. СЕНЬКО**, академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- В. Е. ТРИОДИН**, директор Института образования взрослых РАО (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ
- М. Н. ФРОЛОВСКАЯ**, доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат педагогических наук
- М. А. ХМЫРОВА**, директор Международной гимназии «Ольгино» (Санкт-Петербург)

Секция 9. ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Лихачевский форум старшеклассников России)

203

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

- Е. П. ЕФИМОВА**, директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ**, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- А. А. ЛИХАНОВ**, академик РАО, писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП
- А. БУРДУКОВА**, учащаяся 10-го класса средней общеобразовательной школы № 1353 (Зеленоград, Московская обл.)
- М. ГУСИНА**, учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 129 (Санкт-Петербург)
- А. ЕМЕЛЬЯНОВА**, учащаяся 10-го класса средней общеобразовательной школы (с. Новленское, Вологодская обл.)

Д. ИГОЛКИНА, учащаяся III курса Государственного колледжа сервисных технологий и дизайна (Самара)

А. КУВАЛДИНА, учащаяся 10-го класса средней общеобразовательной школы № 213 (Санкт-Петербург)

И. КУГАЙ, учащаяся III курса экономического колледжа (Калининград)

Д. ПАВЛОВА, учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы (пос. Сингапай, Тюменская обл.)

Е. ПОСКРЕБЫШЕВА, учащаяся 11-го класса экономико-правового лицея (Киров, Кировская обл.)

В. РЕПИНА, учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 40 (Череповец)

П. ТАПИЕНКО, учащаяся 11-го класса гимназии № 405 (Санкт-Петербург)

А. ТРОФИМОВ, учащийся 10-го класса гимназии № 56 (Санкт-Петербург)

В. ЯКОВЕНКО, учащаяся 10-го класса Международной гимназии «Ольгино» (Санкт-Петербург)

УЧАЩИЕСЯ РОССИЙСКИХ ШКОЛ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ212

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

13 мая 2010 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова, СПбГУП

Сопредседатели заседания:

- Д. А. ГРАНИН** писатель, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- М. Б. ПИОТРОВСКИЙ** председатель Конгресса петербургской интеллигенции, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор
- В. С. СТЕПИН** академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва), руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор
- А. В. ЯКОВЕНКО** заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол

Участники:

- В. БЕРГМАН** заместитель Генерального секретаря Германской службы академических обменов (ДААД), профессор, доктор
- О. Т. БОГОМОЛОВ** академик РАН, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления (Москва), доктор экономических наук, профессор
- Р. ГЕРРА** заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук, президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции
- В. ГИГЕР** Чрезвычайный и Полномочный Посол Швейцарской Конфедерации в РФ, доктор
- А. А. ГОЛУТВА** заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, заслуженный деятель искусств РФ
- А. А. ГУСЕЙНОВ** академик РАН, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- М. Г. ДЕЛЯГИН** директор Института проблем глобализации (Москва), доктор экономических наук, действительный государственный советник 2-го класса
- М. М. ДЖОШИ** член парламента Республики Индия, доктор
- А. Е. КИБРИК** член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий отделом лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. Б. КЛЕЙНЕР** член-корреспондент РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор
- А. КЛЕСС** директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор
- М. КЛЕСТИЛЬ-ЛЁФФЛЕР** Чрезвычайный и Полномочный Посол Австрийской Республики в РФ, доктор филологии
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ** член-корреспондент РАН, директор Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
- В. Л. МАКАРОВ** академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва), доктор физико-математических наук, профессор
- Е. И. МАКАРОВ** помощник полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе
- В. К. МАМОНТОВ** президент ОАО «Редакция газеты «Известия»»
- А. Ю. МАНИЛОВА** вице-губернатор Санкт-Петербурга

Х. А. МАРК	Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ
Э. В. МИТРОФАНОВА	председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор экономических наук
Н. Д. НИКАНДРОВ	президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
А. ПЕРЕС БРАВО	Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в РФ
И. ПЕЧИ	доктор права Утрехтского университета (Нидерланды)
Е. И. ПИВОВАР	член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор
Ю. Н. СОЛОНИН	декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой культурологии, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Р. ТОРШТЕНДАЛЬ	член Европейской, Шведской и Норвежской академий, профессор Уппсальского университета (Швеция), иностранный член Уральского отделения РАН
В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП
М. ШОЙЕР	директор секретариата «Альянса цивилизаций» Организации Объединенных Наций

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ¹: — От имени Оргкомитета хочу поприветствовать всех участников Чтений и пожелать нам всем успеха в работе. Я хотел бы отметить, что история Чтений началась здесь, в этом Университете в 1993 году по инициативе великого российско- и советского ученого-гуманитария Дмитрия Сергеевича Лихачева; до 2000 года наша конференция проходила под названием «Дни науки». Важно, что она традиционно приурочена к Дню славянской письменности и культуры, к 24 мая, когда мы вспоминаем выдающихся просветителей, основателей славянской письменности святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. После ухода из жизни академика Лихачева мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину с просьбой об издании указа об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича. И вот одно из решений, содержащихся в указе Владимира Владимировича в 2001 году, — присвоить Дням науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов статус Международных Лихачевских научных чтений.

С самого начала, с 1993 года, Дни науки проходят при активном участии Российской академии наук и Российской академии образования. В последние четы-

¹ Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга.

Автор свыше 1400 публикаций. Сценарист, режиссер, создатель более 30 научно-популярных фильмов и более 300 телепрограмм. Член редколлегии журналов «Педагогика», «Вопросы культурологии» и «Литературная учеба».

Лауреат премии Правительства РФ в области образования. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего и среднего профессионального образования. Лауреат Горьковской литературной премии. Кавалер Большой золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов. Почетный доктор университетов США, Ирландии и Украины. Заслуженный деятель науки России. Заслуженный артист России.

ре года Чтения организуются и при поддержке Министерства иностранных дел РФ. Мне представляется важным отметить также, что уже 4 года в программу Чтений входит Международный Лихачевский форум старшеклассников, так что завтра здесь, в Большом театральном зале, соберутся более 700 школьников, приехавших из разных городов страны, — это участники проводимого нами всероссийского конкурса школьных сочинений, посвященных научному и нравственному наследию Д. С. Лихачева. Таким образом, общий состав участников нашей конференции насчитывает около полутора тысяч человек, из них 50 — в ранге послов своих стран, в том числе свыше 20 послов разных стран в ЮНЕСКО. 234 человека из 50 стран представили доклады, которые были опубликованы в нашем сборнике. Среди участников Чтений — свыше 50 членов Российской академии наук и Российской академии образования, около 40 руководителей крупных научно-исследовательских центров со всего мира и свыше 30 ректоров ведущих российских университетов.

Большая работа предстоит всем нам завтра, когда состоится заседания 8 секций; каждая из них представляет собой по сути солидную конференцию по актуальным гуманитарным проблемам современности. На мой взгляд, мы можем гордиться тем, что идея Дмитрия Сергеевича Лихачева, родившаяся в конце 1992 года, приняла теперь столь широкий масштаб. Десятки, если не сотни материалов из наших сборников по итогам Чтений перепечатываются в российских научных журналах.

Я хотел бы особо поприветствовать присутствующих здесь представителей прессы, которые помогают нам освещать работу данного форума. Еще раз позвольте от имени Оргкомитета поблагодарить всех участников и пожелать успехов. Юбилейные X Международные Лихачевские научные чтения открывает председатель Конгресса петербургской интеллигенции Михаил Борисович Пиотровский. Прощу Вас.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ¹: — Глубокоуважаемые коллеги, для меня большая честь открывать очередные Чтения памяти академика Лихачева. Мы рады, что Чтения продолжаются и заветы Дмитрия Сергеевича напоминают нам о том, чего мы пока не сделали — а не сделали очень многого. В этом году мы возобновили встречи Конгресса петербургской интеллигенции, потому что почувствовали, что время немного изменилось и появилась потребность в интеллигенции, в ее особом подходе к происходящему в стране и мире.

Дмитрий Сергеевич оставил нам один очень важный завет, который мы все еще не смогли выполнить, — Декларацию прав культуры. Все мы знаем, что этот выдающийся документ продолжает великую русскую традицию, начатую Пактом Рериха. Декларация посвящена важнейшему вопросу — привилегиям культуры, ведь у культуры должны быть особые права, такие же, как и у других сфер деятельности. Но, к сожалению, она теряет свои привилегии, а последние законы их попросту ликвидируют. Происходит отчетливая и сознательная отмена особых прав учреждений культуры, а за ними и самой культуры. И 73-й закон об объектах культурного наследия, в который вносятся поправки, лоббируемые строительным комплексом и по существу ликвидирующие охранную археологию, и знаменитый 94-й закон о размещении заказов, который не учитывает особенностей учреждений культуры, и закон об автономных учреждениях — все эти законы имеют одну идеологическую цель: уничтожить конкурентные преимущества государственных учреждений культуры перед другими сферами деятельности, условно говоря, в культуре. Мы все знаем, что происходит, если нет определенных гарантий для культуры. В частности, театр превращается в шоу-бизнес. Между тем требуется всего лишь «вынести за скобки» ряд учреждений культуры. Вот мы и бьемся за то, чтобы во многих новых правилах было написано: «кроме музеев, архивов и библиотек», потому что вся инфраструктура культуры не услуги оказывает, а выполняет важнейшую государственную и национальную функцию по сохранению и развитию культурного наследия. Эта принципиальная разница и воплощена в Декларации прав культуры, и, думаю, мы должны добиваться того, чтобы она была понята.

Два слова, которые сейчас очень широко употребляются, — «модернизация» и «инновация». К счастью, они правильно отражают суть явлений. Но 80 % слов и терминов, ставших популярными в последнее время, — названия политических организаций вроде «Наши», или ракеты «Булава» — лингвистические ляпы. Булава не может летать!

Однако вернусь к прекрасным точным терминам: «модернизация» (иностранный термин с русским окончанием)

и «инновация» (русское слово). Понятно, что нам необходим прогресс технологий, но при этом мы не должны забывать о развитии гуманитарных знаний. Надо, чтобы у нас появилось и некое гуманитарное Сколково, — это принципиально важно, иначе никакая технология не обеспечит инноваций. На недавнем совместном президиуме Совета по культуре, Совета по науке и Госсовета в Истре президент говорил о том, что неизвестно, в каких сферах деятельности будут работать те, кто сегодня учится в начальных классах. Это касается примерно половины школьников. Мы просто еще не знаем о тех сферах производства, науки, культуры, которые будут существовать через одно-два десятилетия. Поэтому и не знаем, как готовить специалистов. А подготовить их можно только одним способом: развивать гуманитарную составляющую образования и воспитания. Ведь только культура может сформировать таких людей, которые будут воспринимать гениальные идеи и находить гениальные решения. Культура учит тому, что гении — это норма человеческой культуры и вокруг них должны быть различные инфраструктуры, которые опять же позволяют создать культуру.

Мы действительно вступаем в XXI век — век гуманитарного знания, когда арифметика уже не решает проблем даже в экономике, где сегодня многое зависит от озарения, вдохновения, эстетики и других подобных категорий. Поэтому невозможно переоценить значение культуры и диалога как механизма, работающего внутри нее, потому что сама по себе культура не существует. В этом и есть наша главная задача и завет, который оставил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Мы продолжаем обсуждать темы, которые он затрагивал. Хочется надеяться, кое-что у нас получается и в практической сфере, но еще явно недостаточно — именно потому, что вопросы стоят острые и мы должны рассматривать их в более широком ракурсе.

Тема моего доклада, представленного на нынешние Чтения, — «Мигранты как элемент диалога культур». Главный посыл доклада в том, что государство, общество, СМИ относятся к проблеме мигрантов — легальных и нелегальных, желанных и нежеланных — с немалой долей истерии. Включите телевизор, и вы в этом убедитесь. На самом деле это важная культурная проблема, человечество развивалось и развивается благодаря миграции людей. Есть удачные и неудачные примеры использования миграции. Но главное — сегодняшний мир стал глобальным и будет оставаться таковым благодаря миграции. Я очень рад сегодня видеть здесь большое количество людей, внесших огромный вклад в культуру. Это означает, что у нас есть сообщество, которое делает много хорошего и еще много сделает лучшего в будущем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, было запланировано, что мы будем открывать юбилейные Лихачевские чтения вместе с президентом Российской академии наук — Юрием Сергеевичем Осиповым. Но несколько дней назад было принято решение, что сегодня состоится Государственный совет по науке. Юрий Сергеевич должен там присутствовать. Поэтому руководство Российской академии наук сегодня представляет академик Вячеслав Семенович Степин.

¹ Председатель Конгресса петербургской интеллигенции, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор. Автор более 200 научных работ: «О мусульманском искусстве», «Исторические предания в Коране», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее Средневековье. Становление средневекового общества» и др.

Заместитель председателя Совета по культуре и искусству при Президенте РФ. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток», председатель попечительского совета Европейского университета в Петербурге.

В. С. СТЕПИН¹: — Сегодня мы обсуждаем проблему модернизации, инноваций и диалога культур в контексте глобального развития. Это многоплановая тема, в которой важно, на мой взгляд, выделить приоритетные позиции.

Современная глобализация выростала из процессов модернизации, которые начались достаточно давно. Они были связаны с заимствованием западных технологий традиционалистскими обществами. Вместе с технологиями заимствовались породившие их пласты западной культуры, которые трансплантировались на традиционалистскую почву. В связи с этим я обычно напоминаю высказывание Герцена относительно первой российской модернизации — Петровских реформ. Герцен писал, что на реформы Петра I Россия ответила своеобразно, она ответила на них более чем через сто лет гением Пушкина. Это действительно так. Встреча разных культур всегда приводит к инновационным всплескам и великим творениям.

Модернизации переводят традиционалистские общества на путь техногенного развития, сохраняя при этом фрагменты традиционалистской культуры и порождая проблемы их адаптации к новым ценностям. Так было в истории России, Японии, Китая. Эти же особенности можно зафиксировать в новейшей истории Индии, Бразилии и других стран, осуществляющих модернизационные процессы.

Когда мы говорим о современной глобализации, то речь идет о взаимодействии стран разного цивилизационного типа. Еще сохранились страны, где доминируют черты традиционалистского типа, есть общества, породившие техногенный тип развития (Запад) и далеко продвинувшиеся на этом пути, и есть страны, перешедшие на этот путь благодаря процессам модернизации (Россия, Япония, Китай, Индия, ряд стран Латинской Америки).

Техногенный тип цивилизационного развития сегодня определяет стратегию глобализации. Но нельзя упускать из вида, что именно он породил глобальные кризисы.

Процессы глобализации разворачиваются на фоне обострения этих кризисов. Выход из них требует новых стратегий развития. Это, в свою очередь, ставит вопрос о ценностях, которые лежат в основе современного типа развития и которые должны быть видоизменены.

Диалог культур в этой ситуации обретает своего рода сверхзадачу: поиска новых ценностных ориентиров, которые способствовали бы выходу из глобальных кризисов.

¹ Академик Российской академии наук, научный руководитель Института философии РАН, руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, заведующий кафедрой философской антропологии и наук о человеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных работ, в т. ч. 21 монографии: «Философская антропология и философия науки», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание», «Философия и универсалии культуры», «Новая философская энциклопедия» (в 4 т.), «Философия науки: общие проблемы» и др. Президент Российского философского общества. Член Совета по анализу критических ситуаций и проектов государственных решений при Правительстве Российской Федерации. Иностраннный член Национальных академий наук Белоруссии, Украины, почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный профессор Академии общественных наук КНР (Пекин), действительный член Международного института (академии) философии (Париж). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

Можно выделить два подхода к диалогу культур. Первый из них акцентирован на выявлении общего в различных культурных традициях. Предполагается, что наличие общечеловеческой компоненты обеспечит диалог культур. Но все дело в том, что общечеловеческое в разных культурах имеет свои особые интерпретации. Оно сплавлено с теми пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. И сама попытка отделить общее от особенного в культуре наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя как народ, этнос, социальную группу именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции.

Диалог культур в этом подходе предполагает границы взаимовлияния, где особенности каждой культуры должны быть признаны, и к ним необходимо уважительно относиться. Здесь создаются предпосылки взаимопонимания культур, но не просматриваются возможности изменения базисных ценностей, разделяющих культуры.

Во втором подходе к диалогу культур границы особенностей, определяющие самобытность культур, предстают как исторически изменяющиеся, а традиции — как переосмысливаемые. В этом случае анализ акцентирован на выявлении тенденций изменения традиций. И в связи с этим возникает вопрос о предпосылках формирования точек роста новых ценностей как условия преодоления глобальных кризисов.

В современных изменениях глобализирующегося мира ключевыми являются два взаимосвязанных процесса. Это научно-технологические инновации и экономика. Поэтому важно именно здесь выявить тенденции изменений базисных ценностей техногенной цивилизации.

Технологические инновации изменяют тип экономического уклада. В современную эпоху они определяются состоянием развивающейся науки. Главные направления научно-технологических исследований очерчены разработкой пакета конвергентных технологий (нанобиоинформационные и когнитивные технологии).

Объектами научных исследований, порождающих конвергентные технологии (нанонаука, генетика и генетическая инженерия, информатика и когнитология), являются сложные саморазвивающиеся системы. Эти системы в качестве компонентов включают человека и человеческую деятельность. Я обозначаю их как «человекоразмерные» системы. Деятельность с такими системами предполагает выявление сценариев развития системы и оценку их с точки зрения опасностей и меры риска для человека. Такая оценка осуществляется посредством социально-экологической экспертизы. Она включается в процедуру обоснования научных знаний. Возникает принципиально новая ситуация, когда внутреннего этоса науки уже недостаточно для реализации основных целей научного исследования (порождение объективно истинного знания и наращивание такого знания). Нужна дополнительная конкретизация принципов научного этоса через их соотнесение с гуманистическими ценностями. И этот дополнительный контроль не только не противоречит объективности науки, но становится условием такой объективности. Здесь происходит корректировка одной из основных ценностей техногенной культуры — идеала самооценности

технологических инноваций, что всегда противостояло традиционалистским культурам, где инновации контролировались традицией и допускались только в рамках традиции.

Было время, когда новоевропейская наука отторгала картины мира традиционалистских культур как противоречащие научному взгляду на мир. Но сегодня, когда на переднем крае науки стали доминировать исследования сложных исторически развивающихся систем, возникают новые ситуации.

Я обычно выделяю здесь три основных момента. Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, — это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно переплывать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человекообразные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при действии с такими системами не всегда является эффективной. При увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие — укол в определенном пространственно-временном локусе — способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «у-вэй», который полагал идеалом минимальное воздействие, осуществляемое в соответствии с пониманием и чувством ритмов мира.

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человекообразными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Принципиально иной подход был характерен для восточной культурной традиции. Там нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию над

ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Возникают новые аспекты функционирования науки как фактора современного диалога культур.

Проблемные ситуации, затрагивающие базисные ценности техногенной культуры, возникают сегодня и в сфере мировой экономики.

Во второй половине XX века в экономически развитых странах Запада возник особый вариант капитализма — общество потребления. Основной принцип экономики этого общества гласит: «Чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики». Потребление порождает спрос, спрос стимулирует новый виток экономического развития. Возникает система с обратной связью. Удовлетворение спроса порождает новый спрос, что обеспечивает рост экономики.

В середине XX века западные теоретики рынка, социологи и философы обосновывали этот принцип как выражение справедливости. Известная концепция Д. Роулза соотносила идею регуляции социально-экономического неравенства с повышением уровня потребления «низших страт» общества и возможностью подтягивать их до уровня среднего класса благодаря новому циклу наращивания общественного богатства.

Идеологами рынка были предложены механизмы повышения потребительского спроса. В. Лебов, один из исследователей и пропагандистов свободного рынка, еще в середине XX века писал, что необходима особая система человеческого сознания, направленная на повышение потребительского спроса. Наряду с расширением рекламы и в ее рамках нужно постоянно менять моду на вещи. В. Лебов полагал так изменить пропаганду рынка в СМИ, чтобы приучать людей потреблять, изнашивать и заменять вещи со все возрастающей быстротой. Это выгодно для экономики. Кстати, сегодня эта установка практически реализовалась. Многие производители товаров намеренно так упрощают технологии, чтобы товары быстрее изнашивались, и у потребителей был стимул покупать новые.

Понятно, что такая система экономики может развиваться только поглощая все большее количество природных ресурсов и увеличивая масштабы загрязнения окружающей среды.

Второй механизм повышения спроса связан с расширением практики дешевого кредитования. Это жизнь в рассрочку, в долг.

Во второй половине XX века широкие масштабы приобрело кредитование не отдельных лиц, а корпораций и стран. Расширяющийся обмен валют и биржевые спекуляции превратили деньги в особый товар. Возник посредник обмена этого нового товара — мировая валюта. Им стал доллар США. И тогда изготовление этого нового товара стало источником прибыли. На рынке появилась огромная денежная масса, не обеспеченная товарами и услугами. США, увеличивая эмиссию доллара и выпуск государственных бумаг, получили возможность кредитовать сами себя, постоянно наращивая уровень потребления. Возник феномен супердержавы, обладающей огромной военной мощью, которая живет в рассрочку. Долг США сегодня составляет больше 11 триллионов долларов. Тем не менее это государство продолжает политику увеличивающегося бюджетного

дефицита, наращивая расходы и обеспечивая рост потребления.

Но жить в долг — значит жить за счет будущих поколений. В результате принцип «Чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики» перестает быть справедливым. Как регулятор экономического развития, он был санкционирован логикой техногенной культуры. Однако сегодня этот принцип проблематизируется.

По существу он лежит в основе превращения финансовой сферы в особую экономику, жестко не связанную с производством товаров и услуг. Современный финансовый кризис порожден разделением этих двух сфер экономической жизни. И пока оно существует и углубляется, подобные кризисы будут повторяться.

Известный футуролог Э. Ласло в своей книге «Макросдвиг» (русское издание — М., 2004) рассматривает принцип «Чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики» как путь к экологической катастрофе. Он отмечает, что новые стратегии развития цивилизации должны быть связаны с отказом от этого принципа. Но тогда возникает новая проблема: каковы возможности столь радикальных перемен? Здесь нужен специальный анализ тех изменений в структуре современной экономики, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления и возможности новых энергосберегающих технологий. Важно отметить перспективы внедрения в производство нового дизайна. Согласно этому подходу вещь-товар проектируется как система, где есть долговременное качественное ядро и его оболочка из обновляющихся аксессуаров, которая изменяется в соответствии с изменяющейся модой. Такой подход может привести к серьезной экономии ресурсов.

Важно также проанализировать возможности изменения структуры финансового рынка на путях международного контроля за мировой валютой.

Конечно, все эти процессы, затрагивающие фундаментальные принципы организации современной экономики, будут воздействовать на культуру. И нужен специальный анализ того, какие перспективы открывает этот сценарий для интенсификации диалога культур.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Николаю Дмитриевичу Никандрову.

Н. Д. НИКАНДРОВ¹: — О глобализации уже написано столько, что, кажется, трудно что-либо добавить. Самые давние публикации относятся к Античности, поскольку уже тогда происходил культурный обмен. Но в середине XX века количественные изменения перешли в качественные, и сегодня именно этот период чаще всего связывают с реальным началом глобализации как процесса, который охватил всю планету и практически все сферы деятельности.

¹ Президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 300 научных работ, в т. ч. монографий: «Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий», «Воспитание ценностей: российский вариант», «Перспективы развития образования в России», «Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности»; учебных изданий: «Общие основы педагогики», «История педагогики», «Педагогика высшей школы», «Организация учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте», «Введение в специальность». Член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Лауреат премий Президента РФ и Правительства РФ в области образования.

Понятие глобализации ввел американский социолог и политолог Дэниел Белл. Он говорил о том, что идеология нужна, хотя одна из его книг была названа «Конец идеологии». Казалось бы, ученый сам себе противоречил, но если внимательно прочесть его работы, то понятно, что никаких противоречий нет. В те годы, когда появились понятия «глобализация», «идеологизация», «деидеологизация», я изучал различные иностранные языки. Для того чтобы слушать их в оригинале, я «ловил» множество «радиоголосов» — на английском, немецком, французском, итальянском, испанском языках. И хотя тогда меня не интересовали политико-идеологические вопросы, я был вполне нормальным советским патриотично настроенным человеком, я пришел к выводу, что нельзя говорить о едином агитпропе в мировом масштабе. Я никогда не верил в мировое правительство (не верю и сейчас), но как-то странно получалось, что не только многие аргументы, но и примеры, которые приводились в этих радиопередачах, часто совпадали. Оказалось, что независимо от того, какой стране принадлежал тот или иной «голос» и на каком языке он звучал, были определенные послы, которые во многом совпадали, когда они касались нашей страны.

Что это за послы? Первый: зло в мире преобладает над добром. Этот эффект достигается просто: превалированием негатива в информационном потоке, особенно в кратких новостях. Второй посыл: наш мир есть мир насилия — физического, военного, сексуального, психологического, а также противостояния и соперничества. И это естественно. Третий: сексуальный инстинкт действительно является основой всего. Норму доступности соответствующей информации определить трудно, но, по многим данным, мы сейчас в этой области впереди планеты всей. А также в том, как много из этой информации делается самых разных, отнюдь не сексуальных, выводов. Четвертый посыл: культ красивой жизни, богатства вообще и денег в частности естественно необходим. Воспитание разумных запросов — это коммунистическая блажь, а высшие духовные потребности возникают либо от скудости, либо от глупости. Пятый посыл: рынок правит миром, причем не только в экономике, но и во всех человеческих взаимоотношениях. Это очень важно — делались попытки перенести на все наше бытие законы одной области деятельности. Шестой: конкуренция и соревнование за выгоды и ресурсы естественны, взаимопомощь, а тем более альтуизм, — исключение, удел оригиналов и святых, основной лозунг «Бери от жизни все».

Седьмой посыл касался российской специфики. Об этом и сегодня говорят многие СМИ в России и, конечно, за рубежом: российские власти всех уровней не заботятся о народе, в высшей степени коррумпированы. Российская армия, милиция, вообще все органы правопорядка антинародны, жестоки и продажны. Гражданский патриотизм в России если и был возможен, например, во время Великой Отечественной войны, то теперь характер отношений народа и власти таков, что патриотизм не является реально возможным. Права и свободы человека в России не защищены и сознательно нарушаются властью и людьми по отношению друг к другу; это происходит чаще, чем в так называемых цивилизованных странах. Высшие иерархи православной церкви в России запятнали себя в прошлом

сотрудничеством с КГБ, а в последние годы — бессовестным использованием рыночных механизмов для получения прибыли, при этом государство односторонне поддерживает именно православную церковь. Уровень развития России крайне низок. Между странами СНГ имеются принципиальные противоречия. Российская власть неэффективна еще и потому, что раскола, имеется непреодолимое противоречие между центром и регионами, между ветвями власти, а также в тандеме Медведев–Путин.

Все эти идеи преподносятся умело, обычно следующим образом: «правда–правда–правда–неправда–правда». Лично я с большей их частью не согласен. Есть так называемое «молчаливое большинство», в общем спокойное и относительно довольное, и «шумное меньшинство», которое, однако, может навязать свое мнение большинству именно по этой причине.

Но тогда возникает вопрос: возможна ли действительно глобальная культура, чего нам ожидать в этой области? Я думаю, можно ожидать относительно мирного сосуществования в культурной сфере и в области человеческих взаимоотношений — отчасти в результате глобализации, интенсификации обмена и общения, а отчасти потому, что практически всем действительно стало ясно: если будет использован накопленный потенциал разрушения, то он сметет все. Выжить не удастся никому.

Таким образом, толерантность очень важна, и здесь у нас непочтатый край работы. Диалог культур возможен и безусловно необходим. В связи с этим хочется вспомнить остроумное замечание Бернарда Шоу: если у меня есть яблоко, у вас есть яблоко и мы ими обменяемся, то у каждого будет по одному яблоку; если же у вас есть идея и у меня есть идея и мы ими обменяемся, то у каждого станет по две идеи. Соответственно взаимообогащение культур возможно, но действительно глобальная культура — нет. Если тезис о глобальной культуре довести до логического конца, то мы приходим и к глобальному языку. Я очень люблю русский язык, неплохо знаю ряд других и полагаю, что имею основание говорить об этом. Так вот движение к единому языку не только невозможно, но и нежелательно, так же как и становление глобальной культуры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Николай Дмитриевич. Думаю, что многие захотят с Вами поспорить. А сейчас я предоставляю слово Александру Владимировичу Яковенко.

А. В. ЯКОВЕНКО¹: — Уважаемые участники Десятих, юбилейных, Лихачевских чтений!

¹ Заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате внешнеполитического планирования и в Постоянном представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке. В настоящее время курирует вопросы участия России в международных организациях, международно-правовой проблематики, международного экономического, гуманитарного сотрудничества, в том числе в области прав человека. Автор книг: «Международная космическая станция», «Прогрессивное развитие международного космического права», «Современные космические проекты: международно-правовые проблемы», «Альянс цивилизаций и мировая политика», «Международное космическое право», ряда статей по международному праву и внешней политике. Член Бюро Совета РАН по космосу, Международного института космического права (ISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж).

Прежде всего я хотел бы передать самые теплые приветствия от министра иностранных дел РФ Сергея Викторовича Лаврова.

Тематика Лихачевских чтений представляет интерес не только для российской внешней политики, но и для международных отношений в целом. Свидетельством тому является и то, что, помимо традиционной аудитории крупных российских ученых и политиков, в этом году на Чтения впервые приехали представители Исполнительного совета ЮНЕСКО во главе с его председателем Э. В. Митрофановой. Важно, что большая группа видных иностранных дипломатов, аккредитованных в Москве, также прибыла в Санкт-Петербург с тем, чтобы вместе поговорить о проблемах межкультурного диалога.

Актуальность Лихачевских чтений высока. Некоторое время назад мы стали свидетелями начала крупного финансово-экономического кризиса. Все поняли, что есть еще одно измерение, где мир взаимозависим, и поиск решения глобальных проблем в этом мире должен вестись коллективно. Те угрозы, с которыми мы сталкиваемся, — терроризм, распространение наркотиков, экологические проблемы, изменение климата — все это требует консолидированных ответов. С уходом в прошлое биполярной директории холодной войны все громче заявляет о себе культурно-цивилизационное многообразие современного мира, оно оказывает возрастающее воздействие на процессы формирования современной, справедливой и эффективной полицентричной системы глобального управления. Мы это чувствуем в ООН. Императивом становится межцивилизационное согласие, сосуществование культур и религиозных традиций, признание множественности моделей развития и равных прав для различных систем ценностей. И если мы признаем, что существует множественность путей развития государств, то это поможет нам искать те решения, на которые мы должны выйти.

Как уже отмечалось в вышедших в свет материалах Лихачевских чтений, в процессе становления многополярного мироустройства возникают и риски межцивилизационного раскола, увеличивается конфликтный потенциал на этноконфессиональной почве. Среди основных причин — распространение глобализационных процессов за рамки западной цивилизации. В результате ценностные критерии и модели развития стали предметом конкуренции, а сама она приобрела межцивилизационное измерение. При этом вряд ли оправданно утверждение, что сама система и состязательность культур и цивилизаций содержит семена конфликтов. Мир никогда не был однородным или унифицированным. Как представляется, дело в затянувшемся болезненном расставании Запада с иллюзией вечности своего глобального доминирования.

В условиях глобализации перед лицом новых вызовов и угроз диалог между народами необходим как никогда ранее. Это понимают и в ЮНЕСКО, и в Организации Объединенных Наций. Это чувствуем мы практически на всех форумах. С появлением новых технологий (об этом сегодня уже говорилось) темпы глобализации ускоряются. Это означает, что люди разных культур получают больше возможностей обмениваться мнениями и идеями, лучше узнавать друг друга, знакомиться с иным образом мышления и жизни. Однако глобализация может оказывать и противоположное воздействие,

порождая не открытость, а чувство отторжения, когда люди начинают отталкивать от себя тех, кто на них не похож и у кого иные ценности, иная культура. Это происходит, когда глобализация воспринимается как угроза идентичности, особенно в такой важной области, как религия; когда люди оказываются не подготовленными к новым возможностям общения из-за незнания и непонимания других культур и верований. На этой почве возникает нетерпимость и вспыхивают конфликты.

Религиозные различия не должны становиться фактором отчуждения. В связи с этим мы поддерживаем подходы ЮНЕСКО, которая в своих программах и мероприятиях уделяет равное внимание как свободе выражения, так и уважению религиозных верований и символов. Стремление к диалогу между цивилизациями, культурами и народами лежит в основе мандата этой международной организации. И мы считаем, что развитие диалога во имя мира, укрепление идеи мира в умах людей и есть краеугольный камень миссии ЮНЕСКО.

Мы, несомненно, стоим на пороге так называемой глобализации культуры. Сейчас все больше стран вовлекаются в эту новую тенденцию. Но глобализация культуры происходит не только за счет технократического развития мира, но и за счет сотрудничества между государствами, все большего перемещения людей между странами.

В заключение хотел бы отметить, что проблематика межкультурного диалога является актуальной для всех регионов мира. Важна роль межкультурного диалога и для поддержания международного мира и безопасности. Превентивный потенциал такого диалога, способного как предотвратить, так и свести на нет возникающую напряженность на межкультурном направлении, велик. Убежден, что межкультурный диалог является также важным инструментом миротворчества и миростроительства. Данный диалог является одним из условий прогрессивного развития государств и регионов, равно как и ключом к успешному решению глобальных проблем человечества.

В основе многих современных конфликтов лежит не конфликт или «столкновение» между культурами, религиями и цивилизациями, а ложные, порой невежественные представления и стереотипы. В отдельных случаях речь идет о тенденции использования различных культурных и религиозных стереотипов в предвыборных платформах политических партий и движений в ряде стран. Поэтому необходимо вести активную борьбу за создание позитивного образа различных культур и отказ от навешивания каких-либо «негативных ярлыков».

Необходимо выступать против попыток ассоциирования отдельных религий или культур с такими глобальными угрозами, как терроризм и транснациональная оргпреступность.

Безальтернативность выстраивания межкультурного диалога на основе принципов равенства и взаимного уважения предполагает учет исторических, политических, религиозных, социальных и других особенностей участников такого общения. И, конечно, непременным условием успеха межкультурного диалога является признание универсальных общечеловеческих ценностей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Евгению Ивановичу Макарову.

Е. И. МАКАРОВ¹: — Позвольте мне прежде всего огласить телеграмму Президента РФ в адрес участников и гостей сегодняшнего события: «Уважаемые друзья! Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием Десятых юбилейных Лихачевских чтений. Ваш форум традиционно собирает представителей научной интеллигенции и деятелей искусства, известных политиков и экспертов из России и других стран. В этом году Лихачевские чтения посвящены одной из ключевых проблем современности — становлению глобальной культуры и сохранению национальной идентичности. Сегодня, при всем сближении и взаимопроникновении культур, важно сохранять самобытные традиции, языки, уклад и духовно-нравственные ценности народов — как основу культурного многообразия мира в эпоху глобализации. Желаю вам интересных дискуссий и плодотворного общения, а старшекласникам, участвующим в конкурсе «Идеи Д. С. Лихачева и современность», — удачи и новых успехов. Президент РФ Д. А. Медведев».

Пользуясь возможностью выступить с этой трибуны, хотел бы сказать несколько слов в адрес Конгресса петербургской интеллигенции и Гуманитарного университета профсоюзов. С каждым годом Лихачевские чтения становятся все более важной площадкой обсуждения гуманитарных идей, давно перешагнувшей рамки города и ставшей общероссийской, а теперь уже и международной. Свидетельством тому является участие послов ЮНЕСКО в сегодняшних Чтениях. Надо отдать должное организаторам — они по-настоящему стремятся придать идеям Дмитрия Сергеевича Лихачева наиболее законченный и правильно организованный вид, что не так легко сделать в современной экономической ситуации. Посмотрите, с каким тщанием и старанием готовится издание докладов, чтобы они были доступны всем участникам еще до начала Чтений. Надо сказать, что технологические находки, которые используются при подготовке и проведении Лихачевских чтений, — это действительно пример ответственного подхода к исполнению указа Президента РФ «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». Я хотел бы поблагодарить Гуманитарный университет профсоюзов и Конгресс петербургской интеллигенции за ваши усилия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается Александр Алексеевич Голутва.

А. А. ГОЛУТВА²: — Не могу не откликнуться на выступление Михаила Борисовича Пиотровского: он затронул серьезную проблему, связанную с изменениями российского законодательства и влиянием этих изменений на жизнь учреждений культуры и в целом на культурную деятельность в нашей стране. Действительно, здесь существует серьезная проблема, требующая осмысления и поддержки со стороны научной и культурной общественности страны. Наблюдается тенденция (и совершенно правильная) к тому, что правила нашей жизни будут стандартизированы. И процедуры, по которым станут осуществляться эти правила, должны быть

¹ Помощник полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе.

² Заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, заслуженный деятель искусств РФ. Лауреат премии Российской академии киноискусства «Ника».

также стандартизированы. Чем более точно все это будет сформулировано, тем легче станет управлять всеми процессами экономического и социального развития в нашей стране. Но всегда существует такое понятие, как «мера», и в определенные моменты стремление к стандартизации вступает в противоречие со специфической культурной деятельностью. Мера нарушается до такой степени, что наступает подавление интересов культуры. Михаил Борисович назвал целый ряд законов, где мы сталкиваемся с этим. К сожалению, усилия Министерства культуры РФ не всегда приводят к нужному результату. Культурное же сообщество разобщено и далеко не всегда своевременно и адекватно реагирует на эти вызовы. Из-за слабой поддержки наша культура терпит поражение. Это проблема, на которую все мы должны обратить особое внимание, тем более что тенденция, о которой мы говорим, противоречит общему направлению мирового развития — повышению роли культуры в решении глобальных проблем цивилизации.

Констатируя повышение роли культуры в современном обществе, мы естественно подходим к центральной проблеме наших Чтений — диалогу. В настоящее время активизируется культурный потенциал всех социальных групп, и здесь без диалога не обойтись. Диалог — новая основа для взаимодействия и между народами, и между цивилизациями, это средство раскрыть их культурный потенциал. Для многонациональной России это особенно актуально. Когда мы говорим о повышении роли культуры, о замене ею идеологии, о необходимости диалога, мы не должны ограничиваться только Россией времен распада старой политической системы в конце XX века. Наша страна — важное звено в мировом культурном процессе. Возникновение большевистской идеологии во многом было обусловлено переходом человечества от доиндустриальной цивилизации к индустриальной. В России этот переход, как известно, был запоздалым. Распад традиционного общества привел к массовости всех проявлений общественной жизни. Беспрецедентная смута породила решение вопроса коллективной солидарности на наднациональной и надличной основе.

Сегодня мир находится в ситуации нового перехода — к постиндустриальной цивилизации. И вновь проблема коллективной солидарности становится актуальной, причем для всех народов и цивилизаций. Прежде всего надо признать, что глобализация, в сущности, — это необходимый и органичный для истории процесс, начавшийся не сегодня и не вчера. Многие видят опасность глобализации в том, что она стремится возвратить всех к наднациональному единству, характерному для эпохи тоталитарных режимов. Благодаря распространению западных стандартов, в том числе на товары широкого потребления и условия повседневного быта, происходит стирание различий во внешних проявлениях жизни. Унификация и разнообразие противоположны и угрожают друг другу. Но действительно ли глобализм в таком понимании представляет собой фатальную угрозу культуре? Быт — самый консервативный хранитель культурных традиций, но в нем есть свое творческое начало. Творчество заключено в свободном выборе образа жизни, в том, как обставить свое жилище и приготовить ужин, какой костюм купить и т. д. Свобода выбора — несомненная ценность демократического общества. Но свобода заключается также в том, чтобы отказать-

ся от традиций, которые человек и сообщество признают нежизнеспособными. Так вот в современном мире (я это отчетливо вижу на примере России) мы все чаще сталкиваемся с тем, что результатом свободного выбора является предпочтение западных стандартов жизни, прагматических ценностей, которые несет глобальный рынок с помощью рекламы, гипермаркетов и т. д.

Я полагаю, что главная опора глобализма — это необразование или нечувствительность людей в культурном отношении. Человек, чувствительный к культуре, всегда задает себе вопрос о смысле любого явления, в том числе того, которое преподносится ему как последняя новинка западной цивилизации. Изменение культуры быта в сторону прагматики, если оно происходит свободно, само по себе не страшно, но глобализм станет настоящей угрозой, если угаснет национальное гуманитарное образование, в котором важную роль должно играть образование в сфере искусства. Именно в нем залог того, что в обществе сохраняется способность производить уникальные культурные ценности. В нем же залог уважения к культурным традициям, умения узнавать и сохранять ценности, неподвластные времени.

Введение разных культур в единую сферу коммуникации — благородная цель, именно ее мы должны видеть в процессе глобализации. Но драматизм современной эпохи состоит в том, что реальная глобализация не совпадает с этой целью. Почему же сегодня такое отклонение возможно? На мой взгляд, оно связано с отсутствием диалога между цивилизациями, ведущим к конфликтам. То обстоятельство, что мировое взаимодействие цивилизаций происходит по принципу монолога, а не диалога, пытался в начале XX века осмыслить Освальд Шпенглер. Мы успели забыть, что Первая мировая война, по мнению современников, была реакцией на очередной интенсивный виток глобализации как вестернизации. Рубеж XIX–XX веков, казалось, свидетельствовал о наступлении весьма оптимистической эпохи, о реализации классических идей гуманизма и свободы, наследником которых мыслил себя Запад. Казалось, мир был как никогда един. Не находимся ли мы сегодня в аналогичной ситуации? Ученые писали, что XIX век был временем перехода, выведшего человечество на порог нового, единого мира. Но почему этот процесс с благородными целями объединения завершился ужасным конфликтом и разрушением? Может, все дело в том, что глобализация, которая должна была бы разворачиваться в форме диалога, где каждая цивилизация сохраняет свой голос и свободу выражения, в реальности осуществлялась монологически? Мы всегда должны помнить об опасности: монологичность международной культурной политики чревата имперскими установками, которые могут породить конфликты.

Однако если от политических моделей снова обратиться к культуре, то мы вопреки всему должны делать свое нелегкое дело, исходя из убеждения, что лишь на основе культуры может быть достигнуто истинное самовыражение каждого народа и диалог между разными цивилизациями. Любое блокирование процессов развития национальных культур чревато конфликтами. Деятельность людей культуры, ученых преследует благородную миссию — углубление в уникальные культурные миры каждого народа, их изучение и пропаганду. Необходимо пробивать брешь в тех ментальных барье-

рах, которые сопутствуют монологу великих культур. Именно это обстоятельство должно способствовать укреплению диалога внутри глобализации, в этом залог успеха того великого движения человечества к единству, которое в наше время является универсальным мировым процессом. И эту свою миссию мы — те, кто в какой-то степени причастен к развитию и сохранению культуры, должны ощущать со всей ответственностью.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Александр Алексеевич. Слово предоставляется Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

А. А. ГУСЕЙНОВ¹: — Наши Чтения посвящены теме становления глобальной культуры, и мне кажется, было бы трудно придумать более острую и дерзкую формулировку. Я хочу остановиться на самом термине «глобальная культура», его правомерности и содержательной наполненности, тем более что академик Никандров ясно сформулировал свою позицию: глобальная культура невозможна. В эти месяцы, когда тема наших сегодняшних Чтений была определена, мне попался на глаза очерк Виктора Гюго «Париж», написанный к открытию Всемирной выставки в Париже в 1867 году. Я раньше не знал об этом очерке, и он произвел на меня удивительное впечатление. Зачитаю выдержки из него.

«В XX веке будет существовать необычайная нация. Эта нация будет великой, что не мешает ей быть свободной. Она будет знаменитой, богатой, мыслящей, мирной и дружественной по отношению к остальному человечеству. Она будет более чем нацией, она будет цивилизацией. Она будет лучше, чем цивилизация, — она будет всеобщей семьей. Единый язык, единая монета, единый свод законов. Нигде никаких пут. Повсюду приближение к единому образцу. Близок грядущий свет, в этом великая надежда всей нашей жизни. Скорей же спешите зажечься от всепоглощающего пожара прогресса. Единой Европой будет называться она в XX веке, а в последующие века, еще более преображенная, она будет называться Человечеством. Чудесное и волнующее сердце явление — народ, переставший быть народом и растворяющийся в братстве. О Франция! Прощай, ты не будешь больше Францией, ты будешь Человечеством. Ты не будешь более Францией, ты будешь вездесущностью. Смирись со своей безмерностью. Прощай, народ! Привет тебе, человек!»

Как я понимаю, это было всеобщее убеждение во второй половине XIX — начале XX века. И надо учесть, что Виктор Гюго — великий романтик Просвещения, певец французской революции — имел такое влияние в мире, которого едва ли кто-либо из деятелей культуры когда-либо достигал. Удивительно, как гениально он ошибся! XX век пошел в прямо противоположном направлении. Фундаментальный факт нашей жизни со-

стоит в следующем: невероятная глобализация в том, что касается экономики, технологий, средств коммуникации, информационных сетей, сопровождается нарастающим изоляционизмом в сфере культуры, всплеском идентичностей, возвратом к архаике, в чем-то даже средневековой. И непонятно, как преодолеть это расхождение, способное взорвать нашу цивилизацию.

Мы говорим, что выход — в диалоге культур. Диалог действительно выявляет общие основания разных культур, демонстрирует возможности их взаимного обогащения, взаимодействия. Он представляет собой реальную альтернативу апокалипсису конфликта цивилизаций. Но он не снимает того разрыва, о котором идет речь. Диалог — это ведь одновременно и процесс осознания различия культур. Диалог даже усиливает это осознание различий, выявляет, что в культурах есть какие-то «границы», которые не переводятся на другой язык, что каждая культура индивидуальна, равна самой себе. Культура связана с культом. Диалог культур незаменим для утверждения многообразия культур, но он не может завершиться созданием какой-то одной культуры. В связи с этим возникает вопрос: как быть с дальнейшим развитием? Что будет представлять собой глобальный человек — не как субъект экономики, технологии, научно-технического процесса, а в своей гуманитарной практике, в качестве субъекта свободной деятельности? С одной стороны, я согласен с академиком Никандровым: глобальная культура невозможна. Похоже, что культура относится к такого рода явлениям, которые не могут существовать в единственном числе, так же как и государства, и народы. Таким образом, можно принять, что глобальная культура невозможна. Но, с другой стороны, и без нее невозможно! Обязательно должна быть (и, вообще-то говоря, реально просматривается) перспектива формирования глобальной человеческой общности, и она касается существования и самосознания человека за пределами сфер, о которых я говорил, — экономики, технологии и т. д. Думаю, что было бы разумно эту новую глобальную общность именовать не «глобальной культурой», а «глобальной сверхкультурой» («посткультурой», «метакulturой»). Это маленькое изменение, и возникает подозрение, что я ударюсь в схоластику, но оно многое меняет. А именно: если мы употребляем термин «сверхкультура» (за неимением более адекватного), то мы по крайней мере фиксируем, что эта глобальная общность возникает не вместо культур, которые вступают между собой в диалог, а надстраивается над ними. Она не отменяет существующие культуры в их многообразии, а как бы дополняет их, возникает в качестве новой реальности.

О том, что такого рода движение гуманитарной практики — нормальный апробированный путь, мне позволяет судить следующая аналогия. Известно, что в самом начале истории человеческие общности группировались по кровнородственному принципу. Основой был род, большая семья. Затем консолидация начала происходить по другому принципу — государственно-территориальному, и основой стала не семья, не род, а народ, объединенный другими связями. Но переход к более высокой стадии человеческой общности — к народам и нациям — не отменил предыдущего этапа кровнородственного объединения людей. Семья как форма общности не исчезла, она существует внутри народа

¹ Академик Российской академии наук, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП.

Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», книжной серии «Библиотека этической мысли», журнала «Общественные науки» на английском языке, член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

и — в измененном виде, уже как малая семья — до сих пор остается одной из важнейших мотивирующих сил нашего поведения. Подобно тому как множественность семей не мешает людям быть едиными в качестве членов одной нации, одного народа, можно помыслить себе и такую перспективу, когда множественность национальных культур вполне может и должна совмещаться с некой единой сверхкультурной общностью, которая будет глобальной. И ее можно назвать сверхкультурой (или как-то еще, но обязательно другим термином, нежели культура).

С этой точки зрения, как мне кажется, для культурологического анализа наибольший интерес представляет то, что происходит в отношениях между людьми на тех площадках диалога, которые могут существовать только как взаимодействие разных культур. Речь идет о площадках, на которых не просто могут встречаться представители разных культур, но которые обязательно предполагают такую встречу. Типичными примерами таких мультикультурных образований являются различные международные организации, конгрессы, туристические центры, аэропорты и тому подобное, то есть все то, что по определению не может функционировать иначе, как совокупность представителей разных наций. Такие площадки существуют, имеют свои регулятивные и ментальные механизмы. Может быть, именно здесь и формируются зачатки этой сверхобщности? В самом деле: сопоставьте мысленно такие две картины. Если мы в родном городе в обычной обстановке видим экзотично одетых и непривычно ведущих себя людей, представляющих другие расы и континенты, то это привлекает внимание, а когда их становится много, то это создает неудобства и серьезные проблемы даже для таких толерантных людей, как европейцы. А теперь представьте себе, что вы встречаетесь с такой же картиной в международном аэропорту, и вы уже воспринимаете ее вполне нормально. Мы понимаем, что в первом случае эти люди, представляющие другие, чем мы, расы, и другие, чем наши, континенты, были не на своем месте. А во втором случае они оказываются на своем месте, и их право быть здесь и являть себя тем, кто они суть, ничуть не меньше нашего права быть самими собой.

Благодарю за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну писателя Даниила Александровича Гранина.

Д. А. ГРАНИН¹: — Недавно мне довелось посмотреть фильм Александра Сокурова «Блокадная книга». Поскольку я причастен к созданию этой книги, мне было

¹ Писатель, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, член Общественной палаты РФ, почетный доктор СПбГУП.

Автор книг: «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Интеллегенды», «Д. А. Гранин — Университетские встречи. 33 текста», «Причуды моей памяти», «Как работать гением», «Место для памятника», «Скрытый смысл», «Все было не совсем так» и др.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» III степени, крестом за заслуги I класса — Офицерский крест (ФРГ), орденом Святого апостола Андрея Первозванного и др. Лауреат государственных премий СССР и России, премии Президента РФ в области литературы и искусства, премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры, премии Гейне. Лауреат Международной премии за развитие и укрепление гуманитарных связей в странах Балтийского региона «Балтийская звезда».

интересно. Этот фильм — особенный. Сокуров сделал удивительную находку: разные люди читают отрывки из «Блокадной книги». Сейчас литературные мероприятия, особенно если книга вышла давно, мало посещают. Однако зал был переполнен, люди стояли вдоль стен. Почему они пришли? Это было для меня удивительно.

Фильм мне очень понравился. Но главное для меня было то, что многие люди плакали. Почему? Потому что мы перестали плакать. Настоящее время — рациональное, практичное, сухое. Время не для слез, а для расчетов, для деловых людей. Слезы не нужны, они мешают.

У Чехова есть рассказ «Студент», который он считал своим лучшим рассказом. Напомню в двух словах. Студент-семинарист идет в непогоду по каким-то мокрым лугам, видит костер и подходит погреться. А у огня сидят бабы. Студент вспоминает библейскую притчу о Петре, который трижды предал Христа, и начинает рассказывать. Бабы плачут. Студент уходит от них и думает: почему они плакали, о чем? О святом Петре, который существовал (если существовал) 2 тысячи лет назад? Светлое, прекрасное чувство овладевает им — он понимает, что они плакали из чувства сострадания к Петру, который не устоял, не выдержал, вынужден был предать и трижды предал своего Учителя. Эти необразованные бабы, о которых пишет Чехов, способные к состраданию, — для меня люди самой высокой культуры.

Мы живем в обществе, где нет святых. После смерти Сахарова и Лихачева — кто служит для нас примером? Чувство сострадания, любви к другому человеку, несчастному, обиженному, одинокому, — то, что необходимо любому человеку, но это необходимо и культуре, иначе культуры нет. Мы об этом не говорим, не включаем в перечень наших культурных требований. Правы ли мы? Не знаю.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Алле Юрьевне Маниловой.

А. Ю. МАНИЛОВА²: — Дорогие друзья, от имени губернатора Валентины Ивановны Матвиенко и правительства нашего города я рада вас приветствовать в Санкт-Петербурге — городе, где жил и творил наш великий ученый, мыслитель, гуманист, просветитель Дмитрий Сергеевич Лихачев. Как можно сохранить наследие Дмитрия Сергеевича? Мне кажется, только продолжая его осмысление и продвижение в общество, не допуская превращения его в дорогой музейный экспонат, то есть свидетельство исключительно прошлого, пусть и недалекого. Потому что — удивительное дело! — чем больше развивается наше общество, тем более актуальными становятся и сами идеи академика Лихачева, и та форма, в которой он их выражал и оставил нам в наследство. Важно, что в Петербурге эту миссию взяла на себя Лихачевские чтения и, конечно, Даниил Александрович Гранин, который ее воплощению посвящает сегодня, по сути, свою жизнь и деятельность возглавляемого им Российского фонда культуры. Даниил Александрович задал вопрос, кто после смерти академиков Сахарова и Лихачева является для нас моральным лидером и духовным авторитетом, и сказал, что ответа нет. Неправда, ответ есть: Гранин.

² Вице-губернатор Санкт-Петербурга.

Тема Лихачевских чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций» — удивительно созвучна генезису Санкт-Петербурга. 307 лет назад великий император и, добавлю, великий инноватор Петр I создал город, какого не бывало, для того чтобы в кратчайший исторический срок провести страну от Руси до России. Провести страну за несколько лет гигантским историческим путем было невозможно без того, чтобы импортировать знания, и Петр занимался этим. Знания и культурные традиции шли сюда, в Петербург, а через Петербург и во всю Россию. Идя по старым улицам нашего города, вы непременно увидите приметы Франции, Италии, Германии — в архитектуре домов и дворцов, в памятниках и т. д. Во всем нашем культурном контексте наблюдается диалог с Европой, он весь построен на этом диалоге, на генетической связи культур. И пушкинские слова «все флаги в гости будут к нам» сказаны о Петербурге.

И, наверное, неслучайно именно в городе на Неве уже почти пять лет действует многоотраслевая, комплексная правительственная программа, которую мы коротко называем «Толерантность» и за реализацию которой, за продвижение идей толерантности совсем недавно Петербург был удостоен премии ЮНЕСКО, которая была вручена губернатору города Валентине Матвиенко. Это очень престижная, дорогая для нас награда, ко многому обязывающая. Я хочу еще раз поприветствовать в нашем городе всех гостей, сказать: «Добро пожаловать!», чтобы по окончании Лихачевских чтений каждый из вас сказал себе, что это было интересно. И, конечно, наслаждения от встречи с красивейшим городом мира!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Алла Юрьевна. Слово предоставляется Юрию Никифоровичу Солонину.

Ю. Н. СОЛОНИН¹: — Я хочу затронуть несколько специфических вопросов. В силу моего образования и профессии я всегда обращал особое внимание на научную манеру академика Лихачева и теперь хочу кратко изложить свои наблюдения. В первую очередь следует отметить предельную ясность, четкость и простоту мысли ученого. Прежде всего, это незагруженность работ терминами — ненужными, вздорными, не несущими никакого смысла — и введение научных понятий только тогда, когда они крайне необходимы, действительно обогащают научную мысль и органично входят в контекст его речей и научных книг. А будучи раз введенными, они немедленно приобретают универсальное значение, получая признание в научном мире.

Примером служит понятие, освоенное всеми, — «экология культуры», которое существенно продвинуло не только теорию культуры, но и практику, вошло в тексты законов и других документов. Еще одна научная

¹ Декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой культурологии, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор книг: «Какая философия нам нужна?», «Предмет философии и обоснование науки», «Наука как предмет философского анализа», «Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры». Составитель и автор ряда сборников по актуальным проблемам общества и философии. Член Совета Федерации Федерального собрания РФ (представитель от Хабаровского края), первый заместитель председателя Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества, член Комиссии Совета Федерации по образованию и науке, член Комиссии Совета Федерации по информационной политике. Председатель Санкт-Петербургского философского общества, вице-президент Российского философского общества, член редколлегий ряда научных журналов.

новация в этом же роде — понятие литературного этикета, без которого нельзя постичь многие явления литературных практик разных времен и народов. В этой научной манере академика Д. С. Лихачева я вижу проявление просвещенческой ясности, закрепленной в русской культуре кристально чистым пушкинским текстом, который через прежнее отечественное образование дошел до нашего времени. Кроме того, я думаю, здесь есть и проявление той великой, но, может быть, наивной идеи, состоящей в убеждении, что каждому предмету исследования (разумеется, в идеале) соответствует одна истинная теория, как бы сложен ни был этот предмет. То, что мы сейчас имеем в области теории культуры, прямо противоположно этой чистой руководящей мысли. Мы наблюдаем засоренный язык, бесконечное число интеллектуальных фикций, которые имитируют смысл, но не обладают им, эпатажирующие суждения, появление в научном мире людей, которым нечего сказать, потому что они не обладают исследовательской хваткой, но они говорят, производят тексты, и мы втягиваемся в бесплодный, но чрезвычайно хлопотливый диалог с ними.

Я считаю, что мы имеем дело со специфическим феноменом кризиса научной мысли в сфере культурологии: безумное обилие текстов и минимальное продвижение в познании проблем. Одна из причин этого — забвение методологической культуры. Это касается и проблем глобализации. Поэтому я был очень рад услышать сегодня то, что говорил академик Гусейнов. Не возьмусь давать оценки, но полагаю, что осторожное введение им понятия «сверхкультура», видимо, требует чувственного осмысления. В нем, как мне кажется, есть определенное плодотворное начало.

Думаю, что мы переживаем эпоху методологического нигилизма, когда потеряна ответственность за сказанное, слово теперь ничего не значит — настолько оно не несет научно-ответственного смысла. Можно попытаться найти этому объяснение. Я выделю только две причины. Во-первых, полагаю, мы стали жертвами негативных следствий в свое время имевшей определенный смысл методологической революции, которая ввела дихотомию, разделившую науки на естественные и гуманитарные. До какой-то степени это была разумная постановка вопроса, обращавшая внимание на предметно-методологическую особенность наук о культуре. Но она будто расковала культурологов, сделала для них необязательным соблюдение принципов научной этики, рационального дискурса. Культурологи стали считать особым типом знания, который коренится скорее во внутренней сущности человека, его интеллекте, психике, интуиции, нежели в объективном предмете, который подлежит исследованию. Поэтому возврат к некоторого рода методологической строгости и научному уважению предмета, которым занимаешься, — одно из неперемных требований. Во-вторых, мы столкнулись с кризисом системно-синергетического подхода, который, вопреки ожиданиям, едва ли принципиально продвинул науку о культуре. Профессор Степин сказал, что все, с чем мы имеем дело, есть живые системы, то есть целостности. Но целостность не описывается структурной терминологией. Философия, методология целостности должна войти в предмет методологических, теоретических размышлений, штудий, чтобы разработать тот язык, с помощью которого мы

построим, видимо, новую теорию культуры и проясним, вместе с этим, что такое глобализация. Я полагаю, что, говоря о глобализации, мы тоже имеем дело с теоретическими кунштюками. То есть по большей части с теоретическими фикциями. Действительно, термин «глобализация» не прояснен до конца. Это загадочный соус, и если мы снимем с него крышку, то увидим в нем процессы, которые вовсе не объясняются глобализационной тенденцией. Неясны понятия диалога, конфликта или борьбы цивилизаций. Это некие образования, которые имеют интуитивную похожесть на то, что происходит в социальной сфере, но не отражают реального процесса в культуре. Я бы даже сказал, что наша теоретическая мысль идет в одном направлении, толкаемая некими неясными побуждениями, а культурный процесс идет каким-то иным, своим путем. И мы постоянно сталкиваемся с чем-то диковинным, неожиданным для научного предвидения. Думаю, что ученое сообщество должно вернуться к проблеме, вернее, к ситуации научной добросовестности и понять, что предмет исследования — нечто иное, чем то научное своеволие в области культурологии, которое сейчас господствует и которое, вообще говоря, является разрушительным.

Заканчивая свое выступление, я хотел бы подчеркнуть следующее, имея в виду проблему диалога. Диалог ведут конкретные персоны, вот, например, мы с вами. В какой мере нам делегировано право представлять цивилизации или культуры, к которым мы принадлежим или воображаем, что принадлежим? Но в какой мере мы вправе полагать, что наш диалог презентует диалог культур? Это чрезвычайно важный, болезненный, тонкий вопрос! Чем оно, наше представительство, гарантируется? А что такое конфликт цивилизаций? Есть ли он вообще сегодня? Это некая фикция, видимо, удобная в политических или каких-то иных отношениях, которые, однако, не имеют принципиального значения. Соотношение цивилизаций не строится по модели соотношения социальных систем или государств.

Если говорить о реальном культурном процессе, то мы сталкиваемся с некой двухфазностью. Случилось так, что самоопределенность культурного движения была исчерпана в начале XX века, потому что она определялась ценностными структурами, как справедливо рассудил выдающийся писатель Даниил Гранин. Сейчас детерминация того, что мы еще по традиции называем культурой, происходит по внешним, внекультурным детерминантам: прагматика, утилитаризм, потребительские настроения. Возникла праксиологическая механика развития того, что мы по инерции называем культурной жизнью. Я не даю оценок, но надо констатировать научный факт и описать его, а какие-то гипотезы, может быть, и опровергнуть. Этим, видимо, должны заниматься в том числе и Лихачевские чтения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Юрий Никифорович. Слово предоставляется Вильфриду Бергману, нашему гостю из Германии. Прошу Вас.

В. БЕРГМАН¹: — Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Позвольте поприветствовать вас от имени немецкого руководства Петербургского диалога и от имени Ев-

ропейской академии наук и искусств. В своем коротком выступлении я изложу несколько тезисов.

Сегодня по всем каналам телевидения и в других средствах массовой информации говорят об экономическом кризисе, но я думаю, что нынешний кризис не столько экономический, сколько системный. Каковы его основные факторы? В первую очередь я вижу огромную проблему — демографическое развитие в мире. В начале XX века население Европы было втрое больше населения Африки, а через 15 лет в Африке будет жить в 3 раза больше людей, чем в Европе. Средний возраст жителей Африки и Азии к тому времени составит приблизительно 20 лет, Европы — 55. Как в связи с этим будут проходить миграционные процессы? Не думаю, что европейцы захотят воздвигнуть в Средиземном море Берлинскую стену, которая отгородит их от Африки, так же как и Россия вряд ли построит такую стену на границе с Китаем. Некоторое время назад на одной из научных конференций у себя на родине я поставил вопрос: как изменится наша жизнь и культура Германии, если 1/3 населения нашей страны не будут немцами? Тот же вопрос стоит на повестке дня в России и многих других странах, особенно европейских. Миграционные процессы напрямую связаны и с изменением климата на планете. Если глобальное потепление продолжится, то там, где сегодня проживает большая часть населения Земли, через 20–30 лет станет невозможно жить, и люди будут более интенсивно перемещаться на север — и в Европе, и в Азии, и в Северной Америке. Поэтому нам надо подумать, как предупредить возможные проблемы, связанные с усилением миграции. Политическое руководство Германии пока не готово к решению этих вопросов, хотя ученые уже предлагают свои идеи.

Другая проблема — природные ресурсы и энергоносители. Россия богата полезными ископаемыми, но это невозобновляемые ресурсы, поэтому надо думать о будущем, не дожидаясь, пока они будут исчерпаны. Германия и Россия плодотворно сотрудничают в вопросах эффективности использования ресурсов, и работу в этом направлении надо продолжать. Следует разработать политику экономии энергии в городах. О чем идет речь? В Москве, Петербурге, Париже — практически во всех больших городах на дорогах гигантские пробки. Во-первых, это очень вредно для здоровья горожан; во-вторых, при этом нерационально расходуется много топлива. Некоторые интересные проекты в этой области уже реализованы, правда, не внутри городов. Например, между Москвой и Питером курсирует высокоскоростной поезд. Это очень хорошо, потому что перелеты на такие небольшие расстояния не оправдывают себя. В Европе между Германией и Францией летает мало самолетов, пассажиры предпочитают высокоскоростные поезда. В рамках Петербургского диалога мы будем говорить о новой идее магнитного поезда между Москвой и другими городами — Берлином и, возможно, Петербургом. Ученые утверждают, что на таком поезде, вмещающем 700–800 пассажиров, можно будет преодолеть путь между Берлином и Москвой за 4 часа. Самолет берет на борт меньше людей, а стоит это дороже. Это только один пример решения логистических вопросов в интересах всех граждан.

Еще одна «больная» тема — здравоохранение. С демографическими проблемами сталкиваются все

¹ Заместитель Генерального секретаря Германской службы академических обменов (ДААД), профессор, доктор.

европейские страны, но корни этих проблем различны. В немецких семьях мало детей. В России — другая головная боль: детская смертность в 5 раз больше, чем в Западной Европе. Почему? И как мы можем преодолеть это? Как компенсировать растущие расходы на медицину, если наше население будет стареть? Экономика не выдержит такой ситуации, когда один работающий человек кормит двух людей преклонного возраста.

Кто решает глобальные проблемы? Я полностью согласен с господином Яковенко: для этого нужна мультиполярная система. Только совместными усилиями мы сможем рассматривать вопросы о роли религии в межчеловеческих отношениях, различные правовые проблемы. Мы плодотворно работаем вместе с Институтом государства и права Академии наук, другими правовыми структурами. Есть тезисы форума в Давосе, а в июле в рамках Петербургского диалога состоится конференция в Екатеринбурге. Мы надеемся выработать рекомендации, которые смогут найти практическое воплощение на политическом уровне.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Бергман. Приглашаю к микрофону Элеонору Валентиновну Митрофанову.

Э. В. МИТРОФАНОВА¹: — Во-первых, я хотела бы от всей души поблагодарить Александра Сергеевича, Университет, губернатора Санкт-Петербурга за столь теплый прием нашей делегации послов ЮНЕСКО. Для нас большая честь быть здесь, особенно в преддверии того, что ЮНЕСКО начинает заниматься региональными консультациями, с тем чтобы выработать среднесрочную стратегию развития на последующие 6 лет. И вопросы диалога культур, мировой культуры — ключевые, пронизывающие все области компетенции ЮНЕСКО.

Я внимательно прочитала доклады, они дают почву для размышлений тем, кто интересуется международной проблематикой. Особенно полезны они будут для ЮНЕСКО как организации, которая занимается нормотворческой деятельностью, помогает странам развивать потенциал в области образования, науки, культуры, коммуникаций. Для нас важно, чтобы эти теоретические и концептуальные послы были воплощены в реальные программы, которые страны смогут осуществлять. И я очень рада, что среди центральных вопросов этих Чтений есть тема «Национальные государства и мировые институты: взаимодействие на путях становления глобальной культуры». Я согласна с предыдущими ораторами, что «развитие глобальной культуры» — провокационная постановка вопроса. Хотя, говоря о культуре, мы не имеем в виду только искусство. Культура включает образ жизни, обычаи, этику и т. д. То есть это широкое понятие, внутри которого глобализация где-то оправдана, а где-то невозможна. ЮНЕСКО прикладывает большие усилия, чтобы уважение к культурному многообразию и межкультурному диалогу, на развитие которого мы рассчитываем, уверенно заняло место в меж-

дународной политической повестке дня. Исходя из этих соображений, усилия организации направлены на укрепление всемирного разнообразия как процесс, а не результат, который невозможен в принципе, через подлинный диалог, требующий постоянной поддержки и развития.

Уважаемые коллеги, участникам Лихачевских чтений было направлено приветствие генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой. С вашего позволения я зачитаю отрывок из него:

«Уважаемые участники X Международных Лихачевских научных чтений!

Понимание других сегодня является крайне важным. Мы живем в мире, в котором растет взаимозависимость во всех областях человеческой деятельности. А также появляются новые возможности для того, чтобы укреплять связи между людьми, культурами, странами. Процесс глобализации также может породить и страх, и недоверие. Межкультурный диалог укрепляет понимание, касающееся наших различий. Мы все разделяем общие основополагающие цели, стоящие перед международным сообществом. И мы должны посмотреть, какие следующие шаги необходимо сделать для того, чтобы жизнь в мире была многообразной, и для того, чтобы эта жизнь взаимно обогащала нас».

Мне кажется, эти слова правильно отражают основной концептуальный подход ЮНЕСКО к диалогу культур. Я хочу еще раз поблагодарить организаторов за то, что нам, послам ЮНЕСКО, многие из которых впервые посетили Санкт-Петербург, предоставилась возможность увидеть этот город — самый крупный объект культурного наследия, внесенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Мне очень важно, чтобы мои коллеги увидели это своими глазами, и такая возможность нам в полной мере предоставлена.

Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Элеонора Валентиновна. Приглашаю на трибуну господина Мури Манохар Джоши.

М. М. ДЖОШИ²: — Что такое глобализация? Есть точка зрения, что это позитивное явление, в результате которого сформируется некая всеобщая культура. Но это идеальное представление. При ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что сейчас глобализация означает доминирование определенных рыночных структур, неконтролируемую конкуренцию между мировыми коммерческими силами. Рыночные силы усугубляют конфликты вместо того, чтобы гармонизировать мир. В своих лекциях и выступлениях я утверждаю, что мир нельзя называть глобальным, если глобализация имеет место только в сфере экономики, науки и технологий, но не в области культуры. Напротив, в области культуры, религии возникают и обостряются конфликты. Наука, экономика — это еще не все; нельзя забывать о культуре и экологии. Если все это меняется не синхронно, а с разной скоростью, то конфликты неизбежны. Глобализация имеет социально-политические и культурные последствия, и они далеко не всегда положительны.

¹ Председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор экономических наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам экономического сотрудничества.

² Член парламента Республики Индия, доктор. Экс-министр по развитию человеческих ресурсов, науки и технологий, освоения океана Правительства Республики Индия.

В начале 1990-х глобализацию приветствовали во многих странах. Казалось, что она поможет разрешить все конфликты и излечить болезни. Говорили, что будут расти экономики всех стран, но, к сожалению большей части человечества, получилось по-другому. Экономисты Мирового банка написали книгу о глобализации и ее последствиях. Она вредна для экологической ситуации и стабильности глобальной экономики, говорят они, но самое главное — для большинства населения планеты. Президент Мирового банка господин Вулфенсон в сентябре 2003 года с сожалением отметил, что мир сейчас не находится в состоянии баланса. И причина этого — рыночные силы. В мире живут 6 миллиардов человек, но только 1 миллиард пользуется всеми благами цивилизации, а остальные живут в бедности. Это несбалансированный мир, в то время как мы хотим добиться баланса.

Так называемый «золотой миллиард» принадлежит к одной культуре и разделяет одни ценности, и для этих стран глобализм, определяемый рыночными силами, хорош. Но что остается остальным 5 миллиардам? Получается, что единой глобальной культуры нет, а есть две противостоящие друг другу культуры: культура богатых — меньшинства и культура бедных — большинства.

Из-за глобализации усиливается нищета миллиардов людей, и, естественно, это сокращает их возможности внести вклад в культурное развитие человечества. Это повлечет за собой многие негативные последствия во всех сферах. Открытый рынок непременно подорвет демократические идеалы. Во многих странах демократия находится под угрозой из-за «дикого» развития рыночных сил. Вместо настоящей демократии, то есть власти народа, вся власть сосредоточена в руках крупных компаний. Это значительно обедняет культуры многих стран. Они пытаются сопротивляться американизации своих культур, но противоположные процессы очень сильны.

Мы уже обсуждали вопросы усиливающейся миграции. Это тоже конфликтная область, поскольку при миграции объединяются очень разные культуры. Бывает так, что на первых порах мигрантов приветствуют, но через поколение возникают конфликты. Более того, культурные ценности нередко используются политиками в целях манипуляции, для создания раскола в стране и достижения собственных целей.

Таковы последствия глобализации экономики, которая негативно влияет на мировую культуру. Мы должны найти средство для поддержания культур, гармонизации социально-экономической и культурной жизни наций. Не следует также забывать о религии и философии. Нужно думать о том, как использовать культуру для совершенствования общества, развития цивилизации. Это очень тонкие вопросы, ими должны заниматься просветители, политики, ученые, культурологи.

В Индии живут люди многих наций, говорящие на разных языках; у нас представлены многие мировые религии. Мы считаем, что все религии могут мирно сосуществовать. Мы уважаем чужие верования и культуры, стремимся к обмену ценностями, чтобы наши культуры перенимали друг у друга все лучшее. Мы должны жить в гармонии и согласии с природой и окружающим миром. Следует с уважением относиться к тому, что окружающие люди отличаются от нас, потому что разнообразие — это закон развития. Если нет разнообразия, то

нет и жизни. Поэтому необходимо быть толерантным к тому, что другие не похожи на нас. Таким образом, один из основных принципов развития индийского общества — единство в разнообразии.

Второй принцип: мир — не рынок, а семья. Это очень важно. И третий: мы живем в одной и той же реальности, но каждый понимает ее по-своему. Это основа возможного диалога между культурами. Нужно быть толерантными, и это даст нам возможность мирного сосуществования всех народов при сохранении их национальной идентичности, которая изначально формировалась на основе географических, исторических и природных факторов. Но вместе нации могут развивать общую культуру. Каждая культура важна и полезна и может приносить положительные моменты в развитие общей культуры. Давайте не забывать об интеграционном подходе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Джоши. На трибуну приглашается Хуан Антонио Марк.

Х. А. МАРК¹: — Я хочу сказать о некоторых инициативах, касающихся партнерства цивилизаций. Мы можем говорить об отчете Жоржи Сампайо секретарю ООН — это была рабочая программа, которая наметила наши совместные действия на ближайшие 3 года. Мы говорим об альянсе и сотрудничестве, о национальных планах, о том, как их объединить в «Альянс цивилизаций», что можно делать в области, например, средств массовой информации, миграции и образования одновременно. Еще 8 национальных планов были разработаны и начали реализовываться. Мы можем посмотреть и на планы, которые составляются на региональном уровне, например в Средиземноморье, Латинской Америке, на юге Европы. Эти региональные планы направлены на снятие барьеров и разрушение стен, на свободное распространение и циркуляцию идей. Это связь культур, контакт между людьми и одновременно построение общих пространств для имплементации общих проектов. Все это развивается очень хорошо, и мы можем показать, сколько замечательных инициатив стали инструментами для того, чтобы могла заработать идея диверсификации, разнообразия в мире.

Можно говорить и о других проектах. В ближайшее время состоятся несколько форумов, имеющих большое значение для будущего. Например, через несколько недель откроется форум в Бразилии, и мы надеемся на огромный вклад этой страны в развитие человечества. На 2011 год намечен форум в Катаре, который будет посвящен диалогу между западными исламскими странами. И следующий форум — в 2012 году в Вене — станет неким подведением итогов. Таким образом, вот ключевые пункты нашего движения: Испания, Турция, Канада, Катар и Австрия. Мы подведем итоги развития нашего движения.

Мы, конечно, не можем не говорить о скептицизме, который разделяют некоторые люди, наблюдающие процессы консолидации в последнее время. Тем не менее

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ.

Работал советником посольств Испании в Лондоне и Мексике. В 2004–2008 гг. являлся послом — постоянным представителем Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве.

эти процессы налицо, и это дает нам надежду. Я надеюсь, что 2011 год станет годом Испании в России и годом России в Испании. Определенные действия в этих целях уже предпринимаются. В Санкт-Петербурге в Эрмитаже организована удивительная выставка. Эрмитаж участвует в обменах с мадридским музеем Прадо. И мы надеемся, что такой же мощный вклад будет сделан и в области идей, что мы сможем создать такое общее движение инициатив, которое будет очень полезно в свете развития того диалога, который у нас идет уже 10 лет.

Я также надеюсь, что в 2011 году мы увидим большие подвижки. Сейчас уже совершенно ясно, что появляются более ценные и перспективные инициативы, причем они могут быть свои для каждой страны. Они начинают работать, и будущее выглядит достаточно многообещающе. Мы наблюдали определенные события в Париже и Москве, и все время звучат вопросы: как вы видите будущее своей страны, будущее других стран мира в следующие 10 лет? И вот один из философов, который получал награду в Москве, сказал, что мы увидим драматические изменения, прежде всего в области науки, и они будут совершенно потрясающими. Наши компьютеры уже в тысячи раз мощнее компьютеров, которые мы имели 10 лет назад. У нас давно есть приспособления, которые могут воспроизводить и усиливать наши физические возможности, помогая нам общаться, — телефоны, компьютеры, самолеты. А сейчас мы изобретаем машины, которые будут понимать наш мозг и воспроизводить его потенциал. Это будут принципиальные изменения, которые мы увидим и переживем в ближайшие 10 лет. Это очевидно, но что менее очевидно — это наши попытки справиться с происходящими изменениями сознания. И основа всего — разнообразие. Мы не уверены, что в этом разнообразии нам непременно нужно единство. Нам следует укрепиться в мысли, что разнообразие является основополагающим. Биоразнообразие, как мы знаем, — основа существования природы, и мы понимаем, что культурное разнообразие — это залог силы и богатства человечества. «Альянс цивилизаций», надеюсь, сможет помочь в повсеместном распространении этой идеи. Итальянский художник эпохи Возрождения Пьеро делла Франческа говорил, что хорошая идея — это та, которая позволяет вам двигаться в течение дня и не дает уснуть ночью. Я думаю, что с помощью таких идей мы можем дать новый импульс возрождению цивилизации.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин полковник. Сейчас перед нами выступит Владимир Евгеньевич Чуров.

В. Е. ЧУРОВ¹: — Как только в Москве появилась информация о том, что 9 мая в юбилейном параде примет участие подразделения вооруженных сил наших союзников, вокруг этого решения сразу развернулась недостойная политическая возня. Хотя, казалось бы, каж-

¹ Председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП. Автор свыше 30 научных публикаций и ряда публицистических работ: «Голосует вся Россия: о правовых и организационных особенностях грядущих выборов», «Избирательное законодательство и выборы в современном мире», «Демократия и культура: проблемы взаимодействия избирательных систем и национальных культур»; научно-художественных повестей: «Тайна четырех генералов», «Путешествие с гвардии генерал-майором артиллерии Владимиром Иосифовичем Брежневым от Будапешта до Вены» и детских романов «Рассказы Джона Сильвера», «Рассказы старого дворника».

дому человеку, мало-мальски знакомому с военной и политической историей, известно, что главной стратегической задачей любого государства является поиск, обретение и сохранение союзников. Мы помним примеры короля Карла XII и Наполеона, которые проиграли, лишившись прежде всего союзников. Однако когда я сам посмотрел с трибуны проход уэльских гвардейцев в меховых шапках, поляков в конфедератках, легко, вразвалочку, проходивших с винтовками за спиной американцев и других, то я убедился в том, что среди прочих имеет место диалог военных культур. Военная культура — это часть общей культуры, совокупность обычаев и традиций, установленных норм и правил для военнослужащих и коллективов — соединений, подразделений, частей — и их взаимоотношения с гражданским обществом. И если верное и мудрое решение первых лиц нашего государства о пригласении союзников на этот парад показало наличие диалога военных культур, значит, диалог культур в целом далеко не миф, а реальность, и, собственно говоря, в широком смысле слова — наша единственная надежда на светлое будущее, о чем здесь уже неоднократно говорилось на разных языках.

Больше всего мешают диалогу культур и цивилизаций международный терроризм и преступность в разных видах. К сожалению, эти проявления множатся, и преступные сообщества в полной мере пользуются благами глобализации. Мы ощущаем это, наблюдая за выборами в различных частях света. Особенно опасно нагнетание напряженности в многонациональных и многоконфессиональных сообществах, и мы в этом убеждаемся на практике. Осенью пройдут выборы в нескольких многонациональных сообществах, не только на территории России. Меня спросили: какие условия необходимы для того, чтобы эти выборы в сложной обстановке прошли нормально? Я сформулировал 4 главных условия. Во-первых, это эффективный политический диалог до голосования, подчеркиваю — *до голосования*. Приведу свежий пример: можно предположить, что при хорошо развитой и точной социологической науке Великобритании результаты социологических опросов полностью совпали с результатами голосования. Можно предположить, что политический диалог между участниками выборной кампании начался значительно раньше, чем наступил день голосования. Это и позволило очень быстро сформировать новое правительство. Во-вторых, это стабильная судебная система; в-третьих, надлежащая работа правоохранительных органов, и только в-четвертых, хорошая работа избирательной системы. При выполнении этих четырех условий выборы представляют собой часть успешного диалога культур — а в межконфессиональной и многонациональной стране он неизбежен.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово представляется Михаилу Викторовичу Шмакову.

М. В. ШМАКОВ²: — Уважаемые коллеги, я хочу представить вам взгляд профсоюзов — общественной

² Председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП.

Автор ряда публикаций по вопросам профсоюзного движения; статей для научных сборников, среди них — «Совершенствование деятельности профсоюзов в условиях глобализации» и др.

организации, которая является структурой гражданского общества во всех странах мира, — на проблемы глобализации и диалога культур. Однозначно оценить роль глобализации не представляется возможным. Ослабляется роль традиций в хозяйственной и общественной жизни, изменяется характер социальных связей. Глобализация активно воздействует на культуру, мораль, искусство, жизненные ценности и политические установки миллионов людей, способы их взаимодействия в экономической деятельности. В то же время глобализация формирует систему международного разделения и кооперации труда — мировую торговлю, инфраструктуру, валютно-финансовую систему. Это стягивает национальные рынки труда в глобальные социально-экономические отношения, ограничивает возможности проведения независимой национальной экономической политики и порождает новые проблемы в сфере социально-трудовых отношений. Происходит формирование глобального рынка труда, в который стягиваются национальные трудовые ресурсы. Интеграционные процессы обуславливают качественные сдвиги внутри национальных рынков труда. Разумеется, глобализация сказывается и на социально-трудовой сфере в России, на социально-экономическом развитии государства, становлении рыночных отношений в сфере труда, благосостоянии населения.

По отношению к глобализации в каждой стране существует как сила, содействующая этому процессу, так и сила, ему препятствующая. В условиях формирования глобальной культуры отечественным профсоюзам важно осмыслить эту непростую ситуацию, занять взвешенную позицию в отношении глобализации, подкрепив ее конкретными действиями, решениями — как на международном уровне, так и в России. Мы отдаем себе отчет в том, что глобализация является объективным процессом. Неоспоримо и то, что глобальная рыночная экономика демонстрирует мощные производительные возможности, однако их цена — усиливающееся едва ли не повсеместно противоречие между трудом и капиталом и проблемы, порожденные невероятными прежде масштабами трудовой миграции. На данном этапе развития цивилизаций преодолеть эти противоречия практически невозможно, но вполне реально их уменьшить, придя к разумным компромиссам.

Каковы вызовы глобализации для нас, для социально-трудовых отношений? Это прежде всего то, о чем я уже сказал, — миграционные процессы и глобализация рынка труда, потому что сегодня количество трудящихся мигрантов, которые приезжают, скажем, в Россию, и количество россиян, являющихся трудящимися мигрантами, которые выезжают в другие страны, достаточно велико. Безусловно, первый фактор более весомый, чем второй, тем не менее этот процесс идет постоянно и набирает силу как по первому, так и по второму фактору.

Что касается диалога культур, то я хотел бы сделать небольшое замечание: культура — многогранное понятие. И, может быть, полемизируя с академиком Никандровым, а, может быть, дополняя его, я оцениваю то сооб-

щение, которое он сделал. Тем не менее есть различные области культуры. Есть культура инженерная, она сегодня практически глобальная; есть финансовая, экономическая; есть культура новых информационных технологий, самое яркое проявление которой — Интернет, являющийся глобальной структурой, которая требует своего языка. Да, специфического языка, языка Интернета. Сегодня развиваются и национальные домены, в частности появились домены на кириллице, но Интернет в целом — явление, глобальное по определению. Будет ли происходить глобализация культуры в целом — это вопрос длительного развития глобализации. Но здесь уже подчеркивалось, что сегодня термин «глобализация» относится в основном к сферам экономики и бизнеса, которые тянут за собой и все остальные элементы. Это, в общем, понятно, потому что любая культура развивается и оформляется как национальная исключительно на базе развития национальной экономики. Мы знаем, что производство предметов потребления, продуктов питания и прочего у африканских народов отличается от такового у европейцев или, скажем, индонезийцев, потому что климат, природные условия в разных частях света сильно разнятся. Тем не менее глобализация происходила на протяжении всей истории человечества. И у нас в России есть определенная модель, которую можно оценивать так или иначе, но нельзя сказать, что мы все начинаем с чистого листа. У нас был Союз Советских Социалистических Республик, который являл собой определенную модель глобальной системы, объединяющей более 100 наций и народностей со своими культурами и языками. Был язык межнационального общения — русский. В России, к сожалению, произошел провал в осмыслении и развитии межнациональных отношений, в практическом применении диалога культур и выстраивании такой внутренней политики, чтобы эти культуры были равноправными и взаимоуважаемыми. Россия — многоконфессиональная страна. У нас есть на что опираться, есть с чего брать пример, чтобы развивать диалог культур.

В подавляющем большинстве стран Европы старая модель регулирования трудовых отношений с профсоюзами как массовой значимой организацией, основанной на глубоких исторических, национальных и культурных традициях, оказалась слабо совместима с современной конкурентной глобальной экономикой, поэтому также переживает высокую степень трансформации. И сейчас в рамках международного профсоюзного движения мы, возможно, сделали большой шаг в развитии «глобализации с человеческим лицом» — тем, что провозгласили лозунг: «Глобализации экономики противопоставим глобализацию профсоюзов». Кроме Международной конфедерации труда уже созданы континентальные объединения профсоюзов. В частности, в Европе создан Всеевропейский региональный совет профсоюзов, который исповедует именно тот принцип, о котором сегодня говорили, — единства в многообразии. И этот принцип сегодня хорошо работает: на основе глобальных законов, признанных мировым сообществом или оформленных в виде конвенций ООН либо конвенций Международной организации труда, формируется глобальное трудовое законодательство, которое позволяет двигаться к тому, чтобы за равный труд в любой точке каждой страны и всего зем-

Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Член Административного совета Международной организации труда.

ного шара была равная заработная плата. Это и будет «глобализация с человеческим лицом», которая даст новую энергию для глобализации, в том числе и в области культуры. На наш взгляд, необходимо, чтобы в процессе глобализации происходила международная социальная интеграция, то есть выравнивание социального положения трудящихся разных стран путем перехода к более высоким стандартам, более прогрессивным нормам. Это прежде всего касается политики достижения и закрепления международных стандартов заработной платы, пенсий, пособий, медицинского обслуживания, регулирования миграционных процессов. И это будет основой искоренения противоречий между нациями и между странами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Викторович. Приглашаю к микрофону Валерия Леонидовича Макарова.

В. Л. МАКАРОВ¹: — Дорогие друзья! Уважаемые коллеги! Я хотел бы прокомментировать две мысли, как мне кажется, правильные, имеющие прямое отношение к той дискуссии, которая у нас сейчас развернулась. Первая мысль состоит в том, что культура, ее высочайшие достижения тесно связаны, подчеркиваю — тесно, с техническим прогрессом, вообще с техникой. Культура и технический прогресс воздействуют друг на друга очень сильно. В каменном веке технического прогресса не было, только можно было камнем писать на скалах. Но потом люди придумали кисти, холсты, краски, и тогда, как известно, были созданы бессмертные полотна. Когда появился орган, Бах сумел написать свои великие произведения. С изобретением рояля мир узнал о Бетховене. Это и есть прогресс. Все время происходит взаимное обогащение культуры и прогресса.

Сейчас, например, когда развернулись всякого рода информационные технологии, тут же появились произведения искусства в формате 3D. Так бурно происходит движение вперед. Некоторые ценители считают, что Кэмерон со своим «Аватаром» совершил прорыв, и это великий фильм. Но на самом деле не все так думают. Это первая мысль.

А вторая мысль состоит в том, что вообще так сложилось в истории человечества, что все культурные шедевры, о которых мы знаем, созданы гениями, индивидуумами. И сейчас, благодаря второй стороне — техническому прогрессу, получается так, что эти шедевры могут создаваться не только гениями, но и кем-то еще, кем — я скажу чуть позже, это, так сказать, интрига. Должен отметить, что вообще теория массового созна-

¹ Академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук РАН, директор-организатор Высшей школы государственного администрирования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор физико-математических наук, профессор, почетный профессор МГУ. Автор более 300 научных публикаций: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности», «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики». Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегии и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономика современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Лауреат премии Совета Министров СССР, премии им. Л. В. Канторовича, Демидовской премии.

ния развивается не очень бурно. Например, известный социальный психолог из Франции Серж Московичи в своей книге «Век толп» характеризует толпу, в частности, тем, что она похожа на взбалмошную женщину. Однако у него есть не замеченная другими фраза, что толпа на самом деле имеет креативный потенциал, но технический прогресс устроен так, что этот потенциал пока не может быть реализован.

Так вот сейчас мы подошли к такому этапу, когда это может быть осуществлено. Примером является Википедия. Многие пользуются ею. Википедия не то чтобы похоронила, но заменяет все энциклопедии, созданные отдельными людьми, коллективами и т. д. Это новый продукт, которого раньше не было и который возник в первую очередь благодаря Интернету и другим информационным технологиям. Сейчас появляются технологии, которые позволяют толпе (если кому-то не нравится это слово, можно заменить — массе или народу) создавать шедевры культуры. В настоящее время возникает новый феномен, который называют по-разному, — виртуальные миры, синтетические миры, искусственные миры. В основном это онлайн-игры, в которых участвуют действительно толпы — миллионы людей.

Например, в игре под названием «Second Life» или «EverQuest» одновременно принимают участие миллионы людей, которые формируют этот синтетический мир. Американский исследователь Эдвард Кастронова на эту тему написал довольно толстую книгу, где исследует, что принципиально нового в этих искусственных мирах создается, о чем конкретные люди, индивидуумы, даже гении не догадываются. Согласитесь, что это новый этап в развитии человечества, когда у культуры, культурных ценностей появляется неизвестный ранее инструмент. Теперь ценности можно создавать не только с помощью таких гениев, как Леонардо да Винчи, но и с помощью толпы.

Я высказал две мысли, которые, думаю, имеют прямое отношение к нашей дискуссии, потому что новые средства вроде Интернета относятся к метакультуре, или суперкультуре. Это то, что стоит над культурой, и мы не можем от этого уйти. Явление этой надкультуры, безусловно, такое же важное, как и наше diversity, уникальность и т. д. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Предоставляю слово Андрею Геннадьевичу Лисицыну-Светланову. Прошу Вас.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ²: — Добрый день, господа! Сегодня было уже так много сказано, что можно вступить в диалог, наверное, с каждым из выступающих, но в силу ограниченности времени это невозможно сделать, поэтому я постараюсь быть кратким и ограничусь тремя тезисами, которые сейчас возникли в моем сознании. Дело в том, что когда мы говорим о диалоге культур и самобытности каждой культуры, о глобальных проблемах и сохранении этой самобытности,

² Член-корреспондент Российской академии наук, директор Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Международная передача технологий: правовое регулирование», «Правовые проблемы совершенствования хозяйственного механизма в СССР», «Международное частное право: современные проблемы», «Международное частное право: современная практика», «Международный гражданский процесс: современные проблемы» и др.

то видим, что эти проблемы связаны с правом. И поэтому мой первый тезис будет посвящен вопросу о характере национального права, то есть о национальной самобытности. Второй тезис — о процессах глобализации, соответственно речь пойдет о международном праве. И третий тезис будет касаться сочетания того и другого, то есть взаимодействия национальных правовых систем в контексте международного права.

Прежде всего необходимо отметить, что само по себе право — это явление, которое, безусловно, является частью культуры и вместе с тем рычагом, регулирующим формирование культуры. Мы уже слышали здесь замечания в отношении того, как формируется законодательство о культуре, то есть того момента, когда право воздействует на культуру. Вместе с тем право несет на себе и отпечаток тех веков, на протяжении которых оно существовало. И, безусловно, преодолеть традиции, которые были в культуре того или иного народа, в его правовой системе, невозможно под воздействием каких-то даже очень сильных факторов. Ведь если мы будем говорить о действии права и рассматривать не только недостатки в современном правотворчестве, но даже факты в истории нашей страны, то увидим, что не просто какие-то группы большевиков взрывали храм Христа Спасителя. Речь идет о том, что была принята определенная правовая база, которая легла в основу данного акта либо других действий.

Когда речь идет о строительстве храма, здесь также необходимы определенные правовые акты, на основе которых предоставляется земля, осуществляется строительство и т. д. На примере этого явления мы видим, как культура страны, ее внутреннее содержание отталкивает в сторону те негативные моменты, которые породило в том числе и право, тогда происходит определенный этап возрождения. Когда мы говорим о международном праве, то необходимо задаться вопросом: насколько возможно в принципе создание или развитие международного права в контексте диалога культур? Давайте обратимся к таким древним источникам права, как договоры Олега и Игоря с греками, когда цивилизация, исчезнувшая, но обладавшая эталонной правовой системой, — Византия вступила в договорные отношения с формирующейся нацией, со строящимся государством. Наверное, этот процесс возможен.

Какова же ситуация в настоящее время и каковы возможные тенденции развития в этом направлении? Современное международное право — практически новейшее с конца Второй мировой войны. Но кто формировал это международное право? Его формировали носители различных идеологий, но в основе лежали очень близкие правовые культуры. Прошло 65 лет, и возникает вопрос: как дальше будет развиваться международное право? Какие элементы будут в него привнесены? Ни человек, ни государство, я глубоко убежден, не могут отказаться от своих традиций. И если сейчас мы посмотрим на тех основных игроков, которые способны формировать международное право, то не увидим такого единобразия, которое существовало 65–67 лет назад, здесь наверняка будет больше разнообразия.

Наконец вопрос, связанный с близкой нам проблемой, — формированием международного права и развитием права российского, то есть с развитием Европы и развитием России. Объективно право (услов-

но назовем его «евросевероатлантическое») развивалось на основе многообразия идей и традиций Европы. В настоящее время они не исчезли, но объективный процесс состоит в том, что это многообразие, по крайней мере в рамках Евросоюза, имеет определенные тенденции к унификации. Какова будет роль этой евросевероатлантической общности в дальнейшем развитии международного права и соответственно отношений с культурой? Это именно та проблема, которая в настоящее время находится только на начальной стадии исследования.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Андрей Геннадьевич. Хочу пригласить на трибуну Ефима Иосифовича Пивовара, одного из виднейших российских историков.

Е. И. ПИВОВАР¹: — Дорогие коллеги, я занимаюсь проблемами социально-культурной истории, и отсюда мой интерес к истории российского зарубежья, российской эмиграции. В этих стенах, благодаря Александру Сергеевичу, мне довелось выступить с лекцией на эту тему. Пользуясь предоставленной возможностью и отталкиваясь от тех выступлений, которые уже прозвучали сегодня, хочу поговорить несколько о другом, тем более что об этом еще никто не сказал. Много говорилось и о диалоге цивилизаций, и о межкультурном взаимодействии, и о глобализации с точки зрения науки, гуманитарного знания, и о междисциплинарности в анализе этих процессов.

Мы находимся в здании университета, и наш разговор будет неполным, если мы не определим, к кому это все обращено. А обращаемся мы к будущим поколениям, поскольку образование как часть культуры устремлено в будущее и, конечно, высшее образование тоже. Этот Университет, как и многие другие вузы России, изо дня в день занимается развитием высшего образования. В связи с этим мне хотелось бы высказать несколько мыслей, касающихся глобализации с точки зрения образования, высшей школы. Как ректор университета, я хочу констатировать (думаю, вряд ли ректоры или практики образования со мной не согласятся), что глобализация в образовании — это уже реальность. Можно обсуждать, насколько это хорошо или плохо, но это реальность. Поэтому нам необходимо думать и решать проблемы минимизации тех последствий, которые кажутся не совсем позитивными, а также выявлять и определять шаги, которые могли бы быть направлены на опережение в этом процессе и достижение наилучшего результата.

Почему это реальность? Потому что в условиях информационного общества молодежь, уже молодежь ин-

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, ректор Российской государственной гуманитарной академии (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор. Автор около 200 научных работ, в т. ч.: «Советские рабочие и НТР. По материалам автомобильной промышленности СССР», «Наше Отечество. Опыт политической истории», «Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения», «СССР и холодная война», «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом», «Теоретические проблемы исторических исследований» (Вып. 1–5), «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии», «Постсоветское пространство: альтернативы интеграции» и др. Член редколлегии журналов «Вестник архивиста», «Родина». Член правления Российского союза ректоров. Член президиума Совета ректоров государственных вузов Москвы и Московской области.

формационной эпохи, втянута в этот процесс практически с младенчества. И эти темпы (Валерий Леонидович Макаров об этом сегодня говорил, привел два примера, но их можно продолжать) нарастают изо дня в день. Я думаю, что мы должны быть несколько самокритичны: органы управления образованием, а иногда и сами ректоры, не всегда успевают за молодежью. Возник целый ряд направлений, которые фактически уже есть, но еще никак не оформлены в реальных учебных планах и стандартах. Давно пора разрабатывать стандарты, программы «интернетоведения», включая гуманитарную составляющую этих технологий.

Должны быть, условно назовем, менеджеры Интернета — не профессия, а, я бы сказал, направление. Хочу отметить, что мы даже в рамках нашего университета несколько раз подавали такие проекты на рассмотрение, но пока безрезультатно. В то же время академическая мобильность, интернационализация образовательных услуг, привлечение коллег из-за рубежа в стены российских университетов, участие российских специалистов в процессе преподавания в мире — это уже реальная практика. Эта практика стала массовой только в последние годы, еще лет 20–30 назад она не была таковой. И в этих условиях говорить об угрозах интернационализации с точки зрения образования, мне кажется, уже не имеет смысла. А надо говорить о тех направлениях интеграции наших усилий, которые еще не реализованы. И я думаю, что этот форум позволяет дать стимул дискуссии по этому вопросу. Мне кажется, хотя все мы признаем и принимаем, что процесс имеет место, его успехи и минимизация негативных последствий зависят от того, насколько активно мы будем работать на опережение с точки зрения предложения новых, необычных для прошлых эпох образовательных программ и направлений подготовки.

Недавно проходила дискуссия, насколько хорошо заочное образование по сравнению с очным. Некоторые вузы сказали, что они вообще не будут принимать студентов на заочное отделение. Но это несколько односторонний подход. Ведь фактически современное образование уже очно-дистантное по сути, поскольку включает существенный элемент самообразования через новейшие современные средства обучения, которые есть в каждом доме и в части аудиторий. Так что этот процесс может рассматриваться уже совершенно в другой плоскости. В этом отношении новые формы обучения, которые предлагает современная информационная среда, девальвируют некоторые наши представления.

Заочное, не заочное, дистантное, не дистантное, очное, вечернее — все эти формы уже совершенно по-другому выглядят в условиях реального обращения к новым информационным технологиям в процессе образования. Фактически уже и работа профессора с его окружением часто проводится в дистантной форме независимо от того, в какой параллели записан тот или иной студент. Наконец, академическая мобильность, видимо, тоже приобретает новые формы, поскольку речь идет не о том, где географически находятся данный студент и данный преподаватель, а о том, какого качества виртуальное общение, происходящее в образовательной среде. Думаю, есть необходимость в будущем специально заниматься этим вопросом, потому что глобализация и образование дают совершенно новые подходы, новые

решения, которые, мне кажется, будут означать будущее процесса образования в любой среде, в том числе и в гуманитарной.

И последнее: при выдвигании инновационных направлений развития науки и знания крайне важна гуманитарная составляющая. Замечательно, что этот форум собирает выдающихся ученых не только России, но и зарубежных стран. И я думаю, что нам дан только один путь — методично, шаг за шагом доказывать, что без гуманитарной составляющей любой инновационный проект обречен на поражение. Спасибо большое.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Ефим Иосифович. Слово предоставляется господину Альфреду Пересу Браво.

А. ПЕРЕС БРАВО! — Уважаемые участники форума, профессор Александр Сергеевич, благодарю вас за приглашение поучаствовать в этом семинаре. Как дипломат, я имею редкую возможность жить и работать на пяти континентах. Будучи послом Мексики, я работал во многих странах, где за время своей дипломатической службы заметил и понял некоторые простые истины. Самый важный ресурс любой страны — это ее люди. Каждый человек является огромной ценностью. В разных странах я замечал, что каждый день граждане стремятся улучшить условия своей жизни, стараются исполнить свои мечты. Как дать людям больше возможностей для претворения в жизнь их мечтаний? Социальная политика должна этому способствовать. Она, в свою очередь, и создается, и применяется людьми.

Скорость социальных изменений в любом обществе зависит от инноваций и доступа к ним, от науки и новых технологий. Это неоспоримо. Скорость социального развития увеличивается, то есть доступ к высоким стандартам жизни становится более свободным. Нельзя отрицать преимущества прогресса, но также нельзя забывать и о том, что возможности не у всех одинаковые, даже в одном и том же обществе, в одном и том же здании, не говоря уже о разных странах. Это, я считаю, является самой большой мировой проблемой. У всех должны быть в жизни равные возможности для развития.

Неравенство между людьми, социальными группами, национальностями всегда существовало, но никогда социальные группы, общества и нации не были так тесно взаимосвязаны, как сейчас. Еще никогда не было таких возможностей для создания более справедливого мира для всех. Отношения между людьми, нациями основываются на их собственных интересах. Мы не должны отрицать этого. Каждая нация имеет свои интересы, свои проекты, так же как у каждого индивида есть своя жизнь. Все борются за лучшую жизнь для своей семьи, нации, тем не менее всегда нужно понимать, что наши интересы должны совпадать с интересами окружающих, и нельзя забывать об этом.

Мы должны менять свое отношение, быть толерантными и стараться устранять экономические различия,

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в РФ. Был аккредитован в качестве посла Мексики в 47 странах. Занимал пост главы Отдела по политическим вопросам посольства Мексики в Вашингтоне. Работал послом Мексики в Малайзии, был старшиной Дипломатического корпуса. Резидентный посол в Республиках Армения и Беларусь. Автор книги «Мексика сегодня», ряда научных работ, опубликованных в 30 специализированных журналах.

которые могут привести к конфликтам. Эта стратегия должна включать распространение новых знаний, новых форм доступа к образованию. Нужно создавать новые модели сотрудничества между организациями в разных странах. Надо следовать общей цели. Общественная политика каждой страны и социальные программы должны быть сосредоточены на удовлетворении нужд населения. Мы должны стремиться к благосостоянию всех слоев общества, всех народов мира, вне зависимости от их происхождения и уровня развития. Нам необходимо стирать границы между людьми и нациями, чтобы избежать конфликтов, которые могут поставить под вопрос само существование нашей цивилизации. Человеческое общество должно быть более конструктивным, и всем нам надо стараться более цивилизованно относиться друг к другу.

Хочется сказать несколько слов о Мексике, имеющей многовековую историю. Мексика — большая страна с богатой историей. В стране насчитывается 110 миллионов человек, плюс 35 миллионов, которые живут в Соединенных Штатах. 2010 год очень важен для нас, потому что в этом году мы празднуем 200-летие нашей независимости, 100-летие мексиканской революции, а также 120-летие дипломатических отношений между Мексикой и Россией. Все это очень важно для мексиканцев. Наступило время учиться на уроках прошлого. Мы должны добиться того, чтобы наши слова не расходились с делом и были понятны обществу. Мы должны работать над тем, чтобы обеспечивать лучшее будущее для грядущих поколений. Благодарю вас за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово представляется господину Ренэ Герра.

Р. ГЕРРА¹: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые участники Лихачевских научных чтений! Буду кратким. Прилетев из Франции, я узнал, что мой доклад вместе с другими напечатан в сборнике конференции, который я получил. Поэтому я стал листать увесистый том, чтобы найти пищу для размышления на сегодняшний день. И я прочитал (неслучайно, сейчас вы поймете почему) статью Александра Сергеевича Запесоцкого «Проблематика диалога культур в научном и нравственном наследии академика Дмитрия Сергеевича Лихачева». Я был поражен острой актуальностью и мудростью воззрений и подходов русского интеллигента к проблеме диалога национальных культур, основанного на отношении к каждой культуре как к ценности, источнику взаимного культурного обогащения.

Естественно, я не буду перечислять все положения «Декларации прав культуры» 1995 года, о которой уже шла речь сегодня. Ограничусь напоминанием о трех первых, основных ее положениях. Считаю это вполне уместным. Во-первых, культура — главный источник гуманизации человечества; во-вторых, культура любо-

го народа, определяя его духовную уникальность, выражая его творческие силы и способности, одновременно является достоянием всего человечества; и наконец, в-третьих, диалог культур обеспечивает взаимопонимание между народами, выявление духовной уникальности каждого из них. Повторяю, сегодня много, блестяще говорилось о глобализации, глобальной культуре, именно здесь упоминалось о французе Викторе Гюго и Всемирной выставке в Париже в XIX веке. А мне хотелось бы напомнить об этих простых, но столь мудрых словах незабвенного русского интеллигента Дмитрия Сергеевича Лихачева. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово представляется господину Вальтеру Гигеру.

В. ГИГЕР²: — Уважаемый господин председатель, уважаемые дамы и господа! Я считаю, что тема нашего заседания очень важна для того, чтобы диалог культур продолжался. В Швейцарии традиционно сложилось так, что страна разделена на кантоны, и жители каждого из них говорят на своем языке, поэтому мы буквально общаемся на разных языках. Концепция моего доклада звучит так: глобализация стала фактом. И мы должны это принять как факт и решать глобальные проблемы. Не создав глобальной системы ценностей, мы не сможем построить систему поведения, которая поможет нам решить проблемы глобализации. Если мы не будем способствовать развитию этого базиса, то к власти может прийти сильнейший, как это уже бывало в истории — достаточно вспомнить договор «Пакс Романа» («Римский мир»). Но базис сейчас имеет культурную, национальную специфику, он не является глобальным, поэтому уже предreshен конфликт.

Люди часто боятся, что им придется перенять тот или иной, чуждый им образ жизни. Я хотел бы показать это на примере Швейцарии. Как вы знаете, граждане в подавляющем большинстве проголосовали против строительства в стране новых минаретов. Конечно, это конституционное предписание не противоречит исповеданию ислама и посещению мечетей в Швейцарии. Это касается только строительства новых минаретов. Но это произошло в стране, которая известна своей открытостью и толерантностью. Правительство призвало народ отказаться от этой инициативы, но между тем факт остается фактом.

В Швейцарии проживают 20 % иностранцев, поэтому коренное население испытывает определенный страх, что придется толерантно относиться к чужим формам поведения, а иногда даже перенимать их, и это составит угрозу для культурной идентичности Швейцарии. Минареты в данном случае выступили лишь символом этой угрозы. Это было просто проявлением неуверенности, страха перед чуждой культурой. Как найти выход из этого положения, как избавиться от страха? Я как посол рекомендовал бы двоякую стратегию действий. На международном уровне необходимо вести политику диалога, но это будет возможно только тогда (и я хотел бы это подчеркнуть), когда на национальном уровне мы добьемся того, чтобы граждане и народ испытывали дове-

¹ Заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук, коллекционер-исследователь, президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции. Автор свыше 200 научных и публицистических работ, в т. ч. книг: «Младшее поколение писателей русского зарубежья», «Они унесли с собой Россию... (Русские эмигранты — писатели и художники во Франции: 1920–1970)», «Жаль русский народ», «Библиография Б. К. Зайцева» и др. Лауреат Царскосельской художественной премии, литературной премии им. Антона Дельвига.

² Чрезвычайный и Полномочный Посол Швейцарской Конфедерации в РФ, доктор. На дипломатической службе с 1974 года. Был послом Швейцарии в ряде африканских стран и стран южно-азиатского региона, Турции, Азербайджане.

рие к собственной культуре. Без веры в себя, в ценности культуры, в свое национальное наследие, в то, что глобализация не несет угрозы национальной идентичности, невозможно вести конструктивный диалог.

Политика нейтралитета всегда была неотъемлемой частью внешней политики Швейцарии. Мы десятилетиями следуем этой политике, накопили большой опыт и готовы поделиться им с другими странами. В прошлом году мне показалось, что многие российские граждане не совсем понимают, что это такое, и что в России отсутствует политический диалог. Я часто слышу, что в Москве принимаются односторонние политические решения.

Хочу привести несколько примеров, как наша страна пытается претворять в жизнь политику мира. Когда две страны не могут договориться между собой, возникает очень сложная ситуация, как это было в случае разрыва дипломатических отношений между Россией и Грузией. Швейцария гордится тем, что Россия оказала ей доверие и попросила представлять интересы России в посольстве Тбилиси. Но здесь я представляю интересы не только Швейцарии, но и Грузии. Второй пример нашей политики мира — попытка внести позитивные изменения в отношения между Турцией и Арменией. Могу привести еще много примеров, как Швейцария, будучи посредником, выступает в качестве «мягкой силы» (Soft Power) и способствует развитию международного диалога.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово предоставляется выдающемуся скандинавскому историку Рольфу Торштендалу.

Р. ТОРШТЕНДАЛЬ¹: — Благодарю вас за приглашение, уважаемые дамы и господа. Я хотел бы немного поговорить о мировой и транснациональной культуре. Я считаю, что это фундаментальный вопрос нашей конференции. При каких обстоятельствах мы можем говорить о глобализации культуры? Реальна ли, осуществима ли эта задача и каким образом можно этого достичь? Эти вопросы уже упоминались предыдущими выступающими. Я считаю, что можно посмотреть на это немного под другим углом зрения. Я сейчас попытаюсь это сделать. Один из видов глобализации культуры действительно обозрим — это существующая мировая культура в экономике. Не везде она любима, но тем не менее существует и базируется на международных организациях, как, например, ВТО или Международный валютный фонд, которые стараются ввести в государствах определенные правила, а также повлиять на игровые в экономике.

Таким образом, в экономической системе существует цепь обязательств, эта система управляема, и тем самым создается некоторая глобальная культура в этой области. Тем не менее очень сложно выделить какую-

¹ Член Европейской, Шведской и Норвежской академий, профессор Уппсальского университета (Швеция), историк. Автор книг: «Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века», «Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период», «Bureaucratisation in Northwestern Europe», «Assessment of twentieth-century historiography. Professionalism, methodologies, writings», статей по проблемам истории, опубликованных в российских научных изданиях. Иностраный член Уральского отделения РАН. Почетный доктор Российского государственного гуманитарного университета.

либо другую область, где был бы достигнут международный консенсус. Ближе находятся, например, вопросы экологии. Недавно в Копенгагене прошла конференция ООН по поводу экологии, где прозвучали различные мнения и участники пришли к единому мнению. Явно будет очень сложно установить систему подчинения существующим правилам в этой области, хотя экология близка к экономике. Если рассмотреть другие аспекты культуры, обнаружим, что они находятся дальше от всемирного согласия, чем, скажем, экология. Я имею в виду здравоохранение, политику, средства массовой информации, музыкальную культуру, культуру в области образования и т. д.

Очень большим ограничением в глобализации является национальная идентичность. Я не буду расшифровывать этот термин, но хочу подчеркнуть его значение. Национальная ориентация и религиозная ориентация очень важны в этой классификации личности, но есть и другие, скажем, моменты идентификации. Если мы рассмотрим ход истории, то увидим, что те или иные идеи, возникшие в разных странах, становятся всемирными идеями, или их воспринимает весь мир. Как, например, древние римляне, которые распространили свою культуру практически по всей тогдашней ойкумене. Китайцы также исследовали мир, и они гораздо раньше начали считать Китай поднебесной и единственной культурой, с которой стоило считаться. То же самое было и в Индии, был период Великих Моголов. Все эти явления всегда подкреплялись религиозными принципами, верой.

Европейские создатели империй тоже считали свою культуру лучшей, так продолжалось до Первой мировой войны. Затем была советская мечта о коммунистическом мире, и американская мечта об американизации Вселенной после Второй мировой войны. Это все одно и то же — стремление одной культуры стать глобальной. Когда мы рассматриваем глобализацию, то должны напоминать себе о таких исторических примерах. Людям казалось, что у них есть ключи к глобальной культуре, но они были неправы. В чем заключается идея глобальной культуры? Есть два возможных ответа. Глобальная культура недостижима. Если мы проанализируем историческое развитие последних трех веков, то увидим, что нет пути для сближения цивилизаций. Но есть и другой ответ на тот же самый вопрос: усилилось сотрудничество и возник удобный переход во многих областях, но можно сказать, что пока они несколько ограничены. Укрепление культурных связей продолжается в течение как минимум двух веков.

Давайте вспомним профсоюзы, которые стали достаточно значимыми и, конечно же, международными организациями, защищающими права многих слоев населения. Например, возможность планировать семью поспособствовала тому, чтобы женщины смогли вести ту жизнь, которая им нравится. Кроме того, законодательство, которое защищает права меньшинств и охраняет природу, во многом усовершенствовало жизнь общества. Все это продолжается в течение как минимум двух веков. Не всегда все получается так, как хочется, но в сфере защиты природы ради благосостояния будущих поколений эффект есть.

Из всего сказанного можно сделать вывод: все эти примеры доказывают то, что транснациональная

культура возможна, она уже существует во многих областях, которые я упоминал. И существует транснациональное развитие, все это очень важно. И мы можем добиться процветания, уже добились кое-чего за последние два века. Транснациональное развитие и история весьма важны, и международные решения, хотя пока и ограниченные, способствуют совместному процветанию. Мы должны сообща прилагать усилия в этой области и стремиться к глобальной кооперации, хотя общее глобальное культурное пространство пока еще не достигнуто. Мы должны продолжать диалог в этой области. Благодарю вас за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Уважаемые коллеги, я приглашаю на сцену Анастасию Александровну Емельянову, учащуюся Новленской средней общеобразовательной школы Вологодской области. Как я вам говорил, у нас в рамках Чтений проводится международный Лихачевский форум старшеклассников, в котором в основном, конечно, участвуют дети из России, но приезжают школьники и из других стран. Сначала они присылают свои сочинения, это сотни и тысячи сочинений на тему «Идеи Дмитрия Лихачева и современность». Авторитетное жюри под руководством Николая Дмитриевича Никандрова и Даниила Александровича Гранина вместе с академиками, филологами из академических институтов выбирают лучшие работы.

И вот лучшее из лучших сочинение в этом году прислала Анастасия Александровна, и называется оно «Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах». Немножко длинно, но абсолютно правильно. Я бы хотел вручить цветы и диплом нашей замечательной участнице. Диплом I степени подразумевает государственный приз в виде денежного вознаграждения, потому что этот конкурс включен Министерством образования в Перечень олимпиад и иных конкурсных мероприятий для особо талантливых детей. Кроме того, Анастасия Александровна Емельянова получает возможность обучаться в нашем Университете бесплатно по любой специальности. Если хотите, можете сказать несколько слов, прошу Вас.

А. А. ЕМЕЛЬЯНОВА: — Хочется выразить благодарность Оргкомитету за возможность присутствовать на X Международных Лихачевских научных чтениях, поблагодарить жюри конкурса и, конечно, моих родителей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Краткость — сестра таланта.

Я приглашаю на трибуну Международных Лихачевских чтений госпожу Маргот Клестиль-Лёффлер.

М. КЛЕСТИЛЬ-ЛЁФФЛЕР¹: — Уважаемые участники конференции! Если меня пригласили сегодня говорить о диалоге культур и цивилизаций, то именно Санкт-Петербург является особо подходящим местом для этого, так как этот город, как никакой другой город мира, явился результатом такого диалога. Россию, как и Австрию, объединяет, учитывая изменчивую и часто

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Австрийской Республики в РФ, доктор филологии.

тяжелую совместную историю, вековая традиция общения разных культур внутри нее. С давних пор оба государства впитывали культурные влияния Востока и Запада и умели находить мирный и для всех сторон обогащающий компромисс предлагаемых противоположных культурных влияний.

Раз мы говорим о диалоге, то сначала необходимо выяснить, что обозначает это понятие в конкретном тематическом контексте. Нельзя понять диалог в смысле межкультурного обмена как доктринерский прозелитизм. Суть в том, что равные и уважающие друг друга собеседники стараются определить, чем они отличаются и где начало общей основы, на которой можно создавать плодотворное культурное взаимопонимание. Австрия имеет долголетний опыт, как с помощью культурного сотрудничества можно преодолеть культурные границы. В этом дипломаты, в том числе и австрийские, неизменно востребованы. Успешная внешняя политика в настоящее время занимается больше чем когда-либо диалогом культур, серьезным обсуждением культурных различий и общности, темами совместной жизни лиц разного культурного, этнического и религиозного происхождения.

Вызов разнообразия, особенно дома, необходимо встретить ясно и честно. Мы видим, что совместная жизнь людей разного культурного происхождения влечет за собой страх и большую неуверенность. В Вене, например, в настоящее время живет столько же людей, родившихся за границей, для которых немецкий язык не является родным, сколько 100 лет назад. Сегодня мы очень гордимся тогдашней творческой атмосферой «Вены 1900 года».

Хочу обратить особое внимание на глобализацию культуры в среде молодежи, в области литературы, кино, танца, науки. Необходимо назвать, в частности, сотрудничество историков обеих стран. Конечно, недостаточно, если диалог культур ограничен общением между институтами и их представителями. Идею диалога культур и знания о нем надо внедрить в общество. В связи с этим необходимо сказать о значении средств массовой информации. В настоящее время они входят в состав определяющих создателей и посредников в культурном общении. В диалоге культур и цивилизаций СМИ имеют ключевую позицию и должны отдавать себе отчет о своей ответственности. История Австрии, как и России, в качестве традиционной точки пересечения многочисленных культурных влияний в течение многих веков образовала самобытность этой страны. Кроме того, современные процессы, происходящие в Европе, вселяют в нас веру, что диалог культур является правильным путем для мирной совместной жизни. Большое спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, госпожа Клестиль-Лёффлер. Прошу подняться на трибуну выдающегося российского ученого-экономиста Олега Тимофеевича Богомолова.

О. Т. БОГОМОЛОВ²: — Спасибо. Уважаемые участники этих юбилейных и весьма впечатляющих

² Академик Российской академии наук, советник РАН, руководитель исследовательского проекта РАН «Взаимодействие экономики и общественной среды», заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления (Москва), доктор экономи-

Лихачевских чтений, тема, которую я собираюсь затронуть, может показаться малозначимой в контексте диалога цивилизаций, и пока, по-моему, ее не упоминали. Речь идет о роли общественной, или обществоведческой, и политической мысли в нашей жизни. Сегодня многие начинают задумываться над тем, как скажется глобальный экономический кризис на культурном и духовном наследии земной цивилизации. Станет ли человечество мудрей, сделав выводы из охвативших мир потрясений? И готовы ли теоретики, ученые и политические лидеры учиться на опыте нынешнего самого глубокого за послевоенный период экономического кризиса? От общественной мысли в ведущих странах мира, и в том числе в России, ждут ответа на вопрос о причинах переживаемых потрясений. В преодолении кризиса и недопущении его повторения в будущем многое будут определять господствующие идеологические доктрины в ведущих странах мира и, естественно, в той части мира, которую представляет Россия, Восточная и Центральная Европа.

Отрадно отметить, что уже появились признаки критического переосмысления господствующей экономической идеологии, так называемого мейнстрима экономической мысли. Даже в рядах убежденных либералов и ультралибералов, а они остаются сегодня еще весьма влиятельными, предпринимаются попытки разобраться в ситуации, в том числе и в том, насколько в возникновении сегодняшних кризисных проблем виновата экономическая наука и теория. Мне приходилось сталкиваться со статьями, которые так и назывались: «Ученые-экономисты виновны в глобальном экономическом кризисе». В этом отношении очень симптоматичны статьи, которые можно было прочесть в авторитетном британском журнале «Экономист», отнюдь не отличавшемся прогрессивной направленностью своей политики, а, наоборот, принадлежавшем скорее к лагерю ультралибералов.

Так, на обложке одного из прошлогодних номеров этого журнала была помещена фотография увесистого тома современной экономической теории, а ниже надпись крупным шрифтом: «Что в ней ошибочно, и как кризис меняет ее?» В публикациях этого номера утверждается, что два центральных раздела экономической науки — макроэкономика и экономика финансов — подлежат сегодня оправданному и серьезному пересмотру. Прочесть на страницах этого журнала такого рода заключение — это поистине настоящая сенсация, которую некоторое время тому назад трудно было даже и предположить. Но призывы к переосмыслению теории, описанной во всех американских учебниках, да и в наших, мы слышим и от отдельных авторитетных ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии Джозефа Стиглица, Пола Кругмана и Пола Самуэльсона.

Так, Пол Кругман отмечает, что за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем — просто вредна. Джозеф Стиг-

лиц усматривает истоки глобального кризиса в том раже дерегулирования, который подогрел рыночный фундаментализм Уолл-стрит. Он констатирует несостоятельность экономической науки и фундаментальные изъяны в американской модели капитализма. Но мы, россияне, в своих экономических реформах руководствовались макроэкономикой именно американского покроя, на которую нас нацеливали и Чубайс, и Гайдар, и другие реформаторы. Поэтому, извлекая уроки из глобального, в том числе и российского, кризиса, не лишне было бы прислушаться к призывам Нобелевских лауреатов пересмотреть некоторые догмы и устоявшиеся представления экономической теории.

По-моему, переоценка ультралиберальных рецептов составляет один из самых важных выводов, который поможет преодолеть трудности кризисного периода. Нужно сказать, что эта же тема присутствует и в официальных документах Организации Объединенных Наций. «Рыночный фундаментализм Laissez-faire последних 20 лет драматически провалил экзамен», — констатирует доклад ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультилатеральные средства лечения». Журнал «Экономист» продолжил тему, о которой я говорю, и в одном из номеров этого года поясняет свою мысль на этот счет: «Мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван государственным капитализмом». Речь практически идет о том, что сильные стороны европейских экономических систем, особенно северных стран, а также плановой экономики в СССР и стран советского блока в прошлом, нынешнего Китая могли бы быть учтены в некоторых новых конструкциях, тем более что кризис заставляет усилить роль государства в регулировании рыночных отношений.

Похоже, что в мировом сообществе уже приступают к работе над ошибками. И в целом ряде стран, включая Китай, начат поиск новой парадигмы постиндустриального развития. Можно предположить, что Соединенные Штаты в конечном счете предпочтут ограничиться некоторой корректировкой существующей системы, тогда как европейцы продолжают поиск оптимальной модели постиндустриального развития.

Я обратил внимание также на то, что в мерах, принимаемых Америкой и Европой, по «тушению пожара», связанного с кризисом, и затыканию, так сказать, тех дыр, которые образовались в экономике, присутствует также и стратегический подход, стремление уже сегодня подготовиться к вызовам, которые нас ожидают в XXI веке. В связи с этим я хочу процитировать два высказывания. Президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама, выступая в Национальной академии наук, подчеркнул: «Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни». А Президент Франции Николя Саркози объявил о намерении государства прибегнуть к займам у частного бизнеса, чтобы направить на финансирование образования и науки 35 млрд евро. Он мотивировал это необходимостью вывода Франции, ее молодого поколения на высший мировой уровень знаний и конкурентоспособности. Мы, к сожалению, еще подобные задачи не ставим, только говорим о них, а на деле сокращаем бюджет

ческих наук, профессор. Автор свыше 700 научных публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и насущном», «Мировая экономика в век глобализации».

Почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, почетный президент Международной ассоциации экономических наук, член Болгарской академии наук, почетный профессор Будапештского университета.

и на образование, и на развитие науки, по крайней мере, на развитие академических, фундаментальных знаний.

Об успехах и, наоборот, провалах в экономическом развитии обычно судят по показателю валового внутреннего продукта. Казалось бы, устоявшееся представление о ВВП как барометре экономической погоды не требует переосмысления. Однако это не так. Речь идет о том, что этот показатель отнюдь не всегда отражает реальное положение дел в экономике. Поэтому Президент Франции Саркози призвал двух лауреатов Нобелевской премии — Джозефа Стиглица, которого я упоминал, и Амартио Сена возглавить комиссию по оценке репрезентативности показателя валового внутреннего продукта. Стиглиц говорит: «То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем. Если у нас неверное измерение, мы будем иметь неверные результаты... Надо перестать фетишизировать валовый внутренний продукт и понять его ограниченность... Многие аспекты жизни он не отражает, в том числе и продолжительность жизни, и качество жизни, и состояние здравоохранения, и многие другие вещи». Что касается президента Франции, то он высказался более прямолинейно: «Граждане думают, когда мы приводим данные о валовом внутреннем продукте, что мы лжем и приводим неправильные показатели. И они имеют основание думать так». И действительно, комиссия, которую я упомянул, во главе с лауреатами Нобелевской премии, пришла к выводу, что нельзя во всем полагаться на показатель ВВП, его нужно дополнить другими важными критериями. Когда мы оцениваем ситуацию в экономике сегодня и говорим о планах на будущее, надо принимать во внимание показатели, характеризующие положение с демографией, со здоровьем нации, распределением созданного дохода между различными слоями населения и отраслями экономики, темпом инфляции и ее отражением на жизненном уровне богатых и бедных. Словом, не упускать из вида многие другие важные аспекты жизни населения и каждого отдельного человека. К сожалению, мы еще не доросли до такого взгляда на статистику. О росте реальных доходов населения страны нам предлагают судить по среднему показателю, подобному средней температуре в больнице, без учета того, что у одних слоев населения их рост зашкаливает, а у большинства он минимален или даже снижается.

В заключение хочу отметить, что на фоне глобального экономического кризиса и исторических перемен в мироустройстве особенно видна относительная слабость современной социальной и политической мысли. И эту слабость надо преодолеть. Это ответственность, лежащая на многих ученых и теоретиках. И здесь диалог цивилизаций может быть очень продуктивным и полезным. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Олег Тимофеевич. Я хотел бы сейчас пригласить к микрофону Михаила Геннадьевича Делягина. Прошу Вас.

М. Г. ДЕЛЯГИН¹: — Уважаемые коллеги, для меня огромная честь выступать не только под этим портре-

¹ Директор Института проблем глобализации (Москва), доктор экономических наук, действительный государственный советник 2-го класса. Автор более 800 научных публикаций, в т. ч. 12 книг, среди которых: «Экономика неплатежей», «Идеология возрождения», «Мировой кризис. Общая теория глобализации», «Россия после Пути-

том Д. С. Лихачева, но и на сцене этого Университета, потому что это один из немногих российских вузов, про который мне доподлинно известно, что здесь действительно не берут взятку. По нынешним временам это значит очень многое. Я восхищен мужеством организаторов нашего сегодняшнего мероприятия, которые не побоялись объявить темой нашей конференции самую острую, болезненную и взрывоопасную тему из всех существующих в общественном сознании.

Я хочу обратиться к ряду идей, которые прозвучали с этой трибуны. Мы все знаем, что глобализация, несмотря на то что слово модное, имеет смысл, в том числе она означает предельное упрощение коммуникаций и соответственно предельное ужесточение конкуренции. Немного уходит из нашего восприятия то, что это не просто ужесточение конкуренции, это ее изменение. Потому что во время холодной войны конкуренция была в силовом поле биполярного противостояния, которое удерживало ее в рамках, в общем-то, одной цивилизационной парадигмы. Сейчас этого поля больше нет, и конкурентная борьба идет между цивилизациями, грубо говоря, между большими культурами, а конкуренция культур — это вещь очень специфическая.

Во-первых, бывают разные системы ценностей; во-вторых, бывают разные образы действия, и когда вы по-разному стремитесь достичь принципиально разных целей, здесь возникают поля не только для сотрудничества, но и для конфликтов, которые не имеют разрешения. А конкуренция культур — это единственная, наверное, сфера, где рост взаимопонимания часто не повышает, а наоборот, понижает возможность компромисса, потому что обнажает принципиальную несовместимость целей. Конечно, диалог цивилизаций, культур — это вещь замечательная, но он бывает разный. Здесь говорилось про диалог военных культур. Мы все знаем, что этот диалог гораздо чаще ведется на полях сражений, а не на совместных парадах, будь то на Красной площади или в городе Бресте в 1939 году.

Иногда особенность культуры такова, что она исключает возможность диалога с ней со стороны представителей иных культур. Петербургские журналисты очень любят пример с соборной мечетью: 20 лет назад туда можно было зайти любому человеку, и даже женщине, потому что это сказочно красивое место. И когда года четыре назад меня туда повели, выяснилось, что зайти туда уже нельзя. Правда, потом меня утешили, что туда нельзя зайти очень многим мусульманам, потому что та часть мусульманского комьюнити, которая ее контролирует, не вступает в диалог даже со многими своими единоверцами.

Другой пример культуры, диалог с которой крайне затруднен, — это культура определенной части сегодняшней российской бюрократии, которая искренне рассматривает государство не как инструмент для достижения общественного блага, а как инструмент личного обогащения, считает население некой биомассой, подлежащей переработке в личное благосостояние. Мы видим многие реформы, последняя из которых — реформа бюджетной сферы, которая, по сути дела, означает ее уничтожение. И каков же диалог? Диалог культур очень прост — вас не слышат, а если начинают слышать, «Драйв человечества». Почетный профессор Цзилинского университета (Китай).

шать, то вас в лучшем случае принимают за истерика, а в худшем — оформляют по 282-й статье. Таким образом, диалог культур не всегда возможен просто институционально, в результате чего их взаимодействие может приобретать деструктивный характер в силу особенностей этих культур.

В связи с этим я не могу не отметить, что политкорректность и толерантность, которые продвигались в общественном сознании изначально как факторы, повышающие эффективность человеческого общества, сегодня в ряде случаев просто не совместимы с длительной жизнью. Они требуют отказа от полного учета культурных различий в практической жизни и, более того, заставляют клеймить этот учет как фашизм, нацизм или (в лучшем случае) как истерику. Я пытаюсь себе представить: допустим, я еврей в Германии до Нюрнбергского процесса. И что, я должен толерантно и политкорректно относиться к культуре СС, которая предусматривает мое физическое уничтожение?

Мне сложно это представить, но я почувствовал нечто подобное в 1993 году, когда человек, бывший до этого момента моим другом, начал мне объяснять, почему баранина самое вкусное мясо. Он произнес дословно следующее (я приношу извинения за не очень политкорректную фразу): «Ты понимаешь, баран — он как русский, его режут, а он не понимает». . . К сожалению, диалог в рамках взаимодействия с такой культурой носит несколько односторонний характер.

Переходя к глобальным проблемам, я должен сказать, что сегодня в глобальном развитии существуют две проблемы, на которые культурный фактор оказывает серьезное влияние. Самая главная проблема — это архаизация. Мы все говорим о прогрессе — социальном, технологическом и так далее, уже лет 10 тенденции архаизации очень сильны по всему миру, я не беру нашу страну: мы, как всегда, впереди планеты всей. Самое главное, глобализация, а не упрощение коммуникаций, связана с массовым применением технологий формирования сознания, более масштабным, чем за всю предыдущую историю человечества. И, грубо говоря, сейчас происходит изменение самого характера деятельности человека.

Если раньше человек менял окружающую природу, сейчас все больше вектор поворачивается в другую сторону, человечество в процессе своего развития начинает менять собственное сознание. Это очень экологично, но когда мы меняем инструмент познания мира и концентрируем свое воздействие на собственном сознании, мир объективно становится для нас менее познаваем. Это реальная трагедия для науки, образования, многих других сфер.

Другое направление заключается в том, что компьютер скоро сделает людей равными по доступу к формальной логике, точно так же, как Интернет уже сделал нас равными по доступу к непроверенной информации. Если мы будем равными по доступу к формальной логике, человеческая активность будет вытесняться в сферу творческого мышления. Но тем, кто не обучен пользоваться своими творческими способностями, а таких, к сожалению, большинство, для них активность будет вытесняться в сферу внелогического мышления, вернее, в другую форму внелогического мышления — не в творческое мышление, а в мистическое. Мы это тоже видим, а это опять-таки архаизация.

Наконец, мы имеем экономический кризис. Не вдаваясь в детали, скажу, что загнивание глобальных монополий лечится технологическим прогрессом, который разрушает монополизм, но глобальные монополии сопротивляются этому и, естественно, сдерживают технологический прогресс. Необходимо не создание новых девайсов, не продвижение новых коммерциализированных наработок технологических принципов, открытых во времена холодной войны, а создание качественно новых технологических принципов. К сожалению, технологический прогресс за последние 20 лет замедлился, хотя в области быта, наоборот, ускорился.

Вторая проблема, в которой очень сильно влияние человеческого фактора, — это, как ни печально звучит, проблема утилизации среднего класса. Дело в том, что современный социум, современные социальные отношения приспособлены к прошлым индустриальным технологиям, и сегодняшний кризис, происходящие изменения в человечестве связаны с их приспособлением к новым постиндустриальным технологиям, сначала информационным, потом, может быть, каким-нибудь еще, биотехнологиям, например. Мы не знаем, куда движемся, но одно из следствий этого перехода — это то, что относительно неэффективны индустриальные технологии, при которых каждый человек был абсолютной ценностью, потому что он давал прибыль, его нужно было отловить, обучить, поставить к станку, и чтобы он при этом еще и был доволен. И отсюда выросло общество благосостояния — средний класс.

Эти технологии замещаются значительно более производительными — информационными технологиями. И выясняется, что для того, чтобы производить прежний объем благ, чтобы насыщать рынки, достаточно небольшой части элиты в любом обществе и небольшой части социальных низов, а средний класс оказывается лишним. Он столь же избыточен, как и население России в условиях «экономики трубы». И если мы сохраняем прежнюю парадигму развития, ориентированную на достижение прибыли как главный мотив деятельности человека, то мы так или иначе оказываемся перед необходимостью решать «людоедскую» задачу. Если же мы хотим от этого отойти, то мы вынуждены уходить от рынка и стремления к прибыли как главному мотиву движения к самосовершенствованию, а, в общем-то, не очень понятно, какие будут мотивы и какие будут направления деятельности на этом пути. Дальше всего по этому пути зашла наша страна, Советский Союз, но опыт был в целом неудачным.

И последнее. Чтобы успешно вести диалог культур в любой его форме — мирной или не очень, — мы должны прежде всего изучить самих себя, собственную культуру, чтобы научиться использовать свои сильные стороны и исправлять, или хотя бы не выпячивать слабые, а у нас с этим очень скверно. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Геннадьевич. На сцену приглашается наш гость из Нью-Йорка Марк Шойер.

М. ШОЙЕР¹: — Для меня огромная честь выступать перед вами. Очень интересно встретиться с коллегами

¹ Директор секретариата «Альянса цивилизаций» Организации Объединенных Наций.

со всего мира, российскими преподавателями, студентами и общественными деятелями. Кроме того, хочу отметить, что мы находимся в городе, который является драгоценностью для всего мирового сообщества. Я попытаюсь прокомментировать некоторые идеи, которые прозвучали сегодня. Была очень интересная мысль касательно необходимости сострадания в мире — если мы хотим разрешить мировые проблемы, без сострадания нам не обойтись. Я постараюсь запомнить эту мысль и распространить ее везде, где буду дальше выступать.

Затем разнообразие, о котором много говорилось: через деглобализацию и развитие новых средств связи мы должны стремиться к мировому разнообразию. Сотни миллионов граждан на деле осуществляют поддержку разнообразия. Эти инновации стимулируют развитие диверсификации в мире. Мы являемся свидетелями появления глобальной культуры — это очень интересный процесс и момент мировой истории, который означает не слияние существующих культур, а медленное появление определенных элементов глобальной суперструктуры с точки зрения культуры. Господин из Индии обратил внимание на то, что сейчас глобализация в экономическом смысле нехороша для большей части человечества. Так что можно позитивно поддерживать, а от негативного стараться избавляться в процессе глобализации.

Основной проблемой является удержание общества в состоянии мира и поиск равновесия. Равновесие трудно сохранять: нужно уважать национальные особенности и одновременно не забывать о создании хороших глобальных надкультурных надстроек. Вот это равновесие нужно удерживать, черпать лучшее отовсюду. Я хочу поблагодарить посла Испании в России за то, что он затронул вопрос о развитии союзничества. И хочу объяснить, что я думаю по этому поводу: это не новые международные организации, а просто процессы, сила, которая соединяет инновации и новые идеи, поступающие от граждан различных стран, и связывает это с национальными политиками стран и мировой политикой.

Общественная работа — это очень широкое понятие. Существуют неправительственные организации, правительственные структуры, религиозные деятели, деятели культуры, и все они своими инициативами должны на всех возможных уровнях — национальном и наднациональном — поддерживать все хорошие, положительные предложения, поступающие из различных частей общества через средства массовой информации и образования. Как этого добиться? Конечно, сейчас в мире напряженная обстановка, но нужно прислушиваться к голосу и мнению общественности. Нельзя недооценивать роль средств массовой информации: они должны помочь человечеству услышать себя, своих представителей, как бы далеко они ни находились, поддерживая положительные инициативы, особенно исходящие от молодежи.

Мы сейчас наблюдаем, что молодежь из многих стран мира сотрудничает, пересекая все политические и географические границы, и берет на себя инициативу во многих положительных начинаниях. Мы должны замечать это и поддерживать молодое поколение, нужно это обнаруживать, повторять, копировать и внедрять все интересные и полезные инновации.

Необходимо сосредоточиться на том, как правильно организовать жизнь в больших городах. Очень часто возникают конфликты между сельским и город-

ским населением. Нужно стараться стирать разницу между городом и деревней. А кроме того, надо следить за жизнью религиозных сообществ, поддерживать положительные инициативы, стремящиеся к мирному существованию, стараться нивелировать религиозные конфликты и избегать радикализма. Чтобы действовать в этом направлении, мы должны обязательно основывать свою деятельность и заручаться поддержкой международных организаций, в первую очередь, конечно, ЮНЕСКО, которая является лидером диалогов и межкультурных начинаний.

Мы должны работать с Организацией исламской конференции, развивать отношения с ней, наводить мосты между различными группами стран, быть внимательными к культурам всех стран. В этом большую помощь оказывают международные конференции, подобные той, что проходит в Рио-де-Жанейро, где встречаются представители разных городов, религий, государств. На таких симпозиумах подводятся итоги, намечаются проблемы и пути их решения. Эти встречи всегда очень полезны для всего человечества. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Большое спасибо, мистер Шойер. Позвольте пригласить к микрофону Владимира Константиновича Мамонтова.

В. К. МАМОНТОВ¹: — Уважаемый Александр Сергеевич, дамы и господа! Прежде всего благодарю за приглашение участвовать в этом знаменательном форуме. Я всегда с удовольствием принимаю такие приглашения. Появились друзья, знакомые — люди, с которыми без ложной скромности можно обменяться интересными идеями и таким образом узнать, важны ли они на самом деле или это только кажется. И когда мы встречаемся и обмениваемся впечатлениями, то кое-что оказывается действительно важным.

Я приехал сюда из Владимира, где была совершенно другая аудитория — мои коллеги-журналисты, не научные работники, академики и профессора, а люди, специально вроде бы не занимающиеся каким-то интеллектуальным поиском. Но удивительное дело, я провел там два часа и сегодня целый день здесь — и сколько чудесных совпадений, связанных с нашей непосредственной работой, журналистской жизнью, медийной сферой. Сегодня прозвучала мысль многоуважаемого господина Макарова о том, что возможно некое коллективное творчество, и мы только на подступе к этой истории, — то же самое говорилось вчера во Владимире. Если газета, уходя от бумажной версии, переходит в версию виртуальную, то она таким образом действительно может оказаться коллективным продуктом.

Читатели виртуальных газет становятся соавторами, и средства массовой информации втягивают читателей-соавторов в творческий процесс, обмениваясь с ними информацией. Таким образом, при помощи Интернета на выходе мы получаем совершенно новый продукт, трудноцензурируемый, гораздо более свободный, иногда глупый, нелепый, временами странный, смешной, а иногда гениальный. И вот за те проблески гениальности, кото-

¹ Президент ОАО «Редакция газеты «Известия»». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?». Член комиссий Общественной палаты РФ по науке и инновациям; по сохранению и развитию отечественной культуры; по вопросам развития гражданского общества.

рые возникают в процессе совершенно новой, казалось бы, технологической вещи, и стоит бороться. Раньше мы читали бумажную версию, а теперь мы все «живем» в Интернете, может быть, не все, но большая часть, в том числе молодежь как более продвинутое поколение.

Мои владимирские коллеги задали мне интересный вопрос: «А как Вы считаете — контент должен быть одинаковым что для бумажного носителя прежнего, советского формата, что для сегодняшних газет, что для журналов, что для Интернета? Или должен быть другой, интернет-контент?» Я ответил просто: «Конечно, у виртуальных газет уже другой контент, они вообще мыслят иначе». А ответ: «Да нет, контент у нас будет прежний, а это только носители», нас, в общем, в ходе нашей дискуссии не устроил.

Сегодня прозвучала очень интересная мысль, что как только изобрели рояль, стал возможен Бетховен. А какие возможности открывает Интернет? На самом деле мы еще не знаем. Люди, работающие в Интернете, пользующиеся этими совершенно необычными, новыми технологическими возможностями, иногда нам кажутся матерщинниками, чудовищами и довольно глупыми людьми, которые, как на коммунальной кухне, выплескивают какие-то свои комплексы. (Многие называют Интернет всемирной помойкой.) На самом деле, мне кажется, что рано или поздно должно произойти разделение: с одной стороны, Интернет станет коллективным, новым, совершенно творческим инструментом, роялем для будущих Бетховенов, а с другой — останется анонимным бессмысленным торжищем собственными комплексами.

Кто этим должен управлять? Есть «интернет-гуру», которые уже этими процессами управляют очень ловко, но мне они, если честно, не нравятся. Внешне они такие все новые, удивительные и свежие, а внутри, если рассмотреть, это все та же попытка захватить власть над аудиторией, но другим способом. Вроде бы Интернет обеспечивает равенство, а посмотрите, что пишут сами «гуру» и какие потом следуют комментарии (или, как сейчас говорят, комменты), там все видно — кто начальник, а кто нет. Получается — схема та же. Вот это меня не устраивает.

Но в то же время в Интернете сейчас ясно можно увидеть слияние интеллектуальных потоков и выращивание совершенно новых продуктов. На этом фоне становится понятней и то, что делаем мы, газетчики, то, как мы должны развиваться. Постоянно возникают вопросы, какая версия газеты важнее — бумажная или интернет-версия, что умрет, а что останется? Они сопоставимы с теми опасениями, что когда-нибудь книга умрет, но она жива и будет жить. Поэтому посмотрим, время покажет.

Безусловно, с помощью Интернета перед нами открывается совершенно новый мир, в том числе и в прессе. Сейчас мы много говорим о глобализации, что, конечно же, касается и Всемирной паутины. Возникает очень интересный вопрос: «А языковые барьеры?» Если мы говорим об объединении, о глобализации, что, нам всем английский выучить? Или верить в то, что все выучат русский? Какой-то странный вопрос. На самом деле барьер это для глобализации или, наоборот, великое счастье, но в любом случае будут возникать разные цивилизационные острова, которые объединятся, и возникнет, по идее многоуважаемого и любимого мною

Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, «сверхкультура»; может быть, это будет так, может быть, иначе. Поживем — увидим.

В заключение хочу сказать, что благодаря Университету и Дмитрию Сергеевичу Лихачеву мы находим здесь возможность совместно поговорить и поразмышлять о важных вещах — это большое событие! И спасибо большое за предоставление такой возможности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово предоставляется Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР¹: — Спасибо большое, Александр Сергеевич, уважаемые коллеги. Должен сказать, что это первые Лихачевские чтения, в которых я принимаю участие, и так удачно сложилось, что эти Чтения — юбилейные. По моим ощущениям, в этом зале среди присутствующих людей существует какая-то особая интеллектуальная и коммуникативная атмосфера, которая дает нам возможность приобщиться к тому, что мы называем диалогом культур, диалогом цивилизаций, диалогом людей, диалогом направлений, то есть к тому, что составляет, собственно говоря, стержень современных Лихачевских чтений. Я за это очень благодарен организаторам и всем собравшимся. Сегодня мы услышали множество интереснейших, более или менее нетривиальных, более или менее правильных, но в любом случае заслуживающих внимания и обсуждения мнений и предложений.

В своем кратком выступлении я хотел бы сосредоточить ваше внимание на одной гипотезе, которая тесно связана с нашей основной проблематикой — диалогом культур и партнерством цивилизаций. Речь идет о роли России в этом диалоге, а в более широком смысле — о *миссии*, которую могла бы исполнить Россия в мировом сообществе и которую она уже исполняет, а также о связи этой миссии с межкультурным диалогом и межкультурным партнерством. Мне кажется, что эта связь не случайна, а закономерна: одна из граней миссии России как раз и состоит в реализации такого диалога и такого партнерства. Я хотел бы сказать несколько слов об этом, тем более что, на мой взгляд, осознание или, точнее, постижение этой миссии составляет основную задачу научной и культурной интеллигенции России. Миссия не создается, не разрабатывается, не выбирается. Ее *постигают* и ею *проникаются*. Это постижение, мне кажется, и должно быть одним из основных лейтмотивов Лихачевских чтений.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук, профессор. Директор Института новых экономических знаний Российского нового университета, ведущий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, ведущий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, ведущий кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансовой академии при Правительстве РФ, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Автор более 500 научных работ, в т. ч. книг: «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний», «Теория фирмы и практика российских предприятий: состояние, проблемы, перспективы», «Эволюция институциональных систем», «Производственные функции: теория, методы, применение», «Перспективное планирование производства в объединении (опыт моделирования)» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента», член Научно-экспертного совета по антикризисной политике Аналитического управления Аппарата Государственной Думы РФ. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

Несколько слов о миссии России как государства. Какие существуют предпосылки к тому, чтобы вообще говорить о миссии, и из чего следует исходить в процессе изучения этого вопроса? Очевидно, у каждого государства есть то, что можно было бы назвать *инвариантами*, и есть то, что можно назвать *вариантами*, то есть переменными величинами. Инварианты не подлежат изменению без изменения самой сути предмета, в данном случае страны. Варианты подлежат выбору или установлению и являются объектами управления. Пока мы не познаем и не найдем согласия в том, что является инвариантами России, а что — переменными характеристиками, мы не сможем определить, куда и как нам двигаться.

Совершенно ясно, что инвариантами почти любых государств являются, прежде всего, их территория, природно-географические условия, исторический путь. Для России они таковы, что наша страна по-прежнему остается самой большой и самой протяженной в мире. И эти географические просторы, отмеченные не только географами, экономистами, но и представителями русской культуры, писателями, такими как Гоголь, Пушкин, Л. Толстой, Гончаров, Лесков, Достоевский и другие, создали особый, *средовой* тип цивилизации.

Среди других стран, даже весьма крупных, Россия выделяется как типично средовая страна, некая огромная и достаточно неоднородная *среда*, в которой формируются особые отношения между людьми, между человеком и природой, между прошлым и будущим. Расстояние здесь переходит во время, а время перетекает в расстояние. Такая, по сути, безграничная среда формирует особый тип ментальности народа. Те же авторы, которых я называл, в российской ментальности отмечают особые черты, которые свойственны именно нашей стране. Это определенная переменчивость, бинарность, полярность оценок, исторически мгновенный переход от «очень плохо» до «очень хорошо» и обратно. Этому соответствует особый бинарный стиль восприятия действительности и особый исторический путь, такое возвратно-поступательное движение — «шаг вперед, два назад». В качестве примера можно вспомнить известное выражение начала 1990-х годов: «Берите суверенитета, сколько можете унести», отражающее центробежные тенденции, и другое выражение, отражающее современное центростремительное движение: «Верните суверенитет, насколько можете». Благодаря переменчивости настроений, российское население очень чувствительно к внешним (в том числе иноземным) влияниям и впитывает чужие идеи с особой силой. Как правило, потом они уходят из жизни элиты, но остаются в сознании народа в отдаленных уголках России. На разных исторических этапах мы руководствовались самыми разными, порой противоречивыми идеологическими установками. Ввиду значительной территории и крайне низкой плотности населения российское общество неоднородно и непостоянно. Это создает благоприятные условия для сохранения на территории России и собственных исторических «рудиментов», и заимствованных из других стран цивилизационных и идеологических анклавов, и ростков будущего развития.

Что же можно сказать о миссии в мировом сообществе огромной страны со сложным, зигзагообразным историческим путем, когда каждая идея, какая бы она

ни была, через некоторое время находит свою контридею, чтобы опять вернуться на «круги своя» через некоторое время? Какова же все-таки роль столь средовой страны, как Россия, какой, пожалуй, в мире больше нет? Ведь это отличает ее от многих других стран, где природной основой является не среда, а, скажем, проекты, которые прекрасно выполняются и которыми прекрасно управляют (Америка); или от стран, в основе жизни которых лежат подспудные процессы, подводные течения, как, к примеру, показано в выступлении нашего китайского коллеги, говорившего о достижении внутренней гармонии...

В силу особенностей своего пространственного положения и исторического пути Россия содержит и архаические элементы, казалось бы, ушедшие в прошлое, и сверхсовременные, и модернизационные компоненты, которые уже есть в мире или которые еще только начинают его завоевывать. Мир неоднократно становился свидетелем того, как какая-то идея возникала сначала в России, чтобы через некоторое время стать идеей мировой.

Так вот, миссия России, как мне кажется, и состоит в *сохранении этого единства во времени и пространстве мировых цивилизационных достижений*. Поэтому в России всегда будет присутствовать смешанная экономика: наша страна никогда не станет «чистой» в экономическом смысле — ни чисто капиталистической, ни чисто коммунистической или социалистической. И когда приходят к власти политики, которые хотели бы сделать страну «чистой» и однородной, неважно — капиталистической или коммунистической, это оборачивается трагедией для России. Россия — хранитель и сохраниватель мирового социально-экономического и культурного разнообразия. Смешанная, мозаичная, фрагментарная, огромная, восприимчивая и содержащая множество различных направлений страна, обеспечивающая своим существованием и деятельностью диалог культур и партнерство цивилизаций едва ли не всех стран мира, — вот, по-моему, образ России, к которому мы можем стремиться.

В заключение хочу подытожить: для того чтобы наилучшим образом реализовать свою историческую миссию, контуры которой были очерчены выше, Россия должна сделать много шагов, направленных на гармонизацию собственного развития, развитие толерантности населения, на выбор промежуточного пути между глобальным миссионерством — навязыванием себя и своих идей миру и глобальным стяжательством — «заглатыванием» мировых ценностей и благ в себя. Россия должна выбрать «третий путь», направленный на реализацию миссии развития диалога культур и партнерства цивилизаций. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Господин Арманд Клесс, прошу Вас.

А. КЛЕСС¹: — Я хочу поговорить о смешении культур, не о столкновении, а именно о смешении, которое

¹ Директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор. Автор и редактор ряда трудов по проблемам европейской и международной политики, в т. ч.: «Отношения Россия-Евросоюз: новые вызовы и возможности», «Жизнеспособность России», «The vitality of China and the Chinese», «Beyond East-West confrontation: searching for a new security structure in Europe», «The vitality of Japan: sources of national strength and weakness», «The Euro as

означает смешение в ментальности. Но это смешение и столкновение культур ведет к декадансу культуры, к ее завершению, смерти. Сейчас не так важно столкновение цивилизаций и культур, самой главной опасностью является угасание и разложение культур. Столкновение ведет к угасанию культуры цивилизаций. Культура и цивилизация в некоторых языках являются синонимами. В немецком языке это разные термины, между ними существуют различия. Большой угрозой для мира является потеря культурной диверсификации, что может привести к возникновению новой цивилизации — без культуры, без совести, которая является ее важной составляющей, к дегенерации мышления.

Все возрастающий прагматизм может привести буквально к тому, что общество станет вульгарным, гедонистическим, экономистическим и эвдемонистическим, когда все благородное будет осмеяно и подвергнуто презрению. Это время бездумного нигилизма вульгарных масс. Современное общество очень эгоистично, и западный мир характеризует его как общество с исчезнувшей религией. И многие движения, которые мы наблюдаем, может быть, благородны сами по себе, как, например, охрана окружающей среды, но все равно достаточно материалистичны, они касаются лишь каких-то деталей. Они фокусируются лишь на одном аспекте: скажем, на охране окружающей среды, или на правах человечества, или на ядерном разоружении, или на защите животных. Конечно, все это очень важно, но это псевдопрогрессивные движения. Например, движение по либерализации абортов: получается, что это дает женщинам свободу выбора, но таким образом нарушаются права еще только зарождающейся жизни.

Теперь несколько слов о другом. Мы наблюдали возникновение так называемой демократической культуры, культуры для всех, таким образом отсекается элитарная культура, она становится не мужественной. Я считаю, что феминизация культуры — это негативный процесс. Иногда это может быть позитивно, но, тем не менее, нельзя культуру «кастрировать». Все-таки творчество зачастую бывает мужским, особенно в искусстве. Таким образом, общество движется к бесстыдной посредственности, и очень часто именно журналисты или просто люди с деньгами определяют, что в культуре ценно. И, к сожалению, лишь то, что отвечает дурному вкусу состоятельных людей, определяет правила рынка культуры. Качество становится более мелким, а культура — бесполой, если все еще можно так называть дегенеративную американскую и постамериканскую культуру, распространяющуюся на весь мир.

Во многих странах, которые, к сожалению, следуют по этому неверному пути, я имею в виду страны Азии, Южной Америки и Китая, культура становится популистской, инфантильной. И, к сожалению, вульгарный вкус богачей становится стандартом, определяет ценности на культурном рынке. Работы Шагала уже не продаются за те же деньги, что какие-то современные рекламные продукты. И эта эпидемия размягчения культуры, к сожалению, распространяется и затронула даже страны Африки.

Что такое великое искусство, великая культура? Об этом ведутся дебаты в течение многих столетий.

a stabilizer in the international economic system”, “Europa auf dem Weg zur Weltordnung?”

Высокое искусство и культура всегда являются плодом высочайшего напряжения эмоций, и не просто создать такую культуру. Я хочу донести до вас мысль, что великие произведения искусства прошлых веков, которые мы все еще можем изучать, существуют, но современность, к сожалению, не дает нам подобных шедевров. Какова в этом роль религии? Если мы посмотрим на великие произведения разных видов искусства, то увидим, что в них присутствуют элементы покаяния. Покаяние и смирение — очень важные вещи, без которых невозможно существование великого искусства. А современные социализм и капитализм не способствуют рождению великих произведений искусства. Эти силы не могут поддерживать сильные чувства, без которых невозможны произведения искусства, дающие ощущение чистоты и возвышенности.

Я понимаю, что это очень широкая тема, но крайне важная, особенно в России, потому что я надеюсь на вашу страну как на некоторый оплот, возможно, один из последних оплотов высокой культуры, который поможет нам удержаться от американизации культуры всего мира. Когда я писал манифест определенного банкротства человечества, то думал, что когда-то здесь творил Достоевский: писал, выражал свои чувства и страдания в своих книгах, в своем творчестве. Кто сейчас так может?

И последнее маленькое замечание. Я хочу вас поздравить с тем, что здесь учиться очень много красивых студентов. И эта красота очень важна не с академической точки зрения: как говорится, красота спасет мир, и вы должны этим гордиться.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Большое спасибо. Позвольте предоставить слово Александру Евгеньевичу Кибрику.

А. Е. КИБРИК¹: — Наше пленарное заседание подходит к своему завершению. И мне кажется, что, говоря о диалоге культур и цивилизаций, было бы правильно вспомнить о том, благодаря какому инструменту возможен этот диалог, а именно о естественном человеческом языке, которым каждый из нас владеет. Общеизвестно, что огромное значение для духовной культуры эпохи Возрождения имел диалог с античной цивилизацией. Важнейшим источником знаний об этой полузабытой в Средние века культуре были сохранившиеся тексты на греческом и латинском языках.

Я помню, когда в университете вместе с замечательным педагогом Жюстиной Севериновой Покровской читал «Апологию» Сократа на греческом языке, в трагическом завершающем эпизоде наша учительница, пожилая женщина, плакала. И я вспоминаю слова Д. А. Гранина относительно плача крестьянок, которые слышали рассказ об истории с Петром. Это возможно благодаря тому, что тексты сохранились. Если бы их не существовало, последующие поколения могли бы

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведующий отделом лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор 270 научных публикаций, в т. ч. книг: «Методика полевых исследований», «Опыт структурного описания арчинского языка», «Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах», «Константы и переменные языка» и др. Заместитель главного редактора журнала «Вопросы языкознания».

судить об этой великой античной цивилизации только по следам материальной культуры. К сожалению, подавляющее большинство древних цивилизаций исчезли с лица Земли, не оставив нам языковых свидетельств, и поэтому мы о них почти ничего не знаем.

Кроме участия в передаче культуры в форме письменных текстов, следует отметить еще более универсальную функцию языка. Всякий язык есть основной носитель духовной культуры говорящего на нем этноса, в его структуре запечатлевается и хранится выработанная картина мира этого этноса. Это касается прежде всего того, как индивидуум опознает окружающую действительность, выделяет отдельные предметы, события, абстрактные концепты. Так, любой человек, говорящий по-русски, легко различает синий и голубой цвета, притом что в английском языке существует только одно наименование — *blue*. И, например, для слов «мыть» и «стирать» в английском языке тоже одно только слово — *wash*. Языки бесконечно разнообразны в том, как они «упаковывают» знания о действительности в своей структуре. И примеров этому, в общем, великое множество.

Также существен вклад человеческих языков в очеловечивание человека, извините за тавтологию. Язык является видообразующей характеристикой человека. Иными словами, только приобретя язык, человек стал человеком. Вообще духовная культура тоже используется в качестве фундамента естественный человеческий язык. А поскольку этнических культурных объектов огромное множество, то об их культуре можно узнать через свидетельства языка. Между тем в XX, а теперь в XXI веке происходит довольно трагический процесс массового исчезновения языков малочисленных народов. Достаточно сказать, что сейчас на земном шаре насчитывается 6 тысяч языков, казалось бы, много, но 90 % из них — это языки этносов, этнических групп, на которых говорят менее 10 тысяч человек. И усугубляется все тем, что это как раз те социально не престижные языки, которые находятся, вообще говоря, вне поля внимания науки. Поэтому сейчас стоит очень важная задача — составление полноценной научной документации об этих языках, собирание максимального количества текстов; это достаточно продвинутое в лингвистике процедура.

Я сам 40 лет занимаюсь так называемой полевой работой со своими студентами; за это время было документировано и опубликовано 7 крупных грамматик, описывающих такие исчезающие языки. Но сейчас, 30–40 лет спустя, видно, что возможности документации технологически резко расширились. И вот теперь уже на закате лет я лично со своими молодыми коллегами привожу эти знания к современному технологическому стандарту, чтобы все это уже хранилось не только в книгах, но и на электронных носителях. И поэтому, завершая свое выступление, я хочу сказать, что важность документации языков, которым угрожает исчезновение, сегодня трудно переоценить, это один из способов поддержания диалога культур и цивилизаций. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Александр Евгеньевич. Слово предоставляется господину Идлиру Печи.

И. ПЕЧИ¹: — Дорогой господин председатель, уважаемые коллеги, спасибо за возможность поделиться с вами некоторыми своими мыслями. Я представляю не только нидерландский университет, но также и молодое поколение преподавателей, которые в наши дни имеют возможность свободно передвигаться по Европе без всяких границ и исследовать культурный фон разных стран. У меня есть греческие и албанские корни, я учился в Голландии, продолжаю там свою карьеру. Это я говорю к тому, что если мы беседуем о диалоге цивилизаций, мы не можем игнорировать то, что происходит в Европейском Союзе в последние 5 лет. У нас есть различные цели, которые не признают границ, нам нужно общество без границ. И мы все чаще говорим о культуре, о праве в области культуры.

Здесь мы касаемся определенных элементов, которые, с одной стороны, привлекают внимание наших граждан, а с другой — выбираются ими. Появляются новые организации, которые устанавливают или разрабатывают новый законодательный порядок. И если мы говорим о процессе гармонизации, то понимаем, что это процесс, который демонстрирует необходимость этого партнерства, культуры диалога цивилизаций. Особенно это важно, когда мы говорим о гармонизации криминального права, так как здесь происходит очень интересный диалог культур. Мы видим, как непросто странам-участницам принять от Европейского Союза какие-то поправки или новые подходы и внести их в собственные устоявшиеся системы, касающиеся криминального права.

И многие страны ищут механизмы, которые могли бы продвинуть диалог между нациями, помочь защитить права человека, позволили бы продолжить то сотрудничество и укрепить те основы сотрудничества, о которых мы говорим, — это создание европейского суда и роль европейского суда в области прав человека. Можно было бы привести и другие примеры. Если мы говорим о европейском сообществе, то здесь важен такой аспект, как общий рынок, когда люди могут свободно передвигаться и обмениваться услугами, товарами и т. д. Мы часто слышим о роли этого рынка, которую трудно переоценить, так как он является символом обмена культурой. Это огромный шанс для всех, чтобы получить как можно большие и наилучшие преимущества.

Тем не менее нужно отметить один важный аспект, касающийся Европейского Союза в связи с упомянутым общим рынком в условиях, когда больше нет внутренних границ. Одно из последствий такого развития, о котором я говорил, — это криминальный аспект. Преступники чувствуют себя свободнее в Европе, в которой нет границ, и члены нашего Союза понимают, что необходимы кооперация и сотрудничество на уровне полицейских властей, органов, что и делается. Существует Амстердамский договор, который был разработан именно для укрепления сотрудничества полицейских органов. Это еще один шаг в направлении к гармонизации криминальных кодексов, то есть правил борьбы с криминалитетом по всей Европе.

Цель этого шага — обеспечить более высокий уровень безопасности в условиях свободы, которая долж-

¹ Доктор права Утрехтского университета (Нидерланды).

на быть направлена на усиление наших возможностей в борьбе с организованной преступностью, распространением наркотиков, коррупцией и т. д. Тем не менее государства сейчас очень осторожны в отношении инициатив, которые касаются юридических систем отдельных стран, потому что в течение многих веков они разрабатывали собственные кодексы, процедуры и пр. И зачастую такие криминальные кодексы являются теми краеугольными камнями, на которых основывается очень многое в государстве — ценности, нормы, нации, традиции и т. д. Поэтому такое нежелание государств-членов немедленно принять новые инициативы вполне понятно.

Мы ищем баланс между государствами — членами Европейского Союза, с одной стороны, создавая пространство справедливости, безопасности и свободы, с другой — защищая интересы стран, традиции, выработанные веками, в том числе в области права, а также устоявшиеся принципы, подходы к жизни, поведение и т. д. Хотел бы привести примеры компромиссов, которые были найдены в этой области. Прежде всего это принцип взаимопризнания. Мы пока еще говорим не о гармонизации, а о взаимном принятии. Члены Европейского Союза должны признавать те решения в области криминального права, которые принимаются в других странах, потому что они должны доверять друг другу. То есть должна быть концепция взаимного доверия. Мы живем вместе, доверяем друг другу, изучаем культуры друг друга, защищаем права человека, признаем законодательные системы друг друга. Это еще не гармонизация, но уже участие Европейского Союза в области криминального права.

Мы можем говорить о такой вещи, как европейские правила, то есть разработанные в Брюсселе запреты на определенные типы поведения. Эти правила теперь распространяются не на национальном уровне, а непосредственно уже на уровне Европейского Союза. Интересно еще сказать здесь об общественном прокуроре Европейского Союза. Это легальная инициатива, которая послужит для дальнейшей отработки новой системы защиты прав человека и прокурорской системы на уровне Евросоюза. Мы говорим о легальном законном правопорядке на уровне Союза, направленном также к национальным законодательствам. Большое спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в заключение пленарного заседания я хотел бы отметить, что в наших с вами выступлениях по жанру монолога все же существенно преобладали над диалогами. Конечно, не хотелось бы думать, что я — единственный из присутствующих, кто прочел все 234 опубликованных доклада. Но уместно выразить надежду, что на следующих Чтениях мы все перейдем от монологов к диалогам. И сегодня мы уже видели примеры того, как это можно делать.

Учитывая, что я знаком и со всеми сборниками предыдущих Чтений, начиная с 1993 года, хочу высказать несколько соображений, которые, может быть, можно учесть в будущих дискуссиях.

Основная тема Чтений — диалог культур. Но прежде чем говорить о том, что такое диалог культур, следует определить, что такое культура. К этому понятию

есть несколько подходов. Прежде всего культура понимается как человеческая деятельность и ее результаты. Есть и подход семантический — культура как знаковая система. Есть подход ценностный — к культуре относят то, что является ценным для человека. И исследования ведутся с этих позиций. Но применительно к тематике диалога культур мне представляется наиболее продуктивным подход, давно известный в культурологии, — это понимание культуры как всего того, что создано руками и разумом человека.

В связи с этим возникает чрезвычайно интересный вопрос: а могут ли в принципе культуры вести диалог между собой? Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов на позапрошлых, по-моему, Чтениях, совершенно справедливо отмечал, что субъектом диалога может быть только человек. Сами культуры между собой в диалог не вступают. Диалог ведут люди — по поводу конкретных проблем.

Да, произведения, предметы культуры сами в диалог не вступают, но есть процессы опредмечивания и распрямления. Человек — творец, создающий произведения культуры, искусства, литературы и т. д., — через произведения, опосредованно вступает в диалог с другими людьми. Как быть с этим диалогом? То есть все-таки произведения материальной культуры, результаты человеческой деятельности являются опосредующими элементами диалога, участвуют в нем? И это нуждается в осмыслении. Да, из философии известно, что диалог возникает только между людьми. Но нам надо подумать и о том, что вся культура каким-то образом может участвовать в диалоге. Каким именно? — Вот Вячеслав Семенович Степин говорит о культуре как об источнике программ человеческой деятельности. И это нам надо учесть в построении теории диалога культур.

В последнее время в работах различных авторов мы видим отношение к культуре как, если хотите, ко второй природе — в том смысле, что это — нечто «живое». Культура воспринимается как живая, потому что за всеми предметами материальной культуры стоят человеческая деятельность, человеческое тепло, душа человека-творца. Мне думается, нам в понимании сущности культуры надо двигаться дальше, совершенствовать теорию диалога культур.

Как вы знаете, здесь, в Гуманитарном университете профсоюзов мы вместе с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым разработали «Декларацию прав культуры». Нам юристы тогда сказали, что принять ее невозможно. Уже в процессе разработки было очевидно, что юридическое сообщество это не примет, так как культура не является субъектом права. Но у нас есть интуитивное чувство, что этот подход можно проработать и усовершенствовать. Да, формально культура не является субъектом права, но это — запечатленная в предметах человеческая деятельность. Мы — ее наследники. Права культуры — это наши права и права наших детей и внуков.

Далее скажу о том, что применительно к диалогу культур наметились два политических подхода. Первый подход достаточно хорошо исследован в работах целого ряда западных ученых, в том числе С. Хантингтона. Смысл его заключается в том, что культуры — разные, и после крушения Советского Союза конфликты в мире будут происходить не на почве столкновения двух социально-экономических систем — коммунизма

и капитализма, а на почве различий в культурах. Якобы Запад является носителем высшей культуры и должен позаботиться о своей победе над варварами. И Хантингтона мы с 1996 года, когда он опубликовал свои работы, воспринимаем как глашатая неизбежности конфликтов на почве культур.

И есть другой подход, который развивал Дмитрий Сергеевич Лихачев и который теперь разрабатывается в мире (господин Джоши, господин Яковенко и другие участники Лихачевских чтений здесь высказывались по этому поводу), — признание за каждой культурой самоценности и видение многообразия культур как особой ценности, к которой надо относиться именно таким образом. То есть надо любить свою культуру, но видеть в других культурах возможность обогащения себя, своей культуры. И с этой точки зрения утверждается право всех культур на существование. Это очевидно, когда мы говорим о древних традиционных культурах, как, допустим, культура Индии или Китая и т. д. Но культуры малых народов имеют такие же права.

Одна точка зрения — Запад обладает некой монополией на истину, неким абсолютным знанием, и весь мир должен это признать и перестроить себя по образцу культуры Запада. А другой взгляд на явления в диалоге культур — каждая культура обладает правом на существование и должна приниматься как ценность. Мне кажется, очень важно это учесть. Это два совершенно разных подхода. Возможно, следует дополнить сложившееся на сегодня понимание прав человека правом на культуру. Тогда позиция Лихачева, несущая в себе идеи свободы и равенства, окажется более «западной» в классическом понимании основ права, чем идеи Хантингтона.

Сегодня здесь шел очень интересный разговор о глобальной культуре, может она состояться или нет. Я лично убежден, что она уже состоялась. Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов об этом очень интересно писал, и в работах Вячеслава Семеновича Степина есть про это много познавательного. Мир науки, в первую очередь естественных наук, — это уже глобальная культура. Мы видим проявления глобальной культуры и в аэропортах, и в международных организациях и т. д. Огромное количество областей нашей жизни, где глобальная культура есть. И сегодня уже очевидно, что она действительно «надстраивается» в дополнение к национальным культурам.

Николай Дмитриевич Никандров, выражая сомнения в отношении глобальной культуры, обращается к вопросу языка. Если видеть глобальную культуру аналогом национальной, то это представляется логичным. Но почему мы должны видеть глобальную культуру как аналог национальной? Почему она не может обладать иной структурой, иным набором подсистем? Почему она должна быть обязательно основана на едином языке? Не стоит ли допустить совсем иное?

Но даже и с учетом языкового фактора не все так однозначно. Возьмите выходцев из России на Брайтон-Бич или выходцев из Китая в Сан-Франциско. Старики там могут говорить только на родном языке, а дети —

еще и на английском. Но это не мешает существовать семейным культурам. Мы видим семьи, где дети говорят и на трех языках — мамы, папы и страны пребывания. Оказывается, можно жить в многоязычном мире. Михаил Борисович Пиотровский с этой трибуны года три назад говорил о том, что все мы должны учиться жить в разных культурах. Мне это представляется очевидным и актуальным.

Другое дело, что, конечно, есть большие противоречия между глобальной культурой и национальными культурами. И каждая нация будет хотеть, чтобы мир говорил на ее языке. Но как будет строиться глобальная культура, каким образом национальные культуры будут вносить вклад в строительство глобальной культуры и как обеспечить право разных культур на вхождение в глобальную культуру? Это вопросы, которые, по-моему, нашими социально-гуманитарными науками еще недостаточно изучены. Думается, есть смысл обсудить это и завтра на секциях, и на будущих Лихачевских чтениях.

Далее затрону еще один интересный вопрос. Мне было непросто, организуя эти Чтения, общаться с некоторыми юристами, экономистами, историками. Вы знаете, в России бытует марксово понимание (как мы Маркса трактовали), что «бытие определяет сознание»: экономика — это якобы базис, а культура — якобы надстройка. Культура — это библиотеки, театры, музеи и кинотеатры, «производные» от экономики учреждения, а экономика — это будто бы самое главное, все на свете определяющее. Культурологический подход, еще раз подчеркну, в одном из своих ракурсов может подразумевать под культурой все, что создано разумом, руками человека — за всю историю человеческой деятельности. И в этом плане экономика выступает всего лишь как одна из подсистем культуры, а не как базис. И экономика связана с культурой множеством сложных взаимосвязей. И нам сейчас после 70 лет однобокого, упрощенного понимания Маркса предстоит кое-что переосмыслить и выйти на иное понимание взаимосвязей материальной и духовной сфер жизни общества.

То же самое с правом. Сегодня прозвучало очень интересное, яркое выступление А. Г. Лисицына-Светланова. Конечно, право чрезвычайно тесно связано с национальными культурами. И крупные, тем более — выдающиеся правоведы хорошо видят многие сложности этих связей. Но в повседневной практике я очень часто, и у нас на юридическом факультете, и за его пределами, общаюсь с юристами и сталкиваюсь с тем, что когда они говорят о культуре и праве, их понимание проблематики сводится к тому, что люди должны быть культурными и соблюдать законы. Юристы не всегда видят, как вырастают из культуры право, правовая система и правоприменение. Право является, конечно, самостоятельной подсистемой, но — внутри культуры. А культура включает в себя и экономику, и философию, и идеологию. Связи философии, идеологии и экономики и права нам надо изучать, используя культурологию.

Желаю всем успехов в работе завтрашних секций и жду вас на Чтениях в мае 2011 года!

Секция 1 НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МИРОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

14 мая 2010 г. Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

Руководители секции:

- Э. В. МИТРОФАНОВА** – председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор экономических наук
- А. В. ЯКОВЕНКО** – заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол

Участники:

- Г. АНАСТАСОПУЛОС** – посол, Постоянный представитель Греческой Республики при ЮНЕСКО
- Ф. А. АСАДУЛЛИН** – руководитель Научно-общественного комитета Совета муфтиев России, член Общественной палаты РФ, кандидат филологических наук
- Ж. де ГЛИНИАСТИ** – Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики в РФ
- В. М. ДАВЫДОВ** – директор Института Латинской Америки РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор
- М. М. ДЖОШИ** – член парламента Республики Индия, доктор
- П. ДУТКЕВИЧ** – директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), профессор
- Т. А. ЖДАНОК** – депутат Европейского парламента (Латвия), доктор математики
- М. ЭЛЬ ЗАХАБИ** – Постоянный представитель Арабской Республики Египет при ЮНЕСКО
- М. КАТАГУМ** – посол, Постоянный представитель Федеративной Республики Нигерия при ЮНЕСКО
- В. Б. КУВАЛДИН** – заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор
- М. Р. МАЖИДИ** – посол, Постоянный представитель Исламской Республики Иран при ЮНЕСКО, доктор, бакалавр в области электроники, магистр в области управления
- К. МУСЯКОДЗИ** – директор Центра азиатско-тихоокеанского партнерства Университета экономики и права (Япония), вице-ректор Университета ООН по региональным и международным исследованиям, профессор
- В. В. НАУМКИН** – директор Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор
- Ф. ПЕТИТО** – профессор Университета Суссекса (Великобритания), доктор
- В. В. ПОПОВ** – директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- М. РАВА** – посол, Постоянный представитель Эстонской Республики при ЮНЕСКО
- Ж. РАДВАНЬИ** – директор Центра франко-российских исследований (Москва), профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж), доктор географических наук
- П. РЕ́ЛЛЬ** – президент Института консультирования по вопросам стратегии, политики, средств безопасности и экономики (Берлин), доктор философии
- М. САНАИ** – директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета (Иран), член Казахской академии общественных наук, профессор, доктор
- О. СУЕБСИТХ** – посол, Постоянный представитель Королевства Таиланд при ЮНЕСКО
- М. ТЛИЛИ** – основатель и директор Центра диалогов Нью-Йоркского университета
- К. В. ШУВАЛОВ** – посол по особым поручениям МИД РФ, специальный представитель МИД России по взаимодействию с «Альянсом цивилизаций», Чрезвычайный и Полномочный Посол
- Т. ЯМАМОТО** – посол, Постоянный представитель Японии при ЮНЕСКО
- К. ЯО ЯО** – посол, Постоянный представитель Республики Кот-д’Ивуар при ЮНЕСКО

А. В. ЯКОВЕНКО: — Дамы и господа! Тема нашей секции — «Национальные государства и мировые институты: взаимодействие на путях становления глобальной культуры». Но прежде чем мы начнем работу, я хотел бы представить присутствующих.

Вести заседание вместе со мной будет Элеонора Митрофанова, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО, председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО. Кроме того, я хотел бы представиться сам. Меня зовут Александр Яковенко, я являюсь заместителем министра иностранных дел Российской Федерации. Хочу поприветствовать всех послов, которые представляют ЮНЕСКО на этом форуме. Впервые на Лихачевские чтения приехала такая представительная делегация ЮНЕСКО. Надеюсь, что эта традиция будет продолжена. Лихачевские чтения — это действительно важное событие. Для нас большая честь принимать вас здесь. Благодарим вас за то, что вы выделили время и смогли приехать в Санкт-Петербург.

Все выступления на пленарном заседании Лихачевских чтений показались мне интересными. Некоторые доклады носили теоретический характер, некоторые имели практическое значение. Поскольку в работе секции участвуют послы при ЮНЕСКО, то есть предложение сосредоточиться прежде всего на практических вопросах. Итак, мы акцентируем внимание на практических аспектах: что нам нужно делать на уровне международных институтов для того, чтобы воплощать идею диалога между цивилизациями и культурами; что необходимо делать с практической точки зрения в международных организациях, чтобы поддерживать мир и безопасность при помощи межкультурного диалога. Основываясь на этих вопросах, предлагаю структурировать и нашу дискуссию.

Прошу не зачитывать доклады. Регламент выступления — 5–7 минут, для того чтобы дать возможность высказаться всем участникам. Надеюсь, что все желающие смогут поучаствовать в дискуссии и ответить на вопросы, которые последуют.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Прежде всего я хочу поприветствовать вас на этих замечательных Чтениях. Я впервые присутствую на Лихачевских чтениях, и меня, как и моих коллег, впечатлило то, что на пленарном заседании было высказано много интересных суждений. На мой взгляд, Александр Владимирович верно сформулировал то, в каком направлении должна развиваться наша дискуссия. Для ЮНЕСКО это важно с практической точки зрения, потому что уже обычными стали словосочетания «диалог культур», «диалог цивилизаций». Кстати, от слова «цивилизация» мы в настоящее время пытаемся отойти. Мнение большинства теоретиков и практиков, с которыми мы встречаемся в ЮНЕСКО, заключается в том, что «диалог цивилизаций», «конфликт цивилизаций» и вообще слово «цивилизация» в данном случае больше разделяют, чем объединяют и ведут к определению общих точек зрения и соприкосновения.

Что такое «глобальная культура»? О каком сегменте мы можем говорить в плане глобализации? Что вообще мы подразумеваем под культурой? Ведь существуют экономическая культура, технологическая культура. О чем мы говорим? Это важно, потому что если

глобальная культура возможна в технологиях, экономике, может быть, мы должны говорить о правах человека как основе построения глобальной культуры? Нужно определиться с терминологией и выслушать мнения наших коллег.

Второй важный, на мой взгляд, аспект, — то, что в рамках международных организаций часто обсуждаются проблемы, связанные с диалогом культур, эти вопросы уже появились в международной повестке дня. Но создается такое впечатление, что все наши попытки найти точки соприкосновения на уровне международных организаций, правительств часто не доходят до того слоя населения, тех людей, на которых, может быть, они в большей степени и рассчитаны. Разве этот вопрос касается только элит? Что мы должны довести, если можно так выразиться, до «земли», конечного потребителя? Какими средствами мы можем это сделать? Что будет являться проводником этих благородных идей в вопросах диалога... не будем говорить «цивилизаций», скажем, «культур»? Хотелось бы услышать различные мнения по этому поводу. Я понимаю, что у всех разные доклады, разные направления, но тем не менее если мы попытаемся поговорить на эти темы, это будет очень полезно. И с вашего позволения я предоставляю слово первому выступающему — Георгиосу Анастасопулосу, председателю Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2008–2009 годах.

Г. АНАСТАСОПУЛОС¹: — Дамы и господа! Дебаты, касающиеся глобальной культуры, ее появления, не могут быть переоценены — это очень важно в настоящее время. Но сначала нужно уточнить терминологию, что позволит более глубоко рассмотреть вопросы глобальной культуры, предварительно разделив ее на субкомпоненты: «глобализацию» и «культуру». Помимо теоретических дебатов, которые важны, глобализация значима с той точки зрения, что она сопутствует увеличению потока товаров, информации и культурных ценностей через границы. Глобализация усиливается со скоростью геометрической прогрессии и привносит с собой многие элементы, включая культурные. В Декларации по политике в области культуры, принятой в 1982 году, можно выделить два-три основных постулата. Культура — это комплекс духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных составляющих, которые характеризуют общество или социальную группу и включают не только произведения искусства, но и уклад жизни, фундаментальные традиции и верования. В этой декларации подчеркивается, что любая культура является уникальной, незаменимой ценностью, содержит традиции, виды самовыражения национальностей. Таким образом, культуры демонстрируют свое присутствие в мире. Основываясь на этих определениях, концепция глобальной культуры, не будучи однородной, представляет собой набор ценностей, которые существуют во всем мире. Это мировая взаимосоединенная сеть культур, которая существует между нациями.

¹ Посол, Постоянный представитель Греческой Республики при ЮНЕСКО. Автор книг: "The 1992 challenge", "Horizontal Production", "Double Thread for Community Law", "Common Principles for a European Electoral System", "Constantinos Karamanlis: Myth and Truth", "Introduction to European Studies", "The conflict on the system of electing the members of the European Parliament", "The debate on the system of electing the members of the European Parliament" и др.

Термин «глобальная культура» помогает понять Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Некоторые явления упрощаются в связи с ускорением обмена информацией, ставшим возможным благодаря современным технологиям. Это упрощает диалог между отдельными культурами. Глобализация не обязательно означает генерализацию культур, она также может облегчить диалог культур и даже способствовать диверсификации и разнообразию культур. Здесь возникают два основных вопроса: как международные организации должны реагировать на существующее разнообразие культур и как способствовать сохранению и развитию этих культур? Эти вопросы важны, и все страны, составляющие международное сообщество, должны задуматься над ними. В 1993 году эта проблема обсуждалась в ЮНЕСКО, в 1998-м — в ООН. Вполне естественно, что нации стараются защитить свою идентичность. Существуют международные конфликты, которых следует избегать. Ряд других, не очень крупных международных организаций также задается этими вопросами, количество таких организаций постоянно растет и исчисляется тысячами. Эти параллельные направления и действия могут быть выстроены в согласованные структуры, которые институционально могут способствовать хорошему состоянию культур.

Особо следует выделить проблему многонациональных государств, которые иногда разделяются на несколько национальных государств. Здесь тоже нельзя недооценивать роль международных организаций. Мы не должны допускать уменьшения их влияния во всем мире. Национальные государства не могут заменить роль международных организаций. Проблемы международного управления важны. Нельзя следовать тенденции, когда национальные государства пытаются избавиться от влияния международных организаций. Только международные организации, в которых одновременно задействованы интересы многих стран, способны решать глобальные проблемы.

Я хочу сказать несколько слов о таких глобальных городах, как Нью-Йорк, Лондон, Сингапур. Роль этих городов нельзя недооценивать. Они представляют собой своеобразные города-государства, сочетающие функции нескольких государств, это многонациональные города. Международным организациям следует обратить внимание на такие города и заниматься организацией жизни и культуры в них. Эти города находятся под большим давлением, и они не могут отдать управление лишь региональным институтам.

Приведу несколько примеров, для того чтобы лучше осветить этот вопрос. Например, столица Мексики Мехико — это многокультурный многонациональный огромный город, которым достаточно сложно управлять, используя силы только местного правительства. Согласно вышеупомянутой декларации любая культура представляет собой уникальную и незаменимую ценность, и все культуры являются частью общего наследия человечества. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятая в 2001 году, говорит о значении этой ценности и о том, что нужно избегать сегрегации и фундаментализма. Для блага современного и будущих поколений мы должны сохранять культурное разнообразие, способствовать установлению понимания меж-

ду нациями и народами и налаживанию связей между культурами и различными религиями.

ЮНЕСКО активно участвовала в двух международных форумах — в Мадриде и Стамбуле. 27–29 мая 2010 года в Рио-де-Жанейро пройдет следующий форум, посвященный теме сближения культур и построения мира. 2010 год объявлен Международным годом сближения культур, и в этом свете мы будем активно заниматься миротворчеством. ЮНЕСКО в этом процессе будет играть важную роль и активно участвовать в мероприятиях Международного года сближения культур.

Приведу другие примеры, доказывающие невозможность, на мой взгляд, существования унифицированной мировой культуры. Разнообразие культур существует, и культуры могут сосуществовать — так будет всегда. Главное — хорошо понимать культуры. Именно взаимное непонимание порождает проблемы. Нужно осознавать расширение значения термина «цивилизация» — это емкое понятие, которое включает ценности, понятия, верования, уклады жизни и традиции. Я не буду подробно об этом говорить, но хотел бы упомянуть об интересной типичной парадигме, которая позволит представить то, как я вижу эту проблему. В древнегреческий период истории люди много размышляли. Возможно, это было экспедированием цивилизации. На одном конгрессе, проведенном ЮНЕСКО, на котором рассматривались эти вопросы, было заявлено, что по последним находкам археологов в районах греческих колоний и после переоценки открытых текстов обнаружили, что на самом деле между греками и колониями, которые они создавали, между нациями, живущими в Средиземноморье, происходил обмен культурными ценностями и симбиоз культур. Таким образом, это был синтез культур, который существенно обогатил человечество.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод. Я хотел бы спросить вас, дамы и господа: мы знаем, что нужно делать на международном уровне, чтобы обеспечить сосуществование и разнообразие культур, но нужно ли разрабатывать план по решению поставленных задач, используя правильную терминологию? Мы должны осознавать возникающие трудности, например, мы поняли, как сложно будет правильно организовать и провести Международный год сближения культур. Я хотел бы спросить: что мы конкретно можем сделать для интенсификации диалога культур? Стоит ли нам вмешиваться в этот процесс и пользоваться тем влиянием, которое мы имеем? Может быть, это звучит провокационно, но я считаю, что мы обязаны сделать все от нас зависящее и даже больше, чем просто организовывать культурные мероприятия, демонстрировать добрую волю в этой области. Как правильно направить диалог и обсуждение проблемы кросскультурных коммуникаций? Мы должны выработать новые стандарты обсуждения и диалогов, разработать правильную терминологию. У меня нет готовых ответов на эти вопросы, но хорошо уже то, что мы имеем основания задать такие вопросы.

Решение этих вопросов может потребовать рефокусировки наших действий. Мы должны еще раз подумать о том, какие ценности объединяют нас, о чем следует вести диалог на национальном и межнациональном уровнях, чего мы ожидаем от обмена информацией,

как наши действия помогут утвердить наши принципы. Нам не обязательно приходиться к консенсусу в решении проблемы, какие действия следует предпринять. Главное — чтобы были высказаны предложения. Мы не должны забывать о критике и хорошо осознавать роль культуры в нашем личностном и общественном развитии. Значит, мы должны поддерживать глобальную культуру, разнообразие, которое гарантирует полноценное развитие всему человечеству. Все культуры взаимосвязаны и взаимопитают друга. Международный год сближения культур должен помочь нам в борьбе за права человека, против дискриминации, взаимной ненависти, которая разрушает жизнь людей.

Спасибо за внимание. Я немного превысил временной регламент, но мне кажется, что было важно обозначить определенные проблемы.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Большое спасибо за выступление. Вы воспользовались правом первого с точки зрения продолжительности выступления. Я хочу попросить других ораторов придерживаться регламента с тем, чтобы все выступающие могли выступить. Сейчас я хочу предоставить слово Виталию Вячеславовичу Наумкину. Мы будем приветствовать, если в своих выступлениях вы будете в том числе реагировать и на выступления предыдущих ораторов, с тем чтобы наша дискуссия действительно была интерактивной.

В. В. НАУМКИН¹: — Я кратко выскажу несколько соображений в качестве рефлексии на то, что здесь было сказано. Мне кажется, что сегодня не существует никакой глобальной культуры, есть глобальное бескультурье. А культура (как ее ни называй: цивилизацией или культурой), безусловно, пока носит характер национальный, она привязана к национальным особенностям, этничности, религии и прочим идентификационным маркерам, которые составляют ее основу. И можно сколько угодно рассуждать о глобальной культуре, но она пока, по моему мнению, не сложилась. Более того, внешние мощные культурные глобализационные процессы, которые происходят в мире (глобализация — вообще давний процесс, она насчитывает несколько сотен лет) и которые в наше время обострены, захватывают большой поверхностный слой нашей жизни, а слой, глубоко лежащий внутри культуры, наоборот, укореняет эти идентификационные признаки, культурные особенности. Происходит некое национальное, этническое, конфессиональное сплочение групп солидарности, которые в чем-то сопротивляются этому мощному глобализационному воздействию.

И поэтому, скажем, образ террориста, который использует не только мобильный, но и спутниковый телефон и компьютер для антиглобализационного и вообще человеконенавистнического действия, — это в общем нормально. Но имеются и более мирные примеры. Спе-

¹ Директор Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Очерки по этнолингвистике Сокоотры», «Сокоотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Абу Хамид аль-Газали», «Правильные весы» и др. Председатель редакционной коллегии журнала «Восток (ORIENS)», редакционного совета журнала «Восточный архив», входит в состав редколлегий или редакционных советов журналов: «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция), «Вестник российской нации», «Вестник МГУ» (Сер. «Востоковедение»), «Современный ислам». Многие книги переведены на иностранные языки.

циалисты по культурному взаимодействию часто приводят такой пример: традиционная японская бабушка в кимоно приходит к банкомату и кланяется ему, как принято. Это пример культурного мирного диссонанса. Но существуют более жесткие культурные диссонансы. Например, связанные с ношением никаба или паранджи в Европе, что сегодня вызывает серьезную озабоченность. Как относиться к этой проблеме и как ее решать — это вопрос не только культуры, но и политики.

Если говорить о культурном взаимодействии, то существуют три основные парадигмы понимания этого процесса. Первая — парадигма дифференциализма, когда глобализация приводит к тому, что культуры все больше расходятся между собой и замыкаются в себе. Это то, о чем я говорил ранее. Другая парадигма — парадигма конвергенции. Ее крайнее выражение — асимилиация — представление о том, что более сильная культура навязывает себя более слабым, подчиняет их себе, как часто бывало в истории. Это то, что вызывает отторжение. И третья парадигма — парадигма гибридизации: когда культуры смешиваются между собой, культурные признаки гибридизируются. Видимо, здесь заложен путь к настоящему культурному взаимодействию, уважению к культурному разнообразию, которое составляет суть мирового сообщества.

Если говорить о практическом подходе к этому вопросу (то, к чему нас призывает председатель), то встает вопрос: мы должны противостоять чему-то, против чего-то восставать (например, против ксенофобии, сегрегации) или что-то отстаивать, продвигать вперед (например, сохранение собственной культурной идентичности тех или иных групп)? Как сочетать это с теми неоднозначными процессами, о которых на пленарном заседании говорил немецкий представитель? Что несет миграция как бич нашего времени и наиболее яркое проявление «перемешивания»? Если глобализация идет по пути гибридизации, то это нормально. Если она приводит к коллизиям, подавлению одной культуры другой, то она вызывает острый культурный диссонанс, политические столкновения. Это мы наблюдаем на примере взаимоотношений между Западом и исламским миром.

Я хочу закончить выступление следующим выводом: для современного подхода к культуре на различных уровнях характерно чрезвычайное упрощение. Культуру в основном понимают очень упрощенно, недооценивают тесную связь культуры с политикой, которая сегодня существует, недооценивают ту самую укорененность идентификационных ценностей культуры, которые внутри сопротивляются глобализации. Поэтому сближение культур по пути гибридизации и продвижения ценностей, которые могут нас объединить, — это главный императив того, что мы должны делать. Спасибо.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Большое спасибо. Сейчас я хочу предоставить слово господину Мурли Манохари Джоши.

М. М. ДЖОШИ: — На пленарном заседании Лихачевских чтений мы говорили о том, что написано в наших докладах. Я хочу акцентировать несколько положений. Глобальное сообщество должно принять тот факт, что разнообразие — основа нашей жизни. Это

обязательный, базовый, основной элемент. Человек создает разнообразие, которое характеризуется уникальностью. Разнообразие существует и в природе, но оно особенное по сравнению с человеческим разнообразием. Человек может создать семью, встречаться с людьми, устанавливать особые связи. Да, природа связана с жизнью, и мы принимаем ее разнообразие. Мы должны не только быть толерантными, но и руководствоваться тем фактом, что разнообразие — это основа всей жизни. Я думаю, что это важно не только для природы, но и для человечества. И важно понимать, что могут существовать разные взгляды на движение вперед и прогресс. Я хочу подчеркнуть, что принцип разнообразия должен быть принят как основа нашей жизни. Надо помнить об этом.

Второй момент, о котором уже говорили, — что опыт, который существует у сообщества, связан с разными сторонами жизни. Мы должны посмотреть, какие отношения складываются между сообществами, как мы относимся друг к другу, как мы воспринимаем друг друга, каковы наши отношения с окружающей средой. Такой подход может стать центральным и в том случае, когда мы говорим о культуре в смысле движения к гармонизации. И здесь выявляется роль глобализации.

Концепция семьи, о которой я говорил выше, против концепции рынка. Если мы стремимся к гармонизации культуры, то должны преодолеть тот конфликт, который сейчас существует. Я думаю, что гармонизация вообще не должна противоречить идее гармонизации культур. Последнее гораздо важнее. В мире существуют разные культуры: культуры привычек и культуры поведения, культуры развивающихся и развитых стран. Но в каждом сообществе независимо от страны проживания есть высокообразованные люди. Существуют и развивающиеся нации, которые зачастую разделяют общие ценности, несмотря на то что люди принадлежат к разным культурам. В той области, о которой мы говорим, мы сталкиваемся с серьезными проблемами. Мы видим, что в сообществах существует насилие, которое является результатом различий и разнообразия в экономических, технологических областях и т. д. Небольшая часть мирового сообщества — 16 % — контролирует 80 % мирового ВВП. Поэтому эта прослойка не может существенно влиять на диалог цивилизаций и мультипликацию культур.

Следует выделить важные аспекты, которые мы должны обсуждать: как создать такую экономическую ситуацию, которая могла бы быть полезна, выгодна для всего мира, большинства. И если мы не сделаем этого, то вообще не сможем говорить о культуре глобального мира. Что можно предпринять в этой области? Например, каким образом мы можем полагаться на технологии? И здесь вновь идет речь о контроле над определенными системами и о тех, кто контролирует информацию. Сейчас, по сравнению с предыдущими годами, информация передается гораздо большему количеству населения. Какой будет эта информация, как она будет передаваться в глобальном мире, достигнет ли она всех сообществ или кто-то останется неохваченным? Каково будет соотношение «человек и информация»? Будет ли более обозначен процесс консолидации? Как повлияет в этом смысле глобализация на все сообщества?

История показывает, что миграция существовала всегда. Люди мигрировали из Китая в Европу, из Индии, Африки, Европы — в другие страны и т. д. Это то, что происходило всегда и будет происходить. Трансформация культур имела место всегда, но она не была подавляемой, над ней не доминировал экономический процесс, по крайней мере не в такой степени, возможно, он иначе себя проявлял. Мигрируя, люди привносили разные ценности из разных культур.

Известно, что существуют ценности, которые разделяют и христиане, и мусульмане, и индуисты, и буддисты, и происходит это не из-за глобализации, а вследствие диалога, традиционной толерантности. Я думаю, что «амальгамация», слияние различных ценностей, культурных компонентов, традиционна для истории развития человечества. Это было и существует до сих пор. И все это может (если мы захотим) способствовать превращению мира в единую семью, но при этом мы не должны утратить нашего разнообразия, мирового разнообразия. Речь идет об основах нашей духовности. Когда мы говорим «глобализация», то подразумеваем только материалистический компонент и часто забываем о духовности. Я думаю, что «глобализация», может быть, не самое лучшее слово для будущего человечества. Мы должны говорить не только о глобализации, но и об установлении диалога. Один не может ничего решить. Нужно использовать диалог, возможности науки, духовности, образования для движения в будущее. Спасибо.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Большое спасибо за интересное выступление. Действительно, у нас нет иного пути, кроме как вести диалог. Я внимательно выслушал выступление нашего немецкого коллеги на пленарном заседании. Он приводил цифры относительно того, как будет меняться мир, в том числе в демографическом измерении. В политическом плане за последние несколько лет, особенно учитывая финансово-экономический кризис, мы стали свидетелями создания «Большой двадцатки». Это пример того, что только совместными усилиями можно справиться с отдельными глобальными вызовами.

В XX веке, особенно во второй половине, в области глобализации и глобальной культуры доминировали страны Запада, так называемая «западная цивилизация». Это доминирование наблюдалось и в информационном пространстве, и в Интернете как части информационного пространства, и в области высоких технологий, промышленности. Причина очевидна — западные страны производили львиную долю мирового ВВП. Сейчас ситуация меняется. На арену вышли Китай, Индия, Бразилия, ряд других государств. Мир становится другим. Мы уже почувствовали это в связи с распределением мест в Международном валютном фонде. Меняются квоты и в Мировом банке, растет и будет продолжать расти влияние «новых» государств. Естественно, что культурный компонент, который представляют эти государства, 1,5 млрд человек, тоже будет оказывать мощное воздействие на глобальную культуру. Влияние таких стран будет только расти, причем стремительно: пройдет всего лишь 10–20 лет, и мы станем свидетелями этого процесса. И западной культуре придется «потесниться». Думаю, что без диалога культур возможно возникновение

новых конфликтов. Эта тема представляется мне интересной, и я хотел бы, чтобы выступающие обозначили свое отношение к этой проблеме.

Предоставляю слово господину Тадамиши Ямамото.

Т. ЯМАМОТО¹: — Благодарю вас, господин председатель. Я хотел бы коснуться вопроса глобализации, но с другой точки зрения. Глобализация проистекает из желаний человечества. Как глобализация влияет на основные желания человечества? Существует несколько аспектов рассмотрения глобализации, которая увеличивает обмен информацией между частями света. Первый связан с удобством общения. Например, появление моды, «Макдоналдс», чего-нибудь комфортного и удобного для человека сразу копируется, находит свой путь преодоления границ. Иногда эти идеи монополизируются и становятся модными. Это неизбежно, потому что все люди любят комфорт, удобство, красоту. Это нормально, и я оставляю этот аспект без обсуждения.

Второй аспект — глобализация усиливает обмен информацией. Но это может привести к возникновению двух проблем. Первая (и многие это уже отметили) — люди начинают гордиться своей национальной идентичностью, они чувствуют себя особенными и хотят в этом самоутвердиться, они боятся потерять в этом большом мире и стараются, даже агрессивно, утверждать свою национальную самобытность, с тем чтобы ее не утратить. Если человек (или нация) теряет свою национальную идентичность, становится «человеком мира», он утрачивает индивидуальность. ЮНЕСКО уделяет внимание этому аспекту. Идея мирового наследия основана именно на том, чтобы нации не забывали о своей истории, гордились своими национальными особенностями. Это касается Японии, стран Африки, Европы — эти группы должны сохранять свою национальную идентичность. И в международных организациях мы должны уважать это стремление.

Еще один сложный момент — возникновение конфликтов. Люди думают по-разному, поэтому при контактах неизбежно возникают конфликты, и на это надо обращать внимание. Чтобы не возникало серьезных конфликтов интересов между цивилизациями, надо учиться разрешать их мирным путем. Я не буду об этом говорить, потому что многое уже было сказано другими выступающими. В таких случаях всегда нужно стараться наводить мосты, думать о мирном урегулировании проблем. Один из способов — это диалог. Но в диалоге нужно уметь найти ключевые слова, больше общаться, чтобы лучше понимать друг друга. Необходимо создать такую среду, в которой люди будут легко понимать друг друга. Часто возникают проблемы на религиозной почве, потому что это основа культуры. Порой в религиях существуют доктрины, согласно которым нельзя воспринимать чужую религию. Соответственно это сокращает возможности для диалога и взаимопонимания.

Приведу пример из европейской истории в этой проблемной области. В Европе XVII века предпринимались попытки примирить разные религии (например, гугеноты и католики во Франции старались понять обоснованное существование еретиков). Это был болезненный процесс, но в нем можно достичь успеха, если проявлять терпимость, толерантность. Теперь рассмот-

рим ситуацию, сложившуюся в настоящее время в Азии (в связи с разговором о Японии). Азиатские страны развиваются, принимают другие культуры извне. Например, Япония в различные периоды истории впитывала культуру Китая, Кореи. То же самое можно практиковать и в области религиозного мышления. Япония начинала с анимизма, там было 8 млн богов, не было монотеистической религии. Теперь в Японии есть и буддизм, и конфуцианство, и т. д. Мы спокойно воспринимаем разнообразие мира и впитываем различные его проявления. Я считаю, что ключевыми моментами являются толерантность и гармоничное восприятие нового. Мы должны убеждать людей воспринимать новое и чужое с уважением. Мы должны уважать мнения людей, которые от нас отличаются. Нужно различать понятия, связанные с глобализмом. Спасибо.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Большое спасибо. Я хочу предоставить слово госпоже Татьяне Аркадьевне Жданок.

Т. А. ЖДАНОК²: — В данном случае я хочу сказать несколько слов как действующий политик, занимающийся проблемами межнациональных отношений, прав национальных меньшинств, поскольку в Европейском парламенте я в основном представляю интересы русскоязычного меньшинства Латвии. Я, как практик, рассмотрю ситуацию в Европе, поскольку работаю в Комитете по гражданским правам, свободам и внутренним делам Европейского парламента, являющегося структурой Европейского Союза. Я вхожу в группу так называемых «регионалистов», представляющих интересы меньшинств.

Здесь, если мы посмотрим на заданные вопросы, заложено определенное противоречие. Господин Наумкин предложил альтернативу: мы должны, с одной стороны, продвигать законодательство, скажем, какие-то международные договоры, запрещающие дискриминацию, проявления расизма, антисемитизма, ксенофобии, исламофобию (в Европейском парламенте я постоянно говорю о том, что в этот список следует включить русофобию, потому что с этим явлением приходится сталкиваться на каждом шагу, особенно в европейской политике); с другой стороны, наоборот, действовать позитивно и развивать право на культурную самобытность различных наций или других групп населения. Я прихожу к выводу, что одно должно происходить параллельно с другим, потому что здесь, к сожалению, постоянно возникают противоречия.

Считается, что человек в своей множественной идентичности должен, например, владеть родным языком, языком соседского народа, знать его культуру, а кроме того, и «глобальным» языком. Например, английский язык постепенно становится «лингва франка». Проблема заключается в том, что враждебность и неприятие, к сожалению, часто возникают по отношению именно к культуре, языку соседа. И здесь нужно применять

¹ Посол, Постоянный представитель Японии при ЮНЕСКО.

² Депутат Европейского парламента (Латвия), доктор математики. Председатель правления партии «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ). Автор ряда научных публикаций, в т. ч. учебных пособий: «Задачи-тесты по высшей математике: Множества. Функции. Пределы. Производные», «Задачи письменных вступительных экзаменов по математике в 1983 и 1984 гг. (с решениями)» и др. Одна из основателей Европейского русского альянса.

механизмы, которые должны противодействовать дискриминации в отношении тех или иных языков.

Господин Анастассопулос упоминал о движении басков, о стремлении некоторых народов создать собственные государства. Это возможно через создание, например, автономий. Но, к сожалению, в этом движении, в стремлении укрепить позиции своей культуры возникают элементы дискриминации по отношению к культуре соседского народа. Например, в автономном сообществе Каталония в настоящее время в сфере образования перестает использоваться испанский язык, при том что на этих землях проживает и испанское население. В Латвии, моей стране, полностью изымается из употребления русский язык, в том числе и из сферы образования. Или конфликт, который существует в Бельгии: очередное правительство распалось, будут проводиться новые выборы, потому что фламандцы пытаются полностью прекратить употребление французского языка в Брюсселе. Доходит до абсурдных требований, например, что социальные пособия эмигрантам будут выдаваться только в том случае, если они владеют фламандским языком. Но второй язык эмигрантов в Брюсселе — французский. Вновь возникают противоречия.

Поэтому нужны международные инструменты, институты, позволяющие защищать права меньшинств. Эти меньшинства приобретали новые качества в новых образованиях. Я пока не знаю, как разрешить проблему насильственной ассимиляции традиционных меньшинств, проживающих на данной территории. Она в Европе проявляется повсеместно. Еще один пример — известный закон о языке, действующий в Словакии, который ущемляет права венгров.

Элеонора Валентиновна поставила вопрос о том, как разрешать эти проблемы на уровне международных организаций. Я, как представитель латвийского Комитета по правам человека, несколько раз участвовала в различных международных форумах и пришла к выводу, что в решении проблем о правах меньшинств происходит, к сожалению, своего рода «футбол». Например, страны Балтии обвиняют Россию в нарушении прав человека, в ответ Россия тоже обвиняет Балтийские страны в нарушении прав русскоязычного меньшинства. Аналогичный «футбол» происходит, например, между Грецией и Турцией, если возникает вопрос о Кипре. В результате проблемы не решаются. Поэтому мы предлагаем, чтобы на уровне межгосударственных структур проблемы рассматривались не в диалоге, а каждая отдельно. Например, создается комитет по правам русскоязычного населения Прибалтики, и на всех уровнях обсуждается именно эта проблема, и никоим образом она не соотносится, скажем, с проблемой нарушения прав человека в Чечне, что часто пытаются увязать.

Мне кажется, что диалог надо вести по каждой конкретной проблеме, и разрешать конкретный конфликт (а их, к сожалению, очень много), используя международные инструменты, институты, запрещающие дискриминацию, не ссылаясь на другие прецеденты, с тем чтобы не получился замкнутый круг. Благодарю за внимание.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Большое спасибо. К микрофону приглашается господин Кинхиде Мусьякодзи.

К. МУСЯКОДЗИ¹: — Я не буду говорить о своем народе, который, наверное, представляет определенный интерес. Мой коллега из Китая говорил о похожих явлениях. Он сказал, что если мы хотим развивать диалог, то нужно не только использовать логику Запада, но и прочитать Книгу Перемен, учиться мудрости Востока. В своем выступлении я хотел бы затронуть вопросы культуры и прав человека. Я участвую в международном движении против дискриминации и расизма и состою в Совете по правам человека ООН. Была принята важная резолюция (к сожалению, в отсутствие развитых западных стран), которую представляла Российская Федерация. Идеи, которые представляла Россия, касались защиты прав человека и традиционных ценностей. Специалисты по правам человека с Севера, Востока, из западных стран не хотели принимать тот факт, что национальные ценности равны универсальным правам человека и, по сути, не менее значительны. И ЮНЕСКО, и наш университет реализуют концепцию развития исконных народов, пишут об их креативности, интеллекте. Но наши подходы разделяют не все.

Мы много говорим о правах человека, верим в эти ценности, но зачастую забываем, что права человека могут имплементироваться, воплощаться только тогда, когда есть культурный процесс, который восходит корнями к архаическим истокам. На пленарном заседании мы говорили о рассказе Чехова, о крестьянских женщинах, которые плакали, слушая историю про святого Петра. Я думаю, что существует нечто, что не освещается, но крайне важно для тех государств, которые не входят в сферу интересов ведущих стран. Это особые характеристики, о которых нужно помнить и которые нужно сохранять. Например, у меня в Японии есть дядя, писатель. Он основал деревню для художников, которая живет по принципам коммуны. Там помнят Толстого, и мы называем ее Толстой. То есть в Японии существует глубокая традиция обучения у русских. И, вероятно, в России также имеется опыт встреч с современностью, общечеловеческими ценностями, которые проникают с Запада.

Мы понимаем, что важно иметь что-то, не являющееся частью глобального. Универсальные ценности крайне важны. Но совсем другое дело, когда они насаждаются (иногда просто глупо их насаждать). Важно осознавать значимость этих ценностей и понимать, что в разных частях мира должны соблюдаться права человека. Но одновременно нельзя не учитывать, что исторические традиции стран крайне важны. Например, в Китае мы наблюдаем такое продолжение, сохранение культуры.

В то же время существуют заимствования и обучение. Джавахарлал Неру говорил о взаимной выгоде между колониальными странами, взаимообучении. Китай, может быть, и Япония были эгоцентричными странами. Теперь они сближаются. Китайский писатель Ху Шин в своих произведениях рассказывал о влиянии модернизации на простого человека. Граждане Японии были бы встревожены, если бы Китай стал развиваться

¹ Директор Центра азиатско-тихоокеанского партнерства Университета экономики и права (Япония), вице-ректор Университета ООН по региональным и международным исследованиям, профессор. Автор работ: "An Introduction to Peace Research", «Политическая и культурная подоплека конфликтов и глобальное управление», "Japanese Foreign Policy in a Multipolar World", "Behavioural Sciences and International Politics" и др.

в американском духе, стиле. Но мы знаем, что у них очень глубокая культура, она разнообразна: есть философы, историки и т. д. Они смотрят на ситуацию в мире и стране не с высоты, а изнутри.

И я хотел бы, чтобы мы обсудили обозначенные проблемы изнутри. Мы должны начать анализ с локального уровня, незащищенности обычного человека. Незащищенность человека привлекает все больше внимания в моей стране. Это понятие не является универсальным, оно касается каждого человека. И только потом оно распространяется на глобальный уровень. И говоря о диалоге, я хочу сказать, что важнее диалога, который начинается на глобальном уровне, диалог с простыми людьми, например в Японии это диалог японцев с путешествующими филиппинцами. Может быть, гораздо мудрее начинать диалог на локальном уровне, если мы говорим о развитии диалога культур. Я думаю, что ЮНЕСКО может способствовать продвижению и реализации этой идеи.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо. Разрешите предоставить слово Попову Вениамину Викторовичу.

В. В. ПОПОВ¹: — Я хочу высказать несколько замечаний, чтобы оживить дискуссию. Здесь многие отмечали, что имеются две тенденции универсализма. Глобализацию не отменишь, это объективный процесс, но мы должны понять, что моногосударств, или государств с одной национальностью, одной религией, на Земле, видимо, скоро не останется. И надо жить, используя новый опыт, нужно создавать новую реальность. Изменения происходят так быстро, что мы не успеваем их отследить и тем более обобщить. Наука, к сожалению, в этом плане тоже отстает. Действительно, как говорил Александр Владимирович, шквальный характер изменений не дает нам возможности осмыслить то, что нас ждет впереди.

Я позволю себе высказать такую мысль, что следующие два-три-четыре года будут наполнены противостоянием между Западом и исламским миром. Это связано с тем, что одновременно обостряются четыре кризиса: ближневосточный (там тупик и нет перспектив); иранский (ситуация вокруг Ирана); иракская драма (потому что американцы должны уйти из Ирака); и, наконец, афгано-пакистанский узел (который чрезвычайно опасен; не буду вдаваться в подробности, но то, что в октябре 2009 года талибы штурмовали генштаб пакистанской армии, говорит о многом).

Но как бы то ни было, мы должны жить в этом новом мире, где каждая (особенно небольшая) нация должна отстаивать свои права. Я здесь согласен с оратором из Латвии. Это необходимость, потому что иначе малые нации просто растворятся в больших. В связи с этим чрезвычайно важно сделать акцент на полезных и позитивных вещах. Это задача всех международных организаций и вообще всех нас. Что значит позитивный опыт в этом плане? На самом деле происходит взаимо-

обогащение цивилизаций и культур, они сталкиваются, но нужно определить границы этого столкновения. Границы, как говорил академик Гусейнов, — это ненасилие. Все можно обсуждать, вести диалог, но не переходить к насилию.

Существует много позитивных примеров того, как цивилизации обогащают друг друга. Здесь выступал представитель Японии. По моему мнению, опыт Японии следует распространить на другие государства и активно пропагандировать через ЮНЕСКО. Там по особым датам ходят в буддистский храм, а по другим — в синтоистский, девушки предпочитают выходить замуж в католических храмах. Это прекрасный пример толерантности. Таких примеров множество.

Я хочу сказать, что «жизнь богаче любых схем», это говорил еще Гёте, она дает прекрасные примеры. Плодотворный характер переплетения различных культур и цивилизаций проявляется даже в появлении государственных деятелей нового типа. Что происходит в Соединенных Штатах Америки? Президентом стал человек, который является носителем нескольких культур (не только «черной» и «белой», если можно так выразиться). Этот человек, который несколько лет учился в индонезийской школе, хорошо знает сразу несколько культур. Что происходит во Франции? Аналогичный процесс. Саркози — классический пример (если у него и есть французская кровь, то очень небольшой процент). Нынешний лидер английских либерал-демократов имеет ярко выраженные русские корни. Это закономерность. Таких примеров можно привести много. Этот процесс невозможно остановить. Кстати, таких людей много и в этом зале — это наше будущее, на этом надо делать акцент. Каким образом? Про это надо снимать фильмы, пропагандировать в Интернете, писать об этом книги.

Мы сейчас пишем книгу о том, почему произошли разные религии, появились различные цивилизации. Ее нужно перевести на много языков и дать прочитать молодому поколению. В этом зале находится выдающийся российский ученый — профессор Ю. В. Яковец, автор теории о цивилизациях, который написал много книг об этом. Сейчас он вынашивает идею создания интернет-университета. Это исключительно важное дело. Мне кажется, что эту идею должны поддержать ЮНЕСКО и другие организации. Потому что молодежь в России практически не смотрит телевидение, но они погружены в Интернет. Поэтому в Сети нужно правильно ориентировать людей, то есть показывать соответствующие ролики, видеосюжеты и т. д. Я имел счастье последние несколько лет общаться с Чингизом Айтматовым — великим писателем, мудрым человеком. Но он постоянно подчеркивал, что он является примером синтеза различных культур. Спасибо.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Большое спасибо. Сейчас выступает господин Жан Радваньи.

Ж. РАДВАНЬИ²: — С тех пор как я стал директором Центра франко-российских исследований в Москве,

² Директор Центра франко-российских исследований (Москва), профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж, Франция), доктор географических наук. Выпускник Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO) по кафедре русского языка. С 1972 года возглавлял Группу по изуче-

¹ Директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Персидский залив в планах и политике Запада», «Ближний Тунис» и др. Член правления и директор по международным связям Фонда поддержки исламской культуры, науки, образования.

я столкнулся с проблемой глобализации, обмена культур и т. д. У меня создается такое впечатление, что, конечно, существуют глобальные культуры, глобальные тенденции, но на поверхность выходит совсем другая тенденция — тенденция к упрощению. Мы живем в эру клише, стереотипов. В каждой стране существуют упрощенные взгляды на другую культуру, соседей, другие государства. Мне кажется, что это нездоровая тенденция, которая связана с инструментами глобальной цивилизации: Интернетом, международным телевидением и т. д.

Например, для многих французов и, наверное, для многих людей на Западе Россия из-за своей исторической, культурной, религиозной специфики представляется страной, чуждой идее демократизации и модернизации. Это стало клише, которое часто тиражируется в газетах, на телевидении и т. д. В то же время в России также распространено клише, что Франция из-за потоков мигрантов из разных стран поставила под угрозу исчезновения свой язык, свою культуру. Эти клише представляют собой интересную проблему. Я вижу свою задачу в том, чтобы определить, как можно бороться с ними, потому что они очень вредны, стали распространенными, как будто очевидными. Эти клише, наверное, связаны со многими факторами: историческими, социальными, экономическими, геополитическими — и зависят от того, как поступает определенное государство в конкретных ситуациях. В то же время клише часто связаны с историей.

Последние два года можно охарактеризовать как время коммеморации (коллективной памяти), и они особенно были соотнесены со Второй мировой войной. Практически во всех государствах, в том числе во Франции и России, некоторые политики, иногда власти, постарались использовать эти коммеморации не только для того, чтобы вспомнить о победе, но и для того, чтобы как-то повлиять на общественное мнение с определенной целью. Цели могут быть разными: исключительно электоральными, «политиканческими» или более важными — постараться изменить взгляды на главные события или личности, например на Сталина.

Наш центр недавно организовал круглый стол «История, историки и власть», на котором состоялся интересный диалог между российскими, французскими и немецкими историками. Какие выводы были сделаны? В последние годы в архивах стало работать не легче, а труднее. Недавно я с большим интересом прочитал интервью Дмитрия Медведева, данное им газете «Известия», и надеюсь, что оно повлияет на ситуацию. Затруднены возможности молодых ученых участвовать в диалоге, сотрудничестве, совместной работе между нашими европейскими странами, в данном случае между Францией и Россией.

На вышеупомянутом круглом столе была высказана мысль, что нужно предлагать конкретные решения. Я не дипломат, а директор научного центра, и, на мой взгляд, важно предпринять меры в сфере визового за-

конодательства между Евросоюзом и Россией, обмена студентами. В Западной Европе сейчас действует программа Erasmus для студентов, предоставляющая право шесть месяцев или один год учиться в другом государстве Евросоюза. Это важно, потому там студенты погружаются в другую культуру, изучают другой язык. Я хотел бы включить Россию в эту систему, чтобы студенты из Франции могли бы учиться в российских вузах, и наоборот, чтобы студенты из России могли бы легко попасть во французские вузы, чтобы был открыт доступ к архивам, разным фондам. Это конкретные шаги, которые можно предпринять.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо. Предоставляю слово господину Петру Дуткевичу.

П. ДУТКЕВИЧ¹: — Дамы и господа! Я не дипломат, я учу детей и время от времени прошу канадское правительство не совершать ошибок. Я выделил два момента, которые находятся в центре наших обсуждений на Лихачевских чтениях. Первый момент: почему своими дебатами мы не решаем проблему диалога культур, а долгие годы стоим на одном месте? Почему существует разрыв между дебатами, теоретическими рассуждениями и диалогом культур? Почему наблюдается отрыв международных дипломатических усилий от желаний обычных людей, проживающих в разных странах? У меня нет ответов на эти вопросы, может быть, потому что подобные дебаты становятся все более оторванными от жизни. И вообще руководство отдалено от своего народа, я этим очень обеспокоен. Нужно приблизить те усилия, которые предпринимаются на высшем уровне, к народу — это цель наших дебатов. Может быть, нам нужно сфокусировать наше внимание в обсуждении диалога на наиболее болезненных областях?

Диалог между культурами и цивилизациями (неважно, как его называть) — это всегда диалог о равенстве. Что делает нас равными в диалоге культур? У нас одинаковые социальные проблемы и опасности. Какие? В первую очередь это проблема экологии, биоэкономического пространства и биоразнообразия, которое необходимо сохранять. Это проблема справедливости, проблема правителей, того, как они будут справляться с этим. Также это проблема жизненного пространства, которая включает и миграцию, и урбанизацию, и другие моменты. Четыре проблемы: природа, равенство, управление и пространство — являются основными для людей, для которых мы работаем, для наших народов. Как решить эти проблемы? Это другой вопрос, над которым следует подумать. Я хочу внести свой вклад в сегодняшнюю дискуссию: пожалуй, нам нужно говорить не о разнообразии культур, не заниматься только терминологией и определениями, мы должны постараться концептуализировать наши усилия, определить то, что нужно сделать, и это будет полезным для наших народов.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо. К микрофону приглашается господин Жан де Глинасти.

нию постсоветских государств, руководил Центром российских и евроазиатских исследований. Автор научных публикаций: «Постсоветские государства», «La nouvelle Russie», «Atlas du Monde diplomatique», «La Russie entre deux mondes», «Les Etats post-sovietiques», «Atlas geopolitique du Caucase» и др. Входит в научный совет Leibnitz Institut für Länderkunde в Лейпциге (Германия), а также в редколлегия журнала «Slovo» (INALCO).

¹ Директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), профессор. Автор книг «Problems of local development in Poland» (1989), «NATO looks East» (1998), статей «Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе» (в соавт.), «Новая роль Канады в отношениях с Россией» (в соавт.) и др.

Ж. де ГЛИНИАСТИ¹: — Тема, которая сегодня предложена для обсуждения, — институциональные структуры одновременно на местном и глобальном уровне — особенно релевантна. Меньше чем за 50 лет мир перешел от биполярной структуры к униполярной, был период очевидного бесспорного доминирования США. Сейчас получила распространение многополярная структура, отгалкиваясь от которой будет создаваться глобальная культура.

Эта проблема имеет разные аспекты, но здесь я рассмотрю лишь некоторые. В нашей истории был один значительный момент, когда мы поверили в конец истории, национальных культур, превалирование модели, которую мы назвали «мягкой силой», в глобализованную культуру, которая является смесью Голливуда, кокаколы, Мирей Матье (потому что некоторые элементы этой культуры относятся не только к американской культуре). Поэтому конец биполярного мира и установление многополярного соответствовали культурной модели, которую мы считали уникальной, «сдобренной» некоторыми фольклорными элементами славянской, африканской, латинской культур. Это и было глобальной культурой. Эта культурная модель базируется на структурированных державах, которые относятся к униполярной структуре.

В этот момент произошел переход к многополярной фазе. В противоположность нашим представлениям, мы не пришли к концу истории, войны, кризисы продолжались. Основное событие, которое полностью изменило геополитическую и культурную картину мира, — это возникновение новых держав. С появлением Китая, Индии, Бразилии, после возвращения России на мировую арену мы находимся в рамках мира, который еще не устоялся, но который вновь поднимает тему культурного многообразия. Потому что после однополярной фазы теперь государства стараются продвигать свои культурные модели, свой способ мысли, собственные концепции. Появляются новые государства, новые полюсы, значительные центры культурного процветания.

Этот мир сейчас создается. Ясно, что он находится в фазе диверсификации. Это фаза не распада, а именно культурной диверсификации. Например, появляется китайское кино, китайские литературные произведения. Целый ряд элементов демонстрирует, что мир становится многополярным и в то же время разнообразным в культурном плане, что может показаться парадоксальным. Мы находимся в переходной фазе. Как мы можем организовать эту новую фазу, желательную для нас, то есть более объединенный, более связный, более гармоничный мир в институциональном и культурном плане?

Я хотел бы сказать несколько слов о мировых институтах и международных организациях. Международные организации, например ООН, до сегодняшнего дня следовали ритму, который я описал, — биполярность, однополярность. Вопрос в том, как управлять этой многополярностью и каким образом ее трансформировать в связанную систему управления мировыми вопросами? Что касается Совета Безопасности ООН, то здесь все сложно в плане процедур, но ясно, что расширение этой организации — это неизбежный процесс, который займет больше времени, чем изначально предполагали.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики в РФ.

Но Совет Безопасности ООН без Китая и Индии — это абсурд, если мы действительно хотим обеспечить стратегическую безопасность в мире.

Аналогично управление экономическими делами мы начали с «Пятерки», затем была «Группа восьми», а затем — собрание «Двадцатки». Это стало неизбежным. Теперь «Большая восьмерка» занимается решением только некоторых проблем. Потому что Китай (который входит в «Большую двадцатку») стал глобальным игроком, сосредоточивает не только половину населения Земли, но и значительные финансовые средства.

То же можно отметить и в плане решения проблем окружающей среды. Известно, что эти вопросы связаны с культурой, культурными изменениями в отношении к природе, миру. Мы находимся в той фазе, когда принимаются конвенции, проводятся конференции, которые часто бывают неуспешными и скорее являются символами осознания мировым населением необходимости вместе управлять нашим культурным наследием, миром. И ясно, что не все проблемы могут быть решены в рамках конференции в Копенгагене или Рио-де-Жанейро. Надо создать международную организацию, которая взяла бы на себя работу по всем элементам и обеспечила бы международную легитимацию культуры окружающей среды.

И в заключение следует сказать, что мы в этой диалектике между институтами и культурой находимся в фазе глобализации, которая в основном характеризуется возникновением разных структур мирового управления и реализуется при помощи различных международных организаций. Это трудно. Интересно констатировать то, что эта международная структуризация соответствует новому типу культуры. Для французов этот аспект очень важен. Учет культурного разнообразия также основывается на создании корпуса ценностей, которые постепенно вырабатываются в международных организациях. Спасибо.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо большое. А теперь я бы хотела предоставить слово госпоже Кан Яо Яо.

К. ЯО ЯО²: — Благодарю за приглашение на эту важную конференцию. Я услышала здесь много терминов — «глобальная культура», «сближение культур», «культурное разнообразие». Но я почти не вижу представителей Африки, тогда как в Африке есть много специалистов в этой области. Как мы можем сделать так, чтобы о нас знали? Я представляю здесь всю Африку. Моя страна, Кот-д'Ивуар, внесла большой вклад в культуру Нигерии, Бенина, Буркина-Фасо, Ганы и других африканских стран. Возможна ли глобальная культура? Я вижу, что Африка поглощена, затоплена другими культурами, в частности западной. Я говорю по-французски, другие — по-английски, но я на самом деле не могу сказать того, что хотела бы, когда говорю не на родном языке. Потому что французский язык предусматривает другое видение мира, а мне хотелось бы сказать что-то свое. Я, к сожалению, знаю только французский. Это проблема моей страны, моей культуры, но и не только. Мы уже давно находимся в глобальной культуре. Ведь, например, крупные художники, такие как

² Посол, Постоянный представитель Республики Кот-д'Ивуар при ЮНЕСКО.

Пикассо, очень многое взяли от Африки. Таким образом, Африка вносит свой вклад в глобальную культуру.

Я думаю, что о нас знают недостаточно, хотя мы очень нуждаемся в том, чтобы о нас знали. И сейчас здесь, за этим столом, собрались не специалисты в области культуры, а послы, которые хотят поделиться своими идеями. Как сблизить культуры? Да, мы хотим, чтобы они сблизилась. Когда мы приезжаем в Европу, мы довольно легко общаемся с европейцами, но в России это сложнее из-за языкового барьера. Но у нас проблемы с поездками во Францию из-за визового режима. Необходимо сделать так, чтобы мы легче сближались друг с другом. В то же время мы хотим вернуться к своей культуре и ценностям, чтобы африканская культура не была поглощена западной. Мы взываем к ученым-гуманитариям, к политикам: в Африке тоже есть достойные деятели культуры и науки, которые могли бы способствовать нашему сближению.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Приглашаю к микрофону господина Мухаммеда эль Захаби.

М. ЭЛЬ ЗАХАБИ¹: — Спасибо. В первую очередь позвольте поприветствовать организаторов этой конференции, поблагодарить их за выбор обсуждаемых тем и предложить продолжение дебатов на следующих сессиях ЮНЕСКО. Я хотел бы обсудить несколько моментов. Первый касается вопросов, задаваемых господином Яковенко: что мы должны делать? Я думаю, нам просто нужно много работать. Мы согласны друг с другом в том, что глобализация, расширение рынков вызвали изменения в культурах и порой снизили степень их независимости. Это на самом деле является проблемой: культура и глобализация кажутся несовместимыми.

Второй момент. Глобализация — это не тенденция последнего времени, она началась давно и значительно ускорилась после Второй мировой войны. Еще в 1930-е годы происходила прагматизация рынка, уменьшались национальные составляющие в Европе. В конце холодной войны у международных компаний появились шансы реорганизовать свою работу и нанимать работников из любой части мира. Повторение кризиса заставило нас начать регулировать рынки, они уже не могут быть бесконтрольными — необходимо государственное вмешательство.

Третий момент. Глобализация увеличивает пропасть между бедными и богатыми. Для кого-то этот процесс хорош, для кого-то плох — причем не только для отдельных людей; глобализация может нанести ущерб целым странам и нациям. Порой она приводит к усилению разграничений, затрудняет доступ к здравоохранению, источникам энергии и другим благам, которые необходимы всем.

Еще один момент. Скорость изменений порой заставляет нас забывать о гуманитарных ценностях. Этого нельзя допускать, так же как нельзя допускать никаких религиозных распрей, которые все более обостряются. Что касается роли культуры, то она должна гуманизировать общество. Это ее основная задача, в решении которой видятся два пути. Во-первых, это создание общей культуры, основанной на английском языке,

¹ Постоянный представитель Арабской Республики Египет при ЮНЕСКО.

поскольку так сложилось, что английский стал языком международного общения. Во-вторых, диверсификация культур. Нельзя допускать полной стандартизации, так как это будет обижать национальные меньшинства. Однако нельзя забывать и о необходимости взаимопонимания между народами.

Культура является выражением души нации, поэтому в области культуры не должно быть недостатка финансирования. Таким образом, культура должна быть демократичной, но вместе с тем национальной. Существование культур — трудная задача, но решать ее необходимо. Этого нужно достигать, несмотря на различия в культурах.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Большое спасибо. Слово господину Фабио Петито.

Ф. ПЕТИТО²: — Я хотел бы коснуться нескольких вопросов, которые обсуждаются в ходе нашей конференции. У нас здесь много «действующих лиц», которые так или иначе представляют разные стороны международного диалога. Я занимаюсь писательской и научной деятельностью, поэтому так или иначе вовлечен в дискуссии по тем вопросам, о которых мы говорим. Прежде всего хочу подчеркнуть, что было бы ошибкой не использовать слово «цивилизация». ЮНЕСКО и ООН сейчас нацелены на мультикультурный диалог, и это, наверное, неизбежно. Здесь есть несколько важных аспектов, в том числе и философский. Многие говорят, что мы должны говорить о диалоге культур, а использовать слово «цивилизация» безрассудно и безответственно, когда мы находимся в контексте столкновения цивилизаций. Почему? Дело в том, что цивилизации создают границы, разделяют людей. Это некая позиция, которая позволяет делать то, о чем говорил коллега из Китая. В резолюциях ООН, например, мы видим стремление установить продуктивные связи между культурой и национальными ценностями. В ООН, как мы знаем, есть консультативный орган, который занимается разными религиями, социальными проблемами и т. д. Есть представительства разных стран. Однако нам нужно избегать такого дискурса, касающегося диалога и межкультурного сотрудничества, когда все замыкается на уровне теоретического западноевропейского понимания. Если мы говорим о цивилизациях, то следует помнить о том, что речь идет о реальных людях, об их жизни. Историю, подобную замечательному чеховскому рассказу, можно перенести из контекста чисто христианской культуры и применить к исламу, индуизму и любой другой религии.

Но сегодня мы наблюдаем отсутствие знания друг о друге. Если мы говорим о реальном, практическом межкультурном диалоге, то следует прислушаться, есть ли в нем исконный, подлинный голос народа. Если нет, то мы ничего не достигнем. И вот в том аспекте, о котором я говорю, мы можем использовать слово «цивилизация». Хочу поблагодарить своих коллег, которые расставили важные и верные акценты. Есть реальная

² Профессор Университета Суссекса (Великобритания), доктор. Сфера научных интересов — проблемы взаимодействия факторов цивилизации, культуры и религии в международных отношениях. Автор более 100 публикаций, в т. ч.: “Civilizational Dialogue and World Order: the Other Politics of Cultures, Religions and Civilizations in International”, “Relations”, “Europe, the United States and the Islamic”, “World: conceptualising a Triangular Relationship”, “The International Political Thought of Carl Schmitt: terror, liberal war and the crisis of global order” и др.

опасность ограничиться спорами теоретиков и политиков, но в этих вопросах есть еще несколько аспектов. Важно отметить то, что у нас действительно раздаются голоса с уровня организаций, институтов, которые говорят о культуре и культурных традициях. Как дать этим традициям возможность заговорить самим, принимать участие в международном движении, вносить вклад в развитие разных сообществ? Может быть, надо подумать о возможности переписать Всемирную декларацию прав человека или другой подобный документ, подойти к новым редакциям этих документов с точки зрения необходимости учета традиций всех народов. Как верно сказал господин французский посол, мир меняется, появляется новая конфигурация управления и власти, многополярный, многокультурный мир. Надо приспособить к этому миру систему международного законодательства, и Билль о правах человека тоже может послужить краеугольным камнем грядущих перемен. Такой может быть роль политики. Нужны новые переоценки. Почему мы не думаем о такой категории, как «сострадание» (о чем говорили вчера)? Почему это не может стать частью нашего законодательства? В этом смысле могут помочь традиции — придать силу, насытить энергетикой разные аспекты политической и законодательной жизни. Мы знаем слово «конфликт»; в научной литературе говорится, что конфликт, на какой бы почве он ни происходил — культурной, религиозной и так далее, — случается тогда, когда идентичность слабая, расплывчатая, может легко сломаться, когда люди не знают, что такое их культуры. И тогда предприимчивые политики могут воспользоваться этим в своих интересах. Поэтому нам надо смотреть глубже, чтобы понимать тенденции и не подставлять эту идентичность под удар. Она должна проявлять себя в межкультурном диалоге, и он не должен быть для нее опасен. Религиозные фундаменталисты преследуют свои цели, игнорируя такие аспекты. Если мы говорим о фундаменталистах вообще — христианских, исламских и тому подобных, то они обычно игнорируют собственную традицию, что объясняется их невежеством. Они не способствуют диалогу цивилизаций, так как не говорят подлинным голосом своей традиции, культуры.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо. Слово представляется господину Мехди Санаи.

М. САНАИ¹: — Было бы хорошо, если бы на конференциях, подобных нынешней, мы обсуждали, получился ли диалог цивилизаций. Уже почти десять лет как мы говорим, что такой диалог необходим, но насколько он удался? Есть позитивные знаки, но и негативные тоже есть. Как бы то ни было, диалог цивилизаций влияет на политические и социальные процессы в мире, но есть знаки, которые говорят о том, что проблем в этой области еще очень много. Например, именно в 2001-м —

¹ Директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета (Иран), член Казахской академии общественных наук, профессор, доктор. Автор книг: «На Великом шелковом пути... Встречи на земле казахов», «Отношения Ирана с центрально-азиатскими странами СНГ: социально-политические и экономические аспекты», «Мусульманское право и политика» (учебное пособие), «Отношения Ирана и России», а также многочисленных научных статей. Почетный член Союза писателей России, член Казахской академии общественных наук, консультант «Энциклопедии исламского мира» по России, Центральной Азии и Кавказу.

в том году, который по предложению Президента Исламской Республики Иран был объявлен ООН Годом диалога между цивилизациями, мы наблюдали известные события 11 сентября в Америке. Поэтому я считаю, что было бы хорошо сделать список — какие позитивные и негативные свидетельства диалога цивилизаций мы наблюдали в последние 10 лет.

Диалог цивилизаций — парадоксальное понятие. На вчерашнем заседании академик Гусейнов хорошо говорил о глобальной культуре. Но у меня вопрос: что вообще значит «диалог культур»? Если культура предполагает идентичность, то это означает границы. А мы знаем, что во многих странах давно сформированы так называемые *state nations*, и их формирование продолжается. На постсоветском пространстве в бывших союзных республиках именно сейчас, в последние 20 лет, создается идентичность. Но это возможно лишь в том случае, если воздвигнуты границы. Мы должны уточнить, как нам наладить диалог цивилизаций — через диалог разных культур или через глобальную культуру? Если через диалог, то как могут вести диалог субъекты разных культур, а если через глобальную культуру, то какой характер имеет эта глобальная культура? Это действительно парадоксально. Глобальную культуру трудно детерминировать, потому что представители разных культур понимают ее по-разному. Возьмем, например, различные религии — почти все они выступают за глобальную культуру. Но каждая религия объясняет это понятие по-своему. Поэтому, я думаю, очень важно в диалоге уточнить представителей культур и цивилизаций, которые должны вести переговоры, то есть непосредственно осуществлять диалог.

Повторяю, нам надо решить, что мы хотим: глобальную культуру или диалог между культурами? Потому что это разные вещи. Если мы выступаем за глобальную культуру, то здесь в свою очередь возможны два решения. Профессор Гусейнов вчера хорошо сказал, что есть естественный процесс модернизации, который открывает базу для общей культуры, и есть общая характеристика разной культуры во время модернизации. А есть глобализм и глобализация — это совсем разные понятия. В последние годы мы видим результаты формирования однополярного мира. В такой ситуации, я думаю, нам надо обратить внимание на некоторые элементы. Первый — человек и его воспитание. В связи с этим снова напомним выступление профессора Гусейнова: Виктор Гюго сказал, что XX век будет веком человечества, а не народов, не *nations*. Но мы наблюдали другое — две мировые войны. Может, человек пока не воспитан в достаточной степени, поэтому общая программа воспитания в разных странах — это очень важно. Я в своем докладе сказал, что исламский опыт в этом плане может быть очень полезен. Большое значение исламские течения придают воспитанию человека в духе толерантности и умения вести диалог с представителями других культур. Это хорошо отражено в стихах персидских поэтов.

Другая проблема, которую надо решить, — несправедливость в мировой политике и деятельности международных организаций. Это тоже очень важно, это может помочь в диалоге культур и цивилизаций. Сегодня мы видим, что международные структуры не соответствуют складывающимся реалиям — как минимум они

не соответствуют потребностям Африки, Азии, мусульманского мира. Кроме того, важные субъекты диалога цивилизаций — религиозные лидеры, их диалог тоже необходим. Я хочу отметить, что, к сожалению, в диалоге религий, который сейчас ведут разные страны, религиозные лидеры участвуют мало.

Я оцениваю Лихачевские чтения как очень серьезную конференцию. Я участвую в ней второй раз и надеюсь, что материалы Чтений смогут прочитать люди в разных странах и на разных языках, что окажет влияние на процесс диалога цивилизаций.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Теперь я хотела бы предоставить слово господину Мустафе Тлили.

М. ТЛИЛИ¹: — К концу вчерашнего заседания мне показалось, что мы можем разграничить культуру и глобализацию, и, в общем, уже разработали схему действий. Некоторые речи произвели на меня большое впечатление, особенно слова российского писателя — он говорил действительно от всего сердца. Без этого все наши рассуждения были бы достаточно сухими. На темы, которые мы обсуждаем, написано много книг, ими можно заполнить целую библиотеку. Но без слов Даниила Гранина мы не сделали бы ни шага вперед. Кроме того, российский заместитель министра иностранных дел задал правильный вопрос: что же делать? И я рад видеть, что наша дискуссия сконцентрировалась на средствах достижения наших целей и на том, каково значение того, что происходит сейчас. Мы сейчас живем во время перемен, я с этим согласен. И в XX, и даже в XIX веке тоже происходили большие перемены — индустриализация, расширение европейской экспансии и т. д. То время перемен привело к появлению великих мыслителей, включая Маркса и Ленина, который тоже задал вопрос: что делать? Он нашел ответ, может быть, не самый удачный, как мы теперь видим, но он хотя бы задавал этот вопрос.

В нынешнюю эпоху перемен мы сфокусировались только на одном их элементе — изменении мусульманской части мира. История отношений Запада и мусульманского мира с давних времен складывалась непросто. В разные периоды побеждала то одна, то другая сторона. Теперь обе стороны относятся друг к другу с недоверием и подозрением, что явно чувствуется и на уровне политики. Мы говорили о трениях в отношениях с Ираном, Ираком, Афганистаном. Это общее ощущение: мусульманам кажется, что их атакуют и что Запад хочет управлять исламским миром. Это нужно учитывать, когда мы рассматриваем такие вопросы, как терроризм. Многие коллеги в области социальных наук сделали запросы по биографиям известных террористов и известных террористических актах. Что же обнаружено? Недоверие и подозрение, о котором я сказал, ведет к тому, что люди хотят восстановить, утвердить свое достоинство, и это объясняет популярность террористических лидеров и одобрение их действий. Мусульманский мир часто аплодирует этим террористическим атакам. Нельзя забывать об этом. Опросы, которые мы прове-

ли, показали: если бы сейчас Усама бин Ладен был выдвинут кандидатом в президенты любой мусульманской страны, его избрали бы абсолютным большинством голосов. Причиной этого является чувство страха, подозрения, с которым мусульманский мир относится к Западу. И встает все тот же вопрос: что делать?

Я считаю, что в отношениях между правительствами и институтами гражданского общества необходим диалог. Надо признать, что происходят перемены, и установить основные принципы взаимодействия. Я согласен с коллегой из Японии, что основой этих принципов должно быть взаимное уважение — в диалогах и спорах. Независимо от того, каков предмет этих споров, надо уважать своих партнеров — только так можно добиться какого-то прогресса, иначе мы будем оставаться в состоянии конфликта. Именно взаимное уважение должно быть рамочным принципом любых переговоров. Тогда стороны хотя бы начнут прислушиваться друг к другу. И второе — взаимное понимание. Без него также мы не продвинемся вперед.

Мы видим, что происходит в Иране. В последние 10 лет Иран был поставлен в ситуацию ментальной блокады: либо вы делаете все по-нашему, либо мы вас будем притеснять различными способами. И госпожа Клинтон во время своей выборной кампании сказала, что нас надо стереть. То есть либо вы ведете себя так, как нам нравится, либо мы вас уничтожим. Она даже говорила о ядерной атаке.

А что сделали консерваторы и администрация Буша с Ираком? Они просто насаждали свое понимание демократии и указывали, какой страной должен быть Ирак. На этой почве часто возникают трудности и трения. Я благодарен послу Попову за то, что он упомянул этот вопрос. В мире происходят серьезные изменения, особенно в отношениях между мусульманским миром и Западом. Мусульманский мир требует признания своего наследия, уважения и права голоса в международных отношениях и в отношениях с Западом. Если мы с этим не согласимся, то у нас будут серьезные проблемы.

В заключение я хотел бы сказать о присутствии мусульманских социумов в мире и Европе. 15–20 млн мусульман живут сейчас в Европе, и они хотят быть интегрированными в европейское общество. Но я ни разу не видел определения того, что мы называем интеграцией, — ни в социальной науке, ни в документах правительства. Социальная наука считает этот термин само собой разумеющимся. Что значит интеграция? Это значит, что я начинаю есть свинину, как французы, молиться, как французы? Слово «интеграция» используют политики только в своих целях.

Если мы хотим, чтобы мусульманские социумы стали частью европейского общества, мы должны найти другие пути их включения. И концепция должна быть единственной — гражданство. Гражданство предполагает как права, так и обязанности. Если людям не давать гражданства, держать их вне этих рамок, то ничего хорошего мы не дождемся.

Вот два момента, на которые я хотел обратить внимание: взаимоуважение, взаимопонимание с мусульманским миром и присутствие мусульман в Европе, которое должно базироваться на гражданстве, а не на рымых решениях и разговорах о якобы интеграции. Благодарю вас за внимание.

¹ Основатель и директор Центра диалогов Нью-Йоркского университета, дипломат. Автор книг: «Le Bruit dort», «For Nelson Mandela» и романов: «La montagne du lion», «Lion mountain», «La rage aux tripes», «Un après-midi dans le désert» и др.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Слово предоставляется госпоже Мариам Катагум.

М. КАТАГУМ¹: — Благодарю Вас, госпожа председатель. Благодарю также организаторов конференции за приглашение, за то, что дали мне возможность поделиться своими взглядами. Темы, обсуждаемые вчера и сегодня, позволили мне поверить в то, что организаторы Лихачевских чтений хорошо разбираются в рассматриваемых проблемах и имеют добрые намерения. Но хороших намерений недостаточно. Как вы помните, вчера мы говорили о партнерстве цивилизаций. И я не слышала, чтобы при этом упоминалась Африка. Один из выступавших ораторов сказал о том, что население в Африке растет и молодеет. Хорошо, что он об этом упомянул: этот факт очень важен, его нельзя игнорировать.

Большинство национальных государств Африки являются членами Организации Объединенных Наций, и они стараются выполнять обязательства, которые на них налагает членство в ООН и других международных организациях. Но многие инициативы в ООН предпринимаются без привлечения африканцев к обсуждению. К сожалению, нас часто игнорируют, и во многих африканских странах приспособление к международным структурам занимает многие годы. Мы открываем наши границы, позволяем беспрепятственно перевозить продукты питания, но основные выгоды от этого процесса получают транснациональные компании, которые привозят свою продукцию на наш континент, а мелкие производители из африканских стран терпят убытки. Я считаю, что нужно наладить диалог между цивилизациями на эту важную тему, а также по другим вопросам глобальной культуры. Это имеет очень большое значение для нас, так как для африканцев одна из важнейших проблем — удовлетворение первостепенных потребностей.

На мой взгляд, глобальная культура — широкое понятие, включающее такие моменты, как права человека, демократия, культура мировосприятия и т. д.

Иногда международные организации присматриваются к балансу влияния в странах. Всего несколько стран в ООН имеют большинство голосов, и их решения сильно влияют на развивающиеся страны. И из-за этого нам приходится решать сложные социально-экономические и политические проблемы, которые выражаются в социальных беспорядках, острых конфликтах. И получается замкнутый круг войн и конфликтов. Международные организации, особенно ООН, не должны забывать о том, что их решения влияют на жизнь в Африке, необходимо консультироваться с нами и всегда учитывать геополитическую природу континента. Существует необходимость большего вовлечения всех стран. Я, как и многие мои коллеги, считаю, что африканскую интеллигенцию надо чаще приглашать на такие встречи. Одна из участниц нашей конференции выступила с предложением, чтобы больше женщин было вовлечено в такие обсуждения. Я с этим согласна, для нас вопросы мировой культуры — это не то, что мы можем контролировать. Есть вещи, которые неподвластны нам. Если взять, например, Нигерию, у нас есть такой феномен, как Нолливуд. Мы снимаем очень мно-

¹ Посол, Постоянный представитель Федеративной Республики Нигерия при ЮНЕСКО.

го фильмов, их показывают по национальному телевидению. Многие страны имеют выделенные каналы для показа этих фильмов, но мы не можем это контролировать. Однако это влияет на всю мировую культуру. Это нельзя игнорировать. Надо думать о том, как Интернет влияет на людей, особенно на безработную молодежь, — и это, к сожалению, мы тоже не в состоянии контролировать. Но об этих проблемах не нужно забывать. Давайте уважать разнообразие друг друга. И я считаю, что глобальная культура на самом деле формируется, причем очень быстро.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Приглашаю к микрофону Виктора Борисовича Кувалдина. Прошу Вас.

В. Б. КУВАЛДИН²: — Один из последних руководителей Советского Союза Юрий Андропов как-то сказал: «Мы не знаем общества, в котором живем». Боюсь, что сегодня можно с полным основанием заявить: «Мы не знаем мира, в котором живем». Эта ситуация дискорднa и потенциально весьма опасна.

Последние 15 лет в фокусе моих научных интересов находятся как раз проблемы глобализации. Но если вы посмотрите мои работы, то увидите, что там речь идет о самых разных аспектах глобализации, но почти ничего нет о глобализации в сфере культуры. Почему? Должен честно признаться, что я просто робую перед огромностью и невероятной сложностью этой темы. Тем не менее полагаю, что сейчас и наука, и соответственно общественная мысль подошли к той черте, когда обходить эту тему более никак нельзя. Поскольку организаторы этого обсуждения призывали нас к выработке практических рекомендаций, то моя первая и единственная рекомендация ЮНЕСКО заключается в следующем: постараться стать и практической, так сказать, лабораторией межкультурных взаимодействий, и одним из ведущих центров анализа и осмысления всего комплекса проблем, порожденных становлением культуры глобального мира. Со своей стороны полагаю, что глобальная культура как особый феномен сейчас делает первые шаги. В отличие от скептиков, считаю, что она есть и у нее большое будущее. Мне представляется, что XXI век — это век, когда будет интенсивно формироваться культура глобального мира, и в ее будущее я верю, потому что если у глобальной культуры нет будущего, то это означает, что нет будущего и у человечества.

Что в этом отношении можно сказать уже сегодня? По-моему, мы верно определяем общую динамику глобализационных процессов, справедливо говорим о том, что центр мирового развития смещается с евроатлантического ареала в сторону Азии, прежде всего Восточной Азии. В то же время нам надо быть осторожными, во-первых, когда мы распространяем оценки, сделанные в одной сфере общественного бытия, на другие, и во-вторых, когда мы пытаемся определить скорость процессов, особенно если это делается методом простой

² Заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор исторических наук. Автор более 50 научных работ, в т. ч.: «Интеллигенция в послевоенной Италии», «Американский капитализм и интеллигенция: историко-социологический очерк», «Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения» и др. Член исполкома Горбачев-Фонда.

экстраполяции. Да, в мировой экономике подъем Восточной Азии — бесспорный факт. Но и там все далеко не однозначно. Тем более механические оценки неприменимы к сфере культуры.

Гегемония Европы — сравнительно новый феномен, характерный для эпохи промышленного капитализма. Менее двух веков назад, в 1820 году, в индустриально развитых странах проживало 26 % мирового населения, и на их долю приходилось 37 % мирового производства. К 1913 году ситуация в мировом хозяйстве изменилась кардинальным образом. Доля населения развитых стран несколько увеличилась, до 37 %, а их удельный вес в мировом ВВП почти удвоился, превысив 70 %. К этому моменту евроатлантическая цивилизация полностью доминировала в мировой экономике, а заодно в мировой политике и культуре. Весь остальной мир, объединяемый понятием «развивающиеся страны», был отодвинут на обочину процесса глобализации.

В настоящее время много говорят о том, что повышаются роль и значение развивающихся стран в мировой экономике и политике. Да, действительно, такая тенденция наблюдается с середины XX века, хотя и ее тоже не надо переоценивать. Возьмем ту же экономику. Если считать по паритету покупательной способности, то на долю развивающихся стран пока приходится менее половины мирового производства. Если считать по обменному курсу, то еще меньше — около четверти мирового производства. К тому же основные локомотивы научно-технического прогресса находятся не в Азии. Пока это Соединенные Штаты Америки и в определенной мере Европа. Да, положение дел меняется, хотя не так быстро и однозначно, как это порой представляется в расхожей публицистике.

Означает ли это, что одновременно и параллельно будет меняться и ситуация в сфере культуры? Не обязательно. Дело в том, что культура — особая сфера бытия, к ней нельзя применять законы, которые действуют в экономике и политике.

Культурная глобализация — это позднее, а с точки зрения многих и незаконное дитя процесса глобализации. Как бы то ни было, ребенок появился на свет, и он себя еще покажет. Однако по ряду причин не стоит проецировать на культуру процессы, которые происходят в экономике и политике. Когда цивилизация сдает позиции и даже терпит военное поражение, это совершенно не означает, что ее культурное влияние исчезает. Золотые дни Древней Греции остались далеко позади, ее культурное воздействие оставалось очень мощным. Вполне возможно, что это во многом относится и к европейской цивилизации. Много говорят о ее слабостях, имея в виду не только экономику, но, главное, — население, которое стареет и, как иногда кажется, не имеет желания и энергии для того, чтобы защищать свои ценности и идеалы. Но, в конце концов, более миллиарда человек — это не так мало. Европа знала падения и взлеты, у нее большая история, кроме того, не следует забывать, что к евроатлантической цивилизации относятся и Соединенные Штаты Америки, у которых достаточно благоприятные демографические показатели.

Становление глобальной культуры идет на двух уровнях — в элитарной среде (и здесь дискуссия «Диалог цивилизаций» принципиально важна) и в повсед-

невной жизни обычных людей. В частности, если вы заглянете в представленный доклад академика Гусейнова, то увидите, что он приводит интересные наблюдения, как ведут себя люди в международных аэропортах. В связи с этим можно отметить, что в настоящее время глобальная культура выступает как функциональная и практическая. То есть речь идет о сравнительно простых взаимодействиях, которые заданы заранее и не требуют творческих усилий.

Здесь я хотел бы вернуться к фундаментальному вопросу, поставленному в самом начале нашего обсуждения Элеонорой Валентиновной, вопросу, которому, к сожалению, не было уделено достаточно внимания в ходе нашей дискуссии. Мне кажется, очень справедливо было сказано о ценностной основе глобальной культуры. Если мы говорим о глобальном обществе (а смысл глобализации заключается именно в этом), то имеется в виду не только развитие экономического взаимодействия, которое представляет собой лишь часть этого процесса, причем не самую важную. Смысл заключается в создании глобального сообщества людей. Думаю, что в настоящее время мы живем не в глобальном обществе, а в глобальном мире, организованном в первую очередь на национально-государственных принципах. Но, конечно, мы движемся в направлении создания глобального общества. И если нам предстоит раньше или позже жить в глобальном обществе, то для этого, по-видимому, нужна и глобальная культура, иначе его функционирование невозможно. И у этой глобальной культуры должны быть свои основания, не только практически-функциональные, но и метафизические. Я думаю, что совершенно справедливо было здесь сказано в самом начале: в практико-политическом смысле этим основанием могут и должны стать права человека. Но это предположение не снимает второй, еще более важный вопрос. Ведь культура — это продуцирование смыслов. Она должна ответить на вопросы: кто мы, откуда пришли в этот мир, для чего живем на Земле? То есть она должна ответить на фундаментальные вопросы бытия, говорить о человеке в соотношении с не-человеком — с природой, космосом, Вселенной. Поэтому создание глобальной культуры требует озарения, интеллектуальных прорывов, новой фундаментальной основы человеческого бытия, которая может быть заложена в XXI веке.

В заключение повторю, что, с моей точки зрения, самая важная и самая сложная проблема, стоящая перед человечеством сегодня, — формирование глобальной культуры как общей системы символов и смыслов, в рамках которой только и может жить и развиваться глобальное общество, ибо это ключевое направление модернизации в современных условиях.

Это вовсе не означает отрицания национальных культур. Национальные культуры есть и будут, сохранится их смысловое ядро. Но кроме смыслового ядра есть периферия и полупериферия. И как раз на уровне взаимодействия периферийных слоев, как мне представляется, и будет наиболее успешно и плодотворно развиваться глобальная культура.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо большое. А сейчас я хочу предоставить слово мадам Орашарт Суебситх.

О. СУЕБСИТХ¹: — Для меня большая честь получить приглашение участвовать в этой крупной конференции, которая организуется в Санкт-Петербурге уже не первый раз и в которой участвуют видные представители науки, культуры и политики.

Наш мир крайне сложен, его представляет огромное количество культур, и у каждой — свое большое наследие и история. Я думаю, что каждая культура заслуживает продвижения на мировую арену, иначе мы будем их терять, и тогда станет невозможной ни культурная интеграция, ни идентичность культур.

Я согласна с тем, что диалог культур и партнерство цивилизаций в контексте глобализации связаны с достоинством и правами человека, но одновременно мы сталкиваемся в этой области с определенными угрозами. Эти угрозы связаны с взаимным непониманием, недоверием, поэтому нам нужно учиться искать инструменты, которые могут помочь нам разрешить проблемы, которые я назвала, и помочь нашему развитию. Мы говорим о нашем стремлении к миру, ненасилию, разнообразию, и диалог между культурами может нам позволить и в дальнейшем обсуждать различные проблемы, осуществлять обмен и укреплять наши связи в будущем. Мы также должны создать возможности для изучения друг друга. Я внимательно выслушала речь нашего гостя из США, который подчеркнул необходимость взаимопонимания, взаимопонимания. Я также с большим интересом слушала коллегу из Японии, который тоже касался подобных вещей. Как и они, я хочу подчеркнуть важность общения, взаимопонимания, дружбы. Разнообразие культур дает нам возможность уважать друг друга, а след за уважением возникает потребность углубления знаний о своей культуре и о других культурах.

Здесь также говорилось о необходимости перевести наши знания в практическую плоскость. Существуют различные институты, которые способствуют этому. Мы знаем, что международные организации играют огромную роль в продвижении идей культурного разнообразия. Для того чтобы эти идеи были эффективны, нужно активизировать деятельность различных сообществ. И я думаю, что обсуждение их участия — это тема еще для многих встреч. На этом уровне необходимо создавать систему, механизм, который будет работать именно для того, чтобы было возможно продвижение всего того, о чем мы говорим. Представители культур должны участвовать в этой системе. И я думаю, что мы можем говорить о целевых группах, на которые могут ориентироваться определенные программы.

Что касается Таиланда, то я скажу о некоторых аспектах специфических тайских инициатив в этом контексте. Правительство верит в силу культуры в нашей стране. И мы продвигали эту идею на всех уровнях, продвигали идею обмена культур, мирного сосуществования. Мы стремились наладить взаимодействие между частным сектором, гражданским обществом и правительством. Основы морали и культуры — это предметы, которые изучаются в школе и включены в программы. Ожидается, что сила культуры будет укрепляться и станет естественной движущей силой, и люди, в общем, будут жить в мирной среде. У нашей республики есть

¹ Посол, Постоянный представитель Королевства Таиланд при ЮНЕСКО.

осознание важности мирного сосуществования разных культур. Каким образом продвигаются эти инициативы? У нас есть министерство культуры, которое всячески поддерживает исследования в области культуры — не только тайской, но международной. Проводятся различные мероприятия — круглые столы, семинары. У нас осуществляется культурный обмен, организуются мероприятия на региональном и местном уровнях.

Я хотела бы сказать и о религии. На мой взгляд, религия и образование могут мирно сосуществовать. Большинство граждан нашей страны — 85 % — буддисты. Храмы у нас играют роль образовательных центров, и многие школы расположены прямо в дацанах. Концепция мирного сосуществования преподается в школах. У нас существуют целые специальные сети, которые помогают продвигать не только идею взаимодействия культур, но и идею важности сохранения национального наследия.

Если мы говорим о необходимости взаимного доверия, уважения к достоинству человека, то нельзя не коснуться следующего. Мы работаем над рядом проектов и программ, и недавно были сделаны новые шаги. Мы также организуем праздничные мероприятия, посвященные памятным и юбилейным датам. Этот процесс включен в нашу систему образования. Но мы не сосредоточиваем внимание только на тайской культуре, наше внимание привлекает вся мировая культура. И мы стараемся всячески пропагандировать ее и знакомить наше население с ней.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо большое. Сейчас перед нами выступит господин Мохаммад Реза Мажида.

М. Р. МАЖИДИ²: — Благодарю вас, госпожа председатель, за приглашение. С Вашего разрешения я начну свое выступление стихами великого иранского поэта Саади.

Человеческие существа — это части единого универсума. Если одному плохо или больно, то остальные останутся, но почувствуют это. Если у вас нет сострадания к человеческой боли, вы не можете называться человеком.

Трудно говорить о глобальной культуре, но мы можем говорить о культуре в глобализованном мире. Это несколько другая категория. Диалог и союзничество цивилизаций, сближение культур могли бы позволить нам иметь более четкое видение ситуации в мире. Через процесс сближения культур мы можем раскрыть пока еще скрытые возможности, которые содержит в себе культура. В каждой культуре, в каждой цивилизации есть огромная мощь. Это гораздо больше, чем думают интеллектуалы. В том числе очень важна религия. Я, как иранец, как мусульманин, считаю, что нужно подчеркивать роль религии. Ислам выступает за сближение культур. Дорогие гости из Индии, мы говорили о том, что нужно любить природу и ее разнообразие. Но разнообразие культур — это и разнообразие природы. В Коране также говорится о том, что нужно любить

² Посол, Постоянный представитель Исламской Республики Иран при ЮНЕСКО, доктор, бакалавр в области электроники, магистр в области управления. Автор ряда научных работ, посвященных проблемам политики, развития науки, судостроения, развития технологий в нефтяной, газовой и других стратегических отраслях, нано- и биотехнологий, развития сотрудничества между университетами и отраслями экономики.

и уважать природу. Очень часто Коран упоминает о разнообразии культур и их значении для человечества. Вот строфа 13 Корана: «Мы сделали вас из единственных мужчины и женщины, но разделили вас на нации и племена. Вы, может быть, не знаете друг друга хорошо, тем не менее вы должны уважать друг друга».

В глазах Аллаха прав тот, кто справедлив. Аллах любит всех. Строфа Корана, которую я процитировал, говорит о том, что все человечество имеет одинаковое происхождение. А разделение на национальности сделано для того, чтобы люди имели радость узнавания друг друга. Вот как важно разнообразие для жизни человеческого общества. Религиозно-культурный диалог возможен, и он должен лежать в основе межнационального общения. Если бы такой диалог осуществлялся между основными игроками на международной арене, то все конфликты разрешались бы мирно, путем переговоров. Все религии исповедуют терпимость и восхищение разнообразием окружающего их мира. Человек должен не доминировать над Вселенной, а существовать с ней в гармонии, при этом уважая ее создателя. Наши религии позволяют нам построить лучший мир, они не разделяют людей.

Мы должны более внимательно относиться к тому, как организовывать диалог культур, и я хотел бы сказать о мерах, которые окажутся полезны в этом. Нужно ответственно подходить к организации взаимодействия, подчеркивать ценность гармоничного существования в мире, избегать политизации и делать все попытки к усилению взаимного уважения. Внимательно относиться к интеллектуально-культурному наследию всех народов; использовать средства массовой информации для налаживания культурного диалога, а не для разжигания конфликтов; подчеркивать роль интеллектуальной элиты в этом диалоге; использовать интеллектуальную мощь граждан всех стран для сопротивления жестокости. Как говорит Руми: «О брат мой, ты такой же, как я». Все мы состоим из плоти и крови, все мы одинаковые человеческие существа.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Теперь я хотела бы предоставить слово Владимиру Михайловичу Давыдову.

В. М. ДАВЫДОВ¹: — Наши дискуссии, в общем, показали, что мы поддаемся соблазну ставить проблему в парадигме «или–или». Думаю, что сегодня применительно к глобальной культуре и глобальной цивилизации предпочтительнее ставить вопрос по формуле «и да, и нет». Я согласен с теми, кто говорил, что глобальной культуры нет, а есть лишь элементы глобальной культуры и огромная перспектива впереди — столетия, а не десятилетия в диалектическом соотношении, противоборстве, симбиозе двух начал. Демография пока

¹ Директор Института Латинской Америки РАН, доктор экономических наук, профессор. Член бюро Отделения общественных наук РАН. Автор свыше 180 научных публикаций, в т. ч. книг: «Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века = España», «Феномен финансовой глобализации. Универсальные процессы и реакция латиноамериканских стран», «Современный финансово-экономический кризис. Реакция нарождающихся рынков и центров мировой экономики», «Куба 90-х: модель "переходной" экономики и сотрудничество с Россией» и др. Член редколлегии Малой российской энциклопедии, научного журнала Кембриджского университета, журналов «Латинская Америка» и «IBEROAMERICA», член президиума Национального комитета содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки. Академик-корреспондент Португальской академии культуры.

против глобальной культуры или глобализации культуры. Я думаю, феномен, возникший в США, достаточно поучителен. Появляется и накапливается критическая масса, которая уже противостоит ассимиляции, и эта этническая масса создает основу для простого и даже расширенного воспроизводства цивилизационного начала. И национализационного — внутри Соединенных Штатов.

Теперь о практике. Да, нужен диалог культур, партнерство цивилизаций, но постоянно возникает вопрос: кто субъекты этого диалога? Мы, сидящие сегодня здесь, какие-то международные организации. Это очень серьезная инициатива, и я двумя руками за «Альянс цивилизаций». Он ищет формы воздействия на мировое сообщество таким образом, чтобы преодолеть разделение и найти точки соприкосновения. Но таких инструментов и механизмов крайне мало, а в реальной жизни, наверное, еще не проводились социологические исследования — сколько субъектов против диалога и сколько — за. Боюсь, что в политике, социальных движениях соотношение может оказаться даже в пользу «против». Я имею в виду различные националистические, шовинистические движения, реакционно-консервативные формирования и организации. Каким образом это противостоять?

И последнее замечание. Если есть возможность воздействовать в позитивном плане на диалог культур, продвигая его, то думаю, что одна из практических сфер — это образование. И тут карты в руки ЮНЕСКО. Я думаю, что у этой организации есть международный мандат, который позволяет оказывать воздействие на формирование учебных программ, методики преподавания, учебных пособий, мировоззрение учащихся. И если это будет делаться в духе партнерства цивилизаций, то это станет реальным практическим вкладом.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо большое. К микрофону приглашается господин Маргус Рава.

М. РАВА²: — Я не ученый, а государственный служащий, поэтому позвольте мне сделать несколько замечаний с точки зрения взаимодействия государств и международных организаций. Эстония — довольно маленькая страна. Мы участвуем в международных организациях, поддерживаем такие организации, когда речь идет о подобном диалоге. Господин Дуткевич спросил, учитываем ли мы необходимость компонента равенства в таком диалоге. Мне кажется, что это должно быть представлено в ООН. Можно привести пример. Работа нашей комиссии касается неосозанного культурного наследия — сохранения традиций. Эта деятельность дает нам возможность представить себя разным культурам, и через Эстонскую национальную комиссию ЮНЕСКО осуществляется эта миссия, важная для моей страны.

Второе направление, которое может быть полезным, — прислушиваться к другим культурам и иметь большее взаимодействие с ними. Я согласен с теми коллегами, которые говорят, что не может быть глобальной культуры. С одной стороны, в разных культурах есть много общего. Мы все, миллионы людей, одновременно смотрим футбол, в команде играют 11 человек,

² Посол, Постоянный представитель Эстонской Республики при ЮНЕСКО.

и матч продолжается 90 минут. Игра захватывает наше внимание, она проходит по правилам, понятным всем. Но, с другой стороны, проблема здесь есть, она заключается в том, что все игроки и большинство болельщиков — мужчины. То есть уже на этом уровне выявляется проблема равенства — в данном случае участия женщин.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Сейчас я хочу представить слово Фариду Абдуллоевичу Асадуллину.

Ф. А. АСАДУЛЛИН¹: — Я разделяю важную идею, которая прозвучала здесь в разных интерпретациях: энергия наших слов должна трансформироваться в энергию конкретных и полезных дел, энергию коллективного действия. Конференции, подобные Лихачевским чтениям, организуются в мире регулярно, практически каждый месяц. Мы знаем, что в России подобной площадкой является Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Есть огромные возможности «Альянса цивилизаций», который, насколько я знаю, скоро соберется в Бразилии. В арабо-мусульманском мире обсуждение проблематики межцивилизационного диалога — тема многих, если не большинства, международных конференций последних лет. Очень важно (к этому призывала и госпожа Митрофанова) найти формулу выявления коэффициента полезного действия таких очень важных встреч. Друг друга, я полагаю, нам убеждать не в чем. Мы, хочется верить, представляем элиты своих народов и говорим примерно на одном и том же языке, по крайней мере очень многое из услышанного я полностью разделяю. Это созвучно моему миропониманию и мнению о том, чем должны заниматься представители национальных элит и культур. Сбой происходит на уровне принятия политических решений, где порой очень сложно найти компромисс между разными подходами, тем более когда за ними стоят интересы соперничающих государств или группы государств. В то же время надо серьезно задуматься о том, как в этом конкурентном мире каждая цивилизация будет находить себе место «под солнцем». Будет ли это по-прежнему «фехтование» цивилизаций или это будет некая гибридизация? Я думаю, что альтернативе движения навстречу может быть только движение вспять. Как нам поставить какую-то метку и, скажем, уже к следующей встрече, к XI Лихачевским чтениям, прийти, не повторяя того, что мы говорили в этом году и в прошлом? Мне кажется, развитие межцивилизационного и культурного диалога не должно нам напоминать сизифов труд, его поступательность необходимо шаг за шагом коллективно фиксировать на уровне общих решений и их исполнения, выработки соответствующего инструментария, работы с политиками и правительствами. В этом вопросе нужен, полагаю, очень эффективный метод.

И еще одна мысль. Говоря о перипетиях наведения мостов между народами и культурами, мы иногда уходим в область схоластики и сухого теоретизирования,

¹ Заведующий отделом науки и связей с государственными службами РФ Московского муфтията, шейх, кандидат филологических наук, автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, среди них: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы, XIX–XX вв.». Член Общественной палаты РФ, руководитель Научно-общественного комитета Совета муфтиев России.

забывая о том, что «суха теория, мой друг, но древо жизни пышно зеленеет». Представитель Ирана в ЮНЕСКО сейчас процитировал известного средневекового поэта Джалялетдина Руми, самого читаемого исламского автора после пророка Мухаммада. Его поэзию изучали и изучают в специальных школах от Индии до Мавритании. Однако сегодня этот персидский поэт-мистик, живший 800 лет назад, известен не только в мусульманском мире. Руми благодаря блестящим переводам Колмана Баркса сейчас стал самым популярным поэтом в США, обогнав по тиражам самого Шекспира. Его поэзия — источник для либретто новых опер, современных песен, театральных постановок в англоязычной культуре XXI века. Этим я хочу проиллюстрировать, что диалог цивилизаций, становление глобальной культуры идет и помимо того, что мы здесь говорим, потому что Руми — это часть культурного фона, в том числе и англосаксонского мира.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо. К микрофону приглашается Шувалов Константин Викторович.

К. В. ШУВАЛОВ²: — Именно потому, что я занимаюсь взаимодействием с «Альянсом цивилизаций», хотел бы высказаться в поддержку того, что было сказано господином Фабио Петито относительно контрпродуктивности замены понятия «межцивилизационные отношения» понятием «межкультурные отношения». Этническая, цивилизационная, религиозная часть самоидентификации человека — это реальность, и при любой попытке упразднить или заменить какую-либо из этих частей наступает ответная реакция в виде обострения отношений по соответствующим линиям водораздела.

Два слова о деятельности «Альянса цивилизаций». Перед ним стоит сложная задача — отвечать своими способами на конфликты на этнической, культурной, религиозной, лингвистической почве. Эту задачу можно решать на разных уровнях. Сейчас преимущество отдается, так сказать, методам «скорой помощи» вместо того, чтобы договариваться о диагнозе. Эти методы важны, но «диагноз», который можно поставить в ходе диалога цивилизаций, тоже должен присутствовать. И такие диалоговые площадки, как наша, очень важны. Думаю, что «Альянс цивилизаций» должен анализировать идеи, которые высказываются в ходе диалога, и обобщать опыт различных государств в решении вопросов его ведения.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Спасибо большое. А теперь я предоставляю слово господину Петеру Рёллю.

П. РЁЛЛЬ³: — Я работаю в трех областях: противодействие терроризму, морскому терроризму и угрозам

² Посол по особым поручениям МИД РФ, специальный представитель МИД России по взаимодействию с «Альянсом цивилизаций», Чрезвычайный и Полномочный Посол. В системе МИД — с 1976 года. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате министерства и за рубежом: заместитель начальника управления Департамента Западной и Южной Азии, первый заместитель директора Третьего департамента Азии, посол России в Иране, директор Третьего департамента стран СНГ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Боснии и Герцеговине.

³ Президент Института консультирования по вопросам стратегии, политики, средств безопасности и экономики (Берлин, Германия), доктор философии. Занимал должность ведущего советника по зарубежной политике и безопасности при Постоянном представительстве Федеративной Республики Германия в Европейском Союзе (Брюссель). Автор ряда публикаций, таких как «11 сентября Индии», «Терроризм — это война?» и др.

мировой торговле. В связи с этим я кратко сформулирую три наблюдения. Во-первых, я утверждаю, что терроризм на море — это не фикция, а реальность. Во-вторых, террористы ищут мегаваны, в фокусе их внимания — ключевые точки. В-третьих, мы должны реализовывать комплексную политику безопасности, то есть включающую политические, социальные, экономические, экологические, военные аспекты. Все эти направления должны одновременно присутствовать в нашей деятельности по противодействию терроризму. Только в этом случае, например, терроризм на море не будет успешным никогда.

Э. В. МИТРОФАНОВА: — Уважаемые коллеги, для чего мы проводим подобные мероприятия? Наверное, для того, чтобы предотвращать разногласия, глобальные конфликты — это первое. Существует ли нормативная база для того, чтобы говорить «глобальная культура»? Выскажу свое личное мнение: я думаю, что она существует, и нам, в общем, есть на что опереться. Это, прежде всего, нормативные акты, связанные с правами человека, потому что глобальная культура в первую очередь предполагает уважение к человеку.

Но, мне кажется, есть нечто принципиальное, о чем верно сказал господин Давыдов, на что наши попытки будут все время наткаться, — национальные традиции и национальная политическая этика. В любой политической борьбе внутри страны политики, скрепляя свой электорат, опираются на противопоставление «своих» и «чужих». Этот «чужой» всегда быстро находится, особенно сейчас, в условиях миграции, и подобные подходы сложно преодолеть, на каком бы уровне это ни происходило. Если мы посмотрим историю всех выборов, то увидим, что все происходит, к сожалению, именно так.

Но здесь совершенно правильно говорили о том, что необходимо уважать другие культуры и права всех людей, и такое уважение должно прививаться в первую очередь через образование. ЮНЕСКО работает над этим, есть целое направление работы «Права человека», но этого мало. Мы должны еще хорошо подумать, каким образом мы можем повлиять на это.

И последнее. Становление глобальной культуры — это в какой-то мере новые системы коммуникаций, в которые вовлекается все больше людей, и глобальные сети, в которых активно участвуют наши дети, значительно расширяя круг общения. Это тоже элемент нашего будущего, от которого мы не уйдем.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Уважаемые дамы и господа! Прежде всего я хотел бы поблагодарить всех за то, что вы приехали в Санкт-Петербург и приняли участие в Лихачевских чтениях. Во-первых, должен сказать, что эту практику нужно продолжить и в будущем, и мы будем рады вас видеть здесь и в следующем году. Во-вторых, трудно подводить итоги такой дискуссии, потому что, с одной стороны, она была очень интересная, с другой — подвести под единый знаменатель практически невозможно. Понятно, что мир меняется, что надо отслеживать новые тенденции. Много зависит в том числе и от внешней политики, а значит, от международных организаций. Ясно, что международные организации должны продолжать работать над принципами диалога (слово «диалог» звучало буквально в каждом выступлении). И очень важно то, о чем говорила госпожа Жданок: чтобы принципы, которые мы вырабатываем на международном уровне, трансформировались в национальное законодательство и во внутреннюю политику государств. От этого зависит очень многое.

Секция 2 ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: МНОГООБРАЗИЕ ОПЫТОВ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

14 мая 2010 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина, СПбГУП

Руководители секции:

- А. А. ГУСЕЙНОВ** академик РАН, директор Института философии РАН (Москва), заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- В. С. СТЕПИН** академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва), руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор

Участники:

- П. АНЧЕВ** главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы» (Болгария)
- Е. М. АСТАХОВ** профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- Г. В. АТАМАНЧУК** главный научный сотрудник НИИ системного анализа Счетной палаты РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- К. Н. БРУТЕНЦ** вице-президент Российской внешнеполитической ассоциации, доктор исторических наук, профессор
- А. А. ГЕЗАЛОВ** оглы старший научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, кандидат философских наук
- Р. ГЕРРА** заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук, президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции
- Н. В. ГОЛИК** заведующая кафедрой эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук
- О. А. ЖУКОВА** профессор Столичной финансово-гуманитарной академии, доктор философских наук, кандидат культурологии
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- С. Н. ИКОННИКОВА** заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КОНЕВ** заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Э. А. КУРУЛЕНКО** ректор Самарской государственной академии культуры и искусств, доктор культурологии, профессор
- Н. И. ЛАПИН** член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН, профессор Государственного университета управления (Москва), доктор философских наук, профессор
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ** академик РАН, академик РАО, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии» (Москва), доктор философских наук, профессор
- А. П. МАРКОВ** профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ
- С. Т. МАХЛИНА** профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук
- А. Н. МОСЕЙКО** ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук, доцент
- Л. М. МОСОЛОВА** заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

А. П. НАЗАРЕТЯН	главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук
Г. А. ПРАЗДНИКОВ	заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук
В. И. ТОЛКАЧЕВ	ректор Международного института трудовых и социальных отношений (Минск, Республика Беларусь), кандидат исторических наук, доцент
Ж. Т. ТОЩЕНКО	член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор
Н. А. ХРЕНОВ	заместитель директора Государственного института искусствознания (Москва), доктор философских наук, профессор
Ю. М. ШОР	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук

В. С. СТЕПИН: — Мы начинаем нашу дискуссию. Желательно, чтобы мы соотносили свои выступления с тем, что уже было сказано на пленарном заседании. Хотелось бы, чтобы мы обсудили вопрос о том, что следует понимать под термином «глобальная культура».

Эта тема уже затрагивалась в пленарных докладах. В частности, академик А. А. Гусейнов в своем выступлении высказал идею о том, что глобальная культура — это сверхкультура. Но дело, конечно, не в новом термине, а в смысле, который мы в него вкладываем. В национальных культурах должны возникнуть, кроме традиционных общечеловеческих ценностей, новые элементы, то, что может по-новому объединять современные национальные культуры.

Дальше вести заседание будет Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Несколько слов о важных технических и отчасти содержательных моментах. Поскольку все доклады опубликованы и организаторы Лихачевских чтений намерены издать материалы нашей дискуссии, то желательно не повторять своих выступлений. Это пожелание хорошо увязывается с предложением Вячеслава Семеновича придать нашему обсуждению характер дискуссии и сконцентрировать обсуждение вокруг определенной проблемы. Поскольку общая тема Лихачевских чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры», то необходимо рассматривать проблематику именно в этом аспекте, сфокусироваться в этом направлении. Когда руководители секций обсуждали, как организовать работу, было высказано общее мнение: чтобы конференция «не рассыпалась», нужно учитывать общую тему — диалог культур в аспекте становления глобальной культуры.

Слово предоставляется академику Лекторскому Владиславу Александровичу.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ¹: — Несколько слов о глобальной культуре, о том, возможна ли она. Возможна

¹ Академик Российской академии наук, академик Российской академии образования, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии» (Москва), доктор философских

и даже уже складывается. Другой вопрос: какая культура складывается? Однажды одна женщина спросила у Чехова: «Антон Павлович, а можно ли в земле вырыть такую огромную дыру, чтобы она вышла с другого конца земного шара?» Чехов подумал (но в физике, видимо, плохо разбирался) и сказал: «Можно, но не нужно». Не все, что можно, нужно.

Глобализация — сложный процесс. Не обязательно, что все от нее выиграют, но в любом случае все страны, втянутые в глобализацию, будут вынуждены учитывать рыночные, финансово-экономические отношения. Мы уже почувствовали на себе некоторые результаты глобализации, в частности во время недавнего финансово-экономического кризиса.

Возникает другой вопрос: желательна ли глобализация в сфере культуры? Кажется естественным ответить на него: лучше бы этого не было. Ведь если культура глобализируется, то диалог культур теряет смысл. Он возможен только тогда, когда каждая культура самодостаточна, вносит свой вклад во всемирную культуру и может чему-то учиться у другой. Но можно ли сделать так, чтобы экономическая глобализация осуществлялась, а в культуре не происходили процессы глобализации, каждая культура сохраняла бы свою самостоятельность и независимость? На первый взгляд кажется, что это возможно. В действительности так не получается по одной простой причине: глобализация — не просто экономическое явление. На самом деле то, что называют глобализацией, — это распространение современных информационных, коммуникационных технологий по всему миру. Это Интернет, телевидение, сотовая связь и прочие вещи, связанные с новыми информационными технологиями. Можно ли сделать так, чтобы культура принимала плоды технического прогресса,

наук, заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, профессор. Автор книг: «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры» и др. Многие его работы переведены и опубликованы в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Финляндии, Южной Корее и др. Член Международного института философии (Париж), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член-корреспондент Международной академии философии науки (Брюссель), почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук (Пекин), почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан.

одновременно сохраняя свои традиционные ценности? Такие попытки предпринимались и предпринимаются. Может показаться, что иногда они оказываются успешными. Например, таким культурам, как китайская, японская, южнокорейская, как будто бы удается ассимилировать достижения современной технической цивилизации и сохранить базовые основы своих культур. Но это только кажется, на самом деле этого не получается.

Я неоднократно бывал в Южной Корее и наблюдал, как процессы культурной глобализации болезненны для этой страны, потому что новые технические средства несут новый тип культуры — массовую культуру, которая вступает в конфронтацию с культурой традиционной, в частности с конфуцианской этикой, характерной для Китая и Южной Кореи. Складывается такая глобальная культура, которая разрушает многие явления, важные для каждой культуры, для человека, который в этой культуре живет, потому что человек вне культуры просто не может существовать. Иногда глобализация изображается как вестернизация. В самом деле: возможна ли модернизация без вестернизации? Можно подумать, что те примеры, которые я приводил (Южная Корея и Китай) подтверждают мнение о том, что модернизация без вестернизации невозможна. В действительности сегодня глобализация — это уже не вестернизация, а что-то гораздо более сложное. Поэтому что современный процесс глобализации, который связан с новыми технологиями (био-, нано-, информационными), заходит настолько далеко, что подрывает ряд важных ценностей всех культур, в том числе и западной. Все культуры сталкиваются сегодня с тем, что надо что-то переосмысливать, менять в своих базисных установках.

Я хотел бы проиллюстрировать это положение на примере такой ценности западной культуры, как индивидуальная свобода, автономия личности. Сейчас на Западе она подрывается. Так, постоянно идет нарушение границы между личным, приватным и публичным пространствами. Например, с помощью сотового телефона с человеком можно связаться везде: в лесу, туалете и т. д. То есть человек сам себе уже не принадлежит. Более сложное явление — Интернет. Свобода как ценность всегда предполагает ответственность и без нее не имеет смысла. Но ведь в Интернете можно избрать себе псевдоним, под которым можно выступать, и никто не знает, кто скрывается за этим псевдонимом. Свобода есть — ответственности никакой. Другой пример. Современное общество — это общество рисков: увеличивается количество рискованных ситуаций, существует угроза терроризма. Но ведь возможно вживить человеку чип, и его передвижения будут контролироваться с помощью центральных инстанций. Предполагается, что это будет сделано в интересах общества, хотя это можно использовать и в чьих-либо корыстных целях. Недавно в Институте философии РАН наш известный генетик академик Скрябин рассказывал, что в ближайшее время за небольшую плату и в короткие сроки можно будет составить генетическую карту каждого человека. Генетическая карта дает возможность узнать не только то, чем болеет человек, но и то, чем он может заболеть. Теперь представьте себе, что эта карта попадает к работодателю. Можно догадаться, к чему это приведет. Некоторые исследователи предлагают считать Интер-

нет моделью будущей культуры. Но ведь любая культура обладает системой фильтров, как и любая система: что-то принимает, а что-то выбраковывает, иначе она не сможет работать. А Интернет принимает все, это «глобальная помойка». В Интернете есть все, что угодно: например сведения о том, как сделать бомбу в домашних условиях.

Сегодня в связи с этим пишут о гибели культуры.

Я считаю, что культура не погибнет, ибо человек невозможен без культуры, а он сделает все для самосохранения. Но в новой ситуации диалог культур получает новый смысл. Разные культуры должны найти собственные ресурсы, чтобы осмыслить новую ситуацию, как-то справиться с ней, что-то в ней принять, а чему-то противодействовать. С точки зрения обладания такими ресурсами разные культуры неодинаковы. Нельзя категорически утверждать, что западная культура имеет больший потенциал в этом отношении, чем некоторые другие. Это к вопросу о том, происходит ли сегодня вестернизация мира.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Друзья, давайте обсуждать выступления, задавать вопросы. Готов включиться в дискуссию профессор Аюп Погосович Назаретян.

А. П. НАЗАРЕТЯН¹: — Я хочу сказать короткую реплику по поводу выступления академика Лекторского. Если я правильно понял, получается, что подавляющее большинство исконных ценностей всех культур (национальных, конфессиональных, религиозных и т. д.) в современном мире совершенно неприемлемы как модели поведения. То есть сегодня, исходя из задач сохранения человечества, цивилизации, нам надо критически относиться ко всем национальным и религиозным ценностям, которые выработало человечество в прежнем опыте. Я думаю, что когда мы говорим о единстве, сохранении культур, следует иметь в виду, что культура — это не сугубо идиллическое позитивное понятие, культура — это и война, и оружие, и насилие. И желательно каждую культуру сохранять как достояние. Каждая макрогрупповая культура — национальная, религиозная и так далее — заострена на неприязни чужих. Если мы посмотрим на культуры всерьез, не идеализируя их, исконно присутствует противопоставление «мы—они», «свой—чужой» и способы предотвращения объединения людей в большие группы за счет и ценой противопоставления их другим людям. Поэтому основу каждой макрогрупповой культуры составляет некий воитель, которого в XIX веке, так сказать, «причесали» под защитников Отечества и т. д. Вообще, если мы посмотрим оригинальную, исконную форму культуры, то обязательно есть воитель, выход на тропу войны и т. д.

Думаю, что сохранять конкретную культуру, не вынужен из нее агрессивного жала, — совершенная утопия. В теории систем действует фундаментальный закон фак-

¹ Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор философских наук. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных изданий: «Агрессивная толпа, массовая паника, слухи», «Психология стихийного массового поведения», «Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории», «Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии» и др.

тических компенсаций: для того чтобы увеличивалось разнообразие на верхнем уровне организации, оно должно ограничиваться на предыдущих уровнях. Этот закон действует в физике, биологии, культурологии и т. д. Для того чтобы сейчас создать глобальную культуру, суперкультуру, нужно унифицировать все культуры в основаниях — это то, что называется общечеловеческими ценностями. Если мы этого не будем учитывать, то сохранение каждой макрогрупповой культуры обернется тяжелой перспективой для всех остальных. Значит, за счет унификации макрогрупповых культур может происходить рост разнообразия микрогрупповых культур, культур, строящихся по интересам благодаря новым информационным системам и т. д.

В. С. СТЕПИН: — Я выскажу одну реплику в защиту Владислава Александровича Лекторского. Он не говорил о том, что традиционные ценности и вообще ценности всех культур неприемлемы. Он высказался более аккуратно, что ценности западной культуры проблематизируются. Я думаю, что это более перспективная формулировка, потому что она дает возможность дальше выяснять, что сохранится, что может быть поддержано, а что придется изменять. Но для этого необходим самый конкретный анализ.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо. Слово предоставляется профессору Коневу Владимиру Александровичу.

В. А. КОНЕВ¹: — Коллеги, прежде чем говорить о том, что будет с культурой, надо посмотреть, как она развивалась. Потому что с культурой невозможно ничего сделать (вытащить жало или что-то еще), она всегда будет существовать сама по себе. Если мы посмотрим на то, как существовала культура, то мы увидим, что момент глобализации культуры всегда присутствовал. Ведь культура имеет два начала — творчества и материализации. Когда создается произведение, происходит цивилизационный процесс, культура материализуется и превращается в вещи. Например, литература. Когда литература существовала как устное слово, у каждого народа был свой эпос. Появился печатный станок — в литературе возник текст. Большой текст дает роман, поменьше — повесть, еще меньше — рассказ. В европейской литературе произошла универсализация.

Сейчас возник новый способ существования языка — в Сети. Появился гипертекст, гипертекстовые произведения. И гипертекст — это абсолютно не национальная форма существования литературы. Я думаю, что в этом гипертекстовом пространстве появится действительно высокая литература. Это и есть то, что называется глобальной культурой. Творческие начала в культуре всегда индивидуальны, но эта индивидуальность будет приобретать значимость для других. Глобализация индивидуальности — это иной процесс, связанный с созданием сетевых обществ, которые суще-

ствуют и сейчас. Так что глобализация происходит. И в этом смысле я не согласен с Абдусаламом Абдулкеримовичем, который говорил, что глобальная культура — это некая суперкультура. Нет, это форма существования нынешней культуры. Ничего никогда не будет надстраиваться над культурой, потому что культура сама все поглощает, кроме нее ничего не существует. Даже природа не существует вне культуры. Спасибо за внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово академику Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! На этом форуме присутствуют около 1,5 тыс. человек, которые принимают участие в девяти секциях, в том числе 700 школьников. Я стараюсь побывать на разных секциях, поприветствовать всех от имени Оргкомитета, поблагодарить за то, что вы участвуете в работе Чтений.

Лично от себя я тоже хотел бы сказать несколько слов. Для меня профессиональное достижение видеть вас здесь. Если я, как ректор Университета, собрал в СПбГУП весь цвет российской гуманитарной науки, то в своей профессии я состоялся. Здесь присутствуют мои учителя. Я имею в виду не только тех, у кого я учился лично. Спасибо вам всем!

Мы вступили в период радикальных перемен в развитии культуры. Что сегодня происходит в культуре, как сочетаются стихийное и организованное, направленное начала? И здесь я хотел бы дополнить то, что сказал профессор Конев: меняется соотношение между стихийностью и направленностью развития культуры. И массовизация культуры, клиповое мышление, интернационализация — это приметы происходящего серьезного перелома.

Уважаемые коллеги, я хотел бы привлечь ваше внимание к работе М. К. Мамардашвили об интеллигенции, которая была опубликована в 1991 году, но практически не введена в научный оборот. Мамардашвили обратил внимание на интересную особенность второй половины XX века — радикально изменились структура производства и капитализм.

Если раньше капитализм был игрой свободных рыночных сил, то сейчас происходит иной процесс. Я приведу несколько «бытовых» примеров. Французские духи, которые мы покупаем в магазине нашим женщинам на 8 Марта, условно говоря, стоят 80 долл. Их себестоимость — меньше 1 долл. Что такое 79 долларов? Это смыслы, которые произведены в нашем сознании, это не стоимость продукта и не прибавочная стоимость. Огромную роль играют смыслы.

Мамардашвили обратил внимание на то, что рынок стал совершенно другим, и от свободной игры экономических сил рынок перешел к формированию смыслов. Когда мы говорим: управление сознанием, нам кажется, что это метафора, что мы обобщенно улавливаем флюиды. Но это давно не метафора, а прямое свойство сегодняшнего производства. Жаклин Онассис покупала много платьев, тысячи. Рядовая женщина не будет этого делать, потому что это неудобно. Хранить негде. Значит, увеличивается стоимость одного продукта, наращиваются смыслы, которые вкладываются в него.

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в т. ч. монографий: «Философия образования. Культурно-антропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культуры», «Критика способности быть», «Трансцендентальный эмпиризм Ж. Делеза», «Знак: игра и сущность», «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания» и др.

Это уже не только потребительское свойство товара, мы не будем носить это платье всю жизнь, пользоваться духами полжизни, приберегая их для праздника. Платье должно быть модно один сезон, а потом выброшено. Нас должны заставить заплатить за марку как символ престижности и т. д.

И дальше из производства смыслов в товарах управление смыслами переносится на глубинные, базисные ценности человеческой жизни — на отношение к мужу или жене, любимому человеку, на отношение к дружбе, профессии. Управление сознанием — сфера производства, которая приобрела невиданные масштабы. За 20 лет наша страна перешла от культуры творцов к потребительскому обществу всего лишь благодаря работе телевидения. Мы недооцениваем происходящее, и мне хотелось бы, чтобы мы внимательно присмотрелись к этим процессам. Спасибо.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Приглашаю к микрофону профессора Иконникову Светлану Николаевну.

С. Н. ИКОННИКОВА¹: — Поскольку тема, которая обсуждается, — глобальная культура, глобализация культуры — вполне закономерна и дискуссионна, то хотелось бы наметить отдельные позиции решения этой проблемы.

Первый вопрос, который я хотела бы задать: в каком обществе мы находимся? Это новое общество еще не имеет четких очертаний, изменился тип цивилизации, тип социального общения, организации, стратификации и т. д. Но в массовом и профессиональном сознании возникает вопрос о том, как называется тип нашего общества. Обозначить его достаточно сложно. Если присутствующие здесь ответят на этот вопрос, я буду рада это услышать.

Называть современное общество буржуазным вряд ли правомерно, как и капиталистическим. Его называют и другими терминами, метафорами — демократическое, информационное, общество риска, общество пост-модерна. Что вкладывается в эти понятия? Когда говорят о социализме, то чаще всего называют «советские времена». Отсутствует та квалификация общества, которая необходима для культурологического анализа. И в связи с этим, обращаясь к некоторым идеям прошлого, можно отметить, что общества в цивилизационном смысле всегда были крепкими монолитами. Эта монолитность и смысловая организованность в экономическом, политическом и культурном отношении позволяют создавать портреты прошлых обществ и прошлых культур. Они четко определены и расставлены — и лидеры, и процессы, и завоевания, и негативы, и позитивы, и многое другое, что составляет «тело» культуры. Но эта монолитность по-прежнему присутствует в нашем сознании как некий аналог обращения к тому, как надо жить или к чему нужно стремиться.

Часто звучат вопросы о том, в каком обществе мы живем, куда идем и что строим. Это означает, что имеется модель, четкая программа. Таких программ я не знаю.

Может быть, вы подскажете. Следовательно, в этом цивилизационном процессе существует иной подход — то, что было монолитом, прекратило свое существование и вместе с тем наличествует. То есть «мертвые живы», они присутствуют в сознании, обращение к прошлому бесконечно. Я говорю о многих явлениях, которые свидетельствуют о том, что сознание обращено к прошлому. Монолитность лишь постепенно исчезает, растворяется.

Другой вопрос, который я хотела бы предложить, — это идея Зигмунда Баумана, почетного профессора Варшавского университета, опубликованная в 2008 году в его книге на русском языке «Текущая современность». Текучесть как метафора оказалась мне любопытным основанием для понимания процесса глобализации, той текучести, растворения прежних структур, размывания прежних прочных состояний. Это растворение происходит с появлением новых поколений, и чем моложе поколение, тем больше ощущаются новые веяния. Вообще рассмотрение социального процесса как текучего, изменяющегося — по сути, идея Гераклита. Это любопытно, потому что такие социальные свойства текучести дают нам много аналогий для культуры, для понимания того, что и как может происходить.

Последний мой тезис заключается в том, что глобальная культура — это культура, которая возможна для человека мира, но не все люди становятся людьми мира и не сразу. Поэтому освоение иных культур, иных сообществ — это дело перспективного будущего.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Предоставляю слово Николаю Андреевичу Хренову.

Н. А. ХРЕНОВ²: — Я до сих пор думал, как встроиться в ход дискуссии со своей темой. Этот вопрос разрешил Владимир Александрович Конев, сказавший, что в истории глобализация имела место всегда и следует посмотреть, как этот процесс разворачивается во всех сферах, и в особенности в культуре. Таким образом, в нашем обсуждении возникает пока не затронутая участниками дискуссии историческая тема. Здесь действительно важен принцип историзма. Но история обсуждаемой нами темы раздваивается на историю возникновения и использования понятия «диалог» и на историю осмысления взаимодействия между цивилизациями или великими культурами. Это две разные истории. А мой доклад, который я, разумеется, пересказывать не буду, затрагивает именно эти вопросы. Что касается первой истории, то понятие «диалог» возникает в периферийных сферах, очень далеких от цивилизационных процессов. Оно рождается в филологии, хотя М. Бахтин и был философом. Конечно, это была реакция мыслителя на установку тоталитарной власти на инакомыслие, а без инакомыслия никакой диалог невозможен. Установки власти, как известно, реализовывались не только при Сталине, но еще и в начале 1920-х годов, когда выдающиеся мыслители России были выдворены из страны победившего пролетариата. Как известно, свою

¹ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук, академик Российской академии естественных наук, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных публикаций по культурологии и социологии молодежи.

² Заместитель директора Государственного института искусствознания (Москва), доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха» и др.

идею о диалогичности, вернувшую в философскую стилистику античность, М. Бахтин высказывает в исследовании о Ф. Достоевском. Эту книгу успели почти забыть и заново открыли лишь в эпоху «оттепели».

Однако в последние десятилетия понятие «диалог» активно используется в цивилизационной теории. К этому подвели процессы, которые С. Хантингтон в связи с некоторыми явлениями нетерпимости, характерными для исламского мира, обозначает как «столкновение цивилизаций». Однако существует длинная предыстория использования понятия «диалог» применительно к цивилизациям. Оргкомитет Конгресса предложил докладчикам предварительно познакомиться с размещенными в Интернете докладами. Все доклады прочесть трудно. Но я все же познакомился с текстом доклада министра культуры А. Авдеева. Ссылаясь на Э. Трельча, он говорит о том, что великие культуры, в сущности, понимают только друг друга. Этот нарциссический комплекс мешает взаимопониманию.

Впервые к этой проблематике в XIX веке приблизился, пожалуй, наш соотечественник — Н. Данилевский, который понимание Западом России называет перманентным непониманием. Н. Данилевский, как известно, «разбудил» Шпенглера, который обсуждаемую нами сегодня на Чтениях тему сформулировал чрезвычайно жестко, а именно: великие культуры фатально обречены на взаимное непонимание. В такой формулировке вопрос о взаимоотношениях культур (а, как известно, Шпенглер вкладывал в понятия «культура» и «цивилизация» разный смысл) вызывает неприятие. Гораздо более мягко этот вопрос сформулировал А. Тойнби, утверждавший, что вестернизация (как этап в истории глобализации) разворачивается во всех сферах (политической, экономической и т. д.), кроме одной — сферы культуры. Корректно ли поставлен вопрос А. Тойнби? Разве культура — это не универсальная реальность, разве это только сфера? Политика и идеология не существуют вне культуры. Если политика, идеология, экономика, право и так далее втягиваются в процесс глобализации, значит, культура все же поддается глобализации. Именно потому что это универсальное понятие. Культура глобализируется, не важно, хотим мы этого или нет. Нам остается лишь осмыслить, в каких формах разворачивается этот процесс и какие последствия имеет. Чего здесь больше — позитивного или негативного? К сожалению, кажется, что негативного больше. Но, может быть, это временное явление.

Но здесь есть еще один чрезвычайно значимый вопрос, связанный с тем, что XX век подвел к необходимости диалога именно между цивилизациями. Этому способствовала необычайная открытость истекшего столетия. Прежде всего по отношению к истории. В Брюсов в одной из своих статей пытается передать свой восторг открытиями археологов, «перекличками» в истории. Беспрецедентная открытость XX века подводит к необходимости обращения к диалогу и использования его уже в цивилизационной плоскости. Однако в докладе министра культуры сказано, что сложившаяся к концу XIX века предпосылка к интеграции цивилизаций натолкнулась на серьезные барьеры. В реальности идея единения народов, к которой мир приблизился, не осуществилась. Вместо этого последовали одна катастрофа за другой в виде мировых войн.

Таким образом, вся предшествующая XX веку история подводила к необходимости открытия и реализации диалога в его широком, то есть культурологическом, смысле, но в реальности (прежде всего политической, государственной, имперской) человечество не смогло воспользоваться этим культуросозидающим и культуроформирующим механизмом. Монолог преобладал над диалогом. Следовательно, понимание обернулось непониманием. История подводит к необходимости формирования глобальной культуры, а реальность не позволяет это осуществить. На определенном этапе возникает потребность не наблюдать за стихийно разворачивающимися процессами, а овладеть ими. Но не находимся ли мы сегодня в той же ситуации, в какой человечество существовало в начале XX века, когда, кажется, что народы снова устремляются к единению, а следовательно, и к диалогу?

В то же время все свидетельствует о том, что мир возвращается к принципу открытости. Прежде всего открытости истории. Сегодня в собственной культуре мы пытаемся отыскать явления, которые позволили бы преодолеть монологичность эпохи. Но мы активно ассимилируем и элементы других культур, а они не всегда являются для нас принципиально новыми, а уже когда-то в истории существовавшими, но почему-то забытыми. Так, проза Хемингуэя не столько вернула к приемам Чехова (Чехова у нас как раз помнят), но и продиктовала возможность глубже их понять и оценить. Но, наверное, не стоит забывать, что активная ассимиляция элементов других культур может оказаться и разрушительной.

Следует прислушаться к тезису А. Тойнби: «Свободный луч культурного излучения, как свободный электрон или вирус заразной болезни, может оказаться смертельным в случае, если будет сдвинут со своего места в строгой структуре, в которой он функционировал до того, и пущен на волю в совершенно новую для себя среду. В первоначальной, родной структуре этот культурный луч, бактерия или электрон не имели возможности сеять смуту, будучи жестко привязаны к остальным компонентам той структуры, где все части и функции их пребывали в равновесии. Теряя связь с первоначальной структурой, свободная частица, бактерия или культурный луч не изменяют своей природы, однако та же прежде безвредная природа вдруг обретает смертоносную силу, разорвав привычные связи»¹.

Если бы не было альтернативности культур, не было бы и диалога. Диалог реализуется лишь в ситуации несходства культур. Я обещал не пересказывать свой доклад, размещенный в Интернете. Но в заключение я просто перечислю те причины, которые не позволили диалогу реализоваться в истекшем столетии. Это столетие оказалось каким-то «выпадением» из логики движения человечества к планетарному единству. Хочется верить, что реализация диалога в цивилизационном смысле возможна в будущем. Потенциал диалога, связанный с преодолением смуты, как обозначают катастрофические эпохи истории, или «социальной аномии», как обозначают это явление представители функционализма в социологии (от Э. Дюркгейма до Р. Мертона), в XX веке реализован не был. Можно назвать четыре причины нереализуемости потенциала диалога в истории XX столетия:

¹ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 2003.

1. Меньше всего приходится винить в этом представителей научного сообщества, которые часто усматривали в истории лишь историю государства и лишь иногда — историю общества. К сожалению, наука не была готовой не только к пониманию смысла диалога, но и к пониманию истории как истории культуры. Да и предмет этой новой истории, то есть культура, еще не был четким. И все же это одна из причин.

2. Причина также кроется в том, что вопрос, связанный с трудностями взаимопонимания между культурами или цивилизациями, рассматривался исключительно в политической и идеологической плоскостях. Государство, наращивая бюрократизацию, о чем превосходно писал А. Вебер, регламентировало жизнь людей с помощью административных рычагов. Оно оставалось глухим к тому, что жизнь людей прежде всего регламентируется и организуется на уровне культуры. Казалось, что в культуре нет смысла. Это возможно лишь в ситуации крайней политизации общества. Но общество, функционирующее на основе исключительно бюрократии, недолговечно. Это иллюстрирует история Советского Союза.

3. Третья и очень существенная причина связана с гипертрофированными имперскими амбициями многих государств. Это более конкретная расшифровка сведения сложности проблемы к истолкованию в соответствии с политической терминологией. Эти амбиции характерны не только для Германии, Италии, Японии, но, к сожалению, и для России. На уровне сознания строили социализм, и целью было братство народов, а на уровне коллективного бессознательного была воссоздана самая настоящая империя. Здесь проявилась византийская традиция. А, как известно, если уж в истории в каком-то месте появляется империя, то ее целью становится перманентное территориальное расширение, планетарные амбиции. Такова природа империи. Какой уж тут диалог? Это именно политический апофеоз монологического мышления. Это обстоятельство и демонстрирует тезис Э. Трельча о том, что большие социальные организмы способны понимать лишь себя.

Речь в данном случае не идет лишь о первой половине XX века. У нас переведена и издана книга Ч. Джонсона «Немезида. Последние дни американской республики», в которой анализируется перерождение самой передовой демократической страны в империю. В 1991 году один из наших журналов напечатал стенограмму семинара «Закат империй», в которой я обнаружил такое суждение: «Современные империи своими взаимопереплетениями и сложной структурой все более напоминают клубок змей, меняющих кожу». В книге Егора Гайдара «Гибель империи» не задается вопрос, был ли Советский Союз империей. Для автора это само собой разумеется. Но книга Е. Гайдара интересна другой постановкой вопроса. Он утверждает, что если в политическом смысле империя в ее советской форме — вчерашний день, то в психологическом смысле она все еще оказывается реальной. Что имеется в виду? А то, что мы сегодня существуем в таком историческом периоде, для которого характерна ностальгия по империи. Связано ли это с какой-то опасностью? Да, отвечает Е. Гайдар. Когда-то распад империи в Германии (а у немцев имперский инстинкт не менее силен, чем у русских) стал причиной Второй мировой

войны. Психология может стать основой для возрождения политических структур. В 1920-е годы большевикам казалось, что они навсегда разрушили империю. Но уничтоженная, упраздненная политическая матрица бессознательно возродилась, трансформируя смысл социалистических идей. Как в эпоху Буша она возродилась, несмотря на колоссальный соблазн идеи демократизации и либерализации. Империя способна понимать лишь себя и навязывать свои установки другим. Впрочем, полной уверенности в том, что она понимает себя, тоже нет. А раз так, то какое тут может быть взаимопонимание между великими культурами? Имперское сознание — следствие сведения смысла диалога к политическим реалиям.

4. В своем докладе я поставил акцент на психологии масс как, может быть, самой существенной причине исключения диалога. В истории XX века нельзя не обратить на это внимания. Что такое психология масс, мы знаем по Лебону, Каннети, Фрейдю, Райху, Ортеги-и-Гассету, Сержу Московичи. Выступая на пленарном заседании Лихачевских чтений, директор Центрального экономико-математического института В. Макаров удивил своим тезисом, касающимся культуротворной способности массы. Из теории названных мыслителей это не вытекает и понимается с трудом, хотя, может быть, в этом что-то есть. Один из основных признаков массового общения — исключение инакомыслия. Но именно оно — признак диалога.

Мы знаем, каким катком проходила цензура по тем шедеврам искусства, которые выпадали из официальной идеологии и стереотипов массового сознания. Инакомыслящий исключался из социальной коммуникации. Диалог не реализовывался. Но проблема заключается еще и в том, что в XX веке произошло разрушение традиционных, доиндустриальных обществ и возникновение индустриальных, то есть массовых, обществ. То, что Лебон подразумевал под психологией толпы и массы, вообще в XX веке стало характеристикой всего общества. В истории обществ произошел регресс. На этой почве возник культ диктаторов, вождей, без которых, как показал Фрейд, психологии массы не существует. Только фанатически преданные идее лидеры способны придать массе системность. Но эта системность возможна в результате стирания личностного начала.

Наблюдая нацистские церемонии в Нюрнберге (увеченные Л. Рифеншталь в фильме «Триумф воли»), М. Мосс писал о том, что такие церемонии возвращают не только к Средним векам, но и к танцам австралийских аборигенов. Собственно, именно эту истину открыл еще ранее К. Чуковский, наблюдая за рецепцией кино в первых синематографах и называя первых зрителей кафрамы и готтентотами. В 1936 году М. Мосс писал своему коллеге социологу следующее: «То, что великие современные общества, которые, впрочем, так или иначе возникли из Средних веков, могут вести себя под влиянием внушения, как австралийские аборигены с их танцами, двигаясь, подобно детям, по кругу, это мы (Дюркгейм и его школа) совершенно не предвидели. Этот возврат к примитивному не был предметом наших размышлений. Мы довольствовались некоторыми намеками на состояния толп, в то время как речь шла об абсолютно другом. Мы также ограничивались доказательством того, что именно в коллективном духе люди

могут найти опору и пищу своей свободе, своей независимости, своей индивидуальности и критике. Мы не посчитались, на самом деле, с этими новыми необычными возможностями¹.

Естественно, что в такой ситуации в культуре стираются поздние культурные смыслы, оказавшиеся возможными в результате культивирования и печатной культуры, и вообще личностного начала. И дело здесь не в массовых коммуникациях, как считал М. Маклюэн, а в массовых обществах и психологии масс. Диалога в этой ситуации быть не может. Проблема заключается еще и в том, что в ситуации XX века, когда активизируется масса, имеет место новый мощный выброс пассионарности, вообще-то к этому моменту в российской истории изрядно потраченной и угасшей. А как доказывал выдающийся петербуржец Л. Гумилев, пассионарность фатально не уживается с традицией. Традиции разрушают. Тем более что мыслители Просвещения эту необходимость аргументировали. Что же происходит? А происходит то, что объяснил еще Н. Бердяев. Правда, он не мог пользоваться терминологией Л. Гумилева. В условиях активизировавшейся пассионарности (при отсутствии приобщенности к образованности и культуре) политика трансформируется в религию. Более того, принимает форму массового религиозного фанатизма. Если на Западе культивирование мещанской стихии стало противоядием против пассионарности, то в России этого не случилось. В условиях слабости среднего класса общество оказалось в высшей степени политизированным. В этой ситуации харизматические лидеры наделялись сверхчувственной аурой. Чтобы они ни говорили (а выражались они монологически), все принималось безоговорочно. Их речи обладали повышенной суггестивностью.

Анализируя вклад М. Бахтина в понимание диалога, Вяч. Вс. Иванов говорит о возможности диалога внутри монолога. Правда, в свернутом виде. Если в данном случае истолковывать массовую психологию в этом ключе и уместно, то, видимо, открытость — это в том числе и возможность воспроизводить в поздних обществах негативные массовидные явления прошлой истории. Это то, что Н. Бердяев в XX веке назовет «новым средневековьем», а Н. Мотрошилова — возрождением варварства внутри цивилизации. Это, разумеется, барьер для диалога.

К сожалению, либерализация и демократизация общества не избавляют мир от этого недуга. Приходится лишь надеяться, что диалог не в политическом, а в культурологическом понимании этого слова рано или поздно будет осуществлен. Обсуждение этих проблем научным сообществом может этому способствовать.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слушать профессора Хренова доставляет большое удовольствие. Слово имеет Николай Иванович Лапин.

Н. И. ЛАПИН:² — Я думаю, для погружения в тему важно структурировать тот объект, о котором мы гово-

рим, — глобальную культуру. Одного-двух слов, самого термина недостаточно, необходимо определить, в какую структуру входит этот объект. Во-первых, глобальная культура входит в культуру, которую следует рассматривать максимально широко. То есть это культура как совокупность способов и результатов деятельности человека, материальных и духовных. Не только результатов, о чем говорилось на пленарном заседании, но и в не меньшей степени способов. И в этом понимании культура, конечно, не сфера, а важнейший компонент общества в целом. Если это совокупность способов и результатов, то помимо них в обществе остаются только отношения между людьми, возникающие в процессе деятельности. Эти отношения есть социальность. Единство культуры и социальности и составляет общество. К этому нужно добавить основной, базовый компонент — самого человека, который действует. Собственно поэтому культура — это больше, чем сфера, это ипостась бытия общества.

Второй момент непосредственно связан с глобальной культурой. Любая культура, деятельность изменяется в ответ на некие потребности. И важно, как мне кажется, посмотреть, какие потребности существуют или складываются, ответом на которые является глобальная культура. Наверное, их немало, и они разные. Я отмечу только одну, которая рассматривается в моем докладе, — это потребность людей во взаимопонимании. Это слово сегодня уже произносилось, но оно еще не стало нормальной категорией. Имеется в виду не просто понимание, а взаимопонимание. Когда на пленарном заседании приводился пример того, как понимают русских, — это был пример некоего понимания, но не взаимопонимания. Потребность во взаимопонимании — это антропокоммуникативная потребность, фундаментальная, но масштабы ее реализации исторически меняются, начиная с семейных, родовых (о чем говорил Абдусалам Абдулкеримович) и далее распространяясь на масштабы общества, крупные ареалы. Видимо, в наше время, включая и XX век, а может быть, и раньше, возникает и начинает формироваться потребность во взаимопонимании в масштабах человечества. Эта предпосылка — одна из базовых предпосылок глобальной культуры.

Следующий тезис связан со структурированием самой культуры. Когда говорят, что глобальной культуры не может быть, то я пытаюсь понять автора этого утверждения: видимо, он имеет в виду глобальную культуру как культуру в единственном числе и что других культур больше не будет. Но это нереально, и отсюда следует, что глобальная культура может и будет существовать, но это одна из форм культуры, которая, конечно, не альтернативна другим культурам.

Несколько слов о «жале агрессии, которое имеется в каждой культуре». Жало, конечно, было и продолжает находиться во всех культурах. Но вечно ли оно будет существовать во всех культурах? Одно дело — отличие себя от других, а другое — противопоставление. Это не одно и то же. Поэтому необязательно любая культура агрессивна. Например, я не думаю, что русская культура

ропе», «Общая социология», «Теория и практика инноватики» и др. Член редколлегии журналов: «Мир России. Социология. Этнология», «Человек. Культура. Личность», «Человек и культура». Лауреат Государственной премии СССР, премии им. Питирима Сорокина за лучшую работу по социологии.

¹ *Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 147.*

² Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН, профессор Государственного университета управления (Москва), доктор философских наук, профессор социологии. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Пути России: социокультурные трансформации», «Эмпирическая социология в Западной Ев-

агрессивна или что культуре армянского народа тоже изначально и навечно присуща агрессивность. Конечно, проявления агрессии характерны для любой культуры, особенно на начальных этапах существования. Поэтому в ответ на потребность во взаимопонимании между культурами возникает потребность в ослаблении этого жала, соответственно потребность в диалоге.

И последнее. На мой взгляд, глобальная культура, так же как и неглобальная, скорее может быть понята как матричная структура, не иерархическая. Матричный подход побуждает к более конкретному рассмотрению глобальной культуры. Например, по горизонтали в ней можно выделить некоторые основания (потребности, ценности) и повседневные нормы, а по вертикали — «предметные» области.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Предоставляю слово Жану Терентьевичу Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО¹: — Уважаемые коллеги, слушая доклады, которые прозвучали на пленарном заседании, и некоторые выступления на нашем круглом столе, можно говорить о том, что в большинстве своем логика построения выступлений такая: мы обозначаем проблему, выявляем ее состояние, тенденции, наиболее проблемные ситуации и высказываем свои размышления, рекомендации, что с этим делать. Я считаю, что это основное, генеральное направление при анализе и глобальной культуры, и культуры вообще. В своем выступлении я хотел бы обратить внимание на моменты, которые противостоят этим тенденциям. Может быть, следовало бы сосредоточить специальное внимание на том, что в общем мешает становиться глобальной культуре в целом и культуре в частности.

Речь идет о двух феноменах, которые я кратко охарактеризую. Первый — это проблема контркультуры, культуры, которая реально существует и воплощается в религиозном фанатизме, националистических проповедях об исключительности того или иного народа, той или иной культуры. И это явление не такое малозначимое, чтобы мы могли не обращать на него внимания. Эти тенденции, связанные с определенными националистическими, конфессиональными взглядами, и породили самые жестокие формы культуры. С ними трудно бороться, потому что это чудовищная смесь рациональных моментов и факторов, которые подрывают нашу культуру в целом и противостоят наиболее рациональным методам нашего познания и соответственно методам деятельности. Поэтому проблеме контркультуры, которая занимает значительное место, должно быть уделено специальное внимание, но при этом не следует

отказываться от традиционных, распространенных методов изучения реальной действительности.

Второй момент — то, что я называю паракультурой. Это проблема мистики, которая связана с различными формами одурачивания людей. И она тоже не так уж безобидна. Недавно я ознакомился с результатами исследования, согласно которому годовой доход гадалок исчисляется 10 млрд долл. И я, как социолог, обращаю внимание на подобные факты: по нашим данным, до 15 % опрашиваемого населения, помимо религиозных людей, верит в сверхъестественные чудеса, которые сопровождают человеческую жизнь. С одной стороны, это экономический аспект, а с другой — этот факт связан с общественным, групповым сознанием. И он не так безобиден, чтобы мы могли не обращать на него внимания.

Итак, в целом мое выступление направлено на то, что, рассматривая проблемы культуры, следует обращать внимание на такие феномены и явления, которые противостоят этой культуре. Если мы не будем их изучать, специально анализировать, мы в меньшей мере добьемся того, что связано с нашим представлением о прогрессе, движении вперед, преодолении тех противоречий, которые реальны для любого пути развития любого народа, любой национальной или мировой культуры. Спасибо за внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Выступает Мосолова Любовь Михайловна.

Л. М. МОСОЛОВА²: — Уважаемые коллеги, мне хотелось бы сказать о том, чего мы не должны допускать, — произвольности использования фундаментальных научных терминов. Я согласна с профессором Солониным в критике Баденской школы философии. Если мы считаем социологию, культурологию науками, то использование терминологии должно быть таким, как в естественных науках. Познание имеет рационалистический характер, остальное освоение мира человеком происходит другими способами, ненаучными.

На пленарном заседании понятие «диалог» употребляли так, как будто им обозначаются отношения стула со стулом или человека с машиной, совершенно забыв о том, что указанный термин означает субъект-субъектные отношения. На мой взгляд, нужно придерживаться конвенций в употреблении терминов. Не любую форму общения можно считать диалогической, а только ту, где имеется равенство сторон, в противоположность монологу.

Поразительно, насколько произвольно продолжает использоваться понятие «культура». Постоянно — даже здесь сегодня — о культуре говорится как об отдельной сфере общественной жизни. Уважаемые коллеги, после работ Маркарjana, Кагана, Степина, Гусейнова разве

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных работ, в т. ч. более 17 монографий и учебников: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное проектирование», «Социология: Общий курс: учебное пособие», «Парадоксальный человек», «Три особенных лица власти», «Социология труда: опыт нового прочтения», «Социология труда: учебник», «Теократия: фантом или реальность?», «Интеллигенция и власть», «Интеллигенция в мире современных коммуникаций» и др. Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ, член Комиссии по грантам в области культуры при Президенте РФ. Действительный член Академии социальных наук Республики Беларусь и Республики Казахстан. Член редколлегии журнала «Общественные науки». Лауреат премии им. М. М. Ковалевского РАН.

² Заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Теодор Герцен», «История культуры Кольского Заполярья», «Искусство Кыргызстана», «Виталий Бубенцов — художник Русского Севера», «Культурологическое образование», «Основы теории художественной культуры», «Мировая художественная культура в памятниках», «Жизненный мир поликультурного Петербурга» и др. Член редколлегии журнала «Вопросы культурологии». Академик Национальной академии художеств Республики Кыргызстан, вице-президент Санкт-Петербургского культурологического общества.

можно трактовать культуру иначе, нежели как универсальный способ человеческой деятельности, способ эволюционной самоорганизации сообщества, который проявляется во всех формах — материальной, духовной и художественной? Меня поражает то, что мы никак не можем договориться об основополагающих понятиях. Хотелось бы повторить: следует придерживаться строгости определений, принятой в естественных науках, что не означает, будто терминология закрыта для концептуальных уточнений. Безусловно, понятия можно уточнять. Адекватное толкование термина «культура» может стать ключом к закономерностям исторического развития обществ и локальной деятельности народов. Мне кажется, нужно вернуться к этому широкому, защищаемому Э. Маркаряном и распространяющемуся пониманию культуры.

Несколько слов об актуальном вопросе — глобализации. Профессор Гусейнов на пленарном заседании Лихачевских чтений, как мне кажется, привел фундаментальный принцип понимания того, что такое глобализация. Это определенная сфера, которая существует во всех национальных и региональных культурах. Эту сферу можно обнаружить и на философско-культурологическом уровне, анализируя современную культуру, например: какие глобальные элементы имеются в материально-технологической, технической, духовной сферах, науке, в художественных системах современности. Если перейти к культурологическому анализу морфологии культуры, то в каких различных видах, системах культуры существует глобальное? И тогда глобальную культуру можно понимать не только как сумму неких элементов, а как строгую и сложную иерархию проявления глобального как на высоком уровне, так и на уровне конкретных историко-культурных типов. Благодарю за внимание!

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо. Слово профессору Брутенцу Карену Нерсесовичу.

К. Н. БРУТЕНЦ¹: — Я начну с некоторых предварительных замечаний. Во-первых, я колебался, выступать или нет, так как не был уверен, что в состоянии высказать соображения, которые соответствуют профилю и интересам участникам этого заседания. Во-вторых, много говорилось о глобализации культуры и так далее, но этот факт совершенно не соотносили с фактом роста влияния некоторых азиатских цивилизаций и сокращения пространства, на котором действуют и доминируют западные цивилизации. Мне кажется, в своем выступлении на пленарном заседании академик Гусейнов сделал заявку на плодотворный подход к этой теме. В-третьих, в дискуссиях совершенно не затрагивалась политическая сторона дела. Между тем вопрос о том, с чем связан рост научного интереса к проблеме глобализации, о котором раньше в нашей научной мысли и в западной литературе не говорилось, насколько я могу

¹ Вице-президент Российской внешнеполитической ассоциации, доктор исторических наук, профессор.

С 1961 года работал в аппарате ЦК КПСС. С 1991 года — советник Президента СССР М. С. Горбачева. Автор публикаций на общественно-политические темы: «Освободившиеся страны: некоторые проблемы и перспективы», «Освободившиеся страны в 70-е годы», «О внешнеполитической концепции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Тридцать лет на Старой площади», «Внешняя политика России: новый этап?», «Несбывшиеся. Неравнодушные заметки о перестройке», «Закат американской гегемонии».

судить, тоже не слишком избалован вниманием. Ответ лежит в политической плоскости. Я рискну заявить, что создание политически адекватной основы — ключевая предпосылка для взаимообогащающего и подлинного диалога и сотрудничества цивилизаций.

Мы вступили (некоторые скажут, что вступаем) в совершенно новую эпоху. Она характеризуется переломными сдвигами в политической картине мира. На авансцену мировой истории выходят новые большие государства с потенциалом мирового влияния, который уже реализуется. Терпят крах концепции, подходы, которые господствовали веками и на основе которых мы строили свои подходы и мышление, например европоцентристский, американоцентристский, в общем западноцентристский подход к истории. В историческое творчество вовлекаются сотни миллионов людей, которые переживают процесс подъема национального самосознания, являются потенциалом для формирования националистического канала. Несколько ограничивается влияние международных «олигархов». Сумма этих изменений огромна. Азия возвращается в центр мировой истории.

Мне кажется, что нуждается в точном определении термин «культура». Участники дискуссии обращаются с ним так легко и вольно, что не возникает основы для дифференциации явления. Практически на наших глазах начинается формирование новый мировой порядок. Он не только мегаполюсный или полицентристский, как мы его называем. Его особенность заключается в том, что впервые в истории он многоцивилизационный. Эта часть вопроса, как мне кажется, тоже должна быть элементом дискуссии. Прежде эта тема игнорировалась. Только с появлением работы С. Хантингтона об этом заговорили. Но мы рассматриваем только один тезис этого сложного автора. Однако его основной тезис — о неминувости столкновения — сомнителен. Американские авторы считают (и я нахожу в этом зерно истины), что он представил новую парадигму подхода к мировой политике, создал новую ментальную карту для понимания политики после холодной войны.

Существует проблема, имеющая непосредственное отношение к диалогу цивилизаций, — это проблема соотношения модернизации и вестернизации. Раньше существовало однозначное представление, что модернизация означает вестернизацию. На сегодняшнем круглом столе один из ораторов говорил о Тойнби. Тойнби именно так ставил вопрос, несмотря на противоречивость своих высказываний. Он говорил, с одной стороны, о том, что существуют одинаковые социологические ценности разных цивилизаций, а с другой — о том, что творческая цивилизация только западная, а все остальные — пассивные, что выход в том, чтобы они переняли западный образ жизни. Вопрос о соотношении цивилизаций поднимается во многих работах.

В документе разведывательного бюро США «Global Travis 2025» говорится о беспрецедентном «переливе» мощи и богатства с Запада на Восток. Фарид Закария (главный редактор журнала «Newsweek», один из серьезных американских аналитиков) в своей новой книге поднимает вопрос: неужели эти новые страны, этот «перелив» мощи будет сопровождаться отказом от западных стандартов? И не берется ответить на него. Но другие исследователи отвечают, например

профессор Кассенбах пишет: «Что такое вестернизация? Это эвфемизм, который подразумевает переход к западному образу жизни, больше ничего». Хантингтон, так нами критикуемый, говорит, что это невозможно и подлинный диалог мыслим только в случае отказа Запада от универсалистских претензий западных цивилизаций.

Совершенно ясно, что новый мировой порядок, если он реализуется в полной мере, создаст более широкое пространство для равноправия и самостоятельности разных государств и народов, а значит, лучшие предпосылки для межцивилизационного диалога, потому что создание этой политической основы (я в этом убежден) — это необходимая, ключевая предпосылка. Я не говорю об исламской цивилизации, потому что недостаточно времени. Благодарю за внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Мосейко Аиде Николаевне.

А. Н. МОСЕЙКО¹: — Бесспорно, что глобализация сейчас является реальностью. Но надо иметь в виду, что сам процесс глобализации начался достаточно давно. В настоящее время проект глобализации приобрел большое значение, мы посвящаем ему целые конференции. Я хотела бы обратить внимание на то, что глобализация не едина, это многоликий процесс, который содержит различные стороны. И одной из важнейших сторон глобализации, как мне представляется, является ее противоречивость: с одной стороны, глобализация, с другой — локализация. Процесс локализации особенно остро начал фиксироваться примерно десятилетие назад, может быть, немного раньше, когда возникли элементы фундаментализма, стали набирать силу национальные, экстремистские движения и т. д.

Я хотела бы акцентировать внимание на нескольких тематических блоках. Процесс локализации представляется мне следующим образом. Первый тематический блок — это культурная поляризация мира в процессе глобализации. Суть культурной поляризации заключается в росте фундаментализма и различных экстремистских национальных движений, а также в борьбе, которая проявляется в культуре, и в борьбе за скудеющие ресурсы. Третье проявление — это тенденция к идентификации, которая проявляется самым неожиданным образом, например в том, что Европа стала остро противопоставлять себя США. В выступлении немецкого коллеги на пленарном заседании Лихачевских чтений прозвучали важные мысли, когда он говорил о том, что мы ищем спасения от всесилья, наступления США.

Второй тематический блок — это культурная экспансия, которая тоже имеет свою длительную историю, распространение западно-американских ценностей в различных регионах мира. Но новым здесь является определенный этический глобализм, то есть попытка навязать этические нормы в мировых отношениях. В ка-

честве примера можно привести Косово и проводимую Обамой восточную политику.

Третий тематический блок — это процессы культурной гибридизации, то есть формирование в различных странах сильных диаспор, которые оказывают влияние не только на политику, но и на культуру этих стран. Это крупнейшие исламские и азиатские диаспоры в европейских странах, США и т. д. Процесс культурной гибридизации проявляется также в том, что возникают совершенно новые регионы, которые стремятся к своей идентичности, определенному статусу. В качестве такого региона можно назвать Европу, которая уже в течение многих лет пытается отделиться от культуры Соединенных Штатов Америки и заявить о себе как о Европе. Кроме того, гибридизация — это возникновение новых миров — определенных регионов, которые сейчас принято называть мирами. Прежде всего это китайский мир, который распространяется не только в самом Китае и азиатских регионах, но и, например, в Африке. Африка практически вся «китаезирована». Там происходит «китаезация» различных форм культуры, образа жизни, торговли и т. д. Это такие миры, как мир Испании в Латинской Америке и русский мир, который приобретает значительное влияние. Эта тема была раскрыта в моем докладе.

Четвертый тематический блок, на который мне хотелось бы обратить внимание, — это культурная изоляция, которая существует одновременно с процессами глобализации. Культурная изоляция — это попытка ограничить собственную культуру от влияний извне. Такая политика характерна, во-первых, для азиатских стран, исламских регионов и для Африки. Недавно группа моих коллег вернулась из южных, развитых, районов Африки. Южная Африка, как известно, была «белой» (это Южная Родезия). Вернувшись, они рассказали о том, как неуютно они себя там чувствовали, будучи белыми, представителями европейской расы. Потому что Африка сейчас проводит политику африканского ренессанса, то есть возрождения африканской культуры, африканских ценностей, и политику изоляции от влияния западной культуры, культуры Европы, США и т. д. Это проявляется во всем, в частности в том, что белые боятся появляться в некоторых африканских районах. Моим коллегам были названы определенные улицы, где нельзя было гулять, потому что реакция на появление белых людей была бы неоднозначной. Сами африканцы, с которыми работали мои коллеги, говорили о том, что они хотят, чтобы все было африканским, чтобы возродился африканский образ жизни и т. п. Подобные явления имеют многоликие проявления, формы. Например, в крупнейших университетах Нигерии среди профессорско-преподавательского и студенческого состава стали возникать тайные союзы по типу традиционных тайных мистических ритуальных союзов.

Я хочу сказать несколько слов о России. В России глобализация имеет длительную историю. И в основном это история западного влияния. Серебряный век, который я люблю, характерен в этом смысле. Серебряный век был периодом реализации западного проекта просвещения. В то же время я хотела бы привести следующий пример: многие ли из нас, русских, знают такую личность, как Николай Клюев? Это деревенский поэт, который попытался возродить древнюю русскую

¹ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор книг: «Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование», «Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы», а также серии научных статей о русской эмиграции в журнале «Общественные науки и современность».

культуру. У представителей Серебряного века: Зинаида Гиппиус, Городецкого и других — он вызывал подлинный страх, потому что это противоречило тому, что происходило в русской культуре и, к сожалению, происходит до настоящего времени. (Сегодня телевидение представляет собой реализацию экспансии западной культуры.) Спасибо за внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Приглашаю к микрофону Астахова Евгения Михайловича.

Е. М. АСТАХОВ¹: — Несмотря на строгие выступления некоторых коллег, требующих аккуратности в использовании терминов, я позволю себе некоторые авантюристские с точки зрения дипломатического опыта замечания. Например, я обратил внимание на то, что мы все «крутимся» вокруг Европы. Мы говорим только о Европе, наше мышление европейское. Мне это кажется немного странным. Глобализация во многих выступлениях рассматривается как наступление евроатлантической цивилизации. Мы видим, как осуществляется это наступление — по всем направлениям. Я уже не говорю о так называемых проправительственных организациях, часть из которых проплачена. Даже в России наша политическая, экономическая и академическая элита «пропитана» евроцентризмом. В. Путин, который прожил определенное время в Германии и набрался там европейских впечатлений, был европеистом, стоял на этих позициях. Но Европа его не поняла, потому что там свои геополитические задачи: ей нужно было ослабить Россию, поэтому они в конце концов махнули рукой на Путина. Мюнхенская речь Путина буквально ошеломила Запад, он просто обиделся на них.

Что мы видим сегодня в Западной Европе? Мы ее любим, но следует отметить, что она стареет, отходит на второй план, загоняет себя в тупик своей политкорректностью. Сейчас, гуляя по Парижу, трудно сказать, где ты находишься — во Франции или Северной Африке. Нет никаких различий. И будет еще хуже, потому что демография заведет Европу в тупиковую ситуацию. Швейцарцы говорят, что они переедут в Африку, а африканцы — в Швейцарию. Это необратимый процесс. Я не говорю о Москве, о том, что там происходит. Можно отметить и латинизацию США. В настоящее время более 40 % населения Соединенных Штатов Америки говорит на испанском языке. Процесс будет только развиваться, потому что в семьях у латиноамериканцев по 10 детей, а у американцев — по одному.

По оценкам американских исследователей, к 2030 году первое место в мире по всем экономическим и политическим показателям будет занимать Китай, второе — США, третье — Индия, четвертое — Бразилия. Не Германия, не Франция, не Англия — они будут на вторых и третьих ролях. Нужно исходить из этого. Поэтому я поддерживаю два предыдущих выступления относительно того, что России надо отходить от Европы, стремиться к другим мирам. Сейчас возникли новые пассионарные государства. Об этом свидетельствует,

¹ Профессор кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда научных публикаций по дипломатии и политике, в т. ч. монографии «Макро- и микроэкономическая дипломатия: сопровождение национального бизнеса» и др. Многие научные работы опубликованы за рубежом.

в частности, ситуация с Олимпийскими играми в Китае. Это не было китайской травлей. Это пассионарный этап развития. Бразилия, бразильцы уже разговаривают с Россией вполголоса, а раньше считали нас близкими друзьями. Сейчас установлен совершенно другой порядок, и возникли новые психологические аспекты. Русский мир имеет колоссальную территорию, и только благодаря этому он не «растворится». У меня есть надежда на то, что мы войдем в пятерку будущих государств.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Большое спасибо. Я представляю слово господину Ренэ Герра.

Р. ГЕРРА: — Я считаю уместным напомнить коллегам о том, что не надо долго искать пример диалога. Конечно, меня могут обвинить в евроцентризме и т. д. Яркий пример взаимопонимания — франко-русский диалог, который ведется с конца XVIII века (если не раньше — со времен Анны Ярославны) до Серебряного века. Действительно, был настоящий всесторонний диалог. И даже Наполеон, 1812 год не помешали этому диалогу. Думаю, что он послужил началом глобализации и длился на протяжении столетий. Правда, были не только западники, но и славянофилы, однако это тоже диалог. Но из-за событий 1917 года, Октябрьского переворота случился разрыв. Я хочу сказать, что замечательно рассуждать о диалоге в посткоммунистической России. 30 лет назад ни о каком диалоге и речи быть не могло.

По поводу франко-русского диалога некоторые могут сказать, что это было только влияние Франции, французской культуры. Нет, это было взаимное обогащение. Приведу пример. На Альбера Камю оказал огромное влияние Достоевский. Некоторые могут сказать, что связь не была прервана и после 1917 года, если вспомнить писателей Ромена Роллана, Анри Барбюса, Луи Арагона, Андре Жида. Но это не было настоящим диалогом, потому что он был односторонним. То есть мы прошли мимо. Это уже исторический факт. И мне немного досадно, что об этом сегодня не говорили (я написал об этом в своей статье, посвященной односторонности). Эти французские писатели в то время были другими, не без идеологии. Отчасти они были рабами и холуями советской власти, мягко выражаясь. Спасибо за внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Выступает Марков Александр Петрович.

А. П. МАРКОВ²: — Вначале я хотел бы соотнести свое выступление с теми идеями, которые прозвучали на пленарном заседании, высказать несколько тезисов в контексте сквозных тем нашей конференции; а потом, если позволит время, обозначить основную идею своего запланированного выступления.

Мне показалась интересной мысль, которую высказал господин Торштендаль — о возможных вариантах диалога культур и партнерства цивилизаций. Дословно

² Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Основы социокультурного проектирования», «Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность» и др.

я эту мысль сейчас не смогу воспроизвести, но за смысл ручаюсь: речь шла о тонкой границе между диалогом и экспансией. Действительно, изобретение и передача контрацептивных средств — это вроде бы цивилизационный обмен инновациями, но он может повлечь за собой антропологические изменения глобального порядка, привести к смене модели поведения человека. Дело в том, что использование данного изделия влечет за собой чувственное раскрепощение женщины и изменение ее социального статуса. Женщина, в свою очередь, формирует модели мужского поведения, смыслы жизни и мотивацию в политике, экономике, что в итоге приводит к модификации всей культурной системы.

Я, размышляя над этим шутивным примером, не исключаю, что в великое осевое время предпосылкой или фактором, предшествующим появлению великих культурных систем, удерживающих человеческую агрессивность, возможно, была экспансия контрацептивных средств в ареале языческих культур. В результате раскрепощенная сексуальность спровоцировала мощный взрыв агрессии, которую в целях самосохранения древнего человека надо было как-то удерживать.

А если говорить серьезно, то, действительно, все великие культурные проекты прошлого рождались как ответ на определенные вызовы времени. Содержание и характер этих вызовов менялись, но при этом сохранялся их внутренний нерв, связанный с укрощением тех природных инстинктов, которые стимулируют и питают деструктивные формы человеческого поведения. Увы, центральным здесь является человеческая агрессивность — инстинкт, общий для человека и животных и выполняющий в животном мире важнейшие функции в системе выживания, а для человека являющийся самым драматичным фактором истории.

Как известно, в животном мире агрессивность укрощается иерархией, которую поддерживают все особи (это так называемое «моралеподобное» поведение), а также врожденными механизмами торможения агрессии (ритуалы умиротворения — крик птенца, «позы покорности» у собак, оленей, обезьян). В целом механизмы агрессии и торможения у животных находятся в равновесии. Человек от природы был оснащен другими инстинктами умиротворения — прежде всего эмпатией, то есть способностью переживать боль и страдания другого как собственные, а также чувством отвращения, вызываемым видом крови. До какого-то периода этих механизмов было вполне достаточно, тем более что врожденные «орудия убийства» у человека гораздо слабее по сравнению с животными.

Но на определенном этапе человеческой истории это равновесие стало периодически нарушаться, и прежде всего в те эпохи, когда условия бытия явно или косвенно поощряли агрессивные формы поведения. Из археологических источников известно, что агрессивность стимулировалась системой социальной организации, искусственно созданными орудиями убийства (легче убить, не видя свою жертву — подписав приговор, нажав на пусковую кнопку ядерной ракеты и т. п.). Но безудержному росту агрессивности, вероятно, способствовал природный фактор — врожденная высокая агрессивность человека «встроена» в его чувственность, агрессия и сексуальность «питаются» из одного энергетического источника. Агрессивность

была востребована уже на ранних этапах социальной организации, но значительных масштабов она достигла в эпоху расцвета язычества, с его культом чувственности и непревзойденных техник удовлетворения человеческих похотей.

И культура смогла выработать способы сдерживания агрессивности — в форме традиций (например, кровная месть, сдерживающая персональную экспансию насилия родовой ответственностью), в форме кодифицированного права и т. д. Но ключевым в человеческой истории стало осевое время — период зарождения великих культурных систем, основанных на норме, законе (что было характерно для всех религиозных концепций того времени: конфуцианства, буддизма, Ветхого Завета).

Вторую идею, которая заставляет возражать и соглашаться (и к которой сегодня обращались многие докладчики), высказал Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов — это идея целесообразности создания некой сверхкультуры, которая могла бы минимизировать деструктивные импульсы в современной культуре и придать диалогу цивилизационный характер (ранее о целесообразности такой культуры говорила в своем выступлении Светлана Николаевна Иконникова).

Это интересная, но в определенном смысле опасная идея, потому что любая культура — это проект человека. Если мы говорим о сверхкультуре, то, вероятно, надо сделать следующий шаг и помыслить некую модель сверхчеловека. В этом мире нас разъединяют ценности, взгляды, мировоззрения, то есть то, что и составляет пространство культуры. А объединяет нас то, что мы — дети природы, что мы смертны, что нам хочется есть, делать то, от чего мы получаем удовольствие. Но такая идея возвращает нас к природному существу, не знающему границ этики, к «белокурой бестии» XXI века. Мне кажется, такая платформа интеграции — это более опасный ход, чем духовное и религиозное разъединение, которое существует сегодня, вместе с конфликтами, которые возникают в современном пространстве диалога культур и цивилизаций.

Далее, на сегодняшнем заседании прозвучала мысль о том, что глобализм и диалог несовместимы (эту мысль высказывали и некоторые участники пленарного заседания). Я ее полностью разделяю: глобальные проекты — это всегда монолог, это всегда наличие центра и осознанное либо неосознаваемое стремление к экспансии, это всегда захват: ценностный, территориальный, геополитический, пространственный.

В этом плане сегодняшний глобальный проект — это антропокультурный замысел, и так было всегда: все глобальные проекты в истории человечества, даже те, которые приобретали форму религиозных, по сути были проектами культуры, но культура становилась пространством, средой, способом воспроизводства определенного антропологического типа. Всегда в основе глобального проекта лежит тип человека. Надо только ответить на вопрос: что это за антропологический тип, каков он? На мой взгляд, если посмотреть на систему ценностей, которые персонифицирует сегодняшний «герой нашего времени» в глобальном, а не в российском формате, то это новый язычник, классический вариант человеческого типа языческой культуры. Об этом говорит вся система ценностных координат, утверждаемых

«агентами» глобализма: и бессовестно выпирающий гедонистический блок, и культ силы, и особая значимость статуса, власти, богатства. Сегодня мы видим весь пантеон языческих «божков», которым неистово и публично поклоняется неоязычник. В свое время Жак Аттали, прогнозируя ближайшее будущее, назвал такого человека «новым кочевником».

Понимая это, в аморфном, бессубъектном на первый взгляд процессе глобализации можно обнаружить внятных, вменяемых и ответственных субъектов — агентов, реализующих антропологический проект. Этот антропологический тип человека продвигается международными финансово-экономическими корпорациями и средствами массовой информации, утверждается с помощью рекламы, производство которой сегодня жестко контролируется с точки зрения «образа человека», являемого героем рекламных кампаний. Идеологам рекламного дела все равно, что ты будешь производить завтра: мыло или унитаза, но они тщательно контролируют то, какой тип человека станет завтра кумиром для тех, кому сегодня немного лет, но кто завтра будет жить в этом мире и творить его по своему образу и подобию.

Влиятельным агентом в процессе творения «нового человека» являются религиозные и образовательные организации. К сожалению, мой опыт курирования некоторых образовательных площадок Санкт-Петербурга предоставляет убедительный материал для примеров, иллюстрирующих вклад международных организаций и фондов в растление детей под девизом профилактики ВИЧ-инфекций, наркомании. И катастрофичность ситуации состоит еще и в том, что педагоги не всегда могут квалифицировать такого рода действия как антикультурные. Мы видим, как идет глобальное (и системно выстроенное) утверждение стиля жизни «нового язычника». Вероятно, маятник времени, качнувшись двумя тысячелетиями в сторону христианской культуры, возвращается в исходное положение — к той модели культуры, которая была 2,5 тыс. лет назад.

Для России это погружение в язычество оказалось, на мой взгляд, катастрофой. У меня весьма пессимистический взгляд на эту ситуацию. Западный мир шел к язычеству со времен Реформации. По сути, Реформация — это первый антропологический кризис, это проект медленного, но системного отказа от этического идеала Нагорной проповеди в сторону сытого, утилитарного и гедонистического капиталистического «рая».

Нас же в пучину рынка в 1990-е годы «бросили» резко и безжалостно. И мы не выдержали искушения долларом и сытостью. Увы, любые искушения не проходят бесследно, а это — тем более. То, о чем говорил Даниил Александрович Гранин на пленарном заседании, внутренне резонирует с ключевой идеей моего доклада. Действительно, резкое погружение в рыночную стихию, превратив нас в тип язычника, убило главное, что есть в человеке, — его душу. Убило основные атрибуты души — совесть, сострадание, способность резонировать с болью другого, умение плакать — то, о чем так пронзительно говорил Даниил Гранин. На мой взгляд, произошли базовые изменения ментальной структуры «русского типа». Где сегодня можно обнаружить веру в слово, в чудо, нашу социальность, открытость?

Кожухов, телеведущий известной программы, в рамках которой он ездит по странам мира и показывает, где, чем и как живут различные народы, отвечая на вопрос журналистов: «Есть хоть что-то, что отличает русского человека от всех других?», ответил: «У нас самые злые лица». — «Может быть, потому, что мы плохо живем?» — спрашивает журналиста. — «Да что вы! — отвечает он. — Я видел людей в такой нищете, но ни у кого я не видел таких злых лиц, как у нас». Вот вам итог «погружения» в языческую стихию в течение 20 лет.

В расчистке нравственных основ народной души ключевую роль сыграли средства массовой коммуникации. Но сами по себе они ничего не решают — за ними стоят те, кто определяет цели, содержание. В системе СМИ сегодня используются отработанные, апробированные и уникальные по своим способностям воздействия социально-культурные технологии, например символизация, проблематизация, референтация и др. На фоне работы СМИ субъекты образования, культурной политики выглядят неконкурентоспособными и даже беспомощными. Увы, мы не всегда в состоянии понять даже то, каким образом забирают умы и сердца наших детей, не говоря уже о том, чтобы противопоставить этой тенденции нечто конструктивное и морально оправданное.

В этом плане перспективы, мне кажется, грустные, но надежда, как известно, умирает последней. Вообще России и ее культуру всегда спасало чудо. Я не буду приводить примеры из истории, подтверждающие эту закономерность, — их много. В связи с моей надеждой на чудо можно упомянуть три ресурса, которые если и будут задействованы, то что-то поменяется в этом мире, в мире культуры. Первый ресурс — это удивительно красивые с точки зрения утверждаемых там моделей человека тексты западноевропейской и русской культуры, где человек — образ и подобие Божие. Когда я беру в руки из сотни тысяч еще непрочитанных мною томов текста, в котором я вижу утверждение человека в его Божием подобии, то после этого я не могу взять в руки шедевр постмодернистского творчества с его некрофильскими гримасами и моральной агонией мысли. Конечно, этот великий гуманитарный ресурс может быть востребован, если его сможет востребовать система гуманитарного образования.

Надежду на культурное самообновление мира (может быть, это выглядит парадоксально) вселяет сегодняшней экономической кризис. Кризис, на мой взгляд, — это попытка культуры вернуть нас к базовым, элементарным основаниям бытия: совести, честности, сострадания, умения довольствоваться малым и «собирать сокровища на небесах». Некоторое время назад в «Известиях» директор Института экономики РАН Р. Гринберг дал интервью, в котором попытался ответить на ключевые вопросы, касающиеся природы экономического кризиса и перспектив его преодоления. Гринберг — либеральный, мягкий человек, но меня поразил финал интервью.

В качестве причин кризиса были названы две человеческие слабости (или порока?): алчность и страх. На вопрос: «Что спасет экономику?» — он ответил: «Страх и алчность». Итак, круг замкнулся. И если не выбраться из этого тупика, то какое-то время мы еще просуществоваем, но, вероятно, каждый следующий

кризис будет неизбежно приближать финал нашей цивилизации.

И последний ресурс, который вселяет веру и оптимизм. Он связан с культурологическим знанием, и прежде всего с корпусом ученых, разделяющих культурологическую парадигму. Ее сегодня представляют удивительно красивые люди — и в интеллектуальном, и в человеческом плане. Мотив обращения к проблематике культурологии для большинства вызван не столько познавательным интересом, сколько резонансом сердца с болью этого мира. Мне кажется, за этим направлением — будущее гуманитарного знания. С одним интеллектом и позитивистским методом здесь делать нечего — концентрация боли, которая вокруг нас, требует не только рационального познания, но и сердечного участия в этом процессе. Спасибо за внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Восхищен пафосом Александра Петровича. Предоставляю слово Праздникову Георгию Александровичу.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ¹: — Вы знаете, большую часть того, о чем я хотел сказать, сформулировал Александр Петрович Марков. Тема моего доклада — «Человечность как экзистенциально-нравственная универсалия глобализации». Сначала я хотел назвать «экзистенциально-нравственная составляющая», но потом понял, что это действительно универсалия, смысловое начало. Но почему мы не говорили об этом с такой определенностью, с какой сказал Александр Петрович. На меня произвела сильное впечатление краткая импровизация Даниила Александровича Гранина. В русской мысли существует традиция глобального подхода к единству человечества. Вернадский, связывая ноосферу с формированием человечества как целостности, не отделял этот процесс от развития человеческой совести. Академик Николай Иосифович Конрад высказал замечательную идею единства мирового культурного процесса в книге «Запад и Восток» — Ренессанс как мировой процесс, который по-разному происходил в Китае и Европе, но отражал по существу одно и то же. В этой книге содержится его статья о смысле истории. Конрад связывает этот смысл с гуманизацией. Мы, говоря о глобализации, совершенно не думаем о том, что произойдет с человеком.

Сегодня Александр Сергеевич Запесоцкий говорил о наращивании смыслов. Я боюсь, что наращиваются в основном отрицательные смыслы. Речь идет не просто об отсутствии человека, а о каком-то почти манифестированном бесчеловечном подходе. С телевизионного экрана бывший министр экономики, а ныне научный руководитель Высшей школы экономики профессор Евгений Ясин говорит: «Экономика не церковь, она не бывает справедливой и несправедливой, она бывает эффективной и неэффективной». Бывший министр труда и социального развития профессор Александр Починок в телевизионной передаче заявляет: «Да, богатые все время богатеют, а бедные становятся все беднее, но так и должно быть». А ведь мир на самом деле развивается

по такому сценарию — богатые становятся все богаче, бедные — все беднее. Чем же это должно закончиться? Есть вещи, о которых надо говорить ответственно.

В настоящее время мы сталкиваемся с фактами, которые я назвал бы либеральным фашизмом. Когда журналист Александр Никонов предлагает уничтожать больных детей — это форма фашизма. Легко можно логически продолжить: например уничтожить стариков, больных раком и т. д. Александр Никонов издал много книг, целое собрание сочинений. В аннотациях от редакции мы узнаем, что автор очищает, цивилизует наше сознание. Кстати говоря, он награжден двумя журналистскими премиями, имеет Пушкинскую медаль. На общество подействовала его статья, в которой говорится о ликвидации больных младенцев. Но нравственные основания этих взглядов есть во всех его книгах.

В настоящее время происходят процессы, которые меня очень тревожат. Сейчас не до теорий. Я осознаю, что понятие «человечность», наверное, не самое строгое, но в этой нестрогости и заключен его эвристический смысл. Это скорее концепт, наполненный культурными, эмоциональными ассоциациями в значительно большей степени, чем это выстроено в теоретическом понятии. Более отчетливо смысл человечности проявляется тогда, когда мы говорим о бесчеловечности. Мне кажется, что на культуру сейчас нужно смотреть через призму тех понятий, о которых так ярко и эмоционально говорил профессор Марков. И строить мир по законам человечности. Вспомним знаменитый Манифест Рассела–Эйнштейна: «...помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всем остальном!»

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Георгий Александрович. Слово предоставляется господину Аризу Авязу Гезалову оглы.

А. А. ГЕЗАЛОВ оглы²: — Я в последнее время во всех своих выступлениях обращаюсь к словам академика А. А. Гусейнова о том, что взаимодействуют не культуры, а люди, принадлежащие к разным культурам. На мой взгляд, мы находимся на правильном пути — обращаясь к диалогу культур, мы можем решить многие глобальные проблемы современности. Об этом свидетельствует и сегодняшний форум. В 2009 году в Институте философии РАН была проведена конференция, посвященная памяти выдающегося политического деятеля XX века, общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиева, и по ее результатам была издана замечательная книга «Взаимодействие культур в условиях глобализации», которую я хочу подарить президиуму нашей секции. В Баку 28–29 июня 2010 года состоится Бакинский форум «Диалог культур в условиях

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных работ.

² Старший научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, кандидат философских наук, докторант Института философии РАН. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Трансформация общества в эпоху глобализации: социально-философский анализ», «Феномен глобализации в контексте диалога культур», ответственный редактор и составитель сборника материалов Международной научной конференции «Взаимодействие культур в условиях глобализации», посвященной памяти Гейдара Алиева, и др. Член Экспертного совета научно-образовательного проекта «Кто есть кто и что есть что в глобалистике». Советник вице-президента Российского философского общества по международным делам.

глобализации». Я, как член Оргкомитета, приглашаю присутствующих принять в нем активное участие. Спасибо за внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я предоставляю слово Жуковой Ольге Анатольевне.

О. А. ЖУКОВА¹: — Уважаемые коллеги! В обсуждаемой на форуме теме для меня основным вопросом (как и основным вопросом философии) остается противоречие, которое возникает между национальным и глобальным. По-другому его можно сформулировать следующим образом: как освоить современность, не отказываясь от достижений своей культуры, своей цивилизации? Ведь именно национальные культуры составили тот тезаурус всемирной истории, о котором замечательно, образно говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Напомню его высказывание: «Земля — это Эрмитаж, который несется в космическом пространстве». Мы знаем, что «авторами» современности выступили страны Западной Европы, Америки. В этих странах произошли процессы секуляризации, утвердились инструментальные ценности. Технологическая линия универсализма цивилизации стала доминировать в XX веке и постепенно включила в это глобализирующееся пространство страны с традиционными культурами, которые удерживали в своем опыте метафизические ценности.

Но мы должны говорить о XXI веке, о формуле нового универсализма и новой социальности, которую дает нам современный формат. Но если говорить о социальности, то следует упомянуть о том, что произошло восстание масс. Если говорить о конфигурации этой культуры и цивилизации, то это хорошо характеризует удачная маклюэновская формула глобальной деревни. Однако этот формат медиакультуры, информационной культуры, как справедливо заметил в своем выступлении Владислав Александрович Лекторский, переписывает и антологию, и антропологию, потому что онлайн-поток информации совершенно меняет личностное пространство и время. Человек попадает в совершенно другой мир, живет в другом измерении. В таком случае, говоря о новой глобальности, мы должны задать вопрос: какова практическая конфигурация новой глобальности? В каком формате мы ее должны измерять? В формате национальных культур, национальных государств или в имперском, поскольку империя всегда вырабатывала идею порядка, «вселенскости»? В общем, любая национальная культура, достигнув определенного уровня универсальности своих ценностей, значений, пыталась стать империей. Но какое место занимает глобальная культура в новом имперском формате новой глобальности? Национальные культуры должны демонтировать свои суверенитеты или каким-то образом симфонизировать свой исторический опыт, включившись в многообразие социальных практик и политических взаимодействий? Не возникнет ли здесь новой утопии, утопии симфонизма культур, в которой есть один гармонизирующий тон, вокруг которого выстраивается

все многообразие? Что будет служить этим гармонизирующим тоном? В этом случае нам нужно определиться с тем, кто является субъектом нового исторического творчества.

Мы знаем, что именно национальные культуры боролись за историю, предлагали свои проекты философии истории, теологии истории, теологии культуры. Но будет ли глобальная культура бороться за историю? Что мы увидим или услышим в конце этой прогрессистской схемы? Мы услышим оду «К радости» («Обнимитесь, миллионы!») или это будет неконтролируемый цивилизационный срыв в архаику? В разговоре о конкретных вещах, о становлении глобальной культуры нужно обратить внимание на инструментарий глобальной культуры. Безусловно, это в первую очередь технологии. Технологический подход сегодня распространяется и на науку, и на образование, и на культуру. Принято говорить и об образовательных, культурных технологиях, но все-таки гуманистический потенциал национальных культур в философских, метафизических, религиозных измерениях должен оставаться основой гуманитарного проекта современности. Если не будут транслироваться эти метафизические смыслы, происходить производство новых смыслов и «пересотворяться» старые смыслы, в том числе метафизические и религиозные, то вряд ли нам удастся их транслировать в технологическую структуру знания. Соответственно путь в истории может прекратиться.

Для меня основной проблемой здесь остается серьезный разрыв между двумя типами ценностей — между метафизическими и инструментальными ценностями, при помощи которых можно описать сегодняшнюю ситуацию встречи национального и глобального проектов. Мне кажется, что искать новые метафизические смыслы не приходится, нужно творчески осмыслить и транслировать в будущее те смыслы, те откровения и ту борьбу за истину, которую предложили в истории культуры и цивилизации различные народы. В таком случае стратегии будущего (образно об этом сказал Вячеслав Семенович Степин — точечным ударом этой стратегии), не деяния, а именно стратегии воздействия на систему, которая находится в бифуркационном состоянии, должны быть точечные стратегии знания, диалога, о котором мы говорим на форуме, творчества. И здесь можно вернуться к обсуждению креативности массы и креативности персоны, посмотреть, каким образом воздействуют идеи, рожденные творческим умом, творческим интеллектом, и как сегодня они могут транслироваться через современные технологические системы, в том числе через знания. Через эту «связку» метафизических и инструментальных ценностей возможен прорыв в будущее. Если отсечь одно или другое, то внутри человека, который может быть одновременно представителем и национальной культуры, и современности, возникнет неразрешимый конфликт. Основываясь на преодолении этого конфликта, симфонизации национальных метафизических смыслов и инструментальности современной цивилизации, вероятно, мы сможем преодолеть сегодняшний кризис и предложить новый проект будущего. Благодарю за внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо. Выступает Григорий Васильевич Атаманчук.

¹ Профессор Столичной финансово-гуманитарной академии (Москва), доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Актуальность традиции: художественное творчество в истории русской культуры», «Русская культура: онтология Слова и Образа», «Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России», «Лекции по истории русской культуры».

Г. В. АТАМАНЧУК¹: — Поневоле, когда профессионально занимаешься всю жизнь теорией и практикой управления, возникает вопрос: к чему мы пришли? Чем можно воспользоваться из того, что мы обсудили на Лихачевских чтениях? Многие вещи огорчают. Например, почему мы не определили, что такое культура вообще, о чем идет речь? Существует много видов культуры. О чем же мы говорим? Что такое современная биосоциотехносфера? Это та система, в которой мы сейчас существуем. Где происходит глобализация? Конечно, в техносфере. Это проявляется в универсализации. Что происходит в социосфере, какие процессы идут в упомянутых государствах? Что происходит в биосфере? Серьезные процессы смещения рас, наций, этносов и т. д. То есть расширяются три крупнейших направления анализа.

Но меня волнует другое: почему мы не любим нашу страну? Почти не звучит с трибуны ответ на вопрос, в каком положении находится Россия. Глобализационные процессы идут столько, сколько существуют люди. Но дело не в том, что идут процессы, а в том, кто мы в этих процессах, особенно если учитывать общее направление, которое было задано в 1990-е годы. Мы являемся субъектом или объектом этих процессов? Почему никто не хочет ответить на этот вопрос? Потому что если мы — субъект этих процессов, то должны иметь актуальное, достоверное и суверенное научное знание, опираясь на которое мы можем проанализировать мировые процессы (Америки, Европы, Китая и т. д.). Но наши знания отражают нашу историю, культуру, потребности и интересы. Я этого не почувствовал. И эта тенденция проявляется не только на Лихачевских чтениях, но и вообще в литературе.

Управление — комплексное явление, включающее социологию, политологию, политэкономия, психологию, информатику. Только опираясь на этот комплекс наук, можно управлять, тем более когда речь идет о государственном управлении. Какой научный аппарат существует у нас для осмысления процессов? Проблема комплексности общественности — серьезная проблема. Но почему даже здесь постоянно говорят о том, что кто-то что-то думает. Почему мы ссылаемся на журналистские материалы за рубежом или в нашей публицистике? Мне всегда казалось, что наука имеет свои законы, и доказательства, и логику изложения, и аргументацию, и методологию, и технологию и т. д. Почему-то мы, к сожалению, об этих вещах говорим мало.

В действительности сегодня мы погружены в глубинные противоречия. Современная ситуация и время диктуются техносферой. Прежде всего это время больших систем — крупных государств, национальных и транснациональных. Но большие системы не могут развиваться стихийно, а только сознательно. Почему мы боимся произносить слово «управление»? У нас менеджмент связан с конкретным делом: продажей туфель, пошивом рубашек. Да, это нужно делать. Но есть разные уровни жизни, малый и средний бизнес. Суще-

ствуют и крупные системы. Как мы с нашей идеологией либерализма, индивидуализма, персонализма, замыкания на самих себе сможем жить в мире, который формируется под влиянием глобальных закономерностей? Как мы будем разрешать это противоречие? При помощи философской, психологической, социологической мысли надо помочь разобраться в этих вопросах, для того чтобы действительно в обществе можно было управлять.

Я прочитал много докладов, содержащихся в сборнике «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры», и восхищаюсь их авторами. Все критикуют власть. Но посмотрите, в каких интеллектуальных условиях работает власть, как мы ее обеспечиваем научными материалами. Чему мы можем научить депутатов? Откуда они должны узнать о ситуации? В этих условиях роль науки, ее ответственность существенно возрастают.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Большое спасибо. Слово предоставляется Махлиной Светлане Терентьевне.

С. Т. МАХЛИНА²: — Я рада выступать перед столь серьезной и интересной аудиторией, потому что все, что я слышала, для меня было важно и во многом совпадало с моими представлениями о закономерностях сегодняшней культуры. Мой доклад посвящен кризису культуры. Я считаю, что современный кризис имеет глобальную характеристику по отношению не только к экономике, но и к культуре. Рискую выглядеть реакционером, я все-таки обращусь к материалам, оставленным нам К. Марксом, который считал, что кризисы сопутствуют развитию капитализма. Маркс одним из первых обратил внимание на кризисы. В своем знаменитом «Манифесте коммунистической партии» он писал: «Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая предшествующим эпохам показала бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, — и почему? Потому что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей... Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство»³. К. Маркс показал, что каждый последующий кризис выше предыдущего. Кризис — это движение к прогрессу. Кризисы полезны, так как они стимулируют поиски правильного пути развития. При этом кризисы неизбежны. Они расчищают устаревшее в культуре и отмирающее в обществе. Кризисы постоянны. Свергая что-то негативное, ненужное в обществе, возникают новые заторы, которые порождают новые кризисы.

¹ Главный научный сотрудник Научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 335 научных публикаций, в т. ч. книг: «Управление — социальная ценность и эффективность», «Новое государство: поиски, иллюзии, возможности», «Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика», «Управление в жизнедеятельности людей. Очерки проблем», «Теория государственного управления» и др.

² Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 13 монографий: «Семиотика культуры и искусства», «Язык искусства в контексте культуры» и др.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 422.

Николай Дмитриевич Кондратьев дополнил К. Маркса. Он считал, что кризисы порождают энергию открытия. Таких открытий в эпохи кризиса много, но они, как правило, ложатся под сукно. По Кондратьеву, который выдвинул теорию длинных циклов кризисов, известные в науке как «циклы (волны) Кондратьева», накладывающиеся на все стороны жизни. Каждые 48–55 лет возникают системные кризисы, определяющие застой в науке, культуре.

Длинные волны кризисов могут быть «повышательными» и «понижательными». Именно Кондратьев выдвинул два типа циклов — понижающиеся и повышающиеся. При повышающихся циклах появляется множество открытий, порождается энергия, но при этом появляются войны, революции. При понижающихся циклах внедряются открытия, которые при повышающихся циклах ложатся под сукно, но нет войн, характерны скачки производительности труда, повышение уровня жизни. В своем докладе в Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук в 1926 году он говорил: «Начало подъема совпадает с моментом, когда накопленные и аккумуляция капитала достигают такого напряжения, при котором становится возможным рентабельное инвестирование капитала у целях создания основных производительных сил и радикального переоборудования техники... Понижение темпа хозяйственной жизни обуславливает, с одной стороны, усиление поисков в области усовершенствования техники, с другой — восстановление процесса аккумуляции капитала в руках промышленно-финансовых и других групп в значительной мере за счет сельского хозяйства»¹. Поэтому какой быть культуре XXI века, решается уже сейчас. Следующее развитие кризиса — 2040–2060-е годы.

До недавнего времени считалось, что каждое поколение должно пройти войну. Однако можно таким образом воздействовать на общество, что именно кризисы могут заменить войны. Кризисы — расплата детей за грехи отцов. Чем меньше ошибок отцов, тем меньше кризисов испытывают дети.

И все же кризисы в культуре достаточно полезны. Не случайно Н. Тишунина писала: «Диалектика каждого кризиса заключается в том, что он знаменует собой переход от одной изжившей себя формы развития культуры к другой, нарождающейся»².

Здесь говорилось о том, что неизвестно, как ситуация будет развиваться дальше. Но можно с уверенностью прогнозировать, что следующий кризис произойдет в 2040–2050-е годы (по Кондратьеву). Но бояться этого не нужно. Кризисы, которые охватывают не только экономику, но и культуру, как уже явствует из вышесказанного, чрезвычайно полезны и для экономики, и для культуры.

Сегодня мы слышим стенания о том, что культура деградирует, что происходит много страшных явлений, которые понижают уровень культуры, — это очень по-

¹ Доклад Н. Д. Кондратьева в феврале 1926 года в Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) // Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики. М., 1928. Цит. по: Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 172–226.

² Тишунина Н. В. Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии // Глобализация и культура: аналитический подход: сб. науч. тр. СПб., 2003. С. 11.

хоже на то, что было в начале XX века, когда представители Серебряного века заявляли об зре Грядущего Хама. А между тем сегодня мы культуру Серебряного века рассматриваем как нечто высокое и серьезное. В настоящее время, на мой взгляд, в современной культуре существует много ярких серьезных явлений. Несмотря на то что мы говорим об упадке, многие произведения, созданные сегодня, впоследствии будут восприниматься как высокохудожественные.

Здесь возникает интересная коллизия. Я получила классическое музыкальное образование и поэтому всегда серьезно относилась к музыке. Легкую поп-музыку я воспринимала как что-то низкосортное, второсортное, неинтересное. Мне понравилось то, что Александр Сергеевич Запесоцкий говорил о массовизации культуры. Сегодня происходит интересное взаимодействие массовой и высокой культур. И маргинальные элементы в культуре получают развитие для своего возникновения в ядре высокой культуры. Подобных примеров много.

Становление серьезной культуры характерно для всех регионов мира. В настоящее время много переводной литературы, ярких авторов. Я сейчас читаю роман Дэмиана Лэнигана «Стретч — 29 баллов». Ситуация, описанная в произведении, похожа на ту, что происходит у нас. Это критика современной культуры, но с высоких позиций. На эту особенность культуры обратил внимание философ Секацкий, который говорил о том, что маргинальное часто в конечном счете становится основой настоящей культуры. Столь же показательна для современной культуры книга Хелен Девиц «Последний самурай», где тонко показано взаимодействие и взаимовлияние культур Востока и Запада.

Меня порадовали выступления, в которых обращалось внимание на то, что культура неоднородна. В современную культуру входят азиатские, африканские культуры. В этом отношении чрезвычайно интересна фигура Эдварда Саида — араба, родившегося на Ближнем Востоке, получившего образование в Англии, высококультурного человека. Он написал книгу «Ориентализм», в которой говорится о том, что сегодня в нашу культуру входят, с одной стороны, маргинальные элементы, с другой — элементы разных культур, которые одухотворяют то, что мы раньше считали высокой западной культурой. И несмотря на спорность многих положений, эта книга заставила многих по-новому взглянуть на то, каким образом Восток взаимодействует с Западом и как это отражается на культуре в целом. Благодарю за внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Юрию Матвеевичу Шору.

Ю. М. ШОР:³ — Я хочу поддержать докладчиков, которые говорили о том, что представляет собой глобализация на самом деле. На мой взгляд, мы порой некритически относимся к некоторым понятиям, создаем их культ. Во-первых, глобализация — понятие, имеющее определенное происхождение. Во-вторых, я согласен с тем, что глобализация затрагивает только определенные

³ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 70 научных публикаций.

пласты, слои культуры, прежде всего финансовые и технологические. На пленарном заседании говорилось о том, что современные процессы во многом противоречат глобализации. Наоборот, происходят процессы углубления национальной обособленности, национального своеобразия, защиты национальных культурных ценностей, потому что, какая бы ни была глобализация, нужно учитывать и фактор традиций.

Прежде всего мы должны разобраться со старым знаменитым вопросом, который был предметом споров славянофилов и западников, — о специфике российской культуры. Без этого невозможно говорить о глобализации. Потому что специфика российской культуры — сложной, противоречивой, трагической — заключается, конечно, не в сарафанах, плохих дорогах и так далее, а в духовных ценностях. Российской, русской культуре есть что предьявить миру. Мне кажется, что мы обращаем мало внимания на литературу, посвященную этой своеобразности, своеобразию. Я имею в виду таких авторов, как В. В. Кожин, А. С. Панарин, А. А. Корольков, А. Л. Казин, С. С. Кара-Мурза. Эта литература часто характеризуется либо как ура-патриотическая, либо как защита отсталости и т. д.

Вместе с тем это глубинная проблема. Она состоит в том, что подлинное развитие — это единство единообразия и дифференциации. Я вспоминаю идею великого русского мыслителя Константина Леонтьева: «Культура — это цветущее многообразие». Другой вопрос заключается в том, что это многоцветие должно договориться, прийти к каким-то единым истинам. Мы мало думаем об экзистенциальных ценностях отечественной культуры, о которых так много говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев, хотя он и считал нас европейцами (это своеобразный парадокс).

И последний мой тезис заключается в том, что, говоря о наших традициях, специфике, включенности в общий процесс, следует сказать, что глобализация — это все-таки вестернизация. И XXI век будет веком падения европейской монопарадигмы. Видимо, нас ждут глобальные изменения. Самое интересное, что размышления о специфике русской культуры и русских корней вдруг начинают совпадать с нашими размышлениями о трагическом советском прошлом. Сейчас я читаю книгу молодого писателя Захара Прилепина (этот автор — открытие для меня), посвященную великому русскому писателю Леониду Максимовичу Леонову. Растет поколение историков и литераторов, которые хотя и все понимают, не впадая в крайности, без восхваления и очернения. Давайте задумаемся над собственными проблемами, а затем — над тем, что такое глобализация. Что-то в этом процессе нам подходит, что-то — нет. Спасибо.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово имеет Толкачев Валерий Иванович.

В. И. ТОЛКАЧЕВ¹: — Уважаемые коллеги! Я хотел бы поблагодарить ректорат СПбГУП и Оргкомитет за организацию Международных Лихачевских научных чтений, возможность высказать свои мысли. Я нахожусь под впечатлением от выступления великого пи-

сателя Гранина. Только ради этого стоило побывать на этом форуме. Сегодня, к сожалению, можно услышать много пустой болтовни. Превалирует желание сказать, а не услышать. Также интересным мне показалось выступление Александра Сергеевича Запесоцкого. Это человек, который понимает ситуацию в области молодежной среды, то, как она складывается. Молодежь не хочет и не будет нас слушать. Исследования нашего института показывают, что только 10–15 % молодежи слушают старшее поколение. В основном, 70–80 %, молодые люди предпочитают слушать своих друзей, знакомых, родителей, 60 % — телевидение, Интернет.

Мы собрались на Лихачевских чтениях. Но идеи, мысли, высказывания Дмитрия Сергеевича Лихачева, анализ его произведений составляют в лучшем случае 5 % от общего количества обсуждений. Мы забыли, ради чего собрались, — чтобы обратиться к наследиям Дмитрия Сергеевича. Перечитывая его произведения, я осознал, что этот человек был пророком, потому что многое из того, что он написал 20 лет назад, актуально и сегодня, это происходит или будет происходить.

Я читаю несколько его цитат. «Если человек не может хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, старые и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу». Что сегодня происходит в российских городах? Москву разорили. Сегодняшняя Москва — мегаполис — чужда русскому духу и русскому человеку. Если человек равнодушен к памятникам своей страны, он, как правило, равнодушен к своей истории. Мы теряем себя, поколения.

Сегодня мы переживаем кризис цивилизации. О чем мы говорим, о глобализации? Цивилизация переживает глубочайший кризис нравственности, духовности. Дмитрий Сергеевич сформулировал в своих трудах обобщающие черты, присущие высокообразованной интеллигентной личности: мужество, интеллектуальная свобода, высокая нравственность, сострадание, совесть, человеческое достоинство, порядочность, благородность.

Совместно разработанная академиком Лихачевым и учеными СПбГУП «Декларация прав культуры» — грамотный документ, который надо читать и знать. Самое главное — документ нуждается в принятии, его нужно ввести в действие. В нем написано: «Культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой душевного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации. Вне культуры настоящее и будущее народов и государств лишается смысла, сегодня мы это имеем. Вне культуры нет будущего, потому что нет культуры. Мы гибнем как цивилизация, мы гибнем как люди, гибнем как личности». Это правда.

Сегодня мы переживаем постиндустриальную эпоху информационных технологий. Многие мыслители говорят, что XXI век — это эпоха глобального, всепоглощающего кризиса, который сотрет с лица Земли всех. Когда это произойдет? Трудно ответить на этот вопрос.

Я обозначил, какие кризисные явления происходят в области образования. Первое — девальвация

¹ Ректор Международного института трудовых и социальных отношений (Минск, Республика Беларусь), кандидат исторических наук, доцент.

образования. Второе — снижение ценности и значимости образования. Зачем учиться дальше? Один мой знакомый мальчик учится в шестом классе. Я спросил у него: «Что ты читаешь? Гоголя, Достоевского? Пушкина?» Он ответил: «Чего я буду Пушкина читать, он негр». Это мнение не только его, а всей молодежи, которым сейчас 12–13 лет. Зачем читать Пушкина, Гоголя? Ведь «Гоголь — хохол». Зачем вообще кого-то читать?

Увеличение времени получения обязательного образования — 12 классов. Наблюдается резкое снижение возраста первичной потери познавательного интереса — начиная с 10, 11, 12 лет уменьшается ценность образования: не буду учиться, не хочу ходить в школу. А что будет делать этот подросток? Сидеть у компьютера. Сегодня, к сожалению, «компьютерная болезнь» поразила всех, это вирус. Происходит непрерывное падение уровня общественно обеспеченных знаний в отсутствие у граждан видения сколь-нибудь связной и цельной картины мира. Если спросить у любого молодого человека, где находится Аргентина, Боливия, Бразилия и любая другая страна, то он не ответит. Потому что не читают, не знают географии, истории. Если спросить, кто такой Дмитрий Донской, Иван Калита и другие герои, напридумывают бог знает что.

О чем мы говорили сегодня? Толкли воду в ступе, убеждали в чем-то несуществующем. Наблюдается расширение функциональной неграмотности, согласно данным исследования, 90 % населения неграмотны. Исследование Всемирной организации здравоохранения показало, что 5 % любой европейской нации — хронические алкоголики. А сколько неофициально? — В два раза больше.

Наблюдается снижение статуса научной деятельности. Сегодня ученые, знания принижены до предела. Сегодня человек не хочет быть ученым: «Зачем это надо? Таксист, тот, кто торгует на рынке, получает больше». Ученый сегодня — это ноль, академик — никто, потому что у члена российского правительства пять машин, а у академика — ни одной. Авторитет науки широко используется в целях рекламы и пропаганды.

В настоящее время мы переживаем демографический кризис. Сегодня один молодой человек кормит 20 человек, через 5 лет один рабочий будет кормить 30–40 человек — это кризис страны и европейской цивилизации. Глобальное потепление, экологический кризис — можно назвать и другие проблемы современной цивилизации. Сегодня мы переживаем тяжелые времена. Нам не дано предугадать и самое главное — прекратить эти явления. Спасибо.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо. Предлагаю высказать свои мнения об услышанном. Пожалуйста, Владимир Александрович Конев.

В. А. КОНЕВ: — Я хотел бы резко возразить людям, которые много говорили о кризисе и о том, что современная молодежь никуда не годится. Я думаю, что у молодежи просто другие интересы и другие формы существования, которых мы, увы, не знаем. Я пессимист в отношении истории страны, но в то же время у меня теплится надежда, что среди молодежи много людей, которые иначе понимают жизнь, живут по-друго-

му. И система глобализации — это родной дом для них. И пусть они там живут, а мы уйдем.

— В поддержку Владимира Александровича Конева. Мы действительно услышали много страшных рассказов о том, как все плохо, молодежь плохая и вообще мы забыли Нагорную проповедь и т. д. Я не буду говорить о многих вещах, о том, что русская или армянская культуры не агрессивны. Но приведу некоторые цифры, которые мы рассчитали вместе с Институтом военной истории. Я хочу обратить внимание на то, что традиционные культуры, Нагорная проповедь и другие христианские документы не вполне безобидны, как может показаться, так же как и «Домострой» или «Молот ведьм» и т. д. Это не только «не убий», «не укради», но и «кто не со мной — тот против меня», «не мир пришел я принести, но меч», «кто придет ко мне, не возненавидев своих родных, тот недостойн меня» и т. п. Все традиционные культуры (религиозные, национальные и т. д.) формировались в условиях других технологий. Если сейчас мы захотим обратиться к тем идеологиям, исконным культурам, то это самоубийственное мировоззрение. У ранних христиан было катастрофическое мировоззрение, они воцарились близкого апокалипсиса, конца света, и второго пришествия Христа. *(реплика из зала)*

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Предоставляю слово Панко Анчеву, нашему болгарскому другу, писателю, философу.

П. АНЧЕВ¹: — Я согласен с тем, что для диалога нужно понимание, надо уметь понимать то, что говорит другой. Но еще необходимо уметь услышать и увидеть другого. И когда говорят о том, что глобальная культура — это русская, китайская, французская культуры, не надо забывать о том, что есть культуры малых народов, которые имеют слабый голос. В мире существуют не только большие народы и большие культуры, но и маленькие. Прошу вас услышать голос малых народов и понять их. Спасибо.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я Вас поддерживаю, потому что народ, из которого я вышел, даже меньше, чем болгарский. Слово Надежде Васильевне Голик.

Н. В. ГОЛИК²: — Существует одна универсальная ценность, которая, как мне кажется, объединяет все то, о чем сегодня говорили. Со многими выступающими я согласна, многое сказано справедливо. Но есть одна проблема, с моей точки зрения необычайно болезненная, — проблема ксенофобии в нашей стране, которая опровергает миф о широте русской души, выявляет совершенно противоположное. И если бы нас

¹ Главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы» (Болгария), председатель Варненского отделения Союза болгарских писателей. Автор многочисленных научных публикаций, в т. ч. книг: «Творцы и слово», «Философия на литературната история», «Разумът в българската история», «Малкият народ», «Друг начин на мислене», «Смисълът на литературознанието», «Руският разум», «Христо Ботев като мислител. Теория за Христо Ботев». Почетный доктор Литературного института им. А. М. Горького.

² Заведующая кафедрой эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографии «Этическое в культуре», научных статей по проблемам культуры.

не коснулись страшные события (в нашем университете молодой человек погиб от рук скинхедов), может быть, я пребывала бы в пиитическом настроении и относилась к проблеме толерантности как большинство философов — как к некоей идеолого-политической проблеме. Сегодня она мне кажется необычайно острой, очень актуальной, потому что, к сожалению, социологические исследования последних лет беспристрастно, жестко фиксируют то, что в нашем обществе не существует ни одной группы, которая не была бы «заражена» антипатией, этническими фобиями. Если подвергнуть беспристрастному жесткому анализу собственное сознание, то иногда становится страшно и стыдно за то, как ты думаешь.

Я всегда говорю студентам, что являюсь представителем четырех национальностей: трех маленьких и одной большой, русской. Полагаю, что та агрессия, с которой не только русские, но и другие нации выступают друг против друга, нарушает универсальную ценность, которая была выработана еще в недрах античной культуры. Я это осознала, работая с медиками, которые создали первый корпоративный кодекс, — клятву Гиппократова с принципом «не навреди», сегодня воспринимаемый как проявление толерантности. В какой бы аудитории я ни выступала, когда начинаешь говорить об универсальном, то часто можно услышать: «Все меняется, нравы, обычаи». Нет, существует одна вещь, которая не меняется начиная с Античности. И в какую бы страну вы ни поехали, какие бы врачи какой бы национальности вас ни лечили, какой бы религии они ни были, они исходят из принципа «не навреди». Давайте любить друг друга!

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Элеоноре Александровне Куруленко.

Э. А. КУРУЛЕНКО¹: — Прочитаю вам короткие детские стишки, написанные мальчишкой в возрасте 6,5 лет.

Зря я, что ль, стараюсь,
По ночам не сплю,
Музыку все слушаю,
Образы творю.
Мне бы песню эту
До конца пропеть,
А потом посмотрим,
Кто из нас медведь.

Я прочитала эти стихи для того, чтобы не согласиться с господином Толкачевым, который достаточно низко оценил деятельность нашей секции. По моему мнению, здесь нет ни одного «медведя», то есть того, кто не воспринимает проблематику культуры, человечности, детства, юности. Считаю, что работа нашей секции была очень продуктивной. После этой встречи мне есть что рассказать своим студентам, что написать в статье. Я восхищена работой руководителя нашей секции — Абдусалама Абдулкеримовича и хочу сказать ему большое спасибо. Мне было интересно услышать мнения всех выступающих. Спасибо.

¹ Ректор Самарской государственной академии культуры и искусств, доктор культурологии, профессор.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В заключение выскажется Вячеслав Семенович Степин.

В. С. СТЕПИН: — Конечно, было бы хорошо собрать воедино то, что было сказано в нашей дискуссии. Отдельные выступления разных авторов когерентны, они согласуются и дополняют друг друга. Мы с разных точек зрения говорили об одном: что вносит глобализация в современное состояние мировой культуры, как она меняет национальные культуры. И я отмечу следующие важные моменты.

Мы пришли к выводу, что современная глобализация — это особый этап в развитии человечества, который характеризуется особым взаимодействием культур. Мы говорили о будущем, то есть о сценариях глобализации (о чем и должны размышлять философы). Философ должен, как говорится, «зреть в корень», должен исследовать, как меняются концепты, базисные ценности культуры, жизненные смыслы, программирующая деятельность, поведение и общение людей (это наша, философов, предметность).

Выступающие говорили об этом по-разному. Сейчас, если мы хотим понять то, как развивается культура, надо анализировать тенденции изменения ее базисных ценностей. Но этот подход должен иметь сценарный характер. Мы имеем дело с очень сложной саморазвивающейся системой. Будущее исторически развивающихся систем — это всегда сценарный прогноз. Существуют апокалипсические сценарии такого обострения глобальных кризисов, которые могут привести к гибели цивилизации и даже всего человечества. Но есть и оптимистические сценарии. Вообще-то набор сценариев всегда ограничен: есть предпосылки, условия, среда, в которой протекают глобальные процессы и которая всегда налагает ограничения на возможные сценарии развития. Надо также учитывать, что разнонаправленные сценарии когерентны. Они влияют друг на друга, и начало реализации одного из них меняет вероятности других.

В нашей дискуссии была сформулирована следующая позиция: среди множества сценариев развития современной цивилизации важно отыскать такие, в которых будет сохранена гуманистическая направленность культуры, сам человек.

Это важно потому, что современные технологии приблизили цивилизацию к такому этапу развития, когда возникает искушение заняться переделкой биологической основы человеческого существования. Уже обсуждается идея постчеловека и трансгуманизма. В рамках этих представлений о будущем декларируются идеи формирования «сверхчеловека», обладающего принципиально новыми биологическими возможностями.

Что отражают подобные идеи? Они фиксируют реальные тенденции технологического вмешательства в биологию человека. Но если будет переделана биологическая основа человека, тогда «обрушится» и культура, которая нас соединяла, потому что, какие бы культуры ни были, какое бы их разнообразие ни существовало, в их основе лежит природное человеческое начало, то, как мы питаемся, размножаемся, существуем как популяция людей. Каждая культура регулирует эти процессы по-своему, направляя в определенное русло проявление биологических инстинктов с помощью базисных

ценностей и жизненных смыслов, свойственных данной культуре. Такая регуляция есть в любой культуре, она и делает «человека-животное» разумным социальным существом.

Но если биологическая основа будет изменена, то возникает серьезный вопрос: что будет с культурой?

Уже высказаны идеи генетического формирования идеального солдата, идеального работника, который мог бы работать на опасных производствах, идеального спортсмена, который выведет мировые рекорды на предельный для человека уровень. Но если это произойдет, то это будет означать биологическую специализацию людей, человек лишится универсальности и человечество превратится в муравейник, где от природы есть солдаты-муравьи с особой генетикой, муравьи-няньки, муравьи-пожарные и т. д. Это один из возможных сценариев, который нужно зафиксировать, эксплицировать и показать, насколько он опасен для развития человечества.

Цивилизация может пробовать разные варианты. Проекты создают люди. Однако до сих пор ни один проект радикального социального переустройства, который люди придумали, не привел к тем результатам, которые авторы проекта провозглашали в виде ценностей и целей. Проект коммунизма, идея создать самое счастливое общество на Земле, в советской России был объявлен реализуемым до конца XX века. К 1980 году планировалось завершить первый этап построения коммунизма. В 1980-е годы ходила шутка: обещали коммунизм, а получили бойкотированные Олимпийские игры. Но и «реальный социализм», который стал пропагандистским клише брежневской эпохи, существенно отличался от того, что провозглашалось в идеале классиками марксизма. Напомню, что в те времена анализ несоответствий реального социализма положениям марксистской теории воспринимался как идеологическая диверсия.

Таким образом, анализ сценариев развития цивилизации предполагает не только выбор наиболее перспективных из них с точки зрения гуманистических идеалов, но и реальное исследование тенденций и возможностей их реализации в эпоху глобальных перемен. Именно с этих позиций следует смотреть на то, что происходит в культуре.

Новые технологии выступают одним из важных источников социокультурных изменений. Технологии безразличны к сложившейся системе ценностей, наоборот, они генерированы этой системой и влияют на нее. За технологиями стоит тип рациональности, понимание того, какую роль играет рациональность в жизни общества и формировании личности.

В выступлениях на нашем круглом столе был поставлен вопрос о том, что происходит с личностью в современном обществе. Это важный вопрос, и его обсуждение напрямую выводит нас к анализу изменения фундаментальных ценностей. Задача такого анализа — это наша философская работа. Мы, философы, сможем не только обозначить чрезвычайно опасные тенденции развития, но и те сценарии, которые связаны с гуманистической проекцией, которые могут продолжать историю человечества на гуманистических началах.

Но чтобы об этом продуктивно рассуждать, придется вернуться к анализу понятий «цивилизация» и «куль-

тура». Сегодня здесь об этом достаточно много говорилось. В подходе А. Тойнби описаны виды цивилизаций, существовавшие в истории человечества. Но Тойнби не выделял типы цивилизационного развития. Среди 21 цивилизации, которые перечислил Тойнби, есть цивилизация традиционалистского типа и есть особые типы обществ, которые на Западе называются обществами «проекта модерн». Я называю этот тип развития техногенной цивилизацией.

Выделяя исторические типы цивилизационного развития, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой соотношения цивилизационного и формационного подходов.

Если проанализировать работы К. Маркса, то отчетливо видно, что в рамках концепции социально-экономических формаций он рассматривает историю и пред историю техногенной цивилизации. Он не анализирует традиционалистские общества. Пять формаций стандартно излагаемого марксизма плохо соотносятся с историей традиционалистских обществ. Но здесь следует сказать несколько слов в защиту Маркса. В начале в его теории было не пять формаций, а три, которые Маркс различал не по способу производства материальных благ, а по способу социальных коммуникаций: это общество личной зависимости, общество вещной зависимости (куда он относит капитализм) и коммунистическое общество как будущий проект третьего этапа развития цивилизации.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Свободной индивидуальности.

В. С. СТЕПИН: — Эти идеи содержат немалый эвристический потенциал. Две первые формации — личной и вещной зависимости — укладываются в схему традиционалистского и техногенного типа развития. Третья — это проект, который ставит проблему нового типа цивилизационного развития, отличного и от традиционалистского, и от техногенного.

Когда возникает техногенное общество, традиционалистские цивилизации не исчезают. Техногенная цивилизация оказывает на них активное воздействие. Возникают эпохи колонизации и модернизации. Модернизационные процессы начинаются с заимствования западных технологий. Это перенесение западных технологий (и элементов культуры, которые породили эти технологии) на традиционалистскую почву. В обществах, которые вступили на путь техногенного развития путем модернизации, сохраняются многие элементы традиционалистских культур. Это был путь Китая, Индии, России, Японии, Бразилии и др. Сейчас таких обществ большинство. Техногенные общества, возникшие в результате «естественной эволюции» (Запад), соседствуют и взаимодействуют с техногенными обществами, возникшими в результате модернизационных «прививок». Оба типа современных техногенных обществ взаимодействуют в процессе глобализации. И мы не сможем понять глобализацию, если не осознаем особенностей этого взаимодействия.

Здесь открываются новые перспективы. Не исключено, что именно в пластах традиционных культур, сохранившихся в техногенной культуре модернизированных обществ, может содержаться начало тех новых ценностей, которые сохраняют гуманистическую

преемственность человечества в условиях быстрых цивилизационных перемен.

Хочу отметить, что именно в этом ключе высказывались многие выступавшие. Они фиксировали то, что сейчас общество переживает кризис — естественный фазовый переход, в который вступила современная цивилизация. Фазовые переходы описываются в нелинейной динамике и синергетике в терминах динамического хаоса. Он характеризует переход от одного типа самоорганизации к другому. Возникнет новый тип порядка. Профессор Назаретян правильно сказал о том, что сегодня формируется новый тип организации, который определенным образом будет влиять на традиционалистские культуры. Но в большинстве современных обществ эти культуры уже не сохранились в исходном состоянии. Традиции переосмысливаются, когда возникает новая целостность социокультурной регуляции.

— А что будет дальше? (*вопрос из зала*)

В. С. СТЕПИН: — Я не пророк. Важно проанализировать, как при заимствовании научно-технических знаний, современных технологий и новой системы образования изменяется человеческая ментальность. Как при этом сохраняются некоторые идеи традиционалистских культур, какие новые звучания они получают? Например, для меня было открытием, что понимание традиционалистской культурой Китая будущего и образ будущего имеет свою специфику. Когда в традициях европейской культуры говорят о будущем, то неявно полагают такой образ: путь в будущее — это дорога, по которой идет человек; он проходит часть пути и прошлое у него позади, а будущее впереди. Он может ускорить движение, и тем самым как бы приблизить будущее. Это западный стиль мышления, образ, за которым стоит очень многое — понимание человека, его деятельности, понимание рациональности, личности и т. д. Современные китайцы, которые научились западным технологиям, получили западное образование, мыслят, в общем, во многом по-европейски, когда речь идет о технологиях и науке, но все-таки они не всегда понимают будущее так, как мы. В современном Китае сохраняются многие черты традиционалистского понимания, согласно которому движение к будущему — это не образ пути по горизонтальной дороге, а образ вертикали: будущее идет от Неба к Поднебесной. Это путь, подобный спуску человека с горы. Прошлое у него перед лицом, а будущее его догоняет, оно сзади. Можно всегда увидеть традицию, она лежит перед тобой, а будущее приходит само. И китайцы полагают, что нельзя ускорить будущее, оно само тебя догонит, не надо никуда спешить, можно создавать проекты на много десятилетий вперед. Это другой тип мышления, и он формируется элементами традиции, которые взаимодействуют с современными представлениями. Кстати, этот тип мышления вполне коррелирует с провозглашаемыми сегодня идеалами устойчивого развития. Подобные вещи культурологам и философам надо анализировать, чтобы понять, как мо-

гут в культуре зарождаться новые ценности. Мы ищем их преимущественно в западной культуре, но они сейчас возникают во всех техногенных обществах.

В современном глобализирующемся мире постоянно происходит «переключки» между культурами. В экономике, политико-правовых практиках и обслуживающих их идеях, в пространстве нравственных поисков, в современном взаимодействии религий возникают «точки роста» новых ценностей. Обнаружить их и проанализировать возникшие в этих точках тенденции перехода к новому типу цивилизационного развития — в этом я вижу важнейшую задачу современной философии.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Большое спасибо. Передо мной стоит трудная задача — красиво завершить работу нашей секции. Я скажу несколько реплик. Здесь в качестве примера деградации культуры приводили высказывание о Пушкине. Я очень люблю творчество Пушкина. Но вспоминаю, что я подростком жил в послевоенном небольшом поселке, и Пушкин там у нас был объектом анекдотов. Но это не помешало мне потом сформировать трепетное к нему отношение. Александр Петрович Марков говорил о сверхкультуре, которая предполагает сверхчеловека. Вероятно, можно назвать эту культуру метакulturой, посткультурой.

В. С. СТЕПИН: — Лучше метакulturой.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Речь идет о том, что это другой слой, другой уровень, причем такой, который предыдущее как бы не отрицает, а надстраивается над ним особым способом. Если сверхкультура, то и сверхчеловек, но только сверхчеловек — это не просто белокурая бестия, а один из вариантов. В конце концов религия тоже дала свою перспективу сверхчеловека.

Я хотел бы закончить тем, с чего началось наше обсуждение. Владислав Александрович Лекторский и Вячеслав Семенович Степин на это указали. Пока мы говорим о диалоге цивилизаций, культур, Западе и Востоке, о том, как они соединяются, мы не замечаем, что сейчас зарождаются такие формы, такие стратегии мышления и деятельности, которые отрицают не только восточный ценз, но и западный, находящийся в конфронтации с культурой в ее классическом и образцовом варианте. Это открывается уже не просто в виде технологических возможностей, но и в форме идеологов, которые эти возможности принимают и признают. Открывается такая перспектива, картина, которая находится как бы по ту сторону нашего спора, диалога. И мне кажется, именно эта мысль была высказана в начале дискуссии, а потом она немного затерялась.

В добавление к тому, о чем говорил Вячеслав Семенович, хотелось бы сказать, что мы плодотворно поработали. То, о чем говорил Владислав Александрович Лекторский, соотносится с нашими сегодняшними размышлениями — что западные культуры переделываются, что это соответствует идее появления новых ценностей.

Секция 3

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПОИСК РЕШЕНИЙ

14 мая 2010 г. Лекционный зал № 5, СПбГУП

Руководитель секции

В. Г. ДЕРБИН — председатель Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области»

Участники:

М. М. АРТЮХИНА — начальник Управления социального партнерства Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области», заслуженный экономист РФ

Ю. В. АРУТЮНЯН — член-корреспондент РАН, советник РАН, доктор исторических наук, профессор

М. А. БЕНДЮКОВ — заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор психологических наук, профессор

З. И. ВОРОНКОВА — председатель Северной территориальной профсоюзной организации Общероссийского профсоюза авиационных работников

Е. Я. ДЕМИДОВА — председатель Территориальной организации Санкт-Петербурга и Ленинградской области Российского профсоюза работников текстильной и легкой промышленности

В. Ю. ЗОРИН — заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 2-го класса

В. П. КАЛИНИН — председатель Ленинградской (Санкт-Петербургской) областной организации профсоюза машиностроителей РФ

В. Н. КУЗНЕЦОВ — председатель Территориальной организации Санкт-Петербурга и Ленинградской области профсоюза работников народного образования и науки РФ, кандидат экономических наук, доцент

Н. А. ЛЕОНТЬЕВА — председатель Межрегионального профсоюза Санкт-Петербурга и Ленинградской области работников жилищно-коммунальных организаций и сферы обслуживания

Д. В. ЛОБОК — заведующий лабораторией по анализу и прогнозу профсоюзного движения СПбГУП, доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат исторических наук

С. М. ПАНТЕЛЕЕВ — председатель комитета Межрегионального профсоюза работников ОАО «Кировский завод»

В. И. ПИЛИПЕНКО — председатель Ленинградского областного комитета Российского профсоюза «Торговое Единство»

В. Д. РОЖКОВ — ректор Института дополнительного профессионального образования «АТОМПРОФ» (Санкт-Петербург), доктор экономических наук

А. П. ФЕДОРОВ — заместитель заведующего кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, кандидат технических наук, доцент

А. Ю. ШЕВЯКОВ — директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор

В. Г. ДЕРБИН¹: — Уважаемые коллеги! В ходе работы нашей секции мы все имеем возможность высказать свою точку зрения на сегодняшнюю ситуацию на рынке труда. Вчера этой теме было посвящено много выступлений. Кроме того, мы с Михаилом Викторовичем Шмаковым были приглашены на заседание амери-

¹ Председатель Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области». Автор книг по актуальным проблемам работы профсоюзов России, в т. ч. книги «Профсоюзы за равноправный диалог».

канской Торгово-промышленной палаты, которая работает в Санкт-Петербурге, Ленинградской области и на Северо-Западе. Там был представлен доклад о новом законе, касающемся миграции, который уже поддержан Советом Федерации и передан на подпись Президенту. Самое большое новшество закона заключается в том, что теперь не требуется много документов для того, чтобы пригласить на работу специалиста высокой квалификации из другой страны. Единственное

условие — собственник должен гарантировать такому специалисту заработную плату не ниже 2 млн рублей в год. Больше никаких критериев «специалиста высокой квалификации» закон не обозначает. То есть если собственник нанимает иностранного работника на зарплату в 2 млн 100 тыс. рублей в год, то этот работник признается специалистом высокой квалификации.

Что в этом законе, на наш взгляд, отрицательного? Если мигрант, допустим, приехал сюда работать или помогать по хозяйству какой-то богатой семье, он должен платить 1 тыс. рублей в месяц — и больше никаких налогов. А наш рабочий вынужден соблюдать все установленные процедуры, выплачивать налоги. То есть происходит ущемление интересов российского рабочего класса. По этому пункту и профсоюзы, и работодатели выражали протест, так что эта тема будет оставаться в поле зрения профсоюзного движения.

Сегодня мы каждому участнику нашей секции предоставим возможность высказаться. Приглашаем к микрофону Юрика Варгановича Арутюняна.

Ю. В. АРУТЮНЯН¹: — Тема моего доклада сформулирована следующим образом: «Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции». В нашем обществе эта исключительно значимая, но не вполне осознанная проблема в науке до сих пор по существу не рассматривалась. Проблема эта весьма широкая, связанная в том числе с вопросами трудовых отношений, поскольку этнический аспект распределения и использования трудовых ресурсов разной квалификации опосредован и с их этнической структурой. В субъектах РФ, особенно в некоторых республиках, эта проблема стоит порой очень остро. В разных регионах разная динамика русского этноса, и это связано не только с естественным воспроизводством населения, но и с миграцией. В некоторых кавказских республиках весьма заметен отток русских, по существу, почти полная дерусификация, особенно там, где сказываются острые межэтнические отношения. Очень заметно сократилось русское население в ближнем зарубежье — за небольшой период между переписями 1989 и 2002 годов оно уменьшилось там почти на треть. По существу изменились функции русских в этих странах — они стали национальным меньшинством, что для них непривычно и к чему русские подчас не ориентированы и плохо приспособлены.

В большом историческом плане по существу произошел колоссальный этнодемографический поворот — перелом, который, как ни странно, не до конца осознан. Ведь русский этнос с XIV–XV веков постоянно расширял границы своего расселения. Удельный вес его по стране систематически увеличивался, вплоть до последней переписи Союза ССР. В 2000-е годы в РФ, и тем более в странах бывшего зарубежья, впервые было зафиксировано заметное сокращение численности русских. За пределами России оно сократилось почти на треть, и хотя мигранты-русские устремились в ос-

новном в Россию, приток их отнюдь не покрыл здесь его естественной убыли. Для воспроизводства населения требуется, чтобы на каждую женщину приходилось по 2,3 ребенка, среди русских этот индикатор был в пределах 1,5. Сокращение русского населения по регионам было неравным, главным образом вследствие миграции. На Северном Кавказе, особенно в Дагестане, Ингушетии и Чечне численность дееспособного русского населения была почти сведена на нет, в то время как росли титульные этносы республик. Удручающее положение динамики русского населения сказывалось и по другим, преимущественно «окраинным» территориям РФ, особенно на Дальнем Востоке, где численность всего населения между последними переписями сократилась на одну пятую часть.

Важный индикатор перемен, в чем отражается этническая динамика населения — национальное самосознание. Оно в иных случаях принимает болезненные формы, с чем в известной мере связано обострение национальных отношений. Оптимальное их развитие предполагает утверждение в стране интегративного самосознания «россиянина». Воспитание полиэтнического самосознания россиян требует особого внимания в политике, идеологии и регулировании социально-этнических отношений. Миграционная политика так же органически связана с этими процессами особенно в национальных регионах страны. Когда принимаются этнические принципы регулирования трудовых ресурсов, и они даже узакониваются, то это идет в разрез с объективной необходимостью. Выработка и реализация разумных решений регулирования трудовых ресурсов — важное требование оптимизации в числе прочего национальных отношений и межэтнической интеграции, что жизненно важно для здорового развития нашего общества.

Н. А. ЛЕОНТЬЕВА²: — Пока государство не озаботится основными проблемами и не выстроит политику в части разрешения тех вопросов, о которых вы говорите, мы с вами на местах можем внедрять любую идеологию, но она даст очень малые результаты. Поэтому мне представляется, что ваши научные труды могли бы возыметь должное воздействие при условии определенной политики государства.

Ю. В. АРУТЮНЯН: — Я думаю, надо говорить о необходимости конструирования определенной ориентации в политике, по возможности способствовать оптимизации политических поисков и решений.

В. П. КАЛИНИН³: — Известен исторический факт: когда Крым заселяли российскими крестьянами из Тамбовской, Воронежской и других южных губерний и стали вспыхивать этнические конфликты, то Потемкин предупредил: если так будет продолжаться, крестьян увезем обратно. И конфликты прекратились, поскольку российские крестьяне стали пахать землю, заниматься животноводством, разводить сады, чего татары делать не умели.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, советник РАН, доктор исторических наук, профессор. В числе последних его публикаций (2000-х гг.) книги: «Этносоциология», «Постсоветские нации», «Трансформация постсоветских наций», «Москвичи глазами этносоциолога», «Москвичи. Этносоциологическое исследование». Член редколлегии журнала «Социологические исследования».

² Председатель Межрегионального профсоюза Санкт-Петербурга и Ленинградской области работников жилищно-коммунальных организаций и сферы обслуживания.

³ Председатель Ленинградской областной (Санкт-Петербургской) организации профсоюза машиностроителей РФ.

Ю. В. АРУТЮНЯН: — Это хорошая иллюстрация к тому, о чем я говорил. Сегодня ввиду сложности ситуации в некоторых регионах стали понимать необходимость некоторой трансформации этнической политики, в частности по отношению к русским, хоть и не так явно, как в Вашем примере. Так, в Казахстане русским специалистам дают больше прав. Но трудно сказать, насколько эти перемены долговечны и устойчивы. Не сегодня-завтра воссоздадутся достаточные этнические профессиональные кадры по республикам — политика будет снова меняться. Ведь кто уезжает из этих республик? Специалисты, которые востребованы в России. Это отражается на экономике государств. Так что перемены происходят, но идет и подготовка своих кадров, а это изменит политику — если не через одно поколение, то через два — наверняка.

Е. Я. ДЕМИДОВА¹: — Я хотела бы узнать: после распада СССР сколько и каких мигрантов приехало в Россию? Почему уменьшилось население русских? В паспортах сегодня нет национальностей, у нас все россияне. Почему русских вдруг стало мало?

Ю. В. АРУТЮНЯН: — До 1989 года русское население увеличивалось не благодаря естественному воспроизводству — оно было всегда недостаточным, но компенсировалось за счет высокого престижа русских и того, что в какой-то мере происходила русификация этнических групп. А теперь этот процесс прекратился. Приток русских мигрантов не восполняет естественной убыли населения.

В. Г. ДЕРБИН: — Я хочу предоставить слово Владимиру Юрьевичу Зорину.

В. Ю. ЗОРИН²: — Учитывая состав сегодняшней аудитории, я хочу сказать несколько слов о переписи населения. Для чего она нужна? 14 октября 2010 года начнется Всероссийская перепись населения, к нам придут переписчики и будут задавать вопросы, на которые мы станем устно отвечать. В том числе будут заданы и вопросы, касающиеся нашего национального самоощущения и языка. В наших паспортах не указывается национальность, но каждый человек определяет свою национальную принадлежность на основе самоидентификации — кем он себя ощущает. Во время предыдущей переписи некоторые шутники называли себя гоблинами, джедаями и так далее, они тоже были учтены, правда, их насчитываются единицы. Наверное, это в основном молодежь развлекалась.

Какую этническую картину в 2002 году выявила перепись? Население России тогда составляло 145,2 млн человек, уменьшившись с 1989 года на 1,8 млн. Наиболее многочисленной национальностью, конечно, оказа-

лись русские, они составляли в 2002 году 79,8 % населения; следующая по численности нация — татары — насчитывали 5 млн 558 тыс. человек, далее идут украинцы, башкиры, чувашаи, чеченцы, армяне — численность каждого из этих народов превышала 1 млн человек. В частности, количество армян в России составило 1 млн 130 тыс. человек. Далее идут мордва, белорусы, аварцы, казахи, удмурты, азербайджанцы, марийцы, немцы, кабардины, осетины, даргинцы, буряты, якуты, кумыки, ингуши, лезгины — к каждой из этих национальностей отнесли себя более 400 тыс. человек.

Большой интерес на переписи и при подведении ее итогов вызвал вопрос: а сколько в России национальностей? Тем более что эти данные все время меняются.

Например, в 1926 году перепись показала 190 национальностей, в 1937-м — 168, в 1939-м — 62, в 1959-м — 100. До распада СССР фигурировала цифра «100». И вдруг на переписи 2002 года у нас оказалось 182 национальности. Думаю, перепись нынешнего года покажет, что национальностей станет еще больше. Почему это происходит? Причина одна — право самоидентификации. Если в 1930-е годы была тенденция к укрупнению, люди хотели причислить себя к каким-то ведущим национальностям в данной республике, то начиная с 1970 года жители нашей страны определяют свою национальность более дифференцированно. Например, среди русского народа появились поморы, казаки и многие другие. На самом деле изменения этнического состава населения нет, но меняется самоощущение народа. На Алтае у нас «стало проживать» больше национальностей: люди начали идентифицировать себя по родам, и различных родов оказалось около 12. Но все они, конечно, алтайцы. С другой стороны, это говорит о том, что в нынешних условиях наши народы, различные этнические группы чувствуют себя комфортно и в связи с этим стараются заявить свою идентичность, самобытность для того, чтобы государство учитывало их интересы, в том числе и в изучении языка и развитии культуры. А количество языков и диалектов у нас оказалось 239. В одном только Дагестане 14 государственных языков, которые имеют равный статус. На самом деле их больше — не все языки получили статус государственного. То есть органам власти, образования и культуры предстоит большая работа, чтобы учесть все интересы.

Следующий вопрос, который я хотел бы затронуть: однозначна ли идентичность? Например, в Поволжье каждая третья семья — смешанная. Естественно, каждый член такой семьи должен решить для себя, к какой национальности он принадлежит. Вот и определяет: мама — русская, папа — татарин... В Одессе в 1920-е годы была популярна песенка: «Папа — турок, мама — грек, сам я русский человек».

Так кем же назваться? Наш институт придерживается точки зрения, что, в принципе, возможна и двойная национальная идентичность. То есть каждый человек может себя приблизить к культуре тех народов, совместно с которыми он живет. Ведь чем определяется национальность? Культурой, менталитетом, а не составом крови. Кем по национальности были Пушкин, Тютчев, Карамзин? Они принадлежат русской культуре, писали на русском языке, и это принципиально.

¹ Председатель территориальной организации Санкт-Петербурга и Ленинградской области Российского профсоюза работников текстильной и легкой промышленности.

² Заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН, доктор политических наук, профессор. Действительный государственный советник РФ 2-го класса. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики», «Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы», «Русский народ в национальной политике. XX век», «Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества» и др. Член Союза журналистов России.

Что касается депопуляции русских, то хочу поспорить с Юрием Варгановичем: я думаю, что она происходит все же не в России, а на пространстве СНГ. В России русские продолжают оставаться самым крупным этносом, составляют чуть менее 80 %, а демографический кризис коснулся всех наших народов и выходить из него будем вместе.

В заключение позвольте призвать вас, уважаемые коллеги, активно участвовать в подготовке и проведении переписи и добросовестно ответить на вопросы переписного листа.

В. Г. ДЕРБИН: — Спасибо, Владимир Юрьевич. Скажите, пожалуйста, вот в США, по-моему, национальностей нет, там все американцы — и уживаются...

В. Ю. ЗОРИН: — Немного истории. 200 лет назад Америку начали колонизировать, уничтожив или согнав в резервации местных жителей. Существовала теория «плавильного котла», в котором как-то образовалась единая американская нация. В России за тысячелетнюю историю ни один народ не исчез. В «Повести временных лет» упоминаются вепсы, вятичи, кривичи, другие национальности — все они живут с нами и сегодня. Никогда в истории Российского государства не было политики насильственной и полной ассимиляции тех народов, с которыми оно объединялось. Вот в чем разница. Однако национальных вопросов в США очень много, американская статистика насчитывает около 120 национальностей в стране.

В. Н. КУЗНЕЦОВ¹: — Владимир Юрьевич, в ходе вашего выступления я понял, что Ваше учреждение приветствует увеличение наций и народностей, которых было 62, а стало 182. Не кажется ли вам, что это не совсем однозначный процесс? Ибо если раньше национальностей было меньше, это могло означать, что в политике государства не было принципиальных противоречий и все чувствовали себя более или менее нормально. А сегодня мы с вами сталкиваемся с ситуацией, когда каждый человек пытается дистанцироваться, заявить о себе и получить возможность быть услышанным. То есть это тенденция к децентрализации, которая в свое время привела к распаду Советского Союза. Сейчас мы видим примеры Грузии и Киргизии, где стремление к национальной идентичности порождает проблемы, подчас очень острые.

В. Ю. ЗОРИН: — Владимир Николаевич, наш институт не является сторонником ни увеличения, ни сокращения числа наций. Мы научно-исследовательское учреждение, мы констатируем и изучаем те процессы, которые происходят объективно.

В. Г. ДЕРБИН: — Но Вы же и рекомендации даете Правительству РФ?

В. Ю. ЗОРИН: — Какие рекомендации мы можем дать? Есть ст. 26, п. 1 Конституции РФ о самоидентификации. Если вы назвали себя гоблином, вас

обязаны учесть. Кстати, около 1 % населения страны не ответили на вопрос о национальности, в Санкт-Петербурге таковых оказалось 368 тыс. человек (7,9 %), в Ленинградской области — 39 тыс. (2,34 %).

В. Г. ДЕРБИН: — Но из этого можно сделать вывод, что человек протестует против чего-то.

В. Ю. ЗОРИН: — Совершенно верно. Из этого надо делать выводы, в том числе и политикам. Я еще раз хочу сказать, что народы не создаются по указанию директивных органов. Это, если хотите, Божий промысел. Они возникают, развиваются и исчезают по объективным законам общественного развития, но это уже тема целой научной конференции.

В. Г. ДЕРБИН: — Следующим выступает Владимир Дмитриевич Рожков.

В. Д. РОЖКОВ²: — Я впервые принимаю участие в Лихачевских чтениях, считаю, что это очень значимая, высокого уровня конференция. Как уже говорилось, мы ожидаем практического результата. Я считаю, что позиции, взгляды и проблемы, которые специалисты видят в обществе, надо доносить до более широких слоев и до руководителей государства.

Я всю жизнь занимаюсь регулированием трудовых ресурсов и могу сказать, что к данному моменту все самое страшное, что может произойти по причине глобализации и взаимодействия культур, в нашем обществе, наверное, уже произошло. Была полностью сметена культура, сформированная коммунистической идеологией. Из еще не реализованных угроз глобализации у нас остаются две, одна из них — вступление в ВТО. Непонятно, зачем к этому стремиться. Я участвовал во всех межправительственных обсуждениях и дискуссиях по этому вопросу и задавал прямой вопрос идеологам вступления в ВТО: какие преференции получит Россия? Кроме того, что Англия перестанет препятствовать нашему экспорту металла, других ожидаемых положительных результатов названо не было. Но последствия вступления в ВТО будут очень болезненными. Это не лучшим образом отразится на нашем товарном рынке и особенно на рынке труда. У нас возникнут большие проблемы с занятостью в текстильной промышленности, в производстве мебели — да вообще во всей легкой промышленности. И в сельском хозяйстве. Банки, страховые компании тоже не выдержат конкуренции с зарубежными финансовыми институтами. Если у нас откроют свои офисы крупные европейские банки, они сразу переманят клиентов из наших банков, поскольку имеют репутацию более надежных. Почему сейчас происходит такое паническое укрупнение страховых компаний — слияния, объединения? Потому что компании пытаются упрочить свое положение, чтобы выжить на рынке.

Другая угроза — вступление в НАТО. Присоединение к ВТО и НАТО — для нас последние шаги на пути к окончательной глобализации.

¹ Председатель Территориальной организации Санкт-Петербурга и Ленинградской области профсоюза работников народного образования и науки РФ, кандидат экономических наук, доцент.

² Ректор Института дополнительного профессионального образования «АТОМПРОФ», доктор экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Экзамен рабочего места», «Социальные ориентиры экономической политики России» и др.

Сегодня много говорят о взаимодействии культур, но мне хотелось бы выяснить, кто является объектом для взаимодействия в отстаивании наших культурных прав, культурного наследия россиян. С кем разговаривать-то? Не с кем! Ни в одной европейской стране телевидение не показывает того, что мы видим на своих телеэкранах.

Что у нас произошло в связи с этим? Мы поменяли свой менталитет, получили совершенно иные мотивы в отношении занятости, у нас выросло новое поколение. И я не побоюсь сказать — мы стали обществом, презирающим труд. Никого не привлекает романтика больших или малых строек, никто не хочет плавить металл, сеять хлеб. Мы стали обществом, презревшим труд, а у такого общества в принципе нет перспективы.

Я считаю, что иностранную рабочую силу надо привлекать в минимальных, строго регулируемых количествах. При этом я выступаю за то, чтобы воспитывать в наших детях положительное отношение к труду, правильно заниматься профессиональной ориентацией. Есть точка зрения, что наших национальных трудовых ресурсов достаточно для решения всех экономических задач. Если бы мы были верно ориентированы, если бы наши дети были воспитаны должным образом, они бы заняли те самые рабочие места, которые есть у нас сегодня. И им бы хватило этих мест, и нам бы хватило собственных трудовых ресурсов, чтобы обеспечить производство национального продукта.

Я выступаю за жесткое регулирование со стороны государства всех процессов, происходящих на рынке труда, за управление трудовыми ресурсами. Должны быть поставлены рамки. Необходимо закрыть лишние высшие учебные заведения. Если два года назад количество мест, открытых в системе высшего образования, равнялось числу выпускников 11-х классов, то в этом году количество *бюджетных* мест равно количеству выпускников, не говоря уже о коммерческих наборах, которые втрое превышают бюджетную заявку на специалистов высшей категории. Это означает отсутствие отбора, что ведет к колоссальным потерям — государственным, коллективным, личным. Вы учитесь, не понимая зачем, а потом меняете свою специальность. У нас много примеров, когда люди с высшим образованием получают рабочую профессию и идут туда, где можно заработать и где требуется рабочая квалификация. Это стало массовым явлением.

Мы можем преодолеть кризис только при условии внедрения инновационных технологий — это сегодня ни у кого не вызывает сомнений. К этому надо быть готовыми и на рынке труда. Прорывные области, на которые мы ставим, — нанотехнологии, информационные технологии, атомная энергетика.

Мы собираемся до 2020 года удвоить количество реакторов, эксплуатируемых в стране. Сегодня у нас их 23, а мы намерены построить еще 26. Плюс к этому Россия заключает с другими странами соглашения о совместном развитии атомной энергетики: с Ираном, Индией, Китаем и Сирией. Для всего этого мы делаем проекты. Однако производство сегодня сильно страдает от некачественной рабочей силы, и мы все меньше можем производить у себя — иногда даже качественную сварку обеспечить не в состоянии. И проектирование у нас тоже отстает — японцы давно рабо-

тают в формате 3D, а мы все еще находимся на уровне построения сетевых графиков. Использование для управления проектами программных комплексов типа Primavera — это для нас еще недостижимые высоты. Мы должны всю нашу работу приводить в соответствие мировому уровню.

М. А. БЕНДЮКОВ¹: — Владимир Дмитриевич, вы долгое время возглавляли службу занятости Ленинградской области. Тогда это была одна из лучших служб по стране, это известно всем. Я хотел бы задать вопрос в связи с тем, что вы говорите о регулировании трудовых отношений со стороны государства. Что происходит на практике? В какой степени служба занятости может обеспечить активные программы, как это было раньше? Не только выполнить социальную функцию, то есть платить достойное пособие, но и реально регулировать рыночные отношения в сфере труда?

В. Д. РОЖКОВ: — Я считаю, что у службы огромный потенциал и она может справиться с любыми задачами. Даже имеет формальную возможность регулирования количества мест в системе образования, потому что открытие каждой специальности должно быть согласовано со службой занятости. Но вот в чем абсурд — этот механизм формально заложен в организационной структуре исполнительной власти, но он не работает. Уже второй год действует программа опережающего обучения. Идеология верная: в программе участвуют главным образом те, кто находится под угрозой потери работы, то есть предприятие уже ввело сокращенный рабочий день, и людям предоставляется возможность заранее получить подготовку — это либо повышение квалификации, либо получение другой профессии. Но, опять же, все организовано, мягко говоря, несовершенно. Будет ли человек получать это опережающее обучение, решает руководитель предприятия. Но руководителю все равно! У него свои заботы: будут заказы — он обеспечит весь коллектив объемом работы, не будут — предприятие закроется. Почему нельзя позволить решать эти вопросы самим людям, которые находятся под угрозой потери работы? Или привлечь профсоюзы? Я предлагал ввести в обращение образовательный сертификат: предоставьте возможность человеку, понимающему, что он может потерять в ближайшее время работу, позаботиться о себе самому. Со стороны государственной службы требовалось бы определить перечень соответствующих учебных заведений и специальностей, предугадывая точки экономического роста в регионе и потребность в специалистах уже на прорывных направлениях.

И в сфере подготовки кадров надо в принципе поменять задачи государственной службы занятости. Она должна не оказывать социальную поддержку в период безработицы, а заботиться о формировании трудового потенциала региона, чтобы в сложный экономический период сохранить его и подготовить к выходу из кризисной ситуации.

В. Г. ДЕРБИН: — Спасибо. Я хочу сказать, что ликвидация Фонда занятости и отсутствие у Комитета

¹ Заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор психологических наук, профессор.

по занятости активных программ — большой минус для государственного регулирования трудовых отношений. Приглашаю к микрофону Алексея Юрьевича Шевякова.

А. Ю. ШЕВЯКОВ¹: — Думаю, что проблемы сегодняшней глобальной перестройки являются фундаментальными и решающими для будущего нашей страны. Трудно разделить проблемы трудовых отношений, социальной политики и проблемы тех экономических парадигм, которые сегодня существуют.

Я хотел бы сконцентрироваться на такой проблеме, как мифы и реалии нашей социальной политики. Первый миф: рынок является наиболее эффективным механизмом, в том числе и в социальной сфере. На словах мы уже отказались от этой парадигмы, но на самом деле все происходит наоборот. Особую тревогу вызывает тенденция исключить из сферы бюджетного финансирования важнейшие социальные сферы: науку, образование, здравоохранение и т. д. Известный экономист, нобелевский лауреат Васильев Леонтьев говорил, что рынок — это ветер. Как государство паруса поставит, так и поплывем: либо по заданному маршруту, либо на скалы.

Что же происходит в России? Ведь социальная сфера — это не экономическая категория. Какая экономика диктует зарплату воспитателя в детском саду или зарплату астронома, который занимается изучением звезд? Как можно экономически оценить их деятельность? Если государство заинтересовано в своем долговременном развитии, оно должно брать все это на себя. В бизнесе и экономике выгоды и риски в основном просматриваются и просчитываются. Но даже здесь уже возникают сомнения в эффективности свободного рынка. Обратите внимание — любая большая корпорация имеет четкое, жесткое управление, а не организует свою внутреннюю жизнь по рыночным принципам. Об этом можно много говорить. Повторяю: наука, образование, здравоохранение — прерогатива государства. Если государство считает, что оно может платить в этой сфере, как сегодня у нас, 60 % средней зарплаты, значит, его не интересует ни наука, ни здравоохранение, ни образование, а фактически не интересует сохранение и умножение человеческого капитала.

К чему приводит такая позиция? Считается, что если будет развиваться бизнес, то это обеспечит экономический рост и социальные проблемы будут решаться автоматически. Поэтому финансирование социальных сфер происходит по остаточному принципу. Отсюда же — способ оценки достижений в социальной сфере: по средним показателям. Рост средних доходов — прекрасно; в «тучные годы» у нас средние доходы росли на 10 %, только почему-то у богатых они увеличивались в разы, а у бедных реально не росли.

¹ Директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 170 научных работ, в т. ч. более 10 монографий: «Неравенство, экономический рост и демография», «Неравенство как ключевой фактор социально-экономической динамики», «Статистика семьи и пути ее совершенствования» и др. Член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ, Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, член Консультативного совета по реализации демографической политики при Комитете Государственной Думы РФ. Член редакционных советов журналов «Народонаселение», «Вопросы статистики» (Росстат).

Вы все знаете, что такое дециль — это десятая часть. В экономике этим словом обозначают 10 % населения, разбитого на группы (децили) по уровню доходов. Вот как свое благосостояние улучшили эти группы: только 10 % населения вырвались вперед — их доходы возросли более чем в 2 раза. Следующая группа — «разбогатели» немного: на 20 %. Остальные практически не улучшили свое благосостояние; многие даже ухудшили. А около 30 % населения, по нашим оценкам, фактически остались на уровне бедности. Но когда мы говорим о средних показателях — вроде все хорошо.

Недавно мне довелось беседовать с Евгением Федоровым — председателем Комитета Госдумы по экономической политике. Наши власти намерены к 2020 году повысить среднюю зарплату до 2,7 тыс. долларов. Спрашиваю: «Я посмотрел обследование заработной платы за апрель месяц. 50 % работающих получают не более 13 тыс. рублей; 37 % работающих получают меньше 10 тыс. рублей. Как вы при таких показателях в 7 раз увеличите среднюю заработную плату за 10 лет? Наверное, только за счет того, что волевым решением поднимете раз в десять зарплату топ-менеджеров в госкорпорациях. За счет роста производительности труда зарплата в 7 раз не вырастет! Или опустите курс доллара».

Получается, что государство фактически отстранилось от регулирования этой сферы. Не хочу обидеть пенсионеров, но вот вопрос: кто у нас сегодня самый бедный в стране? Работающие и дети. Минимальная заработная плата — тот минимум, который государство гарантирует работающему, — 4300 рублей. Часто, когда я выступаю, меня упрекают: вы хотите «отнять и поделить», а надо людям дать не рыбу, а удочку. Я отвечаю: какой смысл в удочке, если в водоеме нет рыбы?

В Европе минимальная зарплата составляет 1 тыс. евро — в 10 раз больше, чем у нас. Это в среднем, а, например, в Люксембурге — 1600 евро. В России сегодня работающий человек, особенно если у него семья с маленьким ребенком, — бедный. На днях Росстат опубликовал данные: бедность, оказывается, снизилась с 13,4 до 13,1 %. Эти цифры выглядят вполне прилично на международном фоне, в Европе бедность составляет 12–13 %. Но в европейских государствах бедные — это те, чей доход не превышает 60 % среднего по стране. Если у нас подсчитать по этой методике, то наша бедность превысит 30%! Однако главный парадокс в том, что у нас относительная бедность (если измерять ее по европейской методике) все время растет, и чем богаче регион, тем она выше. Больше всего бедных в Москве. Как это получается? В Москве средние доходы составляют 41 тыс. рублей. 60 % — это почти 25 тыс. рублей; таков уровень бедности для Москвы. В то же время прожиточный минимум — 8 тыс. рублей, то есть в 3 раза ниже уровня бедности.

А что такое вообще «прожиточный минимум»? Это некие нормативы, утвержденные в тиши кабинетов и помноженные на региональные дефляторы. Оказывается, норма хлеба в сегодняшнем прожиточном минимуме в три раза меньше, чем в пайке немецкого военнопленного в блокадном Ленинграде, а нормы мяса и рыбы — в 1,5–2 раза меньше! И это в государстве, самом богатым на ресурсы. Нонсенс!

Итак, работающие составляют основу бедных, дальше идут дети. Более 60 % семей с 3 детьми относятся

к бедным (при зарплате в 13 тыс. рублей содержать троих детей можно только в глубокой бедности). О каком решении демографической проблемы можно говорить в таких условиях?

Вывод: в России сегодня основная проблема — не дефицит ресурсов, а их распределение, точнее, неравенство в распределении тех ресурсов, которые идут на воспроизводство человеческого капитала. Ни в одной прогнозной правительственной разработке вы не найдете показателей бедности и социального неравенства. Они игнорируются, в то время как в реальности все время растут. Сегодня этими проблемами озабочился весь мир. Почему? Потому что неравенство — это не только «вкусное ощущение» или категория справедливости. В конце концов, абсолютного равенства быть не может. Например, в США довольно сильное неравенство, но там неравенство богатых; в Скандинавских странах все по-другому. Однако мировые исследования показывают, что социальное неравенство непосредственно влияет на демографический и экономический рост.

Децильный коэффициент не дает возможности четко выявить эти закономерности, потому что, как я уже сказал, может быть неравенство богатых, как в США, а может быть неравенство бедных. Но когда мы разделили неравенство на структурные компоненты и стали определять зависимость, то получили четкие статистические связи избыточного, как мы называем, неравенства и бедности с демографией и экономическим ростом. Для России это неравенство (опять же в децильных коэффициентах) не должно превышать 7–10, а не 16, как сегодня в среднем по стране, и тем более не 42, как в Москве. Однако неравенство будет продолжать расти, и не только в Москве, но и во всей стране, если мы не примем мер.

У нас ничего не говорится о реформировании распределительных отношений, чтобы сделать более равномерным распределение ресурсов, которые требуются на воспроизводство человеческого капитала. При этом сегодня 30 % (в частности, по оценке Российской экономической школы) всех доходов получают 0,7 % населения. Треть всех доходов получают меньше процента населения! Как при таком распределении ресурсов можно обеспечить равный доступ к элементарным благам при условии, что государство все отдает на откуп рынку? Как большинство населения может добиться более или менее комфортных условий жизни?

Мы провели исследования, которые показали, что более 50 % российских граждан находятся в условиях, когда они не могут полноценно реализовывать свои предпочтения — в экономике, образовании, поддержании здоровья. Мы можем создать, условно говоря, «нацпром» и дать людям задание рожать много детей, но из этого ничего не получится. Надо, чтобы все население жило комфортно. Мы же все делаем с точностью до наоборот.

Не могу не сказать и о налоговой системе. Сегодня в мире 226 государств. В 15 из них доходы физических лиц налогами не облагаются; в 30, в том числе в странах Балтии, — плоская шкала налогообложения; более 160 имеют прогрессивную шкалу — в том числе все развитые страны. И только в России регрессивная шкала. Нам говорят, что у нас плоская шкала, но это об-

ман, потому что по плоской шкале облагается зарплата, в то время как весь мир давно собирает налоги не с зарплаты, а с доходов. В России у 20 % самых богатых людей в структуре доходов зарплата составляет менее 10 %. Остальные доходы — более 90 % — облагаются по-другому: если это дивиденды, то надо заплатить 9 %; если предпринимательский налог — 6 %, если банковские проценты, то еще меньше. 13 % платят только те, кто сдает свою собственность в эксплуатацию. Но при этом никаких ЕСН, а в будущем — никаких страховых взносов. Мы подсчитали, какова реальная налоговая нагрузка на разные группы населения — по Москве получилась трехкратная разница. Вот реалии нашей как бы плоской шкалы.

Я давно говорю о том, что даже апологеты рынка не знают азов теории рынка. Еще в 1970-е годы американские ученые доказали, что рынок, не ограниченный прогрессивными налогами на различные доходы, налогами на наследство и имущество, ведет к абсолютному обнищанию всего населения и обогащению очень узкой группы, что у нас «успешно» реализуется. Однако когда у нас ввели такую систему налогообложения, то некоторое время говорили, что весь мир должен брать с нас пример. Я думаю, что особенно пенсионеры всего мира были бы счастливы жить так, как наши пенсионеры. Теперь аргументы изменились: если ввести прогрессивную шкалу, то собираемость снизится, люди будут уклоняться от уплаты налогов. Это говорит о том, что у нас государство на самом деле расписывается в своей беспомощности и подстраивается под ту систему, которую создало, когда распределительные отношения работают в пользу богатых.

Несколько слов о демографии. Кроме неравенства, которое, как я сказал, является системным фактором, есть и другие причины этой проблемы: идеологические, психологические и т. д. Мы могли бы добиться положительного показателя рождаемости населения, если бы раньше, хотя бы в начале 1990-х, выявили взаимосвязи между этими факторами и репродуктивным поведением граждан и сократили неравенство до приемлемых цифр, которые я приводил. Кроме того, острой проблемой остается огромное количество абортот. Я поручил нашим специалистам выяснить, по каким причинам женщины делают абортот. Оказалось, что 70 % — из-за жилищной неустроенности и материальных трудностей. Главврач Свердловской области подтвердил: по его данным, 69 % абортот делаются именно по этой причине. Но 69 % — это примерно такое количество населения, какого нам не хватает, чтобы хотя бы прекратилась депопуляция.

Жилищная проблема в России остро стоит уже много десятилетий. Как ее решать? Здесь мы опять бросаемся в крайность. В начале реформ говорили, что все должны стать предпринимателями, теперь все должны быть собственниками жилья. Но нигде в мире такого нет, потому что это препятствует трудовой мобильности. Человек не может найти работу в другом городе и переехать туда с семьей, потому что если его привязали ипотекой, то он боится потерять работу, которую имеет. Но главное в другом: никакая ипотечная или сберегательная схема для 80 % населения практически недоступна. Мы провели исследование, чтобы узнать, как доходы людей корреспондируют со стоимостью

вожде ленных метров. Есть объективный показатель — коэффициент доступности жилья. Он показывает, сколько времени требуется, чтобы семья из трех человек откладывала все свои доходы на покупку стандартной квартиры. У нас этот стандарт равен 54 кв. м, в Европе — почти 100. Приемлемым считается срок 3 года, но у нас практически везде этот коэффициент составляет 10 лет — по нашим стандартам. В Европе с их стандартами — 3 года. В Москве еще интереснее: жилье по европейским стандартам доступно только 15 % населения с высокими доходами, а для низкодоходной группы, например, доступность по нашим стандартам — 80 лет, а по европейским — 160.

В. Г. ДЕРБИН: — Алексей Юрьевич, скажите, пожалуйста, почему Вы не поддерживаете тезис профсоюзов, что в России должно быть министерство труда, которое профессионально занималось бы трудовыми отношениями? Как Вы считаете, почему правительство упорно не хочет создать такое министерство?

А. Ю. ШЕВЯКОВ: — Потому что правительство не заинтересовано в решении проблем, о которых я говорил. Если бы оно было заинтересовано, то проводился бы соответствующий мониторинг социальных проблем. Складывается впечатление, что просто не хотят: говоришь-говоришь — и все мимо. Я уже и на телевизионных выступлениях, хотя это отнимает массу времени. Года 3 назад я делал сообщение в Госдуме, говорил, что надо менять распределительные отношения, а мои оппоненты со стеклянными глазами отвечали: «Мы обещали народу!» Спрашиваю: «Какому народу? 85 % народа страдает от этого». — «Мы обещали не менять правила игры». Я обращался и в правительство, у меня даже есть официальные ответы из пяти министерств.

В. Г. ДЕРБИН: — А почему правительство не заинтересовано? Кто фактически страной управляет? Судя по Вашей информации, не правительство, а кто-то другой.

А. Ю. ШЕВЯКОВ: — Я отвечу дипломатично. Недавно академик Полтерович сделал доклад об опыте реформ в различных странах — бывших советских республиках, странах Восточной Европы, Латинской Америки и т. д. Вывод неутешительный: практически везде реформы оказались unsuccessful, нигде нет положительного опыта. После выступления академика началась дискуссия: как, почему? Я задал единственный вопрос: а кто сказал, что реформаторы преследовали именно те цели, которые вы им приписываете? Вот и все.

Что касается профсоюзов, то мы считаем, что именно профсоюзы должны стать проводником знания, которое генерируется у нас в институте. Почему, скажем, в социальном неравенстве Запад вышел на некоторое оптимальное соотношение? Да потому что был Советский Союз, он их вынуждал это делать. А кто у нас в стране сегодня является носителем долговременных социально-экономических интересов? Таких людей или групп населения нет. Поэтому только профсоюзы могут что-то сделать. Ведь у нас такая система страхования и ЕСН, что получается парадокс — работающий человек со средним достатком фактически платит за здравоохранение для богатых. Это же нонсенс! А когда начался

экономический кризис, слышались лихие возгласы: давайте дивиденды освободим от налогов.

В. Г. ДЕРБИН: — И еще хочу обратиться к молодежи. Без вашей поддержки ни профсоюзам, ни кому-либо другому эти проблемы не решить, а этим надо заниматься уже безотлагательно.

А. П. ФЕДОРОВ¹: — Наше государство, точнее правящий класс, живет совершенно в другой стране. И в парламенте они представляют не 80, а тот 1 %, о котором Вы, Алексей Юрьевич, говорили. Когда профсоюз выходит на демонстрацию вместе с «Единой Россией», у меня это вызывает удивление. Потому что именно «Единая Россия» проводит эту политику, против которой выступают профсоюзы. Объективно говоря, хорошая власть или плохая — она живет в другом мире. То же самое можно сказать и о депутатах (в первую очередь из «Единой России»), поэтому они объективно не в состоянии до конца осознать проблему.

А. Ю. ШЕВЯКОВ: — Хочу привести интересный пример, касающийся культуры. Когда в США разразился кризис, Обама раздал банкам деньги, и у них тут же был принят закон, что бонусы облагаются 90-процентным налогом. В Германии 44 мультимиллионера написали письмо Меркель с просьбой на 5 % увеличить их подоходный налог, чтобы помочь Германии. А ведь они платят 45 % со своих доходов. Вот вам и культура, и гражданское общество.

— Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к выступлению Путина, в котором он сказал, что мы прекрасно живем: примерно 40 % ВВП идет в фонд заработной платы. Это преднамеренно делается или по незнанию? (*вопрос из зала*)

А. Ю. ШЕВЯКОВ: — Это очень интересный феномен, я им тоже озадачился, потому что известно, что зарплата у нас в последние годы составляла 23–25 % ВВП.

В. Г. ДЕРБИН: — Выше никогда не поднималась.

А. Ю. ШЕВЯКОВ: — Да, никогда. Много было разговоров о том, что людям недоплачивают, и т. д. И вдруг мы вышли на уровень Европы — 40 % (хотя в некоторых европейских странах этот показатель доходит и до 60 %). Честно говоря, вы знаете, для меня это вопрос. Разве у нас выросла зарплата? Нет. Я думаю, что новые цифры связаны со сменой руководства Росстата. Надо бы им задать этот вопрос. Это очень интересно, потому что такой скачок за один или два года сделать практически невозможно, тем более мы его и не видим. Это могло бы произойти только в одном случае — резкого повышения производительности труда.

Но производительность труда у нас в 4 раза ниже, чем в Европе и США, — мы живем за счет природных ресурсов. На одном круглом столе я предложил: назовите мне хотя бы одного олигарха или мультимиллионера, который бы получил свои миллионы за счет

¹ Заместитель заведующего кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, кандидат технических наук, доцент.

высокой производительности труда, изобретения нового продукта и т. д.? Знаете? Нет? Я знаю одного. Единственный человек, замеченный в этом, — Владимир Гусинский. Он создал НТВ — действительно новый продукт. В среднем бизнесе такие предприятия есть, но в общем неправильная приватизация начала 1990-х отбрасывает тень на весь бизнес, и он чувствует себя некомфортно. Напряжение в обществе с большой разницей потенциалов вредно для всех, но не все готовы это осознать.

В. Г. ДЕРБИН: — Уважаемые коллеги, продолжим нашу работу. Я хочу предоставить слово Марии Михайловне Артюхиной. Пожалуйста.

М. М. АРТЮХИНА¹: — Я хотела бы поделиться впечатлениями о происходящем. Выступление директора Института социально-экономических проблем народонаселения коррелирует с позицией профсоюзов — наверное, поэтому оно вызвало столь горячий отклик. Наш ежемесячный анализ социально-экономического положения трудящихся совпадает с тем, который был предложен Институтом социально-экономических проблем. Это говорит о том, что сегмент гражданского общества — профсоюзы и научные круги (по крайней мере, их часть) — имеют единую точку зрения на положение трудящихся сегодня в России.

Вчера мы с Дмитрием Владимировичем Лобоком присутствовали на пленарном заседании и обменялись мнениями по поводу того, что явилось основой всех выступлений при обсуждении проблем глобализации. Это мысль о том, что глобализация не может происходить одновременно во всех областях. Все идет к некому единству, тем не менее представитель Индии высказал основополагающую мысль о единстве многообразия. Мы не можем и не должны стремиться к единой культуре и единой нации.

Как это отражается на работе профсоюзов? Уже более 10 лет деятельность профсоюзов как на международном уровне, так и на уровне субъектов Федерации меняется в процессе глобализации экономики, приобретает какие-то новые краски. Вчера Михаил Викторович Шмаков говорил о том, что профсоюзы как представители работников должны были искать новые пути решения своих проблем. Предприятия преобразуются в транснациональные корпорации, а что делать профсоюзам? Поэтому теперь у профсоюзов — и на уровне Европы, и на уровне России, и на уровне субъекта Федерации — все подчинено одной цели — добиться справедливой глобализации, если это вообще возможно. В нашем субъекте Федерации уже принята программа обеспечения работников достойным трудом, учитывая, что у каждого человека свое представление о «достойности» работы.

И второй основополагающий момент — то, что сегодня существуют два глобальных мира: мир богатых и мир бедных. И каждый мир пытается обсудить какую-то единую проблему. Возможны ли справедливые отношения между этими глобальными мирами? Возможно ли вообще их единение? Ведь даже в самой богатой де-

цильной группе есть свое неравенство: один супермиллиардер, а второй только миллионер, и т. д. И, наверное, все наши дальнейшие обсуждения будут вестись вокруг этих двух проблем: а) что такое единство многообразия и как его достичь; б) возможна ли единая культура, единые взгляды, какая-то единая деятельность при партнерстве глобального мира богатых и глобального мира бедных?

Еще несколько моментов. Выступление Юрика Вартановича Арутюняна не касалось профсоюзной деятельности, тем не менее оно навеяло некоторые мысли, которыми мне хочется поделиться. Была высказана мысль, что в едином мире оптимально создание единого самосознания. А самосознание должно воспитываться, оно не может родиться само. И воспитание самосознания — это единственный путь к самосохранению. По-моему, для профсоюзов это одна из больших тем для обсуждения их внутрисоюзной организационной работы — сознание: что мы должны сделать, чтобы нас вместе с Институтом социально-экономических проблем народонаселения услышали? Для того чтобы наши взгляды, идеология, мысли, которые мы считаем правильными, трансформировались и были приняты на каком-то другом уровне.

Еще на некоторых вопросах мне хотелось бы остановиться. Мы работаем с Институтом социально-экономических проблем уже давно; наверное, будем и в дальнейшем сотрудничать. Здесь обсуждалась проблема оценки уровня бедности: что это такое, каковы критерии прожиточного минимума. Но мне хотелось бы сказать, что профсоюзы небезучастно к этому относились всегда. И хотя все законы сегодня выходят не в пользу ни работников, ни их представителей, но мы даже законом допущены к формированию некоего проекта закона о составе потребительской корзины, который необходим для подсчета прожиточного минимума. Так вот смею доложить высокочтимой публике о том, насколько нам, маленькому сегменту гражданского общества, трудно приходится при формировании и высказывании своей точки зрения по поводу того, какой должен быть прожиточный минимум сегодня, например, в Санкт-Петербурге, как определить черту бедности. И наша оценка сделана уже неоднократно и в количественном и качественном измерении. Безусловно, вы правы, говоря о том, что 4300 рублей нельзя считать ни прожиточным минимумом, ни чертой бедности для россиянина. По оценке, сделанной профсоюзами, черта бедности в 3–4 раза превышает прожиточный минимум. Я хотела бы сосредоточиться только на одном: как идут переговоры. Когда мы, как представители работников, вышли со своей точкой зрения, что в составе потребительской корзины, кроме хлеба и овощей, должно быть радио (и соответственно деньги на его оплату), депутаты нас не поняли. Мы пытались донести до их сознания, что радио — это не только для того, чтобы человек получал информацию. Радио — это элементарное требование гражданской обороны! Если не будет электричества, то сообщить, например, об экологической катастрофе (не дай бог) или еще о чем-то подобном можно будет только по радио! Но, к сожалению, финансовые возможности, которыми якобы располагают органы власти, приводят к тому, что мы даже по таким минимальным благам дискутируем не по одному

¹ Начальник Управления социального партнерства Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области», заслуженный экономист РФ.

дно: нужно ли человеку в настоящее время в квартире радио, чтобы его оплачивать. Это просто маленький пример, чтобы показать: профсоюзы пытаются сделать все возможное, но, к сожалению, мы не всегда бываем услышаны.

И последнее, о чем хотелось бы сказать, — о проблеме рынка труда. Владимир Георгиевич Дербин уже высказался по поводу обсуждаемого проекта закона о привлечении миграционной рабочей силы. Я полностью поддерживаю многих выступающих в том, что в миграционной политике, наверное, не может быть какого-то единства, у каждого всегда будет своя точка зрения. Но все равно нужно приходить к какому-то единому видению. Мы часто и по разным поводам сравниваем себя с Европой. Но меня в последнее время озадачила информация, что в одном из европейских государств запретили паранджу. Это европейское цивилизованное государство, которое законодательно принимает такое решение. Что бы это значило для тех людей, которые мигрировали на территорию данного государства? Насколько это нарушает их права и свободы? Вероятно, они там трудятся, они приехали со своей культурой. Это одна сторона медали. А другая сторона (и здесь я согласна с Владимиром Георгиевичем): привлечение миграционной рабочей силы должно происходить цивилизованно, все работники — и мигранты, и российские рабочие — должны иметь единые трудовые права и возможности, а также единые обязательства.

А. П. ФЕДОРОВ: — По поводу паранджи, конечно, вопрос сложный. Но если бы в европейское государство приехали представители племени каннибалов со своими обычаями? Тут нельзя судить поверхностно.

Теперь о позиции профсоюзов. Вы несколько раз употребили словосочетания: «чтобы нас услышали», «мы допущены». Получается, что профсоюзы — это такой маленький ребенок, которого допустили к столу, разрешили включиться в беседу взрослых. А не допустили — что делать... Понимаете, мне кажется, что одно из основных заблуждений профсоюзов в том, что социальное партнерство — это панацея. Социальное партнерство — это всего лишь инструмент. На первом месте должны быть интересы работника, а социальное партнерство — на втором. Вот, например, Михаил Прохоров сказал, что надо расширить возможности работодателя в части увольнения работников. Он не думает о социальном партнерстве — ему это и в голову не приходит. У него другие проблемы. А профсоюзы пытаются угодить и тем, и этим. Поэтому мне кажется, что профсоюзы все-таки должны действительно быть защитниками трудящихся, а не ходатаями. Спасибо.

В. Г. ДЕРБИН: — Вот когда будет закон, что профсоюзы — защитники *членов профсоюза*, тогда ситуация кардинально изменится. А сегодня, к сожалению, профсоюзы — защитники трудящихся, а нахлебников и смотрящих с дивана на происходящие события сегодня в 10 раз больше, чем людей, которые являются членами профсоюза.

М. М. АРТЮХИНА: — Если можно, я отвечу на два принципиальных вопроса. Первый касается законодательства о деятельности профсоюзов в между-

народной практике. Везде в мире это дискуссионный вопрос: нужен ли закон о деятельности профсоюзов на территории государства? Голоса делятся поровну: половина экспертов говорит о том, что если существует какой-либо закон, то он, безусловно, ограничивает права. Поэтому закон о профсоюзах и об их деятельности на территории государства не нужен. А другая половина экспертов настаивает на том, что такой закон нужен, потому что если не будет этого закона, то реализовать основополагающие принципы в сфере труда по свободе объединений будет достаточно трудно.

Сегодня можно констатировать: на территории Российской Федерации уже есть такой закон, который регламентирует определенные права на деятельность профсоюзов, и выйти за рамки данного закона мы можем либо за счет его изменения (что мы и пытаемся делать — выходим с предложениями о внесении изменений в данный закон), либо еще какими-то действиями, но уже в рамках существующих позиций в этом законе.

В. Г. ДЕРБИН: — Мария Михайловна, а вот чтобы, например, объявить забастовку, надо известить об этом минимум за 42 дня до начала ее реализации. А через 42 дня тема изменяется кардинально. Так что сегодня Россию нельзя назвать демократическим государством. Отсюда возникают и проблемы. Ведь ни «старые», ни новые профсоюзы не могут ничего сделать только по этой причине: мы сильно ограничены в возможностях. Более того, у нас в Санкт-Петербурге есть закон, который говорит, что если вы будете бастовать или митинги проводить — вот вам 5 мест в закоулках. И самое лучшее, близкое к центру города место для акций — на Пионерской площади у ТЮЗа.

М. М. АРТЮХИНА: — И нарушить этот закон мы не можем. Что касается направлений деятельности Федерации профсоюзов, то их три и они известны. Эти направления равноправны, ни одно из них не имеет первенства: партнерство, коллективные действия, правовая защита. Но, поскольку мы миролюбивые люди, приоритеты определяются естественно: сначала мы стремимся вести переговоры, достигать согласия. Если же согласия достичь не удастся, то действуем по-другому. Две недели назад мы никак не могли договориться с органами исполнительной власти о детском отдыхе. Но 30 апреля в пять часов вечера, во время последних переговоров, органы исполнительной власти сдали свои позиции, и 1 Мая мы выходили с несколько другими лозунгами.

В. Г. ДЕРБИН: — Да, к 1 Мая мы приготовили черные шары, все плакаты на черном фоне, отменили музыку и так далее, поскольку не было соглашения по детскому отдыху. Но буквально за сутки все поменяли.

— Мария Михайловна, я хотел бы поддержать ваш тезис: в русском языке столько слов, зачем же хвататься за пистолеты? Это правильно. Но все-таки ответьте на вопрос: вы против запрета паранджи во Франции или нет? Это профессиональный интерес. (*вопрос из зала*)

В. Г. ДЕРБИН: — Это очень серьезный вопрос, он скоро коснется и России.

М. М. АРТЮХИНА: — У меня нет однозначной точки зрения по этому вопросу. Во-первых, давайте вспомним старую истину: нельзя ходить в чужой монастырь со своим уставом. Если тыходишь инородным телом в чужую культуру, то должен придерживаться определенных правил. Но и другую позицию я не могу отвергнуть: единство многообразия. Если мы будем стремиться все привести к единому знаменателю, то получится нарушение определенных прав и свобод.

В. Г. ДЕРБИН: — Спасибо. Я хочу только дополнить, что Мария Михайловна — заслуженный экономист Российской Федерации. Слово предоставляется Дмитрию Владимировичу Лобок.

Д. В. ЛОБОК¹: — Так как мы участвуем в конференции имени Д. С. Лихачева, напомним, что русская интеллигенция всегда задавалась двумя вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?» Сегодня мы с интересом выясняли, кто виноват, потом подошли к главному вопросу — что делать?

В связи с этим хочется вспомнить очень хороший старый фильм по произведениям Михаила Булгакова — «Бег». Казачий генерал Чернота в Париже приходит к бывшему товарищу министра торговли белого Крыма Парамону, который сбежал из России, прихватив свои миллионы, и просит денег, чтобы помочь бывшей жене Парамона. На что тот отвечает: «Всекие разговоры о какой-то якобы имеющейся у меня жене мне неприятны». Его не интересует ни белое движение, ни Россия — я себе капитал набрал, у меня все хорошо.

Это очень напоминает некоторых нынешних олигархов. У меня все есть, а что в России происходит, меня не беспокоит. Интересно, как генерал Чернота отвечает Парамону: «Грешный я человек, нарочно бы к большевикам записался, только чтоб тебя расстрелять. Расстрелял бы и мгновенно обратно выписался».

А что сегодня делать с такими, как булгаковский Парамон? Я понимаю, что профсоюз — не та организация, которая схватится за маузер. Хотя в истории есть примеры защиты прав рабочих с помощью оружия. На одной из ежегодных конференций «Роль профсоюзов в становлении гражданского общества в России» представитель Института истории РАН привел интересный факт. Февраль 1917 года, царя свергли, большевики к власти еще не пришли, но возникла рабочая гвардия. И первое, что они сделали в Петрограде, — учредили 8-часовой рабочий день. Никакой закон это не регулировал, но когда владелец предприятия обращался к рабочим: «Ну, как работать!», они отвечали: «У нас 8-часовой рабочий день! Вот тут у нас рабочая милиция стоит с оружием, сейчас разберемся».

Я понимаю, что это было возможно только в условиях жесткого классового противостояния, но сегодня чем сильнее и влиятельнее будут профсоюзы в обществе, тем больше с ними будут считаться. И тогда трудящиеся получают реальный шанс изменить не только социально-трудовое законодательство, но и жизнь населения России. За последние годы стало понятно, что единственный гражданский институт в современном обще-

стве, от которого действительно зависит национальная независимость России, — это профсоюзы. Только они по-настоящему кровно заинтересованы в росте и стабильности российской экономики. Давайте не забывать, что профсоюз, прежде всего, — это организация высококвалифицированных специалистов. СМИ пытаются представить профсоюзы организацией прошлого века, члены которой не хотят работать — им только денег подавай. В действительности же она объединяет профессионалов — именно эти люди хотят работать и получать достойную заработную плату, жить в стабильном обществе, что в конечном счете может обеспечить процветание России.

Но, к сожалению, мы утратили профсоюзную идеологию. В условиях глобализации мы входим в мировой рынок, но надо понимать, с чем мы входим, с какой идеологией. Каково сегодня национальное самосознание русских трудящихся?

Несколько лет назад мне довелось услышать рассказ председателя вологодского объединения профсоюзов, который был шокирован поведением людей. Президент Ельцин приезжает в Вологду. Для встречи с ним собрались бюджетники, которые хотели сказать президенту, что все гибнет, надо спасать образование, медицину и т. д. Президент выходит на крыльцо, народ стоит с плакатами. Ельцин опытный политик, он идет в толпу, которую тогда не отгораживали от высоких чиновников, как сейчас. Спрашивает: «Ну что, плохо живете?» — «Плохо». — «А я вам скажу: реформы продолжаются, будет еще хуже». И пошел. Реакция членов профсоюза: «Ура!!!» К ним подбегает председатель Федерации: «Вы что!?! Какое “ура”?! Он же сказал, что будет еще хуже!» — «Но ведь он Президент! Он хоть что-то нам сказал».

Это что, российский менталитет? Я уверен, что ни в одной европейской стране руководителю не позволят так себя вести. Но у нас президент — как бы царь-батюшка, снизошедший до нас. И я думаю, что, входя в глобальный рынок и взаимодействуя с транснациональными корпорациями, которые устанавливают свои правила игры в социально-трудовой сфере, мы позволяем им пользоваться этими особенностями нашего менталитета. Не знаю, сформировался ли он в советские времена или это именно наша национальная особенность.

Когда мы говорим об изменениях, которым подвергается сегодня профсоюзное движение, об его укреплении, то мы должны иметь в виду не только организационные или законодательные изменения. Надо изменять прежде всего самих себя, членов профсоюза. И отчетливо понимать, какой сегодня должна быть профсоюзная идеология, с чем мы идем к людям. Тогда легче будет дать отпор и национальному капиталу, который сейчас выходит на транснациональный уровень, и глобальному капиталу, который приходит в нашу экономику. Мы уже вошли в глобальную экономику, а там другие правила игры. Любой транснациональной корпорации все равно, какая экономика будет в России. Им важно, что это регион, из которого можно выкачивать деньги. В 1996 году, когда только создавалась единая Европа, я присутствовал на одной международной конференции, где представители французских профсоюзов жестко выступали против Маастрихтских соглашений.

¹ Заведующий лабораторией по анализу и прогнозу профсоюзного движения СПбГУП, доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат исторических наук.

Они говорили, что это приведет к разрушению трудового законодательства в Европе, разрушит сложившиеся социально-трудовые отношения. Они говорили, что Европа теперь уже не будет такой, какой она была в XX веке. Будут регионы, куда выгодно вкладывать деньги, и там будет развиваться экономика, будут создаваться рабочие места и так далее, — и будут «мертвые» регионы. И действительно, сегодня во Франции такие «мертвые» регионы — Бретань и Нормандия, от туда люди ездят на работу в Париж. Капитал сам решает, как ему развиваться и куда инвестировать капиталы. Мы, русские, тогда были еще далеки от этого, а теперь подобные процессы быстро набирают силу и в России, начиная с изменений в трудовом законодательстве и не только.

А что же правительство? У него все меньше возможностей влиять на положение дел. Эти функции берет на себя капитал. Что в связи с этим может сделать правительство? Оно может только, как тут уже говорили, самоустраниться или распределять те крохи, которые у него остаются. И если мы говорим о глобальном капитале, то его меньше всего интересует, какое образование и здравоохранение будут в России, в каких домах мы будем жить. Они хорошо обеспечат только тех, в ком заинтересованы. Мне довелось дважды побывать на Сахалине. Там благоустроены только поселения газодобытчиков, из них создали островки благополучия. Но это в рамках одной компании, а все, что за ее порогом, даже не Россия, а «Африка». Вымершие, никому не нужные деревни. Однако когда туда прилетел президент, местные олигархи, управляющие экономикой региона, на самолетах прибыли из Лондона его встречать. Он улетел, и они улетели. С британскими экипажами.

О каком сохранении русского этноса или российского населения можно говорить? В данном случае можно констатировать: останутся только те, кто необходим для обслуживания интересов этой кучки людей, называющих себя «элитой». Это огромная проблема. Может, я немного преувеличиваю, но, поездив по России, можно увидеть страшные картины. Единственная сила, которая может этому противостоять, — даже не политические партии (многие из них вообще создавались искусственно), а профсоюзы. Только квалифицированные специалисты, профессионалы, честные и порядочные трудящиеся, действительно заинтересованные в том, чтобы государство продолжало функционировать, чтобы существовала социальная справедливость, чтобы сохранялись их рабочие места и т. п. Возможно, что профсоюзы сегодня — последний и самый надежный рубеж обороны в борьбе за сохранение России.

В. Г. ДЕРБИН: — Спасибо, Дмитрий Владимирович. Вопросы? Пожалуйста.

— Возможно, наш менталитет сформирован еще в предыдущие века — все-таки в следующем году мы будем отмечать только 150 лет с отмены крепостного права? И не кажется ли вам, что применительно к профсоюзам еще достаточно явственно выражен стереотип «приводного ремня», который был в годы советской власти? Может быть, одно связано с другим. (*вопрос из зала*)

В. Г. ДЕРБИН: — О каком «приводном ремне» идет речь? Я, например, как председатель Федерации, не чувствую, что нас кто-то «приводит» — ни государство, ни партии. В советское время мы по закону выполняли государственную функцию социального страхования. Это был не приводной ремень, а частичка государственного механизма. И у меня ощущение, что сегодня рабочий человек не перенастроился. Раньше, когда профсоюзы управляли социальным страхованием, с ними в сознании людей были связаны дополнительные социальные пайки, гарантии и т. д. Сегодня этого нет и многие рассуждают: зачем мне вступать в профсоюз, если дополнительного социального пайка не предоставят?

Сегодня надо вступать в профсоюз, чтобы объединиться, иметь возможность защитить себя, чтобы почувствовать себя свободным. Я всегда говорю и буду говорить, что если на предприятии нет профсоюзной организации, то там по законам экономики формируются отношения между работником и работодателем. А если там есть профсоюзная организация, то заключается коллективный договор, партнерские отношения. Но наши люди еще готовы быть рабами, они при этом комфортно себя чувствуют. Как это рабство преобразовать в партнерство, мы пока не знаем.

Д. В. ЛОБОК: — Конечно, крепостное право наложило свой отпечаток на нашу историю, но это было 150 лет назад. В каждой стране было свое крепостное право — вопрос в том, как из него выходили. Кстати, надо отдать должное нашей истории. Когда у нас в октябре 1905 года был принят царский Манифест, там было прописано дарование свободы слова, союзов, печати. Благодаря чему? Благодаря Всероссийской политической стачке, которую организовали профсоюзы. Именно профсоюзам мы обязаны тем, что вообще шагнули в гражданское общество, сделали первый шаг в этом направлении. Человек, который имеет высокую квалификацию, образование и хорошо зарабатывает, свободен — он идет дальше в своих требованиях. Как раз таких людей и представляют профсоюзы.

Что касается приводного ремня. Когда я был в Вологде, ко мне подошли профсоюзные активисты. Рассказывают: приходим к людям, рядовым работникам предприятия, говорим, вступайте в профсоюз, мы готовы вас защищать и т. д. Они в ответ: мы-то, конечно, вступим, а вы в этом случае готовы обеспечить нас другой работой? Потому что первое, что с нами сделают, — уволят.

Так что дело не в приводном ремне, а в соотношении сил. Соотношение сил нужно изменить, необходимо на равных разговаривать с работодателем, с государством, а это возможно, если мы будем иметь силу — финансовую, организационную. Чем сильнее профсоюзы, тем более они независимы, — это естественно. К этому, кстати, Федерация независимых профсоюзов и стремится все последние 20 лет. Можно поразному к этому относиться, говорить, что медленно идем, не все получается, но очень много приходится менять на ходу.

В. Г. ДЕРБИН: — Спасибо, Дмитрий Владимирович.

— У меня сложилось впечатление, что профсоюзы привыкли вести диалог с государством, а не с работодателем. И если им приходится разговаривать с работодателем, то они это делают опять же через государство. Апеллируя, скажем так, к государству. Так ли это? (*вопрос из зала*)

В. Г. ДЕРБИН: — Я могу привести пример Санкт-Петербурга. На сегодняшний день Союз промышленников и работодателей и в Санкт-Петербурге, и в Ленинградской области сильно изменился. Если у нас по трехстороннему соглашению все прошлые годы были проблемы с администрацией, то в этом году проблема была с работодателями, чтобы подписать соглашение о минимальной заработной плате. Администрация согласилась, а работодатели ни в какую. И нам пришлось месяца 2–3 работать, приводить различные аргументы, а то и другие приемы применять...

— Напрямую разговаривали или через администрацию? (*вопрос из зала*)

В. Г. ДЕРБИН: — Напрямую, конечно. Вообще работодатели с нами контактируют нормально. По вопросу детского отдыха мы с работодателями были вместе, а администрация была категорически против, и, естественно, мы работали сообща. Так что в переговорном процессе у нас уже есть профессионализм. Мы, например, считаем, что сегодня профсоюзная группа трехстороннего соглашения в плане аргументации по любому вопросу на порядок выше остальных, даже администрации. Работодатели начали чувствовать, что отстают, и начинают работать над этим. Но поскольку у нас нет закона о партнерстве, то трехстороннее соглашение, которое мы подписываем, — добровольное для исполнения. Единственное соглашение, которое обязательно для всех, кроме федеральных структур, — о минимальной заработной плате.

Д. В. ЛОБОК: — Дело в том, что союзы работодателей сформировались в последние годы, а профсоюзы к нам «перешли по наследству», то есть у нас более богатый опыт работы. И между собой работодатели не всегда могут договориться.

В. Г. ДЕРБИН: — У них две организации в одном лице. Вот Анатолий Александрович Турчак представляет две организации: с одной стороны, они защищают сами себя, с другой — являются партнерами в переговорах регионального уровня.

Д. В. ЛОБОК: — Как-то у нас был диалог с менеджерами Сибирской угольной компании, и они спросили, сколько западные союзы работодателей тратят на «борьбу» с профсоюзами. Мы ответили, что иногда до 5 % годовой прибыли могут переводить в антизабастовочные фонды. Была интересная реакция: «О, так нам легче договариваться, чем терять такие деньги!» То есть бизнес всегда считает деньги. Но какой вывод? Чем сильнее, влиятельнее профсоюз, тем меньше хочется воевать с ним, и работодатели идут на переговоры. Недаром шведские профсоюзы говорят: мы предлагаем работодателям социальный мир, гарантируем, что они полу-

чат квалифицированную рабочую силу и отсутствие забастовок, но пусть они в ответ гарантируют нам исполнение коллективных соглашений. Повторяю: чем сильнее профсоюз, тем легче договариваться с работодателем.

М. А. БЕНДЮКОВ: — Вы так много говорите о силе, что у меня сложилось впечатление, будто мы оказались в начале XX века, когда только сила и имела значение. Но ведь еще в 1930-е годы Антонио Грамши писал, что власть — это сила плюс согласие. Капиталисты взяли на вооружение эту формулу, поэтому сегодня так велика роль того, что называется *soft power*, — так называемая «мягкая сила», с помощью которой управляется общество.

Люди недооценивают роль профсоюзов, потому что у них недостаточно информации. Я полюбозыствовал, какие средства массовой информации выпускают профсоюзы, и обнаружил, что ФНПР издает замечательную газету «Солидарность». Но, простите, любая бесплатная газета печатается в количестве экземпляров, в сотни раз превышающем общероссийскую профсоюзную газету. Получается, что силы нет, потому что нет информационного потока. Я вижу, что профсоюзы заинтересованы в развитии информационной работы, но у меня складывается впечатление, что современные техники управления массовым сознанием совершенно не используются.

В. Г. ДЕРБИН: — Во-первых, информационная политика — очень дорогое удовольствие. Тем не менее профсоюзы в Санкт-Петербурге выпускают еженедельную газету «Площадь труда», издают свой журнал. Заключены прямые договоры с тремя радиоканалами, еженедельно по телевидению идет программа, которую делает наша съёмочная группа.

Что дальше? Приведу только один пример — с газетой. Мы создали нашу «Площадь труда» и хотели выйти на рынок, продавать газету. Для этого надо доказать, что у нас газета социальной направленности, и получить разрешение от администрации. Мы три месяца этого добивались, в конце концов после резких переговоров с губернатором нам дали справку: да, газета социальной направленности. Дальше пытаемся попасть в киоски. В розничной торговле печатью у нас работают три фирмы — фактически монополизм. Так вот, чтобы попасть в киоски, нужно заплатить 1 млн 200 тыс. рублей за подписание соглашения. Допустим, наша газета стоит 6 рублей — продавцы автоматически пишут «12» и кладут ее под прилавок. А чтобы ее положили на прилавок, надо заплатить еще столько же. А чтобы на видное место...

Вот такая монопольная ситуация в Санкт-Петербурге и, наверное, по всей России, и не преодолеть ее. Это что касается розницы. Так что здесь один из факторов — финансирование, точнее, его недостаток.

Но, с другой стороны, что нужно молодежи? Молодые люди говорят: мы воспитаны на агрессивной рекламе. Если вы вместо шампуней будете каждый день агрессивно рекламировать профсоюз, то я стану членом профсоюза, а шампунь покупать не буду. Но на агрессивную рекламу нужны гигантские средства, которых пока нет.

М. А. БЕНДЮКОВ: — Создавайте информационные поводы — основу пиара. Если бы раз в неделю создавался некий информационный повод, который был бы достаточно ярким, чтобы о нем писали коммерческие газеты...

В. Г. ДЕРБИН: — К сожалению, настоящий информационный повод может быть только криминальным. Все остальное публике не очень интересно. Хотя я должен признать, что ситуация в Петербурге меняется. Например, телеканал «СТО» в последнее время стал динамично с нами работать. Если происходит какое-то событие, я могу обзвонить 10 каналов, но только канал «СТО» моментально отреагирует, придет с камерой. А другие проигнорируют, в том числе и «Пятый канал».

М. А. БЕНДЮКОВ: — Представленность в Интернете стоит значительно дешевле, но охватывает наиболее динамичную часть населения.

В. Г. ДЕРБИН: — Согласен, в Интернете мы представлены слабо.

Д. В. ЛОБОК: — Лев Троцкий в свое время сказал, что у политиков может быть только один вид плохой рекламы — это некролог. Вот чему надо учиться.

В. И. ПИЛИПЕНКО¹: — Уважаемые коллеги, когда в 2002 году реформировалось трудовое законодательство, шел жесткий разговор, профсоюз обращался в МОТ — Международную организацию труда. Два или три проекта были представлены правительству, и там, в этом новом трудовом законодательстве XXI века, уже не был упомянут 8-часовой рабочий день. Только благодаря тому, что существует международная организация профсоюзов, нам удалось отстоять 8-часовой рабочий день. И сегодня мы опять считаем, что 8-часовой рабочий день — это незыблемо и будет всегда, и что вся профсоюзная борьба закончится на нашем поколении.

Однако молодому поколению придется гораздо больше бороться за свои права. У меня есть дети и внуки, и мне стыдно оставлять им в наследство то государство, которое мы построили. Мы утратили почти все социальные завоевания, но нам еще есть что терять. Сегодня мы теряем детское лето. Несмотря на то что нам пообещали финансирование, у нас нет механизма, чтобы организовать летний отдых для детей в этом году. Начальники детских оздоровительных лагерей говорят, что если в этом году они не откроют лагерь, то больше не откроют никогда.

Что касается взаимоотношений между администрацией, профсоюзами и работодателями, то есть международная практика, называемая системой бипартизма. В теории профсоюзного движения профсоюз и работодатель идут рука об руку, это как бы две силы против администрации. Так построено во всем мире. Иногда бывают временные разногласия, если не удастся договориться, но в основном это так. Есть Международная организация труда при ООН, часть ее конвенций не ратифицирована, что сегодня мешает нам работать.

¹ Председатель Ленинградского областного комитета Российского профсоюза «Торговое Единство».

Повторяю, сегодня ваше будущее — в ваших руках. Другой организации, кроме профсоюзов, даже в теории нет. И каким быть профсоюзам в будущем, во многом зависит от вас.

В. Г. ДЕРБИН: — Спасибо. Хочу сделать несколько ремарок. Сначала был введен Единый социальный налог, против чего боролись профсоюзы, потом его отменили. В прошлом году государство передало заботу о летнем отдыхе детей с федерального уровня на региональный. Теперь государство меняет правила финансирования бюджетных организаций, и закон, по которому автоматически индексируется заработная плата в бюджетных организациях, перестает действовать. Каждой школе нужно будет бороться за жизнь самостоятельно. Так что проблема будущих поколений у нас существует.

С. М. ПАНТЕЛЕЕВ²: — Я хотел бы высказаться по некоторым вопросам, которые здесь затрагивались. Прежде всего, о социальном партнерстве: по-моему, у нас его нет, потому что партнерство подразумевает равноправие. То, что у нас сегодня происходит, было бы правильно назвать социальным диалогом. Однако надо стремиться к партнерству.

Далее. В моем понимании вообще профсоюз — это организация, которая аккумулирует и отражает, так сказать, «всеобщественное» настроение, выявляет реакцию общества на проводимую социально-экономическую политику и стремится повлиять на ее коррекцию. К сожалению, сегодня нам это плохо удается. В то же время власть должна понимать, что к общественному мнению надо прислушиваться. И даже если совсем малочисленные группы выходят на улицы и пытаются высказать свое мнение о каких-то проблемах, то надо не разгонять их, а постараться понять, почему они вышли.

В связи с нашими внутриполитическими реалиями хочется вспомнить афоризм Козьмы Пруткина: «Нет на свете государства свободнее нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинувается вместе с тем малейшему указанию власти».

Профсоюзы должны стремиться к тому, чтобы любое общественное мероприятие, будь то митинг, обращение в суд, просто какой-то трудовой спор, было пилюлей, которая должна отрезвлять работодателя, власть. А «доктор» не должен бояться эти горькие лекарства прописывать. К сожалению, мы часто не умеем пользоваться этими средствами, и это, наверное, вопрос нашей зрелости.

Возможности внутреннего развития России сегодня во многом ограничиваются и тормозятся трудовыми взаимоотношениями и крайне низкой заработной платой. Есть такой анекдот: в результате долгой, напряженной борьбы трудящимся удалось добиться 8-часового рабочего дня, и благодаря этому у них появилась возможность еще где-то подработать. К сожалению, эта тема сегодня актуальна.

И еще один момент. Конечно, трудно быть правым, если не право правительство. Поэтому нам необходимо планировать свои действия. А также хочу обратиться к молодежи: мы будем вынуждены объединяться и солидарно защищать свои права. У каждой социальной

² Председатель комитета Межрегионального профсоюза работников ОАО «Кировский завод».

группы свои интересы, и если у какой-то группы больше возможностей для реализации собственных интересов, то это непременно приведет к столкновениям и потрясениям. Хочу повторить: вопросы социального диалога, партнерства возникают только тогда, когда взаимодействуют группы, более или менее равные по своим возможностям и силам. Но, к сожалению, некоторые из этих групп значительно слабее и ведут себя инертнее, чем остальные, поэтому трудностей впереди еще много. Хотелось бы, чтобы молодежь понимала: ваше будущее зависит от ваших позиций и поступков.

З. И. ВОРОНКОВА¹: — Есть прекрасное выражение нашего классика, вы его знаете: «Если я не за себя, то кто за меня? Если я только за себя, то зачем я?» Поэтому я считаю, что профсоюз должен думать обо всех и о каждом. Мы часто забываем, что у нас в уставе написано не только о правах и обязанностях. Приведу пример нашей организации — Университета гражданской авиации. Во время преобразования академии в университет надо было срочно делать перерегистрацию членов профсоюза; из 900 человек заявления переписали 600, а 300 не подтвердили своего членства, посчитали, что профсоюз не нужен. Конечно, это личное дело каждого. Но те, кто остался в профсоюзе, сделали это осознанно.

И я тоже хотела бы обратиться к молодежи: когда вам говорят, что у всех равные возможности, предлагают прыгнуть в молоко и быстро работать лапками, чтобы сбить масло и не утонуть, вы сначала посмотрите, есть ли в этой емкости молоко. Потому что можете попасть в мутную воду, где бесполезно бить лапками. Двадцать лет назад наши реформаторы говорили, что у всех равные возможности — только шевелитесь. Од-

нако сами они нырнули в сметанку, а кто-то уже сидел на куске масла. И они с удовольствием наблюдали, как люди бились в мутной воде.

А по поводу нашего менталитета хочу вспомнить русскую народную сказку «Морозко» — она полностью его отражает. Напомню: старик зимой отвез свою дочь в лес и оставил ее под елью. Приходит Морозко и спрашивает: «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?» Она отвечает: «Тепло, Морозушко». Девушка замерзла, пора в реанимацию везти, а все твердит: «Тепло». Морозко сжалился над бедняжкой, закутал ее в шубы и подарил серебро и золото. Когда мачеха увидела это, послала свою дочь к Морозу, но та в ответ на «Тепло ли тебе?» отвечала: «Ой, руки-ноги отмерзли! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!» Ему это не понравилось, и он ее заморозил так, что она окостенела. Выводы делайте сами.

В. Г. ДЕРБИН: — Уважаемые участники нашего заседания! На мой взгляд, темы, которые мы сегодня обсуждали, интересны как для студентов, преподавателей, ученых, так и для профсоюзных организаций. Мы, профсоюзные работники и ученые, познакомились друг с другом и, надеюсь, будем сотрудничать. Наука может помочь нам в практической деятельности. Ведь одно дело — мнение профсоюзов по какому-то вопросу, и совсем другое — когда наша точка зрения будет подкреплена, допустим, рецензией академического вуза, основанной на исследованиях.

За последние три года мы, наверное, впервые в практике профсоюзов, начали выделять средства на научно-исследовательскую работу в области трудовых отношений. Надеюсь, что мы будем работать не только с петербургскими, но и с московскими научными центрами.

¹ Председатель Северной территориальной профсоюзной организации Общероссийского профсоюза авиационных работников.

Секция 4

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

14 мая 2010 г. Лекционный зал № 1, СПбГУП

Руководители секции:

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	член-корреспондент РАН, директор Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП

Участники:

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ	заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
С. А. БОГОЛЮБОВ	заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Н. В. ВИТРУК	профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики
В. Г. ГРАФСКИЙ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор
Е. М. ДОРОВСКИХ	заместитель главного редактора «Журнала российского права», научный сотрудник сектора политологических исследований Института государства и права РАН (Москва), кандидат юридических наук
М. Б. КАСЕНОВА	профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ (Москва), кандидат юридических наук
А. Ю. МАЯКОВ	заместитель прокурора Санкт-Петербурга
А. А. МОИСЕЕВ	профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ (Москва), руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем ДА МИД РФ, доктор юридических наук
Г. И. МУРОМЦЕВ	профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук
М. В. НЕМЫТИНА	заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор
Л. А. ПАСЕШНИКОВА	первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета
И. ПЕЧИ	доктор права Утрехтского университета (Нидерланды)
И. Л. ЧЕСТНОВ	профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые участники Чтений! От имени Оргкомитета Лихачевских чтений я рада приветствовать всех участников второго дня Лихачевских чтений, когда в Университете работают тематические секции.

В этой аудитории у нас открывается секция «Национальные правовые культуры и международное право: тенденции мирового развития». Позвольте представить вам руководителей нашей секции. Сегодня секцию ведет член-корреспондент Российской академии наук Ли-

сицын-Светланов Андрей Геннадьевич и председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Чуров Владимир Евгеньевич. По организационным вопросам можно обращаться ко мне, ученому секретарю секции. Я желаю нашей секции успешной работы и предоставляю слово Андрею Геннадьевичу. Пожалуйста.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Уважаемые коллеги! Причем «коллеги» в узком смысле этого слова,

потому что из всех собравшихся на Лихачевские чтения здесь присутствуют те, кто наиболее интересуется правовыми аспектами данной проблемы.

Первое, на что я хотел бы обратить внимание, — это то, что еще вчера Александр Сергеевич призывал не повторять те тексты, которые были представлены и уже опубликованы, а провести живую, интересную, содержательную дискуссию. Поэтому я призываю всех высказывать свои идеи, которые появились в ходе вчерашнего дня и волнуют, наверное, всех в контексте проблем, которые мы будем сегодня обсуждать. И второе — хотел предложить определенный порядок, возможно, даже не порядок, а некоторые соображения насчет того, о чем мы будем говорить, поскольку и проблемы международного права, и проблемы культуры безграничны. И нам в рамках отведенного времени необходимо выстроить определенную структуру. Применительно к этим проблемам я хотел бы предложить такой порядок обсуждения. Вчера в ходе пленарного заседания мы рассматривали два аспекта — национальный аспект и аспект самобытности, и делали акценты на диалог, на глобальные проблемы, то есть как соотносятся эти проблемы и категории. Поэтому, наверное, первым пунктом дискуссии могло бы быть «Национальное право как элемент культуры». Здесь можно рассматривать факторы, формирующие право, вопросы, связанные с правоприменением, вопросы судебной системы и проблемы нравственности и так далее; второй аспект этой проблемы — национальное право как регулятор. Регулятор внутренних отношений и отношений в сфере культуры, культурного диалога, который складывается на различного рода уровнях. Например, в сфере частно-правовых отношений, связанных с культурой, существуют разные отрасли права, в частности международное частное право как инструмент для ведения диалога в области частно-правовых отношений, для диалога культур. Здесь же рассматриваются вопросы, связанные с частно-правовым регулированием, публичным регулированием, проблемами международного гражданского процесса. Это те конкретные институты права, которые служат диалогу культур.

Другое направление, которое также можно рассматривать в этом контексте, — роль права как регулятора отношений в сфере культуры. Весьма условно можно считать некоторые из этих проблем права фильтром от чуждого, чужеродного, например, в национальной культуре. А также вопросы, связанные с правом как стимулятором развития самобытности, традиций. И наконец, новая проблема, которую только сейчас начинают обсуждать, — это проблема культуры в киберпространстве, которое изначально возникло как международное. Здесь проблема заключается в том, насколько оно может быть подчинено регулированию национальными системами права, насколько возможно и нужно ли формирование международного киберпространства. У такого подхода есть как противники, так и сторонники. Противники подчас опасаются того, что регулирование этой сферы повлечет определенную цензуру, с другой стороны, существующие ограничения не должны противодействовать тем преимуществам информационного поля, которое складывается в самом киберпространстве.

Следующий вопрос, который можно было бы обсудить, — это международное право как фактор и сред-

ство глобализации. То есть само международное право как таковое и все, что с ним связано: как возникло и развивалось как средство диалога государств с трансформацией на отношения частных лиц. Международное право, здесь я позволю себе высказать собственную точку зрения, с определенными поправками возникло как право европейской культуры или евроатлантической культуры, я имею в виду Северную Америку — Соединенные Штаты и Канаду. Безусловно, за прошедшие 65 лет происходили определенные изменения, как в развитии этого права, так и в коррекции некоторых институтов. Но концептуально оно возникло на основе европейской культуры. Если мы посмотрим на современный мир, то он значительно изменился. Дело в том, что при создании Организации Объединенных Наций и формировании международного права другие государства были представлены в этом процессе, но, надо честно сказать, мало что решали. В настоящее время не менее 3/4 населения земного шара — представители другой культуры. А подчас и другой цивилизации. Причем если брать демографические и экономические факторы и тенденции их роста, то, безусловно, состав игроков, архитекторов международного права будет меняться. Здесь достаточно полей для диалога: это и региональный подход, который существует, это и новые подходы организаций, таких как БРИК или таких образований как G-20, где активно работают представители разных культур и цивилизаций. Насколько этот процесс будет развиваться и каковы его перспективы — это тоже весьма интересно обсудить.

И наконец, последнее, что я хотел бы предложить, — вопросы, связанные с национальным правом, которое лежит в основе создания норм международного права и от чего отталкиваются государства, а также насколько нормы международного права и современное международное право влияют на развитие национального права. Здесь можно привести массу примеров. Например, коррекция национального права с точки зрения условий вступления государства в ВТО. И здесь речь идет не только о коррекции формально-правовых институтов либо экономической ситуации в стране, здесь в основном речь идет о культуре предпринимательства как такового, то есть напрямую затрагиваются вопросы культуры. Это вопросы, связанные с отношением к человеку, права человека, роль Страсбургского суда в становлении и развитии правовой системы, правоприменительной практики. Наконец, это вопросы, связанные с формированием Евросоюза и влиянием его на жизненную культуру государств Евросоюза. Эти три направления я и хотел бы предложить обсудить. Если есть альтернативные точки зрения, их интересно будет заслушать. Но нам нужно будет постараться обсуждать эти проблемы достаточно лаконично. А сейчас слово предоставляется Чурову Владимиру Евгеньевичу.

В. Е. ЧУРОВ: — Мне, как старому юристу-самоучке, очень приятно, когда мои мысли совпадают с высказываниями авторитетных юристов-профессионалов. Мы действительно наблюдаем вполне очевидный кризис международно-правовых отношений, которые сложились начиная с 1942 года и существуют до сих пор. Этот кризис определяется, на мой взгляд, как субъективными, так и объективными причинами. Нынешнее

международное право вступило в противоречие со многими явлениями жизни, такими, например, как вопросы гражданства, экстрадиции и усыновления. Вопросы экономической безопасности и борьбы с коррупцией. Конкретный пример: в какие рамки какого права укладывается решение американских судов по поводу германских фирм, якобы дававших взятки в России? Вопросы правовой оценки демократии в целом и конкретных ее частей, в том числе избирательной практики и права, вопросы борьбы с международным пиратством, вопросы регулирования трансграничной информации, и не только в киберпространстве. Есть, конечно, и субъективные предпосылки и обстоятельства кризиса международного права как такового — это желание определенных стран доминировать, в общем-то естественное желание для любой более или менее развитой страны. Но в данном случае доминирование означает продвижение в рамках или вне рамок правового поля, избирательного подхода и отказ от универсальности применения той или иной нормы. Это главное оружие размывания международного права в интересах доминирующего государства. Резко расширились международные наднациональные институты, в той или иной степени регулирующие национальное право, о которых уже говорил Андрей Геннадьевич. Здесь, пожалуй, я еще добавлю ОБСЕ, ее бюро по демократическим институтам и правам человека и иные структуры, которые непосредственно вмешиваются в суверенные дела государств по их просьбе или без оной. Я хочу обратить внимание на следующие два обстоятельства: то, что международные соглашения внедряют исполнение их норм на национальном уровне без должной процедуры, предусмотренной международным правом. Каждый юрист знает старинный постулат, что международное право, международное законодательство и нормы международных соглашений действуют на территории страны выше норм национального права только в случае ратификации. Так вот этот принцип сейчас практически отброшен. Практически все документы ОБСЕ не прошли национальной ратификации. Однако органы ОБСЕ и государства ОБСЕ согласились применять эти нормы и ставить их выше норм национального права. Я, кстати, не согласен с таким подходом и всегда выступал против расширения прав, например, Европейского суда по правам человека. Еще один механизм, который используется для влияния на национально-правовые вопросы, — механизм создания модельного законодательства. Модельное законодательство наиболее широко, кстати, распространено сейчас на пространстве Содружества Независимых Государств. Сотни законопроектов разработаны Межпарламентской ассамблеей СНГ, и десятки из них приняты на вооружение всеми странами-участницами, за исключением России. Большинство стран СНГ широко используют модельные законы СНГ, внедряя, понимая их как национальное законодательство. Россия в этом участия не принимает, и в Государственной Думе до сих пор нет механизма рассмотрения модельных законов и возможности их принятия на национальном уровне. Наиболее широко, на мой взгляд, приоритет неких международных норм, принятых вне традиционного международного права, над национальным правом, ощущается в трех областях — правозащитная тематика, коррупционная тематика и избирательная тематика.

В других отраслях, наоборот, существует большое отставание, например то, о чем я уже говорил, борьба с пиратством — казалось бы, актуальнейшая проблема, давным-давно нужно вносить поправки в международное право, и это сделать достаточно легко. Однако гораздо большие усилия затрачиваются в правозащитной сфере, чем в сфере борьбы с пиратством, где это сделать с правовой точки зрения значительно проще. Все это в целом говорит о том, что конструкция международного права, созданная в 1940-е годы и развивавшаяся в течение 60 лет, в настоящее время если не разрушена, то в значительной степени подорвана. Спасибо.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо, Владимир Евгеньевич. Приглашаю к микрофону Николая Васильевича Витрука.

Н. В. ВИТРУК¹: — Уважаемый президиум, я подерживаю высказанный вами тезис о сближении правовых систем, что диктуется и процессом глобализации. В связи с этим я прочитал некоторые доклады, которые были опубликованы в Интернете, и в них промелькнула такая мысль, что наша правовая российская система развивается в частности путем внедрения прецедентного права. Против этого я бы хотел возразить. Прецедентное право трактуется подчас как средство снятия разрыва между правом, конституцией и реальной жизнью. Такой разрыв всегда существует. Никогда не будет идеального состояния, их адекватного совпадения. Но как уменьшить или смягчить этот разрыв? Тут, по мнению авторов, на помощь приходит прецедентное право судов, которые, уясняя содержание, смысл конституции и иных нормативных актов, как бы стремятся сблизить их с реальной действительностью. При этом авторы ссылаются на практику Конституционного Суда Российской Федерации. Но решения Конституционного Суда Российской Федерации — это не прецеденты, а самостоятельный новый источник российского права. Решения Конституционного Суда не подлежат обжалованию и являются обязательными прежде всего для законодателей, а также для всех судов и иных правоприменителей. Другое дело, когда под прецедентной формой права понимаются постановления пленумов Верховного Суда РФ, Высшего арбитражного суда РФ. Можно рассматривать эти постановления в таком качестве, но для этого должно быть официальное признание со стороны государства. Но такого признания нет — ни в Конституции, ни в иных нормативных актах, да и в теории по этому вопросу идет длительная дискуссия. Если это будет признано официально, то со стороны государства необходим обязательный конституционный контроль (лучше всего репрессивный) в отношении данных постановлений. В российской правовой системе мы не можем использовать прецедентную форму права, и в трактовке этого вопроса нужно быть очень осторожным.

Второй момент, о котором я хотел бы сказать, — это вопрос о решениях Европейского суда по правам человека. Эйфория вокруг этих постановлений постепенно проходит. Начинается трезвая оценка решений Европейского суда по правам человека. Многие российские

¹ Профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики.

авторы пытаются представить его решения в качестве прецедентного права, которое обязательно для России как государства, для всех российских судов и иных государственных органов. В решении этого вопроса опять-таки нужна осторожность. Когда он определяет компенсации за нарушение Конвенции о защите прав и основных свобод, то Россия как государство, нарушившее Конвенцию, обязана выплатить эту компенсацию. Но решения Европейского суда по правам человека, как и решения Конституционного Суда России, содержат формулировку правовых позиций, обосновывающих нарушение государством Конвенции. Однако правовые позиции Европейского суда по одной и той же категории дел могут различаться, подчас существенно, если кто-либо из вас внимательно изучал эту проблему. Существуют разные правовые системы и разные жизненные ситуации. И Европейский суд по правам человека учитывает это разнообразие и подчас формулирует разные правовые позиции, казалось бы, по одному и тому же вопросу. К примеру, в Конституционном Суде РФ проверялась конституционность нормы уголовного процессуального закона, согласно которой при передаче уголовного дела в суд арест подсудимого, совершившего тяжкое преступление, сохранялся автоматически. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что по данной категории дел необходимо заново решать вопрос — оставлять подсудимого под арестом или же нет. Какие факторы являются достаточными, чтобы оставить арест подсудимого в качестве меры пресечения — по этому вопросу изучалась практика Европейского суда по правам человека. Согласно его правовым позициям следует учитывать как факторы, которые были известны нашему уголовно-процессуальному законодательству, — давление на свидетелей, возможность скрыться от уголовного преследования и другие, так и иные обстоятельства, включая публичный резонанс, общественную значимость уголовного дела. С учетом правовых позиций Европейского суда по правам человека в Уголовно-процессуальный кодекс были внесены поправки по данному вопросу, и перечень факторов и обстоятельств, влияющих на решение по рассматриваемому вопросу, был значительно расширен. Спасибо за внимание.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Большое спасибо. Я думаю, это замечательное выступление, оно прозвучало как раз и в контексте проблемы культуры права. Ведь, действительно, посмотрим на такую ситуацию, когда у нас в обиход подчас входят такие понятия, как, например, «траст» или «прецедент», или в общем контексте председатель палаты Федерального собрания называется «спикер». Я не говорю про «Белый дом». То есть употребляются определенные категории, которые не соответствуют той правовой системе и правовой культуре, которая существует в России. Давайте представим себе такой момент. Соединенные Штаты Америки являются безусловным лидером, к примеру, в сфере антимонопольной деятельности. Это намного более развитая система, чем та, которая существует в Евросоюзе. А если мы возьмем основополагающий акт по этому вопросу в Соединенных Штатах, так называемый «Шерман акт» (закон Шермана), это фактически небольшой по объему текст. Все остальное относится к «кейс ло», то есть к тому, что выработано самим су-

дом. Давайте вспомним, что означает прецедент в американской системе права и что мы называем прецедентом. Совершенно разные вещи. Мы говорим «траст», часто имея в виду форму отношений, присущую континентальному праву. Этот список можно продолжать. Поэтому то, что в последнее время и у нас прецедентное право действует, в частности в области процесса, относящегося к экономическим спорам, — это, безусловно, вызывает определенные сложности.

В. Е. ЧУРОВ: — Я полностью разделяю взгляды Николая Васильевича Витрука на Европейский суд по правам человека. Действительно, декларируя на словах приоритет прецедентного права, сама практика Европейского суда по правам человека очень противоречива. В ряде случаев он поступает вопреки прецедентному праву, а в ряде случаев следует ему. Например, Европейский суд достаточно настойчиво навязывает всем государствам наделение активным избирательным правом лиц, отбывающих наказание, связанное с лишением свободы. Правда, в основном многие страны игнорируют это решение, то есть не выполняют безусловно. Но ежегодно и при рассмотрении конкретных жалоб, и в своей правовой позиции Европейский суд по правам человека настойчиво рекомендует, даже требует, чтобы осужденный к лишению свободы не лишился активного избирательного права, то есть права голосовать. Здесь Европейский суд следует прецедентному праву.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо. Я хотел бы предоставить слово нашему гостю господину Идлиру Печи. Он тоже будет говорить о правовых трансплантатах национального и международного права.

И. ПЕЧИ: — Вчера на пленарном заседании я говорил о взаимодействии правовых культур и членов государств Европейского Союза. Сейчас я хотел бы более подробно поговорить о проблеме трансплантации правовых понятий из международного права в национальное право. Хорошо известно, что после отказа от коммунистической системы в странах Восточной Европы многие законы были изменены, для того чтобы привести их в соответствие с европейским законодательством. И соответственно большое число правовых трансплантатов попало в законодательство стран Восточной Европы. Господин Витрук обратил внимание на один пример правовой трансплантации. Я бы хотел привести другой пример, как правовая трансплантация происходит в Албании. При внесении изменений в уголовное законодательство Албании огромное количество поправок были просто скопированы из правового законодательства Западной Европы без понимания сути этих понятий. В уголовно-процессуальном кодексе Верховной палате Верховного суда Албании предоставлено право издавать акты президиума, — это, по сути, та же система, которая существует в Российской Федерации. В случае пробела в законодательстве Верховный суд издает акт, чтобы восполнить пробел. Принимая решения, судьи сталкивались с неясными понятиями, причем им приходилось искать прецеденты в первоисточниках законодательства Западной Европы. Именно таким образом принимались решения. Следовательно, здесь мы видим взаимодействие правовых культур — в решения

Верховного суда зачастую попадали правовые конструкции, которые были основаны на законодательстве других европейских стран и не имели никакого смысла в правовой системе Албании, никогда не занимавшейся созданием национального права. Получалась правовая неразбериха. Таким образом, правовые трансплантаты — это, во-первых, феномен, основанный на взаимодействии правовых культур. Во-вторых, правовые элементы, основанные на совершенно другом правовом опыте, не могут взаимодействовать с правовыми традициями, которые заложены в правовой культуре перенимающей страны. Спасибо.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо. Я тоже могу это засвидетельствовать. Выступая в качестве эксперта в судах Рима и Стокгольма, я пришел к убеждению, что единого мнения нет. Особенности более чем существенные, хотя общие тенденции, конечно, просматриваются. Уважаемые коллеги, позвольте мне сейчас предоставить слово Маякову Алексею Юрьевичу.

А. Ю. МАЯКОВ¹: — Уважаемый президиум, уважаемые коллеги! Мое выступление в силу ряда причин не попало в программу. Но у меня есть выступление моего коллеги, руководителя следственного управления Следственного комитета по городу Лавренко Андрея Валерьевича. Оно касается регулирования проблемы этнической преступности в Санкт-Петербурге и практических аспектов. В развитие некоторых его тезисов, связанных с использованием Интернета, я скажу несколько слов о вопросах противодействия распространению экстремистских материалов в Интернете. Это относится к теме, связанной с правовым регулированием киберпространства.

Я полагаю, что сегодня можно говорить о том, что Интернет стал неотъемлемой частью мировой коммуникационной технологии, которая очень активно развивается и эволюционирует в нынешнем столетии. Интернет формирует новое пространство, связанное с оборотом информации. Всемирная паутина дает нам огромные преимущества. Это возможность общаться друг с другом, отыскивать и распространять необходимый информацию, покупать и продавать товар, находящийся в другой части света, осуществлять электронные платежи 24 часа в сутки, 7 дней в неделю и т. д. Количество пользователей Сети в мире превышает 1,5 млрд человек. В России эта цифра приближается к 40 млн человек. Да, мировые сети стирают границы и расстояния между людьми, они создают равные возможности по доступу к информации, накопленной многими поколениями. По сути, исчезает культурный разрыв между центром и периферийными регионами внутри государств, да и между странами тоже. Но эти удобства порождают, однако, многие культурные, нравственные и юридические проблемы.

Сайты в Интернете сегодня захлестнул поток негативной информации. Они заполнены нецензурной бранью, откровенной похабщиной, оскорблениями и клеветой, порнопродукцией, наставлениями по преступной деятельности. Доступность таких сайтов создает, на мой взгляд, серьезнейшую угрозу культурным

ценностям человечества, а анонимность позволяет авторам практически безнаказанно творить зло. Полагаю, что с выходом Интернета на мировой уровень для регулирования интернет-отношений недостаточно только правил этики и морали, обычаев и традиций. Мораль и законопослушание пользователя должны находиться на высоком уровне, ограничивать допуск в Интернет террористов, экстремистов, преступников и психически больных лиц. В связи с этим саморегулирование должно дополниться правовым регулированием, как в международном, так и в национальном масштабах, создавая условия для дальнейшего эффективного развития Интернета.

Однако сегодня предпринимаются лишь скромные попытки воздействия с помощью норм права на цифровую среду. Процессы правообразования в этой сфере идут крайне медленно. Это порождает множество организационных, технических, правовых, материальных проблем и неувязок и огромное число правонарушений и преступлений в этой сфере. Трудно бороться с ними и предупреждать их, не имея соответствующей законодательной базы и общей концепции профилактики этих негативных проявлений.

На сегодняшний день международной организации, осуществляющей единое правовое регулирование функционирования системы сети Интернет, не существует. Поэтому ответственность за содержание информации, размещенной в компьютерных сетях, ложится в первую очередь на государство, которое должно осуществлять контроль в этой области в соответствии с нормами международного права и национального законодательства. Четкий механизм такого контроля в России, к сожалению, отсутствует. Опасения, что контроль превратится в тотальную цензуру, ущемит основные права и свободы человека и гражданина, препятствуют выработке скорых и эффективных мер, порождая лишь множественные рассуждения по данной проблеме. А негатив в это время только нарастает.

Правоохранительные органы государства не стоят в стороне от этой проблемы, и в рамках существующего законодательства принимают необходимые меры, направленные на мониторинг Интернета, выявление негативного контента, его удаление и привлечение к ответственности виновных лиц. Организована соответствующая работа и в Санкт-Петербурге. Координирующая роль здесь принадлежит прокуратуре города. Особо пристальное внимание уделяется нами противодействию распространения в сети Интернет экстремистских материалов. В 2008 году данная проблема детально обсуждалась на заседании межведомственной рабочей группы по противодействию экстремизму.

Такая группа была создана еще в 2004 году по инициативе прокуратуры города. В ее состав вошли все субъекты антиэкстремистской деятельности — Управление Минюста по городу, Главное управление внутренних дел, Управление Федеральной службы безопасности, Федеральная миграционная служба, профильные комитеты правительства города и т. д. Основная цель работы группы — оперативный обмен информацией в сфере противодействия экстремистской деятельности. Группа действует по отдельно утвержденному плану, который корректируется с учетом складывающейся в городе оперативной обстановки. Анализируя

¹ Заместитель прокурора Санкт-Петербурга.

причины совершения преступлений по экстремистским мотивам в рамках деятельности группы, еще в 2005 году мы обратили внимание на использование возможностей сети Интернет членами преступных групп для планирования своей деятельности, ведения агитационной работы и приискания соучастников. В марте 2006 года в сети Интернет был опубликован сразу же растиражированный различными сайтами информационный материал, называемый «Пособие по уличному террору», оповещающий каждого, кто его прочитает, о необходимости убийств выходцев из азиатских, африканских стран, а также кавказских республик. В этом материале был не просто призыв к совершению насильственных акций, но и фактически содержалось полноценное учебное пособие по способам убийств, дальнейшему сокрытию следов преступления, правилам конспирации. Как показала дальнейшая практика, многие преступления в городе были совершены в точности по предложенной преступной методике.

В октябре 2006 года руководитель так называемой «Партии свободы» Юрий Беляев разместил в сети Интернет публикацию под заголовком «Убили негра...», оправдывающую совершение насильственных действий в отношении афроамериканцев. В начале 2008 года в Санкт-Петербурге был зафиксирован существенный приток преступлений с экстремистскими мотивами. Расследование этих преступлений вновь выявило активное использование сети Интернет преступниками для планирования и осуществления своей деятельности. Указанные факты и послужили основанием для проведения специального заседания межведомственной рабочей группы, о котором я уже говорил. По результатам были определены приоритеты, расставлены задачи и организован систематический мониторинг сети Интернет, разработан и внедрен алгоритм проверок. По результатам проверок прокурорами инициируются уголовные дела, направляются в суды иски о признании информационных материалов экстремистскими.

В настоящее время Федеральный список экстремистских материалов, ведение которого осуществляется Министерством юстиции, насчитывает 85 материалов, размещенных в сети Интернет, и этот список постоянно пополняется. В частности, серьезное внимание было обращено на деятельность сайта «ВКонтакте». Этот сайт является в настоящее время самым посещаемым ресурсом российского сегмента сети Интернет. Ресурс был зарегистрирован в октябре 2006 года и изначально позиционировал себя в качестве социальной сети для студентов и выпускников российских высших учебных заведений, позднее — как универсальный способ связи для всех социальных групп и возрастов. На январь 2010 года на сайте было зарегистрировано около 60 млн пользователей, интерфейс сайта переведен на десятки языков. В настоящее время ресурсом предоставляются следующие услуги: фотохостинг, видеохостинг, аудиохостинг, размещение объявлений, рассылка сообщений. Социальная сеть «ВКонтакте» невероятно популярна, из-за чего она нередко используется для распространения материалов экстремистского характера, фото- и видеоматериалов, связанных с преступлениями сексуального характера, в том числе в отношении несовершеннолетних, рассылки вирусов, спама и другого нелегального контента.

В 2009 году правоохранными органами города было проверено 653 ресурса данного сайта с сообщениями предположительно экстремистского характера, по результатам 220 страниц были удалены администрацией сайта по представлениям правоохранных органов. Кроме того, только по инициативе правоохранных органов города администрацией сайта было удалено 327 страниц с порнографическими материалами, 16 страниц с рекламой о предоставлении услуг мошеннического характера, 7 страниц с информацией о распространении вредоносных компьютерных программ. По результатам мониторинга данного сайта в 2009 году в Санкт-Петербурге возбуждено 8 уголовных дел.

Во многом благодаря мониторингу сети Интернет было раскрыто убийство гражданина Республики Ганы Соломона Гваджо Аттенго, совершенное в декабре 2009 года на территории Кировского района города. Данное преступление члены молодежной экстремистской группы цинично снимали на камеру мобильного телефона, после чего ролик с отвратительной сценой, сопровождавшийся вызывающим комментарием, был опубликован в Интернете, в том числе был многократно растиражирован на сайте «ВКонтакте». Там же в 2009 году активно распространялся ролик с еще одной сценой убийства, совершенного в Санкт-Петербурге в том же году по мотивам национальной ненависти. Жертвой был гражданин Республики Узбекистан, преступление раскрыто.

Но эти результаты — капля в море. Постоянно увеличивается количество пользователей сайта, регистрация пользователей, уличенных в распространении нелегального контента, под другими именами практически сводит на нет усилия правоохранных органов, у которых отсутствует возможность постоянного расширения штата сотрудников, осуществляющих мониторинг сети. К проведению такого мониторинга привлекаются и общественные организации, используют сообщения граждан, должностных лиц, мониторинг осуществляется и администрацией сайта, но количество страниц и простота их создания делают эту работу малоэффективной. Кроме того, анкеты пользователей, имеющих явно криминальный характер, создаются и администрируются с IP-адресов иностранных государств или анонимных прокси-серверов. При регистрации пользователь может указать любые вымышленные данные, в любой момент их изменить, на сайте существует возможность для пользователей ограничить доступ к своей анкете или к группе. Все это также существенно осложняет работу правоохранных органов.

Для противодействия распространению незаконного контента на ресурсах социальной сети «ВКонтакте» мы изыскиваем и технические, и правовые средства, работа во взаимодействии с администрацией сайта, расположенной в Санкт-Петербурге. Однако в Интернете не одна социальная сеть, и гораздо сложнее решать те же вопросы по сайтам, зарегистрированным на иногородних ресурсах, тем более за рубежом. Фактически пользователь с территории Российской Федерации может беспрепятственно разместить откровенно преступную информацию на известном и общедоступном сайте, администрированном в каком-либо государстве в офшорной зоне, и для установления такого лица можно годами ожидать ответов местных правоохранных органов.

на международные следственные поручения. Да и не только офшорная зона отличается этим. На ресурсах в США, например, расположена электронная версия газеты «Русь Православная», автор которой Душенов осужден районным судом Санкт-Петербурга именно за распространение экстремистских материалов в данном издании. Но «ценности» американской демократии не позволили в этом случае оказывать содействие по расследованию данного уголовного дела российским правоохранительным органам.

Все эти проблемы требуют поиска новых путей их решения для организации эффективного противодействия интернет-преступности. В частности, прокурами в Санкт-Петербурге были инициированы меры по установке в образовательных учреждениях соответствующих программ-фильтров на компьютерах, используемых несовершеннолетними, объявлялись предостережения интернет-провайдерам, проводились встречи с представителями различных этнических диаспор, уроки толерантности в школах, научно-практические конференции. Мы пытались показать и доказать, насколько может быть опасна, особенно для подрастающего поколения, простота и доступность Интернета при отсутствии контроля, особенно со стороны родителей и педагогов. Зачастую ответная реакция была неадекватной. Нас упрекали в ущемлении свободы слова, введении цензуры, насаждении культов доносов на учеников и т. д. Здравомыслящим людям, я думаю, отвечать на подобные упреки нет необходимости. Как говорил Марк Фабий Квинтилиан: «Свобода и распущенность — понятия одно другому совершенно противоположные».

Сегодня Интернет играет огромную роль в становлении глобальной культуры, и чтобы электронное пространство позитивно способствовало диалогу культур и партнерству цивилизаций, нам необходимо консолидировать усилия всех здоровых сил общества по противодействию распространению в данной сети всех негативных материалов, в особенности сеющих рознь, вражду и ненависть. Спасибо за внимание.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется Боголюбову Сергею Александровичу.

С. А. БОГОЛЮБОВ¹: — Право является элементом культуры, и ее итогом развития на данном этапе, и фактором, воздействующим на ее дальнейшее совершенствование. По-моему, это аксиома, которая не требует доказательств. В этой проблеме несколько слоев. В частности, экологическая культура — это культура граждан, на которых рассчитаны законодательные предписания, это культура самого законодателя, который пишет и принимает те законодательные акты. Это методология, техника правотворчества и многое другое, что достаточно подробно изучено, но за кадром остается проблема, как само законодательство воздействует, в частности, на воспитание культурного человека. И в этом плане мне представляется, что некоторые члены законодательных органов слишком прямолинейно понимают законотворчество в области экологической культуры, экологического образования. Здесь мы столкнулись с позицией Ин-

ститута законодательства и сравнительного правоведения, с позицией экспертного отдела, где в наших экспертных заключениях предполагалось непринятие этих законов, не потому что не нужно экологическое образование, не потому, что не нужна экологическая культура. Кстати, во всем мире и у нас в стране признано то, что решить природоохранные проблемы можно через воспитание надлежащего природопользователя, который будет понимать свои права и исполнять обязанности. Но мы отвергли эти законы, потому что в них в основном провозглашалось значение предмета регулирования, не осуществлялось регулирование, а лишь декларировались — важность, направленность, классификация и многое другое, что может быть не присуще закону. Закон должен регулировать общественные отношения. И если в законе отсутствует предмет регулирования и конкретные стороны, на которые устанавливаются правоотношения с их правами и обязанностями, то такой закон не нужен. И поэтому такие законы на разных этапах — один в Совете Федерации, другой уже в Администрации Президента — были отвергнуты. А те два-три из 50 некоторых положений закона, которые действительно имели значение, были перенесены и дополнены путем изменения Закона об образовании, Закона об экологической безопасности.

Второе, на чем мне хотелось бы остановиться, — это создание единой культуры мира, где ключевым словом является «глобализация» процесса. В экологии глобализация особенно актуальна, потому что экологические катастрофы влияют на состояние граждан во многих государствах. Все это, конечно, глобализирует экологические процессы. В связи с этим развивается мнение о том, что планета Земля принадлежит всем живущим на ней, что каждый человек в ответе за природу, что все природные ресурсы принадлежат всем, что в тех государствах, где много природных ресурсов, но их нерационально используют, можно и нужно устанавливать контроль за природопользованием. Мне видится, что в размышлениях о глобализации нужно сохранять необходимое равновесие и проявлять бдительность, потому что не сошли со сцены и такие понятия нашей Конституции, как обеспечение целостной территории страны, ее суверенитета. Мы же не только к суверенной демократии применяем такие понятия, но и должны защищать свой суверенитет, в том числе над нашими природными ресурсами. Насколько они наши? Они настолько наши, поскольку находятся на нашей территории. Имеется для этого международная правовая база? Да, имеется. Еще на конференции в Стокгольме по охране окружающей среды в 1972 году и на последующей конференции в Рио-де-Жанейро 1992 году провозглашалось, что природные ресурсы должны использоваться тем государством, где они находятся, прежде всего для улучшения благосостояния того народа, который проживает на территории этой страны.

Правда, в 2002 году на конференции, которая проходила на юге Африки и должна была анализировать исполнения решений предыдущей, на эту тему уже было поставлено многоточие, но в этом смысле мой следующий тезис заключается в том, что международные правовые документы имеют разный правовой, юридический, разнохарактерный, так сказать, показатель. Одни — это декларации о намерениях, другие —

¹ Заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

в какой-то степени более обязательные (так называемое международное «мягкое право»). Я не сторонник того, чтобы принимать все, что вырабатывается международным сообществом, как должно, — это далеко не всегда полезно. И в этом смысле единая мировая экологическая культура не может быть сформирована. В этом смысле мы, конечно, должны обсуждать эти проблемы и вовремя ставить барьеры для того, чтобы, размахнувшись и поддавшись мировым тенденциям, не забыть и о собственном благополучном доме, экология дословно — это и есть «наш дом».

Последний мой тезис. Мы с А. С. Запесоцким ведем уже многолетнюю дискуссию о «Декларации прав культуры». Напомню, что подобного рода документов немало, например, есть документ Хартия Земли, который отражает мнения и настроения интеллигенции, желающей перевести провозглашенные там тезисы и пожелания на язык права. «Журнал российского права», издаваемый нашим институтом, опубликовал эту Хартию, а мы сопроводили ее комментарием. Мы не против того, чтобы эта Хартия была предметом изучения, обсуждения и использования. Но против того, чтобы любому федеральному закону Российской Федерации, которых уже несколько тысяч, и Хартии, созданной желающими добра интеллигентами, придавалось одно и то же правовое обязательное значение. Будем и дальше проводить такую политику, чтобы, не смешивая одно с другим, придавать эффективность и тому, и другому.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо. Я хотел бы со своей стороны сделать маленький комментарий. Сергей Александрович совершенно правильно отметил необходимость осторожного подхода к такому феномену, как «мягкое право». Действительно, оно появилось на небосклоне правовой науки и обсуждается. Вопрос лишь в том, что это такое и как его применять? В связи с этим я хотел бы обратиться к исследователям. Безусловно, находить какие-либо предписания, выраженные в той или иной форме, было бы преждевременно. Но, одновременно, хотел бы обратить внимание на принципы, которые в настоящее время широко применяются в практике международного коммерческого арбитража. Обычаи как источник международного частного права, собранные в своде Инкотермс. Ведь, в общем-то, это институты, которые первоначально формировались как институты «мягкого права». Но представить себе ведение дела, например, в международном коммерческом арбитраже без обращений к этим источникам права было бы просто неосмотрительно. Поэтому я обращаюсь сейчас к молодой части аудитории, говоря, что эта проблема весьма перспективна. Спасибо.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется Георгию Генриховичу Бернацкому.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ¹: — Уважаемые коллеги, мне хотелось бы сказать несколько слов о правовой идеологии и правовой культуре в нашей стране и в целом правовой культуре нашего мира. Я хочу начать рассужде-

ние со ст. 13 Конституции Российской Федерации, где устанавливается идеологический плюрализм или идеологическое многообразие. Напомню вам эту статью: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». При толковании этой статьи Конституции уважаемый юрист и судья Конституционного Суда в отставке Борис Сафарович Эбзеев говорит, что в нашей стране таким образом допускается распространение любой идеологической теории, и государство должно находиться, так сказать, сверху или над идеологической схваткой различных группировок. Разные группы могут распространять любую идеологию, от либеральной до социал-демократической, марксистской. Это толкование он дает в статье в одном из самых авторитетных изданий по толкованию Конституции, под редакцией В. Д. Зорькина и Л. В. Лазарева.

Мне кажется, если мы будем понимать этот тезис о идеологическом многообразии таким образом, что в стране допускается распространение любой идеологии, любой доктрины, то придем к очень опасным результатам и явлениям в нашей стране. Я бы обратил внимание на несколько моментов.

Во-первых, вообще, деидеологизации в стране и государстве быть не может. С этим мы столкнулись еще в 1960-е годы, когда известный американский исследователь Дэниел Белл провозгласил идею деидеологизации в государстве, но потом сам от нее отказался, придя к выводу, что в государстве все-таки действует определенная идеология.

Во-вторых, на мой взгляд, в государстве действует определенная идеология, и ее можно даже назвать господствующей. И она обычно выражена в конституции того или иного государства. Здесь я сошлюсь на мнение наших известных теоретиков права — Н. И. Матузова и А. В. Малько. Они в своем известном учебнике по теории государства и права утверждали следующее: «Без политико-правовой идеологии немыслимо современное цивилизованное общество. Примерами высокоидеологических документов могут служить Конституция Соединенных Штатов Америки, Конституция ФРГ, французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года, которые выступают идеологическим фундаментом демократий и правовых систем западных стран». Можно провести аналогию. В государстве всегда действует определенная система ценностей, определенная идеология, которая выступает своего рода парадигмой, на которую накладываются различные взгляды и представления. Но этот фундамент, эта парадигма становятся основой или идеологическим фундаментом, на котором строится современный конституционный строй страны.

Надо иметь в виду, что в современных государствах может утверждаться и идеологический монизм, и идеологический плюрализм. Идеологический монизм — это господство одной идеологии, когда запрещается распространение иных идеологий. Примером может служить современный Китай, где в ст. 24 Конституции записано, что господствующей идеологией в стране является коммунистическая, марксистско-ленинская идеология, что запрещается распространение буржуазной, феодальной и прочей тлетворной идеологии. Но в других

¹ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных публикаций.

странах допускается идеологический плюрализм. На мой взгляд, этот идеологический плюрализм нужно понимать таким образом, что устанавливается возможность распространять различные идеологические течения, которые не противоречат господствующей идеологии, которая сформулирована в конституции и основных законах страны. Причем есть еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Если в стране действует идеологический плюрализм, то на граждан он распространяется, но для государственных органов, государства действует, на мой взгляд, идеологический монизм, который строго закреплен в конституции, и ему должны следовать государственные органы.

Я опять сошлюсь на ст. 13 Конституции. Там сказано: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Кто должен обеспечивать борьбу с этими идеологическими, враждебными проявлениями и опасными течениями, которые разжигают социальную, расовую, национальную рознь? Государственные органы. Они должны строго стоять на определенной позиции и не допускать такого рода опасной идеологии. Понимаете, государство должно сменить средство защиты против распространения опасной идеологии. Я напомним вам, что в 1920–1930-е годы в Германии действовала довольно демократическая веймарская конституция, которая допускала различные идеологические воззрения, но ведь и государство и Конституция не содержали в себе механизмов противодействия против распространения нацистской и фашистской идеологии. А потом дело кончилось тем, что в стране победил фашизм именно потому, что считалось возможным распространение различных идеологических воззрений. А идеологические воззрения не так безвредны, и дело может обернуться тем, что к власти придут фашисты. Сейчас Конституция ФРГ, надо сказать, содержит такие механизмы и против выступлений отдельных лиц, которые выступают против конституционного строя.

Надо сказать, что и на международном уровне не допускается распространения любой свободной идеологии. Идеология бывает крайне опасной. Я сошлюсь на Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, где сказано: «Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом». Итак, в общем, смысл моего выступления состоит в том, что в государстве господствует определенная идеология, и эта идеология выражена в Конституции. Когда мы говорим о многообразии идеологических воззрений, то это многообразие допустимо, но в рамках той идеологии, которая утверждается в Конституции, и противоречащие идеологические выступления должны пресекаться государством. Спасибо.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо большое, Георгий Генрихович. Пожалуйста, вопросы.

И. Л. ЧЕСТНОВ¹: — Какая идеология у нас господствует?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — По Конституции в России господствует либеральная идеология. Она господствует, потому что либеральная идеология у нас сформировалась в первой половине XIX века, все-таки это пройденный этап развития политической, правовой, идеологической мысли. Как-то известный профессор Чиркин сказал, что не нужно ученому миру повторять глупости, которые встречаются в Конституции. И сейчас на конференциях, которые посвящены конституционному праву, Авакьян и другие крупные ученые поднимают вопрос о том, чтобы внести некоторые изменения и даже пересмотреть Конституцию. Это крамола, потому что Конституцию лучше все-таки не трогать. Конституция — это священная корова, которую лучше оставить в покое и не пересматривать. Но те идеологические либеральные конструкции, которые заложены в действующей Конституции, все-таки не отвечают современному положению дел. И Конституцию в смысле идеологических основ, на мой взгляд, нужно было подправить.

Я целиком и полностью поддерживаю А. Ю. Маякова, который говорил о том, что Интернет стал международной помойкой. И это очень опасно. Ведь существует опасность распространения идеологической заразы, и над этим надо серьезно задуматься. Как это пресекать? Прежде всего принимать законодательство, которое бы регулировало эти вопросы. И у нас есть правоохранительные органы, которые могут применять это законодательство.

— В Конституции недостаточно идеологии. Но что бы Вы хотели изменить в Конституции? Мне непонятно, Вас не устраивает институт прав и свобод, записанный в Конституции? (*вопрос из зала*)

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Да, меня не устраивает прежде всего ст. 2 Конституции РФ, где говорится о том, что человек, его права и свободы есть высшая ценность. Это такой либеральный подход к делу. Почему? Потому что есть ценности не менее высокие, чем права и свободы человека, — это общество, святые, семья, само государство. Что такое права человека без государства и права? Понимаете, утверждение, что права и свободы есть высшая ценность, а государство должно обеспечивать их, — это крайний индивидуализм и эгоизм, который порождает иждивенчество. Пусть государство меня обеспечит, а я превыше всего!

И ст. 13 должна быть переработана. Я считаю, что Конституцию нужно время от времени пересматривать, хотя бы с точки зрения идеологических основ. Сейчас в Конституционном Суде прослеживается интересная тенденция — он отказывается от одних правовых позиций и переходит на другие. Мы наблюдаем этап развития живой Конституции.

— Конституция — это юридический документ. (*решение из зала*)

¹ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Но толковать Конституцию может только Конституционный Суд. Я надеюсь, Вы не отрицаете, что существует правовая идеология. А если она существует, то нужно ее максимально точно формулировать.

— Совсем другое дело, если бы ст. 13 интерпретировали так, что выраженная в ней идеология — это идеология естественных прав человека. (*реплика из зала*)

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Да. Концепцию естественных прав необходимо дополнить, она явно недостаточна. Потому что, кроме естественных прав человека, надо ввести еще естественные права общества.

В. Е. ЧУРОВ: — Позвольте принять участие в дискуссии. Я воспринимаю Конституцию, как и другие, следующего уровня нормативные акты, в совокупности статей, не выдирая статью или ее часть по отдельности. На практике тоже часто приходится применять совокупность норм, законодательство о выборах или что-либо другое. Приведу простой пример. Законодательство о защите чести и достоинства в России было «убито» не Конституцией, а, как вы знаете, определением Пленума Верховного Суда о том, что важнейшим является факт, доказывающий, что человек, оклеветавший или сделавший что-либо подобное, заведомо знал, что он говорит неправду. Все, соответствующая статья была практически сведена на нет.

Точно так же обстоят дела и с Интернетом. Правовое регулирование Интернета в нашей Конституции, как и в конституции любого другого государства, в том числе и одной из самых стабильных конституций — Соединенных Штатов Америки, отсутствует. Нужно проявить гражданское мужество, смелость и определить соответствующее законодательство. И рано или поздно все страны к этому придут. Потому что я не согласен с тем, что Интернет — это всемирная помойка. Я часто и довольно долго пользуюсь Интернетом. Только для меня существуют два Интернета. Один — это нормальный и достоверный источник информации в каких-либо областях, другой — это действительно нечто совершенно удивительное по своей аморальности. Но это разные стороны одной технической идеи. Точно так же в рамках одной технической идеи существуют электростанции и атомная бомба. И они регулируются разными нормами права. Вот здесь и нужно проявить гражданское мужество и пойти по пути регулирования.

Приведу в пример Википедию. Зайдите туда, там периодически обновляется страничка Чурова, в частности почему-то там сказано, что у меня нет других наград, кроме ордена Южной Осетии «Знак Почета». В этом нет ничего зазорного, я горжусь этой наградой за помощь и содействие в становлении этого государства. Но у меня, кроме этой награды, есть еще и орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени и орден Дружбы. Но это обходят вниманием. А ведь Википедия задумывалась как источник объективной и точной информации. Поэтому необходимо думать над тем, как привести ее в соответствие с замыслом. А Конституцию трогать нельзя.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ¹: — Уважаемые коллеги, хочу сразу поддержать мнение, высказанное в дискуссии уважаемым Андреем Геннадьевичем, в частности, что право, национальные системы права — это вместилище культуры, составная часть культуры и что соответственно каждая национальная правовая система выступает помощницей существованию культуры, и не только правовой, а культуры в самых разных ее общественных проявлениях и озабоченностях. Это момент существенный и общезначимый. Вместе с тем мы знаем, что право фиксируется с помощью теории и так или иначе отражается в политической мысли. Мой доклад как раз и посвящен близкой данному подходу теме, названной «Русская философия права в диалоге культур». Я рассматривал под этим углом зрения творчество двух крупных ученых — Владимира Сергеевича Соловьева (выдающегося русского философа и публициста второй половины XIX в.) и академика РАН Владика Сумбатовича Нерсесянца, современника и оригинального комментатора перехода от социализма к постсоциализму (последняя треть XX в.).

Мой выбор выпал на людей незаурядного философского склада, которым оказалось под силу высказать в диалоге культур нечто памятное и фундаментальное. Многие становятся понятным, если принять во внимание духовную ситуацию того периода истории России и мира, в который им пришлось жить и размышлять о фундаментальных вопросах человеческого бытия, включавших в себя также вопросы политического и правового общения. Чем мог увлечься незаурядный и самостоятельно мыслящий молодой человек во второй половине XIX столетия? Ясное дело, что не в последнюю очередь либерализмом, патриотичным консерватизмом или социализмом, но, как оказалось, не только этим. Перепробовав все это в мечтах и замыслах, Владимир Соловьев создал такую идейно-политическую конструкцию, по которой его нельзя зачислить ни в славянофилы, ни в либералы, ни тем более в социалисты. Его конструкция определенным образом переосмысливает западноевропейскую либеральную политическую и социальную философию и отчасти сближается с учениями о свободе и справедливости в наборе более радикальных ориентаций. В этом подходе и выразилось незаурядное своеобразие соучастия Соловьева в диалоге культур, в данном случае в диалоге русской социально-философской культуры и западноевропейской.

Творчество Нерсесянца интересно другими ракурсами диалога и его тематического своеобразия. В нем постоянно присутствует обсуждение взаимоотношений европейского и неевропейского философско-правового наследия, дореволюционного русского и советского наследия, к тому же оказалось необходимым осмыслить и обозначить свою позицию в постсоветском идейном пространстве. Нерсесянец — один из немногих

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор. Член редколлегии журнала «Государство и право». Член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ по праву и политологии, координатор Экспертного совета отдела философии, социологии, правоведения, политологии и науковедения Российского гуманитарного научного фонда.

юристов-современников, которые сумели неординарно осмыслить и прокомментировать сложившуюся социально-историческую ситуацию.

Вчерашнее выступление уважаемого Даниила Александровича Гранина произвело на меня огромное впечатление. После него трудно выступать — это другой уровень. То было обдуманное и глубоко прочувствованное рассуждение мудреца, оно по природе своей сильнее и масштабнее логически выверенной позиции, высказываемой представителем той или иной науки.

Очень своеобразное резюме было у Александра Сергеевича Запесоцкого, уважаемого организатора. Оказывается, до сих пор много неясностей с субъектом культурного общения. По моему мнению, субъект культурного общения — это каждый из нас, однако говорить сегодня о глобальной культуре, мне кажется, преждевременно. У меня это ассоциируется вот с чем. Когда-то римлянам довелось не только покорять или иным способом присоединять другие народы к своему политическому общежитию, но дополнительно устанавливать с ними прочные правовые отношения и тем самым признавать приемлемость и действенность некоторых правовых обычаев чужеземцев в их общении с римлянами. Так возникло право, которое было названо правом общенародным (*ius gentium*) и впоследствии стало именоваться международным правом. Так возникло затем право, общее для всех или, по крайней мере, для очень многих народов европейского исторического региона.

Я думаю, что сегодняшней Интернет в какой-то мере выступает местом возникновения и поддержания общенародной культуры нового рода и свойства. Кстати, из всех выступающих по данной тематике мне показалась вполне убедительной позиция Юргена Штрауба, профессора философии из Рурского университета. Он говорил о необходимости признать существующей межкультурную компетентность. Что это такое, легко понять из следующего примера. В любой нашей школе совместно учатся (или могут учиться) русские, армяне, грузины, азербайджанцы. Вот где возникает вольноневольное межкультурное общение, и вместе с тем — межкультурная компетенция. Я считаю, что все мы — участники диалога культур, потому что, приобщаясь к сведениям о культуре других народов, мы становимся участниками заочного межкультурного диалога. Спасибо.

В. Е. ЧУРОВ: — У меня два вопроса к Вам, Владимир Георгиевич. Первый: насколько совпадает понятие глобальной культуры как правовое понятие с понятиями всеобщей и универсальной культуры?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Я не знаю, как это растолковать. Мне кажется наиболее приемлемым для анализа и обобщений в данном случае словосочетание «цивилизационная культура».

В. Е. ЧУРОВ: — Но она всеобщая или...

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Нет, если речь об определенной цивилизации. Если есть исламская цивилизация, то ее цивилизационная культура включает вполне определенные компоненты и параметры, а что касается миро-

вой цивилизации... Я не знаю, что такое мировая цивилизация.

В. Е. ЧУРОВ: — Возьмем Интернет: мы говорим, что это элемент глобальной культуры. В России, по последним данным, 40 млн человек хотя бы раз пользовались Интернетом (из 142 млн населения). В Китае этот процент еще меньше. И даже на территории Соединенных Штатов Америки далеко не все пользуются Интернетом. Простой пример. Сейчас, скажем, внедряется электронное правительство России, можно будет выписать через Интернет загранпаспорт, можно билеты заказать. А где же равноправие? А если у кого-либо нет доступа к Интернету? Следовательно, получается, что электронное правительство не для всех. Второй вопрос у меня очень простой. К примеру, обычный стул является глобальной культурой?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Раз он полезен в общежитии человеческом и качественно сделан, то почему же не считать его элементом культуры? Но культуры потребительской. Наш разговор сегодня о культуре общения. Я воспользуюсь суждением древнеримского юриста, который говорил, что право — это искусство полезного и справедливого. Если правовая культура — это то, что полезно и справедливо в общении, то почему бы не признавать ее во всех возможных проявлениях? Хотите — в виде глобальной, хотите — национальной, хотите — в межличностном общении.

В. Е. ЧУРОВ: — Многие люди в мире не сидят на стульях.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — А зачем тогда вспоминать стул, если не использовать его по назначению, а сидеть только на корточках? Какой смысл тогда обсуждать, является ли стул элементом культуры?

В. Е. ЧУРОВ: — Нет. Смысл не в этом. Я придерживаюсь той точки зрения, что понятие глобальной культуры (правовой и других культур, в том числе и бытовой) не является синонимом всеобщей культуры и универсальной. То есть мы не сможем назвать ни одного элемента глобальной культуры в любой отрасли — правовой, военной, бытовой, национальной и так далее, который был бы всеобщим и универсальным. Это очень важно. Даже Интернет — глобальная сеть, на мой взгляд, не является всеобщей, универсальной. И это легко доказать, я еще раз повторю: очень небольшая часть населения Земли пользуется Интернетом.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Кстати, универсальное и всеобщее — это одно и то же, потому что слово «всеобщее» по сути перевод на русский язык слова «универсальный». В более точной трактовке слово «универсальное» означает «многоединое», то есть, будучи использованным для описания какого-то процесса, оно предполагает в этом процессе сочетание в одно и то же время разнобразного и похожего единого. Если нет Интернета, но есть газеты, все равно имеет место, условно говоря, информационная культура. Так как и газеты, и Интернет есть средства информации, а культура суть способ передачи информации.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Возьмем, к примеру, Великобританию, которая хорошо оснащена Интернетом, но представить ее без почтовой службы невозможно. Право было дано, может быть, вынужденно было дано, но все-таки дано. Сейчас же мы находимся в такой ситуации, когда международные правила должны формироваться, условно говоря, преторами.

В. Е. ЧУРОВ: — На мой взгляд, Интернет является глобальной сетью, или элементом глобальной культуры, или бог знает еще чем только для тех, кто имеет к нему доступ и умеет им пользоваться. Для всех остальных он таковым не является. Я приведу простой и экстремальный пример. Предположим, произошло землетрясение. И некая продвинутая страна желает распределять гуманитарную помощь только по заявкам через Интернет. Это будет гуманно? Это соблюдение прав человека? На мой взгляд, нет.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Позвольте предоставить слово Елене Митрофановне Доровских.

Е. М. ДОРОВСКИХ¹: — Добрый день, дорогие коллеги! Прежде всего, я хотела бы вернуться к названию конференции — «Диалог культур, партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». В рамках нашей секции мы говорим о праве, правовой культуре, на положении и развитии которых не могут не сказываться процессы глобализации. Собственно в этом контексте относительно права сразу возникает вопрос о соотношении и взаимозависимости международного и национального права. На это уже обратил наше внимание в своей вступительной речи председательствующий секции — член-корреспондент РАН А. Г. Лисицын-Светланов. Итак, что будет происходить с правом, если изменится состав «игроков»? То есть, если до сегодняшнего дня определяющей была позиция европейских стран, и положение европейского права, выработанного на протяжении веков, было превалирующим для большинства стран мира, что же мы получим уже в ближайшие десятилетия? При смене парадигмы, когда на первый план выходит иная цивилизация, иная культура, предполагается и иное, отличное от подходов европейского права, решение проблем. Если мы обратимся к Китаю, то это более древняя цивилизация, чем европейская, и при доминирующем экономическом положении, которое Китай сейчас занимает, вполне вероятно такое развитие событий, когда тот понятийный аппарат и то понимание права, которые сформировались в китайской правовой системе, могут со временем стать превалирующими и в международно-правовой сфере. То же самое можно сказать и об Индии, и о мусульманских странах. Возрастает угроза размывания сложившейся системы международного права, а происходящие здесь изменения — особенно в условиях глобализации — не могут не сказаться и на развитии национального права. Причем это затрагивает интересы не только европейских стран, но и всех тех стран, внутреннее право которых будет отличаться от вновь складывающейся доминирующей позиции в международном праве.

Понятие «глобальный» не тождественно понятиям «всеобщий», «универсальный», поэтому можно предположить, что становление глобальной культуры, в том числе и правовой культуры, дальнейшее развитие международного права и соответственно национального права (в силу взаимозависимости) не будет бесконфликтным.

Российское право, если можно так выразиться, — дитя европейской правовой культуры. Меня поразило выступление доктора Арманда Клесса на пленарном заседании, который возложил на Россию миссию возрождения европейской духовности. С одной стороны, было очень приятно услышать столь эмоциональное признание роли России. Но, с другой стороны, я не уверена, что у нас уже в полной мере сложилось правовое государство, способное в значительной степени повлиять на ситуацию, когда существуют такие сильные игроки, как Китай, Индия, мусульманские страны. Хотя, как говорится, дорогу осилит идущий.

Представленный мною доклад посвящен вопросам правового регулирования в сфере культуры и его влиянию на национальную безопасность страны. Тема, конечно, если ее рассматривать в контексте процессов глобализации, может восприниматься как достаточно узкая. Но я думаю, что в чем-то профессор Клесс был прав, потому что сохранение и защита духовности, в чем не последнюю роль может сыграть и развитие российского права, а в свою очередь возрождение духовности самым непосредственным образом влияет на развитие права, на состояние государства, вполне оправданны. Однако, мне хотелось бы обратить внимание, на то, что когда говорят о правовом регулировании в сфере культуры, понятие «культура» понимается очень узко — это театр, кино, выставки, музеи, правовое положение работников сферы культуры и т. д. Мне представляется, что юристам давно пора гораздо шире подходить к регулированию вопросов культуры и рассматривать ее как основу и определяющий фактор в развитии государства. В связи с этим целесообразно начать разработку концепции культурного развития страны. Потому что культура многогранна и многолика, и необходимо регулировать самые разные вопросы, от положения музеев до вопросов образования. И объединить это, на мой взгляд, можно, только приняв обобщающую концепцию, которая станет определяющей для развития законодательства в этой сфере. Аналогичное замечание следует высказать и в отношении правового регулирования в сфере национальной безопасности, которая у нас также трактуется очень узко — прежде всего как военная безопасность, информационная. А, собственно говоря, информация — это та же часть культурного среза. Невозможно здесь разъединять и вычленять что-то частное, не урегулировав и не расставив акценты в отношении общего. Назначение правового регулирования в сфере культуры — сохранение национальной самобытности, сохранение духовного потенциала, что и является подлинной основой национальной безопасности.

Вопросы культуры напрямую связаны и с построением правового государства, развитием демократии. Потому что только гражданин, который имеет возможность самореализации, является не просто достойным членом, но и имеет потенциал участвовать в формировании гражданского общества. Спасибо за внимание.

¹ Заместитель главного редактора «Журнала российского права», научный сотрудник сектора политологических исследований Института государства и права РАН (Москва), кандидат юридических наук. Автор ряда научных публикаций по политико-правовым вопросам.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — У меня маленькая ремарка. Елена Митрофановна вспомнила о Китае и о значении нового языка или языков в формировании культуры вообще и правовой культуры в частности. В связи с этим я вспомнил высказывание академика Титаренко, китаиста, директора Института востоковедения РАН. В то время, когда в Соединенных Штатах, в Европе обсуждалась проблема кризиса, и лучшие умы — экономисты, юристы, политологи — отмечали то, что кризис — это, с одной стороны, безусловно, испытание, а с другой — это возможность для развития, академик Титаренко обратил внимание на то, как иероглифами передается слово «кризис». Так вот изначально слово «кризис» иероглифами передается как «опасность» и «шанс». То есть это говорит о том, что в определенных представлениях китайская культура изначально заложила категоричный аппарат. Это первое, что изучает школьник вне зависимости от той ситуации, которая возникла. Просто кризисная ситуация — это и опасность, и шанс. Спасибо.

Теперь позвольте предоставить слово Геннадию Илларионовичу Муромцеву.

Г. И. МУРОМЦЕВ¹: — Уважаемые коллеги! Мое выступление следовало бы начать с вопроса о понятиях, которые заложены в названии темы нашей конференции: «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». Мне думается, что в этих словосочетаниях не все ясно. Что такое диалог культур? Вчера этот вопрос уже поднимался, и к единому мнению мы так и не пришли. Между тем взаимодействие и взаимовлияние культур сопровождают всю историю человечества. Мне кажется, что исторические факты такого рода мы подчас необоснованно рассматриваем как проявления глобализации. Давайте откроем фундаментальную работу шведского профессора Э. Аннерса «История европейского права». С чего она начинается? С истории права Древнего Египта, Шумера и Вавилона. А почему? Потому что право этих стран оказало немалое влияние на римское право, которое, в свою очередь, легло в основу континентального европейского права. Но, описывая это, Э. Аннерс ни разу не употребляет термин «глобализация».

Точно так же ислам, появившись в VII веке, в XII распространился в ряде регионов Африки и Азии, позже дошел до Кавказа, но никто не говорил, что это — глобализация. Вчера упоминалось, что примером проявления глобализации могут быть, допустим, выводы биологической науки. Но, простите, закон всемирного тяготения, который когда-то открыл Ньютон, тоже будет проявлением глобализации? По-моему, здесь у нас с логикой не все в порядке. Давайте определимся: что такое глобализация? Я не берусь открывать абсолютные истины, но если мы зададимся элементарным вопросом, что лежит в основе понятия «глобализация», то обнаружим, что это — термин «глобус», то есть земной шар. Иными словами, глобализация — это некие процессы, которые имеют планетарный, или глобальный характер. Так вот об этих процессах мы, видимо, и должны говорить.

Мне думается, этот термин нужно понимать двояко: и как процесс, и как его результат. В названии нашей

конференции, как мне кажется, заложено и то, и другое. Сначала диалог культур, партнерство цивилизаций, то есть некий процесс, а потом становление глобальной культуры. На мой взгляд, в плане процесса здесь все адекватно ситуации, а вот в плане результата я согласиться не могу.

Нет глобальной культуры в современном мире. Мы говорим об Интернете, мобильной связи — все это замечательно, но это чисто технико-организационные проблемы, я бы так сказал. И можно представить такую ситуацию, когда какой-нибудь африканец, выросший в условиях традиционного или полутрадиционного общества и не получивший европейского образования, сидя под банановым деревом, связывается через Интернет с Нью-Йорком или звонит по мобильному телефону в Европу. Хотя средства связи у него сверхсовременные, однако сам он по-прежнему остается носителем той культуры, в которой вырос, где окружающий мир и право понимают совсем не так, как в Европе. В этом и проявляется различие правовых культур.

И здесь я бы остановился вот на чем. Мы, исследуя закономерности права, обычно ограничиваем свое видение лишь европейской правовой культурой. Откроем работы того же Владика Сумбатовича Нерсисянца. Говоря о типах правопонимания, он выделяет легизм, юснатурализм и либертарную теорию права. Но это — взгляд на проблему с позиций лишь европейского правопонимания. Получается, то, что на Востоке, выходит за рамки и уже не является правом. В. А. Четвернин и его последователи считают, что это предправо, и исследовать его не нужно. Между тем здесь, как мне думается, лежат проблемы, объяснение которых позволит нам глубже познать специфику восточных культур и соответственно более грамотно строить свои отношения с их носителями. Я остановлюсь на двух моментах, с моей точки зрения, очень важных и в науке не отмеченных. Первый момент состоит в том, что всякое право возникает в истории, по крайней мере в умах современников этого процесса, как явление несотворимое, как данность, такая же данность, как окружающий мир, который возник сам собой, кто-то его «сверху» создал, но человек создать не мог. Потому что это право слитно с тем самым мировым порядком, в условиях которого живет человек. Объяснение этому видится в характере общества, адекватного начальным стадиям формирования права, а также мышления, точнее, миропонимания той эпохи, к сожалению, очень плохо изученного в современной науке.

Второй момент состоит в том, что со временем, когда постепенно развивается структура государства, сталкиваются две тенденции правового развития: с одной стороны, право, возникшее «само собой» — вечное, неизменное, универсальное, с другой — право, которое формируется «сверху», по воле государства, и изменяется вместе с изменением общества. На начальной стадии доминирует первое, затем они равны, а потом закон становится источником высшей юридической силы. Вот эту картину, давно сложившуюся в Европе, где религия и право разъединены, мы почему-то рассматриваем как универсальное явление. Но на Востоке-то, как правило, все наоборот. Сплошь и рядом право, государство, власть, религия — это нечто целое, нераздельное и неразрывное, по крайней мере на определенном

¹ Профессор теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук.

уровне структуры традиционно-религиозного права — индусского, иудейского, мусульманского и т. д. Лишь буддистская религия не включает в свою структуру право, составляя в этом смысле исключение.

Здесь встает еще один вопрос, который мы обычно не замечаем: как формировалась религия на Востоке и в Европе? Хотя, строго говоря, все мировые религии — явление восточное: ведь христианство тоже возникло на Востоке. Так вот специфика Востока состоит в том, что процесс формирования права и религии в таких традиционно-религиозных системах, как индуизм, иудаизм, ислам, зороастризм, начинается более или менее одновременно и идет параллельно. В итоге право действует слитно с религией, в качестве важнейшего составного элемента религиозной системы. В отличие от этого, христианство возникает тогда, когда в Европе уже сложились развитые государство и право, когда «ниша», в которой на Востоке действует религиозное право, уже занята. Правда, со временем, когда христианство стало государственной религией в Риме, право и религия стали здесь элементами единой политической системы. Однако «технология» формирования права в условиях европейского общества, весьма отличного от общества восточного, обусловила еще одно различие: если на Востоке религиозное право, действуя, как правило, в границах распространения соответствующей религии, интегрировало в себя «государственное» право, то в Западной Европе конкуренция юрисдикций — светской и церковной — была, по мнению Г. Дж. Бермана, основной чертой правового развития. В истории государства и права существует полоса, когда светская власть в лице государства и религиозная власть, выступающая в Европе в форме церкви (на Востоке ее, как правило, нет), ведут борьбу за верховенство. И если в Западной Европе государство и церковь выступают при этом как самостоятельные субъекты власти (это разъединение произошло после так называемой «папской революции» Папы Григория VII в XII в.), то на Востоке, по крайней мере мусульманском, и в наши дни не преодолено отождествление государства с общиной верующих. Поэтому его взаимоотношения с религией и правом обладают существенными особенностями. Так, конституции европейского образца, действующие в большинстве из них, одновременно закрепляют государственный характер ислама и провозглашают шариат основным источником законодательства. Такие конституционные формулы могут трактоваться отнюдь не одинаково. Жители этих стран, получившие европейской образование и мыслящие по-европейски, могут рассматривать их лишь как дань культурной исламской традиции. Однако для тех, кто видит мир сквозь призму ислама, эта формула может означать как равновесие между шариатом и конституцией, так и его верховенство в системе источников права.

И здесь мы тоже упираемся в большую проблему, рассмотрение которой потребовало бы много времени. Суть ее в том, что когда мы говорим о восточных правовых системах, то обычно трактуем их по-европейски. Откроем современные учебники по теории государства и права. Практически в каждом из них есть главы и разделы, посвященные основным правовым системам современности, дающие по сути правовую карту современного мира: романо-германское право, англосаксон-

ское право, мусульманское право и т. д. Но может ли кто-нибудь из присутствующих назвать хотя бы одну страну, где мусульманское право является национальной правовой системой? Таких стран в современном мире нет. Тот же Рене Давид, рассматривая мусульманское право, применительно к Средневековью говорит о мусульманском праве, а применительно к современности — о праве мусульманских стран, правовые системы которых включают элементы мусульманского и европейского права.

Так вот: вопрос, который я хотел обсудить, состоит в том, что когда мы говорим о том же исламе, о том же иудаизме, мы должны иметь в виду, что их структура также включает в себя некие культурные пласты, один из которых — право несотворимое, само собой возникшее, другой — право рукотворное, так его условно назовем. Причем это не только восточная закономерность, мы и в римском праве найдем деление на *fas* (то, что идет от бога и что неизменно) и *jus* (то, что создают люди). Это есть едва ли не в любом древнем праве. Однако если в Европе такое деление давно преодолено, то в культурах Востока оно нередко сохраняется. Одно из его проявлений — отмеченные выше конституционные положения о государственном характере ислама и шариате как основном источнике законодательства. Другой пример — явление фундаментализма в современном исламе. Его представители мыслят категориями раннеклассового общества времен пророка Мухаммеда. Право для них слитно с религией и несотворимо. С позиций европейской правовой культуры это право нельзя назвать правом, тогда как для мусульманина-фундаменталиста оно не только им является, но может иметь высшую юридическую силу.

Давайте задумаемся над таким фактом. Во время Великой Отечественной войны мы поклонялись героизму Александра Матросова, который, чтобы обеспечить успех атаки, своей грудью закрыл вражескую амбразуру. А сегодня с интервалом в несколько месяцев, а подчас недель и даже дней мы получаем информацию: то в одной, то в другой точке мира (к сожалению, подчас и у нас в России) мусульманин-смертник взорвал себя где-то в публичном месте в стремлении прихватить с собой как можно больше «неверных». К сожалению, это стало почти повседневностью. А почему? Какие внутренние пружины здесь работают? Они есть и связаны с культурой, с характером видения мира. За неимением времени я не буду этого раскрывать, я только обозначу проблему. Она тоже упирается в правовую культуру, но культуру раннеклассовую, где всякое социальное регулирование невозможно вне религиозной формы, а божественный закон для таких людей самый значимый, самый важный. И когда им говорят: «Иди и взорви себя. Уничтожишь неверных и встретишься с Аллахом», они искренне верят, что делают благое дело и действительно встретятся с Богом. Здесь есть большие проблемы. Они упираются в характер общественного сознания в странах Востока, которое никаким образом с сегодня на завтра не изменишь.

Я эти примеры привожу лишь в качестве иллюстрации, потому что проблема, о которой идет речь, действительно глобальная. Для того чтобы мало-мальски основательно это изложить, нужно не несколько минут, а хотя бы несколько часов. Вывод мой состоит в том,

что методология исследования проблемы глобализации страдает односторонностью. Глобализация рассматривается, как правило, сквозь призму лишь европейского правопонимания, тогда как на самом деле проблема гораздо шире и включает также пласт восточной культуры и ее «стыков» с культурой европейской. А эти аспекты проблемы обычно не учитываются. С моей точки зрения, в обозримом будущем о какой-то мировой культуре, которую мы обозначили в заголовке нашей конференции, и речи быть не может.

Причин тому множество. Прежде всего, сам термин «глобализация» предполагает некое единство культур в мировом масштабе. Мы имеем их множественность, и предпосылок для их унификации в сегодняшнем мире нет. Вывод, сделанный вчера на нашей конференции, что не может быть единой культуры в мире, представляется вполне справедливым. Наконец, серьезнейшим тормозящим фактором является проблема ресурсов. Для того чтобы жить, как в Европе или в Америке, нужна некая экономическая основа. А сегодня только Соединенные Штаты Америки потребляют около 46 % мировых источников энергии. Что остается на долю остальных стран, например, африканских? Ничего. К сожалению, разрыв между самыми богатыми и самыми бедными странами не только не сокращается, но увеличивается. Значит, в глобальном плане наши логические посылы не стыкуются. На этом позвольте и закончить. Спасибо!

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: Спасибо, Геннадий Илларионович. Вопросы, пожалуйста.

А. А. МОИСЕЕВ¹: — Как Вы соотносите понятия «глобальный» и «международный», а также «глобализация» и «интеграция»?

Г. И. МУРОМЦЕВ: — Во-первых, понятие «международный» существовало с тех пор, как появилось государство. Потому что, говоря «международный», мы подразумеваем «межгосударственный». Что касается глобализации и интеграции, то опять-таки понятие «интеграция» исторически возникло гораздо раньше и подразумевало совсем другое. Вспомним, например, ленинский посыл о двух тенденциях в национальных движениях. Одна тенденция — к национальному обособлению, созданию национально чистых государств. Это — ранний капитализм. Другая, противоположная — к интеграции, стиранию национальных границ и созданию мирового рынка — характерна для развитого капитализма. Но о глобализации он не говорил.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо большое. Слово предоставляется Алексею Александровичу Моисееву.

¹ Профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ (Москва), руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук. Автор более 35 научных публикаций, в т. ч. книг: «Международные кредитно-финансовые организации: правовые аспекты деятельности», «Суверенитет государства в современном мире: международно-правовые аспекты», «Международные финансовые организации (правовые аспекты деятельности)», «Суверенитет государства в международном праве» и др. Доктор права Австралии. Почетный исследователь Университета Сиднея. Член Российской ассоциации международного права.

А. А. МОИСЕЕВ: — В контексте темы нашей встречи, особенно в рамках юридической секции, я бы сразу поставил акцент, особенно если мы говорим про правовую культуру и правовые достижения в глобальном масштабе, на международном праве. То есть культура, сформулированная в международном праве, и есть то глобальное достижение, которое имеет человечество. Представьте себе, мы порой не можем договориться с соседом о том, где должен стоять, к примеру, веник. А здесь мы имеем общие нормы для всех народов, у которых не только разная история, разная религия, разное государственное устройство, разное историческое прошлое, и при этом они живут по единым нормам. Это, безусловно, колоссальное достижение. Но достижение только на данный момент, мы понимаем, что право продолжает развиваться, то есть это не застывшая материя.

Другой момент, который необходимо отметить в этом контексте, — это тот водораздел, о котором можно рассуждать, проводя грань между национальной культурой, правовой и международной, глобальной, хотя нужно сказать немного по поводу глобального, международного. На предыдущих Лихачевских чтениях я делал сообщение по поводу глобализации. Тут действительно возникает путаница и подмена понятий. На мой взгляд, глобализация и глобальное не имеют отношения к праву, это экономические явления, которые в силу модных тенденций у всех на слуху. Водоразделом между национальными и международными явлениями выступает суверенитет государств, который всегда толкуется по-разному. Вдобавок углубление интеграции ведет к тому, что государства сближаются между собой, и это, безусловно, приводит к ограничению прав. Более того, если мы вспомним выступление Генерального секретаря ООН Бутроса Гали в 1992 году, где он прямо заявил, что время абсолютного и исключительного суверенитета прошло, а также и другие высказывания, которые вводят в заблуждение в отношении этого термина и позволяют рассуждать на эту тему с противоположных позиций, которые порой непримиримы и соответственно не вносят никакой ясности, что же такое суверенитет, то есть не дают нам ясной картины. Во-первых, нужно признать, что, подписывая тот или иной международный договор, государство делает это добровольно и вправе рассматривать это не как ограничение, а как реализацию своих прав. И подписание любого международного договора, и вступление в любую международную организацию происходят постольку, поскольку это государствам выгодно. При этом государство реализует такой объем прав, когда традиционные вопросы, относящиеся к внутренней компетенции государства, передаются в ведение международных организаций.

Здесь можно говорить и о явлении надгосударственности, опять же обращая внимание, что путаница между надгосударственностью и надгосударственными организациями, международными организациями также существует. Не буду на этих отличиях подробно останавливаться. Но даже государственная валюта может передаваться в ведение международных организаций. Это действительно очень существенно, и это достижение человечества, культуры, общения и возможностей государств и связано прежде всего с интересами самих

государств. Я стараюсь быть лаконичным, конечно, любой из этих тезисов может быть развернут.

В чем порой бывает путаница? Путаница заключается в том, что часто суверенитет путают с тем объемом прав, которые имеет государство, точнее государственная власть, и тот универсальный объем прав, который обеспечивается именно суверенитетом. Международные обязательства государств не ограничивают их универсальной правоспособности, и в универсальности набора этих государственных прав, видимо, и кроется путаница суверенитетов. То есть суверенитет — нечто универсальное, универсальный объем прав, из-за этого и возникает неразбериха. Очень часто мы слышим о том, что у государств существуют суверенные права, но они суверенные не потому, что являются частью суверенитета, а потому что они государственные. Мы не можем суверенитет разбить на какое-то количество прав. Но это не означает, что они являются частью суверенитета.

Еще одна идея, которая по-разному толкуется. Если мы представим, что в мире осталось всего одно государство, и начнем рассуждать по поводу суверенитета, то он окажется ненужным. И следующее логическое заключение этого тезиса состоит в том, что суверенитет по большому счету имеет только внешние проявления. Мы знаем традиционное определение суверенитета, в котором говорится, что суверенитет — это независимость государства во внешних отношениях и верховенство власти внутри государства. Так вот в современном мире суверенитет все больше проявляется именно вовне, причем наша история подтверждает, что как только мы начинаем говорить про суверенитет внутри государства, то сталкиваемся с проблемами, которые даже логически не укладываются в понятие государства.

Какова же тогда основная идея суверенитета в мире на современном этапе? А она на современном этапе заключается в том, что государство благодаря этому качеству способно и в состоянии в любой момент взять на себя осуществление необходимых ему полномочий либо отказаться от осуществления тех или иных полномочий, даже включая те полномочия, которые были приняты ранее, в рамках тех или иных международных обязательств. Исходя из этого говорить, что суверенитет государства зависит от того или иного объема государственных прав, неверно. В отличие от государственных прав, суверенитет государства неделим и как качественная категория сохраняет абсолютный характер, является абсолютным качеством, представляет собой единую волю народа, то есть он либо есть, либо нет. Также в силу абсолютного характера суверенитета любое государство не подчиняется власти и правовым нормам других государств.

Вместе с тем, если говорить про правоспособность государства (не путать с правосубъектностью), которая как раз обеспечивается суверенитетом, то, безусловно, правоспособность любого государства ограничена и, скорее всего, будет все больше ограничиваться. Правоспособность напрямую связана с властью государства, и если посмотреть на любую власть, то она максимально ограничена не только международным правом, но и внутригосударственным правом, не только правовыми нормами, но и политическими обязательствами, заяв-

лениями, любой чиновник в своих выступлениях будет максимально осторожен и корректен.

Другим доказательством этого может быть сравнение предвыборных программ, которые зажаты в такие рамки, что отличия между позициями того или иного политика в известном смысле можно обнаружить только в мелочах. Один выступает за увеличение пенсионного обеспечения, другой обещает уменьшить тот или иной налог. То есть речь не идет о кардинальных переменах. Это все те правовые рамки, в которых действует любая власть. И это же объясняет, что говорить об абсолютной правоспособности государства тоже не приходится, она действительно ограничена. Однако правосубъектность государства абсолютна.

Завершая свое выступление, я хочу сказать, что суверенитет как качество государства имеет отношение к вопросу существования государства, его правосубъектности, его существования в мире как субъекта международного права. В этом, в общем-то, и выражается основная ценность этого качества. Что же касается правоспособности государства, то она, конечно, является ограниченной, поскольку реализуется любой государственной властью. Спасибо.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к концепции «мягкого суверенитета» в Европе? Можно ли говорить о суверенитете стран Европейского Союза в настоящее время?

А. А. МОИСЕЕВ: — Действительно, европейская интеграция является наиболее продвинутой в мире. Это признается всеми. Однако там существует очень много подмен. Мы с вами понимаем, что то гражданство, которое существует в ЕЭС, это не гражданство в общепринятом смысле, и тот орган, который назван парламентом, не является парламентом в чистом виде. Теперь что касается «мягкого суверенитета», это, скорее, точка зрения некоторых политологов, потому что такого явления в праве не существует, и соответственно государства Европейского Союза в полной мере являются суверенными. И то, что государства передают какие-либо права в компетенцию международной организации (Европейский Союз), вовсе не означает, что они не могут реализовывать эти права, не могут в любой момент приостановить реализацию этих прав в международной организации и взять их обратно на себя. Мы имеем тому массу примеров в том же Валютном союзе. Далеко не все государства ЕЭС в нем участвуют, периодически ставится под сомнение участие-неучастие тех, кто уже участвует и т. д. Этот вопрос касается не правосубъектности, а правоспособности государства и не затрагивает суверенитет государств. Я думаю, что развитие федерации в контексте ЕЭС просто невозможно.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо большое. Коллеги, видите, какой интересный поворот получается. Такие категории, как «суверенитет», «федерация» — это институты, которые были созданы в Европе и наполнялись содержанием до определенного времени исключительно государственными действиями. Но возникает другая проблема — насколько эти идеи, постулаты будут восприниматься сообществом других государств. А это как раз и есть процесс развития

международного права. Насколько воля, появившаяся в одном месте, восприимчива в других местах. А теперь — выступление Марины Викторовны Немытиной.

М. В. НЕМЫТИНА¹: — Уважаемые коллеги! Мне представляется, что далеко не все грани деятельности академика Д. С. Лихачева были отражены в ходе вчерашних выступлений. Директором Библиотеки Конгресса США Джеймсом Х. Биллингтоном и Д. С. Лихачевым в 1998 году была инициирована программа «Открытый мир». Эта программа позволила достаточно большому числу социально-активных российских граждан посетить Америку, познакомиться с жизнью американцев, деятельностью государственных и общественных институтов США. Одним из основных условий программы было проживание российских граждан в американских семьях.

Так, в период с 28 июля по 30 сентября 1999 года с краткосрочными визитами продолжительностью 10 дней США посетило 2150 российских лидеров федерального, регионального и местного уровней из разных российских регионов, от Калининграда до Камчатки. Их сопровождали более 500 переводчиков. Участники программы разъехались по всей Америке, посетив 538 американских городов в 45 штатах и округе Колумбия. Говорят, что Д. С. Лихачев лично занимался отбором участников. И еще одна деталь. День окончания этих обменов — 30 сентября 1999 года — совпадает с датой смерти академика Лихачева. Как участник этой программы, могу сказать, что образ жизни, который можно познать, проживая в семье в глубинке США, параллельно знакомясь с интересующими тебя в профессиональном плане институтами общества и государства, — это непередаваемые впечатления от чужой культуры, ее живое восприятие. Этого не прочитаешь в книгах.

К чему я все это вспомнила? Зачем было заведующему Отделом древнерусской литературы Института русской литературы заниматься организацией международных обменов? Пример Д. С. Лихачева учит тому, что наука — это не только чтение лекций студентам и написание книг и статей для достаточно узкого круга заинтересованных коллег. Наука — это служение людям, обществу.

Могу сказать, что юридическая наука — это особая наука, потому что юристы связаны с политикой, формируя законодательство, участвуя в деятельности разного рода государственных структур. Юристы занимаются правовым обеспечением бизнеса. Юристы оказывают правовую помощь гражданам, защищают их права. И та культура, которую закладывают юристы, — это правовая культура в сфере экономики, экологии, информатизации и прочих сферах жизни общества.

Хочу обратить внимание на специфику правовой культуры России. На протяжении 70 с лишним лет право России было обособленным, замкнутым, закрытым. И преодолевать эту обособленность отечественного права, открывать границы, интегрироваться в мировое правовое пространство крайне сложно. Сложно было в 1990-е годы. Сложно до сих пор.

¹ Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор.

Я бы сказала, что современное российское право — юриспруденция как наука, законодательство, практика правоприменения — ведут диалог не только с зарубежными правовыми культурами, но и с собственной отечественной правовой культурой. В 1990-е годы было достаточно сложно включать в наше право институты, которые давно существуют на Западе. Не менее сложно было возрождать отечественные правовые ценности, существовавшие в дореволюционной России.

Так, наверное, в уголовном процессе не изобрели ничего лучшего, чем принцип состязательности. Он действует за рубежом. Он широко применялся в дореволюционном отечественном судопроизводстве. Но в современной России он до сих пор не воплощается в жизнь полностью. Стороны обвинения и защиты в уголовном процессе не равны. В избирательном праве пропорциональная система выборов поначалу не воспринимались нами. Но, взятая из зарубежного опыта, она даже получила преимущества по сравнению с действующей у нас мажоритарной системой.

Но в последнее время тенденции государственно-правового развития России изменились, и мы вспомнили, что нужно вести диалог еще и с советской правовой культурой.

В связи с этим надо вести речь о сравнительно-исторических исследованиях.

Теперь по поводу интеллектуальных технологий. Знаете, интеллектуальные технологии мы чаще связываем с техническими специальностями. Но с точки зрения западной науки уровень развития общества определяют технологии в гуманитарной сфере, потому что они воздействуют на общество. Наверное, их тяжелее изобрести. Но там есть полезные для общества алгоритмы и подходы. Может быть, в интеллектуальной технологии нельзя замыкаться на одной науке, например на юриспруденции, а необходимо искать синтез с пограничными областями знаний.

Так, в качестве интеллектуальной технологии можно предложить модель адаптации зарубежного опыта в современных российских условиях. Это изложено достаточно подробно в материалах конференции. Я понимаю, что это довольно спорно. Могут возразить, что зарубежный опыт, как и всякий другой, нельзя перенять и воспринять, потому что опыт — это то, что надо пережить.

Перенимая и воспринимая этот опыт, мы должны многое учитывать, в первую очередь свою историю. Потому что мы живем в стране, где правовая традиция все время прерывалась. Когда мы перенимаем какой-то новый институт, его необходимо сначала опробовать на малых моделях. Такие попытки у нас были — суд присяжных, если помните, вводился в девяти субъектах Федерации, ювенальную юстицию пытались точно включить и внедрять в разные суды. Но мы не сопровождали это серьезным мониторингом. Попытки были, но выводов сделано не было. И мы получаем, как представляется, отрицательный опыт реализации суда присяжных. Я еще раз подчеркну: очень важно не только изучение той социальной среды, где успешно действуют эти институты, но и той, куда они внедряются. Спасибо за внимание.

— Правильно ли я понял, что Вы призываете породить социологию права у нас в стране? (*вопрос из зала*)

М. В. НЕМЫТИНА: — Я не призываю ее возродить, это было бы слишком амбициозно с моей стороны. Предлагаю обратить внимание на проведение социологических исследований. То, что мы сейчас делаем, — это какие-то подчас абстрактные умозаключения и логические конструкции, которые основаны не на социальном опыте — прошлом, настоящем, а на прогнозах социального плана на будущее. А что касается социологизма, социологической юриспруденции, мне кажется, что это объективная потребность. Без изучения социального опыта, социальной ситуации ничего не получится. Но для проведения даже небольших социологических исследований у нас нет ни методик, ни методологии. Здесь нужно вести речь о взаимодействии с другими науками.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо большое. Я целиком и полностью разделяю позицию Марины Викторовны. В связи с этим хочу вспомнить рецепцию Кодекса Наполеона в Бельгии, в стране, находящейся в том же поле правовой культуры, что и Франция. Она продемонстрировала, что один и тот же акт гражданско-правового регулирования, один и тот же закон, один и тот же кодекс имеет разное применение во Франции и в Бельгии. Поэтому вопросы, связанные с особенностями каждой страны, обязательно надо принимать во внимание. А сейчас я хотел бы предоставить слово Илье Львовичу Честнову.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Если позволите, я хотел бы высказать несколько полемических соображений по поводу диалога культур. Во-первых, гегелевская философия права — это, прежде всего, социальная философия, выступающая теоретическим основанием социологии, потому что право — это момент, сторона общества, как говорил великий Гегель. Кроме того, я не могу согласиться с утверждением, что социология права умерла. Поэтому «несоциологического» права, если исходить из гегелевской философии, быть не может, как и не может быть «несоциологического» изучения права. Если право — это момент, сторона общества, то, как ни странно, нет чисто правовых явлений, которые одновременно не были бы социокультурными явлениями, экономическими, политическими и т. д. Поэтому глобализация — это не экономическая категория, а социальное явление, которое включает разные пласты, срезы, сферы, в том числе и правовой. Договор купли-продажи, например, включает разные сферы — гражданско-правовую, психологическую, экономическую и т. д. Я не могу согласиться с известным адвокатом К. И. Скловским, доктором юридических наук, что собственность — это чисто правовая категория. У права не может быть только правовых денотатов и тем более коннотатов. Например, уголовный процесс, кажется, — чисто юридическое явление. Как доказали представители школы правового реализма США еще в 1930-е годы, на выносимое судебное решение влияют и культура, и воспитание, и пол судьи, и религия, и вероисповедание. Католики и протестанты по-разному выносят решения по одним и тем же уголовным делам. Дискуссионным, на мой взгляд, является и вопрос по поводу правовой культуры. Культура и правовая культура в частности — это не некая объективная данность. Поэтому я не согласен с профес-

сором Г. И. Муромцевым, что у человека право возникает как некая объективная данность. В основе права, как и культуры, как и любого социального явления, лежит первичный «произвол», первичное социальное действие, которое затем, в процессе объективации, выдается за естественный ход событий. Конечно, право частной собственности — это вроде бы объективная данность, однако возникшая в определенную историческую эпоху в определенной культуре-цивилизации. Поэтому культура и правовая культура — это не какая-то объективная данность, это воспроизводимый социальный конструкт. Я не хочу сказать, что как мы захотим, так и сконструируем что-то. Нет, конечно. И совершенно справедливо утверждение М. В. Немытиной относительно важной роли социальной среды. Но адаптацию к социальной среде производит правящая элита и референтная группа, которая либо обеспечивает легитимацию правового института, либо нет. Япония по формальным характеристикам — это континентально-европейская правовая система. Если мы сравним основные кодексы, то особых различий не увидим, они есть, но приблизительно такие же, как между той же Францией и Бельгией или Германией и Италией. Но обращений в суды по гражданским делам в Японии в 10 раз меньше на единицу населения, чем в Западной Европе. Потому что элита, референтная группа, менталитет японцев, а наверное, и то, и другое, и третье привели к тому, что японцы прежде всего обращаются к примиренческим процедурам, а потом уже в суды. Есть такая интересная статистика, что из тех дел, которые доходят до суда, 2/3 заканчиваются примирением на стадии судебного разбирательства. До судебного решения доходит только треть дел, поступивших в суды. Поэтому можно ли утверждать, что Япония — это романо-германская правовая система? Вряд ли. Запад стал Западом в силу социального конструктивизма. Об этом замечательно пишет знаменитый ориентолог Эдвард Саид в работе «Ориентология. Западные концепции Востока» (СПб., 2006). Запад сформировался как некое целое благодаря противопоставлению себя Востоку. И Восток тем самым был вынужден в некотором смысле (прежде всего, конечно, Ближний) интегрироваться в мусульманский мир. Поэтому, на мой взгляд, главным в правовой культуре является правовая идентичность, которая формируется населением, а затем проявляется во всем, что создано человеком в правовой системе. И смысл права заключается не в праве, а в общественных отношениях. Спасибо.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо. Слово для реплики попросила Мадина Балташевна Касенова. Пожалуйста.

М. Б. КАСЕНОВА¹: — Спасибо. Я бы хотела сказать несколько слов об Интернете. Мы должны понимать, что право не может быть ради права, оно выполняет определенные функции. Если мы говорим про Интернет, то возникает вопрос: каковы функции права для регулирования отношений в сфере Интернета? Что есть

¹ Профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ (Москва), кандидат юридических наук. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч. академического комментария к III части Гражданского кодекса Российской Федерации (ред. 2003 г. и 2005 г.), учебно-методического комплекса «Международное частное право» и др.

Интернет? Здесь уже говорилось, что есть техническая сторона, технологии, а есть и другая сторона. Получается, что сейчас право в России встало перед вопросом: каким образом регулировать отношения в сфере Интернета. Является ли Интернет массмедиа? Если да, то это одни правовые «одежды», а если нет? Другой вопрос, кто будет отвечать за это, и на каких правовых основаниях будут строиться отношения в области Интернета?

Следующий вопрос по поводу свобод, функции права, и на основании чего возникает ответственность? Что бы ни говорили о том, что виртуальный мир нерегулируем, все равно мы приходим к выводу, что право должно играть определенную социальную функцию регулирования отношений в сфере Интернета. Спасибо.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Но, когда мы говорим о правовом регулировании Интернета, это достаточно сложно представить. Потому что темпы его развития колоссальные, а выработка какого-то правила поведения, притом в любой форме — в мягкой, жесткой, на национальном уровне, на международном уровне, — это долгие годы. Даже Государственная Дума, осмысливая какой-либо проект, не голосу-

ет в один день сразу в трех чтениях. Это может занять и год, и два, это нормально. Поэтому ожидать в ближайшее время принятия каких-либо законов, регулирующих эту сферу отношений, — значит быть чрезмерным оптимистом.

Заканчивая нашу дискуссию, я хотел бы остановиться на некоторых акцентах, которые проявились сегодня со всей определенностью. Первое — национальные правовые культуры, несмотря на тезис о примате международного права, вряд ли трансформируются в нечто универсальное, глобальное и т. д. Вместе с тем прозвучали замечательные ремарки по поводу того, что мировая история и история мировой культуры неоднократно бросали человечеству не менее дерзкие вызовы за время своего существования. И поэтому вопрос: как человечество и культуры будут реагировать на эти вызовы, — не нов. Сейчас мы сталкиваемся с новыми явлениями, которые необходимо еще будет осмыслить, безусловно, будут найдены характерные решения для нашей эпохи. Спасибо большое.

Л. И. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые участники секционного заседания, благодарю всех за внимание.

Секция 5 ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ КАК ФАКТОР МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

14 мая 2010 г. Журналистский клуб (ауд. № 249), СПбГУП

Руководитель секции

В. К. МАМОНТОВ президент ОАО «Редакция газеты “Известия”»

Участники:

- С. И. АЛЬПЕРИНА** обозреватель «Российской газеты»
- Г. М. БИРЖЕНЮК** заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- А. Е. ВАНДЕНКО** обозреватель журнала «Итоги»
- А. А. ВАССЕРМАН** журналист, политический консультант
- А. В. ГУЛЬЦЕВ** генеральный директор Европейского бюро Международной ассоциации писателей и публицистов в Париже
- А. И. ЕВСЕЕВ** главный редактор газеты «Экономика и время», президент Ассоциации издателей Санкт-Петербурга и Северо-Запада, генеральный директор медиахолдинга РИА «Ленинград» — ООО «Пронто-Петербург»
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- М. Б. КАСЕНОВА** профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ (Москва), кандидат юридических наук
- Л. В. МАТВЕЕВА** профессор кафедры методологии психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ и Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук
- Д. В. МИНАЕВ** заведующий кафедрой экономики СПбГУП, доктор экономических наук, профессор
- С. Г. МОРГУНОВА** директор редакции газеты «Известия–Санкт-Петербург»
- И. Г. ПЕРЕСЕДОВ** директор информационных программ телеканала Russia.ru
- Я. Л. СКВОРЦОВ** декан факультета международной журналистики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат социологических наук
- В. Е. ЧУРОВ** председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, профессор СПбГУП
- Э. ШНАЙДЕР** профессор политологии Зигенского университета (Германия), доктор
- С. С. ЯРОШЕЦКИЙ** главный редактор журнала «Адреса Петербурга» и регионального выпуска «Парламентской газеты», шеф-редактор регионального выпуска «Известия–Санкт-Петербург»

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, уважаемые коллеги! Я хочу поприветствовать вас от имени Оргкомитета Лихачевских чтений. Тема, которую мы сегодня будем обсуждать, чрезвычайно любопытна. И для меня как специалиста по культуре она представляет огромный интерес в контексте Международных Лихачевских научных чтений. Настоящие Чтения посвящены проблематике диалога культур, партнерству цивилизаций. Сегодня средства массовой информации имеют отноше-

ние к формированию культуры в значительно большей степени, чем мы раньше себе это представляли.

Недавно у меня состоялся разговор с известным руководителем СМИ, которого я считаю одним из ведущих специалистов в стране, — Александром Николаевичем Горбенко, генеральным директором «Российской газеты». Он высказал мнение, что я слишком много значения придаю средствам массовой информации. По его мнению, средства массовой информации выполняют

функцию своеобразного зеркала: какова жизнь — такова пресса. Но у меня совершенно иной взгляд на эти явления. Я думаю, что СМИ сегодня становятся решающим фактором формирования культуры в целом. Они не только фиксируют и транслируют культуру, но и выбирают из ее массива определенные явления и участвуют в процессе трансляции культуры, передачи культурных ценностей от старших поколений к младшим. То, что СМИ не подхватили и не передали, чаще всего оказывается утерянным.

Меняется роль различных источников информации. Скажем, значительные на сегодня для науки книги издаются тиражами в тысячу экземпляров. Это совершенно несопоставимо с масштабами влияния телевидения и т. д. Сегодня в своей профессиональной области мне неизвестно о выходе многих значимых работ, я узнаю о них совершенно случайно. Теряется, размывается и деформируется информационное поле. Если мне, ректору Университета, профессионально занимающемуся передачей знаний от одних поколений к другим, становится сложно это делать, что испытывает общество в целом?

Я хотел бы обратить внимание еще на один момент. В конце XX века радикально изменилось общественное производство. Если, например, в начале XX века оно было сосредоточено в области материальных ценностей (продуктов, автомобилей, духов, одежды, зданий и т. д.), то к концу XX века производство перешло в сферу смыслов, то есть сейчас создаются и продаются смыслы. Я приведу один любопытный пример. Например, автомобиль «Бугатти» стоит 2,5 млн евро. Себестоимость этого автомобиля в производстве — около 50 тыс. евро. Различия в стоимости — это смыслы. За что мы платим? За смысл, который производится. Где возникает этот смысл? В сознании покупателя. Формируется настоящая индустрия смыслов, мощные производственные структуры, которые на это работают. Теперь они называются рекламными фирмами, рекламными корпорациями и т. д. Это колоссальный перенос центра тяжести, изменение всей структуры производства.

Сейчас индустрия производства смыслов перешла от работы с товарами к работе с глубинными, базовыми ценностями человеческого сознания. Теперь эта индустрия уже производит смыслы жизни. Это не ограничивается духами, автомобилями, одеждой. Сейчас индустрия сознания «работает» над вопросами: для чего мы живем? что для нас является главным? как нам относиться к семье, дружбе, патриотизму, труду? Социологи сегодня фиксируют, что 20 лет назад в стране добросовестный, высокопрофессиональный труд был одной из высших ценностей и т. д. Сейчас новое поколение перестало воспринимать труд как ценность. Молодые люди полагаются на чудо и удачу, что в результате этого чуда они сделают карьеру, и считают, что именно так надо жить.

Смысл жизни смещается, и в культуре происходят серьезные трансформации. Россия за последние 20 лет прошла, с моей точки зрения, путь от творческой культуры, где творчество рассматривалось как высочайшая ценность и стояло на одном из первых мест, к потребительской культуре. Реклама, транслируемая по телевизору, раздражает нас, старшее поколение. Мы чувствуем, что здесь что-то не так, что нам не просто помогают выбрать стиральный порошок. Можно подумать, что если не будет рекламы, мы не сможем выбрать определенный

продукт? Мы стали обществом потребления с культурой потребления. В России воплотилась в жизнь метафора, которую на Западе использовали всего лишь для обозначения одной из опасных, разрушительных тенденций.

На Западе интеллектуалы говорили менее интеллектуальной части общества, что если они сосредоточатся на этом, то станут обществом потребления. Так жить нельзя, нельзя думать только о том, что съесть, что надеть и т. д. Существуют более высокие ценности.

Россия стала страной, где нет более высоких ценностей, чем украсть и поехать. Украсть — не стыдно, заработать — стыдно, смешно. Эти трансформации произошли за 20 лет, мы превратились в совершенно невиданное и неслыханное в мировой истории общество — общество потребления. Наши исследования показывают, что реклама заняла нишу идеологии в стране. Трансформации произошли под влиянием СМИ, рекламы, внедряющейся как идеология потребления.

Нам иногда говорят, что молодежь 15–16 лет вообще не смотрит телевизор, а сидит в Интернете. Ничего подобного. Типичная российская семья — это семья, в которой ребенок находится в одной комнате с родителями. В этой комнате всегда включен телевизор. Таким образом, ребенок беспрестанно находится около телевизора, постоянно слышит и впитывает: купи, съешь, это — лучшее. Этот поток льется весь период детства. Ребенок в 15 лет может не смотреть телевизор, но культура потребительства уже заложена, это фундамент развития личности. Раньше учили: надо работать, трудиться, своим трудом достигать всего, и жизнь будет в порядке. Сейчас все иначе. Например, реклама шоколада «Аленка»: «За что человек получил шоколадку? — За то, что получил пятерку? — Нет, не получал. — Помог маме помыть посуду? — Нет, не помогал. — А почему человек ее получил? Просто потому, что он существует. Шоколадка должна появиться из ниоткуда, для этого можно ничего не делать. Маленький ребенок получает подобную информацию много раз в день. Поэтому я считаю, что то, что происходит, существенно влияет на культуру. По моему мнению, средства массовой информации сегодня влияют на становление личности человека больше, чем семья, компания сверстников, школьный учитель.

Хочу сказать еще об одном важном моменте. Существует неявное знание, которое передается нам в силу наличия животных, биологических инстинктов, когда человек подсознательно делает так, как делает другой. Почему сегодня Интернет как средство воспитания не может конкурировать с телевидением? Телевидение содержит неявное знание. Мы подсознательно воспринимаем происходящее на экране как образцы поведения.

Недавно в этой аудитории состоялась дискуссия с журналистами в рамках круглого стола при участии Общественной палаты РФ. Я продемонстрировал несколько роликов: Ксюша Собчак ругается матом, журналистка ругается матом, губернатор Хлопонин ругается матом... Эти ролики были взяты из черновых журналистских материалов. На официальном экране ненормативная лексика заменяется сигналами «пип-пип-пип». Под влиянием телевидения сегодня свыше 50 % населения страны считают мат нормой. Этого не было 20 лет назад. Раньше только 3–5 % населения использовали мат как речевую норму, а еще меньше это проявлялось

публично. За 20 лет телевидение сделало употребление мата нормой. Разве это не великая трансформация культуры?! В христианской культуре, я уже не говорю про мусульманскую, употребление мата в обыденной речи считается совершенно невозможным. Человек, который матерится систематически, не в состоянии аффекта, а в обыденной жизни, — не христианин.

В Казани появилось мусульманское такси. Что это такое? Это такси, в котором не ругаются матом, не пьют, не курят, не находятся в состоянии наркотического опьянения и уважительно относятся к женщине. У меня возник вопрос: что же у нас за культура, если жителям Казани понадобилось создавать мусульманское такси?! Жизнь в российской культуре для них неприемлема. Потому что для мусульманина жить с тем, что насаждает сегодня наше телевидение, и в той культуре, которая формируется под влиянием этого телевидения, совершенно невозможно.

Россия на протяжении многих веков была центром притяжения для людей разных культур, разного вероисповедания, разного отношения к жизни, разных национальностей. В Россию на протяжении сотен лет многие стремились, как когда-то варвары в Древний Рим. Когда варвары попадали в Рим, они склоняли голову не перед величием военной силы, легионов, а перед величием культуры. Сегодня в Россию так не стремятся. Я сомневаюсь в том, что теракты в московском метро были совершены только под влиянием психотропных веществ. Человек, который себя взрывает среди сотен других людей, должен с презрением относиться к их жизни, к их культуре. С моей точки зрения, трансформации культуры, нашего культурного развития ведут именно к этому: потере Россией не привлекательности даже, а уже элементарного уважения.

К большому сожалению, при наличии колоссально количества высокопрофессиональных, честно исполняющих свой долг журналистов и СМИ в целом, в основном именно под влиянием телевидения Россия перестает быть страной великой культуры.

Мне хотелось бы, чтобы разговор здесь шел не только и, может быть, не столько о внутренних проблемах журналистского цеха, сколько в целом о состоянии нашей культуры. Журналисты часто говорят, что они — интеллигенты. Я как председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции призываю посмотреть на происходящее в стране глазами интеллигенции. Благодарю вас за участие в Лихачевских чтениях. Желаю успехов.

В. К. МАМОНТОВ: — Александр Сергеевич задал определенный вектор работы. О чем бы мы с вами сегодня ни говорили, на какие бы темы ни рассуждали, каких бы сторон ни коснулись, так или иначе каждый из нас думал о том же. Говорить сейчас о том, как и что у нас печатается, что происходит в наших редакциях или на определенных участках работы, возможно, но, наверное, Лихачевские чтения — не самое подходящее место для этого. У журналистов существуют другие конференции, способы обсудить профессиональные проблемы. Здесь, может быть, действительно нужно говорить о том, куда мы идем, с каким багажом и что несем нашим читателям, зрителям, обществу? Этот важный, на мой взгляд, момент в широком смысле обозначил Александр Сергеевич.

Я думаю, мы должны обсудить следующий важный вопрос: что произойдет с нами в связи с некоторыми новыми технологическими изменениями, которые возникли в СМИ? Мы постоянно обсуждаем Интернет, что он может заменить бумажную версию газеты и т. д. Это все интересно, но в широком смысле дело не в этом. По моему мнению, новые способы возникновения, обработки и передачи информации, информационные потоки существенно влияют на содержание и меняют то, что мы называем контентом. Меня волнует эта тема, и я буду рад, если мы поговорим об этом.

Я. Л. СКВОРЦОВ¹: — Уважаемые коллеги! Я хотел бы оттолкнуться от тезиса, озвученного Александром Сергеевичем Запесоцким. Он призвал не сосредотачиваться на обсуждении проблем журналистского цеха, а поговорить о культуре в целом. Мне кажется, что здесь нет противопоставления. Потому что присутствующие в этой аудитории коллеги-журналисты не отделяют себя от культуры. Я думаю, что, наверное, каждый из нас профессионально и культурологически хочет считать себя частью этого культурного слоя. Поэтому все, что происходит у журналистов, не является внутриведомственными тенденциями.

Хочу также сказать несколько слов по поводу технологий, о которых говорил Владимир Константинович Мамонтов. Интересно, что мы часто, рассуждая о средствах массовой информации и особенно о телевидении, наносим широкий мазок кистью, говорим о том, что оно плохое, что телевизионная журналистика плохая, не тому учит, не на то ориентирует и т. д. Но следует задуматься: у нас в силу технических процессов происходит то, что медийное пространство перестало быть пространством деятельности профессионалов. Мы давно смирились с тем, что в журналистскую профессиональную сферу приходит примерно до 15 % выпускников. Я считаю, что это хороший показатель. Потому что если посмотреть, сколько профессионалов (имеется в виду получение диплома по этой специальности) работает в средствах массовой информации в целом, то мы получим ту же цифру — 10–15 %. Медийная сфера перестала быть сферой, к которой профессионально готовят, то есть туда приходят люди из других областей, которые еще вчера не являлись журналистами.

В широком смысле культура — это то, что создано человеком. Так происходит и в журналистике: есть медиапространство и человек-медийщик, журналист. Один мой коллега, который до недавнего времени возглавлял пиар-подразделение одной крупной экономической компании, сказал, что пресс-службу он не создает потому, что это пустая трата средств. Если ему что-то нужно, то он находит информацию в других ресурсах, это намного эффективнее. Одно дело, когда мы как государственные органы транслируем какую-то информацию для медиа. (Какое у медийщиков доверие к пресс-релизам, мы прекрасно знаем.) А когда получаешь информацию из источников, которые не ассоциируются ни с кем (то есть не надо задумываться над тем, кто разместил эту информацию и с какой целью), то все принимается за чистую монету. Я не могу себе

¹ Декан факультета международной журналистики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат социологических наук.

представить такую ситуацию, чтобы я попросил телевизионщиков показать сюжет, который я снял. Наверное, возникнет предмет для дискуссии относительно условий показа. Мой знакомый говорит, что он нашел хорошую упаковку, в которой журналисты «проглатывают» информацию.

Моим студентам один опытный рекламист дал такой совет: собирать портфолио сейчас неактуально. Сами снимайте ролики о чем угодно. Опытный креативщик, просмотрев непрофессионально снятые материалы, сможет оценить, увидеть в них рациональное зерно, и если у вас есть талант, то он его заметит.

Недавно мы с моими коллегами обсуждали памятную историю с видеообращением майора Дымовского к премьер-министру Путину. Я спросил у своих студентов: «Если бы вы были профессиональными редакторами, не обязательно телевизионных программ, пишущими журналистами, и к вам пришел бы такой читатель, зритель и сказал: “Я майор Дымовский, у меня есть проблемы. Мы живем в свободной стране, и средства массовой информации у нас народные, общественные. Расскажите о моей проблеме обществу”, что бы вы ответили? Предложите, пожалуйста, профессиональный прием действия журналистов, чтобы он был таким же эффективным по количеству посещений, чтобы был такой же резонанс». Студенты не нашли такого способа, лишь вспомнили о рубрике «Без комментариев». Но рубрика «Без комментариев» — это рубрика без слов, картинка, которая не нуждается в словесном сопровождении. Поэтому Дымовский со своей историей в эту сферу не вписался.

Про смыслопроизводящую функцию СМИ мы все хорошо знаем. Но я бы сделал поправку: это не смыслопроизводящая деятельность профессионального медийного цеха, а деятельность по смыслопроизводству всех тех, у кого есть желание и доступ к медиаресурсам. Сейчас благодаря технологиям таковых становится много. Наверное, только собственное нежелание может лишить человека такой возможности. Александр Сергеевич сегодня напомнил о ситуации, которая была 20 лет назад. Тогда я имел честь работать в «Литературной газете». Для выпускника любого журфака, в том числе журфака МГИМО, это было величайшее благо. Когда я пришел в газету, ею руководил Александр Борисович Чаковский. В той стране, в том обществе, где существовала прослойка творческой интеллигенции, публикация в «Литературной газете» была истинным смыслом производства. Тогда человек совершенно спокойно мог сказать: «Мне близка позиция “Литературной газеты”, которая считает, что казнь — это убийство». А теперь давайте представим, какой медийный бренд мы можем вставить в эту конструкцию: «Мне близка позиция “Московского комсомольца”?» Который утверждает... что?

В. К. МАМОНТОВ: — При отсутствии Павла Николаевича Гусева мы можем «Московский комсомолец»...

Я. Л. СКВОРЦОВ: — На нем остановиться. Какой медийный бренд можно вставить в эту конструкцию, чтобы сказать, что я понимаю то, о чем идет речь, о каком смыслопроизводящем, авторитетном общественном

институте? Медийные институты — это общественные институты. Я, например, не стал бы закрашивать черной краской такой институт, как телевидение, потому что есть каналы «Культура», «Дискавери», “National Geographic”, многое из телевидения как технического средства можно и самому взять, и детям передать (они от этого хуже не станут). Другое дело, какой канал включают родители по «телеящику».

В современном обществе нечего предложить соизмеримого по степени влияния «Литературной газеты» на Россию, Советский Союз в 1970-х — начале 1980-х годов. Я не исключаю, что такой ресурс появится, скажем, в виртуальной сфере, Интернете. Поскольку степень технического образования общества растет так же стремительно, как и тяга к потреблению.

Мне представляется, что мы рано или поздно (а может быть, уже пришло время) перейдем от количественного подхода к этому явлению (когда норма — это 100 каналов и более; в Москве и Санкт-Петербурге это уже не диковинка) к качественному восприятию. Здесь есть некие рациональные зерна, за которые можно «зацепиться». А дальше — вопрос ответственности.

Закончу выступление еще одной цитатой из Александра Сергеевича Запесоцкого, в которой он упомянул о такси. Действительно, это здорово. Почему эти ценности являются важными для определенных конфессий? На мой взгляд, это ценности, разделяемые образованными интеллигентными людьми. Если в доме родители не читают, то пенять на детей, которые не любят читать книги, бесполезно. Наверное, нужно обвинять не поколение тех, кто не разделяет этих ценностей, а поколение тех, кто его воспитывал. Спасибо.

В. К. МАМОНТОВ: — Большое спасибо. Я позволю себе небольшой комментарий. Профессиональный уровень того, кто пишет, того, кто редактирует, и того, кто вообще сообщает что-либо, и ответственность — это важная и хорошая тема. Если бы кто-то ее развил, было бы хорошо. Что касается понравившейся всем истории про рекламу, которая портит нас, я не согласился бы здесь с уважаемым Александром Сергеевичем Запесоцким. Да, реклама в чем-то портит нас. Но в то же время и воспитывает. На мой взгляд, некоторая часть нашей рекламы и есть единственный носитель, который транслирует нормальные ценности. Например, люди едят супы “Кнопг”, но обратите внимание, как они это делают. Дома мама, трезвый папа, рядом двое детей, они доброжелательны, улыбки, и у меня создается впечатление, что у них все хорошо. Но реклама закончилась, и начался сериал, который был прерван из-за рекламы. Папу убили, цинично пристрелили. Дети плачут. Что больше нас портит? Я не знаю. Доброжелательная, милая реклама или жуткий сериал, который идет в промежутках между рекламой. Или, например, реклама известного пива, когда мужики абсолютно естественно говорят о Машеньках: «Хорошо, что вы здесь заблудились!» Если убрать пиво, то мы увидим, что реклама транслирует нормальные человеческие реакции. Где можно увидеть нормальных мужиков? В сериале бандиты или несчастные жертвы, искалеченные физически и нравственно люди. А в рекламе — веселые мужики на берегу реки. Конечно, я утрирую. Но с точки зрения пропаганды нормальных человеческих

ценностей реклама не так плоха, как кажется. Но это маленькое замечание не отменяет того, о чем сказал Александр Сергеевич, это просто добавление.

Л. В. МАТВЕЕВА¹: — Как практический психолог, исследующий феномены массовой коммуникации более 20 лет и участвовавший в качестве психолога-консультанта в политических, рекламных и бизнес-проектах, хотела бы отметить парадоксальность современного медийного контента: авторитетные специалисты в области медиабизнеса считают, что реклама на фоне негативного контента в СМИ является благом. При этом общественные организации, различные группы, аудитории, специалисты по правовому регулированию в СМИ, культурологи, социологи, психологи и педагоги в подавляющем большинстве высказывают негодование по поводу засилья негативной информации и рекламы в СМИ, разрушающей культурную матрицу российского общества.

Одной из серьезных причин, связанных с особенностями переходного периода в историческом развитии России и лежащей в основе этого парадокса — патологический страх нашей интеллигенции перед цензурой контента СМИ. Он поддерживается двумя группами журналистов: первая — это элита нашей журналистики 1960-х и 1990-х годов, которая выступает за свободу информации в любом варианте; вторая — это группа бизнесменов от СМИ, которая делает бизнес на трех «С» (страх, секс, сенсация).

В России отсутствует правовое регулирование в сфере СМИ. Это одна из главных проблем. До 11 марта 2009 года свобода информации была «священной коровой». В этот день в Туле Президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев сказал о российском телевидении следующее: «Влияние СМИ в любом обществе носит исключительный характер, а мы живем в очень информационно насыщенном мире»; «Информация может быть благом, но она может быть и вредоносна»; «Мы должны думать о качестве информационного потока»; «Если в каждом доме будет по 20–30, а то и 100 каналов и свободный доступ в Интернет — а это вопрос нескольких лет — то, конечно, это повод более внимательно посмотреть на законодательство в этой сфере и духовные ориентиры, которые существуют в современном мире, на нашу духовную культуру, которая в известной степени находится в угнетенном состоянии». Важно, чтобы ценные мысли были взяты как директива теми людьми, которые создают, управляют и регулируют российское медийное пространство.

Однако в самой логике развития информационной коммуникации и ее технического оснащения заложены механизмы, которые приводят к деформации менталитета как журналистов, так и зрителей. Прежде всего это нарушение баланса между полезной информацией для человека и той, которая может быть оце-

нена как шумовая, или бесполезная, информация для человека. В результате человек находится в состоянии хронической информационной перегрузки, что приводит к нарушению процесса принятия решения. Вторая тенденция связана с формой подачи информации, прежде всего это «спектаклеобразность», или театральная форма подачи информации, которая тяготеет к усилению эмоций, конфликтности, проявления человеческих страстей. При этом наблюдается стремление к ценностям подросткового возраста, игровой коммуникации и развлечениям: попить, посидеть, поговорить, пошутить, посмеяться, поиронизировать.

В качестве основного языка информационной коммуникации доминируют визуальные коды, метафоры, символы и сигналы. Психологи, социологи с тревогой констатируют размывание границы публичного и интимного, являющейся одной из важнейших психологических конструкторов, обеспечивающих идентичность личности, а с другой стороны, модифицируются критерии гендерной идентичности, где наряду с феминными и маскулинными образами появляются и андрогинные образы. В качестве эталона успеха, красоты и качества жизни в медийном пространстве активно навязывается образ гламурности, в основе которой лежит образ здорового, молодого, красивого, успешного человека со смешанной этнокультурной идентичностью, что может приводить к провокации и агрессии между поколениями и между этносами. И, наконец, одним из самых важных последствий бурного развития коммуникативных технологий является феномен отчуждения творца от продуктов творчества и, как следствие, снятие с него ответственности за последствия воздействия творческого продукта на аудиторию, то есть на коллективное и индивидуальное сознание и подсознание аудитории. Это самая главная проблема.

Мой последний тезис напрямую связан с высказыванием Ярослава Львовича Скворцова, что сейчас журналист является не субъектом медийного пространства, а работником на интеллектуальном конвейере. Журналисту заказывают работу и покупают его творческий продукт, при этом он теряет авторские права на этот продукт. На последнем заседании в марте 2010 года в Международной академии телевидения и радио возникла серьезная проблема, связанная с созданием профсоюза медийных работников, чтобы можно было защитить авторские права. Авторские права постепенно начинают присваиваться каналу. Потому что процент стоимости интеллектуального творчества журналиста значительно меньше, чем стоимость коммуникативной технологии, с помощью которой реализуется творческий замысел автора. И поскольку техника стоит дорого и принадлежит каналу, то и творческий продукт становится собственностью канала.

На самом деле воздействие медийных продуктов на человека происходит не на одном уровне: увидел, понял и поэтому воздействует. Существует 12 уровней воздействия информации на психику человека. Первые четыре связаны с психофизиологическими функциями человека: это биофизический, биохимический, энергетический (активационный) и эмоциональный уровни. На этих уровнях человек переживает состояния внутренней освещенности, внутренней темноты, эйфорию, или шоковое состояние, эмоциональные состояния

¹ Профессор кафедры методологии психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ и Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Связь с аудиторией в телекоммуникации», «Психологический анализ профессионально важных качеств творческих работников телевидения», «Восприятие рекламного образа в телевизионной коммуникации», «Психология телевизионной коммуникации», «Современный образ России: перспективы развития» и др.

от радости до страдания, и чувства любви или агрессии к окружающим людям. Пятый и восьмой уровень связаны с экзистенциальными и коммуникативными символами. Человек реагирует на символы жизни и смерти, образы будущего и прошлого, внутренний и внешний динамизм (активность мыслей и активность действий) и символы диалога и манипуляций как связанные с успехом коммуникации.

С девятого по двенадцатый уровни — это реакция человека на социокультурные символы: метафора дикого человека или культурного человека, образ простого человека или элитарного человека, образ человека, занятого духовной деятельностью или материальной, и, наконец, ориентация на символы пространства и времени. Результаты всех этих воздействий становятся частью нашего индивидуального сознания и подсознания, ассимилируются и как готовые программы и сценарии чувств, мыслей и действий могут активизироваться на определенный внешний стимул. Вряд ли стоит говорить о механизмах массового «зомбирования» людей, тем не менее информационная среда становится все более активной относительно психики человека, и работники СМИ должны учитывать в своей деятельности это обстоятельство.

Одной из актуальных тенденций является превращение медийного пространства в медийный рынок с рядом сегментов. Логика развития этих сегментов на российском рынке такова: увеличивается доля Интернета, рекламы, музыкальных трендов. Исчезают сложные программы, где надо рассуждать. Та же тенденция наблюдается и в международном медийном пространстве. То есть российский медийный рынок по объективным показателям выстраивается по той же логике, что и международный. Мы встраиваемся в глобальное медийное пространство.

Для усиления воздействия рекламного контента на поведение человека медийное рекламное сообщество все чаще обращается к данным психофизиологов, психологов и даже психогенетиков. Цель этих обращений — добыть последние данные научных исследований, позволяющие усилить воздействие рекламных образов на психику человека на всех уровнях. Таким образом, психологи XXI века оказались в положении физиков 1930-х годов. Их исследования могут быть положены в основу разработки психологического «оружия», позволяющего управлять поведением человека. Об этом же говорил и Ярослав Львович Скворцов.

В настоящее время на российском телевидении наблюдается большое разнообразие жанров и передач. Казалось бы, принцип свободы и информации полностью соблюден. Что происходит на самом деле? Какие функции осуществляет телевидение? 70 % этого разнообразия обслуживают развлекательную функцию. Все остальное приходится на информационную и просветительскую функции и пр. А если учесть, что телевидение как самое массовое и распространенное СМК задает социальный контекст, в котором осуществляется передача социального опыта успеха, жизнедеятельности, героических сценариев и образов героев и антигероев, на которые ориентируются лидеры малых групп российских социальных слоев, то мы в результате можем получить общество телеведущих, звезд подиума и певцов разного жанра и характера. Сеять хлеб, растить и учить

детей, ухаживать за больными пожилыми людьми, заниматься наукой и просто быть порядочным человеком, который не пытается быть «притчей на устах у всех», становится немодным, непрестижным и неактуальным. Работа превращается в досадную необходимость, мешающую человеку жить весело и беззаботно. Труд перестает быть социальной ценностью, что противоречит экономическим законам развития общества. Таким образом, журналисты, организаторы и управленцы медийного пространства живут за счет разрушения традиционной иерархии общечеловеческих ценностей. Картина жутковатая, но близкая к реальности. Надо искать цивилизованный выход из сложившейся ситуации.

Если говорить о рейтинге каналов с точки зрения трансляции позитивных и негативных ценностей, что все каналы с российским государственным капиталом имеют превалирование позитивных ценностей над негативными. На каналах, имеющих зарубежный капитал, капитализацию иностранных фирм, негативные ценности превалируют над позитивными. Я здесь не говорю об информационной войне, но существуют тенденции, которые не связаны ни с журналистской этикой, ни с журналистским профессионализмом. В медийном пространстве наблюдается серьезное противостояние информационных потоков, которые имеют не только бизнес-причины, но и причины информационного противостояния различных цивилизаций. В результате страдает так называемый «социальный капитал». В этнокультурной психологии под «социальным капиталом» понимается уходящая вглубь истории традиция социального взаимодействия, предполагающая нормы доверия между людьми. Наблюдается интересная картина: в рекламных сообщениях демонстрируются образы доверия, взаимодействия и поддержки, а в остальном контенте СМИ — нет. Но социальный капитал дает мотивацию поддержания собственного здоровья, смысла жизни, мотивацию для саморазвития, самообразования, для создания семьи, рода. Если социального капитала нет, то моя личная жизнь не имеет смысла, поэтому я готов с ней порвать.

Исследования, проведенные специалистами из ВШЭ Н. М. Лебедевой, В. И. Чирковым и А. Н. Татарко на тему: «Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай» в 2007 году, показали, что одной из важнейших составляющих социального капитала является уважение прав человека и соблюдение гражданских свобод. Оказалось, в Китае считают, что у них свободы соблюдаются больше, чем в остальных странах, а в России полагают, что у нас свободы соблюдаются примерно одинаково. Но уровень соблюдения прав человека и доверия друг к другу в России в два раза ниже, чем в Китае и Канаде. Мы не доверяем друг другу, не доверяем телевидению, власти, общественным организациям. Важно понять, что СМК правдиво отражают уровень недоверия людей друг к другу или провоцируют разрушение социального капитала в общественных коммуникациях. Поэтому важно ставить вопрос о социальной ответственности тех, кто руководит нашим медийным пространством.

Наши исследования, проведенные на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова совместно с факультетом журналистики МГУ, свидетельствуют о необходимости восстановления института редакторов

в структуре медийных холдингов и центральных каналов телевидения, которые следили бы за сохранением социального капитала в контенте СМИ. Необходимо создавать сценарии успеха, героических поступков и выхода человека из рабства низменных страстей. С другой стороны, это может делать каждый журналист на своем рабочем месте. По нашему мнению, остро стоит задача восстановления атмосферы любви, доверия и уважения, общения между людьми, между начальником и подчиненным, мужем и женой, старшим и младшим, и просто между двумя людьми, вступающими в общение. Необходимо ввести в образовательный процесс журналистов психологию, создать национальный комитет по квалификации и экспертизе информационных и медийных продуктов, сформировать базу, которая регулировала бы контент в российском информационном пространстве, хотя бы так же, как в Европе, создать новую систему образовательной среды в Интернете для профессионалов. Психологи готовы активно участвовать в процессе гуманизации российского медийного пространства.

В. К. МАМОНТОВ: — Благодарю Вас за интересное выступление. По просьбе Александра Сергеевича, мы не должны зачитывать доклады. Но мне кажется, не стоит бояться и другого. Если у нас есть точные знания, подтвержденные социологическими данными, мысли, которыми мы хотели бы поделиться друг с другом, надо это делать. Потому что не каждый из нас, к великому сожалению, найдет время для чтения докладов. Если мы собрались здесь, то я попросил бы не стесняться зачитывать доклады: когда человек пишет доклад, он внутренне собирает и описывает моменты, которые для него важны. Слово предоставляется господину Эберхарду Шнайдеру.

Э. ШНАЙДЕР¹: — Выскажу несколько замечаний о телевидении. Об этом говорил господин Запесоцкий. В Германии вначале было только общественное телевидение — не частное, не государственное, а общественное. Каждый человек, который имеет дома телевизор и радио, финансирует их. Он должен ежемесячно платить по 15 евро. Это закон, который касается всех, кто легально слушает радио и смотрит телевидение. Это означает, что телевидение и радиостанции не зависят от рекламы. Это очень хорошо. Создается совет, в который входят представители партий, профсоюзов, церкви и т. д. Это позволяет обеспечить высокий уровень телевидения. Мы можем организовывать хорошие политические дискуссии, показывать хорошие фильмы. В Германии 20 лет назад было положено начало частному телевидению, которое живет только за счет рекламы. И там все происходит так, как об этом здесь говорилось.

Новое направление в Германии — это медиагазеты. Человек может сам дома через Интернет создать газету. В Германии 70 % населения читают газеты. Это высокий показатель. В Америке — только 30 %. Можно выбирать разные газеты: немецкие, американские («Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Интернэшнл геральд трибьюн») и, к сожалению, только одну русскую («Комсомольская правда»). Немецкие газеты можно распределить в зависимости от качества по трем уровням: вы-

¹ Профессор политологии Зигенского университета (Германия), доктор.

сокий, средний и низкий. Вы можете дать своей газете название, написать адрес и опубликовать фото. А утром она будет лежать в вашем почтовом ящике. Эта газета стоит как большие газеты. Данная идея представляется мне замечательной. Спасибо.

В. К. МАМОНТОВ: — Спасибо. Очень интересно.

М. Б. КАСЕНОВА: — Я юрист, профессор Дипломатической академии. Я хочу сказать несколько слов по поводу развернувшейся дискуссии. Мы понимаем, что Интернет — это оборонный проект Пентагона, это джинн, выпущенный из бутылки. Первый тезис имеет отношение к ответственности. Дело в том, что мы почему-то забываем о праве, а правовой нигилизм имеет большие последствия. Что касается нашей страны, то Интернет — это реалии нашей жизни, мы работаем с Интернетом. Возникает вопрос: как должно право реагировать на возникающие общественные отношения? Если право на них не реагирует, то пустоты заполняются другими социофакторами, соционормами. И у нас получается правовой «ликс нолез» (нет права), правовая «дыра».

В. К. МАМОНТОВ: — Вы сейчас говорите о правовой «дыре», которая касается Интернета?

М. Б. КАСЕНОВА: — В том числе и Интернета. Здесь заложен конфликт: поскольку адекватного анализа Интернета не существует на том уровне, на котором он должен был быть, получается, что у законодателя...

В. К. МАМОНТОВ: — Приведите пример, чтобы было понятно аудитории. Например, нужно наказать того, кто в Интернете ругается матом или допускает экстремистские высказывания.

М. Б. КАСЕНОВА: — Это зависит от выбора правовой формы, правового формата, который был бы для всех одинаков. Является ли Интернет массмедиа? Если Интернет — это массмедиа, то нужно применять к нему закон о СМИ, в том числе запрет терроризма, возможность контроля и т. д. Но дело в том, что когда я пишу, что мне не нравится Путин просто потому, что мне не нравится вертикаль власти, — это моя личная переписка, а не массмедиа. Но по тому контексту, который может сложиться в обществе, получается, что провайдер ответит за то, что я описала своему приятелю то, что я чувствую. Таким образом, сам по себе контент Интернета неоднороден. Одно дело, когда массмедиа и те газеты, о которых говорилось, выкладываются и делают живой журнал — это один контекст, а личная переписка — это другой контекст. Получается, что Интернет, с одной стороны, — это технический ресурс, а с другой — социоресурс. И с точки зрения права нужно уметь отделять эти явления, в каком формате надевать правовую одежду, а в каком — нет.

Второй момент касается нашей ментальности и социокультурности. Дело в том, что (хотим мы того или нет) управление Интернетом осуществляется через Америку. Потому что ИКАН, организация, которая выдает домены верхнего уровня, — юридическое лицо

штата Калифорния. С помощью правительства Америки эта организация запретила домен верхнего уровня «.xxx.com», который открывает порносайт. Два года назад встал вопрос о русскоязычном контексте «.ru», которым мы все, собственно говоря, пользуемся. Сейчас стоит вопрос о том, чтобы снять запрет с домена порносайта «.xxx.ru». Это вопрос выбора. Но когда право молчит, возникает большое неправое поле, которое заполняется тем, о чем уже говорилось, — например, когда каналы забирают авторские права. Это происходит еще и потому, что Россия, к сожалению, во многих международных договорах по охране смежных прав не участвует. Россия только присоединилась к международным договорам, которые защищают авторские права вещательных, фонозаписывающих организаций. Более того, присоединяясь, Россия делает оговорки, и мы не попадаем под юрисдикцию международных средств выяснения спорных отношений между правообладателем и вещательной организацией. Спасибо за внимание.

В. К. МАМОНТОВ: — Я хочу предложить задать вопросы или поспорить в коротком формате сейчас, поскольку коллега уходит на свою секцию.

— Какие ресурсы Вы имели в виду? (*вопрос из зала*)

М. Б. КАСЕНОВА: — Согласно проектам законов Государственной Думы, Интернет относится к числу массмедиа. И в этом заключается конфликт. Это своеобразная «Великая китайская интернет-стена». Что делает Китай? Для того чтобы контролировать СМИ, он не пускает на свой рынок компьютеры, не имеющие чипов. На каждом компьютере, который попадает в Китай, обязательно должен стоять чип для того, чтобы блокировать потоки информации. Это их выбор — суверенитет, контроль информации и т. д. В чем заключается правовой выбор России? Собственно цифровой разрыв, в котором оказался мир, неизбежен, потому что мусульманские страны отличает гонка интернет-, технологических вооружений. Потому что Интернет, с одной стороны, — это техника, а с другой — нечто иное. И цифровой разрыв связан с тем, что страны различаются по технической оснащенности, количеству оборудования. Без этого невозможен Интернет.

— В данном случае Интернет можно сравнить с книгопечатанием, это технология и среда. Но я не очень понимаю, как можно регламентировать книгопечатание само по себе. Наверное, можно регламентировать только определенные продукты. (*реплика из зала*)

М. Б. КАСЕНОВА: — Я вообще выступаю против того, чтобы надевать всем «правовые одежды». Потому что в обществе могут существовать различные соционормы.

В. К. МАМОНТОВ: — Возникает вопрос: сводится ли все к тому, что как только мы переведем личную переписку в разряд публичного обсуждения, когда ее читают многие, то она станет массмедиа? Да, потому что тогда Вас могут наказать.

М. Б. КАСЕНОВА: — Нет. Потому что существует «прайвеси», личная жизнь.

В. К. МАМОНТОВ: — Какая же это «прайвеси», когда любой может прочитать Вашу личную переписку?

М. Б. КАСЕНОВА: — Здесь вопрос меры.

В. К. МАМОНТОВ: — Если Вы напишете своей подруге мнение о Путине, мне кажется, что это ни к чему не приведет.

М. Б. КАСЕНОВА: — Попробуйте...

В. К. МАМОНТОВ: — Ну, может быть, но вряд ли... А вот если Вы будете призывать сжечь, например, какой-нибудь район, потому что там живут люди не с тем цветом кожи, то Вы немедленно попадете под действие закона, причем не о печати, а под Уголовный кодекс, статью о наказании за призывы к экстремизму.

М. Б. КАСЕНОВА: — Просто надо знать, что в Интернете не существует личной переписки. Если человек хочет вести личную переписку, то нужно передать письмо из рук в руки.

В. К. МАМОНТОВ: — Это важный момент. Вы сейчас нащупали главную проблему. Как ее решить? Что представляет собой личная переписка с подругой о Путине? Вы считаете, что это ваша частная переписка, хотя ее читают все, или нет? Как Вы это определили как юрист?

М. Б. КАСЕНОВА: — Я бы не ставила так вопрос...

В. К. МАМОНТОВ: — Но это ключевой вопрос, на мой взгляд.

М. Б. КАСЕНОВА: — Я понимаю, что это точно не массмедиа.

В. К. МАМОНТОВ: — То есть когда Вы пишете письмо, то не предполагаете, что его прочтут другие люди? То есть Вы не догадываетесь о технологии?

М. Б. КАСЕНОВА: — Нет. Я это понимаю.

В. К. МАМОНТОВ: — Значит, у Вас сегодня нет точного ответа. Это очень важно.

М. Б. КАСЕНОВА: — Действительно, у меня нет ответа. И последнее, о чем я хотела бы сказать. Состоялось два больших мероприятия, встречи на высшем уровне по вопросам управления использованием Интернета, которые проходили в Женеве. В 2015 году, через 5 лет, состоится третья встреча на высшем уровне по вопросам управления использованием Интернета. В настоящее время создана рабочая группа по управлению использованием Интернета. Стоит вопрос о создании международной организации. Это серьезные вопросы, и я хочу заострить на них внимание.

В. К. МАМОНТОВ: — Мы благодарим Мадину Балташевну за участие в заседании нашей секции. К дискуссии присоединяется Александр Евсеев.

А. И. ЕВСЕЕВ¹: — Хочу сказать несколько слов как издатель, который имеет опыт публикации в общественно-политических изданиях — и в газетах в традиционном понимании, и в технологических изданиях. Газета «Из рук в руки» — никакой политики, вроде бы никаких взаимоотношений с государством, исключительно технологическая информация. Потребители предоставляют в газету «Из рук в руки» информацию (о предметах купли-продажи, каких-либо услугах, оказываемых людьми и организациями), которая ретранслируется.

Но за 20 лет трансформации в нашей стране ситуация радикально изменилась. 20 лет назад, когда мы запускали газету «Из рук в руки», не было никакой технологии: объявления срывали с водосточных труб, публиковали по купонам, которые люди нам присылали. Недавно мы проводили конференцию для интернет-пользователей. Всю информацию, практически 70 %, мы получаем через Интернет. И здесь возникают коллизии, конфликтные ситуации с юристами, риэлтерами, застройщиками. Потому что юридически не урегулированы многие вопросы. Нам говорят: «Вы публикуете информацию “черных” маклеров». А мы не можем разобраться в этой ситуации. Не намного больше ответственности, когда человек сам продает свою квартиру через риэлтерскую компанию.

Поэтому я хотел бы сказать, что эта дискуссия обостряется сознательно. Здесь нужно видеть две грани. Меняются технологические возможности, ситуация изменилась радикально, а человек с точки зрения психологии остался тем же. Сегодня изменились технологические возможности, но на водосточных трубах снова клеят объявления: «Продвину сайт» и указывают номер телефона. Публикуемая информация должна сопровождаться определенной социальной ответственностью. Это должно быть определено выбором либо государства, либо соответствующих институтов общества. Какой выбор мы делаем? Хотим ли мы, чтобы Интернет как средство оценивался в том числе с правовой точки зрения или нет? Это серьезный вопрос, который не решается на техническом уровне.

Я. А. СКВОРЦОВ: — Хочу высказать две реплики по поводу выступления А. Евсеева. Первая реплика касается того, является переписка в Интернете частной или нет. Приведу пример. Месяца два назад на YouTube (Ютубе) мои коллеги обнаружили ролик, в котором две студентки из нашего вуза на хорошем немецком языке берут друг у друга интервью. Они немного нетрезвые, что видно невооруженным глазом. Этот ролик был выложен в Ютубе год назад. Немецкий язык не самый популярный язык в Интернете, поэтому не так много пользователей обратили на него внимание. Когда я их вызвал, то сказал им: «Девочки, вы понимаете, что вы делаете?! Вы дискредитируете институт, вы там представляетесь. Есть ваша личная жизнь, где вы можете

заниматься тем, чем вам позволяют мама с папой, ваше окружение, воспитание, цивилизационная культура, и есть корпоративная культура».

Одна из студенток отвечает: «У меня не было флэшки. И я попросила подругу скинуть мне классный ролик, разместив его на Ютубе». В ответ я попросил у них зачетки: «Вы должны пересдать предмет “Технологии СМИ”, который вам читался на II курсе, потому что вы не понимаете, что это такое, если вы, размещая на Ютубе ролик, уверены в том, что это ваша личная переписка». Правда, потом я поставил зачет этим студенткам, потому что они перезагрузили Ютуб. Теперь этого ролика там нет. То есть ссылка осталась, а контент удалился. Я понял, что с технологиями у этих студентов все в порядке.

Второй момент: по поводу замечательного выражения «Великая китайская интернет-стена» зачипованных компьютеров. Возвращаясь к теме Чтений, хочу сказать, что наша евразийская, скорее европейская, цивилизационная модель не допускает такого решения ситуации. 20 лет назад был популярен такой стишок: «Есть обычай на Руси // ночью слушать Би-Би-Си». Это было нормально. То есть стояли глушители сигналов, но была свободная Европа. Для меня, советского школьника, человека, который провел некоторое время в Восточном Берлине, это было открытием: ставить глушители бесполезно, потому что в Восточной Германии люди все равно это смотрят, принимают сигнал из Западного Берлина. Там существовало единое телекоммуникационное пространство, глушить которое было бесполезно. И в России, и в Советском Союзе, как выясняется, глушить тоже было бесполезно: все равно по ночам слушали Би-Би-Си. Поэтому я убежден, что пример использования в Китае чипов в России-матушке неприемлем. У нас будут либо взломанные компьютеры продавать с этими чипами, либо придумают что-нибудь другое. Это наша цивилизационная культура или отсутствие таковой. Это интересный пример, но, мне кажется, для России он совершенно не подходит.

Д. В. МИНАЕВ²: — Я представляю рыночное экономическое направление. Интерес к СМИ отчасти вызван простейшей ситуацией: Александр Сергеевич Запесоцкий поставил перед авторским коллективом задачу развить направление «экономика СМИ, экономика медиаиндустрии». И мы взялись написать учебник. Мы попытались разобраться, что это за сфера, и выяснилось, что как в правовом, так и в экономическом поле не до конца определен экономический объект, с которым мы имеем дело. Есть журналистика, есть СМИ, есть медиаиндустрия, а как они соотносятся, изначально было совершенно непонятно. Мы шли своим путем, анализировали и пришли к выводу, что торгуют смыслами (по замечанию Александра Сергеевича), то есть это смыслопроизводящая система.

С нашей точки зрения, медиаиндустрия — это совокупность общественных отношений в области производства и распределения, обмена и потребления экономических благ (подчеркну: мы экономисты, поэтому занимаемся экономическим аспектом, как религия —

¹ Главный редактор газеты «Экономика и время», президент Ассоциации издателей Санкт-Петербурга и Северо-Запада, генеральный директор медиахолдинга РИА «Ленинград» — ООО «Пронто-Петербург».

² Заведующий кафедрой экономики СПбГУП, доктор экономических наук, профессор. Автор ряда научных и учебных публикаций.

духовным), имеющих информационно-культурологический коммуникационный характер. Информация состоит из целого набора слоев. Во-первых, передаются просто сигналы: биты, байты, синусоиды времен амплитудной модуляции радиопередач. Дальше — обычные знаки. Звук удара в колокол — это тоже сигнал и знак. За ним скрыты значение и смыслы в соответствии с семиотикой (речь идет об известном треугольнике Фреге). Причем каждый раз мы приближаемся к содержательному аспекту, мы движемся от технократического к содержательному. В конечном счете эти смыслы передают фреймы, эмоции, метасмыслы и т. д.

Медиаиндустрия, на наш взгляд, охватывает верхнюю часть этой пирамиды. Сигнал — это прерогатива средств связи, Интернета в техническом понимании. Остается открытым вопрос о соотношении СМИ, журналистики и собственно медиаиндустрии. На нижних уровнях будут располагаться сигналы, знаки, значения, смыслы; дальше следуют три среза — субъекты, отрасли и продукты, которые там перемещаются, и в результате мы обнаруживаем сферы соответствующих отраслей. Здесь становится понятно, что журналистика и медиаиндустрия, с нашей точки зрения, — это не одно и то же. В значительной мере журналистика перемещается в генерацию смысла, то есть связана с выработкой оценок.

Медиаиндустрия на самом деле ближе к понятию «средства массовой информации». Это некая среда, передача этих смыслов. А производство контента, смыслов выходит за рамки медиаиндустрии как таковой и смещается в области искусства, политики, религии и в том числе журналистики как посредника. Это должно быть институционализировано. Я знаю, что сейчас разрабатывается закон: в классификаторе экономической деятельности пытаются выделить особую отрасль для этого. Существует инициативная группа, кажется, в рамках Гильдии издателей периодической печати, которая пытается издать модификацию классификатора, чтобы в нем медиаиндустрия была выделена в отдельную отрасль. Сейчас она распределена по разным отраслям.

Нужно учитывать и другие аспекты: прежде всего публичность. Это фактор, при помощи которого можно разграничить, о чем идет речь — о медиаиндустрии или личной переписке. Другой фактор — профессиональная вовлеченность: если человек обобщил витающие в обществе смыслы и опубликовал их. Это такой а-ля журналист; может быть, он сидит в редакции и получает за это деньги. Собственно говоря, мы сейчас занимаемся поиском критериев, которые помогут нам решить эту задачу. Что-то уже проясняется, но существуют моменты, которые пока остаются невыясненными.

В. К. МАМОНТОВ: — Это очень похоже на главную проблему, которая существует в редакции, — между генеральным директором и главным редактором. Генеральный директор с добрыми намерениями, открытым сердцем пытается разобраться, как все работает. Главному редактору ничего не надо объяснять, он говорит: «Не надо вмешиваться».

Я в ваших попытках разобраться в этой истории хочу дать методологический совет: газета и вообще медийное явление — это отчасти театр, там есть огромная творческая составляющая. Что делать с таким фактом,

что одни едят за деньги, а другие — нет? А если это читатель, а если это письмо? Может быть, стоит послушать не только генерального директора, но и главного редактора? И тогда, возможно, прояснится расстановка сил: что является связью, а что — творчеством?

— В книге Л. Г. Свитича «Феномен журнализма» представлены все критерии разделения. *(реплика из зала)*

Д. В. МИНАЕВ: — Опять журнализм. Что такое журналистика и не-журналистика, что такое медиаиндустрия?

— Абсолютно верно. Жизнь развивается. В том, что Вы человек не медиасферы, есть положительный момент: Вы замечаете явления, которых не видим мы. Жизнь развивается, газеты и медиа тоже не стоят на месте. И то, что вчера было так, сегодня — совершенно иначе. *(реплика из зала)*

Д. В. МИНАЕВ: — Хочется подчеркнуть: кто платит, тот и музыку заказывает. Экономический, культурологический, идеологический аспекты, безусловно, важны. Политика, влияние на сознание не будут «работать» как надо, если их не организовать должным образом в экономическом смысле. Статистические данные свидетельствуют, что лучше контент у тех, кто финансируется российским бюджетом, хуже — у тех, кто финансируется из других источников. Коллега из Германии сказал, что у них существует особая схема финансирования, и в результате это оказывает соответствующее влияние на смысловую и содержательную стороны, получается то, что нужно, и т. д. Насколько нам удалось обозреть картину на данный момент, у нас в этой области хаос, бардак.

— Театр — красиво, а бардак — правильно. *(реплика из зала)*

— Театр — точное слово в данном случае. Одни театры прекрасно организованы, замечательно финансируются... *(реплика из зала)*

Д. В. МИНАЕВ: — А смотреть нечего.

— Да, и во многом в СМИ так же. *(реплика из зала)*

В. К. МАМОНТОВ: — Исследователь, как и генеральный директор, как мне кажется, это должны понимать.

Д. В. МИНАЕВ: — Тогда возникает вопрос: стоит ли эту позицию абсолютизировать? То есть мы будем полностью опираться на самоорганизацию творческого процесса?

В. К. МАМОНТОВ: — Нет. Это сложная конструкция. Имеются примеры, когда собрались чудесные журналисты, но они голодают, газета неправильно позиционирована, у нее плохая реклама, но само по себе издание хорошее, только про него никто не знает. Обратите внимание: в большинстве успешных газет главный редак-

тор и генеральный директор — это один человек. Или два человека, которые прекрасно понимают друг друга.

А. И. ЕВСЕЕВ: — Анализируя важную проблему, мы должны применять не только экономический, но и социологический подход. Правда, невольно ловлю себя на том, что хочу присоединиться к профессиональному диалогу, начинаю рассматривать практические схемы взаимоотношений генерального директора с главным редактором...

Между тем, мы должны выйти за рамки журналистских технологических диалогов. Это тот случай, когда профессиональная среда должна признать, что проблема не будет решена внутри цеха журналистов и издателей, если этот вопрос не будет рассмотрен на уровне социологического, политического и экономического анализа.

Мы как Ассоциация издателей привлекли независимые социологические школы, представителей академической среды, Санкт-Петербургский государственный университет, Высшую школу экономики, Агентство социальной информации, Институт социологии Российской академии наук, которые проанализировали произошедшую за 20 лет (с 1985 г.) трансформацию самих общественных отношений и СМИ. Главный вывод, с одной стороны, очевиден, с другой — заставляет подняться на политический уровень. Фиксируется, что за 20 лет в стране как не было, так и нет влияния конкурирующих политических партий, а с этим жестко связана позиция СМИ. Реальный политический плюрализм в стране отсутствует, как и действенные структуры гражданского общества, нет сильной и независимой судебной системы.

Эти выводы зафиксированы, они объясняют, в том числе, и положение современных российских СМИ. Не могут СМИ, фактически связанные финансированием с властью или какой-либо аффилированной финансово-промышленной группой, а значит, не имеющие самостоятельной независимой позиции, быть оппонентами. Оппонирующая функция СМИ, критическое, социальное оппонирование фактически исчезает в обществе. Я считаю, что такое развитие событий опасно, в том числе и для устойчивости самой власти, поэтому необходимо укрепление институтов гражданского общества. В этом случае мы, может быть, приблизимся к решению более частной проблемы независимых СМИ.

В. К. МАМОНТОВ: — Спасибо. Слово Андрею Владимировичу Гульцеву.

А. В. ГУЛЬЦЕВ¹: — С 2002 по 2008 год я работал генеральным директором газеты «Русская мысль» в Париже. И могу сказать, что в Европе вопрос конфликтов между главным редактором и генеральным директором решен просто: их нет, потому что за генеральным директором, который одновременно является директором публикации, последнее слово, он может снять любую статью, уволить кого угодно, а главный редактор — это всего лишь один из журналистов, немного главнее

¹ Генеральный директор Европейского бюро Международной ассоциации писателей и публицистов в Париже. Известный журналист, писатель и общественный деятель. Академик Международной академии наук и искусств Парижа, президент Конфедерации русских общин Европы, президент Русской общины Франции.

остальных. Хотя широкой публике больше известны имена главных редакторов, чем генеральных директоров. В большинстве изданий действительно генеральный директор — это тоже известный журналист, который еще дополнительно получил административное образование. Поэтому такого явного конфликта никогда не бывает. В общем, нормальные издатели подбирают персонал так, чтобы были два единомышленника. Это касается и журнала «Elle», и «Le Figaro», и др.

В настоящее время я являюсь генеральным директором Европейского бюро Международной ассоциации писателей и публицистов в Париже.

Проект, над которым я сейчас работаю по заказу Госкино вместе с известным режиссером Олегом Павловичем Тепцовым (это он после перестройки, в 1988 г., снял фильм «Господин оформитель», музыку к которому написал Сергей Курехин), называется «Гимн России» и состоит из 12 серий. Проект — нечто среднее между документальным и игровым кино. В 12 сериях будет рассказываться о 12 доктринах: культура, семья, коррупция, военная доктрина и т. д. Постоянно будут проводиться параллели между настоящим временем и библейскими текстами. Будут даваться прогнозы развития общества... Но почему «Гимн России»? Где во всем этом ее, России, «гимновость»? Россия всегда служила полигоном для всего мира, и то, что в ней происходит, потом распространяется на весь мир.

Позволю себе привести краткую формулировку, которая возникла (почти сама по себе) после окончания работы над первыми тремя главами.

«Гимн России — Машина Судного Дня...»

Конец Света по Апокалипсису от Иоанна — это граница, предел развития человеческого сознания, фактически всей современной цивилизации. За этой границей начнется новая Эра, прекратится старое «море житейское» и возникнет «новое небо» и «новый Иерусалим».

А при чем здесь сегодняшняя Россия, спросите вы? А при том, что наступит этот предел уже очень скоро, и именно Россия станет мостом, соединяющим сегодняшний и завтрашний Век человечества. Россия, которая не есть ни Запад, ни Восток; ни просто этнос, ни национальное государство, а есть по существу прообраз Гиперимперии будущего, и на священных скрижалях ее будет вновь начертана знаменитая уваровская триада «Православие, Самодержавие, Народность», переосмысленная сегодня как «Созидание, Процветание, Законность».

Однако вернемся к теме нашего разговора — к глобализации.

Наш проект вполне уместен для упоминания здесь и интересен тем, что предлагает глобальный подход к СМИ. Все должно начинаться с 12 концептуальных статей, написанных известными в своих областях людьми, и лучше всего — в 12 различных газетах... Господа присутствующие журналисты, директора, редактора — это прямой намек. Мы с вами со всеми давние друзья, и, пользуясь случаем, приглашаю вас принять участие в «Гимне России».

В. К. МАМОНТОВ: — Не пытаетесь ли Вы, Андрей Владимирович, использовать эту площадку для агитации?

А. В. ГУЛЬЦЕВ: — Пытаюсь. Но в свое оправдание скажу, что, на мой взгляд, в проекте «Гимн России» интересно будет поучаствовать всем. После публикаций 12 статей будут выложены в Интернете и переведены на различные языки. Откроется специальный портал «Гимн России». Сегодняшние ресурсы Интернета позволят даже тому пользователю, на язык которого статьи переведены не будут, сделать автоматический перевод с помощью различных лингвистических программ. Конечно, это будет не самый совершенный в мире перевод, но он позволит получить представление об идее. К статьям — это все-таки довольно сжатая форма изложения — добавятся развернутые тексты, раскрывающие заданные темы. Появятся иллюстрации. Затем мы добавим видеofilмы и предложим дискуссию. Объявим конкурс на лучшую карикатуру (на заданную тему), картину, плакат, комикс, песню, клип на эту песню... А потом все это и весь процесс, плюс интервью с самыми активными участниками еще раз отснимем — эта съемка и станет заключительным вариантом фильма. Или почти заключительным, ведь мы надеемся, что портал будет продолжать жить и развиваться. Тем более что значительную часть гранта мы намереваемся потратить на его рекламу, от Европы до Америки, чтобы привлечь к дискуссии представителей нескольких десятков стран. На любом языке (о возможности недорогого и мгновенного перевода я уже говорил). Когда мы все планы разложили на бумаге, получился красивый глобальный проект.

На пленарном заседании В. Мамонтов говорил об Интернете, информационных потоках. Сегодня в Интернете практически исчезло единственное ограничение — языковое, потому что существуют, повторю еще раз, автоматические переводчики, хотя они работают не без ошибок. Например, название моего нового журнала на французском языке “Esprit Russe” (я его привез с собой и, конечно, раздам всем, кому интересно, после заседания) переводят как «Русский дух», тогда как следовало бы переводить как «Русская душа», но в любом случае смысл понятен. Через 5–10 лет, когда и эти погрешности устроят, Интернет станет уникальным медиа, в котором вообще будет отсутствовать языковой барьер. А если исчезнет языковой барьер, то наступит глобальное общение — великое человеческое и (главное для нас — вы только представьте, сколько новых читателей появится!) журналистское счастье.

В. К. МАМОНТОВ: — Большое спасибо. Слово предоставляется Анатолию Александровичу Вассерману.

А. А. ВАССЕРМАН¹: — Я хочу затронуть все острые проблемы, которые поднимались сегодня. В основном мы обсуждали внутрицеховые проблемы, но если говорить о глобальных информационных потоках как факторе мирового культурного развития, то нужно вернуться к классическим марксовым представлениям о базе и надстройке и оттолкнуться от тех экономических потоков, которые порождают информационные. В общем, нынешний кризис четко показал, что экономика в значительной мере уже едина. На мой взгляд, цель большинства источников глобальных информационных потоков в том, чтобы создать под единую эко-

номику единую психологию. Например, рынок США (и примыкающий к нему рынок Канады) привлекателен для большинства производителей мира тем, что он очень большой и однородный. Если удастся найти в нем нишу для очередного товара, то она обязательно будет огромной, соответственно разработка товара, «подогнанного» под вкусы этой ниши, легко окупится благодаря ее размеру.

На мой взгляд, для современных технологий уже не хватает естественно сложившихся однородных ниш. Это осознают сами журналисты и владельцы изданий. Их цель стратегическая — искусственное создание новых однородных ниш. Если посмотреть, допустим, на канал MTV, существующий во всем мире, то при всех поправках региональных редакций цель этого проекта — «затачивание» максимально массовой аудитории, способной воспринимать один музыкальный стиль с тем, чтобы музыканты, работающие в этом стиле, имели возможность заработать на максимальной аудитории.

Многие наши рекламщики постоянно жалуются на то, что им не дают возможности адаптировать рекламу иностранных товаров под наши реалии. С их точки зрения, это странно, поскольку снижается эффективность конкретной рекламы, но при этом растет ее стратегическая эффективность. Вместо того чтобы подстраиваться под вкусы аудитории, производители и глобальные рекламные агентства подстраивают аудиторию под себя. По моему мнению, глобальные информационные потоки сейчас действуют примерно как автомат для бритья из классического анекдота: когда изобретателю такого автомата сказали, что у всех разные лица, он ответил: «Первый раз разные».

Несколько лет назад я выпустил статью под названием «Глобализация — это разнообразие», где доказывал, что с точки зрения человечества в целом главная выгода глобализации должна состоять в том, что человек, находящийся в любом уголке мира, получает доступ ко всему его разнообразию, причем и в качестве производителя, и в качестве потребителя. Как потребители, мы все уже знакомы и с итальянской пиццей, и с японскими суси. Но и производители пицц и суси получили возможность собирать дань со всего мира. Я опасюсь, что нынешняя структура глобальных информационных потоков «заточена» под интересы производителей, но не потребителей. То есть вместо того чтобы предоставить каждому потребителю доступ ко всему разнообразию мира, глобальные информационные потоки сейчас настроены на стирание разнообразия мира в интересах нескольких производителей. Для нашей страны это особо болезненно и чувствительно еще и потому, что у нас за века сложилась своя инженерная культура, которая отличается, скажем, от западноевропейской не конкретными методами, а расстановкой приоритетов при компромиссах. Вообще задача инженера — подобрать оптимальный компромисс между противоречивыми требованиями; найти решение, удовлетворяющее противоречиям. Задача изобретателя — найти решение, снимающее противоречия. Понятно, что изобретательские задачи удается решать намного реже, чем инженерные. И ключевую роль здесь играет именно инженерная школа поиска компромисса между противоречиями.

При этом важно, в каком порядке расставляются приоритеты. Какие требования необходимо удовлетво-

¹ Журналист, политический консультант.

рять в первую очередь, а какие — в десятую. И именно по расстановке приоритетов российская инженерная школа радикально отличается от других крупных инженерных школ. Это означает, что пока наш потребитель как-то «состыкован» с нашим производителем, мы сохраняем самобытность и возможность искать во всем мире место (которых на самом деле довольно много), где соотношение приоритетов примерно такое же. Если же наш потребитель будет полностью нивелирован и «заточен» под ту систему приоритетов, которая сложилась в Западной Европе и Северной Америке, то это обернется гибелью нашей инженерной школы, поскольку для нее уже не будет производителя.

Проиллюстрирую на примере гибель инженерной школы. После Второй мировой войны по многим очевидным причинам блистательная немецкая авиационная инженерная школа была фактически уничтожена. Достаточно сказать, что в течение первых 10 лет после войны вся мировая авиация осваивала те идеи, которые немецкие авиаинженеры накопили за последние три года войны. Но в самой Германии авиационная инженерная школа оказалась разрушена, и сейчас, когда все политические ограничения уже сняты, немцы все равно не могут самостоятельно конструировать самолеты и участвуют в лучшем случае в качестве младших партнеров в авиационных предприятиях других стран.

Учитывая такие возможные последствия глобализации информационных потоков, нам надо искать прежде всего способ создания своих информационных потоков, столь же глобальных по охвату и так или иначе пропагандирующих наши ценности, которые в большой степени оказались забыты. Как политический консультант, я совершенно уверен в том, что на высшем уровне государственного управления уже давно забыли о том, что у каждой страны и каждого народа могут быть собственные ценности. У меня нет конкретного решения этой задачи. Но надеюсь, что когда результаты нашего обсуждения будут доведены до всеобщего сведения, среди тех, кто с ними ознакомится, найдутся люди, интересующиеся этой проблемой и способные что-либо сделать для ее решения.

В. К. МАМОНТОВ: — Спасибо. Я хочу сказать, что мы каждый по-своему нащупываем с разных сторон различные явления и характеристики. В озвученных здесь результатах социологического исследования наблюдалась интересная особенность: если хозяин зарубежный, то превалирует негатив, если хозяин наш, то позитив. Почему? Мне кажется, ответ простой: свой будет здесь жить, у него есть дети, он это воспринимает как естественное дело: худо ли, бедно ли, но наше. И вообще надо больше света, а не тьмы.

Возникает интересный вопрос: какие задачи решаются теми глобальными информационными потоками, о которых говорил Анатолий Александрович Вассерман? Ваша позиция, которую некоторые критиковали, хорошо соотносится с ментальными аспектами. Вы говорите о том, что надо издать труд по результатам нашего форума, возможно, приблизить эти явления к реальности.

А. А. ВАССЕРМАН: — Необходимо сравнительное сопоставление. Но если представитель европей-

ской культуры, европейских политических традиций сравнивает то, что он видит в Европе, с тем, что он видит в России, у него возникает полное неприятие.

В. К. МАМОНТОВ: — Он ужасается. Мы говорим: «Мы так живем, у нас такая страна. Мы находимся между Европой и Азией, у нас вечное противостояние, борьба». Я считаю, что Россия — это не только и не столько государство, это некая арена вечного столкновения интересов. Так повелось, и на том стоять будем. Империя всегда стремилась к разрушению, но она все равно восстанавливалась. Это интересный конфликт. Поэтому то, о чем мы сегодня говорим, можно соотносить с этим конфликтом.

А. А. ВАССЕРМАН: — То, что мы империя, — это полезно. В своих публикациях я доказывал мысль, что многонациональная империя и в культурном, и в экономическом отношении более эффективна, по сравнению с мононациональным королевством, поскольку разделение труда — исторически прогрессивное явление, и чем больше разных общественных слоев, разных народов, тем больше возможностей для глубокого разделения труда и эффективного взаимодействия в трудовом процессе.

В. К. МАМОНТОВ: — То есть если бы мы были огорожены стеной, то в принципе мы могли бы сказать следующее: «У нас определенная модель, мы разнообразны, и в принципе мы можем здесь устроить свою маленькую глобализацию, если бы она нам понадобилась».

А. А. ВАССЕРМАН: — Мы собственно ее и учинили на уровне Советского Союза.

В. К. МАМОНТОВ: — Да, и последствия этого были как хорошие, так и отвратительные.

— Меня тронуло то, что Вы сказали: элита, которая принимает решения и распределяет средства даже в медийной сфере, имеет определенную характеристику — это не очень хорошо, но где-то существует идеальная модель, на которую надо работать. Я правильно Вас поняла? *(реплика из зала)*

В. К. МАМОНТОВ: — Я думаю, там происходит такая же борьба между пониманием, о котором Вы сказали, и чем-то иным. Сейчас была нащупана общая диалектика российской жизни.

— Но они не слышат ученых. *(реплика из зала)*

В. К. МАМОНТОВ: — Слово Сусанне Альпериной.

С. И. АЛЬПЕРИНА¹: — Я редактор отдела культуры и телевидения в «Российской газете». Мне было приятно, что, когда Александр Сергеевич Запесоцкий выступал со вступительным словом, он упомянул Александра Горбенко — генерального директора «Российской газеты». Мне было интересно выслушать различные мнения, я почерпнула для себя много нового. Были

¹ Обозреватель «Российской газеты».

и спорные моменты. Анатолий Александрович Вассерман пробудил во мне желание порассуждать. Кроме того, что я работаю в «Российской газете» редактором отдела культуры, я еще читаю спецкурс в Российском государственном гуманитарном университете под названием «Адаптация иностранных СМИ к российскому медиарынку». И если мы рассматриваем тему информационных потоков, то я хочу сделать несколько частных замечаний. Как именно глобализация приходит к нам? Я прочитала статью Владимира Константиновича Мамонтова в сборнике «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры», содержащем доклады X Международных Лихачевских научных чтений.

Меня напугало окончание статьи. То же самое сказал и Анатолий Александрович: глобализация нас всех подстрижет под одну гребенку, мы все станем одинаковыми. Конечно, такая опасность существует, но в то же время жизнь мудрее. Я наблюдаю за тем, как в России появляются иностранные сериалы, иностранные форматы (кстати, в русском языке до сих пор не существует хорошего определения слова «формат»), иностранные СМИ, иностранные радиостанции, иностранные методы работы в Интернете и как они приживаются на нашей почве. Но объяснить то, почему тот или иной проект или формат у нас прижился или не прижился, никто не может.

Здесь говорили о том, что рекламщики жалуются на то, что им не дают использовать отечественные реалии. Но они же сами все четко просчитывают. И когда смотришь, какая реклама показывается за рубежом, думаешь: «А почему ее у нас нет? Нас считают идиотами?» Потому что у них совершенно четко определено, какая реклама должна транслироваться в России. Непонятно, например, почему (если брать все иностранные бренды, которые у нас есть) в России больше развлекательных проектов? Почему мы не заимствовали политические или деловые проекты? Я думаю, что это особенное устройство нашей системы.

Все иностранные проекты (“The Economist”, “Financial Times”) у нас существуют, но они не так хороши и не принесли столько прибыли, сколько развлекательные проекты. Например, журнал “Cosmopolitan” пережил в России свои золотые дни. У этого журнала был невероятный бюджет, он здесь получал прибыль, которая соотносилась с прибылью от всей рекламы на российском рынке. Почему именно этот журнал стал у нас популярным? Почему у нас аналогичный журнал “Elle” не имел таких же показателей? Почему журнал “Harper’s Bazaar”, который существует в Америке, не принес таких дивидендов? Почему посредственный американский сериал “The Nanny” в России смотрели все (он назывался «Моя прекрасная няня»)? Отвечу следующим образом: эти проекты умело адаптировали, хорошо продвинули, соотнесли с нашей ментальностью.

То же самое можно сказать и о телевидении. Я по роду своей деятельности часто встречаюсь с руководителями каналов и всегда спрашиваю их: «Почему вам проще взять иностранный формат, чем изобрести свой и продать?» Хотя у нас существуют собственные интересные проекты, например сериал «Папины дочки» уже куплен в Германии. Ответ простой: свой формат внедрить более затратно, чем купить уже апробирован-

ный. Но нам кажется, что программы «Модный приговор», «Давай поженимся», «Девчата» — наши, родные. Например, у «Девчат» есть программа-прототип “The View”, а нам кажется, что это наше, родное.

Но есть и собственные проекты. Например, «Первый канал» достаточно успешен в этом смысле. На этом канале работает сильная команда специалистов, которая фиксирует иностранные форматы и создает собственные. В частности, они придумали свое шоу «Ледниковый период» (хотя за основу был взят иностранный формат ледовых шоу), хорошо на нем заработали и зарабатывают. Я это говорю к тому, что жизнь все составляет по своим местам.

В. К. МАМОНТОВ: — Среда, Россия, цивилизация сопротивляются.

С. И. АЛЬПЕРИНА: — Да, среда сопротивляется. Что-то мы берем, что-то — нет. Коллега говорил о том, что то же самое происходит и в языке. Это тоже интересно. Моя американская подруга постоянно спрашивает меня: «Почему вы заимствовали слова “ресепшн”, “лифт”, “менеджер”? Почему вы не придумываете свои»? Среда сама выбирает, что ей заимствовать и из какого языка. Я надеюсь, что глобализация — это разнообразие, и всего этого не произойдет. Спасибо за внимание.

А. А. ВАССЕРМАН: — Несколько слов по поводу затронутых проблем. Приведу один пример относительно того, почему вообще берут зарубежные форматы вместо того, чтобы использовать свои. Вскоре после смерти Владимира Яковлевича Ворошилова в ходе долгих дискуссий в игровой среде среди прочего появилась экспертная оценка бренда «Что? Где? Когда?» — в 2001 году он оценивался примерно в 10–15 млн долларов. Так большую часть этой цены составляли сотни часов бесплатного в советское время эфирного времени, которые были потрачены на отработку передачи. Если сравнить первый выпуск 4 сентября 1975 года и выпуски середины 1980-х годов, то они не имеют практически ничего общего. Отработка формата — это основная часть затрат на новую передачу. И, естественно, нашим телеруководителям, особенно если учитывать краткость горизонта планирования, намного выгоднее покупать уже готовое. Но надо сказать, что иногда покупают проекты с существенными оговорками. Например, при покупке лицензии на передачу “Jeopardy!” оговорили право вносить существенные изменения в формат, на что владельцы согласились. В результате сейчас передача «Своя игра» не показывается на НТВ-Мир, поскольку ее запрещено показывать в тех местах, где транслируется оригинальная игра “Jeopardy!”, во избежание конкуренции. Я сравнивал оригинальный вариант и российский: на мой вкус, наш действительно лучше, так что создателям стоит опасаться конкуренции.

Несколько слов о том, является ли Интернет средством массовой информации и какая ответственность должна быть в этой сфере. Я считаю, что человек должен отвечать за свои слова независимо от того, где он их произносит. Если кто-то меня оклеветал в частном разговоре, ввиду малой тяжести последствий достаточ-

но ограничиться в качестве кары «аплодисментами по щекам»; если он то же самое скажет публично, независимо от того, произойдет это на митинге в 10 тыс. человек или на сайте с той же посещаемостью, тут ввиду тяжести последствий должно последовать и адекватное наказание. Но это наказание за слова и за широту охвата аудитории, а вовсе не за то, какими техническими средствами достигнута ширина охвата.

В. К. МАМОНТОВ: — Спасибо. Я хотел бы сделать два небольших замечания. Мне было очень интересно Вас слушать. Но я бы упомянул следующий исторический момент. Фильмы «Веселые ребята» и «Цирк» — это Голливуд. Александров долго пробыл в Голливуде и именно оттуда он принес то, за что теперь платят большие деньги, — разные ноу-хау и «Мои прекрасные няни». Но при этом ему пришлось адаптировать все это на нашей территории. Если бы он просто поставил здесь эти кинокартины в голливудском духе, то не было бы тех великих фильмов, о которых мы вспоминаем до сих пор.

Вопрос: как Россия все это «переваривает»? Каков наш ресурс?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Ресурсов у нас достаточно. У нас мощное коллективное бессознательное, которое формировалось более тысячи лет.

В. К. МАМОНТОВ: — Что переймешь и что будет на выходе — совершенно другая страна. И как бы случайно не оказалось, что мы между делом вместе с кофе, «Кнопг» и остальным, не заметив, сами стали другими. Я не знаю, так ли будет на самом деле, но такие размышления имеются. Это интересует не только меня, я уверен, это интересует и заботит многих. Что и в какой мере мы должны «принимать» в себя, а что — отторгать?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Маленькая ремарка. Мы всегда говорим о том, что мы осознаем, но не можем вербализовать то, что происходит в нашем бессознательном. Я говорю не об индивидуальном, а о коллективном бессознательном. У нас не принято об этом говорить, но коллективное бессознательное существует, работает и мощно отбрасывает или не отбрасывает новые идеи, которые возникают на уровне сознания. Журналистика «работает» только на то, что можно преобразовать либо в цифру, либо в слово, либо в образ, вставить в информационное пространство. Но эти образы, смыслы и слова затрагивают и бессознательное. И это коллективное бессознательное имеет свою динамику, свои законы и свои правила ассимиляции или диссимиляции с этими смыслами, фреймами, сценариями. Как говорят, если нравственный мусульманин живет в России, то через третье поколение он становится таким же пьяницей, как любой русский. (Это метафора.)

В. К. МАМОНТОВ: — Когда-то состоялась дискуссия, в которой Лев Анненский говорил о языке, о том, сколько язык может вобрать в себя бесконечных заимствований и т. д. Анненский долго спорил со всеми, а потом сказал, по-моему, важную вещь: «Мы хотим иметь на выходе хорошо говорящее большинство,

сохранившее в речи церковно-славянские обороты». В Болгарии до сих пор используется слово «врата», что означает «двери». Мы хотим сохранить Серпуховское княжество с прекрасным русским языком или великую страну, которая будет говорить на совершенно новом, изменившемся языке?

А. А. ВАССЕРМАН: — Я бы все-таки не надеялся на защитную мощь нашего коллективного бессознательного по простой причине: в рамках глобальных информационных потоков, точнее в рамках тех экономических целей, которые стоят за этими потоками, коллективное бессознательное можно сознательно поломать. И специалисты, которые занимаются такой ломкой, имеют неплохой опыт. Так что я бы не надеялся только на автоматические меры самозащиты.

В. К. МАМОНТОВ: — Как мне кажется, не нужно все сводить к информационной войне и мощной идеологической работе против России, но и думать, что ее нет, тоже нельзя. Это было бы большим легкомыслием. Владимир Евгеньевич Чуров хочет добавить.

В. Е. ЧУРОВ: — У нас, в той секции, где я сегодня уже успел принять участие, основная дискуссия развернулась в связи с вопросом об Интернете и его правовой природе. Последняя фраза принадлежала мне: Интернет является элементом глобальной культуры или чем-то еще только для тех, кто имеет к нему доступ и умеет им пользоваться, а это — меньшинство населения Земли.

Например, сейчас в России активно создается электронное правительство. Одна из главных идей этого проекта — обеспечить доступ к госуслугам через Интернет (загранпаспорта, билеты, справки и пр.). По статистике, только 40 из 142 млн россиян имеют доступ к Интернету и пользуются им. Но мы же не можем утверждать, что права «интернетчиков» станут более широкими на правительственном уровне, чем права «неинтернетчиков»?

В. К. МАМОНТОВ: — Но это может получиться.

В. Е. ЧУРОВ: — Это, на мой взгляд, не только этическая, но и правовая коллизия.

В. К. МАМОНТОВ: — Как в вашей секции ответили на этот вопрос?

В. Е. ЧУРОВ: — Пока не ответили.

Г. М. БИРЖЕНЮК¹: — Хорошо, что пришел Владимир Евгеньевич Чуров. В нашу секцию «вирус Интернета» занесла М. Б. Касенова. В связи с ее вопросами я вспомнил анекдот советской поры: один товарищ звонит в КГБ и спрашивает: «Извините, пожалуйста, к вам случайно не залетал мой попугай?» Ему отвечает, что не залетал. Тогда он говорит: «Если он к вам залетит, имейте в виду, что я с ним в корне не согласен».

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Клуб и здоровый образ жизни», «Основы региональной культурной политики и формирования культурно-досуговых программ» и др.

В связи с этим у меня возник вопрос: можно ли рассматривать попугая как средство массовой информации? Поскольку он вылетел из клетки и является носителем информации и есть люди, которым он может что-то сообщить, а те готовы его послушать. Это тоже правовая коллизия.

В. Е. ЧУРОВ: — Хороший попугай дорого стоит.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Хороший или хорошо сформированный?

В. К. МАМОНТОВ: — Если Ваша аналогия — о СМИ, то замечание Владимира Евгеньевича Чурова приобретает дополнительную ценность.

В. Е. ЧУРОВ: — Правильно: цветная кассета стоит дороже, чем черно-белая.

В. К. МАМОНТОВ: — Конечно.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Мы с Александром Сергеевичем Запесоцким в этой аудитории регулярно вступаем в скрытый спор: я, с одной стороны, с ним соглашаюсь, с другой — стараюсь привести альтернативную точку зрения. Я согласен с тем, что СМИ оказывают влияние на общество, но мы не всегда осознаем масштабы этого влияния. Причем это влияние не только, как это чаще всего обсуждают, в области культуры и идеологии.

Почти анекдотичный пример. У нас выступал представитель «Водоканала Санкт-Петербурга», который рассказал, в числе прочего, что когда по телевизору транслируется рейтинговый сериал, то в начале рекламной паузы городская водопроводная сеть испытывает мощное воздействие, сильный гидроудар, то есть начинается гигантский расход воды и ее движение по магистралям. Это происходит потому, что в рекламную паузу огромное количество людей идут в туалет, ставят чайник, моют руки и т. д. И масштабы этого явления таковы, что все может плохо закончиться, поскольку сеть не очень качественная в силу большой изношенности. В связи с этим можно поставить вопрос: ответственны ли СМИ за аварии на водопроводе?

В. К. МАМОНТОВ: — Можно даже не спрашивать. СМИ виноваты практически во всем.

Г. М. БИРЖЕНЮК: Итак, влияние СМИ на общество есть, и оно многоаспектно. В этом мы с Александром Сергеевичем полностью сходимся во мнениях. Но с чем я не соглашаюсь, это, во-первых, с тем, что это влияние прямое и непосредственное, во-вторых, с тем, что всю вину возлагают на СМИ: люди используют ненормативную лексику — СМИ виноваты; мужчины бросают семьи — опять СМИ виноваты, потому что показали такой сериал...

— В России сериал «Санта-Барбара» демонстрировался 11 лет. Там проводилась идея гражданского брака, они только этим и занимались. *(реплика из зала)*

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Не только. Моя соседка в свое время сказала, что ей нравится фильм, потому

что там нет ни одного порядочного человека. Видимо, у нее была внутренняя потребность найти себе окружение, и сериал с его героями стал им... Как представляется, она бы и без этого сериала нашла для себя источник мыслей и чувств, соответствующих ее ожиданиям.

Итог этого краткого вступления: СМИ выстраивают нашу жизнь, начиная с физиологических моментов и заканчивая жизненными планами. Но являются ли только СМИ ответственными за это?

Как представляется, и СМИ, и их аудитория, и власть, которая призвана регулировать отношения СМИ с обществом, и в итоге само общество — это все порождение определенной культуры.

Поскольку у нас круглый стол, то я сошлюсь на выступавшего только что Дмитрия Всеволодовича Минаева, который задал экономическое направление обсуждаемой темы. Влияет ли экономика на поведение людей? Вопрос риторический. Не риторическим является вопрос, каким образом влияет и за счет чего?

Мне как культурологу представляется, что экономика в своем развитии прошла три этапа. Экономика в период от царя Гороха до XVIII века определялась тем, сколько люди могут взять из леса, реки, земли, моря, сколько они могут добыть. На втором этапе — в XIX веке — экономика определялась тем, сколько люди могут снять с ткацких станков и т. д. А в XX и XXI веках все определяется тем, сколько люди смогут купить. Если люди не будут покупать, то все производство теряет смысл. Поэтому с определенного момента развивается не менеджмент, а маркетинг, реклама, пиар и т. д. Дело в том, что человеку, в принципе, немного нужно. Он может носить одежду до тех пор, пока она не износится, любой автомобиль может ездить не менее 20 лет, очки служат бесконечно долго, если к ним относиться бережно, и т. д. Но если все будет именно так, то производство остановится. Не случайно в XIX веке появляется мода. Она была и раньше, но как способ целенаправленного изменения потребительского поведения она появляется в этот период. Ее задача — внушить человеку, что он хочет это иметь, заставить его менять одежду каждый сезон.

Для этого служит реклама, которая размещается в СМИ, и т. д. То есть реклама формирует наше потребительское поведение, она придает манифестный характер нашему потреблению. Кто виноват? Экономика, или реклама, или СМИ, которые должны находить средства для своего существования? Поэтому не вполне справедливо говорить о том, что СМИ несут ответственность за все негативное.

Просто мир превратился в рынок. Раньше в книгах люди искали смыслы, теперь им эти смыслы (или их суррогаты) продают. Идет мощная реклама книг. Так и пишут: «Выходит культовый роман писателя Н. — автора таких-то и таких-то романов». Купи и не прогадаешь. Книгонаписание и книгоиздание стали бизнесом, где крутятся огромные деньги.

СМИ — это тоже игрок на рынке. Аудитория покупает медиатовар. Это могут быть новости, юмор (и отсюда огромное количество малохудожественного юмора на экране ТВ и в прессе), ужасы, политика, сплетни. Даже телеканал «Культура» в последнее время включается в этот процесс.

Владимир Константинович пытался найти позитив, говоря, что и реклама формирует хорошие моменты. Это так — и юмор, и новости, и все остальное может быть разного качества. Но это вопрос вкуса, таланта, социальной ответственности, то есть культуры тех, кто делает медиа и определяет их политику.

Мне кажется, что СМИ являются продуктом определенного этапа развития культуры. Да, они влияют на культуру, но культура влияет на СМИ в значительно большей степени по определению: культура первична по отношению ко всем остальным явлениям. При этом мне представляется, что ту культуру, которая сегодня формируется и практически уже сформировалась, можно назвать культурой блефа. Иногда ее называют виртуальной культурой, но мне представляется, что «культура блефа» точнее. Блеф — это обман, совершаемый как своего рода представление, спектакль.

Что выделяет культуру блефа как самостоятельное явление? Исторически происходило следующее: реальное богатство добывалось реальным трудом, то есть корабли бороздили океаны, открывались страны и т. д. Люди реальным трудом зарабатывали реальные деньги. В XX веке возникли виртуальные деньги. Я помню, когда арестовали Ходорковского, то наши замечательные СМИ говорили о том, что в этот день наша страна потеряла 32 млрд долларов.

Возникает вопрос: где и как она их потеряла? Где-то на биржах, где по определению ничего не производится, какие-то акции потеряли в цене и т. д. На следующий день президент сказал: «Мы будем судить Ходорковского строго по закону». И газеты написали: «16 млрд вернулись». Что вернулось? Самолет с миллиардами в небе замечен не был. То есть происходят виртуальные явления в экономике.

Есть забавный пример, иллюстрирующий мою мысль. Существует премия «Антинобель», присуждаемая за самые бесполезные, бессмысленные изобретения (у нас ее называют Шнобелевская премия). Так вот, в 2002 году эту премию среди прочих получил «Газпром» за введение в экономику сугубо математической величины «мнимые числа».

Понимаете, у нас жизнь становится виртуальной — чем дальше, тем больше. Посмотрите, какие искусства возникли в XX веке, — в основном виртуальные: перформанс и т. д. М. Дюшан повесил писсуар на стену, и критики ходили вокруг и говорили (и писали): «Какая глубина!» Буквально в нем, конечно, есть глубина, в отличие от других явлений искусства. «Черный квадрат» Малевича — апофеоз этого явления. Как говорили студенты в КВН: «Опасайтесь подделок». А какие технологии расцвели в XX веке? Это технология рекламы — «впарить» людям то, что им не нужно. Появляются квазитовары, которые удовлетворяют квазипотребности. Вам говорят о том, что у вас телефон без электрошокера, без приставки для стирки белья, миксера для коктейлей и т. д. Возникли пиар-технологии, которые могут из кого угодно сделать президента, губернатора.

В. Е. ЧУРОВ: — Иногда.

В. К. МАМОНТОВ: — Владимир Евгеньевич стоит на страже. Только при помощи пиара не стать президентом.

В. Е. ЧУРОВ: — Это точно.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Я заканчиваю. Естественно, вопрос: что делать? Ответа пока нет. В сказке XIX века вперед вышел мальчик и сказал: «А король-то голый!» Сегодня этот мальчик, наверное, получил квалификацию менеджера по продажам и сейчас продаст любое платье со скидкой. Может быть, он нашел себя на телевидении или в глянцево-журнале.

Мне кажется, что виртуальность культуры порождает виртуальность экономики, виртуальность того, чем являются сегодня СМИ, которые нам продают некие медиапродукты. Видимо, это укладывается и в наши потребности, и в эту культуру. А дальше мы начинаем обвинять СМИ во всех тяжких грехах, потому что человек так устроен, что он всегда ищет причину любых бед и неприятностей вне себя. Это нормально, потому что иначе можно сойти с ума или совершить суицид, как говорил наш коллега. А мы пока живы-здоровы и бодро ругаем СМИ.

Может быть, вообще на все это нужно смотреть еще шире. Судя по всему, мы живем в условиях усталой цивилизации. Рюриковичи воцарились на троне 1200 лет тому назад. Большого срока жизни не знала до сих пор ни одна цивилизация. У усталой цивилизации есть определенные признаки, которые носят исторически устойчивый характер. Это невероятных масштабов коррупция, безответственность элит, всеобщая апатия. Может быть, все дело в этом... Правда, мы тут демонстрируем как раз отсутствие апатии и это позволяет надеяться... Спасибо.

В. К. МАМОНТОВ: — Большое спасибо. Здесь прозвучало интересное замечание о том, что кого определяет. Почему СМИ одних печатают, а других — нет? Кто в этом виноват? Интересно, народ действительно так любит Аллу Пугачеву или этого добиваются СМИ, бесконечное количество раз ее транслируя (здесь можно подставить любую фамилию)? Что происходит? На мой взгляд, это чрезвычайно сложный и диалектический, неразрывный процесс. Я лично не люблю Аллу Борисовну Пугачеву, считаю, что в ранние годы это была чудесная певица, но потом... Это мое личное мнение.

И вообще, я стараюсь придерживаться той точки зрения, что в людей не надо «впихивать» всякую ерунду. Я — за образование, за все хорошее, за просвещение. Я был шеф-редактором «Комсомольской правды — Толстухи» и посчитал, что с Аллой Борисовной Пугачевой мне пришлось выпустить 118 обложек за 5 лет. Мы ставили на обложку Аллу Борисовну по меркантильным причинам, довольно циничным — так можно продать газету. Следуя логике, у меня должна была усиливаться склонность к суициду, потому что в человеке происходил внутренний личностный разрыв. Но ничего страшного в этом нет. Пугачева не Гитлер, а газета не автомат.

Кто на кого влияет: аудитория на газеты или газеты на аудиторию? Это сложный интересный внутренний процесс, безусловно, взаимообусловленный. По моему мнению, это двойная тяга. Это магнит с двумя полюсами, которые постоянно находятся в состоянии притяжения и отталкивания.

— А сколько «Известий» вышло с Пугачевой на обложке? (*вопрос из зала*)

В. К. МАМОНТОВ: — Нисколько! Но и тираж у «Известий» несопоставим с тиражом «Толстухи». Мы боремся за людей, количество голов, которыми мы хотим или руководить, или «впарить» им эту газету, или за общественное влияние?

— Владимир Константинович, Вы можете оценить, какой процент СМИ зависит от читателей? (*вопрос из зала*)

— Сейчас ни одна газета в мире не зависит от подписчиков. (*реплика из зала*)

— От читателей или от продаж? Это разные вещи. (*реплика из зала*)

В. К. МАМОНТОВ: — Мне кажется, что существуют маячки, по которым можно судить об этом. Это, безусловно, продажи, количество подписчиков. Сейчас происходят интересные вещи. Я приехал в Санкт-Петербург на Лихачевские чтения из Владимира, где проводил небольшое мероприятие другого уровня, но тоже очень интересное. Там женщина, главный редактор, выпускает социально ориентированную газету, полностью подчиненную интересам бабушек и дедушек. И у газеты, которую она выпускает, стало увеличиваться количество подписчиков. Это происходит в условиях, когда у всех газет падает подписка. Это удивительно. Редакторы больших газет постоянно держат злот читательской аудитории. Газеты генерального интереса, как говорят, или газеты, которые хотят влиять на власть или делают вид, что они влияют, не забрасывают зонд, им все равно, они ориентируются не на читателя, а на своеобразный круг читателей. Другое дело — газеты, которые ориентируются на интеллигентных читателей.

Слово Илье Переседову, который постоянно меня критикует.

И. Г. ПЕРЕСЕДОВ¹: — Я хочу продолжить наш опыт естественного и живого общения. Когда я слушал предыдущих докладчиков, то вспомнил анекдот по мотивам известной басни, который мне рассказали в Петербурге много лет назад. Сидит на дереве ворона с куском сыра, к ней подбегает лиса и спрашивает: «Ворона, будешь ли ты голосовать за Путина?» Ворона молчит. Лиса продолжает: «Ворона, ты понимаешь, что если ты не будешь голосовать за Путина, страна будет охвачена игом олигархов?» Ворона молчит. «Ворона, ты понимаешь, что если ты не будешь голосовать за Путина, к нам ворвутся орды чеченских террористов, они будут жечь наши дома, насиловать наших жен. Ворона, ты будешь голосовать за Путина?» Ворона говорит: «Да». Сыр падает, лиса убегает, ворона чешет голову: «Ну сказала бы я “нет”, что бы изменилось?»

Я вспомнил этот анекдот не в контексте политического звучания. Я хотел привести нотку обреченности в нашу беседу, потому что, несмотря на пафосность названия нашей секции: «Глобальные информационные

потоки как фактор мирового культурного развития», скажем мы «да» или «нет», на эту данность подобные мнения не повлияют. Мы находимся на границе великих перемен, катаклизмов, и изменить их неким частным мнением или мнением определенной группы невозможно. Что касается темы нашей секции и моей деятельности в рамках Интернета, то мне нравится ее первая часть — «глобальные информационные потоки» — и категорически не нравится вторая — «фактор мирового культурного развития». Потому что не существует никакого мирового культурного развития, информационные потоки и Интернет как главный транслятор этих потоков никак его не приближают, не отдаляют, не ускоряют, перед нами вообще не стоят такие задачи.

Анатолий Александрович Вассерман охарактеризовал глобализацию. Я хотел бы добавить, осветить в информационном плане еще один момент. Сегодня, если мы будем пользоваться словосочетанием «информационное общество», разменной монетой информационного общества является даже не эволюция, а внимание, то есть мы боремся за то, сколько человек тратит времени на потребление той или иной информации. И здесь ситуация может быть двойкой. С одной стороны, внимание привлекает что-то вызывающе яркое. Если бы с нами за столом сидела обнаженная женщина, то все смотрели бы на нее. Эта тенденция распространена и в Интернете. С другой стороны, в человеке может быть что-то заложено, внутренние приоритеты, что заставляет его классифицировать информацию и отдавать предпочтение тому или иному явлению. В этом плане (если затронуть момент рекламы, о которой говорилось), естественно, никакой воспитательной функции реклама не несет. Но как верно было замечено в одной книге, которую я недавно прочитал, реклама является лучшим показателем того, какие в обществе существуют нравственные ориентиры. Она их не создает, не продолжает, она как бы их использует, эксплуатирует, на них наживается. В этом плане реклама — блистательный индикатор того, какими нравственными ориентирами руководствуется общество.

Но в ситуации тотальной и жесточайшей конкуренции за внимание — потому что после того как человек обратил на что-то внимание, есть надежда, что он что-нибудь купит, — ни о каком развитии культуры речи быть не может. И, мне кажется, здесь изначально неправильный подход, в том числе у Александра Сергеевича Запесоцкого, когда он грезит надеждами о сохранении некоего феномена интеллигентности в сегодняшних условиях. Когда-то Гай Юлий Цезарь в целях сохранения римских законов убил тот демократический потенциал, который существовал в Риме во время его правления. Я боюсь, что если мы сегодня будем ставить вопрос именно о том, как нам сохранить тот культурный феномен и ту культурную формацию, интеллигентность, которую мы все ценим, это «выльется» только в то, что мы сохраним обложку, некий образ, лишенный всякого смысла, и будем набивать его, как чучело, тем, чем захотим. То есть вопрос, как «продать» Дмитрия Сергеевича Лихачева в Интернете, решается достаточно просто, но в ущерб наследию ученого. Поэтому я советую не обольщаться насчет тенденций развития и т. д.

Что касается глобальных информационных потоков, то это здорово. Накануне этого мероприятия мы

¹ Директор информационных программ телеканала Russia.ru.

перешептывались: что это за информационные потоки? И я понял, что это хороший термин. У нас принято говорить об информационных средах, как они накладываются друг на друга, пересекаются. Но здесь, когда появляется понятие «поток», зачастую практически физический термин, мы, с одной стороны, получаем некую протяженность, а с другой — за счет того, что мы констатируем протяженность, мы охватываем ее целиком.

Возвращаясь к выступлению господина Скворцова, могу сказать, что здесь мы наблюдаем интересный феномен. Когда «Литературная газета» была той самой «Литературной газетой», ее ценили интеллигенты. Казалось, растет лес, приходят лесорубы и начинают его обрабатывать: пилят, мастерят различные изделия, и все хорошо. Есть лес — есть лесорубы. Такое же отношение было к информации. Что-то происходит, появляется информация, журналисты начинают эту информацию записывать, раскладывать по полочкам и отдавать. В современной ситуации все наоборот. Мы живем, как на планете Пандора в фильме режиссера Кэмерона «Аватар», если уж там лес есть, то скорее он сожрет тебя, чем ты сможешь что-то спрогнозировать и разделить, из чего сделать детский стульчик, а из чего — бюллетень. То же самое сегодня происходит с информацией. Не определенные среды производят некую информацию, а зачастую информационные среды являются информационными потоками. То есть мы сегодня можем определять некие группы, кластеры по тому, какую информацию они производят, в какой информационной зоне они существуют и как это меняет их, дистанцирует от других кластеров общества, культурных групп и пр. И это совершенно неконтролируемый процесс.

И здесь я соглашусь с Владимиром Евгеньевичем Чуровым, который сказал, что не все пользуются Интернетом. Глобальная информационная среда — это, в общем, механизм сегрегации, весьма значительной не только по наличию или отсутствию компьютера, но и по тому, насколько человек способен понять принцип распространения информации, насколько он готов овладеть этим механизмом или ему достаточно получать некую пайку, которая позволит ему быть счастливым и довольным. Это происходит на наших глазах, и невозможно дать этому конечную оценку. Люди, которые делают это (а это, конечно, творение рук человеческих), вообще не задумываются над этими вопросами. Они (в том числе и я как человек, причастный к этому процессу) могут снисходительно смотреть и смеяться над всеми рассуждениями. Вся представляемая статистика достойна уважения за проделанную работу, но она никого не интересует, кроме «дремучего» министра, которому проще жить в неких мечтах, как отчасти Александру Сергеевичу. Но Александр Сергеевич при этом преследует благородные цели, а о благородстве министра мы ничего не знаем.

Помимо изменения общества и типажей людей мы сегодня зачастую можем говорить вообще о деформации человеческой природы. Но сказать однозначно, куда это движется и как, — невозможно. Мы делаем то, что делаем, и мы знаем, как сделать эту работу хорошо. Я знаю, как научить этому делу присутствующих здесь студентов. Как быстро «продать» разным средствам Дмитрия Сергеевича Лихачева — я легко могу взять

такой заказ. Но передо мной не стоит задача просчитывать на 20 шагов вперед результаты нашей деятельности. Например, сотрудники Курчатовского института, производя какой-то разовый продукт, предполагают, в каких целях он может быть использован, но насколько это изменит политическую ситуацию в мире, повторится ли холодная война — они не задавались этими вопросами.

В данном случае, если мы говорим о ситуации глобальной информатизации, мы даже не можем назвать отдельного заказчика. Все разговоры отдельных государств, каких-то групп сводятся к тому, как сделать так, чтобы этого не было, либо чтобы мы могли там прогнозировать свое присутствие. Но невозможно прогнозировать присутствие. Здесь выступал замечательный бизнесмен, который выпускает газету «Из рук в руки». Я в процессе диалога посмотрел в Интернете, кто он такой. Второй строчкой идет статья, что Евсеев угрожает своему бывшему сотруднику физической расправой, потому что тот говорил что-то плохое про «Из рук в руки». Я не знаю, если набрать в Интернете мою фамилию, может быть, там будет информация гораздо худшего содержания. То есть я могу быть уверен, что представленная там информация обо мне не соответствует действительности, но главное, что этот человек со своей империей «Из рук в руки» обречен с этим жить.

— Какая газета была изначально у Евсеева? (*вопрос из зала*)

— «Экономика и жизнь», очень приличная газета. (*реплика из зала*)

И. Г. ПЕРЕСЕДОВ: — Я это рассказываю не с тем, чтобы поставить под сомнение образ господина Евсеева, я говорю о том, что это реальность, с которой мы обречены жить, которая создается коллективно, и вряд ли мы что-либо изменим и статистическими замерами, и подобного рода беседами. Нам будут платить зарплату, мы будем плодить свой контент (и не только свой), втягивать в свои сети студентов. Но куда все это приведет?

В. К. МАМОНТОВ: — Я хотел сказать, что, как всегда, Илья Переседов умеет заострить вопросы и делает это правильно и принципиально. Но удивительно, если наше заседание ни на что не влияет, зачем он сюда приехал? Это интересный вопрос. Не существует определенного заказа. Мы сами своей деятельностью формируем тот или иной информационный поток.

А. А. ВАССЕРМАН: — В рамках теории катастроф невозможно предсказать, какое именно из воздействий на сложную систему сработает, а какое — нет. Поэтому каждому из нас надо действовать в надежде на то, что его действие окажется эффективным.

— На самом деле Илья Переседов поднял важный вопрос. (*реплика из зала*)

— Ярослав Львович Скворцов, выступая, сказал, что всего 15 % выпускников факультета журналистики работают по специальности. Сегодня журналистика

требует четкого углубления в тему, ясной специализации. Я всегда говорю своим студентам: «Выбирайте определенное направление». Когда ко мне приходит человек и говорит: «Я хочу заниматься культурой», то я спрашиваю: «Какой?» Он разводит руками. — «Музыкой, шоу-бизнесом, арт-направлением, какой культурой Вы хотите заниматься?» Студент начинает думать. *(реплика из зала)*

— Любой культурой, которая находится вдалеке от реальной жизни. Все хотят быть критиками. Боязнь реальной жизни в студенческой среде достигла фантастических размеров. *(реплика из зала)*

А. А. ВАССЕРМАН: — Так было в советское время: где бы ни работать, лишь бы ничего не делать.

— Этот небольшой информационный поток направлен. Его суть сводится к тому, что если каждый человек на своем месте будет плохо образован, с плохим вкусом, то в итоге мы ничего не сделаем. Если за этим Университетом не будет стоять Запесоцкий, если в газете не будет находиться редактор, который, исходя из своего образования и вкуса, будет делать газету... Если человек будет думать над тем, что он читает в Интернете, то от этого будет польза. То есть речь идет о личности в истории, об образовании и вкусе. Поэтому так или иначе эта тема касается всех. *(реплика из зала)*

— Я хотел взять слово в связи с выступлением Лидии Владимировны Матвеевой. Она сделала хороший доклад. Но меня немного насторожили данные, которые она привела, что возрастает уровень агрессивности и т. д. Насколько мне известно, Вы имеете влияние в Москве, центре России. Скажите, пожалуйста, почему постоянно говорят, что все безнадежно, что мы ничего не можем сделать? Можно ли при помощи ваших исследований — это научные разработки, за которые вы получаете деньги, — апеллировать и в принципе чего-то добиться? У наших потребителей существует мнение, что та агрессия, которая есть на телевидении и в прессе, создается специально. Можно ли повлиять на ситуацию при помощи разговоров? *(реплика из зала)*

Л. В. МАТВЕЕВА: — Попытки предпринимались еще Георгием Александровичем Шевелевым. Они почти безуспешны, потому что мало кто занимается психологией и социологией журналистской деятельности, то есть оценкой и пониманием того, что делают журналисты. И не всем им это интересно, потому что интересны рейтинг и прибыль медийного канала. Поэтому рефлексия результатов воздействия творческих продуктов на сознание и подсознание аудитории становится нежелательной для руководителей и работников медийного холдинга. Результаты рефлексии заставляют задуматься об ответственности, и это мешает спокойно жить, поэтому эта работа психологов и социологов не востребована. По логике вещей, работа психологов, социологов, культурологов должна быть востребована инстанциями, контролирующими и управляющими медийной сферой в России.

На самом деле в истории существуют четкие ориентиры, что такое добро и зло в социальных макросис-

темах. Там нет разнообразия, а есть добро и зло, свет и тьма. Использование суперориентиров помогает нам жить. Наша жизнь в Интернете состоит из сценариев, поскольку контент Сети представлен в частных сценариях. Поэтому мы думаем, что это может быть хорошо для молодежи. Но можно подняться чуть выше, на уровень размышления. Есть некие тенденции, поток. Сейчас главная валюта — это внимание. И естественно, все медийщики обратились к психологам, скорее даже к психофизиологам, потому что человеческие механизмы внимания самые интересные. Как это можно использовать? Оказывается, существуют «ключики», бессознательные или сознательные, с которыми они работают. Речь идет об опасности слияния коммерческой волны медиа с глубокой наукой по психофизиологии работы мозга человека. Это очень опасно. Возникнет новая волна, новая тенденция, создающая технические инструменты медиа, позволяющие воздействовать на глубинные механизмы психики. Тогда мы действительно станем подопытными кроликами. И чтобы этого не случилось, мы, «вымирающие» интеллигенты, должны бороться за правовую регуляцию функционирования информационной коммуникации в российском обществе.

— Прозвучала важная мысль. Это должно происходить постоянно и, однажды начавшись, никогда не закончиться. Мне кажется, там не может быть победы, это процесс. *(реплика из зала)*

И. Г. ПЕРЕСЕДОВ: — Почему-то все апеллируют к моим словам, хотя я вкладывал в них другой смысл. Я сказал, что внимание можно удерживать либо неким ярким раздражителем (и на этом поле никакой конкуренции «вымирающая» интеллигенция представлять не может), или в формате диалога людей, если в нем что-то заложено. Если вам кажется хорошим православие — учите его идеи, а не подсчитывайте, сколько раз содомия появилась на телеэкране. Если будут люди с православным мировоззрением, то на них реклама с элементами содомии не будет воздействовать.

Однажды ко мне в славном городе Петербурге обратились представители католической церкви с тем, чтобы я помог им выпустить журнал, как они сказали, о семье. Это должен был быть журнал о семье с элементами католичества. Интересные, милые, замечательные люди, я рад, что у меня была возможность с ними пообщаться. У меня есть теория, что если мы говорим о гуманитарных проектах или о таких проектах, которые ставят перед собой светлые цели, то они все равно будут повторять в своей структуре информационные, медийные коммерческие проекты. Выстраивая свою деятельность здесь, мы можем найти аналог в несвятой среде. Я рассчитывал, что это будет что-то наподобие журнала «Наш дом» или «Моя семья», рассказывающего о буднях молодых и немолодых католиков, детей, со статьями о Деве Марии и т. д. В процессе работы выяснилось, что у них совершенно другое мнение, что они хотели бы, чтобы на каждой обложке этого журнала была Дева Мария. 80 % статей были о Деве Марии: истории из жизни Девы Марии, истории ее почитания в прошлом, рассказы прихожан о том, как Дева Мария изменила их жизнь, мировые новости из жизни Девы Марии,

и в центре журнала должен был быть плакат Девы Марии. Когда они это описали, то я, применив свою схему, сказал, что это структура журнала “Playboy”.

Как в анекдоте про советского инженера, который эмигрировал за рубеж, и что бы он ни пытался собрать, у него всегда получался автомат Калашникова. Так и здесь, когда добрые, чистые и искренние люди хотят продавать цветную доктрину, как правило, получается журнал “Playboy”, но в другом формате. Спасибо за внимание.

В. К. МАМОНТОВ: — Спасибо. Пожалуйста, реплика Владимира Евгеньевича Чурова.

В. Е. ЧУРОВ: — Я хотел бы заметить, что я, как и вы, могу легко организовать продвижение Дмитрия Сергеевича Лихачева в Интернете, причем как в «первом», так и во «втором» Интернете. «Первый» — это интеллигентный Интернет, а «второй» — это помойка. Кстати, в «первом» Интернете про Дмитрия Сергеевича представлено много информации, очень подробной и самой разнообразной. Но я знаю, как ее сделать более интересной. Мне кажется, что пример с журналом “Playboy” — для «второго» Интернета. Для «первого» Интернета он не годится.

Аналогично мы можем разделить и средства массовой информации — на две корзины. Страшно другое. Я прекрасно знаю и быстро определяю, кто что заказал. Если бы случайно у нас исчезли все заказчики, все заказные материалы, мы бы увидели массу белых пятен на полосах и в телевизионных программах. Как легко можно догадаться, кто и против кого, например, заказывает многие криминальные сериалы. Многие криминальные сериалы являются предупреждением конкурентам. Это достаточно мощное оружие в различных корпоративных спорах. Но если такая сказочная ситуация продлится хотя бы 2–3 дня, то многие средства массовой информации, включая и интернет-ресурсы, просто исчезнут.

Сейчас у нас, судя по публикациям в специализированных журналах, коммерциализация Интернета происходит семимильными шагами, прежде всего в Рунете. По некоторым оценкам, в настоящее время 90 % Рунета является коммерческим проектом, в отличие от недавнего прошлого. Продолжу аналогию с королем: если СМИ считают себя королем, то должен появиться мальчик, который скажет, что он голый. И, может быть, в этом — смысл подобных обсуждений. Происходит манипуляция сознанием. Она возникла в момент зарождения средств массовой информации (вспомните памфлеты Даниеля Дефо). Сейчас это явление приобрело более широкий масштаб. Конечно, Александр Сергеевич Запесоцкий абсолютно прав в том, что интеллигенция была, есть и будет. И в Интернете интеллигентные сайты составляют не меньше половины. Нужно использовать эту часть и стараться, чтобы она становилась больше.

В. К. МАМОНТОВ: — Спасибо. Здесь прозвучали важные мысли, и мне хотелось бы акцентировать на них внимание. Илья Переседов сказал, что то, что происходит сегодня в Интернете, — это сегрегация. Мне кажется, это абсолютно правильно. В сущности люди, ко-

торые сегодня работают в Интернете как профессионалы, позиционируют себя в качестве свободных людей, продвигающих идеи свободы и всего хорошего, на самом деле борются за власть или выполняют заказ (или и то, и другое). Они полагают, что они и станут той новой властью, новой аристократией, и используют это совершенно сознательно. То, о чем говорил Владимир Евгеньевич Чуров, совпадает с моей точкой зрения. Интернет некоторое время назад провозглашался как великая свобода. Если сейчас убрать из «свободолюбивых» публикаций многих авторов, блогеров, то, о чем говорилось, не только газеты выйдут с пустыми местами, но и в блогах произойдет в значительной степени то же самое. Только работа стала более тонкой.

В. Е. ЧУРОВ: — Я подтверждаю Ваши слова собственным примером. До октября 2009 года, который поднял мой политический рейтинг, против меня наняли блогеров второго порядка, подешевле. После октябрьских событий наняли одного из выдающихся блогеров Рунета, который сейчас работает против меня.

В. К. МАМОНТОВ: — Эти мысли на самом деле важны. И мы должны понимать, что издания, которые сегодня позиционируют себя свободными, неподцензурными, негосударственными, однажды обнаружат, что они хотят, условно говоря, компьютер с мигалкой. Это тоже глубокое, подлинное, человеческое, неотъемлемое чувство. Это важный момент, и хорошо, что мы его затронули. Большое спасибо всем. Я люблю подобные форумы, потому что можно услышать много умных размышлений, подтверждение собственным мыслям, рассуждениям.

С. С. ЯРОШЕЦКИЙ: — Илья Переседов затронул важную тему о православной журналистике. Я вхожу в редакцию сайта одного из популярных цветных ежемесячных православных журналов. Я занимаюсь этим уже 7 лет и могу сказать, что у нас нет православной журналистики, а есть православные журналисты. Это два разных понятия. Я регулярно бываю на конференциях, семинарах, встречаюсь с региональными православными журналистами, часто общаюсь с «интернетчиками» — это очень интересные люди.

Еще 10 лет своей жизни я отдал газете «Коммерсантъ», причем, с моей точки зрения, это были лучшие годы этой газеты, и не потому, что я там работал. Социологические исследования показывают, что те люди, для кого делается эта газета, это меньшинство — процентов 30. 70 % — тех, кто считает себя профессионалами. Естественно, ориентироваться на них было бы опасно, потому что в этом случае можно потерять те 30 %, которые «держат» эти 70 %. И газета «Коммерсантъ», если вспомнить ее первые рекламные ролики, преподносилась как атрибут: акцентировалось не содержание, а то, что это просто ваша газета. И на самом деле она была таковой. Я долго ее выписывал, а год назад перестал по одной простой причине: я вдруг заметил, что читаю эту газету полторы минуты. Я ее открываю, пролистываю и уже знаю то, о чем напишет тот

¹ Главный редактор журнала «Адреса Петербурга» и регионального выпуска «Парламентской газеты», шеф-редактор регионального выпуска «Известия-Санкт-Петербург».

или иной журналист, вижу это по заголовку и откладываю. Я понял, что трачу немалые деньги за продукт, который мне не нужен как источник информации.

Проведу аналогию с журналом «Шпигель». Редакция этого журнала вначале шла похожим путем, это тоже атрибут, который просто должен быть. Этот журнал выходит каждый понедельник, значит, жизнь продолжается, все замечательно. Он меня не удивляет, не образует, а просто утверждает мое представление о том, что мир остается миром. Газета «Коммерсантъ», с точки зрения человека, критически к ней относящегося, свою функцию исчерпала. Завершу выступление цитатой одного из ее бывших главных редакторов, А. Локтева, под которой я готов подписаться: «Газета “Коммерсантъ”, которой всего 20 лет, похожа на стареющего русского интеллигента». Спасибо.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Важно, что в нашей дискуссии участвует специалист по интернет-журналистике, представляющий новое поколение профессии.

В. К. МАМОНТОВ: — Этот молодой человек, между прочим, — редактор интернет-проекта, в котором я принимаю участие.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Хотелось бы предостеречь молодых талантливых журналистов от легкости, с которой они используют архетипические культурные символы в интернет-пространстве. Мой опыт работы в Институте социальной и судебной психиатрии им. Сербского позволяет утверждать, что любой стимул, появившийся в массовых коммуникациях, порождает много ассоциаций, сознательных и бессознательных. Поэтому эротические символы, такие как голая грудь, содомия и так далее, которые используются для привлечения внимания к продуктам рекламы, социальным явлениям, не имеющим отношения к эротике, могут спровоцировать латентные потребности, или девиантное поведение человека, носящее антисоциальный характер, например каннибализм.

В. К. МАМОНТОВ: — Но голая грудь и содомия — это разные вещи. . .

Л. В. МАТВЕЕВА: — Наоборот, как только начинают использовать архетипические символы (это могут быть крест, голая грудь, символ гомосексуализма и т. д.) и посылать их в аудиторию, то в сознании сразу возникают архетипические сценарии. И вы как редактор, создатель текста, должны быть к этому готовы. Например, недавно я проводила видеотренинг со студентами-журналистами. Один мальчик позволил себе выйти за рамки культурной нормы в рассказе о самом счастливом дне своей жизни. Он рассказал о праздновании своего 17-летия, где он с ребятами голым бегал по городу и развлекал туристов. Пока мы это снимали, было смешно. Как только это было воспроизведено по видеосистеме, то некоторые стали нарушать границу между интимным и публичным.

Видеоролик спровоцировал этот процесс. Некоторые участники видеотренинга были стеснены, другие зажались, а некоторые девушки, наоборот, быстро перешли границу приличия, при этом они сами были удивле-

ны своей смелости. Оказалось, они не ожидали от себя такого поведения. То есть видеоматериал может провоцировать людей на нарушение границ идентичности. Поэтому молодому поколению журналистов, особенно работающих в Интернете, с одной стороны, нужно быть осторожнее в использовании архетипических символов, с другой — больше знать о том, как устроена психика человека. Нельзя быть безответственными в использовании архетипов.

В. К. МАМОНТОВ: — Да, надо быть осторожными. Большое спасибо.

С. С. ЯРОШЕЦКИЙ: — Я несколько дней назад стал шеф-редактором «Известий–Санкт-Петербург». Сейчас это для меня основной проект. Но уже в течение семи лет я издаю журнал «Адреса Петербурга», о котором здесь говорилось. Он выходит четыре раза в год. И недавно меня пригласили в Прибалтику как редактора журнала для Санкт-Петербурга люди, которые, проживая в Прибалтике, стараются сохранить российскую идентичность и занимаются образованием на русском языке. Это руководители высших учебных заведений, школ, в которых обучение ведется на русском языке, и т. д.

В Прибалтике есть серьезная организация, которая поддерживает это дело. Она обратила внимание на абсолютно аполитичный журнал. Он построен только на рассказах и называется журналом учета вечных ценностей «Адреса Петербурга». Это краеведческий художественный журнал. Мы занимаемся исключительно тем, что учитываем все прекрасное, все необычное, странное, то, из чего состоит наш город. Очень нестандартный, нетрадиционный журнальный проект. Я удивился их предложению. Они пригласили распространять этот журнал у них, чтобы он появился в университетах, школах, где идет обучение на русском языке. На вопрос о том, хотят ли они внести какие-либо изменения в содержание, они ответили: «Нет. Журнал должен быть таким, какой есть, с рассказами о странном городе Петербурге». Кроме того, при журнале есть газета «Студенческая пара», тоже культурно ориентированная, которая тоже их заинтересовала.

Меня это порадовало. Это, как мне кажется, практический пример по теме нашего разговора. То есть людям, которые занимаются поддержкой российской культуры, потребовалась совершенно аполитичная вещь. Это важно.

Также я хочу рассказать о проекте, к которому я лично не имею отношения, но мне очень дорого, что его создатели (председатель Комитета по печати Администрации Санкт-Петербурга Юрий Зинчук) во многом ориентировались на то, как сделан мой журнал для Санкт-Петербурга. Речь идет об интернет-портале «Ленинград Победы», где на интернет-сайте выкладываются фотографии и описания, которые присылают в редакцию ветераны войны, блокадники. Это те вещи, с которыми у них связаны воспоминания. То есть интернет-портал — это аналог стенгазет, которые вывешивают на домах, только в Интернете. И редакция собирается перенести все это, в частности, на наружную рекламу. Мы собираем вещи, изображения, а потом будем их продвигать. Это могут быть фотографии, вырезки из газет, все, что

удовно. Важно, что в любой точке мира можно зайти на этот портал и посмотреть эту коллекцию. Это своеобразный виртуальный музей.

В. К. МАМОНТОВ: — Мы не коснулись проблемы анонимности: анонимно человек выступает в Интернете или честно говорит, что у него есть. Это тоже важный момент.

С. С. ЯРОШЕЦКИЙ: — В связи с Прибалтикой я хочу рассказать о волшебной силе искусства, хотя это, может быть, не совсем по теме нашей дискуссии. Упомянуть о том, чему мы с присутствующим здесь директором нашей редакции Светланой Моргуновой были свидетелями. Недавно в Таллине был проведен концерт Валерия Гергиева, который исполнил Седьмую симфонию Шостаковича. Собралась заинтересованная аудитория. Мне кажется, что Светлана Геннадьевна лучше об этом расскажет.

С. Г. МОРГУНОВА¹: — Важен сам факт, что именно в Эстонии, где в понятие «фашизм» вкладывают совсем иной смысл, чем в России, произошло это событие, приехал Мариинский театр и играл Ленинградскую симфонию. Все музыканты вышли с георгиевскими ленточками, и присутствующие в зале тоже были с этими лентами. Мы видели весь антураж, то, что происходило в кулуарах, разговаривали с учредителями. Они нам честно признались, что боялись, что, когда в Эстонии будет проводиться событие под лозунгом «Искусство против фашизма», непременно возникнут трения. Они были готовы к тому, что будут митинги, блокируют вход в здание, потому что такие факты имели место... Но все прошло хорошо. Во втором отделении вместе с Гергиевым режиссировал эстонский дирижер, маэстро Эри Клас. Буквально сразу в эстонских СМИ на него начали нападать, его стали обвинять в том, что он продался России.

Мы помним, что два года назад памятник «Бронзовый солдат» был перенесен из центра Таллина на военное кладбище. И на этом военном кладбище около этого памятника — море цветов. Причем организаторы этого мероприятия рассказывали о том, что возлагали цветы в основном молодые люди, шли неорганизованно, по доброй воле. Была выложена пятиметровая (в диаметре) звезда из живых цветов. Это к вопросу о том, что каждое общество развивается по своим законам, у каждого общества существует своя идеология.

И аудитория, молодое поколение, на которое мы ориентируемся, и мэтры журналистики обсудили на этом форуме актуальнейшие вопросы, задели интересные темы. Я видела реакцию аудитории, на что она реа-

гирует, как воспринимает. Я не говорю об идеологии, она утрачена, ее придется, наверное, создавать заново, ставить задачи и контролировать их исполнение. И если аудитория будет готова воспринимать, то результаты будут достигнуты. Впервые я увидела выступление Дмитрия Сергеевича Лихачева, когда мне было, наверное, лет 20, в глубокой провинции. И была очень удивлена глубиной простоте общения этого человека. Всем большое спасибо.

В. К. МАМОНТОВ: — Спасибо. Хорошее, трогательное выступление. Хочу предоставить слово Андрею Ванденко.

А. Е. ВАНДЕНКО²: — У меня журналистская специализация, поэтому я предпочитаю слушать и задавать вопросы.

В. К. МАМОНТОВ: — Подведем итоги нашего заседания. Обсуждение в целом показалось мне важным и полезным. Как всегда, произошло смешение жанров. У нас было все: и реплики, и серьезные научные выступления, и совершенно ненаучные высказывания, потому что люди разные. Единственное, что мне кажется действительно хорошим итогом, — высокая заинтересованность присутствующих, мы обсудили много разных вопросов. Мне показалось, что мы нащупали очень значимые моменты, которые важны для прессы и вообще для медиа. Я по ходу дискуссии их перечислил.

Была сформулирована важная мысль — что мы стоим на пороге больших перемен. Я в этом убежден. То, что происходит сейчас в Интернете, что происходит с нами, в целом ряде областей жизни, говорит о том, что мы (может быть, наши дети) и наша жизнь значительно изменятся. Процесс, который сейчас происходит на наших глазах, не всегда, может быть, нами осознается, но он осуществляется именно так, как мы об этом говорили. Мы будем бороться за свои ценности и ни за что не отдадим их, а молодежь будет нападать, раскачивать их. Это вечный расклад, и, собственно говоря, благодаря ему происходит движение вперед...

И то, что мы сегодня здесь собрались и обсудили, — это и есть столкновение мнений и, возможно, залог того, что мы стали чуть лучше понимать проблемы друг друга. Может быть, в следующих наших передачах, колонках и прочих результатах нашего творчества это проявится и сослужит и нам, и читателям хорошую службу. От себя лично и от СПбГУП искренне благодарю всех присутствующих за организацию этой дискуссии и принятие в ней активного и деятельного участия. Большое спасибо!

¹ Директор редакции газеты «Известия–Санкт-Петербург».

² Обозреватель журнала «Итоги».

Секция 6

ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

14 мая 2010 г. Лекционный зал № 6, СПбГУП

Руководители секции:

- О. Т. БОГОМОЛОВ** академик РАН, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления (Москва), доктор экономических наук, профессор
- В. Л. МАКАРОВ** академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва), доктор физико-математических наук, профессор

Участники:

- А. С. БОЛЬШАКОВ** заместитель декана экономического факультета по научной работе СПбГУП, доктор экономических наук, профессор
- Ф. Б. ВЛАСОВ** профессор кафедры экономической теории и управления персоналом Орловского государственного технического университета, доктор экономических наук, доцент
- Б. ВОЛЬФ** профессор Высшей школы экономики г. Людвигсхафена (Германия)
- С. А. ДЯТЛОВ** профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук
- А. И. ЕВДОКИМОВ** заведующий кафедрой международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор
- Г. Б. КЛЕЙНЕР** член-корреспондент РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор
- И. С. КОРОЛЕВ** член-корреспондент РАН, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор
- В. И. МИХАЙЛОВ** профессор кафедры управления СПбГУП, доктор технических наук
- М. С. МОТЫШИНА** декан экономического факультета СПбГУП, заведующая кафедрой управления, доктор экономических наук, профессор
- И. Н. ПАНАРИН** декан вечернего отделения факультета международных отношений Дипломатической академии МИД РФ (Москва), доктор политических наук, профессор
- Д. Е. СОРОКИН** член-корреспондент РАН, первый заместитель директора Института экономики РАН (Москва), заведующий кафедрой «Макроэкономическое регулирование» Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор экономических наук, профессор
- Д. И. ТЕРЕЛАДЗЕ** преподаватель кафедры экономики СПбГУП
- Г. Ф. ФЕЙГИН** профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

А. С. БОЛЬШАКОВ¹: — Уважаемые друзья! Позвольте на правах ученого секретаря передать бразды правления руководителям нашей секции — Олегу Тимофеевичу Богомолу и Валерию Леонидовичу Макарову.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Тема глобализации сегодня не сходит со страниц печати, о ней говорят политические лидеры, она присутствует в программах политических партий. Тем не менее процесс экономической глобализации довольно сложен и противоречив, поэтому мне хотелось бы обозначить несколько проблем,

¹ Заместитель декана экономического факультета по научной работе СПбГУП, доктор экономических наук, профессор.

которые он выдвигает, чтобы потом выслушать и ваше мнение и, может быть, о чем-то поспорить. Пишут о том, что глобализация — это объективный и прогрессивный процесс, и это правильно. Но вместе с тем ширится антиглобалистское движение, стало быть, есть какие-то причины для того, чтобы протестовать против этого объективного процесса или быть им недовольным. Позитивные стороны глобализации очевидны, многие их могут перечислить и подтвердить, что это продвижение вперед в мировом развитии. Что же касается негативных сторон и угроз, которые несет глобализация, то их, наверное, стоит обсудить.

Я приведу только два примера, на которые мы должны обратить внимание. И для развивающихся,

и для развитых стран глобализация создает проблемы, которые пока не находят не только решения, но даже понимания. Для развивающихся стран приход транснациональных корпораций ограничивает суверенитет и возможности собственных национальных государств в проведении прежде всего социально-экономической политики, подчиняет ее интересам ведущих держав и крупных транснациональных образований. Даже в Восточной Европе есть страны, страдающие от того, что вся их передовая промышленность оказалась в руках крупных западных компаний, — например Венгрия, которая, в общем, уже не может в достаточной мере влиять на дальнейшее развитие своей промышленности. У нее крупный платежный дисбаланс и задолженность по внешней торговле, прежде всего с Китаем. А направить туда свои экспортные товары не удается, потому что транснациональные корпорации направляют их в другие страны. Я уже не говорю о развивающихся странах Юго-Восточной Азии или Африки, которые имеют много плюсов от проникновения транснациональных корпораций, но и минусов немало.

Что касается развитых стран, то у них тоже возникают сложности, потому что продукция, произведенная в странах с дешевой рабочей силой, заполняет их рынки. Например, если вы захотите купить в США по достойным ценам одежду, обувь или другие предметы потребления, то они наверняка окажутся сделанными в Китае. Этот наплыв продукции из стран с дешевой рабочей силой приводит к тому, что американские и европейские компании, желая выжить, вынуждены наступать на права своих работников, ограничивать рост зарплат и даже задумываться о том, чтобы репродуцировать или вовсе закрыть производство. Так что глобализация и здесь создает проблемы — а как их решать?

Разразившийся экономический кризис поставил еще одну сложную проблему. Как регулировать процессы финансовой глобализации, денежные потоки, которые бесконтрольно и стихийно кочуют из одной страны в другую? Как регулировать кредитную политику? Европейцы сейчас не знают, как спасти Грецию, которая не в состоянии рассчитаться с долгами. Словом, проблем много, поэтому я бы хотел призвать докладчиков не только излагать свои заранее сформулированные мысли, но и попытаться затронуть нерешенные вопросы этого нового и очень глубокого процесса глобализации.

И. С. КОРОЛЕВ: — Наш институт — практически единственное научное учреждение, которое предметно занимается процессами, происходящими в мировой экономике. Вчера мне понравилось выступление профессора Юрия Никифоровича Солонина, который сказал, что сейчас появилось много людей, предметно ничем не

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор. Основные публикации: «Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет», «Экспортно-импортные потоки РФ. Сопоставление данных таможенной статистики РФ и статистики ОЭСР», «ВТО и национальные экономические интересы», «Россия и глобализация: международные аспекты», «Мировая экономика: прогноз до 2020 года», «Россия и мир в начале XXI века: новые вызовы и новые возможности» и др. Член редколлегии журнала «Мировая экономика и международные отношения».

занимающихся, а говорящих обо всем. Я согласен, что дискутировать с такими людьми нельзя. Поэтому хочу воспользоваться случаем и сказать о некоторых шаблонах и мифах, которые прочно утвердились в сознании людей. Не возражаю, если вы критически отнесетесь к моим словам.

Первое, что я хочу сказать, — нам надо понимать, что, несмотря на усилия Владимира Ильича Ленина и десятилетия советской власти, мы в какой-то степени остаемся европейской цивилизацией. И генерация новых реформ, и создание нормальных институтов будут возможны только в том случае, если мы будем воспринимать себя как европейскую цивилизацию. Все разговоры о евразийстве — это ерунда. Для нас очень важны отношения с Китаем, и экономические, и политические, чтобы поддерживать безопасность в Центральной Азии, особенно когда НАТО уйдет из Афганистана. С Индией, безусловно, тоже. И с Бразилией, в общем, важны, несмотря на их левые замашки. Левые идеи, с моей точки зрения, вообще очень опасны — в 1917 году Россия уже пострадала от них. Но сама аббревиатура БРИК — экзотика, потому что это страны не только с разной историей и культурой, но и с разными проблемами и перспективами.

И вот эта группа официально признается в мире. Уже нам говорят: зачем вам «восьмерка», присоединяйтесь к БРИКу. Но тот, кто проанализирует позиции стран «семерки» по реформе международной финансовой системы, увидит, что на 90–95 % они больше отвечают интересам России, чем позиции «партнеров» по БРИКу. У них совсем другие интересы.

И последнее. Российское руководство радостно сообщает нам, что мы прошли кризис более или менее, так сказать, гладко. Опять резервы стали накапливаться и т. д. Но те структурные перекосы, которые у нас были, никуда не исчезли. И опять мы стремимся усилить свое политическое влияние в мире. Но сейчас-то мы не Советский Союз; у нас доля в мировом ВВП — 2 %. Надо реально оценивать свое место в мировой экономике. Для нас сейчас главное — решение внутренних проблем. Недавно наш президент посетил с визитом Бразилию, а премьер-министр ездил в Мурманск, решал проблемы рыбной отрасли. Надо, говорил он, чтобы улов не перебрасывали с борта на борт, а везли в наши порты. Цена этого вопроса на несколько порядков выше, чем все многомиллиардные обороты с Бразилией. Но это гораздо труднее решить, чем что-то подписать в Бразилии, потому что помимо того, чтобы дать по рукам таможене, надо сделать всю инфраструктуру, чтобы рыба не портилась, дошла до каждого потребителя и не стоила слишком дорого, иначе возникнет проблема спроса, особенно в бедных городах (чего не наблюдается в развитых странах).

Повторяю: я призываю всех критически оценивать информацию, которую предоставляют нам различные СМИ, и думать и делать выводы самостоятельно.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Спасибо, Иван Сергеевич. Я думаю, что Ваш призыв к критическому взгляду на многое из того, что мы читаем и слышим, очень правильный. Но поскольку именно в дискуссиях часто выявляется истина, мы продолжим. Выступает Дмитрий Евгеньевич Сорокин.

Д. Е. СОРОКИН¹: — Я как экономист хочу уточнить позиции в отношении нашей принадлежности к Европе. Знаете, из всех регалий, которые у меня есть, я больше всего горжусь званием почетного гражданина Булунского улуса Республики Саха (Якутия). Мне его присвоили, когда я пришел туда в одиночку на надувной резиновой лодке. То, что выступавший передо мной коллега — 100-процентный европеец, у меня нет сомнений. Но Якутия — тоже Европа?

Что касается диалога культур и партнерства цивилизаций, то я подхожу к этому вопросу прежде всего с точки зрения политэкономии.

Во-первых, партнерство бывает разное. В качестве какого партнера может выступать Россия? В настоящее время проводится много конференций по поводу мирового экономического кризиса. Все эти разговоры очень интересны, но, в общем, напоминают об одном известном герое из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова — Васисуалии Лоханкине. Тот тоже любил, лежа целыми днями на диване, размышлять о роли интеллигенции в русской революции.

Хочу напомнить, что в 2006 году российский министр финансов Алексей Кудрин был признан лучшим министром финансов среди стран Центральной и Восточной Европы. Однако прошло несколько лет, и в 2010 году на встречу министров финансов «Большой восьмерки» его не пригласили. Что он мог бы там сказать?

Так что если партнерство цивилизаций — это реальность, то Россия может выступать только в качестве младшего партнера. Какая роль будет отведена нашей стране как младшему партнеру? Я много лет работаю с китайскими коллегами, и они прямо говорят, что у нас сложилась колониальная структура торговли. Слава богу, нам не стеклянные бусы отдают за природные ресурсы, а все-таки машины, правда, китайские. То есть России отводится роль поставщика сырья для других цивилизационных партнеров.

Может ли Россия сохраниться, пусть даже как российская цивилизация, в этих условиях? Цитирую Владимира Владимировича Путина: «Нам не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария». Дальше он делает следующий вывод: «Это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, укреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики. А в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров». Наш институт полностью разделяет это мнение.

Во-вторых, для участия в диалоге культур, по моему, должны выполняться два условия. Прежде всего у нас должна быть высоко развита собственная культура — не отдельных ее носителей, а общая культура народа. А для этого народ должен не бороться за выживание, а иметь определенный уровень качества жизни.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, первый заместитель директора Института экономики РАН (Москва), заведующий кафедрой «Макроэкономическое регулирование» Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор экономических наук, профессор. Автор и соавтор 70 научных работ, в т. ч. монографий: «Россия–2015: оптимистический сценарий», «Стратегический ответ России на вызовы нового века», «Россия перед вызовом: политическая экономия ответа», «Россия в глобализирующемся мире» и др. Член редколлегии журналов «Вопросы экономики» и «Экономическая наука современной России», член редсоветов журнала «Проблемы теории и практики управления» и «Журнала экономической теории».

Об этом еще Адам Смит писал. В бедной стране не может быть населения высокой культуры. Лукавая статистика показывает, что у нас почти в три раза уменьшилось количество бедных. Однако этот показатель рассчитывается исходя из стоимости минимальной потребительской корзины, а данная корзина в последние годы сильно «полегчала». Если в 2000 году ее стоимость составляла 50 % среднедушевого дохода, то теперь — только 30 %.

И второе условие — толерантность к представителям иных культур. Я знаком с этой проблемой не понаслышке: моя супруга — представительница другой цивилизации. Поверьте, это достаточно сложно — быть всегда толерантным, даже у нас, внутри одной семьи, иногда бывают разные взгляды на, казалось бы, общечеловеческие ценности. Тем не менее я продолжаю утверждать: в основе взаимодействия культур и цивилизаций лежит экономика.

Наши коллеги из Института социологических исследований много лет ведут мониторинг, и их данные показывают следующее. До 1998 года в России росло число тех, кто отрицательно отвечал на вопрос: «Является ли Россия общим домом для многих народов?» Потом начался экономический рост. Однако сейчас больше половины населения страны отрицательно отвечают на этот вопрос. Мы внутри страны не можем наладить диалог. Почему? Потому что растет разрыв между богатыми и бедными, и в этих условиях начинается поиск виновных. Это важный вопрос для многих, в том числе и для меня: мой сын принадлежит сразу к двум цивилизациям, и от решения этого вопроса зависит, где он будет жить. Я очень хочу, чтобы он жил в России.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Спасибо, Дмитрий Сергеевич. Предоставляю слово профессору Григорию Феликсовичу Фейгину.

Г. Ф. ФЕЙГИН²: — Передо мной стояла довольно сложная задача — связать экономическую составляющую с культурной. Тем не менее я попытался это сделать.

Термин «глобализация» был впервые употреблен в 1983 году Теодором Левитом. На мой взгляд, глобализация — новое явление, хотя есть точка зрения, что она началась давно, просто мы не ощущали это так отчетливо, как теперь. Я считаю, что глобализация в современном понимании стартовала во второй половине XX века, и для этого было три предпосылки — технологическая, экономическая и культурная.

Технологическая предпосылка — это научно-технический прогресс, который «сократил расстояния». Сегодня на то, чтобы добраться от одной точки земного шара в другую, требуется не так много времени, как это было, скажем, в первобытную эпоху или в Средние века. Интернет, невероятно упростивший коммуникации между людьми, — также результат научно-технического прогресса.

Вторая предпосылка — экономическая — интернационализация производства и потребления. «Человек

² Профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Открытая экономика: макроэкономический подход», «Трансформационная экономика в исследованиях западных ученых», «Реальный сектор экономики» и др.

экономический» постоянно ищет способы сэкономить, то есть стремится к оптимальному соотношению «цена/качество». Но если раньше искали в масштабе регионального или национального рынка, то сегодня этот процесс приобрел глобальный масштаб. Результат — то, о чем говорил Олег Тимофеевич, открывая нашу дискуссию: в Америке сегодня трудно найти товары американского производства, в Европе наблюдается та же картина. Это происходит потому, что производство перемещается туда, где оно обходится дешевле. Если в Китае или Малайзии более дешевая рабочая сила, то там и будут находиться цеха по изготовлению товаров.

Особый интерес представляет культурная предпосылка глобализации. Это самый сложный и проблемный фактор. Вчера здесь звучала мысль, что глобальная культура — это миф. Я хочу отметить, что у меня на этот счет противоречивая позиция. С одной стороны, понятно, что культурные различия у нас огромные. Дмитрий Евгеньевич кстати упомянул Якутию — Европа это или нет? Понятно, что между культурой Республики Саха Якутия и культурой Европы огромные различия. Поэтому о какой культурной глобализации вообще может идти речь?

В то же время все не так просто. Контакты между представителями разных культур стали более интенсивными. Мне достаточно много приходится с этим сталкиваться: вторую диссертацию на тему «Позиции и перспективы России в процессе глобализации» я защищал в Германии.

Я сталкивался с таким феноменом, как глобализация образования. Сегодня во многих западных высших школах учатся представители разных культур. Общаясь, они лучше познают друг друга. А ведь для чего многие государства обучают студентов из развивающихся стран? Чтобы потом в этих странах были люди с новой ментальностью. В связи с этим я хочу процитировать, пожалуй, единственного из наших писателей, который в свое время был очень популярен на Западе, — Илью Григорьевича Эренбурга: «“Во Францию два гренадера...” Я их, если встречу, верну. Зачем только черт меня дернул влюбиться в чужую страну?» Я думаю, что влюбленность в чужую страну, принятие других культур — это и есть культурная предпосылка глобализации. В частности, значительная часть публицистики Эренбурга 1950–1960-х годов по-своему была такой предпосылкой.

В связи с культурной глобализацией необходимо решать много задач. Прежде всего нужно так подбирать рабочие коллективы, чтобы культурные различия не играли существенной роли в процессе взаимодействия людей. Другой важный аспект в культурном взаимодействии — это, например, процесс ведения переговоров. Я попытался выделить факторы, которые определяют основные проблемы в процессе ведения переговоров россиян с партнерами из развитых стран, и факторы, влияющие на их успех. Эти факторы — различие в поведении в ходе переговоров, различное восприятие возможностей при реализации проектов. Эти аспекты зачастую приводят к тому, что россияне и иностранцы как деловые партнеры друг друга не понимают, и, желая сделать что-то совместно, они в результате не приходят к консенсусу.

Д. И. ТЕРЕЛАДЗЕ¹: — В апреле Международный валютный фонд опубликовал доклад «Приток капитала: роль контроля», в котором говорится о международном движении капитала в рамках глобализации. Эксперты МВФ, прежде выступавшие за полную либерализацию, в общем, согласились, что развивающиеся страны должны ограничить приток капитала, используя гуманитарные инструменты. В этом докладе обозначено, что должен быть предел глобализации. Григорий Феликсович, я знаком с Вашей докторской диссертацией. Вы говорите, что глобализация стремится к некоему абсолюту. В докладе же МВФ состояние абсолютной глобальности подвергается критике, утверждается, что мы должны остановить глобализацию на каком-то этапе, иначе мировые финансовые кризисы будут оказывать негативные воздействия на развивающиеся рынки. Как Вы относитесь к перемене точки зрения МВФ?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Вы поднимаете сложную проблему. Где граница глобализации? Я думаю, что критерием оптимальности являются реальные предпосылки для стабильного экономического роста и повышения общественного благосостояния. В Германии этот принцип формулируют следующим образом: столько рынка, сколько возможно, и столько плана, сколько необходимо. То же самое, наверное, можно сказать о глобализации — столько глобализации, сколько возможно, и столько национального суверенитета, сколько необходимо. Другое дело, что мир динамичен, и найти четкую грань не представляется возможным. Я думаю, что общечеловечность, Международный валютный фонд и другие организации просто реагируют на проблему и колеблются, мечутся в зависимости от ситуации. Совершенно понятно, что государственное регулирование и ограничение сегодня необходимы, но в какой мере — очень сложный вопрос. Тут нужны специальные исследования конкретной проблематики каждой страны.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Это, на мой взгляд, принципиальный вопрос. Статистика показывает, что Россия наиболее тяжело переживает нынешний кризис, так как у нас был свой латентный кризис еще до того, как разразился глобальный. Я думаю, что наши трудности вызваны не столько воздействием извне, сколько ошибками во внутренней экономической политике. Почему Россия испытывает довольно серьезные последствия от глобального кризиса, а Китай сравнительно легко с ним справился? Это связано с тем, что крупные страны, такие как Китай, Россия, США, имеют огромные резервы для развития производства на базе внутреннего разделения труда и развития внутреннего рынка. И для России стремление как можно скорее вписаться в глобальную систему, стать участником Всемирной торговой организации может быть контрпродуктивно, потому что мы имеем действительно огромный резерв — увеличение спроса внутри страны, развитие внутреннего разделения труда — и на этой основе можем застраховать себя от всех неприятностей изменения мировой конъюнктуры. Доля экспорта в ВВП Соединенных Штатов составляет 10 %, в Китае немного больше, но это связано еще и с недооценкой юаня. У нас доля экспорта превышает 30 % ВВП, но рубль тоже вдвое недооценен, и это

¹ Преподаватель кафедры экономики СПбГУП.

изменяет статистику. Однако наша втянутость в международные процессы неадекватна возможностям развития внутреннего рынка. Мы покупаем зубные щетки, хотя могли бы успешно производить их сами. Так что вопрос поставлен правильно: есть границы, которые перешагивать не надо. Глобализация — прогрессивный феномен, но надо понимать, что в условиях неуправляемых экономических процессов в мире необходимо страховать себя от негативных последствий.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Многие, я думаю, согласны с тем, что глобализация должна иметь некие пределы. В связи с этим у меня два вопроса к Вам, Олег Тимофеевич. Можно ли сказать, что сегодня эти границы одни, а через 10 лет будут другие? Или есть какие-то общие границы глобализации? То есть какой подход правильный — статический или динамический? И второй вопрос: как эти границы определить? По сути, разговор об этом зачастую сводится к перечислению конкретных шагов. Например, вступать или не вступать в ВТО, в которую уже входят более 150 стран.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Действительно, все течет, все изменяется, как говорят философы. Поэтому мы сегодня подходим к проблеме с точки зрения нынешних условий, а в будущем они могут измениться. Но в каждом случае нужно исходить из рациональности. Если международные связи и глобализационные процессы не регулируются, а развиваются стихийно, то разумно себя страховать, что мы и делаем сегодня — накапливаем резервы. И я думаю, что до тех пор, пока не будут отлажены достаточно эффективные механизмы регулирования финансовых потоков и кредитно-финансовой деятельности, а может быть, и миграционных процессов, надо видеть возможности и границы, за которые переходить нецелесообразно.

Д. И. ТЕРЕЛАДЗЕ: — Я пишу диссертацию, и в ней высказываю идеи относительно того, что границы финансовой глобализации мы можем определить с помощью математического аппарата. Все мы знаем, что многофакторная модель плохо поддается объяснению и регулировке. Можно на основе математического аппарата построить фактор, ускоряющий процессы глобализации, и задать ту самую рациональную грань. Как Вы относитесь к этой идее?

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Я скептически отношусь к попыткам моделирования сложных процессов, где много переменных. Нынешний кризис как раз говорит о том, что макроэкономика часто давала сбой именно потому, что мы полагались на формализованные модели, а жизнь была сложнее.

Предоставляю слово Александру Ивановичу Евдокимову.

А. И. ЕВДОКИМОВ¹: — Во-первых, я хотел бы выразить благодарность Университету и Оргкомитету Чтений за высокий уровень организации и участников. Особенно приятно, что заседанием нашей секции ру-

¹ Заведующий кафедрой международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор.

ководит Олег Тимофеевич Богомолов, который в свое время совершил мужественный поступок: в 1979 году на одном из научных форумов он выступил против ввода наших войск в Афганистан.

Культурологический фактор имеет большое значение в бизнесе, как и в любой другой сфере деятельности. Я хотел бы высказать критическое замечание в адрес телевизионной программы Михаила Швыдкого «Культурная революция». Я думаю, что это неправильная формулировка: культура — процесс эволюционный. В отдельных элементах возможны прорывы. Да и в каких странах происходили так называемые культурные революции? В России и Китае. Другие страны не демонстрируют революционных процессов в культуре.

Сегодня много говорят о глобализации, интернационализации, интеграции, и эти понятия часто путают — и историки, и политологи, и экономисты. Я придерживаюсь мнения, что более широкое понятие — интернационализация, осуществляющаяся испокон веков, а глобализация — более поздний процесс, который особенно ускорился в 1980-е годы, когда прекратилось разделение мира на две противоположные системы и была придумана всемирная система. К тому же, на мой взгляд, процесс интеграции направлен вглубь, а глобализации — вширь.

В процессе вступления России в интеграцию возникают два вопроса: факторы самоизоляции и факторы участия. Каковы факторы самоизоляции? Первый — низкая конкурентоспособность нашей продукции. А в условиях глобализации мы вообще ее утрачиваем — и на постсоветском пространстве, и особенно на мировом рынке. Наша конкурентоспособность на североамериканском рынке составляет 3–5 %. Второй фактор заключается в том, что российские фирмы очень мало участвуют в процессе международной научно-производственной кооперации, ограничиваясь в основном экспортом топливно-энергетических ресурсов, металлов и древесины. Третий фактор: невысокий уровень транснационализации отечественной экономики. В то время как становым хребтом глобализации являются ТНК, в России крупные корпорации с иностранным участием появились совсем недавно. Четвертый фактор — слабость финансового рынка, внешняя неконвертируемость рубля. Мы активно участвуем в финансовой глобализации, но плохо развиваем реальный сектор. Поэтому и кризис нас ударил сильнее, чем кого-либо.

Пятый фактор — низкий уровень региональной экономической интеграции, практически распад СНГ. Я когда читаю лекцию студентам, говорю так: «“С”, “Н”, “Т” сидели на трубе, “С” упала, “Н” пропала, что осталось на трубе?» Не Грузия, нет.

Шестой фактор — усиление неравномерности развития регионов. Если мы сравним субъекты Федерации, то увидим, что разрыв между Москвой и Тувой или Бурятией значительно больше, чем между Люксембургом и, скажем, Болгарией. То есть происходит разрыв хозяйственного пространства. Вступление в ВТО будет способствовать еще большему отторжению нашей страны.

И. С. КОРОЛЕВ: — Вы последствиями вступления в ВТО для России предметно занимались, прежде чем делать такие заявления?

А. И. ЕВДОКИМОВ: — Извините, я в частности занимался проблемой вступления в ВТО в отношении сельского хозяйства. Я работал помощником министра сельского хозяйства СССР и знаю об этом не из книжек. Меня поддержали крупные специалисты в Межпарламентской ассамблее.

И. С. КОРОЛЕВ: — Очень хорошо. В каком состоянии находится наше сельское хозяйство без ВТО, особенно производство молока? В бедственном!

А. И. ЕВДОКИМОВ: — А вступим в ВТО — еще хуже будет.

И. С. КОРОЛЕВ: — Хуже быть не может...

А. И. ЕВДОКИМОВ: — Дело в том, что вступление в ВТО сопровождается уменьшением субсидирования сельского хозяйства — вот главная проблема. Однако есть и факторы, способствующие участию России в процессах глобализации. Это, во-первых, благоприятное геополитическое положение и большая территория. Во-вторых, сохранение лидерства в судостроении, космических технологиях и т. д. В-третьих, наличие квалифицированных кадров. Российская молодежь все чаще, получив образование в России, выезжает работать в западные страны и прекрасно там адаптируется. В частности, два десятка выпускников нашего вуза успешно работают в Германии. В-четвертых, у нас все же развиваются ТНК, такие как ЛУКОЙЛ, «Газпром», «Русский алюминий» и т. д. В-пятых, активизируется интеграция — достаточно назвать Таможенный союз, ЕврАзЭС. Какой можно сделать вывод? Конечно, мы должны участвовать в процессе глобализации, но, вступая в международные организации, такие как ВТО, мы должны выторговывать для себя особые условия, как это в свое время делала Япония и позднее Китай.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Спасибо. Среди участников нашей секции профессор из Германии Бернхард Вольф, которому я и предоставляю слово.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — А я выполню функцию переводчика.

Б. ВОЛЬФ¹: — Большое спасибо за теплый прием в Санкт-Петербурге. В детстве и юности я играл в шахматы, и, конечно, мне были известны имена российских гроссмейстеров. Уже тогда я хотел изучать русский язык. Но, как вы понимаете, это было время железного занавеса и раскола мира на две системы. Я понимал, что со знанием русского языка у меня не будет больших перспектив, поэтому первыми иностранными языками, которые я изучал, стали английский и французский. А теперь я огорчен, что не могу говорить здесь по-русски и нуждаюсь в переводчике.

К сожалению, я не могу в полной мере понять все нюансы бурной дискуссии, развернувшейся здесь. Но я надеюсь, что вы благосклонно примете ряд моих тезисов, касающихся, с одной стороны, глобализации, конкуренции, рынков, с другой — проблематики культур-

ного контекста. Я хочу отметить, что с точки зрения материального благосостояния глобализация, безусловно, сыграла большую позитивную роль в последнее десятилетие. Еще раз подчеркиваю: с точки зрения материального благосостояния. Дело в том, что конкуренция, которая обостряется в международном масштабе, все больше подстегивает инновации, постоянно улучшается качество предлагаемых товаров. В условиях рынка это происходит быстрее, чем в существовавшей в свое время на территории нашей страны плановой экономике.

Помимо товарных инноваций существуют так называемые процессные инновации. То есть сами процессы изготовления товаров постоянно улучшаются, модернизируются, причем таким образом, что снижаются издержки. Происходит жесткий «естественный отбор»: те предприятия, которые недостаточно инновационны, не соответствуют мировым стандартам качества и другим вызовам времени, просто исчезают с рынка. Роль глобальной конкуренции сводится к тому, чтобы постоянно подстегивать инновации, стимулировать повышение качества товаров, и все это в конечном счете приводит к росту благосостояния людей.

Но это только одна сторона медали. Процессы глобализации ставят много проблем и далеко не всегда приводят к желательным результатам. В частности, это касается относительно малообразованных, недостаточно конкурентоспособных на рынке труда людей. В условиях глобализации доходы и уровень жизни этих слоев населения снижаются именно в связи с их недостаточной конкурентоспособностью. В Германии о них говорят, что они получают слишком много, чтобы умереть, но слишком мало, чтобы жить. При этом те люди, которые стали успешными, востребованными в глобализирующемся мире, получили хорошее образование и обладают высокой квалификацией, зарабатывают очень много, я бы даже сказал, что иногда чрезмерно. Но и они часто ощущают неудовлетворенность своей жизнью, а иногда просто и не чувствуют себя в полной мере людьми. То есть они одновременно богаты и бедны.

С моей точки зрения, глобализация, международное разделение труда, рынки и конкуренция — это продуктивные факторы с точки зрения рынка товаров и услуг, то есть, в конечном счете, с точки зрения удовлетворения материальных потребностей и достижения высокого жизненного уровня для многих, даже можно сказать — для всех. Но с точки зрения гуманистического общества, где люди стремятся удовлетворять еще и духовные потребности, процесс глобализации зачастую контрпродуктивен и даже в чем-то враждебен для человека. Что можно сделать, чтобы избежать нежелательных последствий? Необходимо ставить четкие цели, осуществлять регулирование и вносить своевременные изменения. Конечно, это задача общества и в первую очередь — государства. Эти цели должны трансформироваться в законы, нормативные акты; кроме того, необходимо проводить активную экономическую и социальную политику.

Практика показывает, что особенно тщательно необходимо регулировать международные финансовые рынки — в данной сфере цели должны быть поставлены еще яснее, в том числе и для того, чтобы избежать разрушительных последствий финансовой глобализации для реального сектора. В то же время глобализация

¹ Профессор Высшей школы экономики г. Людвигсхафена (Германия).

финансовых рынков показывает, что и национальные формы управления финансовыми потоками тоже далеко не в полной мере эффективны и не всеильны. Соответственно нужно разумное дополнение и взаимодействие норм национального уровня и наднациональных установок. Здесь у нас даже нет права на выбор. Нам просто необходимо ставить эти цели и искать пути их достижения. В противном случае не исключены новые и более серьезные волны мировых финансовых и экономических кризисов. Мы должны осознавать опасность того, что глобализация с ее огромными глобализованными рынками и все более активными международными предприятиями все больше противоречит национальным интересам многих стран. Глобальные игроки сильны, и они будут сильнее и сильнее. Но, с моей точки зрения, они могут быть враждебны по отношению к человеку. Я вижу задачу для сообщества государств — заключить этот процесс в определенные рамки.

Д. И. ТЕРЕЛЯДЗЕ: — Уважаемый господин Вольф, существует предположение, что финансовые центры циклически меняются. В XIX веке это была Великобритания, в XX столетии — США. Согласны ли Вы с этим предположением?

Б. ВОЛЬФ: — Что касается финансовых центров, то они будут постоянно возникать и исчезать. Все будет зависеть от созданных для них условий. Там, где возможности будут наиболее благоприятны, финансовые центры будут развиваться. Что касается истории, то надо иметь в виду, что процесс глобализации — это то, что мы наблюдаем впервые. В истории аналога современной глобализации не было. Показатели, которые раньше были индикаторами (например объем экспорта), значительно возросли в последние десятилетия по многим причинам. Например, контейнерный способ доставки товаров и вообще развитие транспортных сетей многократно снизили расходы на перевозки. Я за два с половиной часа добрался сюда из Франкфурта-на-Майне. Информационные технологии делают любые точки планеты ближе друг к другу. И эти процессы будут развиваться.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Приглашаю к микрофону профессора Игоря Николаевича Панарина.

И. Н. ПАНАРИН¹: — Моя точка зрения несколько отличается от взглядов ряда выступающих. Глобализация — это процесс, управляемый внешними силами. Современные транснациональные корпорации базируются в основном в Лондоне и Соединенных Штатах Америки. Мировой финансовый центр, с моей точки зрения, находится в Лондоне, и именно он управляет глобализацией. Цель Лондона и Нью-Йорка — вывоз сырьевых ресурсов из нашей страны; мы видим дина-

¹ Декан вечернего отделения факультета международных отношений Дипломатической академии МИД РФ (Москва), доктор политических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Информационная война и власть», «Информационная война и выборы», «Информационная война и дипломатия», «Информационная война и геополитика», «Информационная война, PR и мировая политика», «Информационная война за будущее России», «Крах доллара и распад США», «Первая мировая информационная война. Развал СССР» и др. Член Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии РФ, член Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам СНГ. Ведущий еженедельной авторской программы «Мировая политика» на радио «Голос России».

мику превращения России в сырьевой придаток. Поэтому я тоже категорический противник вступления России в ВТО.

Что нам делать? Еще в 1998 году я сформулировал концепцию распада США в 2010-м. Скорее всего распада в обычном смысле не произойдет, но вероятность краха модели, которая была создана мировой финансовой олигархией, велика, поскольку она ведет в тупик. Глобальный финансовый кризис, который наступил несколько лет назад, и есть предел той глобализации, которая существовала. Я уверен, что данная фаза глобализации завершилась. Я категорически не согласен с прозвучавшим здесь мнением, что нам не нужен БРИК. Это внешнеполитическая линия нашего президента, и она закреплена в концепции внешней политики. Прошел второй саммит БРИК, третий состоится в Пекине. И наша задача эту организацию укреплять.

В Санкт-Петербурге начала работать Биржа, торгующая за рубли, но объем торгов пока невелик. Я был одним из инициаторов продажи российских энергоресурсов за рубли. Когда мы начнем это делать, тогда и российская глубинка станет жить гораздо лучше. Уважаемый профессор из Германии сказал, что контейнерный способ доставки из китайских портов до Гамбурга очень эффективен. Но именно внешние силы пытаются прекратить транзит через территорию России. Россия — это европейская цивилизация, но одновременно и Евразия. Поэтому я выдвинул концепцию создания Евразийского союза со столицей в Санкт-Петербурге и второй столицей в Алматы. Предтеча Евразийского союза, который необходимо создать к 2012 году, — уже созданный Таможенный союз, к которому надо присоединить другие государства на постсоветском пространстве. Тогда можно будет направить грузопотоки из Китая и Индии через территорию бывшего Советского Союза в Гамбург, Бремен и другие европейские пункты назначения.

Что касается валют, то я считаю, что надо ввести мировую валюту акюре, которая должна базироваться на синтезе трех валют — рубля, евро и акю (в 2006 г. было принято решение о ее создании на основе валют Японии, Китая и Южной Кореи). Современный этап мирового кризиса должен привести к тому, что доллар перестанет исполнять роль мировой валюты. Вопрос заключается в том, как это произойдет — мгновенно, в виде обрушения, начала дефолта Калифорнии — восьмой экономики мира, которая уже более полугода находится на грани дефолта, или же этот процесс может войти в цивилизованные рамки и принять конструктивные формы.

Доля России в мировой экономике очень мала. Необходимо изменить сырьевую модель развития, которая заключается прежде всего в том, что часть финансово-экономической и интеллектуальной элиты ориентируется не на инвестиции в отечественную экономику, а на вывоз капитала из России и, по сути, спасение долларовой пирамиды. Эта часть элиты (я называю их либералами-прозападниками), к сожалению, действует в интересах транснационального капитала.

Я рад, что в этом зале прозвучали различные точки зрения на модель развития России, в том числе и моя. Я не призываю ей следовать — но именно в споре рождается истина.

Хотел бы добавить, что Олег Тимофеевич в 1979 году был абсолютно прав, когда протестовал против ввода советских войск в Афганистан, потому что это была афганская ловушка Збигнева Бжезинского. Он поставил цель — заманить нас (это и удалось сделать) и помочь дезинтеграции не просто Советского Союза, а экономического пространства. Я рад, что нахожусь в одном зале с человеком, который смог аналитически выявить эти негативные последствия. Это дает нам возможность и сегодня постараться избежать негативных последствий глобализации и выйти из этого кризиса более сильными.

В. Л. МАКАРОВ: — Дмитрий Евгеньевич Сорокин записал Россию в младшие партнеры. Наверное, он не видел по телевизору парад в День победы, когда на Красной площади демонстрировали нашу военную технику. Все зависит от параметров, которые мы берем в расчет.

Я хочу напомнить присутствующим, что тема Лихачевских чтений — диалог культур и партнерство цивилизаций. И когда мы говорим об экономических проблемах, надо учитывать исторический, религиозный, культурный и другие факторы. Тем более что современная экономическая наука все больше приходит к выводу, что эти факторы являются основополагающими, а адаомитовский подход, что человек — это «человек экономический», уже устарел. Все понимают, что человек — существо многогранное.

Сейчас перед нами выступит Георгий Борисович Клейнер.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Спасибо. Дорогие коллеги, прежде всего хочется ответить на вопрос, который всем нам задал Иван Сергеевич Королев: занимаетесь ли вы профессионально той проблемой, о которой говорите? Я в течение последних 10 лет занимаюсь разработкой и применением новой теории экономических и социально-экономических систем. Основным посылом для моего выступления послужили слова Олега Тимофеевича Богомолова, который напомнил, что глобализация задела практически все государства, и не всегда с положительными результатами. Многие страны столкнулись с проблемами, которых у них прежде не было. И что же с этим делать?

Я хотел бы заметить, что мировая социально-экономическая сфера является весьма сложной и внутренне многообразной *системой*. Эта система наделена множественностью структур, каждая из которых в разных случаях выступает как довлеющая, доминирующая и временно заслоняющая остальные. Потом начинает доминировать другая структура, и мы опять хватаемся за голову и думаем, что же нам делать.

Одна из наиболее важных естественных структур мировой экономики связана с государственными границами; эта *территориальная* структура существует и играет важную роль, как бы ни развивалась глобализация в целом. Я полагаю, что общесистемные законы, в том числе закон необходимого разнообразия, будут всегда действовать в направлении сохранения этого разнообразия — этнического, культурного, национального, которое в общем и целом сосредоточено в рамках государств.

К числу важнейших в мировой экономике следует отнести и *предметную* структуру. Ее можно также на-

звать отраслевой. Люди нуждаются в разнообразных товарах, продовольствии, одежде, энергии. Сочетание отраслевой и территориальной структур порождает проблемы, с которыми мир и в частности Россия столкнулись не вчера. Вы знаете, сколько копий в нашей стране было сломано по поводу взаимодействия отраслевого и территориального управления. В Советском Союзе сначала формировали исключительно отраслевое управление, потом в 1957 году оно было заменено на почти исключительно территориальное, еще через несколько лет вернулись к прежней модели... Но эти структуры остаются, и проблема взаимодействия между ними не исчезает и постоянно требует новых решений.

Есть также *институциональная*, в том числе организационная, структура, в которой выделяются отдельные крупные многонациональные корпорации, охватывающие весь мир, — их упоминал Олег Тимофеевич. И эта структура тоже носит достаточно стабильный характер, она охватывает всю мировую экономику, всю мировую социально-экономическую систему.

Социальная структура также является реальностью: экономику «населяют» люди. И интересы каждого человека или группы людей должны быть представлены в системе регулирования (о чем говорил наш коллега из Германии) — как интересы тех, кто оказался на периферии глобализации, так и тех, кто находится на ее вершине.

Существует еще ряд других структур. По моему мнению, это не просто структуры, а, условно говоря, разные *цивилизации*. Они не имеют территориальных границ, в отличие от первой структуры — государственной, и рассыпаны по всему миру, — эти разные цивилизации. И когда мы с вами обсуждаем проблемы, скажем, продовольствия, то говорим на одном языке, когда говорим о финансовых рынках — на другом, о торговле между государствами — на третьем. Это во многом напоминает разные цивилизации. Таким образом, мы имеем полиструктурную систему с относительно стабильным набором структур, взаимодействие между которыми приводит иногда к экономическим успехам, а иногда — к кризисам. Кризис, который мы переживаем сейчас, в значительной мере обусловлен плохим, недостаточным взаимодействием между этими структурами.

Все это возвращает нас к идее нашей конференции — диалогу цивилизаций. Структуры, имеющие мощностные цивилизации, должны вступать в диалоги между собой. Сейчас уже действует целый ряд международных органов, например объединения государств — восьмерка, двадцатка и т. д. Но этого недостаточно. Нужны структурные органы, которые представляли бы вышеперечисленные и, может быть, некоторые иные структуры мировой экономики, и эти органы должны получить не меньшие права, чем права G8 или G20. Это проблема глобализации, но она имеет четкое отражение в локальных проблемах стран. Мы наблюдаем ту же проблему в управлении Россией, которая тоже имеет все эти структуры — отраслевые, социальные, институциональные и т. д.

Я думаю, что можно прогнозировать формирование международных органов, усиление их влияния и формирование того, что можно было бы назвать многопалатным парламентом, представляющим, однако, не просто социальные группы (обычно считается, что парламенты

представляют различные социальные группы), а цивилизации — структуры, которые определяют сущность мировой экономики. Тогда идея диалога культур найдет свое выражение в усилении международных органов, представляющих основные структуры экономики. Будет сложная система взаимодействия этих органов, и принятие решений в этой системе будет носить сложный характер — чем больше палат, тем труднее принять конечное решение. Но современные средства коммуникации, включая Интернет, позволяют решать эту задачу. Через небольшое время, я думаю, мировая экономическая система приобретет иной облик, чему будет способствовать кризис, который мы сегодня переживаем. Этот новый облик будет связан с многопалатным представительством отдельных структур в международных мегаэкономических или мегасоциэкономических органах управления. Здесь мы найдем решение многих проблем, которые уже упоминались сегодня, в частности той, о которой говорил Олег Тимофеевич Богомолов. Спасибо за внимание.

А. С. БОЛЬШАКОВ: — Георгий Борисович, сейчас многие говорят о нелегальных, неизмеряемых мирохозяйственных отношениях. По Вашим меркам, какая часть этих отношений сокрыта от контроля?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Я не занимался специально этим вопросом, но думаю, что в мире эта доля меньше, чем уровень серой экономики в России.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — У меня вопрос из другой области. Понятия цивилизации и культуры — это близкие понятия или между ними достаточно существенные различия? В общественном сознании понятие культуры включает прежде всего искусство, литературу, музыку и т. д. Но иногда под культурой подразумевают и другие виды деятельности и плоды человеческого ума, накопленные за многие тысячелетия. Хотелось бы лучше разобраться в понятийном аппарате. Диалог цивилизаций и диалог культур — есть ли тут какие-то нюансы в понимании?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — В попытках сформулировать, из чего состоят социально-экономические системы, мне тоже пришлось решать вопрос о «демаркации границ» между культурной составляющей, институциональной составляющей, менталитетом и др. Это достаточно сложный вопрос, и для определения понятия организационной культуры я использовал понятия культурных образцов, оценок, системы ценностей. В более широком плане существуют два понятия культуры. Первое — это все созданное человеком, все артефакты, как интеллектуальные, так и материальные (об этом говорил Александр Сергеевич Запесоцкий). Это самое широкое понятие, и тогда следует делить его на какие-то виды культур и говорить о взаимодействии между ними. Система, включающая все артефакты, делится на культуры, скажем, какого-то периода, какого-то государства и т. д. Существует и понятие культуры в более узком смысле — то, о чем Вы упомянули: произведения искусства, литературы и т. д.

Что такое цивилизация в моем понимании? Это локализованная в историческом плане культура, когда не-

которая общность развивается в рамках одной или группы взаимосвязанных и взаимодействующих структур. Можно говорить о российской цивилизации, кто-то выделяет советскую цивилизацию и т. д.

Если говорить о культуре в самом широком смысле, то мы имеем единственную цивилизацию — человечество. Но я считаю, что речь должна идти о множественных цивилизациях. Значит, имеется ряд цивилизаций, в которых локализована та или иная культура. Мы говорим о российской цивилизации как о цивилизации, которая создает, реализует, развивает соответствующую культуру. Культура локализуется на территории.

— Локализованная российская цивилизация идентична локализованному понятию российской культуры в широком смысле? (*вопрос из зала*)

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Русский мир не локализован в России, он распределен по всей планете, и в этом смысле его можно включать в российскую цивилизацию в целом.

И. Н. ПАНАРИН: — Георгий Борисович, Вы говорите о структурных международных органах. Когда и где они, с Вашей точки зрения, могут появиться? И будут они отраслевые или социальные?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Такие международные органы уже существуют. Например, Международная организация продовольствия, Международный валютный фонд. Что может сделать продовольственная организация? Кому-то помочь, выделить деньги и т. д. Но у нее нет властных полномочий. А я прогнозирую: когда будет достигнуто понимание, что без взаимодействия этих отраслевых и других видов структур мировая экономика будет подвержена рискам и кризисам, тогда эти органы станут в полном смысле управленческими, возникнет проблема их взаимодействия, которая будет решаться на основе многопалатных органов. Сейчас все это находится в зачаточном состоянии. Думаю, что через несколько десятков лет проблема станет очевидной для всех.

И. Н. ПАНАРИН: — Сколько времени на это требуется: 10, 15 лет?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Надо измерять в кризисах: сколько еще кризисов надо пережить, чтобы к этому прийти.

М. С. МОТЫШИНА¹: — Георгий Борисович, не могли бы Вы сказать несколько слов о позиционировании России с точки зрения Вашей классификации систем, с позиции того, что Россия — это средовая система.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Надо определиться, какой тип системы представляет собой Россия и ее история. Я в своей классификации отнес ее к средовым системам.

¹ Декан экономического факультета СПбГУП, заведующая кафедрой управления, доктор экономических наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Системное исследование организаций», «Исследование систем управления», «Методы и модели маркетинговых исследований» и др.

Те люди, которые понимают русскую душу лучше, чем мы с вами, а именно классики литературы и искусства, обращали внимание на то, что широта русской души «рифмуется» с широтой русских просторов. Это неслучайно. Есть и другие географические факторы.

Если Россия осознает себя как средовая страна, то она должна, во-первых, изменить характерный для нее зигзагообразный стиль развития и перейти от возвратно-поступательного движения к эволюционному развитию. На мой взгляд, это основная, самая важная задача. Переход к инновационной экономике — это частность. Нам надо перестать бросаться из стороны в сторону. У России есть потенциал для этого, есть и ведущие силы. Одной из таких сил является наука, которая по своей природе развивается эволюционно, кумулятивно. Другой такой силы, способной уравновесить крайности и обеспечить срединный, эволюционный путь, не существует. Если России удастся изменить себя, испытать уважение к самой себе, то в мире нас будут уважать не только потому, что по Красной площади во время парада проходят прекрасные военные машины и летают отличные самолеты, но и потому, что мы знаем свою миссию в мире и можем ее выполнить.

В. Л. МАКАРОВ: — Следующий докладчик — Сергей Алексеевич Дятлов.

С. А. ДЯТЛОВ¹: — Я приведу цитату Питера Друкера, одного из известных специалистов, которые занимаются проблемами информационной экономики: «Лучший способ предсказать будущее — создать его». Мы с вами находимся на этапе перехода к информационно-сетевой экономике, к стадии постиндустриального развития или информационного общества. Для общества с информационно-сетевой экономикой характерен целый ряд особых качеств, которые отличают его от предыдущих стадий развития человеческого общества. Это касается и процессов глобализации, которые набирают силу, и особенностей информационного товара, который обладает целым рядом свойств, отличающих его от традиционных товаров. В информационно-сетевой экономике возникают новые виды координационных связей между экономическими субъектами, которые характеризуются синтезом административно-рыночных связей и трансформируются в новую сетевую форму взаимодействия между основными экономическими субъектами. В условиях перехода к глобальной информационно-сетевой экономике появляется новый тип конкуренции, который мы называем глобальной инновационной гиперконкуренцией, — она характеризуется обострением конкуренции не только на традиционных мировых рынках сырья и финансов, но прежде всего — на рынках информации, инноваций, на рынках новых методов и технологий управления социально-экономическими процессами.

¹ Профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук. Автор книг: «Основы концепции устойчивого развития», «Основы теории человеческого капитала», «Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования», «Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование» и др. Член Экспертного совета по национальной экономике Российского гуманитарного научного фонда.

Билл Гейтс как-то сказал, что его интересует уже не бизнес, а технология управления будущим. В рамках информационной парадигмы, которую мы развиваем уже не первый год, мы утверждаем, что основанием любой информационной экономической системы является человек, обладающий определенным набором творческих способностей — как к труду, так и к производству и потреблению. Поэтому анализировать современные тенденции надо, исходя из анализа системы потребностей, интересов и мотивации основных субъектов хозяйствования. Современные технологии конкурентной борьбы, опережающие инновации в области менеджмента, маркетинга, предполагают работу не со следствиями, а с причинами. А причины кроются в принятии решений субъектами. Поэтому в информационном обществе, где главным продуктом, ресурсом и результатом является информация, информационные продукты и услуги различного типа и качества, мы должны анализировать те технологии, которые позволяют в нужном нам направлении получать нужный эффект.

Как мы можем этого достичь? С помощью управляемых технологий воздействия на принятие решений основными экономическими субъектами. Еще раз повторяю: лучший способ предсказать будущее — создать его. Так вот, на самом деле гиперконкуренция, которая характеризуется целым рядом признаков, предполагает использование активных технологий и методов воздействия на систему мотивов, интересов и потребностей основных субъектов экономической деятельности. С этих позиций вводятся такие новшества, как электронное правительство, электронно-сетевые сообщества — как профессиональные, так и самоорганизующиеся (например, всем известные сети «ВКонтакте», «Одноклассники»). Мы знаем, что сейчас все страны мира интенсивно формируют новый институт глобального информационного общества, который получил названия «электронная демократия», «электронное управление» и выражается в создании так называемого «электронного правительства», о котором я уже сказал.

Но с точки зрения глобальных процессов возникают и наднациональные структуры, которые становятся субъектами принятия решений более высокого уровня. Нынешний кризис показал, что ни одна страна не может самостоятельно принимать решения, не учитывая глобальных тенденций, требований или состояния ведущих сегментов мирового рынка. Даже такое мощное образование, как Евросоюз, не может решить свои проблемы без использования глобальных инструментов управления социально-экономическим развитием. Подключаются институты и регулирующие органы не только Евросоюза, но и Всемирный банк МВФ, другие международные организации. То есть мы видим, что это объективный процесс: функции национальных правительств становятся менее жестко заданными, более гибкими, и возникает целый ряд новых явлений, которые характеризуют возрастание роли наднациональных институтов.

Кроме глобальной гиперконкуренции, мы говорим о глобальной *инновационной* гиперконкуренции, основанной не просто на продуктовых или технологических инновациях, а на полифункциональных инновациях доминантного опережающего типа — в связи с этим достаточно упомянуть новые электронные устройства

с широкими функциями — айфоны и прочие гаджеты и коммуникаторы, которыми многие пользуются в повседневной жизни. То есть речь идет о создании такой технологии, которая является опережающей, рассчитана на перспективу, и на нее формируется устойчивый спрос в мире. В таких полифункциональных товарах сочетается несколько передовых технологий. Опережающие инновационные технологии позволяют за счет воздействия на интересы, потребности, мотивы и стимулы потенциальных потребителей формировать новые виды спроса и сегменты рынка.

Новые наднациональные институты позволяют предложить адекватные механизмы регулирования экономики на глобальном, национально-региональном, местном и наноуровне с использованием новых подходов. Это касается прежде всего институтов глобального управления, которые являются интегрально пронизывающими по вертикали и по горизонтали, и использования опережающих полифункциональных инновационных технологий — не только производственных, но и технологий управления.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Сергей Алексеевич, Вы назвали гиперконкуренцию движущей силой современного прогресса. В то же время Вы говорите о возникновении наднациональных институтов, которые, очевидно, должны сдерживать эту конкуренцию и изменять ее характер. Считаете ли Вы, что конкуренция, а именно соперничество за определенные блага, является единственной движущей силой? Не стоит ли прибавить к ней такие силы, как сила кооперации, сотрудничества, взаимодействия?

С. А. ДЯТЛОВ: — Спасибо за глубокий, существенный, многоаспектный вопрос. На самом деле мы выделяем некие доминантные факторы, которые являются определяющими. Естественно, речь идет о целой системе факторов, воздействующих на те или иные процессы. Мы вводим понятие социально-экономической доминанты и характеризуем современный кризис как переход от индустриального к постиндустриальному или информационному обществу. Соответственно, возникают институциональные пустоты и управленческие ловушки. Старые институты не способны регулировать новые процессы и явления, в том числе кризисные. Поэтому надо формировать новые институты. В связи с этим мы говорим о системе факторов, которые Вы привели и которыми занимается, например, экономическая синергетика. Проблема кооперации важна, но доминантной сейчас, на наш взгляд, является глобальная инновационная гиперконкуренция; ее субъекты — глобальные инновационные гиперконкурентные компании-лидеры типа Ай-Би-Эм, Майкрософт и т. д. Спасибо.

В. Л. МАКАРОВ: — Кто хочет задать вопрос или выступить с комментариями? Виталий Игоревич Михайлов, пожалуйста.

В. И. МИХАЙЛОВ¹: — Позвольте высказать несколько своих соображений по поводу прозвучавших

¹ Профессор кафедры управления СПбГУП, доктор технических наук.

выступлений. Первое. Я считаю, что системный подход к экономике, цивилизации, культуре действительно необходим. Мы знаем, что даже предприятием управлять системно очень непросто, а системное управление страной или даже миром требует комплексных решений, огромных затрат и сложных правил принятия решений. Но когда мы к этому придем? И кто будет этим заниматься?

Второе замечание — по поводу вступления в ВТО. Хотим мы этого или нет, но мы станем членами этой организации, несмотря на то, что для нашей экономики это чревато большими сложностями, потому что она малоконкурентна. Однако в нашем присоединении к ВТО заинтересованы все страны, не только мы. Есть президентская программа обучения молодых бизнесменов за рубежом за счет государства. Я сам полтора месяца учился в Манчестерской школе бизнеса за счет английского правительства. Они выделили 2,5 млн фунтов стерлингов, чтобы обучить наших преподавателей, бизнесменов и военных специалистов. Они боятся нас и хотят, чтобы мы стали похожими на них. Так что продолжение процесса интеграции и глобализации неизбежно, и я думаю, что мы скоро станем свидетелями вступления России в ВТО.

И. Н. ПАНАРИН: — Я хочу высказать несогласие с Виталием Игоревичем в том, что никто не занимается системным управлением. Как раз в Лондоне и занимаются. Там существует глобальный центр управления. Он не собственно британский, а комплексный, интернациональный, и там пытаются осуществить глобальные проекты.

Еще в 1891 году была высказана идея создания всемирного парламента, который бы находился под полным контролем Британской империи и финансовых структур. Не все получилось, естественно, на протяжении века, но две мировые войны, с моей точки зрения, были организованы в целях глобализации управления этими процессами. Я рассматриваю эти проблемы с геополитическо-политологической точки зрения, но системные подходы тоже важны.

Есть точка зрения, что нынешний кризис — абсолютно управляемый. Как в 1907 году была поставлена цель — создать федеральную резервную систему (и через шесть лет она была создана), так и сейчас: цель — к 2015 году создать мощную наднациональную управляющую структуру. Получится это или нет? Я надеюсь, что нет. Но это одна из моделей возможного развития.

М. С. МОТЫШИНА: — Было очень интересно выслушать точки зрения коллег. Продолжая тезис о системном подходе к рассматриваемой проблематике, хотелось бы отметить следующее. Безусловно, если мы говорим о цивилизации, то ее следует рассматривать как систему. Но эта система может быть рассмотрена с разных точек зрения. Так, если следовать точке зрения междисциплинарных цивилизационных подходов, культура является «ядром» цивилизации. Александр Сергеевич Запесоцкий считает, что экономика — это подсистема культуры. В докладе профессора Гусакова высказывается точка зрения, что инновационная экономика определяется инновационной культурой.

В то же время Дмитрий Евгеньевич утверждает, что экономика определяет культуру, то есть придерживается противоположной позиции. Различие точек зрения свидетельствует о сложности и неоднозначности самого явления. В то же время понятно, что когда мы говорим о тех или иных решениях экономического или политического характера, их нельзя рассматривать вне социально-культурного контекста. Вот почему я считаю очень важным то, о чем говорит и пишет Георгий Борисович Клейнер. Он рассматривает социально-экономические системы как многослойные, где все слои оказывают влияние друг на друга.

Второй момент, который мне хочется отметить. Все то, о чем мы говорили сегодня, непосредственно связано с позиционированием России. Мы не можем «разрезать ее на куски». Например, есть «европейская часть» — европейская цивилизация. Простите, но 3/4 территории где остаются? В Азии? Не думаю, что буряты себя причисляют к европейской цивилизации. Как развиваться в такой сложной среде? Хотелось бы ощущать себя европейской цивилизацией, и, может быть, в Санкт-Петербурге и Москве мы себя именно так и ощущаем. Но у нас очень большая страна, и управление, которое будет ориентироваться только на какую-то одну цивилизацию, вряд ли эффективно.

Позволю себе небольшой пример. Зимой я была на конференции в Академии народного хозяйства. Один из докладчиков в своем выступлении сказал, что управлять по-старому российскими регионами бессмысленно: есть крупные центры, есть агломераты, и нужно ориентироваться на них, выстраивая региональную политику. Это произносилось с высокой трибуны, и было немного страшно: куда в таком случае относятся остальные территории, и как при таком подходе можно говорить о системном развитии страны? Ведь то, что мы называем глубиной, составляет большую часть территории России. На той конференции присутствовали губернаторы некоторых сибирских регионов, и они смогли опровергнуть эту точку зрения. Но ведь такой позиции придерживаются в определенных кругах! На мой взгляд, подобная политика далека от системного рассмотрения и пространства, и времени, и цивилизации. Когда мы рассматриваем какие-то вопросы на стыке разных концепций, это порождает много проблем, но мы не можем рассматривать эти вопросы в отрыве друг от друга. Спасибо.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Я полностью согласен с высказанными мнениями о качестве управления в России: Кудрин дует в одну дуду, Набиуллина — в другую, Фурсенко — в третью и т. д. Несистемное управление Россией, к сожалению, является реальностью. Эта несистемность усилилась после проведения административной реформы, которая перестроила, перекрутила министерства, выделив и отделив от принятия, как говорилось в то время, «политических решений», некие службы, агентства и т. д. Результаты мы видим на практике. Я, кстати говоря, предсказывал это: когда были затеяны первые реформаторские шаги, написал об этой реформе для журнала «Эксперт» статью под названием «Административная проформа». Но ее так и не напечатали, потому что я «плыл против течения». Было совершенно ясно, что координация между различными ведомствами

и векторами управления разрушится; она и разрушилась. И вы совершенно правы в том, что управление принципиально не носит системного характера. В частности (здесь я поддерживаю Марину Станиславовну), когда мы говорим о системном управлении, мы должны рассматривать все слои данной системы. Дело в том, что любая экономическая система — предприятие, холдинг, страна — состоит из вполне определенного небольшого количества слоев (подсистем). Одной из них является культурная (в узком смысле) подсистема, то есть система, определяющая ценности, оценки и образцы. Отметим, что достаточно сложно отделить ее от других подсистем, к числу которых относятся институциональная подсистема, ментальная и т. д. Но то определение, которое я дал сейчас, говоря о культурной подсистеме в узком смысле (оценки, ценности, образцы), позволяет более или менее однозначно специфицировать ее. И этой подсистемой необходимо управлять наряду с другими. В теории предприятия, которую мы развиваем в ЦЭМИ РАН, раскрывается и моделируется взаимодействие этих подсистем. Этот аппарат дает возможность организовать системное и согласованное управление всеми компонентами экономики на разных ее уровнях.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Возвращаясь к теме диалога культур, хотел обратить внимание на некоторые аспекты. Действительно, проще говорить об экономических проблемах, о тенденциях в развитии мировой экономики, о глобализации, потому что это хорошо исследовано. Но эти же тенденции в контексте диалога культур — проблема, которую постоянно надо хотя бы обозначать. И если мы культуру определяем как все, что создается человеком, то экономические отношения, экономическая глобализация — это часть глобализации в целом. Но в отличие от экономических процессов, которые можно измерить, сравнить, идентифицировать, культурная глобализация гораздо сложнее. И я думаю, что взаимопроникновение культур, их постоянное соприкосновение друг с другом, их противоречия — это и есть та самая культурная глобализация, одной из форм проявления которой являются экономические отношения.

Приведу небольшой пример из истории, касающийся взаимосвязи экономики и культуры. Когда в нашей стране начался нэп, Ленин в одной из своих последних работ написал, что самая главная наша задача — это научиться торговать, причем культурно. То есть мы торгуем по-азиатски, а надо научиться торговать по-европейски. От этих слов нас отделяет целая эпоха, но задача остается актуальной по сей день. Одна из проблем трансформации России заключается в том, что по-европейски торговать мы так и не научились, и еще неизвестно, когда научимся.

В. Л. МАКАРОВ: — Никто не доказал, что по-европейски лучше, чем по-азиатски. Спросите у азиатцев.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Эта связь экономики и культуры имеет большое значение именно в контексте данной проблематики. Хотя, действительно, никто не доказал, что по-азиатски — это плохо.

Ф. Б. ВЛАСОВ¹: — Мне кажется, все выступающие упустили важный момент, который имеет отношение и к экономике, и к культуре, — доверие. Глобализация — это глобальная конкуренция. В этой конкуренции побеждают те, кто предлагает инновации, а инновационная модель поведения предполагает доверие. Еще в 1995 году Фукуяма убедительно показал, что доверие является основой экономических успехов, в том числе и успехов в инновационном развитии. Но доверие — это как раз культура, нравственность, система ценностных приоритетов. Это, в конечном счете, согласие в обществе по поводу вектора реформ, по поводу глобализации — как она проводится, какими темпами, какие плоды приносит, кому эти плоды достаются.

Представители Института экономики показали, что в России неуклонно растет социальное расслоение. Без преодоления этой тенденции доверие невозможно. У нас не будет инновационной модели развития, мы никогда не преуспеем в глобальной конкуренции, потому что нужен принципиальный поворот в системе политических приоритетов. Наша правящая бюрократия глуха к тому, что происходит в обществе, особенно в регионах. Ведь посмотрите, что происходит в стране: постоянно какие-то провалы, связанные с человеческим фактором. Меня обнадеживает только то, что чувство самосохранения подвигнет нашу правящую элиту к повороту к интересам основной массы населения. Надо

поступиться собственными эгоистическими интересами ради будущего, ради страны. Для этого необходим комплекс институциональных изменений. У нас в Конституции запрещена какая бы то ни было официальная идеология. Но фактически у нас в последние годы возрождалась одна идеология — обогащение любыми путями, тут я согласен с Александром Сергеевичем Запесоцким. Видимо, требуются какие-то перемены в идеологии на официальном уровне. Скажу больше — для начала необходимо внести поправки в российскую Конституцию, где провозглашается приоритет личного начала и не обозначена в достаточной степени необходимость социальной ответственности.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Я хотел бы поблагодарить от имени организаторов данных Чтений всех выступивших докладчиков. Естественно, что наши точки зрения не всегда совпадали, мы по-разному понимаем некоторые вопросы. Меня лично смущает то, что понятие культуры, к сожалению, оказалось очень расплывчатым. В общественном сознании одно понимание, что такое культура, и с этим мы жили с детства, а теперь оказывается, что культура — это всеобъемлющее понятие, почти совпадающее с понятием цивилизации. Тем не менее я считаю, что высказанные мнения и суждения представляют хорошую пищу для ума, для размышления. Благодарю всех за участие в этой плодотворной дискуссии.

¹ Профессор кафедры экономической теории и управления персоналом Орловского государственного технического университета, доктор экономических наук, доцент.

Секция 7

СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ К ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

14 мая 2010 г. Аудитория № 250, СПбГУП

Руководители секции:

- Е. И. ПИВОВАР** член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор
- Р. ТОРШТЕНДАЛЬ** член Европейской, Шведской и Норвежской академий, профессор Уппсальского университета (Швеция), иностранный член Уральского отделения РАН

Участники:

- В. Ю. АФИАНИ** директор Архива Российской академии наук, заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заместитель главного редактора журнала «Исторический архив», кандидат исторических наук
- А. Г. ВАСИЛЬЕВ** заместитель директора по научной работе Российского института культурологии (Москва), руководитель направления «Гуманитарные исследования», кандидат исторических наук, доцент
- Н. Ф. ВЫСОЦКАЯ** профессор Белорусского государственного университета (Минск), доктор искусствоведения
- Л. Н. ГОНЧАРЕНКО** заведующий кафедрой истории и политологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор исторических наук, профессор
- С. А. ЗАГРУБСКИЙ** доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук
- К. Е. ИВАНОВ** профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор философских наук
- Е. А. КАЙСАРОВ** заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент
- Т. И. КОРОТКИНА** доцент кафедры социальной психологии СПбГУП
- С. В. ЛАГУТИН** старший преподаватель кафедры истории СПбГУП
- И. В. ПАЛАГУТА** профессор кафедры искусствования СПбГУП, кандидат исторических наук
- Р. Л. УРИЦКАЯ** заведующая кафедрой истории СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент

Е. И. ПИВОВАР: — Разрешите представить наш президиум. На заседании секции присутствует Рольф Торштендаль, наш коллега из Уппсальского университета, профессор истории, специалист в области теории истории. Проблематика нашей секции — от национальных историй к глобальной единой истории — это тема его исследований, он опубликовал много работ по теории истории и является одним из руководителей комиссии Всемирного конгресса исторических наук по историографии. Я также интересуюсь проблематикой историографии.

Идея организации секции принадлежит ректору СПбГУП, академику Александру Сергеевичу Запесоцкому и академику Александру Огановичу Чубарьяну, известному историку и специалисту в области всемир-

ной и отечественной истории, который, к сожалению, не смог присутствовать на Лихачевских чтениях. Эта тема представляется крайне важной. Как исследователь, занимающийся проблемами постсоветского зарубежья, я осознаю, насколько важен диалог между национальными историями стран, которые возникли на постсоветском пространстве и формируют свою национальную идею. Этот исторический материал является важнейшим элементом национальной идеи. Также важно взаимодействие представителей различных национальных школ исторической науки, чтобы создать если не единую, то хотя бы понимаемую другими концепцию исторического прошлого на постсоветском пространстве. Аналогичные различия существуют в представлениях об истории у многих народов Европы,

Азии, Африки и Латинской Америки. Поэтому это актуально.

Просьба к докладчикам, участвующим в нашей дискуссии, не повторять то, что опубликовано в сборнике «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры», выпущенном к X Международным Лихачевским научным чтениям, а высказывать свои мнения, рассуждения. В начале нашей дискуссии я хочу предоставить слово профессору Торштендалю.

Р. ТОРШТЕНДАЛЬ: — Глобализация и глобальная история — сложный предмет для обсуждения и понимания. В последние несколько десятилетий эти понятия широко обсуждались, особенно в Западной Европе и США. Начиная с 1980-х годов выпускается журнал «Мировая история». Сейчас мы начали издавать новый журнал, который называется «Глобальная история». Слово «глобальная» в этом плане является ключевым для понимания. Хотя журнал носит название «Глобальная история», в нем публикуется много статей об истории региональной, изучающей историю нескольких стран в совокупности. Но тем не менее важно подчеркнуть, что журнал нацелен именно на глобальную перспективу.

В Западной Европе интенсивно обсуждаются следующие вопросы: где можно провести границы, когда история может подвергаться сравнению? В Германии рассматриваются вопросы транснациональной истории, которая выходит за рамки истории отдельных государств, и в связи с этим изучаются различные альтернативы. Во Франции разрабатывается концепция, которая условно может быть названа как «пересечение границ». То же самое происходит и в Великобритании, там рассматриваются вопросы истории, которая выходит за рубежи отдельной страны. Я кратко представил все концепции и хочу пояснить, что они отличаются друг от друга, но наша задача — найти общеисторическое решение, такое общекультурное поле, которое выходит за рамки отдельного государства.

Е. И. ПИВОВАР: — Спасибо, господин Торштендал. Уважаемые коллеги, мы приступаем к дискуссии. Я хочу предоставить слово Алексею Григорьевичу Васильеву.

А. Г. ВАСИЛЬЕВ¹: — Уважаемые коллеги! Мы обсуждаем проблему национальных историй, национальную историографию в современной ситуации глобализации. Я хотел бы остановиться на этой теме, потому что мы являемся свидетелями интересной трансформации. Ведь национальная идентичность и связанная с ней национальная историография — это в значительной степени продукт эпохи модерна конца XVIII, XIX и начала XX века.

Именно в это время (начиная с конца XVIII и на протяжении XIX в.) нация стала восприниматься как нечто естественное, устойчивое, как некая обязательная объективная данность мировой истории. Возникло представление о том, что человечество якобы естественно

и всегда было разделено на некие национальные образования, хотя, в общем, современная теория наций и национализма убедительно свидетельствует о том, что нация — это, по Геллнеру, явление, которое делает прямо противоположное тому, о чем заявляет. Нация — явление новое, но постоянно заявляющее о своей древности. Поэтому нация — это общность, которая для своей самоидентификации всегда нуждалась в исторической легитимации и построении своего как можно более далекого нарратива и — что важно — как можно более славного прошлого.

Если мы посмотрим на национальный нарратив, условно говоря, XIX — начала XX века, то его можно охарактеризовать как героический. В основном нации рассказывали о своих победах, деяниях, свершениях, выдающихся достижениях, завоеваниях. Причем если нация одерживала над кем-либо победу и завоевывала — это в национальной историографии всегда воспринималось как благо, потому что тем самым она несла свои великие достижения всем остальным. А если на нее кто-то нападал, то это, разумеется, воспринималось как зло. Это, в общем, классический героический национальный нарратив.

Что происходит сегодня? По сути (и об этом уже говорили уважаемые коллеги), мы переживаем период глобализации, но я бы сказал, не просто глобализации, а того, что сегодня более точно называется термином «глокализация». То есть речь идет не только о формировании глобального пространства, но и о параллельном процессе возникновения всевозможных более мелких, чем национальные, этнических региональных идентичностей и т. д. Таким образом, национальная идентичность на глобальном уровне, в сущности, переживает кризис, потому что, с одной стороны, ее «размывает» глобализация, а с другой — ее подрывают региональные и более мелкие субнациональные движения, формы общности, каждая из которых тоже претендует на свой исторический нарратив, свою память.

Сегодня новые национальные государства — это в первую очередь постсоветские, постсоциалистические национальные государства. Они занимаются выстраиванием национального исторического нарратива (Россия, Украина, Белоруссия и т. д.) в значительной степени в постнациональной ситуации. Франция или Германия создавали свой исторический нарратив в совершенно другую эпоху. А Казахстан, или Россия, или Украина делают это в совершенно новой ситуации — кризиса национальной идентичности. И национальный нарратив сегодня приобретает другой характер. Он уже не героический, а в значительной степени жертвенный.

Вообще национальная история — это форма культурной памяти. Культурная память конструируется вокруг двух экстремумов: мы — герои и мы — жертвы. Национальный нарратив для XIX века — преимущественно «мы — герои», национальный нарратив сегодняшнего дня — преимущественно «мы — жертвы». Существует огромный спрос на формирование национальной не столько героизации, сколько мартирологии. Как только каждый начинает формировать свою национальную мартирологию, возникает масса претензий друг к другу. Неслучайно сегодня говорят, что холокост из конкретного исторического события превратился

¹ Заместитель директора по научной работе Российского института культурологии (Москва), руководитель направления «Гуманитарные исследования», кандидат исторических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций по истории культуры, проблемам культурной памяти и культурного наследия.

в некую модель создания национальной памяти вообще. Национальные историографии начинают противостоять друг другу, выяснять отношения, кто прав и кто виноват. Для того чтобы выставить себя жертвой, нужен агрессор — тот, кто живет рядом, потому что не может обидеть тот, кто находится далеко. Поэтому возникает масса всевозможных взаимных претензий, обвинений в необъективности, искажениях, призывов сказать всю правду и быть объективными, честными и т. д. В общем, все друг друга призывают быть честными, объективными, и каждый выстраивает свой нарратив.

Какой видится выход? Я скептически отношусь к заявлениям, что наконец придут честные историки, которые откроют источники и скажут, как все было на самом деле. Исторический нарратив — это всегда конструкция, всегда фабула, сюжет, завязка, кульминация, развязка; герои, жертвы и т. д. Это в значительной степени повествование, но оно подчиняется определенным повествовательным законам. Для того чтобы разговор между национальными историографиями на транснациональном, глобальном уровне мог быть более профессиональным и чтобы историографы не то что согласились, но хотя бы поняли друг друга, необходимо исходить из понимания общих структурных моделей организации памяти. То есть нужно разрабатывать проблемы формальной теории исторической памяти. Мы должны понимать основные принципы организации исторического нарратива.

И в этом отношении многое уже сделано. В частности, можно назвать когнитивную социологию памяти в США, школу социолога Зерубавеля. Мы должны понять, какие исходные точки рассматриваются историографиями разных стран в качестве ключевых, в какие сюжетные фабулы вписываются те или иные события, как устанавливается связь между этими событиями, то есть каким образом формально организован тот или иной мнемонический континуум. Когда мы поймем, каким образом он организован, мы сможем сравнивать исторические нарративы друг с другом. Острота дискуссии у нас исчезнет, когда мы поймем, что один исторический нарратив выстроен одним способом, а другой — совершенно иным. Если они выстроены принципиально разными способами, то между ними вообще невозможна дискуссия, потому что они по-разному организованы.

Приведу простой пример. Речь идет о российско-польских дискуссиях, развернувшихся вокруг пакта Молотова–Риббентропа. Если польский нарратив формируется с учетом перспективы 1939 года как преступный сговор Гитлера и Сталина и так далее, то у нас выстраивается определенный сюжет: Польша — первая жертва фашистской агрессии, и мы создаем нарратив, исходя из этого. Если мы берем за исходный пункт 1938 год — Мюнхенское соглашение, то в России выстраивается другой нарратив: у Советского Союза, исключенного из системы международной европейской политики, не осталось другого выбора, кроме пакта Молотова–Риббентропа, а Польша становится участницей раздела Чехословакии в 1938 году. В этом случае Польша превращается из однозначной жертвы в более неоднозначного участника передела мира, который тогда происходил, но менее удачливого, чем другие. То есть создается другая картина.

Поэтому в зависимости от того, какие точки берутся за ключевые, переломные, какого рода фабульные сюжетные линии устанавливаются между этими точками, выстраиваются нарративы. Моя идея заключается в том, что перед тем, как начинать исторические дискуссии в совместных комиссиях о правде истории, объективности/необъективности, надо понять, как устроено повествование. Спасибо за внимание.

Е. И. ПИВОВАР: — Большое спасибо. Это в хорошем смысле провокационная позиция. Слово представляется Льву Николаевичу Гончаренко.

Л. Н. ГОНЧАРЕНКО¹: — Уважаемые участники X Международных Лихачевских научных чтений! Я хочу поприветствовать всех, кто принимает участие в работе этого авторитетного научного форума. Безусловно, Лихачевские научные чтения стали важным фактором духовной жизни не только Санкт-Петербурга, но и всей России, активно участвуют в них и ученые из стран ближнего и дальнего зарубежья. Очень важно, чтобы научные разработки и идеи участников Чтений дошли до тех, кто принимает властные решения, учитывались в конкретной политике.

Вопрос, который мы обсуждаем сегодня, очень актуален. Дело в том, что мы, наверное, еще не до конца осознали, что совсем недавно пережили процессы всемирного исторического масштаба — прекратил свое существование целый ряд государств, основанных на определенных принципах. Исчезли с карты мира Советский Союз, Чехословакия, Югославия. В то же время есть государства, которые не только не распались, но и являются примером существования многонациональных социумов. К таким государствам можно отнести США, Бразилию, Швейцарию, интеграционные процессы происходят в объединенной Европе и т. д. Все это нуждается в осмыслении и выработке определенных политических решений.

С одной стороны, нужно всемерно способствовать развитию национальных культур, национального самосознания. Но при этом следует помнить, что эти процессы вызывают дробление многонациональных сообществ и в конечном счете могут привести к выдвиганию требований образования самостоятельных национальных государств. Быть может, надо приветствовать процессы интеграции, ассимиляции и даже абсорбции? Что в большей мере необходимо для современной России, которая основана на тех же принципах, что и Советский Союз? У нас большое количество национальных субъектов Федерации. Нам нужно воспитывать чувство единой нации или развивать национальное самосознание народов, которое неизбежно ведет к мысли о создании независимых национальных государств? Что должен представлять собой российский социум? Конгломерат этносов или единую нацию? Ответ очевиден.

¹ Заведующий кафедрой истории и политологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор исторических наук, профессор. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. книг: «Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века (социально-экономическое исследование)», «Люди власти (административный корпус национальных районов Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX в.)», «Идеократические парадигмы советского периода отечественной истории», «Отечественная история», «Отечественная история в схемах, таблицах, определениях» и др.

Здесь один коллега рассуждал о нации. Я считаю, что российская наука ввела отечественных политиков в заблуждение. Долго культивировалось сталинско-ленинское понятие нации, что это историческая общность людей, обладающая четырьмя признаками. Но более устойчивыми оказались те государства, где нация рассматривалась как согражданство. То есть нация — это сообщество людей, объединенных общим гражданством. И этого достаточно. Этносов в государстве может быть много, могут быть даже расовые различия, а нация одна, она их объединяет. Этот и другие вопросы межнациональных отношений в многонациональном государстве нуждаются в глубоком осмыслении.

В заключение я хотел бы высказать ряд рекомендаций. Во-первых, на мой взгляд, актуальным является сотрудничество историков России с историками стран ближнего и дальнего зарубежья. Оно будет способствовать выработке общих подходов, на основе чего можно будет проанализировать тот огромный опыт, который уже накоплен в этой деликатной сфере.

Во-вторых, мне представляется, что государство должно постоянно обращаться к историкам, исторической науке. В последнее время много внимания уделяется русскому языку как языку межнационального общения, что правильно, но не менее важной является проблема исторического сознания. Искривление исторического сознания ведет к серьезным последствиям. И для России это тем более актуально, поскольку перед ней стоит важный вопрос — интеграция на постсоветском пространстве.

То, что сейчас происходит в национальных историях, что пишут историки постсоветских государств, иногда просто недопустимо. Причем этот пример заразителен, в частности для неких интеллигентских сообществ в национальных субъектах Российской Федерации. Я приветствую проведение совместных научных конференций, выпуск совместных периодических изданий. На мой взгляд, в ближайшее время необходимо создать коллективное издание, в котором публиковались бы исследования историков стран СНГ, где можно было бы высказывать свою точку зрения и вырабатывать новые совместные концепции. В идеале мы должны прийти к созданию единых учебников по истории на постсоветском пространстве, по крайней мере для средних школ всех государств СНГ. Также мне представляется перспективной система грантов, фондов, учредителями которых могли бы выступить крупнейшие коммерческие структуры.

Сейчас много говорится об экономической интеграции на постсоветском пространстве. Но она будет непрочной или вообще не состоится, если не будет подкреплена гуманитарной интеграцией. Гуманитарная интеграция необходима, она имеет не меньшее значение, чем, например, нанотехнологии, модернизация и инновации в технической области. Неплохо было бы организовать совместные учебные заведения, систему выделения грантов для обучения студентов из государств СНГ и других стран в российских вузах. Благодарю за внимание.

Е. И. ПИВОВАР: — В этом выступлении были подняты интересные темы. Относительно публикации изданий могу сказать, что этому процессу начало

уже положено. Существуют два издания: «Историческое пространство», которое издает Российская академия наук в Институте всеобщей истории, где участвуют институты истории всех стран СНГ, и «Евразия» — это бюллетень РГГУ и МГУ, где публикуются статьи историков из стран СНГ. Но этот процесс только начинается.

Предоставляю слово Рите Леонидовне Урицкой.

Р. Л. УРИЦКАЯ¹: — Мы — мыслящее население планеты — последние годы настойчиво говорим о глобализации, хотя каждый из нас прекрасно понимает, что параллельно с глобализацией идут дезинтеграционные процессы. Европа объединяется, а Советский Союз развалился. И эти примеры можно продолжать. Но, наверное, самое интересное могло бы заключаться для нас в том, что новая эпоха, новые веяния, новые риски — почему они новые? Среди нас много профессиональных историков, а любой историк прекрасно знает, и студенты наши уже знают, что глобализационным процессам на планете Земля столько же лет, сколько самому человечеству, — как и процессам дезинтеграции. Это две формы существования человечества.

Любая империя, и ярчайшим примером может являться Римская империя, — это ли не образец глобализации? Но то, что потом случилось в 325 году с Римской империей, когда она распалась (и все изучающие историю знают почему, по каким причинам), — образец дезинтеграции, и тоже ярчайший. Римская империя распалась, появились новые, молодые европейские государства, прошли процесс становления национального самосознания, национально-культурной идентичности, накопили национально-исторический и национально-культурный опыт. Все это происходило на фоне бесконечных войн, конфликтов, вооруженных столкновений друг с другом всех европейских стран. И когда в эти войны начали вовлекаться люди, принадлежащие к одному государству, объединенные одним подданством, одними или родственными этническими корнями, исповедующие одну религию — христианскую (я говорю о войнах между католиками и протестантами), — с этого момента лучшие и самые прогрессивные умы Европы задумались о том, что надо хотя бы на территории Европы что-то предпринимать, чтобы этим войнам, бесконечным кровавым конфликтам положить конец. И тогда прозвучали первые официальные заявления на тему объединения Европы.

Первая идея, которая была высказана вслух и очень громко, на высоком уровне, принадлежала одному из министров французского короля Генриха IV господину Максимилиену Сюлли. После того как был убит король, много раз переходивший из лагеря католиков к протестантам и обратно (сам Максимилиен Сюлли был убежденнейшим протестантом, как сторонник вообще всего прогрессивного), он отошел от дел и, пользуясь тем, что у него образовалось много свободного времени, задумался над первым проектом объединенной Европы. И оставил все свои размышления в письменном виде. Идея сводилась к простому понятию — все европейские государства должны объединиться на уровне армии, то есть должна быть не своя

¹ Заведующая кафедрой истории СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент.

национальная армия у каждой страны, а единая армия у всей Европы, единое законодательство, и при этом желательно было бы «очистить» территорию Европы от иноверцев — иудеев и мусульман, каковых в христианской Европе к тому моменту проживало немалое количество. Объединенные христианской моралью, с единой армией и одной законодательной системой, европейские страны жили бы в любви и дружбе, и на этом прекратились бы войны — хотя бы в масштабах европейского континента.

Эта прекрасная мечта возвращалась в разные эпохи, периодически очень громко и вполне на официальном уровне озвучивалась европейцами. И каждый раз эта мысль возникала после серьезных вооруженных конфликтов. В середине XIX века ее громко произнес Гюго. Вчера академик Гусейнов цитировал его высказывание о братстве всех европейских народов. После Первой мировой войны опять прозвучали призывы к объединению и созданию Соединенных Штатов Европы. Еще громче они прозвучали после Второй мировой войны. Хотя заметим, что между мировыми войнами, несмотря на призывы, в Европе весьма эффективно шло развитие ультраправых партий и движений — фашизма и нацизма, и это оказалось значительно сильнее мечты об объединении и глобализации.

После Второй мировой войны все же были сделаны первые реальные, практические шаги к объединению Европы. В итоге мы видим Европу объединенной. Есть масса институтов, которые являются доказательством того, что европейцы объединились, существует европейская псевдоконституция в форме Лиссабонского соглашения, принятого и ратифицированного парламентами всех европейских государств. Существует общее законодательство, которое пока еще не совсем доминирует над национальными, но во всяком случае дает много настойчивых рекомендаций.

Существует идеология объединенной Европы, которая базируется на понятии толерантности. И вот эта самая толерантность должна в народах Европы воспитать все необходимые черты и качества, которые подведут европейцев к созданию действительно единого европейского пространства. Но на фоне этих документов и огромного количества политических мероприятий, научных форумов, публикаций, высказываний мы прекрасно видим, что Западная Европа с Восточной по ряду причин, прежде всего экономических и социальных, но также и историко-культурных, не очень-то склеивается. И настоящего диалога — ни политического, ни диалога культур — между Западной и Восточной Европой не получается.

Мы видим, что и Польша, и Болгария, и Румыния — страны Восточной Европы, которые влились в большую европейскую семью, гораздо активнее и горячее дружат с США, чем с Евросоюзом. Мы видим, что в «молодых» европейских государствах, как их именуют так называемые «старые» европейские государства, — в тех же Болгарии и Румынии, и в Венгрии, и в Польше — опять поднимается идеология национализма. Не будем говорить «ультранационализма», хотя ультранационалистические партии в этих странах есть. Правительства этих стран утверждают, что эти партии — маргинальные и, дескать, в семье не без уроды. Но когда представители этих маргинальных партий оказываются в правитель-

стве или баллотированы в президенты, то стоит задуматься, до какой степени они маргинальны.

Хочу еще раз подчеркнуть, что наша сегодняшняя глобализация — во-первых, не ноу-хау нашей эпохи, а во-вторых — так ли уж мы готовы к этой глобализации и есть ли она на самом деле?

Е. И. ПИВОВАР: — Большое спасибо. Я приглашаю на трибуну Надежду Федоровну Высоцкую.

Н. Ф. ВЫСОЦКАЯ: — Дорогие друзья! Мне приятно побывать в Петербурге, это город моей юности, я здесь окончила Академию художеств СССР (1971). У нас сложились дружеские отношения со многими замечательными учеными, такими как Цецилия Генриховна Нессельштраус (1919–2010), Вера Дмитриевна Лихачева, которая тогда только начала преподавать в Академии художеств СССР. Они всячески поддерживали наше увлечение искусством Беларуси XII–XVIII веков. Хочется особо сказать о постоянном внимании самого Д. С. Лихачева к истории и культуре Беларуси. Он вместе со своей супругой Зинаидой Александровной, дочерью Верой неоднократно приезжал в Беларусь. Его интересовали исследования по литературе, искусству этого края.

После трагической смерти Веры Дмитриевны он приложил неимоверные усилия и разыскал всех ее учеников — студентов, аспирантов факультета истории и теории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР и в Институте истории Академии наук СССР в Москве провел вечер ее памяти. На нем Д. С. Лихачев вручил каждому ее ученику и всем присутствовавшим написанную В. Д. Лихачевой и отредактированную видным русским ученым, лауреатом Государственной премии СССР Г. К. Вагнером (1908–1995) книгу «Искусство Византии IV–XV веков» (Ленинградское отделение издательства «Искусство», 1981), на форзаце которой есть вклейка «Дар в память Веры Дмитриевны Лихачевой. 4 августа 1937 г. — 11 сентября 1981 г.».

Таким образом Д. С. Лихачев еще раз хотел подчеркнуть незаурядность Веры Дмитриевны, талантливого молодого ученого, доктора искусствоведения, профессора, прекрасного педагога, замечательного человека, у которого был очень непростой путь в науке. О лучших чертах ее характера знали и помнили многие. На протяжении 1964–1981 годов нам посчастливилось постоянно общаться с Верой Дмитриевной. Она читала курс «Искусство Византии», была постоянным рецензентом наших курсовых работ, дипломов, официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации (1976).

Встречи с ней и Дмитрием Сергеевичем в Академии художеств СССР, в Пушкинском Доме, в Комарово, на квартире (на улице Шверника), где жила семья Веры Дмитриевны вместе с Д. С. Лихачевым, всегда производили неизгладимое впечатление. Интересные беседы о литературе и искусстве, удивительное общение, скромный быт — все это оказывало на нас, студентов,

¹ Профессор Белорусского государственного университета (Минск), доктор искусствоведения. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Декоративно-прикладное искусство Белоруссии XII–XVIII веков», «Сакральная живопись Беларуси XV–XVIII веков», «Иконопись Белоруссии XV–XVIII веков», «Живопись Белоруссии XII–XVIII веков», «Пластика Белоруссии XII–XVIII веков», «Живопись барокко Беларуси» и многих других.

а потом аспирантов, огромное влияние, как и блестящие лекции, хорошо построенные семинары В. Д. Лихачевой по византийскому искусству (архитектуре, стенписи, миниатюре), организованные ею экскурсии в Новгород, Псков, Михайловское.

Когда в 1986 году нам пришлось обратиться к Д. С. Лихачеву с просьбой написать рецензию на трилогию по искусству Беларуси XII–XVIII веков (Минск, 1980–1984), он тут же откликнулся: прислал несколько телеграмм, отзыв. Надо особо отметить, что только один этот рецензент, настоящий интеллигент, вернул нам три фолианта.

Зачитаю этот отзыв, так как он представляет определенный научный интерес. (Несмотря на этот и еще более 100 положительных отзывов ведущих русских, украинских и зарубежных ученых, Государственная премия БССР в 1986 г. творческому коллективу так и не была присуждена, о чем нами не было сообщено Д. С. Лихачеву, чтобы его не огорчать. И только через 10 лет, когда мы получили Государственную премию Республики Беларусь за вклад в науку, Д. С. Лихачев узнал об этой истории.)

*«Дмитрий Сергеевич Лихачев.
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академия наук СССР.
Ленинград, наб. Адм. Макарова, д. 4.
В Гос. комитет по Государственным
премиям Белорусской ССР*

Три коллективные книги, созданные Надеждой Федоровной Высоцкой (автор и составитель), Т. А. Карпович (соавтор по разделу «Портрет»), Г. М. Голубовичем, Н. И. Гончаровым (художники издания) и Г. Л. Лихтарович (фотограф издания), — большое событие в истории белорусской культуры.

Впервые собраны глубокие, основательные и значительные материалы по истории белорусского искусства. Это нелегкое, но крайне необходимое дело. Каждый памятник сжато и основательно аннотирован, по каждому дана библиографическая справка имеющихся исследований. Тома снабжены обстоятельными статьями Н. Ф. Высоцкой.

Одно время было много кулуарных и открытых споров — как отделить собственно белорусское искусство от искусств польского, украинского, древнерусского. На основании своего многолетнего опыта я полагаю, что принципы, выдвинутые составителем при отборе произведений, совершенно правильные и единственно возможные, не вносящие путаницу и субъективные решения. Наличие памятников на территории Белоруссии, кем бы ни был по своему происхождению художник — скульптор, живописец, архитектор, ремесленник, — достаточное основание для включения произведения в белорусское искусство, — конечно, если это наличие не вызвано чисто случайными причинами (перестановками в фондах из музея в музей и т. п.).

Художники и их творения участвовали в жизни искусства Белоруссии. По аналогичному принципу включаются в историю русского искусства голландцы, немцы, итальянцы, шотландцы, французы и т. д. Никто не исключает из истории русского искусства Шлютера, Микетти, отца и сына Растрелли, Росси, Гонзага, Бренна, Лукини, Браунштейна, Леблон, Менеласа, Ринальди, Томона, Камерона и т. д. Не следует забывать в этом смысле, что даже В. Мейерхольд был в молодые годы немецким подданным.

Если история русского искусства включает в свой состав и древнерусский период, являющийся общим для трех восточно-

славянских народов, т. о., я думаю, вполне уместно помещать в издании также древнерусские произведения XII в., особенно связанные с территорией Белоруссии.

Придет время и значение каждого белоруса и каждого иноземного мастера в истории белорусского искусства будет определено достаточно точно и объективно. Будет вскрыто и значение белорусских мастеров для русского искусства, особенно XVII в. (известно, что патриарх Никон ценил и привлекал белорусских мастеров для работы в Москве и Подмосковье). Много еще — дело будущего. Пока же необходимо такое издание, такая трилогия. Важно, что в трилогии прекрасные, сжатые, обобщающие статьи Н. Ф. Высоцкой, хорошие аннотации к памятникам и тщательно составленные библиографические сведения по каждому памятнику, а также высокое качество фотографий (дело нелегкое) и их воспроизведение на высоком техническом уровне. Все это будет привлекать внимание исследователей и широкого читателя к белорусскому искусству.

Считаю, что всем участникам издания, включая не только составителя, но и художественных оформителей и фотографа, должна быть присуждена Государственная премия Белорусской ССР. Перечислю названия книг трилогии: «Живопись Белоруссии XII–XVIII вв.» (Мн., 1980), «Пластика Белоруссии XII–XVIII вв.» (Мн., 1983), «Декоративно-прикладное искусство XII–XVIII вв.» (Мн., 1984). Перечислю участников издания: Н. Ф. Высоцкая, Т. А. Карпович, Г. М. Голубович, Н. И. Гончаров, Г. Л. Лихтарович.

*Лауреат Государственных премий СССР
академик Дм. С. Лихачев
10.X.1986».*

Как видно из вышеизложенного, Дмитрий Сергеевич всем ученикам Веры Дмитриевны помогал и участвовал в их жизни.

Работы Дмитрия Сергеевича Лихачева всегда были для нас образцом для подражания. Несколько его трудов привлекли наше особое внимание, потому что литература и изобразительное искусство — это огромный кладезь имен, памятников. Как во всем этом разобраться? Издавна ученые занимаются собиранием этих памятников по стилистике. Стилистике русского искусства Дмитрий Сергеевич уделял огромное внимание. Его интересовал вопрос наличия черт Ренессанса, проторенессанса и барокко в русском искусстве. Я более 40 лет занимаюсь изучением искусства Белоруссии, и для меня было важно выяснить, как русская стилистика использовалась в белорусском искусстве. И здесь оказалось много интересных новаций. Более того, выяснилось, что без участия Белоруссии в русском искусстве многие процессы просто не состоялись бы.

Проблема взаимовлияния, взаимосвязи, политической ориентации общественных деятелей казалась важной, особенно в XVII веке. Становление барокко в Белоруссии происходило почти одновременно с европейским искусством, то есть в конце XVI века. И его утверждение, осмысление состоялось именно в этот очень сложный период.

Я хочу подарить уважаемому ректору Университета А. С. Запесоцкому одну из своих книг «Сакральная живопись Беларуси XV–XVIII вв.», которая будет храниться в вашей библиотеке. Эта монография построена следующим образом: осуществляется сравнительный анализ стилистики раннего, зрелого, позднего барокко. Причем здесь взаимосвязаны такие явления, как утверждение стилистики в Белоруссии и России. Это

важный момент, когда одни и те же иконографические сюжеты в искусстве Белоруссии XV–XVII веков существуют в византийском и западноевропейском вариантах, а потом эти явления прослеживаются и в русском искусстве XVII века.

Для России роль патриарха Никона — особое явление, потому что он на протяжении шести лет не только был патриархом, но и имел титул Великого государя. Это объединение государственной и церковной власти дало ему возможность мечтать о большом, сильном Русском государстве, в которое должны были войти Украина и Белоруссия. Дружба с Алексеем Михайловичем в этот небольшой промежуток времени позволила Никону пригласить белорусских мастеров, которые привнесли новую стилистику, но не в католическом, а уже в переосмысленном православном виде (по определению Д. С. Лихачева, «очищенном от католицизма виде»), и она оказалась востребованной в России. Россия благодаря белорусам во второй половине XVII века вошла в мировое пространство. Симеон Полоцкий стал учителем Петра Великого.

Таким образом, белорусы оказали большое влияние на формирование нового глобального мышления, которое в свою очередь привело к основанию Санкт-Петербурга. Взаимосвязь явлений, государственная поддержка могут творить чудеса. В России во второй половине XVII века были созданы благоприятные условия, позволившие белорусским мастерам осуществить выполнение выдающихся масштабных проектов и ансамблей в стилистике зрелого барокко, которые ими не могли быть реализованы в это время на родине.

Итак, процессы глобализации идут давно, и вторая половина XVII века — прекрасный пример того, как русское искусство «впитало» европейскую стилистику через посредство белорусских деятелей разных специальностей. Русское искусство второй половины XVII века оказалось подготовленным для новых, Петровских реформ. Спасибо за внимание.

Е. И. ПИВОВАР: — Спасибо. Слово предоставляется Виталию Юрьевичу Афиани.

В. Ю. АФИАНИ¹: — Мой доклад опубликован в рамках пленарного заседания, но я хотел бы поучаствовать в дискуссии. Я пришел на эту секцию, так как мне кажется, что она хотя и не самая многочисленная по своему составу, тем не менее одна из важнейших, потому что речь идет о формировании историко-культурной памяти, исторической памяти и в целом о мире, о том, что происходит на постсоветском пространстве.

Позволю себе небольшое замечание по поводу выступления одного из коллег, в котором говорилось о неэффективности конференций, посвященных аграрной истории, национальным проблемам. Можно сказать, что они, наоборот, были очень эффективны и резуль-

тативны, но, к сожалению, с противоположным результатом того, чего добивались. И может быть, если мы на конференциях будем много рассуждать о глобализации и ее недостатках, теневых сторонах, она «рассеется» (это шутка).

Я хотел бы обратить внимание на формирование историко-культурной идентичности, исторической памяти в последние десятилетия и на роль СМИ в этом процессе. Речь идет о таких «парадоксальных» процессах, которые происходят на постсоветском пространстве, когда идет дробление некоего, ранее единого исторического представления об историческом прошлом и противоположных процессах, которые происходят в Европейском Союзе. Тем не менее только на примере Европейского Союза и можно говорить о процессах глобализации применительно к области истории.

Я хотел бы привлечь внимание к тем процессам освещения истории, которые происходят в СМИ. Как известно, современные СМИ — это, вероятно, самый мощный инструмент формирования историко-культурной идентичности и представления об истории не только у молодежи, в том числе присутствующей в этом зале, но и, наверное, у политиков, так или иначе воздействующий на умы современников. Законы средств массовой информации противоположны тем научным подходам, которые мы проводим в своих научных исследованиях. Я уверен, что существуют некие общие законы СМИ независимо от их национальной принадлежности. И в этом проявляется объективно существующий элемент глобализации во всем мире, не говоря уже о том, что на наших телевизионных экранах широко представлены фильмы, созданные за рубежом, сюжеты, так или иначе касающиеся истории.

Какие особенности средств массовой информации влияют на освещение истории в СМИ? Во-первых, я выделил бы то, что исторические сюжеты вплетены в поток информации, поэтому если их анализировать, то нужно рассматривать не изолированно, а в контексте тех потоков, в которые они включены. Например, идет массовый поток информации по телевидению, в который включены отдельные исторические сюжеты. Во-вторых, это фрагментарность и дискретность, которые не позволяют представить единый образ истории. В-третьих, это то, что сейчас происходит в национальных историях — обязательная сюжетность представления: героизация, жертвенность, обязательная занимательность, эротизм и соответственно отбор соответствующих тем для освещения истории. В-четвертых, это образность, создание художественных исторических образов, в которые не входит задача доказательности и документированности.

У меня есть небольшой опыт работы с коллегами на канале «Культура», где я наблюдал, как создаются сюжетные сценарии, посвященные историческим сюжетам, формируются под воздействием жанров. Таким образом, благодаря СМИ знание заменяется художественными образами, а это очень серьезно. Художественный образ создается. Это то, о чем мы говорим, — он существенно влияет на создание национальных историй, о которых здесь упоминалось. А может быть направлено, хотя и не явно, против культурных и даже национальных интересов. Какого-то рецепта противодействия этому у меня нет. Наверное, один из возможных

¹ Директор Архива Российской академии наук, заведующий кафедрой археологии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заместитель главного редактора журнала «Исторический архив», кандидат исторических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Российская академия наук = Russian academy of sciences: персональный состав, 1724–2009: в 4 кн. Кн. 4», «Аппарат ЦК КПСС и культура, 1958–1964: документъ», «Аппарат ЦК КПСС и культура, 1953–1957: документъ», «Идеологические комиссии ЦК КПСС: 1958–1964: документъ», «Русская провинция. Культура XVIII–XX веков» и др.

рецептов — расширить присутствие профессиональных историков в СМИ.

Е. И. ПИВОВАР: — Спасибо. Слово предоставляется Сергею Алексеевичу Заглубскому.

С. А. ЗАГРУБСКИЙ¹: — Многие выступающие отмечали тот факт, что процессы глобализации в принципе вечны, бесконечны и останавливались на самом факте, его констатации. Немного странно, что не привлекается внимание к поиску: раз это вечно и бесконечно, то откуда берется интерес к этому процессу? Ведь мы исследуем вопросы, связанные с молодежью, пожилыми людьми, условиями жизни, только в том случае, если в этом направлении возникают проблемы.

Сейчас появился целый ряд проблем, достаточно новых в историческом смысле. Процесс глобализации — это исторически непрерывный процесс, но возникли новые проблемы. И к новизне и характеру этой новизны, как мне кажется, интерес проявляют все, но выступающие ораторы не приводят собственных работ. Я от своих студентов на зачетах и экзаменах требую ответа на эти вопросы: в чем новизна? Откуда она появилась? Почему так, а не иначе? В чем вообще сущность происходящего?

Я являюсь представителем социологической науки, которая изначально была интернациональной. Один из основателей социологии — М. Вебер — неоднократно говорил: «Что ты говоришь, с этим должен и китаец согласиться». В начале XX века Китай воспринимался как нечто далекое и неевропейское. Или: «Если ты делаешь выводы, так они должны быть понятны и китайцу». То есть наши выводы или размышления не должны быть связаны ни с нацией, ни с конкретным временем, а должны представлять общее видение.

Немецкий мыслитель О. Шпенглер в первой четверти XX века поставил общую задачу — надо раскрыть тайну всечеловеческой истории. Предыдущий оратор говорил о фрагментарности, «кусочности», о том, что рисунками и отдельными ситуациями наполняются исторические тексты. Задача — дать общую картину истории, раскрыть ее тайну. Про эту тайну я тоже спрашиваю у студентов. В чем она заключается? Как ее найти? Историки, как правило, наблюдают то, что происходит, и когда они упоминают о том, что глобализационный процесс или вообще то, что происходит, имеет историческую глубину, то никто не рассматривает глубину причин происхождения. А надо смотреть в корень. Корнем всего происходящего в обществе и истории является человек.

Что мы увидим, если посмотрим в корень? Ответ можно представить в виде рисунка с векторами-остриями, при помощи которого мы можем изобразить как отдельного человека, так и все общество. Если это отдельный человек, то палочки с остриями выражают множество присущих каждому человеку способностей (американскому индейцу или азиатскому индусу, русскому или еврею — без разницы), которые подталкивают его к поиску условий для их реализации. Но природа встречает человека большим количеством ограничений или высоким уровнем дефицитности возможностей

для реализации этих способностей. Человек, в отличие от прочих живых существ, обладает способностью изменять окружающие условия, и поэтому вся тайна исторического процесса (без учета национальностей, времени, географических мест) сводится к тому, что люди, сталкиваясь с тем, что у них много способностей, которые не могут реализоваться в силу отсутствия условий для этого, начинают раздвигать рамки этих условий, создавая новые условия.

На этом рисунке проявляется главная и единственная для всего мира и всех национальностей гуманитарная проблема. Дело в том, что человек стремится самореализоваться, а ему приходится «раздвигать рамки». Это значит, что если я родился Бетховеном и мне нужен рояль, но он пока не создан, то раздвижение рамок сводится к тому, что я должен пойти на лесоповал, потому что этот инструмент делается из дерева. На лесоповале у меня огрубеют руки, я утомлюсь и могу умереть, а поэтому не стану Бетховеном. От этого страдали Достоевский, Булгаков и Солженицын, вообще все гуманитарии, начиная с Гомера.

Возвращаясь к сегодняшней теме, хочу сказать, что это множество способностей любого человека, независимо от нации, можно разделить на три большие группы. Первая группа — это физиология. У людей много способностей и возникающих в связи с ними потребностей физиологического и физического плана, которые рождают всех людей. Все люди (китайцы, индейцы, русские, евреи) одинаково нуждаются в реализации своих способностей, то есть имеют набор потребностей. Я подчеркиваю: разные нации, потому что мы не индивидуализированы, все мужчины подходят всем женщинам. Набор физических потребностей у людей практически одинаков во все времена. Вторая группа — интеллектуальные потребности. В интеллектуальной сфере мы также мало индивидуализированы, потому что здесь ценностями являются законы природы, в том числе и законы построения общества. Третья группа — это способности духа. Здесь мы индивидуализированы, национализированы, мы различаемся.

Получается, что цельный человек, являясь представителем какой-либо культуры, нуждается в первую очередь в закрытии своих потребностей. И он стремится в те государства, к тем народам, обществам, в которых «рамки раздвинуты». Когда мусульмане стремятся в Швейцарию, они делают это потому, что там независимо от того, мусульманин ты или нет, больше условий для реализации, повышения уровня жизни и интеллектуальных запросов. Конечно, при этом они остаются со своими духовными запросами. А зачем мусульмане нужны швейцарцам? Сегодня Европа наводнена большим количеством неевропейских народов. Они нужны потому, что в тех государствах, где значительно расширены возможности для реализации способностей, местные жители перестают стремиться к чему-либо, например асфальтировать дороги, штукатурить стены, водить автобусы и т. д. И происходит как бы «засасывание» тех, кто согласен это делать. И когда новые люди, гастарбайтеры, приезжают в Европу, Америку, они преследуют свои цели, связанные с этим местом, однако несут с собой и определенные запросы.

Диалог культур, по сути, должен сводиться только к тому, чтобы решались вопросы, не связанные

¹ Доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук.

с национальными различиями. Что такое килт для шотландца, паранджа для мусульманина, пейсы для еврея — это особое духовное состояние? Кому это вообще нужно? Хочешь носить пейсы, килт, паранджу — носи. Но возникают вопросы и претензии в связи с тем, что человек, который был призван в эту страну для того, чтобы асфальтировать дороги и штукатурить стены, является индивидом и предьявляет свои претензии на существование на уровне тех народов, к которым он приехал.

В этом заключается данная проблематика, и соответственно, решая ее или даже хотя бы претендуя на ее решение, нужно обращать внимание на тех, с кем общаются люди, конкретное разъяснение ситуации. Мусульмане, которые приехали в Швейцарию, начинают претендовать на что-либо дополнительное — это общая проблема.

Е. И. ПИВОВАР: — Спасибо. Я приглашаю на трибуну Сергея Владимировича Лагутина.

С. В. ЛАГУТИН¹: — Добрый день, уважаемые коллеги! Сегодня мы обсуждаем исторический контекст заявленных проблем, в связи с чем мне хотелось бы высказать некоторые соображения. На историках лежит особая ответственность за те или иные способы вынесения суждения или оценки.

Я хотел бы начать с одного небольшого эпизода, который раскроет мою мысль. История связана с французским программистом Жаком Дютроном, который в свое время изобрел криптографию. Коллеги, познакомившись с результатами его труда, были в невероятном восхищении. Один из них сказал, что это больше похоже на поэзию, а другой коллега заявил, что он войдет в историю, на что Жак Дютронотреагировал фразой о том, что в историю входят только покойники. Именно от этого тезиса я и хотел бы оттолкнуться, а начну с первичного опыта исторического письма или записи. Неслучайно, наверное, такой требовательный профессионал в гуманитарной области, как Д. С. Лихачев, обращается к таким базовым основаниям, как летописи.

Напомню один эпизод из древних времен. Один летописец сказал великому князю, что если тот будет продолжать бесчинствовать, то он, летописец, оставит об этом князе нелестные отзывы в летописи, и их станут читать потомки. Таким образом, работу летописца можно рассматривать на двух уровнях. Великий князь, мысля себя исторической фигурой, полагал, что после смерти он попадает либо в рай, либо в ад, согласно своим религиозным воззрениям, либо же он попадает на страницы летописи. То есть, помиморая или ада, он попадет еще и в историю. То, что в данном случае оказывается важнее для исторического субъекта, является важным регулятивом для всего исторического процесса.

Если же в историю попадают только покойники или только то, что уже завершилось, выкристаллизовалось, то это, по сути, работа такого мифологического персонажа, как Харон, который перевозил умерших в царство мертвых. Настоящий историк, конечно, переносит на страницы своей летописи все то, что уже

отжило и выкристаллизовалось. Но у историков также есть, и никто ее не исключает, прогностическая функция, поскольку замечать исторические процессы или закономерности — это естественно и предельно важно. Получается так, что этот самый летописец или историк должен еще и видеть, кого и как доставлять в это самое царство мертвых или на страницы истории. Следовательно, пока исторический процесс не заканчивается, нет и возможности подводить итоги. То есть работать с какими бы то ни было теориями, историческими событиями либо понятиями важно уже с некоторой метапозиции.

Насколько понятие глобализации и процесс глобализации как таковой является кристаллизованным или законченным? Процессы интеграции и дезинтеграции отнюдь не именовются глобальными, потому что исторически, по всей вероятности, то, что мы именуем глобализацией, — это очередная эпоха наряду с такими эпохами, как Античность, Средние века, Возрождение, Новое время и т. д. Это эпоха Глобализации, которая будет принципиально отличаться от предшествующих эпох. И что самое интересное — оказывается, что все исторические тенденции вполне очевидны, и человечество само подталкивает себя в эту новую эпоху. В конечном счете мы в действительности имеем то, о чем говорим в качестве некоего предмета, некой сущности. Ведь мы усматриваем какие-то глобализационные процессы в различных сферах, будь то экономика, политика или социальная сфера. Но все это есть некоторые формы существования этой самой сущности, что принципиально не одно и то же.

Можем ли мы сказать, что сегодня действительно идет процесс глобализации, и не будет ли он отличаться от того же самого процесса, который будет происходить лет через 20–30? Существует и другое предположение — о так называемой сингулярности. Это процесс, который принципиально задает какие-то определяющие условия и более не выстраивает систему в прежнем, известном порядке, который мы можем описывать. То есть создание искусственного интеллекта. Все то, что будет трансформировать человека как некое культурное явление, включая и возможные феномены деантропологизации, то есть то, что человек может исчезнуть как культурный феномен. Все это может привести к тому, что она будет неспросчитываемая, эта новая глобальная эпоха. Мы все попадаем в пространство, о котором никто ничего не знает.

Е. И. ПИВОВАР: — Большое спасибо. Я представляю слово Кириллу Евгеньевичу Иванову.

К. Е. ИВАНОВ²: — Я приветствую участников Лихачевских чтений. Мой доклад уводит нас в область восточной философии и касается в первую очередь синтеза философских традиций Индии и Китая, породившего одно из самых глубоких и интересных эзотерических учений — чань(дзен)-буддизм. Учение Бодхидхармы отличалось гибкостью, либеральностью и широтой взглядов по сравнению с ортодоксальным буддизмом, а также способностью к быстрой адаптации в любой

¹ Старший преподаватель кафедры истории СПбГУП.

² Профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор философских наук.

среде. Особенно тесно соприкасался чань с доктринами даосов о Великой Пустоте, или Абсолюте, единстве субстанции, достижении слияния с природой. Буддизм Махаяны претерпел в философии чань странную трансформацию, впитав элементы стихийной диалектики Книги Перемен и Дао-дэ-цзин.

Концепция естественности поведения и состояния человека — естественности, обретаемой в сверхъестественном по интенсивности тренинге, — вот что составляло стержень чаньской философии и являлось прямым продолжением учений Ле-цзы и Лао-цзы о сущности земного бытия. Многие постулаты чань из области гносеологии и логики также имеют явные соответствия в древних даосских трактатах. За несколько десятков лет, проведенных в стенах Шаолина, индийский патриарх имел достаточно времени, чтобы, выучив язык, ознакомиться с трудами китайских классиков и найти им применение в своей проповеди.

Множество примеров свидетельствуют о том, что чань-буддисты хорошо знали даосскую литературу и широко использовали категориальный аппарат, выработанный в традиционной китайской мысли до прихода буддизма. При этом китайские буддисты, в том числе чань-буддисты, чаще всего прибегали именно к даосскому философско-психологическому наследию, используя его для интерпретации сугубо буддистских идей, так как из всех китайских учений даосизм был наиболее близок к буддизму, что значительно облегчало процесс взаимовлияния и способствовало возникновению различных синкретических явлений.

Чань-буддисты, как и даосы, считают первоосновой мира Великую Пустоту, Небытие, Иллюзию. Видимый мир всегда в движении, невидимый, истинный — в покое. Все в мире состоит из дхарм, нематериальных, невидимых элементов, вступающих в мгновенные комбинации, — неиссякаемых и непознаваемых. Поток дхарм формирует личность человека и реализует закон кармы, согласно которому бесконечная череда перерождений живого существа обусловлена его деяниями в предшествующих рожденьях. Соответственно и будущие рожденья зависят от нынешней жизни. Буддистское учение о дхармах устранило неясности в даосской концепции Пути к Просветлению и установило прочную связь между духовной и телесной жизнью. Упорно занимаясь тренингом, но не обрета Просветления в одной конкретной жизни, адепт чань все равно увеличивает свой духовный потенциал «естественности», дхармы, перестраиваясь в новую комбинацию, несут в себе его пройденный Путь, что дает возможность продолжить продвижение по нему в следующей жизни.

Конечная цель земного существования для адепта чань — выход из круга сансары и достижение нирваны путем самосовершенствования и укрощения страстей. Однако чаньская нирвана — это не уход в Запредельное, как в ортодоксальном буддизме, а даосское достижение естественности и гармонии с природой. Достигнув посредством психофизического тренинга внезапного интуитивного Прозрения, человек не выпадает из реальной жизни, а лишь приобретает иное видение реальности. Само определение нирваны как «обители вечного покоя» в чань-буддизме получает новое толкование. Осознав свое место в мире, постигнув единство всего сущего, относительность добра и зла, человек об-

ретает душевное равновесие и покой, поколебать которые не в силах никакие бури и грозы. Естественность и гармония с природой стали целью Пути адептов учения чань.

Таким образом, чань-буддизм вообрал в себя основные идеи двух величайших философских систем мира. Тезисы даосизма о Просветлении и ортодоксального буддизма о дхармах и бесконечной цепи перерождений объединились и заложили фундамент учения чань. Творческий синтез двух учений помог создать новую главу в «науке жизни».

Если же рассмотреть основные положения чань-буддизма в контексте философии и психологии буддизма Махаяны, то мы обнаружим, что это учение развивалось в главном русле общемахаянской мысли, хотя, как и во всех буддийских школах, в нем наблюдается определенное смещение акцентов, когда те или иные проблемы выходят на первый план, а другие, наоборот, отходят на второй или вовсе не рассматриваются. В частности, чаньский принцип «не опираться на слова и писания», несмотря на явные даосские аналогии, отнюдь не является нововведением китайских чань-буддистов, привнесенным в эту школу китайского буддизма исключительно под влиянием даосских текстов, а имеет самостоятельные буддистские истоки и восходит к некоторым фундаментальным положениям с самого раннего, домахаянского буддизма.

Согласно раннебуддийской традиции сам Будда на многие вопросы, «касающиеся начала и будущего вещей» (такие как: вечен или не вечен мир, бесконечен он или имеет пределы, бессмертен ли сам Будда и т. п.), отвечал «благородным молчанием», полагая, что их решение ничего не дает для освобождения конкретного индивида от эмоционально-нравственной «омраченности», которая является причиной страдания человека и препятствием достижения Просветления. Более того, такого рода метафизические спекуляции, как утверждается в раннебуддийских текстах, сами по себе могут стать серьезным препятствием к Просветлению, так как рожают привязанность к «имени и форме», которая также является причиной страдания и преодоление которой — необходимое условие освобождения.

Особенно важную роль в формировании чань-буддизма и чаньской психокультуры сыграло то, что отказ от абстрактных спекуляций и объяснение трансцендентных понятий были обусловлены в буддизме стремлением выработать прежде всего практические рекомендации по преодолению эмоционально-психологической «омраченности», препятствующей непосредственному переживанию реальности. Поскольку утверждалось, что слова и понятия, выраженные ими, не могут адекватно отразить истинную реальность, то для ее постижения рекомендовалось вернуться к целостному, нерасчлененному источнику опыта, который обнаруживается в глубинных слоях психики.

Поэтому все рассуждения, которые не способствовали переживанию такого психологического опыта, считались бесполезными, ненужными или даже вредными. Считалось также не имеющим принципиального значения, как именно называется истинная реальность — алая-виджняной или шуньятой, в каких именно терминах описывается то состояние сознания, которое достигается в процессе преодоления эмоционально-

психологической «омраченности». Гораздо более важным и существенным представлялся вопрос о том, каким образом можно реализовать это состояние сознания, с помощью каких методов можно идентифицировать себя с истинной реальностью.

Таким образом, методы постижения определенных идей, выработанных в буддизме, приобретали исключительно важное значение и рассматривались как первичные по отношению к их символическому обозначению, чисто философскому оформлению и выражению. Доктор Д. Т. Судзуки отмечает: «Поскольку буддизму было суждено развиваться на Дальнем Востоке, с целью удовлетворения духовных чаяний народа, то он неизбежно должен был перерасти в дзен. Индийцам также присущ мистицизм, но их мистицизм слишком отвлечен, созерцателен и сложен, и, кроме того, он, кажется, не имеет действительной, живой связи с практическим миром частностей, в котором мы живем. Дальневосточный мистицизм, наоборот, отличается практичностью и удивительной простотой. Он не мог стать не чем иным, как дзеном. Все буддийские секты в Китае, а также и в Японии, безошибочно указывают на свое индийское происхождение, так как их метафизическая сложность, пространственные трактаты, абстрактность идей, их проникновение в исток всего и разностороннее толкование вещей, относящихся к жизни, носят ярко выраженный индийский характер, а не китайский или японский... И когда, после обзора основных направлений буддизма, мы подходим к дзёну, то вынуждены признать, что его простота и непосредственность, его прагматическая тенденция и тесная связь с повседневной жизнью резко отличаются от всех других буддийских сект... Дзен — это систематизация или скорее кристаллизация всей философии религии и самой жизни Дальнего Востока».

Е. И. ПИВОВАР: — Спасибо. Слово предоставляется Илье Владимировичу Палагуге.

И. В. ПАЛАГУТА¹: — Мой доклад называется «Культурное наследие ранних земледельцев и европейская цивилизация», собственно он изначально имел подзаголовок «Памяти Вадима Михайловича Массона». С этим человеком меня свела судьба: он рецензировал мои книги. Некоторые его идеи, которые он высказывал, когда мы обсуждали проблемы, затронутые в моих работах, в частности общепалеонтологические, были достаточно интересны. Последнее, чем занимался В. М. Массон (его, к сожалению, не стало в феврале этого года), — это проблема культурного наследия. Собственно это было отражено и в последней его книге, посвященной культурогенезу Центральной Азии, которую он всю жизнь изучал.

Культурное наследие понималось им как некие блоки культурной адаптации в рамках определенных регионов, ландшафтов, которые сохраняются на протяжении тысячелетий и формируются, несмотря на смену языка, на смену населения антропологического типа. И центральноазиатский регион был рассмотрен им в качестве характерного примера, где блок земледельче-

ского, оазисного земледелия, связанной с ним городской цивилизации, который сформировался еще в IV–III тысячелетии до н. э., в общем-то, существовал и на протяжении эпох Древнего мира, Средневековья; фактически мы его можем увидеть и сейчас, его следы по крайней мере.

Собственно после этих разговоров возникла идея подумать о европейском регионе, где тоже складывается определенное культурное наследие, и именно в эту раннюю земледельческую эпоху, которая относится к VIII, VII, VI тысячелетию до н. э., формируются блоки культурной адаптации, земледельческих культур на территории Европы и блок, послуживший основой современной европейской цивилизации. Так что не стоит ограничиваться последними столетиями.

Готовя этот доклад, я исходил прежде всего, конечно, из определения культуры: не школьного, а определения культуры как системы адаптации к человеку, к условиям природной и социальной среды. Это определение было выработано мной и моим учителем Павлом Михайловичем Кожиним. В принципе это можно было увидеть и у Вадима Михайловича Массона. Фактически культурные ареалы на территории Европы складываются в VI–VII тысячелетии до н. э. В тот период земледельческого расселения по Европе формируются определенные зоны. Среди этих зон Балканы и Средиземноморье, Центральная Европа, периферийная зона Северной и Западной Европы и собственно восточно-европейская зона.

Они изначально были объединены и общностью происхождения населения, и сходным хромосомным набором, который сейчас выявляется у европейского населения, сходным набором этих культурных адаптаций, включающим наборы керамики, пластики, характерных приемов домостроительства, что, в общем-то, позволило все эти культуры, начиная от Днестра и заканчивая Сеной, объединить в группу «культуры крашеной керамики». Это было замечено еще в конце XIX столетия, когда они получили такое название. Фактически эти зоны продолжают существовать на территории Европы и в течение последующих эпох, как и разбивка земледельческих регионов Центральной, Балканской Европы. Балканская Европа впоследствии дает Эгейскую цивилизацию, которая, в свою очередь, дает греко-римскую цивилизацию, связанную с ней.

Зона Центральной Европы впоследствии дает собственно кельтскую культурную зону, зону германского Барбарикума, взаимосвязанного с югом. Это единая система, где границы могут меняться, могут появляться и исчезать совершенно разные народы, как, допустим, растворились в этом культурном наследии Европы и пришедшие сюда венгры, которые только язык сохранили, и гунны, и олады, и прочие, кто фактически доходил до Атлантического океана. Все это создает основу для единой европейской цивилизации, куда входит и Восточная Европа, с расселением славян, с появлением их на исторической арене с VI века. И главное, что я хотел подчеркнуть в своем докладе: мы в этот контекст единой Европы, начиная с ранней земледельческой эпохи, входим достаточно четко.

Е. И. ПИВОВАР: — Уважаемые коллеги, мы переходим к обсуждению прозвучавших выступлений.

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Искусство Древней Европы: эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н. э.)» и др.

Я хотел бы начать с одного соображения. Чудесно, что здесь собралась аудитория (обращаюсь прежде всего к молодежи, которая, может быть, об этом не задумывается), которая представляет совершенно разные области гуманитарного знания. Даже название нашей секции историк (в данном случае я) понимает определенным образом, культуролог — иначе, социолог, востоковед, философ — по-своему. В этом нет ничего плохого, эти области знания имеют свои методы, свою теорию, свою источниковедческую базу и принципы анализа.

В простейшем понимании национальная история — это нарратив. Нарратив — это особая интерпретация, касающаяся конкретной страны, нации. Всемирная история — это история всех стран и народов. И строго говоря, опыт исторического познания имеет прекрасные примеры отдельных национальных историй и не очень хорошие примеры всемирной истории, в том числе и на русском языке. Многие историки рассматривают подобные издания как «братские могилы». То есть собраны отдельные части, которые описывают 300 человек, и сделана единая история. Это простейшее понимание.

Но здесь речь шла о том (и мы с профессором Торштендалем охотно это поддержали), как минимизировать специфику национальных историй в подходе ко всемирной истории как таковой. Кстати, несколько слов о нарративе. Дело в том, что историки сначала вздрагивают, когда их «продукция» рассматривается просто как повествование; потом привыкают, потому что в общем это правда. Но в этом понимании есть две стороны, потому что, например, теорема — это тоже нарратив, но в ней есть абсолютные знания внутри нарратива. И у истории как науки тоже есть стремление не то чтобы дойти до абсолютной теоремы, но чтобы вероятностные законы, о которых говорили великие социологи прошлого, в этом историческом нарративе имели место. Поэтому, бесспорно, история — это не только повествование. В этом смысле летописец — это не историк, а источник для историка и документально (источниками, археологическими достижениями, анализом этнологических подходов) подтвержденные постулаты и т. д. Здесь есть некая специфика, но она не снимает того вопроса, что это тоже нарратив.

Я хотел бы добавить: прекрасно, что молодежи предоставляется такая палитра совершенно разных представлений о том, что мы сегодня обсуждаем. Независимо от того, что мы сейчас называем глобализацией, процессами интеграции и дезинтеграции пронизана вся история человечества. В этом я согласен с нашими коллегами. Но это новая стадия, поскольку, по-моему, мы находимся накануне эпохи, когда весь земной шар втягивается в общий процесс. Я не могу сказать, что он полностью втянут, это, как мне кажется, заблуждение, но все-таки мы стоим на пороге этого явления. И молодежь, которая здесь присутствует, будет живым свидетелем этого процесса. Интернет — это первая ласточка.

Информационное общество — это мечта. Дезинтеграция интеллектуальной мысли, которая была абсолютно непреодолима даже в масштабах нашей страны, самой большой в мире, постепенно преодолевается. И в самом маленьком уголке через спутники можно обратиться к людям всей нашей страны. Кстати,

в 2009 году это проявилось следующим образом: абитуриент с Сахалина послал свои документы в 200 вузов, был принят в медицинский вуз, но пошел учиться в Сахалинский рыбный институт. Эта возможность стала реальностью.

Несколько лет назад мы специально приезжали на Камчатку, чтобы отобрать в вуз трех человек из 100, вывезти их в Москву, потому что (это были 1990-е гг.) у людей не было возможности выехать с Камчатки, дешевле было послать туда приемную комиссию. Глобализация есть, и это — реальность. И я рад, что мы до этого дожили.

Разрешите предоставить слово профессору Уппсальского университета, члену Европейской, Шведской и Норвежской академий, иностранному члену Уральского отделения РАН Рольфу Торштендалю.

Р. ТОРШТЕНДАЛЬ: — Вряд ли нужны слова после выступления господина Пивовара!.. Мы сегодня затронули большую, серьезную тему, которая касается диалога культур и в перспективе — глобальной культуры, глобальной истории. Эта тема может развиваться по многим направлениям. Многие выступавшие говорили о том, как формируются история и культура, но это, собственно говоря, не тема нашей секции. Статистический материал, исторические факты накапливаются внутри национальных государств, и мы остаемся в рамках национальных государств. Именно в России можно было бы преодолеть национальные рамки, потому что она могла бы стать точкой сплавления разных культур и различий между ними. В России эти проблемы существовали в разные периоды, в том числе в имперский период, и имперские тенденции объединения через язык и бюрократический аппарат тоже могут быть обсуждены на этой секции, так же как и противоположная точка зрения.

Белоруссия, как мы сегодня слышали, — это один из примеров, где мог бы состояться интересный диалог культур, потому что существует определенное напряжение между разными людьми. Я хотел бы обратиться к молодым людям. Здесь, в России, существует огромное поле для изучения данной темы, где эти вопросы решаются совсем не так, как в странах Центральной и Восточной Европы. Я хотел бы обратить внимание, что решение данных вопросов с точки зрения образования глобальной истории, глобальной культуры здесь невозможно. Большое спасибо за внимание.

Р. Л. УРИЦКАЯ: — Слово предоставляется Евгению Александровичу Кайсарову.

Е. А. КАЙСАРОВ¹: — Уважаемые коллеги! Свое выступление в дискуссии я назвал «Перспективы исторической науки в контексте диалога культур». Прочитав название секции, первое, о чем я подумал, — а вообще возможна правдивая, истинная, объективная история? Для меня это очень больной вопрос, потому что я «изменил» истории и стал культурологом только потому, что мне, откровенно говоря, за 30 лет преподавания политической истории на соответствующих кафедрах Казанского университета, Казанского авиационного

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент.

института надоело переписывать лекции от съезда к съезду, от пленума ЦК КПСС к пленуму.

Очень популярной в советской науке была тема борьбы с буржуазными фальсификаторами. В исторических исследованиях велика роль предпочтений, методологии, добросовестности историка, политического заказа, национального и государственного интереса и т. п. Значит, в принципе мы имеем дело с искаженными представлениями о прошлом. Зачем тогда нужна такая история? Я могу вам сказать, что за годы работы на кафедре политической истории я даже обратил внимание на то, что такая история плохо влияет на исследователя. Я работал на двух кафедрах, и у трех наших преподавателей с возрастом начало резко прогрессировать слабоумие — то, что сейчас, наверное, называется болезнью Альцгеймера. Возможно, я спас себя в какой-то степени от этой болезни, «убежав» в культурологию, историю культуры. Для меня девизом стало высказывание Йохана Хейзинги: наконец-то самодовольная политическая история уступает свое место истинной истории — истории культуры. Я уехал в Санкт-Петербург и в Гуманитарном университете профсоюзов стал читать замечательный курс истории мировой культуры.

Сегодня много обсуждаются вопросы Второй мировой войны. Советские историки все время говорили: в западных учебниках, буржуазных исследованиях плохо показан наш вклад в Победу. Возьмите любые исторические учебники советского времени и посмотрите — то же самое: об американцах там сказано очень мало и т. д. Но я еще ребенком помню — это начало 1950-х годов — вся наша армия передвигалась на «студебеккерах», «доджах» и «виллисах». До сих пор не решен вопрос об архивах, закрыт доступ к очень важным документам — о какой правдивой истории можно говорить в этих условиях? А какой опыт исследовательской работы я приобрел в партийных и советских архивах? Выписываешь материал, потом отдаешь руководителю архива. Он тебе возвращает тетрадь — там все вырезано, тетрадь как решето. Когда я спрашиваю, почему мне этот материал вырезали, слышу ответ: «Ну зачем вы будете писать нехорошие вещи про нашу республику?» И так каждый день. На таких «урезанных» материалах писалось историческое исследование. А у меня была тема «Национальные отношения в республиках Поволжья». Мне приходилось изобретать «двойную бухгалтерию»: я знал, что можно дать директору архива на проверку, а что нужно спрятать, потому что понадобится для исследования. В таком положении находился историк в то время.

Политический заказ действовал не только в советское время, он действует сейчас и действовал раньше. Возьмем замечательный пример — дело Александра Даниловича Меншикова. Он же в нашей истории до сих пор фигурирует как неграмотный человек низкого происхождения. Хорошо, что нашелся добросовестный историк, профессор Юрий Николаевич Беспятых, который посмотрел, поднял документы и увидел, что ничего подобного — Меншиков представлял блестящий дворянский род — литовско-польско-русский; был образованным человеком — ученые нашли его автографы. А ведь этот миф переходил из одного учебника в другой и т. д. Что делать в такой ситуации?

Государство и сейчас пытается контролировать историческую науку. Меня смущают заявления премьер-министра, президента о том, что надо как-то влиять на исторические исследования, потому что неправильно пишут учебники, монографии. Меня это приводит в ужас, потому что опять присутствует политический заказ. Правда, определенный оптимизм вызывают последние события: празднование 65-летия Великой Победы, «катынское дело». Я увидел какие-то подвижки. Президент передает архивные материалы польской стороне, на параде появляются подразделения американских, английских, французских войск и т. д. Наверное, это признаки, которые обозначают путь, возможный для нормальной истории — правдивой, объективной. А какой это путь? Я предполагаю, что это путь диалога.

У нас до сих пор история монологична. Каждый произносит свой монолог, отстаивает свою позицию. Хотя формально диалог присутствует — есть общение с иностранными историками через журналы, книги, но это все равно пока монолог, потому что каждый отстаивает свой национальный интерес, выполняет заказ и т. д. Развитие диалога связано, наверное, с тем, что формируется некая общность, которая сейчас по-разному называется: «глобальная культура», Гусейнов называл это «сверхкультурой», «суперкультурой». Надежду вселяет то, что человек начинает ощущать себя принадлежащим не только к своей национальности, к своему народу, но еще и к некой другой общности. И вот с этой точки зрения принадлежности к более высокой общности исследователь начинает по-другому оценивать исторические материалы, он не подходит к ним только с точки зрения национальных интересов. Это как раз и приведет к тому, что я называю объективным освещением истории.

Р. А. УРИЦКАЯ: — Евгений Александрович все время говорил «мы», то есть «россияне», и все эти процессы происходят в Российской Федерации. А я могу констатировать, что они если не мировые, то совершенно точно общеевропейские. В Европе сейчас есть целое направление в исторической науке — борьба с историческим мифом. Как и в России, во всех европейских странах далеко не все архивы доступны, и если необходимо получить какой-то документ, вам не избежать длительной волокиты. А когда вы наконец-то это разрешение получаете и приходите в архив, с вас берут подписку, что вы никогда не станете публиковать сведения из этого документа. То есть прочитал — и забудь. Тем не менее историки, опираясь на доступные архивы, пытаются развенчать какие-то существующие мифы. Европейские взгляды на европейскую же историю нередко оказываются мифологическими. Почему? Да потому, что во все времена и во все эпохи, как и сегодня, существовал политический заказ. Знаменитая фраза перестроечных годов о непредсказуемом прошлом относится не только к России, это же можно сказать и обо всех странах: прошлое у всех до сих пор непредсказуемое.

Евгений Александрович все же оставляет надежду: есть ли свет в конце тоннеля? Свет есть, если начать вести процессы глобализации, то есть всеобщего объединения, по каналам народной дипломатии. Когда к каким-то процессам не подключаются ученые разных стран, разных наций, а эти процессы идут на уровне

простых людей, то они действительно объединяют, выстраивается настоящий диалог, потому что не стыдно друг другу признаться в том, что, оказывается, у всех нас одинаковые проблемы. Западное общество боролось с советской пропагандой, СССР боролся с западной пропагандой. Пропаганда была и тут и там — это исторический факт. Теперь все борются с мифами, которые были созданы в процессе этой самой пропаганды. Так что давайте пока не будем уходить в оправдомы, а станем как-то объединяться по профессиональным интересам, докапываться до истины в нашем прошлом, и тогда, возможно, откроется и будущее.

С. А. ЗАГРУБСКИЙ: — Сейчас прозвучали немного грустные соображения о том, что у нас есть мифы, закрытые архивы. Социология, в отличие от других гуманитарных предметов, позволяет понять, почему и кому нужны эти мифы. Почему существовали запреты? Какие процессы содействуют тому, чтобы эти архивы открывались? А психологи с историками здесь ничего не скажут. Кстати, в оправдомы большая очередь, в историки — меньше, так что становитесь историками.

Е. А. КАЙСАРОВ: — Спасибо за пожелание. Кто хочет вступить в дискуссию? Пожалуйста, уважаемые коллеги.

Н. Ф. ВЫСОЦКАЯ: — Сложные проблемы связаны не только с историей вообще, но и с историей искусств, потому что на один и тот же предмет можно смотреть с разных точек зрения. Когда я училась в Академии художеств, творчество таких художников, как Кандинский, Малевич, импрессионистов, постимпрессионистов, вообще не воспринималось как искусство. Но все меняется. И мне отрадно, что ваши педагоги пишут прекрасные книги про эту культуру, которая фактически по-настоящему не изучена.

Более сложно обстоит дело с изучением истории до XVIII века. Мои белорусские студенты должны знать греческий, латинский, польский, европейские языки, потому что весь материал представлен на этих языках. Работать в архиве очень сложно: можно целый день просидеть над одной страницей, для того чтобы разобраться в скорописи XVII века на древнерусском языке, во вставках, сделанных на латинском, польском языках, и пр. В Белоруссии мы встречаем великолепные архивные материалы и дневники магнатов. Я сейчас занимаюсь исследованием Несвижа и Мира — это два региона, которые тесно связаны с историей и культурой России. Януш Радзивилл — яркая личность. Он известен своими военными походами на Москву и Киев, а похоронен он в маленьком местечке Тыкоцин под Белостоком, а в самом Несвиже, в костеле Божьего тела находится уникальный некрополь Радзивиллов, один из крупнейших и интереснейших в мире. Сейчас идет работа над реконструкцией Несвижского и Мирского замков. Там нужны молодые талантливые специалисты.

В Петербурге представлено много материалов белорусской культуры и истории. И если кто-то из вас связан с Белоруссией, то я призываю начать заниматься ее изучением. В Белоруссии Великая Отечественная война — сложный исторический период, но не менее сложная страница — это война 1812 года. В России эта вой-

на называется Отечественной, а в Белоруссии — нет, потому что все магнаты выступали на стороне Наполеона Бонапарта, ибо он обещал им свободу от России. Многие трагедии в истории Белоруссии связаны именно с войной 1812 года.

Удивительная личность — Доминик Радзивилл, который хорошо знал творчество Байрона, Пушкина, Мицкевича. Он погиб в 1813 году под Парижем. На нем обрывается несвижская линия ординации Радзивиллов. И здесь начинаются контакты Витгенштейнов, которые приходят в Мир и Несвиж, с русским императорским двором. В 1812 году Тучков и Барклай-де-Толли вывезли различные ценности из Несвижа, в том числе знаменитую Радзивилловскую летопись, иногда называемую Кенигсбергской, которая ныне хранится в Библиотеке Академии наук. Уникальные издания из Белоруссии хранятся в фондах Эрмитажа, БАНа, Публичной библиотеки, не говоря уже о большом количестве уникальных памятников.

Мне приходилось просматривать эти материалы, работать с ними в Эрмитаже. Сами Радзивиллы старались вернуть все материалы в Несвиж. Это подтверждает и переписка с королевским берлинским двором Марии де Кастелян — жены Антония Вильгельма, XIV ордината несвижского и XII клецкого, которая была родственницами узлами связана с русским императорским двором. Это очень интересный материал. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что в Белоруссии нет достаточного количества произведений искусства. Почти все экспонаты находятся в Польше, Швеции, Германии, Франции, Испании либо в России — Петербурге, Москве, Орле, Смоленске, Саратове и др. В музейном деле документы становятся музейными экспонатами, которые по-новому освещают исторические события.

Тех, кто приезжает в Белоруссию, приглашают в Мир и Несвиж, чтобы посмотреть замечательные объекты.

Связи Белоруссии с русской культурой достаточно обширные. Мало кто знает, что Достоевский — выходец из местечка Достоево на Пинщине. Сейчас я занимаюсь исследованием уникального памятника XII века — Спасо-Преображенской церкви в Полоцке. Раскрытие фресок домонгольской эпохи выполняют белорусские и русские реставраторы (В. Ракицкий, В. Сарабьянов и др). Там трудилось много русских исследователей уже в начале XX века, например академик И. Э. Грабарь. Завершение реставрации этого храма станет важным научным открытием, потому что в нем прекрасно сохранилась домонгольская фресковая живопись, как, пожалуй, нигде в России.

Я вас призываю заниматься историей, которую нужно «осваивать ногами». Качество искусствоведа, историка искусств нередко определяется количеством пройденных километров, потому что каждый памятник, каждый документ надо увидеть, поддержать в руках. Надеюсь, что вы внесете свою лепту в изучение истории искусства и культуры. Глобализация со временем даст возможность все расставить по своим местам. Спасибо за внимание.

Т. И. КОРОТКИНА¹: — Я психолог. Однако мое сердце откликается на все выступления, в том числе

¹ Доцент кафедры социальной психологии СПбГУП.

и на выступление уважаемого профессора Высоцкой. В моем сформированном в советское время сознании нет деления на русских, украинцев и белорусов — это «мы». Моя родина находится в том уголке России, который расположен на границе с Белоруссией и Украиной. Действительно, мы ищем истоки, пытаемся объяснить.

Также я хочу отреагировать на выступление моего коллеги С. А. Заглубского, с которым мы работаем на одной кафедре. У меня создалось такое ощущение, что мы начали за здоровье, а заканчиваем, если брать выступление Сергея Алексеевича, за упокой. То есть мы начали с глобализации, интеграции, диалога культур, а заканчиваем, если использовать слова Сергея Алексеевича, полным разделением, категоризацией. Сергей Алексеевич говорил о том, что тут собрались историки, культурологи, психологи и так далее, но мы, социологи, все знаем лучше всех. Что это такое? Это категоризация — деление на категории. Самый простейший мыслительный процесс человека.

Если мы будем искать исторические корни, то нужно остановиться на психологических причинах. Мозг ищет простейшие пути решения проблем. Простейший путь — сравнение — это простейший психический процесс, вернее мыслительная операция. Человеку нужно осмыслить мир, чтобы он был непротиворечивым, понятным. Происходит простейшее деление на две категории — «мы» и «они». Это сейчас продемонстрировал Сергей Алексеевич. Значит, человеку с самых древних времен свойственно осознавать себя как «мы» и других, непохожих на нас, — как «они». «Они» нам непонятны, значит, враждебны, «мы» — лучше, «они» — хуже. Это явление называется феноменом группового фаворитизма. Наша группа лучше, другие — хуже. Здесь же следует говорить о феномене межгрупповой дискриминации. Чтобы моя самооценка была высокой и я осознавал себя достойным человеком, я должен понимать, что принадлежу к достойной группе. Это может быть социальная группа, профессиональная, национальная и т. д. У человека в сознании складываются любые категории.

Что происходит сейчас, в начале XXI века? В нашей стране, например, сформировалась новая социальная категория, например лица кавказской национальности. Что такое «кавказская национальность»? Нет такой этнической группы, но тем не менее так складывается развитие страны. В основе возникновения новых категорий лежат и психологические закономерности. Эти категории не позволяют нам вступить в мирное будущее, а подчеркивают и, может быть, даже обостряют противоречия.

Хочу закончить свое выступление, сославшись на американского социального психолога Адорно, — выразить пожелание и студентам, и уже специалистам — нужно избегать формирования новых категорий, вооб-

ще процесса категоризации. Необходимо понимать, что нет ничего проще, чем поделить: «мы—они», мужчины—женщины, дети—старика и т. д. Это упрощает понимание мира. Следует осознавать, что есть стереотипы и склонность людей к формированию категорий, что мы можем ошибаться, категоризируя, упрощая мир. Надеюсь, что мы находимся на пути интеграции, а не идем по пути обострения, подчеркивания различий. Спасибо за внимание.

Р. Л. УРИЦКАЯ: — Однажды мне довелось присутствовать на долгой дискуссии, которая длилась часов пять. Она была организована администрацией французского региона, ее целью было собрать за круглым столом представителей трех конфессий: христиан (представителей католицизма), иудеев и мусульман. Причем народу, участвовавшего в этой дискуссии, было в пять раз больше, чем в нашем зале, начиная со студентов и заканчивая пенсионерами, домохозяйками. Были и представители научной среды, духовенства всех трех направлений и вообще все желающие. Из этих пяти часов 4,5 часа дискуссия развивалась в русле «кто виноват?», то есть потоком лились взаимные претензии католиков к иудеям, иудеев — к католикам, и тех и других — к мусульманам, мусульман — к оставшимся. Все происходило достаточно цивилизованно, но тем не менее долго перечисляли, хорошо зная историю, все взаимные обиды, претензии.

Стало понятно, что за 4,5 часа дискуссия зашла в тупик и что, наверное, все из этой аудитории выйдут врагами, даже если пришли не таковыми. И тут одна дама, представляющая Ассоциацию дружбы представителей всех конфессий, сказала: «Зачем мы постоянно фокусируемся на том, что нас различает? Давайте вспомним, что у нас общего. Например, мы все — жители Средиземноморья, и как жители именно этого региона независимо от конфессии (католики, иудеи, и мусульмане) постоянно используем оливковое масло просто потому, что мы живем на средиземноморском побережье. Нас всех объединяет оливковое масло, а представителей Севера — сливочное масло, гусиный жир. Давайте подумаем, что между нами общего».

Все, что было сказано, — прежде всего разделение на категории. Это нас разделяет. Но существует много категорий, которые нас объединяют, потому что между нами есть много общего. Если вести диалоги, начиная и заканчивая с того, что нас объединяет и что между нами общего, то тогда, наверное, будет легче договориться, и категории не будут нам мешать. Спасибо.

Е. А. КАЙСАРОВ: — Коллеги, мы завершаем нашу дискуссию, я благодарю всех участников. До новых встреч!

Секция 8 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

14 мая 2010 г. Зал заседаний Ученого совета (ауд. № 200), СПбГУП

Руководители секции:

- В. Н. ВАСИЛЬЕВ** член-корреспондент РАО, председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Н. Д. НИКАНДРОВ** президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

Участники:

- В. И. АДИЩЕВ** декан факультета музыки, заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор
- Т. Н. БАЛОБАНОВА** доцент кафедры педагогических технологий в профессиональном образовании Ленинградского областного института развития образования (Пушкин), кандидат педагогических наук
- В. С. БЕЗРУКОВА** профессор кафедры социального менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор педагогических наук, профессор
- Г. А. БЕРУЛАВА** член-корреспондент РАО, председатель Южного отделения РАО, директор Института образовательных технологий РАО, ректор Черноморской гуманитарной академии (Сочи), доктор психологических наук, профессор
- Е. В. БОНДАРЕВСКАЯ** академик РАО, заведующая кафедрой педагогики Педагогического института Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ
- Е. О. ГАЛИЦКИХ** заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ
- Ю. С. ДАВЫДОВ** академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, академик и член Президиума Российской академии образования
- И. А. ЗИМНЯЯ** академик РАО, заведующая сектором Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Л. С. ИЛЮШИН** профессор кафедры непрерывного филологического образования и образовательного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук
- И. А. КАРАЧЕВЦЕВ** директор гимназии № 166 (Санкт-Петербург), заслуженный учитель РФ, почетный работник общего образования РФ
- А. Е. КИБРИК** член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий отделом лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Н. Н. КИРИЛЛОВА** профессор кафедры французского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кафедры немецкого и романских языков СПбГУП, доктор филологических наук
- В. Н. КОЗЛОВ** проректор по учебно-методическим объединениям (УМО) Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор технических наук, профессор
- О. Е. ЛЕБЕДЕВ** член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор
- С. В. ЛЕВКОВЕЦ** учитель средней общеобразовательной школы № 658 (Санкт-Петербург)

Ф. А. ЛЕЙКИНА	учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 367, методист кабинета словесности Научно-методического центра Фрунзенского района Санкт-Петербурга, заслуженный учитель РФ
В. А. МОСОЛОВ	профессор межфакультетской кафедры педагогики Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, кандидат философских наук
В. С. МУХИНА	академик РАО, заведующая кафедрой психологии развития Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Б. М. НЕМЕНСКИЙ	академик РАО, академик Российской академии художеств, профессор, народный художник России
А. М. НОВИКОВ	академик РАО, руководитель Центра проблем непрерывного образования Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
А. А. ОВОДЕНКО	ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
З. Н. ПОНОМАРЕВА	доцент кафедры литературы и русского языка СПбГУП, кандидат филологических наук
Ю. В. СЕНЬКО	академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
В. Е. ТРИОДИН	директор Института образования взрослых РАО (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ
М. Н. ФРОЛОВСКАЯ	доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат педагогических наук
М. А. ХМЫРОВА	директор Международной гимназии «Ольгино» (Санкт-Петербург)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Позвольте приветствовать вас от имени Оргкомитета X Международных Лихачевских научных чтений и пожелать успехов в работе. Среди участников конференции — лидеры российской науки, культуры, образования. И мне приятно отметить, что данное направление работы Лихачевских чтений в этом году возглавил такой замечательный тандем, как президент Российской академии образования Николай Дмитриевич Никандров и председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, ректор одного из ведущих вузов России Владимир Николаевич Васильев. Желаю всем успехов! Передаю слово Николаю Дмитриевичу Никандрову.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Уважаемые коллеги, я просмотрел все доклады и пришел к выводу, что в них затронуты самые разные темы — глобализация и новые тенденции развития российского образования, приоритеты национального воспитания, методологические проблемы развития личности и т. д. Надеюсь, сегодня мы успеем обсудить все эти темы.

В. Н. ВАСИЛЬЕВ: — Я предлагаю выслушать также сообщения, которые носят более общий характер

¹ Член-корреспондент РАО, ректор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций по компьютерным технологиям, в т. ч. книги «Интернет-технологии — образованию», статей в научных сборниках и журналах. Председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга. Вице-президент Российского союза ректоров. Президент Оптического общества им. Д. С. Рожд-

и касаются высшей школы, — на тему Болонского процесса. Первая часть работы нашей секции будет посвящена выступлениям участников, а вторая — дискуссии о том, что мы услышим в первой части.

Слово предоставляется Юрию Степановичу Давыдову.

Ю. С. ДАВЫДОВ: — Дорогие коллеги, я хотел бы предложить вашему вниманию вопросы, связанные с модернизацией российского образования. Когда мы говорим о глобализации, прежде всего речь идет об уровне развития образования в том или ином государстве. Я полагаю, что предметом обсуждения может быть вопрос о том, является ли новый этап модернизации

ственного. Лауреат премии Президента РФ в области образования, премий Правительства РФ в области образования.

² Президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор, академик Государственной академии наук «Российская академия образования».

Автор и соавтор более 200 научных и научно-методических работ, которые вышли тиражом более 810 тыс. экземпляров. Среди них 40 монографий и учебных пособий. Исключительно актуальными являются его монографии «Болонский процесс и российские реалии» (2004), «Власть культуры в университете» (2004), «Университет в эпоху реформ» (2005), «Реформы российского образования: от желаемого к действительному» (2005), которые посвящены вопросам вхождения российской высшей школы в общеевропейское и мировое образовательное пространство, раскрытию роли культуры в функционировании современного университета. Особо следует отметить коллективную монографию «Реформы образования в России и Китае: сравнительный анализ», одним из авторов которой является Ю. С. Давыдов. Такая работа осуществлена впервые. В 2006 г. она вышла в Пекине, а в 2007 г. — в Москве.

С 2006 г. является членом Совета Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), входит в Экспертный совет Комитета по образованию Государственной Думы Российской Федерации.

российского образования шагом вперед в его развитии или, напротив, назад? Большой вопрос, куда ведут эти реформы. Присоединение к Болонскому процессу, например, — одна из наиболее острых проблем в настоящее время.

О новом этапе в развитии российского образования объявил наш министр образования и науки А. А. Фурсенко в своем выступлении на Всемирной конференции министров образования (12 января 2010 г., Лондон). Он заявил, что российское правительство начало осуществлять трехлетнюю программу модернизации высшего образования. У меня вопрос: а почему совершенно забыт национальный проект «Образование» как этап модернизации, почему не подведены итоги Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года? Разве эти направления уже исчерпали себя? На что же направлен новый этап?

Представьте себе зеленое дерево, с которого вдруг один за другим стали осыпаться листья. Мне кажется, что в настоящее время реформы, происходящие в нашем образовании, и есть те «листья», которые хотело бы сбросить наше государство, если говорить об ответственности государства за развитие образования. Что я имею в виду?

За 50 лет работы в высшей школе я привык беседовать с аудиторией в режиме диалога, поэтому буду задавать вам вопросы, а ответы на них покажут, следует ли мне что-то добавить к сказанному. В настоящее время разрабатывается проект нового закона об образовании, представлена его Концепция. Скажите, пожалуйста, кто-нибудь из вас знаком с содержанием этого проекта?.. Я вижу одну поднятую руку.

Вспомним пресловутый закон № 122, часто называемый законом о льготах, о ветеранах, который вызвал большие брожения в обществе, но в конечном счете по существу был принят в том виде, в котором и предлагался. И тогда Борис Вячеславович Грызлов, и сейчас Андрей Александрович Фурсенко подчеркивали, что подобного рода законопроекты, которые многое коренным образом меняют в жизни страны, должны обсуждаться широкой общественностью. Однако в техническом задании на разработку нового проекта закона это вновь не было предусмотрено. Ни в один вуз страны он не присылался. Более того, далеко не все академики РАО осведомлены о нем.

Очень интересно положение упомянутого законопроекта о том, что дальнейшее развитие образования предполагает (и об этом на каждом шагу говорят наши руководители) оказание помощи образованию, в том числе финансовой. Тем не менее уже много лет нас пытаются подвинуть на изменение статуса и переход в режим автономных учреждений, предполагающий переход от финансирования вузов к субсидированию и отказ от субсидиарной ответственности государства. В феврале этого года Владимир Владимирович Путин встречался с министром образования и науки РФ Андреем Александровичем Фурсенко. Обсуждался вопрос о федеральных университетах. Два федеральных университета уже подготовлены к переходу в статус автономных учреждений. Вновь созданные федеральные университеты будут только автономными учреждениями... Вот Евгения Васильевна Бондаревская подсказывает, что Южный федеральный университет уже пере-

шел в данный статус. Вопрос: в российском правительстве министерства и ведомства как-то координируют свою деятельность или нет? Премьер-министр Владимир Владимирович Путин говорит о том, что перевод на автономный режим требует большой подготовительной работы. Он подчеркивает, что это может осуществляться только с согласия самих высших учебных заведений, то есть их коллективов. Напомню, что для перехода учреждений в автономный режим надо подготовить несколько тысяч документов разного рода.

В настоящее время Государственная Дума и Совет Федерации приняли закон, связанный с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений. Но ведь по существу принятие этого закона означает, что все наши вузы уже с января 2011 года должны быть переведены в режим автономных учреждений.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Каков Ваш вывод?

Ю. С. ДАВЫДОВ: — Вывод следующий. Мы должны знать о том, что происходит в стране. Проект Закона об образовании должен быть представлен на широкое обсуждение. В настоящее время этого нет. Мы же говорим лишь о проблемах высшего образования. Например, Владимир Николаевич представляет петербургскую высшую школу. Владимир Николаевич, Вы можете мне объяснить, почему Ваш коллега Владимир Михайлович Кутузов считает всех нас, то есть работников бюджетной сферы, «бюджетными наркоманами»? Вот цитата из его статьи «Российские вузы погрязли в атмосфере благой доброжелательности», опубликованной в последнем номере журнала «Ученый совет». Почему он позволяет себе оскорблять всю высшую школу? Уважаемые коллеги, проект нового закона «Об образовании» есть не что иное, как ответ на заявление господина Кутузова о том, что мы все «бюджетные наркоманы». Поэтому, как я уже сказал, проект закона «Об образовании» должен быть представлен для широкого обсуждения.

Существующий Закон об образовании, извините, «кастрирован» 122-м законом. Многие не знают, например, о том, что ст. 16 122-го закона внесла изменения в Закон об образовании, исключив из него государственные гарантии. В проекте нового закона есть две главы, посвященные регулированию и контролю в общем образовании, но главы о государственных гарантиях приоритетности образования, в нем нет. Не восстановлено в новом проекте закона и то, что обеспечивало достаточно успешное развитие образования. Я предлагаю конкретные направления, которые должны быть восстановлены в новом законе. А поскольку впереди еще речь о Болонском процессе, я предоставляю возможность уважаемой аудитории обсудить положение, при котором бакалавра называют человеком обученным, а магистра — человеком образованным.

Владимир Николаевич Васильев в своем выступлении сказал о том, что наше законодательство об образовании опережает практику. Я бы лишь приветствовал такое опережение, если бы оно улучшало качество российского образования.

Сегодня в Российской Федерации проектом устанавливаются следующие виды высших учебных заведений:

колледж как образовательная организация, основной целью которой является реализация основных образовательных программ прикладного бакалавриата (уже проводится конкурс на создание таких учебных заведений, в которых участвуют около сотни разного рода вузов и, обратите внимание, техникумов); институт и университет. Но в гл. 15 о высшей школе вдруг исчезает академия. Кроме того, в законе устанавливаются следующие виды университетов: классический, профильный, а также федеральные научно-исследовательские учреждения, о которых речь идет отдельно. Что касается классических университетов, к ним предлагают отнести высшие учебные заведения, в которых реализуются три и более направления подготовки. А поскольку в большинстве наших вузов реализуется свыше трех направлений подготовки, то все они могут называться университетами. В этой главе почему-то для специалиста не предусматривается возможность поступления в магистратуру.

В общем, вопросов для обсуждения много.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Юрий Степанович. Ваш пафос понятен. Закон принят поспешно, многое в нем, на Ваш взгляд, не соответствует интересам высшей школы. Следующее выступление Галины Алексеевны Берулава.

Г. А. БЕРУЛАВА¹: — Уважаемые коллеги, тема моего выступления «Методологические ориентиры развития личности в новом образовательном и культурном пространстве». Сейчас очень много работ, исследований, выступлений, посвященных ориентирам развития личности. Мне бы хотелось остановиться на причинах этого явления.

Часто в качестве причин выдвигается недостаточная проработка каких-то содержательных и воспитательных моментов образования. Мы думаем, что причина не в этом, а в том, что используются старые технологии обучения, воспитания, развития личности, которые не соответствуют реалиям нового информационного общества. В частности, не учитывается, что Сеть — это совершенно новая культура. Сегодня должен быть найден принципиально новый методологический подход к развитию личности. Электронные сети образуют новую сферу со своими сенсорными, перцептивными стереотипами, которые должны учитываться в рамках учебного процесса. Почему? Информация, которая транслируется системой образования, не интериоризируется, потому что она не мотивирована, то есть нет ориентации на индивидуальные образовательные технологии. И в то же время информация, которую получает молодой человек из Интернета, средств массмедиа, интериоризируется — хорошо усваивается, становится нравственным

стержнем личности. Происходит столкновение двух разных культур, которые не учитываются системой образования. Значит, информация, получаемая посредством системы образования, альтернативна той информации, которая усваивается через средства массмедиа. В плане тех когнитивных стратегий, которые использует школа, она ориентирована на вербально-логические подходы. Подход, который реализуют средства массмедиа, ориентирован на образно-эмоциональное мышление. Это другая сфера мышления, поэтому формируется явление когнитивного диссонанса. А мы потом удивляемся тому, что в школе транслируется много хорошего, но эти знания проходят мимо молодого человека.

В нашей школе делается ставка только на когнитивную сферу, то есть работа через сферу бессознательного в настоящее время не происходит. Но очень многое в поведении человека представляет собой стереотипы — когнитивные, эмоциональные, поведенческие, коммуникативные. В значительной степени жизнедеятельность человека опирается на стереотипы, и их можно и нужно формировать. Однако все это остается за рамками учебного процесса, то есть акцент опять делается на том, как надо делать, и мы видим результаты этого. Поэтому мы думаем, что технологии обучения сегодня должны быть переориентированы на формирование, использование индивидуальных когнитивных стратегий, которые можно и нужно реализовать через средства массовой информации. Школа должна работать системно в борьбе со средствами массмедиа: это могут быть и учебные фильмы, и циклы общеобразовательных и дискуссионных передач, где ученые прежде всего транслируют свой стиль мышления и образ мира. Воспитать творческую личность можно только путем общения с творческой личностью, другого пути нет.

Молодые люди должны усвоить эти когнитивные стратегии, стиль жизни и мышления, увидеть на экране образ ученого, творческого человека. Сегодня картина мира складывается путем формирования определенных симуляторов — это образы какого-то депрессивного человека, который ориентирован на сугубо меркантильные интересы или постоянно жует, пьет, желает выиграть миллион. А где же образ творческой личности? Ведь самое большое счастье человек получает от творческой деятельности. Самые счастливые — люди, занимающиеся творчеством. Все они, как правило, долгожители, потому что пребывают в состоянии перманентного удовольствия — что-то прочитали, написали, нарисовали и т. д. Каждый день они получают удовольствие, и это позволяет им испытывать психологический комфорт.

Я думаю, что наша задача — сформировать такие позитивные образы, которые будут усвоены молодым человеком. Сегодня он их не видит, более того, телевидение и другие средства массмедиа транслируют искаженный образ мира. Этого быть не должно. Конечно, это требует системной работы с Интернетом, массмедиа и т. д. Нельзя думать, что если мы в школе просто изменим содержание образования, введя какие-то новые курсы, то она будет иметь приоритет над современными средствами массовой информации, — это иллюзия. Более того, дальше ситуация будет только ухудшаться. Поэтому если мы не научимся системно работать с Интернетом и телевидением, то ситуацию в школе

¹ Член-корреспондент Российской академии образования, председатель Южного отделения РАО, директор Института образовательных технологий РАО, ректор Черноморской гуманитарной академии, доктор психологических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Методологические основы деятельности практического психолога», «Методологические основы практической психологии», «Образ мира как мифологический символ», «Стиль индивидуальности: теория и практика», «Психодидактика», «Диагностика и развитие мышления подростков», «Развитие естественно-научного мышления учащихся». Член Экспертного совета по психолого-педагогическим наукам Высшей аттестационной комиссии РФ и Совета по высшему образованию при Комитете Совета Федерации Федерального собрания РФ по образованию и науке.

не переломить. Это должна быть не просто констатация факта или какие-то отдельные самостоятельные «вылазки» ученых в Сеть, а системная работа всего научного сообщества, и прежде всего Российской академии наук. Я думаю, это дало бы положительные результаты.

В. С. МУХИНА¹: — У меня два вопроса. Во-первых, в своем выступлении Вы выдвинули на первый план методологические ориентиры. Но я не увидела принципиальной новизны такой позиции. Вы хотите, чтобы была сделана ставка на сферу бессознательного? Во-вторых, Вы справедливо утверждаете, что воспитать творческую личность можно только с помощью другой творческой личности. А какие принципиальные методологические подходы Вы предлагаете использовать для этого?

Г. А. БЕРУЛАВА: — Смысл в том, что изменение методологии состоит в поиске новых путей интериоризации. Сейчас этого не происходит. Это общая позиция всех исследователей. Первое предложение — исключить явление когнитивного диссонанса, а это можно сделать только в том случае, если будет совершенно другая когнитивная образовательная стратегия. Она должна быть ориентирована на образно-эмоциональное мышление, которое сегодня в вузе никак не развивается. Это принципиально новая методологическая позиция.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Коллеги, коротко резюмирую услышанное: технологии воспитания устарели, нужен новый сетевой подход. При этом односторонне рассматривается когнитивная сфера, в то время как есть и другие — эмоциональная и т. д. Сказано было и о бессознательном. Конечно, связь школы и СМИ должна быть постоянной и такой, которая бы действительно обеспечивала необходимый современный уровень. И, конечно, необходимо условие — творчество; самые счастливые люди — творцы. Спасибо, Галина Алексеевна.

У микрофона Владимир Николаевич Козлов.

В. Н. КОЗЛОВ²: — Уважаемые коллеги, я думаю, что в той или иной редакции мы слышим немало интересных идей. Я также просматриваю много работ, поскольку являюсь председателем Докторского совета по педагогике. Хотелось бы, чтобы была какая-то конструктивная реализация этих теорий, потому что все идеи надо рассматривать с точки зрения целесообразности применения в жизни. А здесь у нас, по-моему, имеются трудности. Может быть, я не прав, но мне кажется, что в рамках таких конференций мы имеем возможность формировать или, по крайней мере, обсуждать позиции, которые можно применить на практике. Причем необходимо разрабатывать проблемы с разных

сторон, не конкурируя, а дополняя друг друга, обмениваясь новыми идеями.

Мне кажется, история развития и модернизации российского образования специфична, особенно в последние 20 лет. У нас мало обсуждался вопрос о содержании моделей знаний, а это очень важно для личности. Необходима правильная установка по части содержания образования, доступно изложенная, чтобы молодые люди могли сами получить ее в наших лекциях, учебниках и т. д. Вместо массы нормативов мы должны разработать хотя бы 10 вариативных учебников по каждой дисциплине, которые есть в ГОСах — первого, второго и третьего поколений. А мы дискутируем о структуре дисциплин в рамках разработки ГОС. Мне кажется, это вторая задача. Я считаю, что эта оболочка норматива, как тот самый действующий вулкан в Европе, заволокла все пространство «пеплом» и «дымом», и это мешает нашим «авиационным приборам» действовать.

В связи с этим я хотел бы поделиться опытом нашего университета. В 1994 году мы поставили задачу создания интеллектуального потенциала. Можно понимать это как создание интеллектуальной технологии личности. Мы провели 16 конференций по этой теме. Я не хочу сказать, что мы добились чего-то выдающегося, но появились очень интересные идеи, вариативные модели знаний, технологии, хотя и не систематизированные.

Обсуждать новый закон об образовании, безусловно, важно и необходимо, поскольку он существенно меняет социальные условия получения образования. Но я думаю, что если мы систематизируем иерархию задач развития личности, это будет очень важно.

В заключение несколько слов о глобализации. Считаю, что нам необходимо обсуждение данного термина, целей глобализации в мире, нашем государстве и российском образовании. Необходимо понять, получаем ли мы позитивные результаты от глобализации. У меня демократическое мышление, не отрицаю. Но первое поколение стандартов разрабатывалось у нас и на базе объединения методологов и педагогов, физиков, математиков, инженеров. Конечно, я понимаю, что мы, как люди, лишенные демократического воспитания, не владем всеми тонкостями педагогической науки, но думаю, что и педагогическая наука должна позаимствовать у нас очень многое. Здесь можно плодотворно работать.

В эти дни в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете (СПбГПУ) проходит конференция, посвященная глобализации и концепции устойчивого развития, где немало времени уделяется и фундаментальным исследованиям данных явлений. Это очень модная сегодня на Западе тема. Мировое сообщество активно вовлекает в глобализацию страны бывшего СССР. Украина, например, создает образовательную-научную структуру, которая решает вопросы, связанные с вступлением в НАТО. Это нельзя сбрасывать со счетов, потому что они уже глобализовались так, как им надо. Поэтому должен быть конструктивный разговор, хотя, конечно, концептуальные установки очень правильные.

Глобализация была всегда. Вся колониальная система Англии была глобализационной — подчинение целям одного государства. Вы посмотрите на музеи Лондона, которыми мы восхищаемся. В них хранятся

¹ Академик Российской академии образования, заведующая кафедрой психологии развития Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор около 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Таинство детства», «Возрастная психология. Феноменология развития», «Феноменология развития и бытия личности: избранные психологические труды», «Личность: Мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты)», «Отчужденные: Абсолют отчуждения» и др. Многие учебники и монографии переведены на иностранные языки.

² Проректор по учебно-методическим объединениям (УМО) Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор технических наук, профессор.

сокровища многих культур, собранные со всего мира: то, что подороже, — в заказниках и у королевы, а то, что попроще или имеет исключительно историческую ценность, — в музейных общедоступных экспозициях. Российская империя — тоже явление глобализации, как и СССР. Но если в Средние века это была, так сказать, паразитирующая глобализация, то современная глобализация другого типа — интегративная. Скажем, ЕС сегодня, понижая стоимость евро, решает свои экономические задачи за счет нашего бюджета. Встает вопрос об устойчивости этого сообщества, поскольку когда-то кому-то не будет выгодно такое «объединение», и оно распадется. Впрочем, не буду развивать эту мысль. Спасибо за внимание.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Владимир Николаевич. Уважаемые коллеги, я позволю себе напомнить о двух вещах. Наша секция называется «Глобализация образования в контексте мирового культурного развития» и, пожалуй, имеет смысл вести разговор именно в этом ключе.

Слово предоставляется Ирине Алексеевне Зимней.

И. А. ЗИМНЯЯ¹: — Прежде всего я хочу поддержать ту инициативу, которую выдвинула Галина Алексеевна Берулава. На мой взгляд, надо разрабатывать новую образовательную стратегию, хотя конкретных тактик пока еще нет и остается много нерешенных практических вопросов. Новая образовательная стратегия должна учитывать «сетевую» действительность и, в частности, то, что студенты много работают в виртуальном мире, более того, они часто живут в нем. Мне кажется, что сегодня по этой инициативе должно быть принято какое-то решение.

Теперь относительно содержания моего доклада. Мой доклад посвящен единому и единичному в глобальном образовании, или глобализации образования. Образование тоже стало сферой современной глобализации, причем глобализации не только государственной, но и континентальной. И то, что в 2003 году Россией была подписана Болонская декларация, делает очевидным тот факт, что мы тоже включаемся в некую глобальную сеть и берем на себя определенные обязательства. Фиксацией этих обязательств является государственный стандарт. Сейчас разработаны третье поколение стандартов — Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования — и образовательные программы. Но здесь, коллеги, возникает вопрос. Государственный образовательный стандарт высшего образования, как известно, включает две части — общекультурные и профессиональные компетенции (общепрофессиональные и специальные). В контексте того, что мы сейчас обсуждаем, я хочу обратить ваше внимание на общекультурные компетенции, которые там зафиксированы (в ФГОС

¹ Академик Российской академии образования, заведующая сектором Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Разработчик компетентностного подхода в современном образовании. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. учебника «Педагогическая психология»; монографий: «Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке», «Психология обучения неродному языку», «Психология обучения иностранным языкам в школе», «Ингвопсихология речевой деятельности» и др. Редактор коллективной монографии «Стратегия воспитания в образовательной системе России».

ВПО перечислены 15 таких компетенций). Разумеется, хорошо, что они уже зафиксированы, но я хотела бы сказать, что подобное отмечается давно в Tuning Project, DeSeCo и других зарубежных проектах. В нашем ГОС также перечислено многое, что является общим, но не отражено единичное, характеризующее нашу национальную культуру. То есть в глобализации, в стремлении утвердить те внутренние человеческие ресурсы, которые способствуют большей производительности и лучшему качеству труда (этого никто не сбрасывает со счетов), несколько умалется традиционная российская культура. И акцент, который раньше для российского образования и науки всегда ставился на развитии личности, нравственности, духовности и тех качеств, которые соотносятся с гражданственностью, должен быть сохранен. В то же время должна быть фиксация тех качеств, которые корреспондируют со здоровьесберегающими технологиями, с тем, чтобы человек, который получает образование, вышел в жизнь здоровым и способным реализовать полученное образование. Это, несомненно, беспокоит каждого из нас.

При разработке основных образовательных программ мы обязаны опираться на ГОС — это наш директивный документ. Мы работаем в его рамках, но в наших руках — и основная образовательная программа. В этой основной образовательной программе нам сейчас задали 15 точек, то есть общекультурных компетенций, но от нас зависит, как их объединить. Мы вправе выбирать, как подчеркнуть те нравственно-духовные качества, которые мы хотим развивать. Мы можем развивать те качества, которые отмечаются и всей зарубежной наукой: ответственность, самостоятельность, но должны подчеркнуть важность гражданственности. То же относится и к здоровьесбережению.

В Пермском государственном техническом университете профессор Н. Н. Матушкин и его единомышленники разработали удивительно гармоничную основную образовательную программу, которая, как мне кажется, должна быть принята всеми. Они поставили в качестве требований ко всему коллективу развитие личностных качеств, нравственных и духовных начал. Это настолько органично вошло в указанные в ГОСе общекультурные компетенции, что дает основания для определенного оптимизма.

В заключение скажу следующее: демографические, экономические, экологические и иные проблемы вызывают необходимость интеграции, а для этого нужно находить средства и пути ее осуществления. Решение этой проблемы найдено в области образования и может работать при представлении основных образовательных программ. Если мы не используем этот момент, то шанс модернизировать высшее образование без разрушения в нем акцента на ценностях национальной культуры будет упущен навсегда.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Следующей выступит Евгения Васильевна Бондаревская.

Е. В. БОНДАРЕВСКАЯ²: — Я буду говорить в контексте вопросов, касающихся прежде всего становления

² Академик Российской академии образования, заведующая кафедрой педагогики Педагогического института Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ. Автор свыше 300 научных публикаций,

глобальной культуры. Естественно, ограниченное время выступления дает возможность только обозначить некоторые основные проблемы.

Первый вопрос о диалоге культур. На мой взгляд, столь актуальная сегодня проблема диалога культур рождена не глобализацией, а естественным процессом развития самой культуры, которая призвана объединять людей. В условиях глобализации эта функция обострилась, так как сама глобализация представляет собой обмен не только, скажем, продуктами производства, финансами и так далее, но и стилем жизни, образцами поведения и духовными ценностями. В условиях глобализации понятие культуры становится более объемным. Не только искусство, литература, образование, но и сама наука и технологии становятся частью культуры, поскольку все они содержат как возможности беспредельного развития, так и угрозы, риски, направленные против человека.

Главным критерием культуры в условиях глобализации становится гуманитарное измерение всего происходящего в мире. Поэтому если вести речь о глобальной культуре, то прежде всего надо ответить на вопрос: насколько она целесообразна, создает ли равные условия для всех человеческих существ — природной, духовной, нравственной, исторической, наконец, божественной и т. д.

Второй ключевой вопрос: из чего вырастает глобальная культура, какие ценности положены в ее основу? И здесь мы подходим к тому, что нельзя однозначно трактовать понятие глобальной культуры. Мне представляются важными два аспекта трактовки этого понятия. Один аспект, когда глобальную культуру мы понимаем как общечеловеческую, а становление глобальной культуры — как движение наций, народов, государств от национальных к общечеловеческим ценностям. Другое понимание глобальной культуры выделяет в ней рыночный аспект. Естественно, продуктивнее трактовать глобальную культуру как общечеловеческую, а глобализацию — как становление общечеловеческой культуры и движение к ней, потому что рыночная культура таит в основном только риски и угрозы для человека.

Третий вопрос: каким образом в условиях глобализации можно привести в действие защитные механизмы культуры? Проблема актуализации охранительных функций культуры, которые проявляются в способности наполнять душу человека духовными ценностями, создавать культурную среду жизни, формировать внешний и внутренний облик человека, наконец, поддерживать его в трудные минуты, для нас, работников образования, педагогической науки, является основной. В своем стихотворении в прозе о русском языке, восхваляя его, И. С. Тургенев говорит: «Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» Культура поддерживает человека в трудные минуты жизни, и в этом ее охранительная ценность.

Конечно, глобализация влияет на образование (вспомним Болонский процесс, европейские стандар-

ты, проблемы качества образования и др.), но и образование влияет на глобализацию, прежде всего через воспитание человека — как вектор культуры, жизни и истории. Главная задача образования в условиях глобализации — способствовать становлению онтологии жизни студентов путем реализации принципа единства воспитания, профессионального образования и жизни студента. Надо, чтобы в процессе образования у человека, тем более профессионала, сформировалась концепция жизни, то есть моральные установки, мировоззрение и т. д. То, что ему крайне необходимо в жизни. Это и есть некая жизненная онтология. Сейчас картина высшего образования иная. Лекции по философии, педагогике и психологии не формируют онтологии жизни студентов.

Во время социологического опроса в нашем вузе один студент заявил: «Университет не повлиял на формирование моего мировоззрения, а повлияли мои христианские ортодоксальные установки». Для того чтобы мы формировали онтологию жизни студента, нам надо не частично, а в корне изменить воспитание, начиная с понимания сущности воспитания. Воспитание — это не надстройка, не идеология, а организация осмысленной жизни.

И последнее — о проблеме качества. Мы все говорим о качестве — товаров, сервиса и др. Мы уже устали от средств массовой информации, где постоянно муссируется эта тема. Естественно, проблема качества экстраполировалась и на образование. Мы говорим о качестве условий образования, технологического обеспечения, меньше — о качестве содержания образования и вообще не говорим о качестве общего результата.

Но как характеризовать качество образования, скажем, на основе результатов ЕГЭ? Предметом качества образования является выпускник, целостный человек. Отсюда постановка проблемы — качества человека в условиях глобализации, которое обеспечивает образование, и это требует совершенно нового подхода, основанного на понимании того, что качество образования — это качество человека.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Коллеги, я хотел бы обратить ваше внимание на два важных момента: в выступлении Евгении Васильевны впервые прозвучало, что глобальная культура существует, хотя и в разном понимании, и что это понимание — в движении. Как говорил Н. А. Бернштейн, конечная цель — ничто, движение — все. Если мы не имеем желаемого образа в нашем сознании, то получается бессмысленное движение, бег по кругу, как у белки в колесе.

Слово предоставляется Борису Михайловичу Неменскому.

Б. М. НЕМЕНСКИЙ¹: — Я хочу поддержать Галину Алексеевну Берулаву. Мне кажется, она поставила важнейший вопрос о том, что в попытках сформировать человека мы все время опираемся на логику и упускаем из поля зрения подсознание. Человек формируется и тем

в т. ч. книг: «Формирование нравственного сознания старшеклассников», «Нравственное воспитание учащихся в условиях реализации школьной реформы», «Теория и практика личностно ориентированного образования», «Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания» и др. Заместитель главного редактора журнала «Известия Южного федерального университета. Педагогические науки». Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

¹ Академик Российской академии образования, академик Академии художеств, профессор. Народный художник РФ. Автор книг: «Доверие», «Мудрость красоты: О проблеме эстетического воспитания», «Культура — искусство — образование: цикл бесед» и др. Лауреат Государственных премий СССР и РФ, премии Президента РФ в области образования и др.

и другим. Но когда остается только одно, у человека формируется искаженный образ мира, создаваемый с помощью телевидения и других СМИ, и создается этот искаженный образ мира именно в подсознании. Лев Толстой в свое время точно заметил, что искусство не обязано ничего доказывать, — искусство заражает своими идеями. К бессознательному обращены все виды искусства — литература, музыка, живопись, скульптура и синтетические искусства, одним из которых является телевидение. Это и так называемое шоу, в которое сейчас превращается все телевидение. Телевидение напрямую обращается к подсознательному.

Мы забываем, что искусство существует не только в вузе, но и в школе. Мы вытесняем из учебной программы все предметы, связанные с искусствами, чтобы они не мешали другим, «логическим» предметам. Мы делаем прямо противоположное тому, о чем сказала Галина Алексеевна Берулава, пытаемся уничтожить то, что человека «заражает» идеями, вдохновляет его на творчество. Массовая шоу-культура действует на человека через подсознательное, через все виды искусства, она формирует потребительское, примитивное общество.

Недавно был проведен интересный «эксперимент» на французском телевидении: там было поставлено шоу с электрическим стулом, где один человек за миллион евро должен был довести до смерти другого человека. Только 12 из 200 человек, которые были отобраны, отказались до конца довести дело, то есть убить другого человека. Так, через шоу нам прививается дикая, безнравственная культура, а мы говорим о том, как логически воздействовать на человека. Мы забываем, что существуем в среде пластической культуры — на нас воздействуют литература, музыка, изобразительные, пластические и синтетические искусства. Мы окружены второй природой. Но мы не формируем человека силой искусства, все время от этого отказываемся и думаем, как лучше воспитать человека другими средствами. Мне кажется, Галина Алексеевна Берулава поставила очень серьезную проблему. Я хотел бы и этот вопрос обсудить на сегодняшней дискуссии.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Слово Юрию Васильевичу Сенько.

Ю. В. СЕНЬКО¹: — Уважаемые коллеги, я вспоминаю свою юность, когда, прежде чем стать комсомольцем, я должен был выучить следующую тираду: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Я думаю, что эта позиция по-прежнему сохраняется в нашем образовании. Она выступает в роли своеобразного стандарта.

На мой взгляд, стандарта образования в принципе не может быть. Можно говорить о стандарте подготовки к чему-либо, то есть к действию в стандартных условиях стандартными способами и методами, и здесь уже

¹ Академик Российской академии образования, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование научного стиля мышления учащихся в процессе обучения», «Диалог на уроках физики», «Гуманитарные основы педагогического образования», «Теоретико-методологические основы развития профессиональной деятельности учителя» и др.

никакого простора для творчества и всего остального не остается. Тем более не остается места для бессознательного, для чувствования и для того, чтобы явить себя во всем богатстве именно человеческого существования. Возникает вопрос: что же делать в этой ситуации?

Я хотел бы поговорить не о диалоге культур между народами, нациями и так далее, а о диалоге непосредственных участников процесса образования, если мы говорим об образовании как процессе. В этом диалоге, как мне кажется, есть три составляющие — это культура учащихся, неважно, идет ли речь о профессиональной или общеобразовательной школе; культура педагога и культура, которая зафиксирована в стандарте образования. Результатом взаимодействия этих трех культур является то, что мы называем содержанием обучения, но не образования. Потому что содержание образования абстрактно, оно всеобщее, принадлежит всем, а содержание обучения — это то, что создается здесь и сейчас, конкретными преподавателями и студентами именно на том основании, которое является стандартом. Смыслы стандартов, по-моему, в этом и заключаются. С этой точки зрения наш разговор, к сожалению, не о проблемах образования, а о проблемах с образованием. А предметом нашего обсуждения должно было бы быть — что же нам делать в образовании.

Я думаю, результатом взаимодействия вышеназванных трех культур не является то, что предreshено Законом об образовании, доктринами, концепциями, стандартами и всем остальным; наоборот, все это определяется результатом данного взаимодействия. Прав был Ухтомский, утверждая, что судьба реакции определяется на «станции назначения», а не на «станции отправления», то есть не тем, что разработало Министерство образования, а тем, как взаимодействуют непосредственные участники образования. Поэтому центральная проблема — это подготовка соответствующего педагога, который бы мог выстраивать образовательный диалог.

Мы говорим о диалоге культур, а Г. Г. Гадамер в «Актуальности прекрасного» пишет о том, что люди теряют способность к разговору. А если потеряна способность обмениваться не только идеями, но и эмоциями, чувствами, сопереживаниями, то все становится исключительно формальным.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Следующее выступление Олега Ермолаевича Лебедева.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ²: — Я хотел бы вернуться к той проблеме, которую поставила Галина Алексеевна Берулава. Речь идет о том, что рождение новой информационной среды создает новые проблемы и риски для системы образования. Я имею в виду прежде всего общее школьное образование. В условиях современной информационной среды создается риск уменьшения значимости школьного образования, а в связи с этим — снижения его качества.

Возникает вопрос относительно главного направления деятельности: что надо менять. Галина Алексеевна выдвинула идею частичного изменения содержания массмедиа. Я думаю, идея хорошая, но утопичная,

² Член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор. Президент общественного института развития школы. Автор около 200 научных публикаций.

потому что ничего изменить не удастся или удастся, но в малой степени. Менять надо содержание самого образования, и прежде всего школьного, потому что оно проигрывает той информации, которую предоставляют Интернет и массмедиа. Содержание нашего образования проигрывает по четырем позициям. Исходя из этого и надо искать пути решения проблемы.

Я понимаю, что мое мнение не бесспорно, но изложу основные позиции. Первая — это актуальность, значимость того содержания образования, которое воспринимают учащиеся. Информация, которую можно найти в массмедиа и Интернете, для ребят часто является более значимой и актуальной, чем та, которую им предлагает сегодня школа, и в том виде, в каком она предлагается школой. Вторая позиция — доступность информации. Мы говорим об издержках визуальной информации. Действительно, здесь есть серьезные риски, потому что в условиях доминирования визуальной информации может происходить разрыв между видением явления и пониманием сущности. Тем не менее визуальная информация более проста для восприятия. Третья позиция, по которой мы можем проигрывать, — альтернативность информации, потому что в массмедиа и Интернете можно использовать разные источники, выходить на различные позиции, точки зрения. Школа же в основном дает одну точку зрения. Четвертая позиция также связана с альтернативностью — это возможность индивидуализации своих познавательных запросов.

Для того чтобы сохранить или повысить качество образования в условиях новой информационной среды, мне думается, надо искать пути решения этих проблем. Необходимо изменить школьное образование таким образом, чтобы оно стало: более значимым для учащихся «здесь и сейчас», а не только после его завершения; доступным для самых разных категорий детей с различными познавательными особенностями и запросами; свободным от навязывания единственной позиции; обеспечивающим возможность индивидуализации образовательных маршрутов. Если мы сможем найти пути решения этих проблем, мы решим и проблему качества школьного образования.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — У микрофона Владимир Евгеньевич Триодин.

В. Е. ТРИОДИН¹: — Мне кажется, что накал страстей вокруг проблемы глобализации здесь вряд ли уместен, потому что все это у нас уже было. Плана, правда, была чуть-чуть поменьше. Ф. М. Достоевский заметил, что чем больше человек европеец, тем более он русский, и что быть русским — значит быть всеевропейцем, быть всемирным человеком, быть всечеловеком. Таким всечеловеком, гражданином мира был, скажем, М. Л. Ростропович, и оттого, что он был гражданином мира, он нисколько не меньше считался российским выдающимся музыкантом, общественным деятелем, вообще приятным человеком. Даже в самых

¹ Директор Института образования взрослых РАО (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Клуб и свободное время», «Педагогика клубной работы», «Воспитание увлечением: формирование и деятельность клубных объединений», «История и теория социально-культурной деятельности» и др.

крайних своих выражениях глобализация все равно, так сказать, не отменяет национального начала. Вспомним, например, что Татьяна Ларина была «русскою душою», но при этом

... по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своем родном.

Тем не менее национальное русское начало в ней осталось, если верить А. С. Пушкину.

Меня гораздо больше тревожит другая проблема. Мы все образование свели к профессиональному. Сорок лет тому назад ЮНЕСКО обозначила, что руководящей конструкцией любой модернизации образования является непрерывное образование, то есть образование в течение всей жизни. Когда-то для образования в течение всей жизни, то есть для образования взрослых, у нас существовала целая система образовательных учреждений (хороших или плохих — это уже другой разговор). Это были народные университеты культуры, вечерние школы и другие учебные заведения. Теперь же сама проблема образования взрослых «повисла в воздухе», у нее нет твердого основания. Мы только обсуждаем необходимость образования взрослых, но у нас нет соответствующего закона. Если мы говорим о необходимости непрерывного образования, тогда в высшей степени странной является позиция Министерства образования РФ, заявляющего об избытке высшего образования. Для взрослого человека проблемы избытка образования нет и быть не может. Более того, чем больше человек узнает, тем больше он понимает, сколь много он еще не знает. Поэтому есть очень серьезные проблемы, на которых мне хотелось бы акцентировать внимание.

Но больше всего меня беспокоит, «как наше слово отзовется». Наши встречи проходят довольно регулярно, и, наверное, будем собираться еще не раз; мы обсуждаем актуальнейшие вопросы, вносим предложения по решению проблем. Однако чиновники от образования и законодатели, видимо, игнорируют наше мнение и решают вопросы по-другому.

Может быть, стоит заседание нашей секции закончить официальным обращением к власти, открытым письмом, которое сделало бы наши позиции предметом обсуждения законодателей и тех руководителей, от которых зависит сфера образования.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Слово предоставляется Анатолию Аркадьевичу Оводенко.

А. А. ОВОДЕНКО²: — Приведу пример университета, в котором я проработал всю жизнь. Те, кто имеют отношение к высшему образованию, помнят, что

² Ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. книг: «Проектирование робастных локационных устройств систем управления», «Робастные устройства и приборы обработки локационной информации», «ГУАП через годы в будущее», «Закономерности глобализации и их воздействие на экономику России»; получил 88 авторских свидетельств на изобретения. Научный редактор периодического бюллетеня «Новости Международного института планирования образования» (ЮНЕСКО).

лет 20–30 тому назад существовала программа целевой интенсивной подготовки. Я был координатором этой подготовки в то время, когда ее курировали И. Ф. Образцов, В. Г. Кинелев и их коллеги. Наш вуз был базовым, я одним из первых узнавал все новации в высшем образовании. Сам факт подписания в 1999 году Болонской декларации был, мне кажется, показателен. На примере нашего университета можно проследить элементы Болонского процесса — все, что связано с кредитами, рейтинговой системой, мы уже реализовывали сами.

Основная мысль моего короткого выступления в том, что очень важно, как в конкретном вузе воспринимают то, что называется глобализацией, или Болонский процесс. Мне представляется, что ни в коем случае нельзя ожидать, что на уровне России или какого-то образовательного сообщества будут выработаны некие методики, которые решат все наши проблемы. Понять, хорошо или плохо то или иное новшество, можно только на опыте. Где-то бакалавриат хорошо развивается, где-то — магистратура, но в любом случае все надо делать самим. Тогда станет понятно, где будет работать двухуровневое образование, а где необходимо сохранить специалитет. У нас идет отдельная дискуссия по поводу инженерных специальностей, больше сотни которых нам все-таки удалось сохранить. В этом году в нашем вузе последний такой набор — со спектром разных специальностей. Понятно, что по-разному все должно реализовываться в гуманитарных направлениях, экономических, технических. Например, в авиационных вузах есть так называемые «огневые» лабораторные работы, где час занятий стоит около 300 тыс. рублей.

Мне представляется, что выход в образовательное пространство, нострификация дипломов — индивидуальная задача каждого университета. Так, у нашего вуза, например, заключено около 40 договоров с университетами разных стран, и наши дипломы нострифицируются от Соединенных Штатов Америки и Израиля до Франции и Италии, поэтому нашим выпускникам подписание Россией Болонской декларации ничего принципиально нового не дало.

Таким образом, есть конкретный университет, где достигнуто апробированное, контролируемое условиями двусторонних договоров с конкретными партнерами качество образования, и наши дипломы нострифицируются в течение суток. У нас есть российско-французский центр трансферта технологий, а также российско-индийский и два российско-американских. С 1999 года у нас работает первая кафедра ЮНЕСКО, которая называется кафедрой инженерного дистанционного образования, она уникальная, единственная на сегодня. Из 600 кафедр ЮНЕСКО 50, как вы знаете, находятся в России. Но мы работаем уже 12 лет, и в ЮНЕСКО без согласования с нами по техническому дистанционному образованию никаких решений не принимается.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что очень важна позиция каждого университета, работа конкретного педагогического коллектива и свое видение. Не стоит полагаться лишь на принятие неких спасительных законов.

Напомню, что 12 мая был подписан новый закон. Несмотря на то что Оксана Дмитриева обращалась к президенту с просьбой не подписывать его, он был под-

писан в день его утверждения Советом Федерации. Закон уже опубликован, я его два дня внимательно изучаю и могу заявить, что в нем около 30 % дополнений, которых не было до окончательного чтения в Думе. Например, изменилась формулировка того, что такое бюджетная организация. Там, кстати, подчеркивается, что в основном все вузы станут бюджетными организациями, поскольку автономными им быть достаточно сложно. Но для того чтобы этот закон заработал, в ближайшее время должны быть приняты еще 94 подзаконных акта.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Следующее выступление Валерии Сергеевны Мухиной.

В. С. МУХИНА: — Я благодарю первых докладчиков, потому что они задали нам серьезные установки для размышления и обозначили главные понятия, с которыми мы работаем, — глобализация и мировая культура. Поскольку сегодня мы обсуждаем проблемы образования, очень важен, на мой взгляд, вопрос, который сформулировал Юрий Васильевич Сенько, — что мы должны делать в образовании.

Когда мы говорим об образовании, то должны подразделять его на две сферы и ориентироваться на верхнюю его планку, потому что уровень образования в Советском Союзе был совсем иным, чем на Западе. Мы должны отмечать тот уровень, который хотели бы сохранить для развития потенциала наших граждан, то есть «потолок», объем образования.

Сюда же относится и проблема воспитания личности — самая актуальная сегодня, потому что в образовании мы обсуждаем условия и личность, то есть ее внутреннюю позицию, отношение к тому, что мы даем через образование, через образцы разного поведения, отношения и т. д. Очень важно, какие ценностные ориентиры мы должны заложить в личность. Научить чему-то формально очень просто. Каждый школьник, студент скажет, каким надо быть — нравственным, активным и т. д.

Для воспитания личности важно, чтобы молодой (впрочем, как и взрослый) человек понял, что личность — собственно, тогда проявляет себя, когда сам человек прилагает волевые усилия, чтобы соответствовать тем ценностным ориентациям, о которых мы говорим. Часто человек говорит правильно, но внутренняя его позиция может быть иной. Я своим студентам говорю: «Ребята, давайте делать самих себя». Это очень важно.

Личностные качества позволяют детям удерживать ценностные ориентации, которые им внушают родители и педагоги. Студенты и школьники могут понять, о чем мы с ними говорим, а значит, надо правильно говорить об этом. Воля, самостоятельность — те понятия, которые должны войти в их сущностное понимание себя в мире. Тогда только я личность, когда я проявляю себя определенным образом.

Замечательно, что были сформулированы права человека. Я много поездила по миру, и в США видела немало людей, для которых это просто какая-то мифология: на бытовом уровне они все время заявляют о своих правах, то есть ссылаются на них формально. В правах человека, в том числе и ребенка, есть важные позиции (они мне очень нравятся). Например, пункт

о том, что я имею право быть обязанным. Мы должны фиксировать внимание наших учеников именно на этом значении. Кто я такой, если я не обязан? Только те, кто сидят в тюрьме, ничего не обязаны, — они сидят в клетке, мы лишаем их не только права свободного самовыражения, но и права быть обязанными. Быть обязанным — высшее право, и это тоже должно прийти до сознания каждого человека с первых классов школы.

Какие качества мы формируем сегодня? Каждое общество, каждая культура формируют определенные личностные свойства. Например, конформистское общество заинтересовано в том, чтобы его граждане были конформистами. Есть общества, которые провозглашают самостоятельность, но при этом она у всех разная. Запад весь XX век буквально кричит о том, что тот человек самостоятельный, тот подросток молодец, который проявляет агрессию, это и есть высшая ценность. Мы этого хотим? Нет. Мы хотим чего-то другого, у нас свои традиционные ценностные ориентиры. Например, нравственность. Это понятие дает и церковь, и общество в целом, и мы его принимаем. Еще одна ценность — ответственность. Есть прекрасное русское слово «самостояние», которое можно найти не только в произведениях А. С. Пушкина, но и в словаре В. И. Даля. «Самостоятельность» — совершенно другое понятие, «самостояние» — это очень высокое слово.

Есть и такое понятие, как «послушание», которое, я считаю, мы должны вводить в систему воспитания, образования ребенка. И не только потому, что оно относится и к церкви. Вся наша деятельность, взаимодействие — послушание, мы живем в сообществе и ведем себя в соответствии с его нормами. Хирург руководит медсестрой, офицер командует солдатом и т. д. Так что послушание — важный социальный феномен, и я думаю, что мы должны ввести это понятие в систему воспитания и образования.

На Западе многие судят о России по образцам нашей классической литературы и потому считают, что послушание — самоуничужение, архаизм. Однако это очень важный и именно социальный феномен. У классиков педагогики тоже речь идет о дисциплине, послушании. Смысл и смыслообразование очень важны. Это воспитание личности в ее бытии среди других.

Теперь о творческих возможностях человека. Творчество в мышлении проявляли многие философы, а Хайдеггер прямо сказал: «Не все умеют мыслить». Речь идет о научном мышлении. Только ссылаясь на великих мыслителей, мы говорим о том, что мы люди мысли. Это тоже надо иметь в виду. Даже не все ученые умеют мыслить творчески, это очень трудная работа, особая форма активности. Творчество может проявляться в потреблении, использовании того, что создано человечеством. Когда мы смотрим на живописные полотна или слушаем музыку, каждый из нас воспринимает их по-своему. Как сказал Рубинштейн, позаимствовав эту мысль из Библии, смотреть и видеть, слушать и слышать — разные вещи. Творчество проявляется в умении видеть и слышать, а не только в создании какого-либо продукта. Здесь есть целый комплекс проблем, важных для воспитания.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Выступает Елена Олеговна Галицких.

Е. О. ГАЛИЦКИХ¹: — Я позволю себе выстроить выступление в следующей логике — школа, вуз и жизнь, чтобы проанализировать эту связь с позиций культуры и глобальных проблем.

Наша конференция дала мне много идей, а сегодняшний круглый стол — просто роскошь педагогического мышления. В каждом из этих пространств — школа, вуз и жизнь — есть свои проблемы. Первое — школа. Здесь я вижу такую проблему: какое место в мировой культуре занимает профессия учителя, можно ли личность учителя признать ценностью мировой культуры? 2010 год объявлен Годом учителя, но мне кажется, что наше правительство этим не воспользовалось. Российское научное сообщество могло бы активно повлиять на общественное мнение об учителе. Было время, когда вся страна, замерев у телевизоров, смотрела фильм «Доживем до понедельника», люди размышляли над проблемами школы. А сейчас россияне, посмотрев телесериал «Школа», получили колоссальную порцию негативных эмоций, разрушающих представление об интеллекте и духовных силах учителя. Мое глубокое убеждение, что школе нужны талантливые, умные, современные педагоги. И их много!

Я благодарна Евгении Васильевне за выступление, потому что она подчеркнула именно эту идею: мы должны признать глобальную ценность диалога учителя с учеником во всем мире, исследовать национальные и всеобщие истоки учительства как способа сохранения духовного опыта человечества. Эта профессия есть во всех странах, Учитель выполняет важную миссию сохранения культуры. Именно поэтому мы должны испытывать к учителю особое отношение. И я очень благодарна этому Университету за то, что здесь и педагоги, и студенты изучают и показывают результат своего погружения в наследие Д. С. Лихачева. Более того, это влияние университетской культуры распространяется и на школу.

Перейдем от школы к вузу. Каких учеников подготавливает учитель, такие абитуриенты и придут в вузы. Какая же глобальная проблема сейчас существует в вузах разных стран? Это проблема сохранения преподавателем диалоговой позиции. Я долго изучала культуру педагогической деятельности выдающихся преподавателей высшей школы. И надо сказать, что не все пользовались диалогом в общении со студентом. Мне кажется, что сейчас у современной школы есть для этого научное доказательство. Уходит время диалога студента и преподавателя. Есть ли у преподавателя, профессора время, чтобы выслушать, понять проблемы своего студента, побеседовать с ним, заняться «живой наукой»? Сегодня все вытесняется дистанционными средствами обучения, тестированием, экономией времени, поточными лекциями, то есть время общения с конкретным студентом сильно сокращается, и это глобальная проблема, которую мы унаследовали от западной высшей школы.

¹ Заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ. Автор книг: «Духовное развитие личности», «Конспекты уроков для учителя литературы. 8 класс. Творчество А. С. Грина», «От сердца к сердцу: мастерские ценностных ориентаций», «Интегративный подход к профессионально-личностному становлению будущего педагога в университете», «Диалог в образовании как способ становления толерантности», «Профессия — учитель», «Литературные салоны в школе» и др.

Наконец, перейдем в пространство жизни. Как уже говорилось, именно выпускник высшей школы должен будет решать проблемы страны. Я проанализировала судьбы своих выпускников, сделав небольшую выборку, и пришла к выводу, что многие из них — граждане мира, потому что как только они получают дипломы с отличием — сразу же отправляются работать за границу. Их паспорта пестрят визами разных стран. Получается, чем лучше мы готовим своих выпускников, тем меньше они работают в России. Это тенденция, причины ее необходимо анализировать. Приведу пример удивительной интеграции русской и мировой культуры: Иосиф Бродский говорил о себе, что он русский поэт, англоязычный эссеист и гражданин США. Важно осмыслить перспективы, понять, как будут жить выпускники, великолепно подготовленные в наших вузах, и как они будут решать глобальные проблемы мирового сообщества.

Кратко обозначу еще одну глобальную проблему современности. Во всем мире сегодня существует кризис доверия — прежде всего доверия к слову. Вот почему мы не бросаемся читать проекты документов, законов, стандартов. Это также проявление недоверия к реформам, а по большому счету и к науке и высшему образованию, которое не гарантирует трудоустройства каждого выпускника. Как преодолеть этот кризис доверия? Это очень серьезная, глобальная проблема.

В заключение напомним слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Умение говорить — это искусство, а умение слушать — это культура». Чем больше мы будем слушать друг друга в школе, университете, жизни, тем полезнее и проще будет решать нам глобальные проблемы современности.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Слово Леониду Сергеевичу Илюшину.

Л. С. ИЛЮШИН¹: — Оказалось, что мы с Еленой Олеговной являемся представителями одной научной школы, поэтому я отчасти продолжу ее мысль. В одном из выступлений прозвучал тезис по поводу стратегии. Мне кажется, мы не совсем корректно используем это слово, не отдавая себе отчета в том, каков же все-таки его смысл. На мой взгляд, рассуждения о стратегии развития образования должны сводиться не к «как» и «куда», а к «зачем». В этом смысле я бы все-таки вернулся к тезису, выработанному человечеством, о том, что образование сегодня — ресурс повышения качества жизни. Эта мысль отражена в образовательных доктринах всех стран, которые озабочены развитием образования и конструктивным подходом к глобализации.

Повышение качества жизни разделяется три аспекта: повышение качества жизни конкретной личности, которое обсчитывают экономисты, социологи и так далее; повышение уровня развития общества; повышение компетентности государства как того института, который должен обеспечивать повышение качества жизни

¹ Профессор кафедры непрерывного филологического образования и образовательного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книги «Образовательная мотивация: теория и методология исследования» и др.

личности и в той или иной степени уровень развития общества. Если государство этого не обеспечивает, общество трансформирует его, или, скажем, история так распоряжается. Мне представляется, что разговор о диалоге образования и культуры — это разговор именно о том, насколько позиции культуры и образования согласованы в плане решения стратегической миссии повышения качества жизни.

Что касается глобализации, то я думаю, что дело даже не в том, чтобы мы объективно представляли ее заслуги или недостатки. Необходимо понимать две миссии глобализации, объективно зафиксированные философами. Первая — это историческая миссия глобализации как таковой; согласование системы ценностей для бесконфликтного развития человечества и, в конечном счете, достижение «золотого века», по крайней мере движения вперед. Вторая — это эволюционная миссия и оптимизация ресурсов в условиях их ограниченности ради повышения качества жизни всего человечества. Возвращаясь к вопросу о качестве и миссии образования, замечу, что в связи с этим нам надо говорить здесь о том, насколько и содержание, и способы его освоения способствуют повышению качества жизни.

Новый закон об образовании уже принят; он создан в логике развития «Программы 2020», то есть в русле Концепции долгосрочного стратегического и социально-экономического развития страны до 2020 года. Меня часто спрашивают, верю ли я в эту программу. В одном из интервью в ответ на подобный вопрос мне пришлось сказать во всеулышание, что верю я в Бога, а программе могу доверять или не доверять, знать ее или не знать. Я согласен с Еленой Олеговной Галицких, что доверие в использовании тех или иных смыслов и слов чрезвычайно важно при обсуждении образовательных проблем. Я также очень рассчитываю на продолжение этой дискуссии.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Во время выступления Леонида Сергеевича я вспомнил замечательные строки О. Мандельштама:

А смертным власть
дана любить и узнавать,
Для них и звук в персты прольется,
Но я забыл, что я хочу сказать,
И мысль бесплотная
в чертог теней вернется.

Следующим выступит Вячеслав Андреевич Мосолов.

В. А. МОСОЛОВ²: — Уважаемые коллеги, я хотел бы обратить ваше внимание на недостатки современного российского образования в контексте проблематики глобализации образования. Если проанализировать многочисленную литературу по данной теме, можно сделать вывод, что термин «глобализация» с учетом самых

² Профессор межфакультетской кафедры педагогики Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки истории образования и педагогической мысли», «Приоритеты воспитания: прошлое и настоящее: Опыт историко-педагогического исследования русской духовности», «Педагогика в социо-космо-историческом измерении. Проблемы воспитания», «Концепция воспитания обучающихся в учреждениях профессионального образования» и др.

разных его толкований во многом оценочный и, следовательно, как таковой принадлежит к аксиологии, то есть имеет разные смыслы. Мне кажется, бесполезны усилия дать глобализации однозначное определение.

Очевидно, что лишь от мировоззрения человека и уровня его сознания зависит, какие акценты он сделает, раскрывая данное понятие. Скажем, Николай Рерих акцентировал внимание на всеобщности религий, начиная от учения Зороастра и заканчивая Кораном. Он нашел убедительные доказательства этого и ссылки на то, как данная всеобщность проявляется в разного рода религиозных символиках. Так, на VI Международных Лихачевских научных чтениях Даниил Гранин, ссылаясь на Дмитрия Сергеевича Лихачева и соглашаясь с ним, повторил известную мысль ученого о том, что в культурном отношении Россия, конечно, принадлежит к Западу и является европейской страной. Я отношу себя к западникам, хотя и уважаю логику рассуждений Николая Рериха. Однако при всем уважении мнения того или иного мыслителя, ученого конфессиональные разногласия не позволят состояться глобализации в полном смысле этого слова.

Итак, я исхожу из того, что мы, россияне, обречены на все более тесное сближение с Западом; можно назвать это вхождением в мировое образовательное пространство. Много факторов свидетельствуют об этом. Если мы честно это принимаем, то должны поставить вопрос: на основе какой языковой культуры мы входим в мировое образовательное пространство? Не мудрствуя лукаво, я считаю, что побеждает англосаксонская культура. С этой точки зрения я называю первый недостаток. Я не понимаю, почему обучение иностранным языкам, прежде всего европейским, не поставлено в российской школе на массовую фундаментальную основу. Без этого мы сможем войти в мировое сообщество только на правах второразрядного, так сказать, игрока. Сегодня и в спорте, и в образовании, и в гуманитарных науках лексикон уже английский. Значит, первая проблема — достойно финансируемая стратегия массового обучения европейским языкам. Вторая — формирование образа внутреннего человека. Я много лет занимаюсь историей отечественной педагогики и внимательно изучил литературу по теме, в том числе и последний учебник «История педагогики»¹ под редакцией Николая Дмитриевича Никандрова. Я обратил внимание на то, как тщательно авторы прописывают в нем идею, что в греко-римской и последующих цивилизациях господствовала религия; огромное, если не абсолютное внимание уделялось обучению человека рефлексивной культуре.

Диалог с внешним предметом, культурой или другим человеком невозможен, если у индивида нет внутренней диалоговой культуры. Смело утверждать, что за последние 80 лет внутренняя диалоговая культура у нас почти уничтожена, и никакие виды и жанры искусства, на мой взгляд, не работали и до сих пор не работают в этом направлении. Итак, повторю, что вторая проблема — формирование и возрождение образа внутреннего человека. Будущее — за интеграцией с Востоком. Запад — это тактика, а стратегия — Восток.

¹ История педагогики : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. И. Блинов, М. В. Богуславский, В. Г. Безрогов ; под ред. Н. Д. Никандрова. М. : Гардарики, 2007.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Вячеслав Андреевич. Это очень интересная проблематика. Слово предоставляется Владимиру Николаевичу Козлову.

В. Н. КОЗЛОВ: — Интернет — это уже не просто возможность получения информации, это и те, кто общается в Сети. Можно по-разному относиться, например, к Википедии, но хорошо известно, что информацией, подчеркиваю — достоверной информацией, ее наполняют не профессионалы, а, так сказать, представители общества, и при этом объем ее гораздо больше, чем в знаменитой Британике. Процент ошибок в Википедии гораздо меньше, чем в той же самой Британике и многих других энциклопедиях. Поэтому я убежден, что роль взаимодействия учителя и ученика и подготовки личности вообще выходит на совершенно другой уровень, о чем упоминал сегодня и Олег Ермолаевич Лебедев, и другие коллеги. Это надо понимать и к этому надо готовиться.

Юрий Степанович Давыдов говорил сегодня о проблемах нашего законодательства. Мне кажется, что нормативные или юридические изменения, проходящие у нас, намного опережают основы или базу. Так получается и в нашей системе образования, содержательная часть которого значительно отстает от современных реалий. Налицо огромный разрыв между подлинной жизнью, которая проходит в образовательных учреждениях, и тем, что мы видим в законодательстве, нормативно-правовой базе образования.

К вопросу о глобализации. Считается, что основная задача глобализации — интеграция. А по-моему, глобализация появилась из-за того, что есть конкуренция. Может быть, это кажется парадоксальным, однако, если вдуматься, оснований для данного утверждения достаточно. Конкуренция присутствует сегодня везде, во всем и неизменно возрастает, и тем самым начинается глобализация. Поэтому необходимо рассматривать вопросы глобализации с точки зрения конкурентоспособности личности, общества, государства, образовательной системы и т. д. В этой конкурентной борьбе становится понятно, не важно, Восток ли, Запад ли, но где будет конкурентоспособность, там и будет глобализация.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — У микрофона Юрий Степанович Давыдов.

Ю. С. ДАВЫДОВ: — Владимир Николаевич в своем выступлении сказал о том, что наше законодательство об образовании опережает практику. Я бы лишь приветствовал такое опережение, если бы оно улучшало качество российского образования.

Сегодня в Российской Федерации устанавливают следующие виды высших учебных заведений: колледж как образовательная организация, главной целью которой является реализация основных образовательных программ прикладного бакалавриата (уже проводится конкурс на создание таких учебных заведений, в которых участвуют около сотни разного рода вузов, техникумов); институт и университет. Упоминается, правда, и академия. Кроме того, в законе устанавливаются следующие виды университетов: классический,

профильный, а также федеральные научно-исследовательские учреждения, о которых речь идет отдельно. Что касается классических университетов, к ним предлагают отнести высшие учебные заведения, в которых реализуются три и более направления подготовки. А постольку поскольку в большинстве наших вузов реализуется больше трех направлений подготовки, все они могут называться университетами.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Слово предоставляется Александру Михайловичу Новикову.

А. М. НОВИКОВ¹: — Уважаемые коллеги, несколько слов по поводу нашего законодательства. Не все так печально, как кажется на первый взгляд. Чиновный зуд в России присутствует постоянно. Начиная с 1802 года, когда в Российской империи было создано Министерство народного просвещения, в России проведено 26 реформ образования, то есть в среднем каждые 7 лет, хотя цикл обучения в современной школе как минимум 10 лет. И это не считая мелких изменений, таких как очередная модернизация или что-нибудь в этом роде, которых было гораздо больше. Тем не менее многое ли изменилось в школе за последние годы? Да практически ничего. Ну повыхолащивали математику, физику, естественно-научные дисциплины, а в принципе структура школы осталась той же самой.

Беда отечественных законодателей в том, что они совершенно не профессиональны, хотя все члены Государственной Думы учились в наших школах и вузах. Если Закон об образовании изменяется каждый год, о чем это говорит? Это полное отсутствие здравого мышления, какие-то очередные конъюнктурные движения. Тем не менее российская школа как консервативный институт и общественное установление выстояла. Есть три столпа общества — религия, школа, семья. Сейчас религия прежней роли уже не играет, но остались школа и семья — два основания, на которых держится общество. Ломать их нельзя. И слава богу, что школа выстояла и мало изменилась: за весь XX век в учебных планах мира появился всего один новый школьный предмет, но действительно необходимый — информатика, а прочие «бабочки-однодневки» типа ОБЖ приходили и уходили. Так надо ли менять школу? Надо, но не законами, законы здесь не помогут. Надо в корне менять старое представление об учебном процессе.

Современная школа существует 300 лет, со времен Яна Амоса Коменского, который создал модель массовой школы для индустриальной эпохи. Сейчас, в постиндустриальную эпоху, совсем иные требования к человеку и представления об образовании и образованности. Менять их — дело ученых, и здесь нам предстоит очень большая работа. Потому что сегодняшняя школа — это по-прежнему школа знаний. Компетент-

¹ Академик Российской академии образования, руководитель Центра проблем непрерывного образования Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных работ, в т. ч. книг: «Процесс и методы формирования трудовых умений», «Английский колледж», «Российское образование в новой эпохе», «Развитие отечественного образования», «Постиндустриальное образование», «Основания педагогики» и др. Член Союза журналистов России. Иностраный член Академии педагогических наук Украины. Лауреат Государственной премии РФ.

ностный подход в какой-то мере это компенсирует, но в очень небольшой степени. Надо весь учебный процесс перестраивать, чтобы постепенно перейти от школы знаний к школе воспитания, точнее от школы обучения к школе образования, а это требует огромной экспериментальной работы психологов и педагогов.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — У микрофона Галина Алексеевна Берулава.

Г. А. БЕРУЛАВА: — У меня две реплики по поводу тех вопросов, которые рассматривались сегодня разными докладчиками. На мой взгляд, проблема все-таки не в том, что формировать в личности: с библейских времен известно, что надо формировать личность, которой было бы комфортно в обществе, а общество было бы комфортно с ней. Понятно, что это подразумевает комплекс личностных качеств и предполагает определенные правила поведения в обществе. Это сопутствующие факторы. А вот почему эти качества личности не формируются, почему люди становятся все более агрессивными, недоброжелательными друг к другу, почему мы все чаще создаем себе проблемы — это вопрос. Я думаю, что проблема именно в технологии. И конечно, проблема в том, что в школе и вузе формируется только абстрактно-теоретическое мышление, но не практическое социальное.

А что такое компетенции? Как известно из психологии, за ними стоит практическое мышление. Когда оно формируется? Через что диагностируется? Практическое мышление не диагностируется, не формируется. Почему у нас не хватает менеджеров высшего звена? Почему их единицы и они перебрасываются с объекта на объект? Потому что проблема именно в менеджерах высшего и среднего звена. Менеджер должен иметь социальное, практическое, а не абстрактно-логическое мышление, хотя и оно тоже, естественно, необходимо. Поэтому я считаю, что проблема именно в технологиях, которые сейчас используются. Иностранцы стили мышления, свойственные сегодня молодежи, приводят к явлению когнитивного диссонанса. И, наверное, беспочвенно делать ставку только на подготовку педагогов, потому что столько нравственных, творческих людей в условиях ломки личности обществом не набрать, их просто нет в школе. Точнее, большую часть таких личностей просто ломают в школе...

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Коль скоро здесь прозвучало слово «библия», позволю себе напомнить, что в Библии впервые появилось понятие нового человека. Не в наше время, не при марксизме, а именно в Библии впервые говорится о создании нового человека.

У микрофона Владимир Ильич Адишев.

В. И. АДИЩЕВ²: — Вчера на пленарном заседании мне особенно запомнилось щемящее и очень

² Декан факультета музыки, заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор. Автор книг: «Музыка в женских институтах России конца XIX — начала XX века (теория и практика образования)», «Теоретические основы музыкального образования в школе: исторический аспект», «Историография и источниковедение музыкального образования в отечественных школах закрытого типа (80-е годы XIX — начало XXI в.)», «Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах»

проникновенное выступление Даниила Гранина, которое он начал с того, что выразил желание «говорить не по-вашему», как он сказал. А как же не по-нашему? Наверное, он имел в виду не терминологию, собираясь говорить о чем-то самом главном, которое, по его мысли, должно бы нас всех заботить, — о душе.

Уважаемые коллеги, может быть, в образовательных стратегиях, в жизни это и есть самое главное. В чем главный мотив российской педагогики? Можно это явление сформулировать в одном предложении. Мне кажется, что откровение русской педагогики состоит в том, что учащийся — это целостный человек. Внутри целостного человека — художественное образование, а художественное образование — это чувствования. Это и есть откровение нашей культуры, которая имеет многовековые традиции. Смысл в том, чтобы при выстраивании образовательных стратегий, осмыслении вопроса индивидуального и глобального развития понять, что у нас есть та черточка, которую, как сказал Гранин, никак нельзя вынести за скобки, потому что она сущностная, она наша. Речь идет как раз о воспитании чувствований, и мощнейший его аспект — это художественное образование. Вызывают искреннюю тревогу предпринимаемые в последнее время попытки вновь отодвинуть его на второй, а то и на третий план.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Нине Николаевне Кирилловой.

Н. Н. КИРИЛЛОВА¹: — Я должна высказать глубокое удовлетворение дискуссией, развернувшейся здесь преимущественно среди педагогов, работников сферы образования и затронувшей многие актуальные вопросы образования, начиная от юридического уровня, практики преподавания, вообще организации образования в школе и заканчивая формированием личности.

У меня как преподавателя французского языка есть возможность сравнить, каким образом педагогическая общественность входит в процесс глобализации. Мне кажется, что мы в силу, может быть, какой-то нашей особенности обобщать и глобализировать придали очень большое, преувеличенное значение термину «глобализация». Более того, у меня создалось впечатление, что вчерашнее и сегодняшнее заседания внесли большую лепту в преувеличение этой новой реальности. У нас возникает какое-то ожидание, что все должно быть глобализировано, а вместе с этим ожиданием, естественно, тревога, ощущение какой-то опасности. И мне кажется, я повторяю, что значительную лепту в это, может быть, вносим как раз мы, педагоги, работники образования, а если шире — гуманитарии. Только за последнее десятилетие в области гуманитарных наук появилось множество новой литературы, и я вижу в этом большое преувеличение.

Так, один из докладчиков говорил о вторжении англицизмов в разные языки мира. Действительно, в Рос-

сии это влияние весьма ощутимо, а во Франции, например, почти незаметно. Благодаря чему это происходит? Именно Министерство образования должно заботиться о том, чтобы оградить национальное мышление от интенсивного влияния англицизмов. Во Франции министерство образования своими декретами строго защищает французский язык от влияния английского. И, кстати говоря, слово «глобализация» французами употребляется очень редко. Если они вынуждены говорить на эту тему, то, как правило, употребляют термин “mondialisation” (от *фр.* monde — мир). А понятие “globalization”, несмотря на латинский корень, распространилось по всему миру в английской транскрипции.

Следовательно, мы тоже должны встать на защиту национального мышления, национального не в узком, политическом, а в широком, культурологическом значении. Для того чтобы не быть зашоренными, наше преподавание, я полагаю, должно стать поликультурным. Не только преподаватель иностранных языков, но и любой гуманитарий обязан обращать внимание студентов или школьников на слова, которые они используют, объяснять их этимологию и т. п. Это очень хорошо развивает мышление. К сожалению, сегодняшние студенты не очень любят размышлять. Надо заинтересовать их связью отвлеченных понятий с реальными фактами. Как известно, корни многих слов в разных европейских языках совпадают. Этот признак поликультурности свойствен и русскому языку. Так, в тексте «Войны и мира» мы можем найти много тому примеров, более того, в романе французский язык присутствует в оригинале, как и другие языки. И это не случайно — за каждым иностранным словом, вкрапленным в русский текст, стоит иная культура. Это студентов очень интересует.

Что касается отношений Запада и Востока, то эта тема также весьма популярна сегодня, поэтому в нашем лингвистическом центре преподаются и восточные языки. Корейский и китайский языки пользуются большой популярностью, и студенты с удовольствием записываются в те группы, где они изучаются. Польза поликультурного образования, которое может быть применено не только преподавателями языков, не вызывает сомнений.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Замечу для справки, что французы употребляют оба слова: и “globalization”, и “mondialisation”. Я не знаю, заметили ли все, что в выступлении упоминалось о защите французского языка на государственном уровне. Действительно в 1994 году во Франции был принят Закон о защите французского языка, который вошел в практику как закон Тубона, по имени министра культуры Франции Жака Тубона. Наш аналогичный закон 2005 года значительно слабее и соответственно хуже работает.

Слово предоставляется Игорю Альбертовичу Карачевцеву.

И. А. КАРАЧЕВЦЕВ²: — Я продолжу мысль Олега Ермолаевича Лебедева, который говорил о причинах отставания школьного образования от того информационного потока массмедиа, в который погружаются сегодня

России второй половины XIX — начала XX века: теория концепции, практика» и др.

¹ Профессор кафедры французского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кафедры немецкого и романских языков СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект», «Сопоставительная фразеология романских языков», «Практическое пособие по лингвокультурологии. Французский язык» и др.

² Директор гимназии № 166 (Санкт-Петербург), заслуженный учитель РФ, почетный работник общего образования РФ. Победитель конкурса «Учитель года России–2003».

наши школьники и студенты. Мне кажется, ключ к пониманию данной проблемы можно найти в словах Михаила Жванецкого: «Обеспечьте мне одиночество, но не оставляйте меня одного». Современная школа, как и школа прошлых веков, этот девиз не может осуществить в полной мере, потому что это школа массовая, в ней на протяжении вот уже нескольких столетий сохраняется классно-урочная система. Школьное образование, особенно гуманитарное, порой не соответствует запросам современного школьника, который живет в повседневном социокультурном пространстве с телевидением, Интернетом и т. п.

Глобализация проявляется в школе в форме новых технологий образования, обучения, структурных подразделений, но не в форме обогащения содержания образования. В наших школах появляются новые предметы. Например, с 1 апреля 2010 года в российских школах в 19 регионах в 4-м классе начальной школы вводится предмет «Основа мировых религий и светской этики», который потом переходит и в среднюю школу.

Мне кажется, что задача школьного гуманитарного образования — это поиск духовных основ в любой области знания. Школа действительно остается школой знаний. В содержании среднего образования много теории и фактов, которые не усваиваются нашими школьниками. Учитель вынужден, особенно в старших классах, ориентироваться на это. Над ним довлечет Единый государственный экзамен, во многом проверяющий знания именно фактов, событий, процессов, множества терминов.

В современном школьном гуманитарном образовании, на мой взгляд, пока еще нет в полной мере диалога культур. Будучи преподавателем истории, я могу сказать, что в наших учебниках есть лишь механическое соединение истории Запада и Востока, всеобщей и отечественной истории. Внутреннего диалога в учебнике, а значит, и на уроке, на мой взгляд, нет. У учителя просто не хватает времени для того, чтобы это осуществить. Принцип построения исторического образования в школах — «галопом по Европам». Мы не успеваем остановиться на отдельных исторических фактах, чтобы обсудить проблемы духовной жизни тех или иных культур. Мы их только называем, контурно обозначаем.

Мне кажется, в современной школе ученику интересен тот урок, где он в контексте знаний о мировой культуре может познать самого себя. А этот опыт самопознания школа не может обеспечить по двум причинам: на это нет учебного времени, да и педагогическая подготовка наших учителей (я говорю и о себе, хотя уже 23 года работаю учителем) недостаточна для осуществления этой работы. Мы сами себя не знаем, а значит, не можем создать условия для самопознания школьников в контексте урока.

Гуманитарные знания основаны прежде всего на переживании и сочувствии, они опираются на эмоционально-чувственную сферу, а не только на логико-аналитическую. Поэтому, как мне кажется, необходимо не введение дополнительных гуманитарных предметов духовной направленности, а некое обновление содержания на основе культурологического подхода и гуманитарного, естественно-научного образования.

Надо говорить не о знаниях, а о процессе познания, об этической ответственности познающего человека за результаты своего познания. Это важно говорить и на уроках химии, биологии, физики и астрономии, но такого материала в школьных учебниках, программах и опыте учителей практически не существует. И это большая проблема.

Одна из коллег сегодня говорила о том, что правительство должно больше времени уделять созданию позитивного образа учителя как некой духовной ценности общества. А мне кажется, что каждый учитель должен сам делать все от него зависящее, чтобы его назвали духовной ценностью общества, потому что это зависит от каждого из нас, а не от правительства. Кстати, власть все равно не поможет, а иногда в каком-то ключе и помешает нам.

В уже упоминавшемся сегодня фильме «Доживем до понедельника», который многие в свое время воспринимали как некий образец, в конце звучит диалог учителей. Учительница литературы говорит: «Я всю себя отдаю детям». «А что мы имеем, чтобы отдавать?» — вместо ответа задает ей риторический вопрос учитель истории. В этом риторическом вопросе заключается и наша сегодняшняя проблема: что мы, современные учителя, имеем, чтобы нести эту высокую духовную миссию, и имеем ли?..

Мне кажется, учитель — это массовая профессия. Выдающиеся учителя — редкость, это одиночки, которым очень трудно работать в современной массовой школе. Поэтому чаще всего они поработают короткое время в школе, а потом ищут применения своих сил в других сферах. Поэтому нам прежде всего необходимо думать об обновлении содержания образования и переподготовке современных учителей.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Следующим выступит Александр Евгеньевич Кибрик.

А. Е. КИБРИК: — Я не собирался сегодня выступать. Но то, что я здесь услышал, побудило меня высказаться о понятии глобализации, ее положительном и отрицательном влиянии на мир. Мне кажется, это очень неоднозначная ситуация в разных областях человеческого существования. Приведу пример детской литературы. Мы хорошо знаем, как ребенок начиная с первого года жизни постепенно осваивает понимание жизни через детскую иллюстрированную книгу, сначала с очень простых текстов, затем более сложных, сказок и др. В нашей стране, во всяком случае до недавнего времени, огромными тиражами издавались прекрасно иллюстрированные сказки народов мира и многие другие детские книги. А в странах Западной Европы в детской иллюстрированной книге наложено вето на фигурирование там в том или ином виде каких бы то ни было этнических культурных стереотипов разных членов этого сообщества, чтобы не обижать никого. В итоге обижены все. Андерсена нельзя издавать, иллюстрировать, братьев Гримм — тоже и т. д. А для нас это никогда не являлось проблемой — тут мы глобализировались.

Причиной подобной осторожности в Европе выдвигаются, с одной стороны, политическая, некая сверхтолерантность, а с другой — экономическая. В итоге сказки у них сочиняются так, чтобы в них не было никаких

признаков какой-либо конкретной культуры. Даже имена персонажей не должны ассоциироваться ни с какой нацией. В вербальном плане это что-то невозможное, безобразное. В художественном плане тоже: все герои должны быть одеты так, чтобы это не напоминало никакую конкретную эпоху или нацию. И европейские детские художники-иллюстраторы вынуждены как-то существовать в подобной ситуации. На мой взгляд, это пример архиплохой глобализации.

Прямо противоположная ситуация — глобализация в области научного знания. Конечно, научное знание — достояние не конкретного этнического коллектива, государства, а всего человечества. Тут мы оказываемся в несколько иных обстоятельствах. Исторически действительно существовал «железный занавес», доступа к мировой науке у нас практически не было, и Советский Союз «варился в собственном соку». Что-то в СССР делалось очень хорошо, но в общем, конечно, это приводило к довольно печальным последствиям. Несколько поколений были воспитаны в таких условиях. Все это привело к тому, что многие отрасли у нас отстают, в частности отечественная филология.

Мы, филологи, обсуждаем проблемы русского языка так, как будто ничего другого, кроме него, не существует, словно он сам по себе, в безвоздушном пространстве, и это в мировом масштабе, а с точки зрения лингвистики — это полный нонсенс. Недавно я выступал на IV Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (он проходил в МГУ им. М. В. Ломоносова 20–23 марта 2010 г.). Так вот мой доклад, чтобы никого не напугать, запилили в самую маленькую секцию, заседание которой проходило в крошечном помещении, которое вмещало лишь несколько человек, тогда как в работе Конгресса принимали участие около 700 человек. Более того, мне выделили охрану, чтобы меня не побили, если я кого-то случайно обижу своими взглядами. Подобный менталитет необходимо менять. В образовательном процессе в высшей школе, и особенно в филологии, нам надо постепенно переходить на мировые стандарты. И русский язык должен описываться и пониматься в контексте всего великого сообщества языков.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Должен заметить, что когда мои дети были маленькими, я привозил им из Германии иллюстрированные сказки и Андерсена, и братьев Гримм, но это было давно, примерно 30 лет назад. Сейчас, впрочем, я такие книги тоже видел, но не покупал за ненадобностью.

А. Е. КИБРИК: — Я встречался в Финляндии с одним русским художником, оказавшимся в этой чудовищной ситуации. Во время наших длительных бесед он поведал мне много примеров такого рода.

— Знаете ли Вы о деятельности Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), ежегодных международных конгрессах, проводимых этой организацией? (*вопрос из зала*)

А. Е. КИБРИК: — Да, конечно. МАПРЯЛ — это стратегическая организация преподавателей русского языка, они сосредоточены на обучении русскому языку. Я же говорю о науке, о русском языке как объекте на-

учного исследования. Например, в грамматике русского языка у нас имеется академический норматив. Многие научные работы, которые пишутся на материале русского языка, построены таким образом. Мы буквально «молимся» на Виноградова и других авторов академических изданий. Все они, конечно, хорошие филологи, но если их поставить в один ряд с мировым собранием ученых, занимающихся языком, то сравнение будет далеко не в их пользу, если говорить честно.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Коллеги, мы не занимаемся специально языками, поэтому давайте отложим этот разговор. Слово предоставляется Светлане Викторовне Левковец.

С. В. ЛЕВКОВЕЦ¹: — Очень многие прозвучавшие здесь темы мне близки — и образное преподавание, и ценность учителя, и многое другое. Но я хотела бы высказаться по поводу глобализации. Мне кажется, что когда мы говорим о глобализации, то все сферы — политическую, экономическую, культурную — рассматриваем вместе, имея в виду, что глобализация происходит одновременно, однонаправленно во всех этих областях. И этот единый процесс ведет к образованию, например, единой Европы и стиранию границ.

Но если мы рассмотрим глобализацию как политический процесс, то эта политическая глобализация, как совершенно верно отмечал Владимир Николаевич, произошла уже давно и привела не к стиранию границ, а к их возникновению. То есть в результате политической глобализации образовались новые государства. Политика в данном процессе доминировала. Определение границ происходило с помощью войн. Во время военных действий границы стирались, а когда наступал мир — они устанавливались, а вовсе не наоборот. Сейчас этот политический процесс, как мне кажется, почти завершен.

Сегодня, говоря о глобализации, мы имеем в виду другой процесс, начавшийся в XVII веке с образования транснациональных компаний, когда возникла конкуренция, экономическая борьба. И говорить о том, что границы сегодня полностью стираются, нельзя. Политические границы между государствами действительно стираются, но они образуются в области экономической. Мы могли бы сейчас начертить новую карту, которая показывала бы границы транснациональных компаний — как они делят рынки и ресурсы. Да, эти границы не совпадают с границами государств, но образуются тоже в результате самой настоящей войны.

Что касается глобализации в сфере образования. Мы можем сколько угодно говорить о культурной глобализации, но в чистом виде таковой не существует — все подчинено экономике. И школа не может сопротивляться этому процессу.

Надо трезво оценить плюсы и минусы экономической глобализации и посмотреть, что может дать нам с этой точки зрения Запад, который в экономической области продвинулся намного дальше, чем мы. И что может дать нам Запад в экономической области — для школы, для образования, хотя бы для хозяйственной деятельности?

¹ Учитель средней общеобразовательной школы № 658 (Санкт-Петербург). Автор ряда публикаций по проблемам образования.

Сегодня мы наблюдаем, что эти три сферы, которые должны были бы заниматься каждая собственной деятельностью (политика политикой, экономика экономикой, а культура культурой), смешиваются, потому что политика диктует экономике. В результате в школе возникает такое явление, как госзаказ. Как следствие — в классах мебель ужасного качества, отсутствие хороших во всех смыслах учебников и т. д. Но когда экономика диктует культуре, получается то, что мы наблюдаем сейчас, — технологизация процесса обучения. И это явление не из области культуры, а из области экономики. Мы должны быстрее воспитать ребенка, чтобы наша экономика была конкурентоспособной, и мы к этому готовим детей.

Совершенно иначе дело обстоит в сфере культуры. Каким образом должен происходить процесс культурной глобализации, не знает никто. Сегодня это вопрос далекой-далекой перспективы. Однако на Западе ждут его решения именно от нас. Мы сами должны выбрать, в каких формах произойдет культурная глобализация. Здесь, мне кажется, надо смотреть не только на то, что мы можем взять от Запада (например, их экономические достижения, и это вопрос уже сегодняшнего времени) или от Востока, но и на то, что мы можем дать Западу или Востоку. Главный вопрос, таким образом, состоит в следующем: кто готов принять наши ценности сегодня, кто готов нас слушать и воспринимать — Запад или Восток?

В заключение повторю свое пожелание, чтобы политические и экономические решения, которые сегодня довлеют над школой, не внедрялись в нее насильственно, ибо в сфере образования определяющими должны быть культура и ее ценности, а не экономические идеи, даже самые инновационные.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Светлана Викторовна. Ваша мысль очень интересна. Действительно, даже не политика, а экономика сейчас диктует все, и в этом смысле происходящие сегодня языковые явления показательны. Так, английский язык явно доминирует в современном мире. Я думаю, что в ближайшие 15–20 лет эта ситуация может измениться, но не за счет русского, увы, а за счет китайского языка. Однако все это скверно влияет на культуру, потому что английский язык — один из самых лексически богатых, но один из самых бедных с точки зрения выразительных средств. Поэтому ситуация, на мой взгляд, складывается тяжелая.

Следующее выступление Марины Николаевны Фроловской.

М. Н. ФРОЛОВСКАЯ¹: — Мне кажется, что обращение к классической литературе сегодня звучало практически у каждого выступающего, и это великое дело. Мне тоже вспомнились стихи, которые были написаны Игорем Северяниным про XIX век:

Конечно, век экспериментов
Над нами — интересный век...
Но от щекочущих моментов
Устал культурный человек.

¹ Доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат педагогических наук. Автор учебных пособий: «Педагогика искусства», «Педагогика», «Учитель-ученик: возможность понимания», «Педагогика понимания» и др.

Мы тоже очень устали от реформ уже нашего времени, и в частности от реформирования образования.

Здесь говорилось о том, что нынешняя педагогическая подготовка преподавателя не разрешит проблему глобального образования. Но, мне кажется, это очень важно в решении проблемы, которую мы сейчас обсуждаем. Усталость наша связана с тем, что, к сожалению, педагогическая подготовка направлена на то, чтобы вооружить специалиста определенного ряда компетенциями. Вспомним слова Козьмы Пруткова: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». Перефразируя Пруткова, Зинченко в своей книге обращается к педагогу-специалисту, ориентированному только на свой предмет: «Помни, уважаемый педагог, что от твоего флюса зубы болят и у учеников». И действительно, болят.

Когда мы обсуждали со студентами, в чем смысл педагогической деятельности, они анализировали наше взаимодействие с ними, и в одной из анкет было написано следующее: «Нам не нравится преподаватель — беспристрастный имитатор, нам очень хочется, чтобы он не смотрел в конспект своей лекции, а видел наши глаза, выражал свою собственную точку зрения по поводу того, что он говорит, и давал нам возможность высказывать свою позицию». Мне кажется, это касается и нашего сегодняшнего собрания.

Мне кажется, эмоционально-образное отношение к образованию, о котором говорила Галина Алексеевна Берулава, возникает скорее всего не столько в информационной среде у студента или ученика, сколько в живом слове, в обращении учителя (я скажу — педагога, пускай это будет и преподаватель, и воспитатель детского сада и т. д.), в обращении к другому. Этот дефицит обращенности сегодня присутствует, наверное, во всем. Об этом, как мне кажется, говорил вчера и Даниил Гранин в своем выступлении.

Мне очень близка философская позиция Феликса Трофимовича Михайлова, его определение культуры и образования, в котором есть и ключевые слова названия темы нашей секции. Культуру он трактует как встречу обращающихся друг к другу поколений за сочувствием, содействием, сомыслием. Об образовании он говорит: «Это обращение поколений, в которых культура оживает и длится от века к веку». Ключевое слово здесь «обращение». Культура — между, сейчас, она возникает здесь.

Мне кажется, Евгения Васильевна говорила сегодня об общечеловеческих ценностях культуры. Если мы в этой логике будем рассматривать проблему, тогда, наверное, прилагательное «глобальная» по отношению к культуре не имеет смысла. Культура и есть всеобщая, она построена именно на обращенности человека. Это связано не с принадлежностью к той или иной народности, а с человеческой позицией.

Мы с вами должны внимательно прислушаться к этим грустным замечаниям о том, что в нашей стране плохое педагогическое образование, да и то, к сожалению, сворачивается. Если его переориентировать на образование как становление собственного образа мира педагога, а не развитие компетенции как набор стандартных функций, тогда, может быть, все изменится. Конечно, всех проблем это не решит, и все педагоги «золотыми» не станут. Но если мы будем делать акцент на взращивании педагога с целостным образом мира

и таким же отношением к себе, педагогическому процессу и другому человеку в этом педагогическом процессе, тогда, может быть, и тот самый другой, к которому мы обращены, будет понимать, что обучение в университете — не только способ получения образования. Тогда речь пойдет и о непрерывности образования, когда любой человек захочет установить свой образ мира, постоянно уточняя его в течение всей жизни, то есть получать непрерывное образование, которое не имеет конечной завершенности.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Слово Фаине Александровне Лейкиной.

Ф. А. ЛЕЙКИНА¹: — Я хотела бы продолжить мысль, которую высказали Марина Николаевна и Игорь Альбертович. Сегодняшнее высокое собрание ставит столько вопросов, что на все найти ответы довольно трудно. Но, думаю, что и правильно поставленные вопросы тоже значимы. Именно для этого мы сегодня и собрались: размышление на актуальные темы и есть наш путь познания.

Мне думается, что глобализация образования представляется некоей новой парадигмой. Я соединила бы высшую школу, среднюю школу, начальную школу и дошкольное воспитание. Не буду уточнять и вдаваться в подробности, ибо полагаю, что вы со мной согласитесь, потому что ребенок един, он растет и развивается, переходит из детского сада в школу, из начальной школы в среднюю, из школы в высшее учебное заведение.

Уважаемые коллеги, в любое столетие старшее поколение недовольно младшим. Удовлетворены ли сегодняшние преподаватели вузов теми студентами, которых обучают? Я думаю, почти у каждого есть на этот счет сомнения. Наверное, не все у нас благополучно и с овладением и использованием информационных технологий, работой в Интернете. Все-таки мы с вами уже не молоды, годы идут, и юный человек, который только входит в эту жизнь, в этой среде как рыба в воде, он живет в ней. Отсюда и разность мировоззрений, и восприятий. Может быть, отчасти и поэтому современный студент не во всем нас устраивает и по нравственным категориям, и по духовным ценностям, и по владению родным языком, как бы ни был он изолирован или не изолирован от общеевропейских и мировых языков. Тем не менее какие-то пути к пониманию все-таки следует искать, и каждый преподаватель их ищет, будь то учитель школы или вуза.

Для этого есть разные технологии. Сегодня уже прозвучала идея об акмеистических технологиях. Существует система мастерских, которая пришла к нам от французских педагогов группы «Новое образование». Это мастерские строения знания, творческого письма, общечеловеческих ценностей. Разработчиками отечественной системы мастерских явились Инна Алексеевна Мухина и группа педагогов. Эта система дает возможность учителю в пространстве даже одного урока работать индивидуально с каждым учеником. Сейчас мы действительно порой работаем как на конвейере, тем не менее, как бы там ни было, у нас каждое «изделие» юве-

лирное. Это вопрос, который не имеет ответа, но все-таки каждый учитель этот ответ ищет.

Я полагаю, что через систему таких технологий, через интеграцию традиций и инноваций в педагогической деятельности, будь то общеобразовательная или высшая школа, учитель идет к какой-то своей системе. Что же нам делать? Мне кажется, необходимо создавать условия для того, чтобы педагог развивался по возможности органично — в системе ли мастерских, или проектной деятельности, или интеграции того, что он сам для себя построил, исходя из собственной природы или следуя идеям Вальдорфской школы.

Мне кажется, все присутствующие понимают это и, наверное, приходят к каким-то своим решениям относительно того, что нам делать, чтобы преподаватель вуза давал максимально больший объем знаний своим студентам, чтобы преподаватель школы, работая с учениками, был удовлетворен своей работой, хотя учитель — это профессия сомневающихся людей, безусловно.

Необходима интеграция и создание наилучших условий на уровне методических, городских или республиканских центров и т. д. Пример тому — деятельность замечательной лаборатории учителей-экспериментаторов, которую возглавляла Инна Алексеевна Мухина. Подобные организации, сообщества, содружества, сотрудничества педагогов, вероятно, и сделают то, о чем мы столько думаем и что нас, безусловно, очень беспокоит. Может быть, это каким-то образом разрешит наши сложные вопросы.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Сейчас перед нами выступит Татьяна Николаевна Балобанова.

Т. Н. БАЛОБАНОВА²: — На протяжении уже нескольких часов здесь обсуждаются глобальные проблемы образования, высшей и средней общеобразовательной школы, но совершенно упускается из вида такой огромный пласт, как профессиональное образование, будь то начальное или среднее профессиональное образование.

Школа решает свои проблемы общего образования, воспитания, обучения. Сейчас главная проблема школы — ЕГЭ. Прежде всего школа нацеливает своих учащихся на поступление в вуз, то есть на высшее образование. Но ведь не все выпускники хотят идти в вуз. В нашей стране создана огромная система профессионального образования. И сейчас моим коллегам очень больно смотреть на то, что система начального и среднего профессионального образования разрушается. Приведу пример: 5 лет назад в Ленинградской области было 55 профтехучилищ, на сегодняшний день — их осталось всего 11. Процесс разрушения продолжается. Понятно, что высшая школа выполняет свои задачи. Однако адаптация выпускника школы в обществе идет не только через вуз. Огромное количество молодых людей прошли через профтехучилища. Многие люди, получившие высшее образование, вначале закончили профтехучилища, техникумы или колледжи, — к ним отно-

¹ Учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 367, методист кабинета словесности Научно-методического центра Фрунзенского района Санкт-Петербурга, заслуженный учитель РФ.

² Доцент кафедры педагогических технологий в профессиональном образовании Ленинградского областного института развития образования (Пушкин), кандидат педагогических наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам воспитания учащихся.

сится большая доля специалистов. Очень жаль, если потеряем столь эффективно работавшую систему.

А. М. НОВИКОВ: — Из Вашего выступления можно сделать вывод о том, что кто-то специально разрушает наше начальное и среднее профессиональное образование. Процесс протекает совсем по-другому: молодежь идет не в ПТУ, а в колледжи. И это проблема не только нашей страны, но и европейских государств с высоким уровнем развития образования. Население этих стран не соглашается на непрестижную работу. Поэтому проблема-то совсем в другом.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Александр Михайлович. Реплика важная, конечно. Но я понял выступление Татьяны Николаевны так, что кто-то ищет злодеев, которые все разрушают. Просто была обозначена существующая проблема.

Т. Н. БАЛОБАНОВА: — Да, проблема действительно есть и весьма острая, и я хочу привлечь к ней внимание.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Слово предоставляется Зинаиде Николаевне Пономаревой.

З. Н. ПОНОМАРЕВА¹: — У всех выступающих было много интересных мыслей, хочется продолжить дискуссию почти на каждую тему, которая сегодня затронута. Но, будучи в том числе преподавателем русского языка как иностранного, я хотела бы вернуться к теме глобализации, поликультурного пространства и еще раз поднять актуальные вопросы этих процессов.

Когда мы говорим о поликультурном пространстве, то не должны забывать, что Россия — это страна того самого поликультурного пространства. Нам очень важно в своей деятельности это учитывать и помнить, что наши студенты и школьники представляют разные культуры. В этом понимании и проявляется та самая социокультурная компетенция, о которой так много говорят сейчас. Диалог культур протекает у нас постоянно — в наших группах, школах, вузах... на наших улицах, в конце концов, это напрямую касается нас и наших учащихся.

Мы-то с вами, во всяком случае мое поколение, выросли в этом поликультурном пространстве (это попутно — о достоинствах или недостатках российского образования). А сейчас спросите студентов, что такое сакля или иглу, они скорее вспомнят про иглу, которое встречается на Аляске, но не о сакле, которая распространена на Кавказе.

Работая с иностранными студентами, которые приехали к нам и с Запада, и с Востока, мы все время говорим о глобализации, но ведь это понятие включает не только Восток и Запад, но и Юг и Север. А мы, как правило, оглядываемся только на Запад. Процесс глобализации на Востоке оказывается таким же, может быть, болезненным, как и у нас. И в этом процессе нельзя забывать о сохранении национального достоинства, например, помнить о том, что достижения советской педагогики и системы образования активно внедрялись и

использовались как в Соединенных Штатах Америки, так и в Японии, где я работала.

Воспитать человека, который интегрирует в себе достижения и Запада, и Востока и сохраняет свои национальные ценности, — та задача, которая, на мой взгляд, должна быть в основе нашего глобализационного процесса.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — У микрофона Валерия Сергеевна Мухина.

В. С. МУХИНА: — Я отзовусь на последнее выступление. Это очень важно, что мы затронули проблему нашей страны — Советского Союза и его преемницы России как поликультурного пространства. Соотношение культур в Российской Федерации требует очень большого внимания к нерусскому населению, потому что русские культура, литература и история преобладают. У нас много народов и народностей, которые имеют свою культуру, но мы очень мало об этом знаем, не общая о культуре и традициях малых народностей даже в педагогических вузах. Я 20 лет проработала на Севере, с малочисленными народностями. Да, у нас везде единые программы, и дети всех северных этносов изучают Пушкина, так же как и в Подмосковье. Но что такое учитель на Крайнем Севере — не важно, украинец он, русский или другой национальности? С самосознанием центра России все они приходят и говорят школьнику чукче или эскимосу: «Будешь плохо учиться, будешь оленеводом». А у них оленевод — профессия очень достойная. Так происходит снижение самосознания, чувства личности коренных народностей Севера. Или, например, учительница-украинка любит борщ и другие свои национальные блюда, но ребенку-северянину она, содрогаясь от отвращения, говорит: «Как можно есть кожу кита?! Как можно есть глаз?! Как можно есть ласт моржа?!»

Мы должны готовить учителей, которые могли бы работать универсальным образом в любой точке нашей страны, но главное — признавать, вообще знать, что есть другие культуры. Если ты приехал работать среди другого народа, изволь узнать и уважать его культуру, потому что это исконно развивающиеся там культуры. Мы, русские, по отношению к инородцам бессовестные и очень агрессивные. Это серьезная проблема, которая требует отдельного обсуждения.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Следующее выступление Марины Александровны Хмыровой.

М. А. ХМЫРОВА²: — Мне очень близка тема, о которой говорили последние выступающие, поскольку в нашем учебном заведении учатся дети из разных государств, в первую очередь, конечно, из стран СНГ. Основанный в 1999 году Лицей (ныне Гимназия) считал своей задачей предоставить возможность обучения у нас русскоязычному населению из братских республик. Но с тех пор прошло 11 лет, многое изменилось. К нам стали приезжать не просто русские, проживающие в соседних государствах, но и дети коренных народов нашей страны. Больше всего сейчас едут к нам учиться ребята из Казахстана. Но раньше это были русские, а теперь

¹ Доцент кафедры литературы и русского языка СПбГУП, кандидат филологических наук.

² Директор Международной гимназии «Ольгино» (Санкт-Петербург).

преобладают казахи. Мы не видим какого-то расхождения в наших учебных программах, хотя они разные, не чувствуем непонимания или расхождения в восприятии того или иного учебного материала. Мы бережно относимся к тому, что ребята с радостью представляют нам свои национальные номера, песни, танцы, привозят костюмы. Мы участвуем в различных петербургских городских конкурсах, например «Творчество без границ», где ребята выступают со своими национальными инструментами.

Нам радостно, что они приезжают учиться в Россию. Это означает, что наше образование достаточно качественное. Если раньше дети, которые приезжали к нам учиться, говорили о том, что они получают российское образование и постараются остаться в России, а потом и родители как-то переедут сюда на постоянное жительство, то в последнее время тенденции изменились. Сейчас дети хотят получить хорошее образование в России и возвратиться назад, на Родину, чтобы найти там престижную работу, потому что наше образование у них ценится. Это очень приятно. Тем не менее определенные проблемы есть.

Я хотела бы также затронуть вопрос о законодательстве. Сегодня государство собирается финансировать только обязательные предметы и лишь ограниченное количество часов. А если кто-то хочет, например, чтобы у детей было больше часов на иностранный язык, тогда родителям придется за это платить. Здесь возникает противоречие. С одной стороны, в последние годы мы уделяли много внимания развитию элективных курсов, программ, готовили педагогов, привлекали специалистов — непедогогов — к тому, чтобы они вели эти дополнительные курсы. С другой — теперь, когда мы перейдем на избирательное финансирование только обязательных часов, возникает проблема: как быть с элективными курсами, потому что не все родители будут в состоянии их оплачивать? Следовательно, ребенок не будет иметь возможность посещать элективные курсы, кружки. Это большая проблема и для школы, и для семьи, но в первую очередь для воспитания ребенка.

Посмотрите на итоги наших спортсменов на Олимпиаде в этом году и вспомните о том, как мы развалили всю подготовку детей в детских юношеских спортивных школах и как мало внимания в последние два десятилетия уделяли именно массовому спорту. И еще одна проблема — чем будут заниматься дети во второй половине дня, после того как закончатся обязательные занятия? Как мы будем воспитывать ребенка? В СССР у нас были пионерские, комсомольские организации, которые этим занимались, а также множество организаций внешкольного образования и досуга. То есть раньше у нас были какие-то творческие занятия, которые позволяли воспитывать личность. Но сегодня ничего этого в школе нет.

Если говорить об опыте других стран, то он очень интересен. Мне было любопытно узнать, как индивидуально подходят к воспитанию ребенка в других странах. Мы в Гимназии подходим к воспитанию ребенка и развитию его способностей через творчество — один поет, другой танцует, третий рисует, кто-то фотографирует и т. д. Каждый человек в чем-то может почувствовать себя успешным и таким образом будет пользоваться

определенным статусом в детском коллективе, что для него очень важно. Тогда проснется и его желание учиться и осваивать более успешно обязательные учебные предметы. Творчество позволяет ребенку двигаться вперед. Поэтому меня очень беспокоит, что в последнее время возникла тенденция сокращать количество элективных курсов, школьные кружки. У нас могут появиться большие проблемы с детьми.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Слово предоставляется Валентине Сергеевне Безруковой.

В. С. БЕЗРУКОВА¹: — Коллеги, мы относимся к глобализации как к средству повышения качества образования. Но чтобы мы ни делали в этой области, мы натываемся на массу негативных явлений. Мне кажется, что проблема все-таки в методологии. Возьмем хотя бы явление целостности. Мы все время говорим, что педагогика — целостный процесс. Мышление наше не целостно. Сейчас известна масса фактов, когда педагог, используя ту или иную технологию, выхолащивается. Что же это за технология, которая пытается вырастить ребенка, одновременно выхолащивая педагога? Он устает. Зачем педагог сегодня роется в технологиях, ищет, что лучше применить? Уверяю вас, не столько для развития детей, сколько для того, чтобы удерживать их за партами в начальной и средней школе. Ежегодно я посещаю достаточно большое количество уроков и могу заявить, что сегодня у нас уроки — шоу; ни о каком развитии и речи не идет, и уповать на технологии наивно. Содержание и технологии у нас часто конфликтуют — это противоречие между внешним и внутренним.

У меня в руках две книги: моя «Повесть о классе» и стихи моей коллеги психолога Белозерцевой, рассказывающие о послевоенной школе. Независимо друг от друга мы издали их в этом году. Я читаю стихи коллеги и думаю: да это же про меня.

Главный вывод, к которому я пришла сегодня: как бы мы ни ругали сталинскую эпоху, воспитание в то время было целостным. Мы пели одни и те же песни и в школьном хоре, и на сцене Дворца культуры, и во дворе, в подворотне, и дома. Эти же песни мы слышали и по радио, мы разыгрывали одни и те же сцены. Как бы мы ни ругали то время, это была целостность. Как исследователь, я не могу не констатировать тот факт, что Ленин и Сталин — единственные правители, которые лично разрабатывали концепции образования. Сегодня мы целостных образовательных концепций не имеем. А они создавали и внедряли, и умудрились за короткое время создать некую целостность.

Посмотрите, какое мощное сегодня противоречие между нравственностью и отношением к деньгам, между высшим и средним образованием. Мы пытаемся менять систему образования на всех уровнях, но в каком положении находится наша высшая школа? Рассказать, в каком положении наши кафедры? Наверное, вы все хорошо это знаете. А наши студенты? Сегодня встает уже проблема посещаемости. Я часто шучу, что мне, наверное, надо бантики на уши вешать, чтобы меня слу-

¹ Профессор кафедры социального менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор педагогических наук, профессор

шали на занятиях! Посмотрите, какие противоречия в том, что мы говорим о личностном воспитании и тут же о гражданском обществе. Почему никто не поднимает вопрос о том, что для гражданского общества прежде всего необходима консолидация? Необходимо объединяться, учиться самоуправлению. В школах самоуправления нет. То, что мы выдвигаем, не соответствует одно другому, и в этих противоречиях мы тонем. Мы все как отдельные атомы и не слышим друг друга.

Мне кажется, сегодня надо обратить больше внимания на методологические проблемы, причем не на философском, а на практическом уровне. Методологии должны быть практико-ориентированными, учитывающими ту же системность, индивидуальность, целостность и так далее, тем более что мы живем в очень противоречивом мире. И, конечно, необходимо объединение. Мы говорим о гражданском обществе, но каждый из нас сам по себе, и даже после этой конференции, где мы обогатимся опытом друг друга, каждый останется при своем. Как говорил Высоцкий, много активных, но буйных нет... А надо бы, чтобы кто-то взял на себя миссию координации. Коллеги, пора объединяться, по своим «клеткам» мы пожили и поработали достаточно. Результаты известны.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Это было последнее выступление. Подведу итоги сегодняшнего заседания.

Коллеги, мы говорили об очень разных вещах, однако связь наших выступлений с заявленной темой была недостаточной. Не всегда мы говорили о глобализации и становлении единой культуры, отвлекаясь на самые разные проблемы. Мы говорили о действительно набравших вопросы образования — дошкольного, школьного, СУЗ, ПТУ, вуз и т. д. Прозвучало много интересных выступлений. Коротко напомню основные идеи, высказанные участниками нашего форума.

Юрий Степанович Давыдов говорил о том, что наша система законов по образованию, как и вообще наша законодательная база, имеет целый ряд «дыр», которые надо заполнять. По мнению Юрия Степановича, и я не могу не присоединиться к нему, эти «дыры» штопаются за счет принятия дополнений и изменений к закону. Это так называемые частные акты, которые заменяют что-то предыдущее.

Сегодня предпринимается попытка составить новый единый закон об образовании. Официально проект его не опубликован для обсуждения, хотя он есть в Интернете. Я его посмотрел, в нем тоже достаточно много «дыр». Так, один из выступавших сегодня высказался о непрописанности предлагаемой в нем автономизации вузов, к которой нас, тем не менее, всех подталкивают. В общем, есть целый ряд вопросов.

Многие коллеги сегодня откликнулись на интересное выступление Галины Алексеевны Берулава, которая говорила о том, что технологии воспитания во многом устарели; что необходим сетевой подход; что надо подчеркивать не только когнитивную сферу, но и многое другое. И, кстати, говорилось о том, что школа и СМИ связаны плохо, тогда как эта связь должна быть постоянной. Несколько раз сегодня упоминался совершенно отвратительный, на мой взгляд, фильм «Школа». Когда к нам приезжал Д. А. Медведев, чтобы выступить на праздновании открытия Года учителя, я уже выска-

зывал свое мнение об этом фильме и получил одобрение зала. Это фильм про нетипичную школу, в которую было «загнано» все скверное, что только можно было найти. Слава богу, не показали, что у нас в школе стреляют (а то в некоторых западных странах в школе уже давно возникают перестрелки), но все остальное, что можно было поведать плохого о нашей школе, в этом фильме сказано.

Владимир Николаевич Козлов говорил о том, что необходимо практичнее подходить к вопросу, в частности к интеллектуальному потенциалу личности. Но вместо того, чтобы вести общую дискуссию, он полагает, есть смысл создать десяток вариантов учебников по каждой дисциплине и посмотреть, что при этом получится.

Ирина Алексеевна Зимняя говорила о новой образовательной стратегии, которая тоже включает сетевой, виртуальный подход, а также о том, что присоединение к Болонскому процессу — большая ответственность для нас и что наша культура не обладает некой особенностью в том, что связано с духовностью и гражданственностью, упомянув при этом необходимость сохранения здоровья, здоровьесберегающие технологии. Здесь я не согласен с Ириной Алексеевной.

Несомненно, Болонский процесс имеет смысл. Напомню, что во всех документах Болонским он стал называться примерно с середины 1990-х годов, а сама идея сближения систем образования начала формироваться с 1950-х годов. И в каждом документе упоминалось о том, что лучшее в каждой стране должно быть сохранено. Именно в этой части у нас, я думаю, не все благополучно, то есть именно свое лучшее мы не пытались бережно сохранить.

Евгения Васильевна акцентировала наше внимание на необходимости диалога культур и заметила, что надо понимать его широко — как обмен стилями общения и образом жизни. Пожалуй, впервые в нашей дискуссии прозвучала мысль, что глобальную культуру каждый понимает по-своему и что такой подход имеет право на существование.

Борис Михайлович говорил о том, что все искусство обращено в основном к подсознательному, а частично и к бессознательному, но основной пафос его выступления, и это для меня не стало неожиданностью, заключался в том, что в школе, вообще в образовании, искусства должно быть больше. Однако, по мнению докладчика, по разным причинам этого присутствия искусства в школе становится все меньше, что не может не влиять на ухудшение ситуации в образовании.

Юрий Васильевич Сенько вспомнил известную цитату Ленина о том, что коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Прекрасная мысль. Однако Юрий Васильевич отметил, что все запомнить, конечно, невозможно; все нельзя даже просто обозреть, и соответственно такой подход в реальности невозможен, хотя стремиться к идеалу необходимо. Он говорил о том, что фактически речь идет о взаимодействии трех культур — культуры преподавателя, культуры студента и культуры содержания образования, которая при этом складывается. Это интересный подход.

Олег Ермолаевич Лебедев, докторская диссертация которого связана непосредственно с содержанием

образования, также говорил об этом, потому что это вечная проблема. Кстати, у меня есть любопытная брошюра 1950-х годов издания, в которой перечисляются рекомендованные темы кандидатских диссертаций. Я абсолютно убежден, что эти диссертации можно написать еще раз, не меняя названия тем. Прошло полсотни лет, и проблема содержания школьного образования — среднего, высшего, музыкального, художественного и любого иного — стоит совершенно по-новому, хотя когда-то на каком-то уровне она уже была решена. Олег Ермолаевич подчеркнул значение СМИ и необходимость изменить содержание школьного образования.

Многие сегодня подчеркивали, что в образовании пора создавать новую информационную среду, и я с этим согласен. Говорилось также о том, что, помимо массового образования, необходим и индивидуализированный образовательный подход. Нельзя забывать то, чем мы традиционно занимались.

Владимир Евгеньевич Триодин совершенно справедливо говорил о том, что глобализация существовала всегда, как и попытки соединить трудно соединимое. Все мы помним замечательное высказывание: *Cave hominem unius libri* — «Бойся человека одной книги», то есть того начетчика, который только что прочел некое учение и считает, что оно единственно правильное и ничего другого быть не может. Владимир Евгеньевич, который является директором Института образования взрослых РАО, напомнил нам, что надо помнить об образовании в течение всей жизни и что избыточного образования в принципе быть не может.

Однако, на мой взгляд, кому-то, может быть, и стоит искусственно ограничить свое образование. В связи с этим напомним о еще более глубокой проблеме, которая лет 40 назад поднималась уже давними предшественниками Владимира Евгеньевича. Они говорили о том, что когда человек получает высшее образование, он не хочет быть простым рабочим, даже если до этого и был таковым, потому что чувствует, что по интеллектуальным и иным возможностям перешел этот уровень. Уже тогда данная проблема была весьма острой, а сейчас и в России, и в Европе ощущается огромный дефицит рабочих кадров, потому что молодежь, получая хорошее образование, не соглашается на непрестижную работу.

Анатолий Аркадьевич Оводенко высказал свое отношение к Болонскому процессу; он говорил, что каждому вузу надо решать это по-своему, потому что общие образцы имеют весьма относительное значение.

Валерия Сергеевна Мухина подчеркнула, что воспитание все-таки является главной целью образования. А еще раньше прозвучала мысль о том, что, может быть, нам надо сделать какое-то обращение к власти предрержащим.

Говорилось сегодня и о внутренней позиции, и о ценностных ориентациях. Справедливо указывалось, что, помимо индивидуализации, самостоятельности и тому подобному, нужно учить и тому, что было известно давно, но забыто в наши дни, — послушанию. Прежде чем человек будет в состоянии сказать что-то свое и настаивать на этом применительно к другим, он должен научиться слушаться и подчиняться. Это противоречит так называемому авторитарному подходу в воспита-

нии и может вызвать определенные противоречия, но, на мой взгляд, учиться послушанию нам все-таки необходимо.

Евгения Олеговна Галицких посвятила свое выступление следующим проблемам: школа, вуз и жизнь, и в частности выразила мысль о том, что необходимо сохранять диалог в вузе. Она задавалась вопросом, считать ли учителя ценностью культуры.

Вообще говоря, в системе обучения в США на практических занятиях и лекциях вопросы к преподавателю не приняты, их почти нет. Однако в общении преподавателя со студентом во второй половине дня, когда студент приходит к преподавателю на частную беседу, а на это отводится большое время, в отличие от нашей практики, там действительно есть обмен мнениями и индивидуальный подход к каждому студенту. И это совершенно правильно.

Упоминалось сегодня и такое явление, как «утечка мозгов». Мне кажется, это стоит принимать как некую данность, хотя и неприятную. В связи с этим не могу не рассказать о моих китайских аспирантах. Когда они приехали, то отличались от наших студентов своим послушанием и патриотизмом. Они говорили: «Мы хотим поработать в Канаде, потом вернемся в Китай». И действительно выполнили это намерение. Так, они сразу настраивались на то, чтобы сначала где-то приобрести опыт и подзаработать, а потом вернуться в свою страну. Вот этого, увы, у нас пока еще очень мало, хотя и начинает появляться.

Несколько наших участников, включая Евгению Олеговну Галицких, говорили о кризисе доверия. Это действительно актуальная проблема.

Леонид Сергеевич Илюшин высказал мысли об образовании как ресурсе повышения качества жизни, понимаемом в широком смысле слова. В связи с этим говорилось об оптимизации ресурсов и многом другом и о том, что не всегда эти ресурсы используются по назначению.

Вячеслав Андреевич Мосолов поднял в своем выступлении вопрос о Западе и Востоке. Могу сказать, что я не западник, но я и не славянофил. Думаю, что наша страна даже по своим масштабам имеет право на то, чтобы быть просто Россией, а не западным и не восточным государством. Она может быть своего рода мостом между Западом и Востоком, интегратором. Но ни Запад, ни Восток в целом не могут служить для нас идеалом ни по каким параметрам. Другое, что в каждой культуре есть свои положительные стороны, и это было отмечено очень давно, сотни лет назад. Так, технические достижения, где бы они ни проявились, в Европе, Антарктиде или Азии, конечно, надо по максимуму брать на вооружение. Но использование этих достижений — дело индивидуальное. Американцы не спорят с тем, что они когда-то взяли за основу общественного устройства потребление. Если они, создавая 20 % мирового продукта, начнут потреблять его в объеме 40 %, если каждый из нас возьмет на вооружение для себя такой подход, то буквально через 15–20 лет наступит глобальная катастрофа.

Владимир Николаевич Васильев высказал интересную мысль о том, что глобализация напрямую связана с возникновением конкуренции. В принципе, и такая точка зрения имеет право на существование. Действи-

тельно, когда мы говорим о конкуренции, в том числе и в сфере культуры, то вполне может быть доминирование одного языка над другими из-за экономического приоритета. Думаю, время преобладания в деловом мире английского языка скоро закончится, но, к сожалению, не за счет увеличения влияния русского языка, хотя над этим еще можно поработать. Вероятнее усиление позиций китайского языка, потому что Китай набрал такую экономическую мощь, с которой США в очень скором времени сравняться не смогут. Экономическое доминирование, действительно, приводит к доминированию и в культурных областях.

Валерия Сергеевна Мухина в своем выступлении вспомнила об опыте 20-летней работы на Крайнем Севере. Нельзя не согласиться с ней в том, что происходящее там принижение национальной культуры выглядит безобразно. Тем не менее экономическое доминирование — это серьезно.

Александр Михайлович Новиков говорил о чиновном произволе и о 26 реформах образования, проведенных в России начиная с 1802 года, когда у нас было создано Министерство народного просвещения. В связи с этим мне вспомнилось одно из стихотворений Кони:

Где в прихоть барства и чинов
Даны на жертву поколенья,
Где для затмения умов
Есть министерство просвещенья.

Оно было написано через 60 лет после создания Министерства народного просвещения. Конечно, не всегда оно играло такую роль, но сложности были.

Говорилось сегодня и о несовершенстве нашего законодательства. Высказывалось мнение, что виной тому недостаточный профессионализм наших законодателей. Однако я должен возразить: есть у нас и настоящие профессионалы. Кроме того, проработав длительный срок в Думе или Совете Федерации, все депутаты в той или иной степени, конечно, приобретают определенные навыки. Думаю, дело здесь не только в непрофессионализме. Сегодня в сфере развития образования социальные заказы, которые получает Дума, неоднозначны. Отсюда все противоречия.

Не могу не выразить своего сомнения и по поводу высказанного сегодня предложения «в корне менять и ломать» сложившуюся систему образования. Если у растения отрезать корни, оно погибнет. Несомненно, многое надо менять, но не «ломать» и уж тем более не отрывать от национальных корней.

Галина Алексеевна Борулава упомянула Библию. Это действительно великая и самая читаемая книга во всем мире. И в ней действительно вводится понятие нового человека, правда, оно не является центральным, но, несомненно, это первое упоминание о новом человеке, которого надо формировать (слова «формирование», конечно, в Библии не было).

Владимир Ильич Адишев напомнил нам о том, что самое главное в человеке — душа. В широком смысле его выступление было посвящено не только душе в религиозном понимании, но и всем высшим человеческим устремлениям. Это, безусловно, относится к вечным ценностям. Все приходит и уходит, а устремление к вечности, к высокому, или горнему, всегда вдохновляет людей.

Разговор о преподавании иностранных языков интересно начала Нина Николаевна Кириллова. Она также высказала мысль о том, что у нас слишком много внимания уделяется глобализации, в отличие от Франции, например. Напомню, что оба упомянутые Ниной Николаевной термина — и “globalization”, и “mondialisation” — применяются в равной степени. Нина Николаевна акцентировала наше внимание на том, что во Франции есть Закон о защите национального языка, который хотя и многократно изменялся, но, по ее мнению, значительно лучше аналогичного русского закона. Справедливости ради надо заметить, что закон этот был принят далеко не однозначно и вызвал значительные дебаты в обществе.

Игорь Альбертович говорил о том, что глобализация приходит в нашу школу через технологии, а не через содержание образования. Не могу не сказать, что содержание, несомненно, гораздо важнее, чем технологии, хотя и то и другое необходимо.

Высказывалось сегодня и противоречивое, неоднозначное отношение к введению в школьную программу новых альтернативных курсов, в том числе «Основ религиозной культуры и светской этики». Можно отнести это на счет широкого понимания гуманитарного образования, но я спорить не буду.

Александр Евгеньевич Кибрик рассказал нам немало интересного о разных взглядах на культуру, образование и т. д. К слову замечу, что в Гамбурге есть улица Свободы (Straße die Freiheit). Когда я впервые был в Германии, то захотел ее посетить. Оказалось, что сейчас там расположены публичные дома, а когда-то эта улица была совсем в другом смысле свободной. Так, в XVII веке на ней селились представители разных религий, в отличие от повсеместно доминирующего католицизма, то есть речь шла о религиозной свободе.

Светлана Викторовна Левковец говорила о том, что не все направления глобализации развиваются одинаковыми темпами, и это действительно так.

Марина Николаевна Фроловская сделала акцент на усталости от реформ. Да, усталость, конечно, накопилась. Была высказана мысль о том, что изменить ситуацию может лишь реальный педагог с его живым словом, которое ничем не заменимо, никакими реформами.

Фаина Андреевна Лейкина говорила о том, что современные молодые люди не устраивают нас, педагогов, по многим позициям, но по каким именно — нам трудно сформулировать. По мнению Фаины Андреевны, здесь также может помочь только хороший учитель, который сам развивается вместе со своими учениками, которому создаются условия для развития и который тогда только и может воспитать цельного яркого человека.

Татьяна Николаевна Балобанова сетовала о разрушении профессионального образования. Конечно, речь не идет о поиске виновного, хотя в социальной области все делается через людей. Опасность, безусловно, существует: практически вся система ПТУ разрушена.

Зинаида Николаевна Пономарева говорила о поликультурном пространстве. Нельзя не согласиться, что Россия имеет право считаться поликультурным пространством.

Что касается вспыхнувшего спора о том, что мы сами можем и должны дать Западу, то этот большой вопрос остается открытым. Валерия Сергеевна Мухина отметила, что Россия это, несомненно, поликультурное

пространство, но при этом мы мало знаем свои культуры. Об этом говорит и то, как у нас проводят время отпусков представители среднего класса — все стремятся поехать за рубеж, тогда как наши регионы не менее интересны и с культурной, и с географической точки зрения. Поэтому наши дети не знают, что такое сакля, например, хотя им известно многое другое.

Марина Александровна Хмырова поделилась опытом работы Гимназии, директором которой она является. В ней учатся разные ребята, и есть попытка интегрировать разные культуры.

Поднимались сегодня и вопросы финансирования образования. Многие отмечали, что предполагается финансирование только обязательной части учебной программы, а что будет с другой — трудно пока предположить.

Валентина Сергеевна Безрукова осветила нам проблемы методологии в образовании. Напоминаю, что недавно прошел трехуровневый государственный со-

вет, на котором Д. А. Медведев заявил о необходимости идеологического воспитания, которого у нас не было со времен Советского Союза. Эта мысль прозвучала впервые за последние 20 лет. Не могу не заметить, что в интернет-версии выступления Президента РФ данных слов уже не было. Но те, кто слушал его речь в прямом эфире, не могли не запомнить эту фразу о том, что нам необходимо заниматься идеологическим воспитанием. Да, действительно, этого нельзя не учитывать...

Кто-то может сказать, что это противоречит нашей Конституции, но это не так. В Основном законе нашей страны сказано, что не может быть государственной идеологии, но что не может быть иных идеологий там не уточняется. Может быть, скажем, российская идеология. Признаться, я в большом недоумении, что кто-то решился подвергнуть цензуре слова президента...

Коллеги, я благодарю вас всех за интересную дискуссию и высказанные новые идеи.

Секция 9

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Лихачевский форум старшекласников России)

14 мая 2010 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова, СПбГУП

Руководитель секции

А. А. ЛИХАНОВ академик РАО, писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП

Участники:

Е. П. ЕФИМОВА: директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, академик и член Президиума Российской академии образования

А. БУРДУКОВА, М. ГУСИНА, А. ЕМЕЛЬЯНОВА, Д. ИГОЛКИНА, А. КУВАЛДИНА, И. КУГАЙ, Д. ПАВЛОВА, Е. ПОСКРЕБЫШЕВА, В. РЕПИНА, П. ТАПИЕНКО, А. ТРОФИМОВ, В. ЯКОВЕНКО — учащиеся российских школ

Е. П. ЕФИМОВА: — Дорогие друзья! Я рада приветствовать вас в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов на Лихачевском форуме старшекласников России. В этом зале собрались победители и призеры IV Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева и современность», присутствуют дипломанты конкурса, лучшие представители школьников Санкт-Петербурга и Ленинградской области, их преподаватели и наставники. Форум ведет выдающийся российский писатель и общественный деятель, академик Российской академии образования, почетный доктор СПбГУП, председатель Российского детского фонда Альберт Анатольевич Лиханов.

Наш Университет проводит форум уже в четвертый раз. В этом году он вошел в число конкурсов и олимпиад творческой молодежи, по итогам которых предоставляются премии Министерства образования и науки РФ. Победитель, занявший первое место, и два призера, занявшие второе место, получают премии от Министерства образования и науки Российской Федерации в соответствии с Указом Президента РФ. На конкурс в этом году поступило свыше трехсот работ из 39 регионов Российской Федерации, а также из Литовской Республики и Республики Казахстан. Таким образом, из года в год мы собираем в этом зале все больше и больше творческой молодежи, которая готова поделиться с нами своими наблюдениями, мнениями и суждениями о творчестве Дмитрия Сергеевича Лихачева и его значении в жизни современной молодежи.

Предоставляю слово уважаемому Альберту Анатольевичу Лиханову.

А. А. ЛИХАНОВ¹: — Дорогие друзья! Мне так и хочется назвать вас — дорогие дети. Но я буду неправ, если так начну, потому что вы сегодня как раз и переходите, мне думается, мостик от детства к взрослости, потому что тема ваших суждений более чем серьезна — научное и духовное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева. Человек, который способен размышлять на эту тему, уже не дитя. Хотя я сторонник детоцентризма. Считаю, что детство — это главное, что существует в жизни человека, потому что он родом из детства. И от того, каким было детство, зависит дальнейшая судьба каждого человека. По-моему, ваша судьба, — это сегодня можно констатировать со всей уверенностью, — складывается правильно, потому что вы делаете очень серьезный и достаточно взрослый шаг.

Дмитрий Сергеевич Лихачев — фигура глобального масштаба, и в его творчестве собственно для детей практически ничего нет. Он выдающийся специалист в области культуры, древнерусской литературы, а также Гражданин нашей страны, который много думал над совместными вопросами нашей жизни: как жить, чему себя посвятить, как понимать нравственность? Я очень рад, что даже в названиях работ победителей присутствуют такие понятия, как «нравственность» и «сострадание».

¹ Академик РАО, писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП. Сфера научных интересов — права ребенка и защита детства. Основные публикации по данной тематике: «Права ребенка», «Социальный портрет детства в России», «Охрана детей-сирот», словарь-справочник «Детство», «Белая книга детства в России», «Недетские заботы Детского фонда», «Драматическая педагогика», «Письма в защиту детства», «Страна детства: диалоги», «Философия детства», «Преддетство».

Вчера на открытии пленарного заседания Международных лихачевских чтений наш великий современник Даниил Александрович Гранин выступил с короткой, но страстной речью о сострадании, необходимости любви — ближних и дальних людей, и это было символическое выступление. У меня есть такая теория: когда человек плачет от того, что он стукнулся, ему просто больно, но когда он плачет от того, что больно другому существу, он Человек. Мне хотелось бы, чтобы ваша дальнейшая жизнь, которая сегодня в каком-то смысле стартует с этого высокого собрания, подведения первых серьезных итогов, была проникнута прежде всего духовностью.

Сегодня нам внушается, что главное в жизни — деньги. Это лукавство. Пройдет немного времени, все образуется, и люди поймут, что главное — не деньги, а любовь. Вы знаете, Христос оставил нам десять заповедей, но есть еще и одиннадцатая. Он сказал: «Новую заповедь даю я вам — любите друг друга». Эти слова иногда вспоминают специалисты, цитируют священники, но очень важно, чтобы великий завет богочеловека вошел бы в нашу жизнь, в быт, в нашу сущность, ведь от этого зависит наше с вами будущее. Как вы относитесь к родным и неродным людям, — в этом и рождается, возникает сама личность человека.

У Марины Цветаевой есть несколько строк, которые мы могли бы избрать девизом нашего общего существования. Она сказала: «Два на миру у меня врага, два близнеца, неразрывно слитых, — голод голодных и сытость сытых». Пусть же этот парафраз, эта великая гуманитарная, гуманистическая идея и ведет вас по жизни, делает лучше, украшает вашу жизнь и создает все предпосылки для того, чтобы вы реализовались как личности с высокой духовностью, как люди, на которых лежит ответственность за странное, неясное, но все-таки будущее нашей страны.

Е. П. ЕФИМОВА: — Победительница нашего конкурса — Емельянова Анастасия, учащаяся 10-го класса средней общеобразовательной школы села Новленское Вологодской области.

Анастасия ЕМЕЛЬЯНОВА: — Когда в школе мне предложили написать сочинение о творчестве Дмитрия Сергеевича Лихачева, я согласилась, почти не раздумывая. Сразу вспомнила свое первое знакомство с творчеством этого великого человека на «Уроке Д. С. Лихачева», посвященном столетию со дня рождения писателя, который проходил у нас в школе 1 сентября 2006 года. Этот урок произвел на меня неизгладимое впечатление. Придя домой, я еще долго пересказывала маме некоторые его «Письма о добром и прекрасном». Потом мы часто обращались к статьям Дмитрия Сергеевича на уроках для подготовки к экзаменам и т. д. Из перечисленных тем самой близкой для меня оказалась тема «Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах». В настоящее время значение краеведения как науки, на мой взгляд, крайне недооценено. Хотя в последнее время люди начинают осознавать, что их существование оторвано, обособлено от истории родного края. Краеведение должно развиваться повсеместно. Необходимо доносить до населения не только уже известные знания, но и добывать

новые — в архивах, у старожилов, пополнять краеведческие музеи новыми экспонатами, издавать новые книги по истории края. Задача краеведения — сохранить историю. Под историей я подразумеваю не просто набор знаний о прошлом, история — это еще и все то, что было создано руками человека до наших дней, — старинные иконы, усадьбы, церкви, картины и другие памятники искусства, даже орудия труда. Краеведение не только бережно хранит то, что дошло до наших дней, но и активно способствует восстановлению утраченного. История имеет немало примеров, когда благодаря информации, добытой краеведами, восстанавливались храмы, создавались музеи.

Краеведение — очень увлекательное и полезное занятие, в процессе которого совершаются удивительные открытия, которыми хочется поделиться с окружающими. Это я испытала на собственном опыте, когда писала свою исследовательскую работу. Краеведение играет огромную роль в воспитании молодежи, прививает любовь к родному краю, уважение к истории и культуре своей страны, своей родины. С точки зрения Лихачева, краеведение можно считать одним из проявлений любви к Родине. Любовь к Родине можно сравнить с любовью к человеку. Любят обычно бескорыстно, просто так. Мы благодарны любимым просто за то, что они есть, заботимся о них, всячески оберегаем, сопереживаем их судьбе. Любовь к Родине, как любовь ребенка к матери, — бескорыстная, благодарная. Родину, как и родителей, не выбирают. Мы можем менять место жительства, но родиться второй раз невозможно. Недаром в английском языке слово «родина» происходит от слова *motherland*, от слов *mother* — «мать» и *land* — «земля». В русском языке слова «родиться» и «родить» однокоренные.

Моя Родина — Россия, и я ее люблю. Я не могу пока выразить эту любовь поступками, значимыми для нее, зато могу сделать что-то полезное для своей малой родины. В этом мне и помогает краеведение. Во все времена людям хотелось побольше узнать об истории своего края, своей родины. И для этого кто-то пытался создать машину времени, а кто-то занимался кропотливым изучением, раскопками, старинными рукописями. Первый краеведческий труд по истории Вологды был написан Александром Александровичем Засецким в XVIII веке. Другой выдающийся краевед, Николай Иванович Суворов, жил в XIX столетии. Сегодня краеведение благодаря нашим замечательным краеведам переживает период подъема, среди них — Александр Васильевич Мухин, Вадим Валерьевич Дементьев, продолжающий дело своего отца, Дмитрий Ермаков, Анатолий Ехалов. На презентации одной из книг Вадима Валерьевича Дементьева Евгений Васильевич Петухов, бывший учитель Новленской школы, сказал: «Книга не только несет знание о родном крае, но несет свет, тепло, делает людей лучше, помогает видеть истинные ценности, учит человека быть человеком».

Вологодчина является одним из православных центров России. Еще в XIII–XIV веках на ее территории располагалось 112 монастырей и более 800 церквей. Вологодчину называют Северной Фиваидой, более ста православных святых «просияли» здесь духовными подвигами. Но, к сожалению, очень многие памятники православной культуры были утрачены, взяты хотя бы последнее столетие. И очень многого лишилось наше

поколение. Зачем? Наверное, мы никогда не получим ответа на этот вопрос.

В прошлом году я начала исследование по одному из разрушенных храмов Кубеноозерья, моей малой родины. Это храм Покрова Пресвятой Богородицы на реке Пучке. История храма трагична. Сейчас он находится в аварийном состоянии. Мое исследование началось с беседы с местными жителями, затем я работала в Государственном архиве Вологодской области, в краеведческом отделе библиотеки им. Бабушкина. Кому-то может показаться, что история одного разрушенного храма может быть интересна только в пределах края. Я же считаю, что судьба этого храма во многом созвучна судьбам большинства храмов нашей матушки-России. Село Покровское, в котором стоит храм, находилось в вотчине Спасокаменного монастыря, построенного 650 лет назад. И церковь, о которой я готовила исследовательскую работу, была построена в 1781 году — каменная, двухэтажная, двухпрестольная. Но ее история начинается намного раньше, так как название села произошло от названия церкви. А упоминания о ней имеются уже в 1761 и 1791 годах. То есть до этого храм был деревянным. Архитектура храма отличается строгостью художественных образов, простотой и логичностью форм, а характер исполнения лепных украшений дает основание предполагать, что они выполнены московскими мастерами. Но сейчас он разрушен, так как за ним не было должного ухода. А в 1960-х годах храм загорелся из-за того, что в него ударила молния. Проект восстановления храма готов. До этого велись только противоаварийные работы, а сейчас и они прерваны из-за отсутствия финансирования.

Как воспитать в человеке любовь к родному краю? Как проявить уважение к прошлому? Думаю, что необходимо заниматься краеведением. Надо издавать новые книги по истории края, проводить уроки краеведения, развивать духовную оседлость людей, их привязанность и уважение к своей местности и стране, проводить исследовательские научно-краеведческие конференции, экскурсии, а также создавать кружки, краеведческие организации. Конечно, необходима и государственная поддержка культуры. За последние годы уже многое сделано. Но работы еще непочатый край. В своем исследовании я хотела показать, как краеведение влияет на воспитание и характер человека, на его отношение к прошлому, настоящему и будущему своего края, а также доказать справедливость и актуальность утверждений Дмитрия Сергеевича Лихачева. Спасибо за внимание.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется победительнице конкурса, занявшей 2-е место, Елене Поскребышевой, учащейся 11-го класса экономико-правового лица города Кирова Кировской области.

Елена ПОСКРЕБЫШЕВА: — Однажды Дмитрия Сергеевича Лихачева спросили, как собирать собственную библиотеку. Он ответил, что самое главное — это не покупать все подряд, а собирать и создавать библиографию. Все купить невозможно, а самое главное — и не нужно. Важно при этом знать, где и когда вышла та или иная книга, чтобы, когда вам понадобится материал или информация, вы непременно нашли бы эту книгу и извлекли из нее все то, что вам необходимо. Я мечтала

о собственной библиотеке, подолгу задерживалась в магазинах, листала книги с чистыми новыми страницами, манящими названиями.

Книга Дмитрия Сергеевича Лихачева «Письма о добром и прекрасном» утвердила меня именно в необходимости создания библиографии. С этой книги началось все. Решение об участии в конкурсе было принято сразу. Эпиграф к моей работе звучит так: «В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром... с другими людьми, с нацией, народом, страной, Вселенной». Выбирая тему, я попыталась соединить свои эмоции, мысли и переживания с рассуждениями Дмитрия Сергеевича. Для сочинения была выбрана форма дневника, так как она помогает передать все мысли главного героя, соединить публицистические высказывания и лирические переживания, приблизить мысли академика Лихачева современникам.

Зачитаю несколько строк из моей работы, из главы «Что объединяет людей». «Эти записи, я, N, веду для вас, дорогие потомки, не для того, чтобы вы извлекали из них ценностные ориентиры и делали их смыслом жизни, но в силу того, чтобы вы знали, “как живете и в чем живете”. От рождения до смерти всего ничего — одна человеческая жизнь. Но как прожить ее достойно, достойно в смысле знания “действительно страшного, буднично ужасного”, а не “красиво рассказанного, приятно волнующего вас”. С детства я не любил несчастьев, побоев, болезней. Их холодное дыхание вызывало во мне чувство немого протеста. Все мы люди. Все мы рождаемся, чтобы жить, и умираем, чтобы возродиться. Значит, есть что-то такое, что объединяет миллионы, а то и миллиарды людей в одно целое, в систему. Что это? Этот вопрос мучительно преследовал меня, я старался найти ответ во всем. В работе, в книгах, взглядах, идеях. Пока не наткнулся на “Письма” — “Письма о добром и прекрасном”. В связи с моей новой должностью заведующего хроникой в газете я часто натыкаюсь на такие издания. Наверное, это некое знамение. Но я никогда не был фаталистом. Не могу сказать точно причину этого явления, но именно в них, в “Письмах о добром и прекрасном”, я нашел ответ. “Забота объединяет людей, крепит память о прошлом и направлена целиком на будущее. Это не само чувство, это конкретное проявление чувства любви, дружбы, патриотизма. Человек должен быть заботлив. Незаботливый или беззаботный человек скорее всего недобрый и не любящий никого».

Форма дневника позволяет передать сомнения, жизненные поиски моего героя и заставляет читателя задуматься о происходящем. Целью моей работы является раскрытие проблемы объединения людей в систему путем изучения трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Затем дан сам “дневник”, который обрамляют два письма моего героя другу. Таким образом, одна проблема моего исследования плавно перетекает в другую и подводит героя к окончательному выводу о том, что сострадание и милосердие к ближнему позволяет людям объединяться и быть единым целым. Дмитрий Сергеевич говорил, что человек должен жить в сфере добра: «Твори добро, не зная в том заслуги». Добро выше практических нужд. Я считаю, что всем обязательно надо помнить об этом. Повествование, как вы заметили, ведется от мужского лица, так как для раскрытия темы мне был

необходим аналитический склад ума, который способен рассуждать, доказывать. В моей работе герой — обобщенный тип человека, им может быть любой из вас. Мы должны понять, что объединение людей, сострадание, милосердие необходимы. Моя работа — результат жизненного опыта. Все то, что я изложила в исследовании, закладывалось на протяжении всей моей жизни, с детства. У меня уже созрел замысел дальнейшего исследования. Считаю, что человек должен постоянно развиваться. И, как говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Знание и творчество оформляются через слово, а через преодоление косности слова рождается культура». И я призываю всех быть культурными, и беречь свой язык, и развиваться самим.

Е. П. ЕФИМОВА: — Приглашаю на трибуну победительницу, занявшую 2-е место, Кугай Ингу, учащуюся III курса экономического колледжа города Калининграда. Тема ее творческой работы «Калининград–Кенигсберг — город удивительной судьбы».

Инга КУГАЙ: — Некоторое время назад передо мной встал нелегкий выбор — выбор темы работы, которой было посвящено много времени в течение нескольких месяцев. Дмитрий Сергеевич Лихачев оставил после себя огромное наследие, и каждый вопрос, поднятый им, представляет широкое поле для размышлений. Среди многих цитат, предложенных участникам, я выбрала одну — близкую мне: «Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах». Почему именно ее? Дело в том, что я родилась в необычном городе. Когда-то, почти век назад, мой город назывался Кенигсберг. Ныне — Калининград.

Кенигсберг — город с богатой историей. Этот средневековый город был основан в XIII веке крестоносцами. На протяжении многих веков являлся столицей Восточной Пруссии, входил в состав Ганзейских городов. Он прославился такими великими именами, как Иммануил Кант, Эрнст Теодор Амадей Гофман, Фридрих Вильгельм Бессель и многими другими. Красота его готической архитектуры завораживала и покоряла философов, художников, поэтов, драматургов. Заворожен был ею и Петр I, который не раз посещал его. Колесо военной истории прокатилось по Кенигсбергу и превратило его в руины. После Второй мировой войны, когда Кенигсберг стал советским городом Калининградом, здесь осталось достаточно богатое наследие древней немецкой архитектуры. К сожалению, власти и первые поселенцы Калининградской области мало ценили эти шедевры. Вековые замки и храмы разбирались на кирпичи, приспособивались под сельскохозяйственные нужды или просто простаивали и превращались в руины. Поэтому крайне малая часть Кенигсбергского наследия сохранила свой исторический вид до наших дней. Но самый большой урон, причиненный моему городу, — утрата Королевского замка, самого первого сооружения, которое заложили, придя на эту землю, крестоносцы. За века замок из деревянного укрепления превратился в величественное каменное сооружение — резиденцию прусских королей. В 1944-м замок сильно пострадал от налетов английской авиации. В конце 1960-х годов, несмотря на протесты населения, замок

был разрушен, а на его месте появилось уродливое сооружение, так называемый Дом Советов, который не достроен до сих пор.

Со временем у населения Калининградской области изменился взгляд на историю своего края. Власти наконец-то обратили внимание на необходимость сохранения памятников культуры, оставшихся со времен войны. Сегодня Калининград — один из главных морских портов России. Калининград подарил миру сразу четырех космонавтов. Отсюда началась дорога в космос Виктора Пацаева, Александра Викторенко, жили, учились и служили здесь Алексей Леонов и Юрий Романенко. Калининград молодой город — ему едва минуло 60 лет, поэтому, думается, главные заслуги у него еще впереди. Но в то же время калининградцам нельзя забывать, на какой земле они живут, какой историей дышат, дабы не повторять ошибок прошлого.

В последнее время в калининградских школах вводится новый обязательный предмет — «Краеведение». Он учит молодое поколение любить свой город, вырабатывает уважительное отношение к прошлому. Дмитрий Сергеевич Лихачев очень точно сравнил прошлое с аллеей, где бок о бок растут молодые и старые деревья. Он сказал: «Первое отношение к прошлому требует вырубить в аллее старые деревья и посадить новые. Второе сложнее: сохранить в аллее все старые деревья, продлить им жизнь и посадить к ним, на места погибших, молодые...» Я очень надеюсь, что молодое новое поколение калининградской области выберет второе решение.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется победительнице конкурса, занявшей 3-е место, Репиной Вере, учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 40 города Череповца. Тема ее работы — «В жизни нужно иметь свое служение — служение какому-либо делу».

Вера РЕПИНА: — Совесть и порядочность, любовь к Родине и гражданское чувство, стремление воспитать следующее поколение идеалами доброго и прекрасного... Олицетворением всего вышеперечисленного, бесспорно, является образ Дмитрия Сергеевича Лихачева. Но только ли образ? Именно словом «дело» предпочтительней характеризовать этого человека. Ведь чтобы охватить умом все области жизни и сферы культурной, исторической, научной деятельности, в которые внес вклад Дмитрий Сергеевич, понадобилась бы настоящая диссертация.

Феномен Лихачева — это философия жизни, опыт которой дан нам в совершенно конкретных образах, например реконструированные церкви, музеи, памятники, написанные книги. Философия жизни, которая дана нам в качестве опыта добродетельной души. При написании работы было трудно не утонуть в многообразии деятельности академика. Дмитрий Сергеевич посвятил свою жизнь созиданию музеев, традиций, памятников, межнациональных отношений, молодых душ. В этом его добрая философия, его служение, его «феномен». Культура, по мнению академика, — это целостная, динамичная среда. Воссоздание каждой ее части требует глубокого самоотречения, бескорыстия и чуткой проницательности. Именно «культура делает людей народом». Многое из того, что задумал восстановить

и реконструировать Дмитрий Сергеевич, было воссоздано уже после его кончины. Национальный музей Республики Татарстан, могила героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби в церкви Рождества в Старом Симонове, памятники на Валааме, Земляной вал вокруг Новгорода, музей Марины Цветаевой в Москве, Екатерининский парк в Пушкине, Царскосельский и Петергофский парки. Эти и многие другие объекты русской «туристической охоты» обязаны своим нынешним видом Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Он призывал к спасательным операциям, сам активно и бескорыстно участвовал в них, успев побывать как «врачом», так и «спасателем».

Дмитрия Сергеевича также немало интересовала судьба культурно-исторических заповедников — Осташево, Шахматово, Боблово, Большие Вязьмы, Мураново, Захарово, Середняково. В его распоряжении были лишь моральная репутация, авторитет и правда. Что это, как не подтверждение самоотверженного служения обществу и России? Думаю, что в том мире, в котором мы живем, где капиталистическое общество потребления навязывает молодежи иллюзию того, что будто бы ценно то, что на самом деле не имеет никакой ценности, где людские жизни закручиваются в водоворот, есть единственное спасение — иметь собственное служение и быть верным ему до конца. Примером такого служения и стал для нас Дмитрий Сергеевич Лихачев, посвятивший свою жизнь культурной преемственности поколений и историческому достоянию своей Родины.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется победительнице конкурса, занявшей 3-е место, Кувалдиной Александре, учащейся 10-го класса средней общеобразовательной школы № 213 города Санкт-Петербурга.

Александра КУВАЛДИНА: — «В жизни ценнее всего доброта, при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта — это самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое в конечном счете верное по пути к личному счастью», — так звучат строки из книги «Письма о добром и прекрасном» Дмитрия Сергеевича Лихачева и эпиграф моей работы под названием «Давайте творить добро». В конкурсном сочинении я доказываю читателям и самой себе, что добро создается с помощью поступков, идущих от души, бережного и заботливого отношения к близким, слов, греющих сердца и самых искренних мыслей. Многим кажется, что дефицит доброты — вовсе не проблема в современном мире, что без доброты люди способны стать еще более счастливыми. Проблема нехватки доброты видна практически в каждом из нас. Она проявляется по-разному: в неуважительном отношении к окружающим, использовании ненормативной лексики, двуличии и эгоизме, вандализме, отсутствии любви к Родине. Мы теряем способность сочувствовать и сопереживать, не пытаемся понять проблемы окружающих, замыкаемся на самих себе и своих удовольствиях. Каждый равнодушный человек вносит свою лепту в деградацию нашего общества. Мне думается, что эта тема особенно актуальна в наше время, когда люди утратили душевность, когда техника и проблемы повседневной жизни заслоняют внутренний мир людей.

Свою работу я написала в форме дневниковых записей, каждый день из которых отражает новые мысли на

тему доброты. Такая форма работы позволила мне отступить от традиционных законов написания научной работы, внести творческий элемент. Также этот жанр позволяет с большей убедительностью донести до читателя свои мысли, эмоции, чувства, а свойственная дневниковым записям простота стиля облегчает восприятие.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается победительница конкурса, занявшее 3-е место, Яковенко Виктория, учащаяся 10-го класса Международной гимназии «Ольгино».

Виктория ЯКОВЕНКО: — В работе, представленной на конкурс, рассматривается вопрос глубоко нравственный — сострадание в современном мире и в истории России. У Дмитрия Сергеевича Лихачева в его «Письмах о добром и прекрасном» есть замечательные слова: «Нравственности в высшей степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром. На протяжении всей нашей жизни живут рядом с нами добро и зло, любовь и ненависть, сострадание и безразличие. Вечные, непреходящие ценности, извечный, неугасаемый спор. И каждый находит свой ответ, приводит свой пример и считает, что он прав. Всю жизнь — и в молодости, и в старости, на бегу и в глубоких размышлениях — мы пытаемся понять, что тронуло душу — любовь или ненависть, добро или зло, сострадание или безразличие. Какое из этих чувств поселится в душе, а какое пройдет мимо — зависит только от человека».

На мой взгляд, чем бы ни была наполнена душа, главное место в ней должно занять сострадание — чувство многогранное, многоликое, оно, как яркий солнечный луч, вбирает в себя самые разные оттенки чувств — любовь, счастье, умение ценить и беречь друг друга. В наше время такие чувства, как милосердие и сострадание, многие считают пережитками. Поправление нравственных законов привело к тому, что чувства эти некоторыми были забыты. Обращаясь к великой истории России, хочу доказать, что одним из истоков нравственного возрождения нашего государства является сострадание, сострадание к близкому, любимому человеку, сострадание к народу, к стране. Главной проблемой российских семей являются отсутствие сострадания и разьединенность. Сострадание — это способность увидеть в чужих несчастьях собственные, это предчувствие бедствий, которые могут коснуться и нас. Мы помогаем людям, быть может, спустя какое-то время и нас не обойдет сострадание ближних, ведь именно от них в трудную минуту мы ждем сочувствия и поддержки. Истинное сострадание — это не просто эмоциональный отклик, но твердое обязательство, основанное на разуме. Потому истинно сострадательное отношение к другим не меняется, когда они плохо себя ведут или мы на них обижены. Сострадание к ближнему, любимому человеку зачастую является естественным порывом души, сострадание к незнакомому, чужому требует больших душевных сил, самопожертвования, готовности в любую минуту прийти на помощь делом, словом, взглядом. Это истинно духовный подвиг во имя человечества.

Вновь всплывают в памяти слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Сострадание есть сознание своего

единства с другими людьми, с нацией, с народом, страной, вселенной». Оно искренне и необходимо каждому, это как живительный бальзам на душу страждущего, это простое человеческое чудо, способное поддерживать человека, воскресить надежду в его душе, уберечь от необдуманного поступка.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется победителю конкурса, занявшему 3-е место, Трофимову Альберту, учащемуся 10-го класса гимназии № 56, город Санкт-Петербург. Его тема — «Дорога, ведущая через войну, — верность народу, долгу, Отечеству».

Альберт ТРОФИМОВ: — Я веду работу уже второй год, первая часть была представлена в прошлом году. Актуальность темы определяется тем, что в моей исследовательской работе предпринята попытка восстановить справедливость по отношению к незаслуженно забытому, а также ярко демонстрируется, что у памяти нет срока давности.

Моя работа напрямую связана с войной, с 1941 годом. Цель ее — раскрыть одну из страниц истории России, которая заинтересовала не только меня: речь пойдет о трагедии в поселке Лычково Новгородской области в июле 1941 года. Чем дальше уходят в прошлое описываемые события, тем больше нас интересует каждая деталь, каждая подробность. В начале работы я познакомился с Ириной Алексеевной Зимневой, которая была участницей этой трагедии. Впоследствии я решил продолжать исследования, познакомился с Людмилой Васильевной Пожедаевой и Валентиной Гавриловной Лазаревой.

Основу работы составляет описание трагедии, произошедшей на железнодорожной станции Лычково, которая расположена недалеко от Великого Новгорода. История начинается с того, что детей из Ленинграда за 2 месяца до начала блокады начали эвакуировать из города в тыл. Поезд, в который собирали детей, постепенно формировался, увеличиваясь до 12 вагонов. Эшелон, остановившись на железнодорожной станции Лычково, ожидал очередного подхода с детьми из города Демянска. На улице уже был день, вновь прибывших накормили, начали размещать по вагонам. В этот момент налетели фашистские истребители. Маленькие пассажиры, не успевшие занять свои места, попытались бежать, но самолеты стреляли по бегущим детям. Эшелон разбомбили так, что от вагонов ничего не осталось. По некоторым данным, в живых осталось не более 30 детей. На следующее утро местные жители пришли разбирать завалы, и один мальчик, Алексей Осокин, увидел маленькую красивую куклу. Он потянулся за ней, хотел взять ее для своей сестры, но почувствовал, что кто-то держит куклу. Тогда поняли, что там лежит живой ребенок. Таким образом маленькая Ирина Алексеевна, которой тогда было всего лишь 2 года, была спасена.

Другая героиня исследования — Людмила Васильевна — также была участницей тех событий, тогда ей было 14 лет. До этой трагедии она пережила другую в городе Демянске, когда немецкие танки, въехавшие в город, начали обстреливать здания. Взрывная волна пронесла ее несколько метров, с ее тела была содрана вся кожа. Эти трагедии навсегда остались в их памяти, они пронесли их через всю жизнь. Че-

рез 50 с лишним лет они решили увековечить память о погибших тогда детях. Был объявлен конкурс на создание памятника. Сейчас в поселке Лычково находится военно-исторический музей, посвященный созданию памятника. Еще есть люди, которые интересуются историей своего Отечества. Проводя исследования, я осознал истинные чувства патриотизма, радости и гордости за свою страну. Узнавая о тех событиях, я приобщился к культурным и историческим ценностям моего народа. Желаю вам также ощутить и испытать то, что испытал я. Благодарен судьбе за то, что встретился с этими людьми и узнал так много.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается победительница конкурса, занявшая 3-е место, Павлова Дарья, учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы поселка Сингапай Тюменской области.

Дарья ПАВЛОВА: — Хочу вам представить свое сочинение на тему «Наш язык — это важнейшая часть нашего общего поведения в жизни». Оно посвящено одному из писем Дмитрия Сергеевича Лихачева, где он рассуждает о ценностях языка. Мне бы хотелось, чтобы моя работа вызвала интерес моих современников к общественной деятельности и творчеству Дмитрия Лихачева, к отечественной литературе, культуре и языку. Дмитрий Сергеевич передал нам, молодому поколению, многолетний опыт в своих «Письмах о добром и прекрасном». Когда читаешь их, ощущаешь атмосферу дружественной и теплой беседы. Ни в коем случае не нравоучения, а мягкий добрый разговор. Поэтому я и решила все впечатления от писем Дмитрия Сергеевича изложить в своих письмах-ответах.

К сожалению, к нему уже мое письмо доставлено быть не может. Поэтому в письмах я обращаюсь ко всем вам — моим современникам, надеюсь, в каждом из вас живет частичка Дмитрия Сергеевича. Но на какое письмо ответить в первую очередь? Мой выбор пал на одно из высказываний академика Лихачева о значении языка в нашей жизни. С каждым днем наше поколение все больше засоряет язык ненужными словами, при этом забывая значения старых слов. Молодежь пытается придать новый смысл тем словам, значения которых не знает. Дмитрий Сергеевич был выдающимся филологом, который оставил огромное наследие будущему поколению, воспитывая у молодежи нравственное отношение к родному языку. Чем больше в нашей стране будет проходить именно таких конкурсов, как Лихачевский форум, тем больше молодежи мы привлечем к этой проблеме. Только лишь полюбив свой язык, который нам так бережно передали наши предки, мы сможем понять и суть нашей жизни, вступить на путь нравственности, любви и гуманности. Ведь нам уже дали подсказку, как прийти на этот путь, а именно через такие научные, общественные и политические деяния, как у Дмитрия Сергеевича Лихачева. Через них мы сможем открыть для себя новый мир добра и взаимопонимания.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается дипломантка конкурса Бурдукова Александра, учащаяся 10-го класса средней общеобразовательной школы № 1353 города Зеленограда Московской области.

Александра БУРДУКОВА: — Все выступающие до меня говорили о нравственности, нравственных ценностях, идеалах. Я же хочу поговорить о форме этих идеалов, о форме нравственности, в которую можно облечь и через которую можно передать свои мысли другим людям, — о литературе. «Литература — это совесть общества, его душа», — сказал Д. С. Лихачев, и, пожалуй, это одно из самых емких определений литературы вообще и ее места в жизни любого человека. Литература дает нам возможность оценить общество в комплексе; мы можем посмотреть со стороны на собственное поведение и тогда уже оценить его с позиций морали. Более того, литература является своеобразной точкой, которая помогает нам сформировать позиции моральности. Литература задает человеку и объективное, и субъективное видение мира. К сожалению, в настоящее время литература, всегда принадлежавшая к элитарной культуре, становится частью культуры массовой, в связи с чем происходит обесценивание основной массы книг.

В своей работе я выявляю два типа ложной литературы: литературу коммерческую и некоммерческую, которая разделяется на два подтипа: литературу запутывающую и литературу безыдейную. Кроме этого, я рассуждаю на тему правдивой литературы. Считаю, что не получится выявить несколько типов правдивой литературы, ведь ложь многолика, а правда всегда одна. Но ведь писатель может «отстаивать правду», как выразился академик Лихачев, совершенно разными способами.

Существуют различные жанры, различные стили написания, и нельзя говорить о том, что, например, только социальная литература отражает действительность, а фантастика уводит в мир грез. Правда может быть подана в какой угодно обертке, главное, чтобы она не уводила нас от реальной действительности. Я определяю несколько черт, которые должны присутствовать в произведении, с моей точки зрения, чтобы его можно было отнести к настоящей правдивой литературе. Во-первых, в правдивой литературе должна присутствовать определенная идея. Во-вторых, эта идея должна иметь должное оформление, отражающее не только внутренний мир писателя, но и действительность, которая нас окружает. В-третьих, настоящая литература не должна являться лишь средством самовыражения для писателя. В-четвертых, настоящая литература должна ставить себе цель — привить читателю способность рассуждать на философские темы. В-пятых, правдивая литература должна не уводить от реальности, а, напротив, открывать читателю ранее неизученные им стороны действительности. В заключение своей работы я говорю о перспективах развития современной литературы, какими они видятся мне. Литература — это работа, читатель — это работа, и я полностью согласна с академиком Лихачевым, который сказал: «Творчество требует мужества. Творчество — это не слава, не лавры. Это тернистый путь, требующий полной самоотдачи».

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается дипломантка конкурса Тапиенко Полина, учащаяся 11-го класса гимназии № 405, город Санкт-Петербург.

Полина ТАПИЕНКО: — Моя работа называется «Что есть нравственность, или Идеи Дмитрия Серге-

евича Лихачева и новая сентиментальность в современной русской прозе». Новая сентиментальность — это направление в современной литературе, развивающее в человеке сердечную культуру. Новая сентиментальность, или новый сентиментализм, воспитывает нравственность и чувство сострадания, которые сейчас не в моде. Современные читатели воспринимают нравственность как литературный прием, который писатель использует для того, чтобы выдать у читателя скучную слезу. Такое понимание нравственности есть бессердечная культура. Бессердечную культуру представляет новый реализм, или «чернуха». Новый реализм похож на интеллектуальную игру, очень интересную, заманчивую, увлекательную, не требующую нравственной нагрузки и эмоций. Это очень интересное литературное направление, но у него есть большой недостаток — отсутствие сердечной культуры. И если бы новый реализм был единственным направлением в современной русской литературе, это бы означало ее смерть. К представителям новой сентиментальности относятся Екимов, Алов, Улицкая, Южанинов, Винер и др. Я считаю идею нового сентиментализма близкой философии добра, которую не уставал пропагандировать Д. С. Лихачев в своих трудах «Письма о добром и прекрасном», «Об интеллигенции», «Раздумья о России», где он рассуждал о том, что необходимо поддерживать в людях нравственность, воспитывать добро и чувство сострадания. Также академик Лихачев утверждал, что человек должен быть ответственным, так как ответственность бывает только у того человека, у которого есть сердце, а значит, и есть память, следовательно, чувство сострадания, в котором есть осознание своего единства с окружающими людьми, Родиной и даже целым миром. Также Дмитрий Сергеевич утверждал, что у каждого человека должны быть правила жизни, хотя бы одно, при этом необходимо беречь честь смолodu. Хорошие навыки облегчат жизнь, дурные — затруднят ее и усложнят. Новая сентиментальность развивает нравственность, а значит, поддерживает красоту и добро на этой земле. Поэтому я считаю необходимым дальнейшее развитие этого литературного направления.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается дипломантка конкурса, написавшая блестящую исследовательскую работу и получившая диплом за свои исследования, — Гусина Мария, учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 129, город Санкт-Петербург. Тема ее исследования — «Дом на набережной Фонтанки, 19, в истории культуры Петербурга».

Мария ГУСИНА: — В своей работе я не затрагиваю такие глобальные проблемы, как нравственность и доброта, но, как известно, Д. С. Лихачев с особым трепетом относился к сохранению культурного наследия Санкт-Петербурга. Этому я и посвятила свою исследовательскую работу. Дом на набережной реки Фонтанки, 19, сейчас находится в плачевном состоянии. Этот дом, стоящий на пересечении набережной реки Фонтанки и Итальянской улицы, относится к так называемой рядовой застройке Петербурга и не включен ни в Список памятников истории и культуры, находящихся под охраной государства, ни в число вновь выявленных объектов Комитета государственного контроля использования

памятников (КГИОП), но это не означает, что в его истории нет ничего интересного и поучительного.

Как правило, в доступных источниках — энциклопедиях, справочниках и путеводителях — информации о подобных домах содержится очень мало. Но даже того, что удалось найти в таких изданиях, как «Литературные памятные места Петербурга и Петрограда», «Чайковский в Петербурге» Лидии Михайловны Конисской, оказалось вполне достаточно, чтобы поставить перед КГИОП вопрос о включении этого дома в Свод памятников истории культуры Санкт-Петербурга. Именно с этим домом связаны первые 10 лет существования некрасовского журнала «Современник», здесь проживал известный доктор Венцеслав Венцеславович Пеликан, а также известная трагическая актриса Пелагея Антипьевна Стрепетова. Именно в этом доме в 1887 году произошла памятная встреча Антона Павловича Чехова и Петра Ильича Чайковского. Но не менее важно изучение повседневной жизни этого типичного петербургского доходного дома. Из всех домовладельцев упоминается лишь имя княгини Урусовой, да и то без имени-отчества, не известны ни год постройки дома, ни имена архитекторов, по проекту которых он возводился и перестраивался. Мною были поставлены три основные задачи: составить летопись дома, установить имена домовладельцев с 1809 по 1920-е годы, изучить социальный срез и состав жильцов дома и описать его быт, проследить те изменения, которые происходили с ним. Прделанная работа была отмечена на Всероссийских краеведческих чтениях в Москве, а также на международной конференции «Санкт-Петербург. Царское Село. Пушкин, Гоголь и культура». Она уже передана в КГИОП. Возможно, вскоре на фасаде этого дома появится мемориальная доска, которая расскажет гостям и жителям нашего города о том, какие известные деятели культуры, науки и искусств проживали в нем.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается дипломант конкурса Иголкина Дарья, учащаяся III курса Государственного колледжа сервисных технологий и дизайна города Самары.

Дарья ИГОЛКИНА: — Заметное место в обширном творческом наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева занимают труды по краеведению, посвященные в основном Петербургу. Он писал: «Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах». Дмитрий Сергеевич неоднократно подчеркивал важность краеведения, причем не только в научном, но и в познавательном плане. Внимание академика Лихачева к краеведению, истории и культуре отдельных городов, уверенность в неповторимости каждого культурного объекта неизбежно диктовали требования бережного к ним отношения. В своей работе я исследовала резные деревянные постройки XIX–XX веков города Самары, потому что необходимо привлечь внимание к проблеме сохранения исторического центра. Со временем надо найти практическое применение изученного: привлечь общественность, создать музей декоративно-прикладного искусства. Город Самара не должен развиваться по принципу частных интересов. Нужно сделать его удобным для жизни и сохранить памятники.

С момента своего основания и до середины XIX столетия город Самара был сплошь деревянным. Архитектурный облик того времени неизвестен, и виной тому — частые пожары, уничтожающие деревянные строения, а вместе с ними и письменные свидетельства о прошлой застройке города. В 1869 году в городе было запрещено строить или восстанавливать деревянные дома. Время обратит их в прах, навсегда унося с собой память об истории, культуре, языческих символах, приемах резьбы. В деревянном зодчестве прошлого трудно представить облик избы без резных узоров, кружевное убранство которых называют домовою резьбой. Домовая резьба — одно из наглядных и выразительных средств украшения дома с характерными символическими изображениями. Они рассказывают о традициях, верованиях, обычаях древних людей и их взглядах на окружающую действительность. Дмитрий Сергеевич говорил: «Памятники культуры не могут просто храниться вне людских знаний о них, людской о них заботы, людского “делания” рядом с ними. Музеи — это не кладовые. То же самое следует сказать и о культурных ценностях той или иной местности: традиции, обряды, народное творчество в известной своей мере своего воспроизведения, исполнения, повторения в жизни. Краеведение как явление культуры замечательно тем, что оно теснейшим образом позволяет связать культуру со строительством музеев, собраний, архивов...» Мысли Дмитрия Сергеевича крайне важны и актуальны в наше время. Замечательные по красоте, но недолговечные дома деревянной эпохи, при отсутствии ухода за ними, обречены на снос. Но наиболее выдающиеся произведения искусства безвестных плотников, резчиков, архитекторов необходимо сохранить для потомков.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, академику Российской академии образования, доктору культурологических наук, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые старшеклассники! Мне очень приятно видеть ваши умные, добрые, светлые лица. Я вам немного завидую, не только потому, что вы молодые и у вас еще все впереди, но и потому, что вам выпала честь присутствовать на интересной встрече, которую открыл замечательный российский писатель Альберт Анатольевич Лиханов, почетный доктор нашего Университета. Спасибо, Альберт Анатольевич, что Вы приезжаете к нам каждый год для того, чтобы участвовать в этом форуме.

Я рад, что вас волнует то же самое, что и выдающихся деятелей русской культуры, и Д. С. Лихачева, и ваших современников. Самая большая опасность — это опасность попасть в плен ценностей, совершенно чуждых русским людям и русской культуре. А их нам сейчас навязывают со всех сторон. Россия перестает быть страной высокой культуры, и этому мы все должны сопротивляться и делать так, чтобы наша культура не упала в грязь.

Недавно я прочитал в одной из газет небольшую заметку. В Казани появилось мусульманское такси. Что такое мусульманское такси? Это такси, где не ругаются матом, не пьют, не курят, не ездят в состоянии

наркотического опьянения, не грубят. Все то, что нельзя делать в мусульманском такси, можно делать в российском?

Зачем в Казани появилось мусульманское такси? Потому что настоящим мусульманам, верующим людям, у которых есть Бог в душе, показалось неприемлемым жить в «великой российской» культуре. Посмотрите, до чего докатилось российское общество! Высококультурным людям неудобно жить в российской культуре, они говорят: «Мы будем жить в иной».

Сотни лет люди разных национальностей, вероисповедований стремились в Россию, потому что видели, что наша культура по-настоящему великая. И вдруг масса людей перестает считать российскую культуру достойной того, чтобы в ней жить. По социологическим опросам, от 50 до 60 % россиян считают нормальным употреблять мат, мат — это для них норма речи. Мое поколение себе этого представить не могло, мы считали это постыдным, недостойным. И с точки зрения христианской культуры ругаться матом совершенно невозможно. Даже в экстремальной ситуации надо сохранять самообладание и вести себя прилично. Про пьянство и наркотики я уже не говорю.

Вам с детства телевидение все время подсовывает чудовищные образчики культуры и поведения. Самая крупная звезда российской жизни — это Ксения Собчак. А что такого достойного она сделала для нашей страны? Пусть мне кто-нибудь скажет, почему современная молодежь должна ею восхищаться, почему с нее надо брать пример? Телевидение сегодня — заклятый враг российской культуры. Еще 20 лет тому назад в нашем обществе считалось, что надо быть талантливым, трудолюбивым, дисциплинированным: труд и дисциплина приведут человека к успеху, он должен развивать свои способности. Сейчас способности можно не развивать, сегодня надо полагаться на чудо или удачу: прилетит добрый волшебник и даст мне шоколад «Аленка». Даст не за то, что я получил пятерку или помог маме вымыть посуду, а просто так. Якобы каждому положе-

но по шоколадке «Аленка», по автомобилю «феррари». Вам внушают: работать не надо, чудо обязательно произойдет. Наши телеэкраны заполнены этой невероятной дрянью. А еще есть так называемое «неявное знание», когда мы копируем подсознательно — видим человека и копируем его мимику, поведение, жесты и т. д. Так вот: телевидение содержит колоссальное количество неявного знания. Желаю вам суметь этому противостоять.

В завершение расскажу об одном эпизоде из жизни другого почетного доктора нашего Университета Мстислава Ростроповича. В самый тяжелый период своей жизни, когда его незаслуженно выдворили из страны, он попал на прием к Папе Римскому. И Папа ему сказал: «Вы знаете, у Вас есть только одна проблема». Ростропович удивился: «Как это одна?! У меня тысячи проблем — мне негде жить, негде работать, я все потерял, всего лишился». Папа Римский ответил: «Вы стоите на ступеньках лестницы жизни посередине, и Вы можете подниматься или спускаться. Так вот Ваша проблема — идти только вверх».

У каждого из нас жизнь полна соблазнов — хочется посмотреть телевизор, пойти погулять, встретиться с друзьями, а надо делать уроки. Необходимо наполнять себя каким-то содержанием. Можно почитать книгу, которую понять сложно и непросто, а можно ее отложить и посидеть в Интернете, занимаясь пустяками. Каждый день мы должны делать выбор.

Хочу обратить ваше внимание, что каждый день, каждый час и почти каждую минуту у вас есть возможность сделать шаг вверх или вниз. Будете лениться и не давать работу мозгу — это шаг вниз. Поэтому-то я вам завидую и сочувствую одновременно: путь наверх — это не путь к богатству, это путь к сотворению себя самого как яркой, интересной для всех личности, которая может прожить жизнь так, чтобы потом не было стыдно перед детьми и внуками.

Желаю вам прожить свою жизнь ярко, интересно и сотворить себя настоящими людьми высокой культуры! Успехов вам!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адищев В. И. 178, 191
Альперина С. И. 127, 140
Анастасопулос Г. 51, 52
Анчев П. 70, 89
Артюхина М. М. 93, 101–103
Арутюнян Ю. В. 93–95
Асадуллин Ф. А. 51, 68
Астахов Е. М. 70, 81
Атаманчук Г. В. 70, 86
Афиани В. Ю. 163, 169
Балобанова Т. Н. 178, 196, 197
Безрукова В. С. 178, 198
Бендюков М. А. 93, 97, 105, 106
Бергман В. 18, 30
Бернацкий Г. Г. 108, 115–117, 123
Берулава Г. А. 178, 181, 182, 191
Бирженюк Г. М. 127, 142, 143
Боголюбов С. А. 108, 114
Богомоллов О. Т. 18, 40, 150–156, 162
Большаков А. С. 150, 158
Бондаревская Е. В. 178, 183
Брутенц К. Н. 70, 79
Бурдукова А. 203, 209
Ванденко А. Е. 127, 149
Васильев А. Г. 163, 164
Васильев В. Н. 178, 179
Вассерман А. А. 127, 138–141, 146
Витрук Н. В. 108, 110
Власов Ф. Б. 150, 162
Вольф Б. 150, 155, 156
Воронкова З. И. 93, 107
Высоцкая Н. Ф. 163, 167, 176
Галицких Е. О. 178, 188
Гезалов оглы А. А. 70, 84
Герра Р. 18, 38, 70, 81
Гигер В. 18, 38
Глиниасти Ж. де 51, 60
Голик Н. В. 70, 89
Голутва А. А. 18, 25
Гончаренко Л. Н. 163, 165
Гранин Д. А. 18, 28
Графский В. Г. 108, 117, 118
Гульцев А. В. 127, 137, 138
Гусейнов А. А. 18, 27, 70–74, 77–81, 84–92
Гусина М. 203, 209
Давыдов В. М. 51, 67
Давыдов Ю. С. 178–180, 190
Деягин М. Г. 18, 42
Демидова Е. Я. 93, 95
Дербин В. Г. 93, 95–97, 100–107
Джоши М. М. 18, 31, 51, 54
Доровских Е. М. 108, 119
Дуткевич П. 51, 59
Дятлов С. А. 150, 159, 160
Евдокимов А. И. 150, 154, 155
Евсеев А. И. 127, 135, 137
Емельянова А. 40, 203, 204
Ефимова Е. П. 203–210
Жданок Т. А. 51, 56
Жукова О. А. 70, 85
Заглубский С. А. 163, 170, 176
Запесоцкий А. С. 18–20, 23–25, 27–33, 35–40, 42–49, 70, 73, 127, 178, 179, 203, 210
Захаби М. эль 51, 61
Зимняя И. А. 178, 183
Зорин В. Ю. 93, 95, 96
Иванов К. Е. 163, 171
Иголкина Д. 203, 210
Иконникова С. Н. 70, 74
Илюшин Л. С. 178, 189
Кайсаров Е. А. 163, 174, 176, 177
Калинин В. П. 93, 94
Карачевцев И. А. 178, 192
Касенова М. Б. 108, 125, 127, 133, 134
Катагум М. 51, 64
Кибрик А. Е. 18, 47, 178, 193, 194
Кириллова Н. Н. 178, 192
Клейнер Г. Б. 18, 45, 150, 157, 158, 160, 161
Клесс А. 18, 46
Клестиль-Лёффлер М. 18, 40
Козлов В. Н. 178, 182, 190
Конев В. А. 70, 73, 89
Королев И. С. 150, 151, 154, 155
Короткина Т. И. 163, 176
Кувалдин В. Б. 51, 64
Кувалдина А. 203, 207
Кугай И. 203, 206
Кузнецов В. Н. 93, 96
Куруленко Э. А. 70, 90
Лагутин С. В. 163, 171
Лапин Н. И. 70, 77
Лебедев О. Е. 178, 185
Левковец С. В. 178, 194
Лейкина Ф. А. 179, 196
Лекторский В. А. 70, 71
Леонтьева Н. А. 93, 94
Лисицын-Светланов А. Г. 18, 35, 108, 110–112, 115–117, 119, 120, 122, 123, 125, 126
Лиханов А. А. 203
Лобок Д. В. 93, 103–106
Мажиди М. Р. 51, 66
Макаров В. Л. 18, 35, 150, 157, 159–161
Макаров Е. И. 18, 25
Мамонтов В. К. 18, 44, 127, 129, 130, 133–144, 146–149
Манилова А. Ю. 18, 28
Марк Х. А. 19, 32
Марков А. П. 70, 81
Матвеева Л. В. 127, 131, 141, 146, 148
Махлина С. Т. 70, 86
Маяков А. Ю. 108, 112
Минаев Д. В. 127, 135, 136
Митрофанова Э. В. 19, 31, 51, 52, 54, 56–69
Михайлов В. И. 150, 160
Моисеев А. А. 108, 122, 123
Моргунова С. Г. 127, 149

- Мосейко А. Н. 70, 80
Мосолов В. А. 179, 189
Мосолова Л. М. 70, 78
Мотышина М. С. 150, 158, 160
Муромцев Г. И. 108, 120, 122
Мусякодзи К. 51, 57
Мухина В. С. 179, 182, 187, 197
Назаретян А. П. 71, 72
Наумкин В. В. 51, 54
Неменский Б. М. 179, 184
Немытина М. В. 108, 124, 125
Никандров Н. Д. 19, 23, 178, 179–199
Новиков А. М. 179, 191, 197
Оводенко А. А. 179, 186
Павлова Д. 203, 208
Палагута И. В. 163, 173
Панарин И. Н. 150, 156, 158, 160
Пантелеев С. М. 93, 106
Пасешникова Л. А. 108, 114, 115, 126
Перес Браво А. 19, 37
Переседов И. Г. 127, 144–146
Петито Ф. 51, 61
Печи И. 19, 48, 108, 111
Пивовар Е. И. 19, 36, 163–167, 169–171, 173
Пилипенко В. И. 93, 106
Пиотровский М. Б. 18, 20
Пономарева З. Н. 179, 197
Попов В. В. 51, 58
Поскребышева Е. 203, 205
Праздников Г. А. 71, 84
Рава М. 51, 67
Радваньи Ж. 51, 58
Репина В. 203, 206
Рёлль П. 51, 68
Рожков В. Д. 93, 96, 97
Санаи М. 51, 62
Сенько Ю. В. 179, 185
Скворцов Я. Л. 127, 129, 130, 135
Солонин Ю. Н. 19, 29
Сорокин Д. Е. 150, 152
Степин В. С. 18, 21, 70, 71, 73, 90–92
Сuebситx О. 51, 66
Тапиенко П. 203, 209
Тереладзе Д. И. 150, 153, 154, 156
Тлили М. 51, 63
Толкачев В. И. 71, 88
Торштендаль Р. 19, 39, 163, 164, 174
Тощенко Ж. Т. 71, 78
Триодин В. Е. 179, 186
Трофимов А. 203, 208
Урицкая Р. Л. 163, 166, 174, 175, 177
Федоров А. П. 93, 100, 102
Фейгин Г. Ф. 150, 152–155, 161
Фроловская М. Н. 179, 195
Хмырова М. А. 179, 197
Хренов Н. А. 71, 74
Честнов И. Л. 108, 116, 125
Чуров В. Е. 19, 33, 108, 109, 111, 117–119, 127, 141–143, 147
Шевяков А. Ю. 93, 98, 100
Шмаков М. В. 19, 33
Шнайдер Э. 127, 133
Шойер М. 19, 43
Шор Ю. М. 71, 87
Шувалов К. В. 51, 68
Яковенко А. В. 18, 24, 51, 52, 54, 55, 69
Яковенко В. 203, 207
Ямамото Т. 51, 56
Яо яо К. 51, 60
Ярошецкий С. С. 127, 148, 149

Научное издание

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ
СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

X МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

13–14 мая 2010 года

Том 2. МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Художественное оформление *В. Б. Клоков*

Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко,*

Т. В. Никифорова, А. А. Санникова

Технический редактор *Е. Ю. Николаева*

Корректоры: *О. В. Афанасьева, Т. А. Кошелева, И. Н. Чугунова*

ISBN 978-5-7621-0571-2

9 785762 105712

Подписано в печать с оригинала-макета 04.08.10. Формат 60x90/8
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 27,75. Тираж 1000 экз. Заказ № 147

Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15